

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 469. Август

• ФИЛОЛОГИЯ

• ПРАВО

• СОЦИОЛОГИЯ

И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• PHILOLOGY

• LAW

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• HISTORY

• PEDAGOGICS

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 469. August

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); **V. Demin,** PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun,** PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; **Ye. Borisov,** Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; **D. Vorobyov,** PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vo-
robayov,** PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov,** Dr. of
Engineering, Professor; **A. Gortsev,** Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina,** Dr. of Philo-
logy, Professor; **Yu. Yershov,** Dr. of Philology; **V. Zinoviev,** Dr.
of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate
Professor; **A. Korotaev,** PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova,** Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev,**
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin,** Head of Tomsk
State University Publishing House; **T. Portnova,** PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; **A. Potekhaev,** Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; **L. Prozumentov,** Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova,**
PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov,** PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova,** Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko,** Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko,**
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin,**
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin,** Dr.
of Law, Professor; **O. Chaikovskaya,** Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak,** Dr. of History, Professor; **V. Shilko,** Dr.
of Education, Professor; **E. Shrager,** Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Иванцова Е.В. Сниженные средства языкового ландшафта среднеобского региона: состав и функционирование в речи носителя традиционного говора	5
Коршунова А.И. Метафоры детства и взросления в обиходно-разговорных дискурсах современной Америки	14
Мазуров А.Е. Документальная основа и работа с фактами в фельетонах Ф.В. Волховского (на примере публикаций 1882–1884 гг.)	22
Нагорная А.В. Метафорический фрейминг пандемии COVID-19	28
Рябова Ю.А. Когнитивная обработка категорий рода и числа носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами	36
Ульссон Г. Вариативность приставок в русских видовых парах: некоторые дополнения к теме	44

ПРАВО

Балановский В.В. Определение понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств дела в современном российском судопроизводстве	53
Зайцев О.А., Маликов С.В., Нудель С.Л. Вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления в финансово-бюджетной сфере	63
Малышева О.А. Следователь как субъект доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве	69
Селиверстов В.И., Грушин Ф.В., Лядов Э.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	76

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Виноградова Н.С. Влияние новых форм политической коммуникации на формирование образа страны	85
Муратшина К.Г., Валева М.В. Россия и страны Центральной Азии в многосторонних форматах сотрудничества в области спорта в рамках СНГ	92
Слепцов С.С., Слепцова С.С. Особенности брачных отношений жителей Якутии в конце XIX – начале XX вв. (по данным метрических книг)	100

ИСТОРИЯ

Джунджужов С.В. Баранта как способ разрешения локальных конфликтов в юго-восточном фронтире России в 40–50-х гг. XVIII в.	107
Зарубин А.Н. Проблемы и парадоксы сотрудничества регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 1990–2010-х гг.	114
Зиновьев В.П. Термин «Средняя Сибирь» в отечественной историографии	123
Казakov М.А., Макарова К.Е. Факторы трансформации структуры конфессионального пространства Армении	130
Квашнин В.А. Некоторые наблюдения над структурой законов XII таблиц (на примере VIII–X таблиц)	138
Ковалевская Ю.Н. Рыночная торговля как этап жизненной траектории дальневосточников (1990-е гг.)	144
Леонтьева Н.С., Коренева М.В., Шпырня О.В. Олимпийские церемонии 1896–1936 гг.: особенности возникновения и развития	151
Маклюков А.В. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке СССР в период 1950-х – середины 1960-х гг.	156

CONTENTS

PHILOLOGY

Ivantsova E.V. Substandard Units of the Language Landscape of the Middle Ob Region: Composition and Functioning in the Speech of the Traditional Dialect Speaker	5
Korshunova A.I. Metaphors of Childhood in Contemporary American Discourses	14
Mazurov A.E. The Documentary Basis and Work With Facts in Feliks Volkhovsky's Feuilletons (1882–1884)	22
Nagornaya A.V. Metaphoric Framing of COVID-19	28
Ryabova Yu.A. Cognitive Processing of Grammatical Gender and Number by Russian Native Speakers and Turkic-Russian Bilinguals	36
Olsson G. Some Remarks on Prefix Variation in Russian Aspectual Pairs	44

LAW

Balanovskiy V.V. Definition of the Concept of Judges' Assessment of Legally Significant Circumstances of the Case in Contemporary Russian Legal Proceedings	53
Zaitsev O.A., Malikov S.V., Nudel S.L. Issues of Exemption from Criminal Liability for Crimes in the Financial and Budgetary Sphere	63
Malysheva O.A. The Investigator as a Subject of Proving and Making Procedural Decisions in Criminal Proceedings	69
Seliverstov V.I., Grushin F.V., Lyadov E.V. The Criminal Law and Penal Policy in Relation to Parole	76

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Vinogradova N.S. The Influence of New Means of Political Communication on the Formation of a Country's Image	85
Muratshina K.G., Valeeva M.V. Russia and Central Asia in the CIS Multilateral Cooperation in Sport	92
Sleptsov S.S., Sleptsova S.S. Features of Marital Relationships of the Inhabitants of Yakutia in the Late 19th – Early 20th Centuries (According to Metric Books)	100

HISTORY

Dzhundzhuzov S.V. Baranta as a Way to Resolve Local Conflicts in the South-Eastern Frontier of Russia in the 1740s–1750s	107
Zarubin A.N. Problems and Paradoxes of Cooperation Between the Regions of the Russian Federation and the People's Republic of China in the 1990s–2010s	114
Zinoviev V.P. The Term "Central Siberia" in Russian Historiography	123
Kazakov M.A., Makarova K.E. The Confessional Space of Armenia: Factors of Structure Transformation	130
Kvashnin V.A. Some Observations on the Structure of the Law of the Twelve Tables (Tables VIII–X)	138
Kovalevskaya Yu.N. Market Trade as a Stage of the Far Eastern Citizens' Life Trajectory (The 1990s)	144
Leontyeva N.S., Koreneva M.V., Shpyrnya O.V. Olympic Ceremonies of 1896–1936: Features of Origin and Development	151
Maklyukov A.V. Energy Sector Construction in the Far East of the USSR in the 1950s – Mid-1960s	156

Петин Д.И. Коллежский ассессор М.А. Бутримович: судьба армейского чиновника в зеркале военной антропологии	166	Petin D.I. College Assessor Mikhail Butrimovich: The Fate of the Army Official in the Mirror of Military Anthropology	166
Петрич Л.В. Особенности ликвидации неграмотности среди сельского населения Оренбуржья (1920–1930-е гг.)	175	Petrich L.V. Features of Eradicating Illiteracy Among the Rural Population of the Orenburg Region (The 1920s–1930s)	175
Плаксина Н.Е. М.И. Залесский об иконописании страннического согласия (вторая половина XIX – начало XX в.)	183	Plaksina N.E. Maxim Zalesky on the Icon Painting of the Old Believer Wanderers (The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)	183
Симонова О.А. Красные сестры в Гражданской войне: идеология и саморепрезентация	188	Simonova O.A. Red Nurses in the Russian Civil War: Ideology and Self-Presentation	188
Соколова Ф.Х., Паникар М.М. Политические репрессии против интеллигенции Европейского Севера России в 1920–1930 гг.	194	Sokolova F.H., Panikar M.M. Political Reprisals Against the Intelligentsia of the European North of Russia in the 1920s–1930s	194
Токмурзаев Б.С., Тажитаева Р.С., Сирбаева А.А. Репрезентация имперских принципов управления Степным краем во второй половине XIX в. в записках генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова	204	Tokmurzayev B.S., Tazhitayeva R.S., Sirbayeva A.A. Representation of the Imperial Principles of Governing the Steppe Territory in the Second Half of the 19th Century in the Notes of the General of the Infantry Ivan Babkov	204
Федюнин И.В., Чендев Ю.Г., Трегуб Т.Ф. Междисциплинарные исследования стоянки Каменка 1 и некоторые проблемы изучения мезолита Донского Левобережья	210	Fedyunin I.V., Chendev Yu.G., Tregub T.F. Interdisciplinary Research of the Kamenka 1 Site and Some Problems in the Study of the Mesolithic of the Don's Left Bank	210

ПЕДАГОГИКА

Гафурова Н.В., Осипова С.И., Дубова И.В., Есин Р.В. Интегративный результат образования в условиях предметной дифференциации его содержания	226	Gafurova N.V., Osipova S.I., Dubova I.V., Esin R.V. The Integrative Result of Education in the Context of Discipline-Based Differentiation of Its Content	226
Панченкова Т.А., Кудря О.Н. Дифференцированный Подход к построению оздоровительных занятий для женщин зрелого возраста с разным типом вегетативной регуляции	234	Panchenkova T.A., Kudrya O.N. A Differentiated Approach to the Construction of Wellness Activities for Adult Women With Different Types of Vegetative Regulation	234
Стафеева А.Ю., Кравчук Т.А., Шилер А.В. Оценка развития спортивного волонтерского движения с использованием информационных технологий	240	Stafeeva A.Yu., Kravchuk T.A., Shiler A.V. Assessment of the Development of Sports Volunteer Movement Using Information Technologies	240

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	247	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	247
--	-----	---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Е.В. Иванцова

СНИЖЕННЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА СРЕДНЕОБСКОГО РЕГИОНА: СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ НОСИТЕЛЯ ТРАДИЦИОННОГО ГОВОРА

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Анализируется пласт сниженных языковых средств в спонтанной речи носителя среднеобского старожильческого говора. С учетом вербальных и невербальных показателей сниженности, проявляющихся в процессе коммуникации, определен состав этих единиц, описаны их основные группы (обценная лексика и фразеология, бранные необценные элементы, скатологизмы, злопояжелания, отдельные компоненты синонимических рядов) и функциональные особенности в дискурсе сибирской крестьянки.

Ключевые слова: сниженная лексика и фразеология; среднеобский регион; языковой ландшафт; диалектная языковая личность

В последние десятилетия, наряду с вопросами нормализации языка, обострился интерес к некодифицированным языковым средствам в повседневной речевой практике: публикуются словари сниженной лексики и фразеологии, стали рассматриваться в данном аспекте дискурс студентов и школьников, конфликтные ситуации и их вербальный компонент [1–5]. Вместе с тем сниженные единицы в силу ориентации социума на следование норме и негативного отношения к ее нарушению изучены значительно меньше, чем кодифицированные элементы. Важность исследования данной сферы связана с общими проблемами речевой культуры народа, несомненно, актуальными в наши дни.

Наиболее активно изучается в этом плане речь носителей литературного языка – прежде всего письменная (художественные тексты, язык СМИ или интернет-коммуникация). Устная спонтанная речь, особенно в бесписьменных подсистемах, – труднодоступный и в то же время значимый источник изучения дискурсивной практики представителей этноса. С развитием лингвоперсонологии исследование этого объекта стало осуществляться через обращение к идиолектам конкретных индивидов, отражающих языковые особенности различных страт или локусов социума. Наряду с работами, в которых анализируются отдельные группы сниженных средств общенародного языка [2, 6, 7] и местных говоров [8–10], отметим первое системное описание таких единиц в идиолекте просторечной языковой личности [11].

Цель данной статьи – анализ состава и функционирования сниженной лексики и фразеологии языковой личности (ЯЛ) диалектоносителя. До настоящего времени подобная задача лингвистами не ставилась. Работа выполнена в рамках описания культурного и языкового ландшафта обского региона Сибири [12].

Исследование опирается на авторский архив, представляющий непринужденную речь сибирской крестьянки В.П. из Томской области, 1909 г. рождения, малограмотной. Включенное наблюдение над языковым существованием индивида осуществлялось

в течение 24 лет (1981–2004 гг.). Материалы отражают личностное общение информанта не только с диалектологом, но и с односельчанами, родственниками, знакомыми. В качестве дополнительного источника привлекался созданный на основе текстового архива «Полный словарь диалектной языковой личности» [13].

Понятие сниженных единиц языка не имеет на сегодняшний день четкой формулировки и критериев выделения. В самом распространенном варианте их трактовка подразумевает «употребление как собственно разговорных, так и более грубых обозначений, а также находящихся за пределами литературного языка диалектных, просторечных, жаргонных и обценных слов и устойчивых оборотов, образующих стилистически сниженные пласты лексики» [2. С. 3].

Очевидно, что в речи носителей диалектов критерии сниженности языковых единиц и их состав значительно отличаются от названных. В отличие от литературного языка, здесь нельзя говорить об отнесенности всех «нестандартных» элементов к сниженным: жаргонизмы для традиционных говоров нетипичны, а многие диалектные и диалектно-просторечные лексико-фразеологические единицы (ЛФЕ) в них нейтральны. Здесь «точкой отсчета» при выявлении сниженного является не литературная норма, а нормы диалекта. Они не закреплены в письменных текстах и словарях, но базируются на общем принципе следования правилам речевого этикета, тесно связанным с этическими нормами сельского социума, поддерживаются через устную традицию и отражаются диалектоносителями в проявлениях метаязыковой рефлексии.

Пласт разнородных сниженных языковых средств в диалекте, на наш взгляд, объединяют такие признаки, как «выражение говорящим неодобрения кого-либо или чего-либо», «грубость используемого слова» и «нарушение этикетной нормы».

Адекватное определение этих признаков в составе средств диалектного дискурса для исследователя представляет значительные сложности, обусловленные, с одной стороны, типологическими особенностями ЯЛ диалектоносителя и владеющего литера-

турным языком лингвиста (закономерны различия среды их формирования, неполное совпадение идиолексиконов, значений и коннотаций ЛФЕ), с другой – особенностями живой устной речи, для которой типична вариативность смыслов, отражающих как узкую многозначность слов, так и ситуативные речевые наслоения.

Помогают выявлению интересующих нас единиц в условиях включенного наблюдения знание ситуаций их употребления и отношений ЯЛ с коммуникантами, представление собирателя о лексиконе информанта и его стилевой организации. Важным подспорьем при диагностировании сниженности языковых средств являются метатекстовые комментарии (содержащие суждения о нормах словоупотребления, оценке тех или иных единиц) и скрытые метапоказатели (просодические признаки, эллипсис сниженного элемента или замена его на нормативный, замещение эвфемизмом, формулы извинения и др.) [14] в спонтанной речи представителя традиционного говора. Учитывались также ограничения их использования при общении с разными типами собеседников.

В сферу сниженных ЛФЕ диалектоносителя с учетом названных показателей входят обсценизмы, бранные слова и фразеологизмы необценного характера, скатологизмы, злопожелания, а также отдельные лексемы, не составляющие целостного объединения.

Остановимся подробнее на каждой из перечисленных групп.

1. Обсценные единицы (обсценизмы) понимаются в данном исследовании в узком смысле термина – как грубая, непристойная брань, в повседневном обиходе носителей языка имеющая наименование «мат» [15].

В речи информанта отмечены единичные случаи вербализации шести обсценных слов и выражений с корнями *n**д-*, *е*-* и *б**дь*, причем пять из них (84%) являются цитатным употреблением высказываний других лиц. Фактически в личный лексикон диалектоносительницы входит только одна лексема с первым из перечисленных корней.

В идиолекте крестьянки обсценизмы отличаются максимальной степенью сниженности. На это указывают наибольшее число ситуаций, в которых ограничивается их употребление, и высокая частотность рефлексивных высказываний.

В метатекстах прочитывается ненормативность озвучивания обсценных единиц родителями и их детьми в присутствии друг друга: *Надо же, прямо никого, сына не стесня'тся [используя мат]. Я при Мише [сыне] – ой, боже избавь, и он при мне никогда не матерился. Ра'зи можно.*

Неоднократно встречается у исследуемой ЯЛ неодобрительная оценка мата в детской речи как грубое нарушение этических норм. Она не оставляет без внимания обсценизмы, услышанные от маленьких детей, и пытается внушить им неправомочность использования табуированных слов: *Я говорю: «Ирочка, а ты знаешь, это како' слово?» – «Знаю». – «Ну како'?» – «Матерши'нно». <...> «Да ты же девочка, да разве можно эти слова говорить! Нельзя, говорю, так, Ирочка, нельзя так говорить!» Во второй класс перешла; Ну ему [мальчику] только ешо с июля тре-*

тий [год]. Ой, отчаю'га! Матерится прям. <...> Я говорю: «Не буду тебе стряпать пироги, ничё да-вать».

Запрет на употребление обсценизмов связан и с институциональным общением; нарушающий его характеризуется информантом как лишившийся рассудка: *«Вот-вот-вот-вот-вот...», матерится... [больной старик] <...> всё они вызывают ско'ру там да каку'... врача на дом. А он [врач] гыт: «Не видывал таких людей: говорить ничё не говорит, а матерится!» <...> прям-на'прям говорит! <...> Ну мале'нько всё равно, наверно, это... помешанный.*

Ограничение распространяется и на бытовой дискурс, если в коммуникативной ситуации присутствуют посторонние: *Ой! Крошко' здесь был, Гутя была... по-моему, Гутя была. <...> Она [сожигательница соседа] пришла, как давай материться! <...> Я сижу на этом месте – ну сама не своя. Она меня – матерится прям, да на' три буквы, и не стесня'тся Крошко', ешо п'я'ньенка была... <...> Ой-вой-вой. Так она матери-лась, не постеснялась его.* Как видно из контекста, рассказчица переживает прежде всего из-за того, что ненормативная лексика прозвучала при городском знакомом Крошко, при этом никак не комментируя присутствие соседки Гути.

Таким образом, в речевом кодексе крестьянки использование обсценных единиц ограничивается множеством факторов, в числе которых – семейные связи, возрастные характеристики коммуникантов, общение в официальных условиях и в присутствии «чужих». В то же время в некоторых случаях эпизодическое употребление обсценизмов воспринимается носителем традиционной народно-речевой культуры как допустимое. Оно отмечено в рамках дружеского бытового общения с близкими собеседницами¹. Чаще всего такие единицы используются с целью документальной передачи чужой речи, поскольку типичный для диалектоносительницы рассказ в лицах предполагает установку на максимально точное воспроизведение высказываний действовавших в ситуации участников.

Приведем фрагмент полилога информанта с регулярно общающимися односельчанками: *Ф.Г. Галоши продавали. А.П. Это в магазине? В.П. У меня де-то но'веньки галоши лежат. А.П. От не брали, было всё дешёво и не брали. В.П. Не верили. А.П. Не верили, правда. Что така' це'н... цена' бу'ит. На всё. В.П. У Люды хоро-оше покрывало! А я говорю: «Ой, како' покрывало у тебя хоро'ше!» А она гыт: «Ауа, гыт, хоро'ше». Сказала, како' цена-то. А этот говорит, Нато'лий [муж Люды]: «От, надо было брать не два, а надо было четыре взять!» Люда молчит, а он уиёл, она: «О'споди, “взять, взять!” А деньги де? в п**де были!» – Люда. Р.В. Тогда' и деньги всё равно дороги' были. В.П. И деньги дороги' были. Она и говорит.*

Как можно видеть, информант воспроизводит высказывание родственницы, содержащее обсценное слово. Обратим внимание на то, что наряду с цитацией чужой речи рассказчица отражает один из прецедентных текстов со сниженным компонентом, в целом типичных для диалектно-просторечной речевой среды. В данном случае племянница В.П. употребляет рифмованную присказку с обсценизмом, подразуме-

вающую в этом контексте отсутствие денег. Явных или скрытых показателей осознания сниженности паремии у беседующих женщин не наблюдается.

Зафиксирован также эпизод, в котором диалектоносительница, обидевшись на подругу, позволила себе высказать ей в лицо упрек с табуированной лексемой, что привело к разладу в их отношениях. Переживая случившееся и признавая свою вину в конфликте, ЯЛ в то же время считала ее не слишком значительной: давняя дружба с односельчанкой, в ее представлении, давала говорящему право на сниженное языковое средство без проявления речевой агрессии: *Ну... мне кажется, я не ши'бко виновата. Ну я прямо... хоть бы со зла я [так сказала]!*

Упоминание мата в катартической функции (как разрядки психологического напряжения) [6. С. 121] встретилося также в доверительном повествовании о ситуации, когда никто не помог крестьянке выкопать картошку на огороде: *А тут, тут уж одна всё копала. Помале'ньку. Копая, копаю. Матери-илась [смеётся]. Копала, дак не таскала, поставила. Думаю, Коля придёт, А Коля куда'то ушёл. Ну, в о'бчем, не пришёл он. Ну, никого нету. Всегда от прямо народ и народ, а тут никого нет притаишить. Пойду, да думаю: о'споди, мешки-то таки' таскала, а счас ведро картошки не могу таишить. То покопаю, дак поясница отпа'дывает, ой. Смех при слове матери-лась смягчает грустный рассказ, в подтексте которого – негативные чувства, вызванные одиночеством и старческой беспомощностью.*

В обоих случаях у говорящего нет намерения унижить, оскорбить адресата; обценная брань порождена обидой, является эмоциональной реакцией вследствие недовольства чьими-либо поступками.

В условиях меньшей близости коммуникантов при цитатной передаче чужих слов и паремий со сниженными элементами информантом используются приемы вуалирования табуированных единиц: понижение тона голоса (*[с соседом-односельчанином:] Он [ребёнок] меня дак ненавидит. Я приду к ему, он меня [понижает голос]: «Сука ты, и б**дь»*), эллипсис (*Курочка в гнезде, а яичко... [не договаривает при собирателе обценное слово в пословице]*) и эвфемистические замены посылов, содержащих мат².

Заметим, что при употреблении диалектной ЯЛ обценных средств не выявлены многие функции, типичные для мата в городском просторечии [11. С. 20]. Дискурсивный материал свидетельствует, что они не используются носителем традиционного говора с целью обозначения понятий сексуальной сферы, не выражают необценных смыслов, не выступают в роли семантически опустошенных частиц, участвующих в процессах текстообразования.

Если слова или поступки окружающих вызывают у ЯЛ сильное недовольство, злость, раздражение, желание использовать мат сдерживается ею. Речевое поведение информанта отличается высоким уровнем самоконтроля как с собирателем, так и с односельчанами: *[рассказывает диалектологу:] А у Ленки зубы заболели. Они пришли, Аня [мать Лены] пришла... <...> «Это... деньги займи нам? Может, де'тски получим, ли каки'-нибудь». Закололи... так бы измате-*

ри'лся, Катя, ей-бору! Де... закололи поросят-то таких больших – на' два миллиона, всё равно кучка [денег]! И дали... и увезли: ви'дик купили, и это, такой, телеви'зер новый купили. <...> И ко мне по деньги пришли – всё-то не отда'ли!; [в диалоге с соседкой:] В.П. Сергей да'йче говорил, что операцию предлагают ей. Голову долбить. А.П. Не-ет, это... Не надо ей соглашаться. Надо чё-то так какое-нить лечение, да к бабкам от попробовать ешо. <...> В.П. Каки' бабки, каку'... прости бог, по-ма'терну сматерилась бы – кого изде'лашь, если киста выросла – кого бабки изде'лают?

Для выплеска негативных чувств при этом могут быть использованы сниженные необценные языковые средства.

2. **Бранная необценная лексика и фразеология** понимаются как «слова и выражения, содержащие резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации» [17. С. 5]. Они занимают в идиолексиконе диалектной ЯЛ значительно большее место, чем обценнизмы.

В «Полном словаре...» [13] с пометой «бранное» даны около 60 ЛФЕ в отдельно взятых значениях. Такие единицы являются неодобрительными или осудительными наименованиями человека, нарушающего представления об этических нормах (*алка'ш* «человек, злоупотребляющий спиртным», *двухвостка* «изворотливая, ленивая женщина», *проходимец* «недобросовестный, не заслуживающий доверия человек»...), а также не конкретизированными обозначениями негативного отношения к кому-либо (*про'пасть*, *паразит*, *стрекули'ст*, *позо'рник*, *издева'тель* и др.). Около 40% необценных сниженных элементов идиолексикона ЯЛ составляют языковые средства чужой речи.

Во многих случаях эти наименования являются переносными от исходных лексико-семантических вариантов, обозначающих представителей животного мира (*гад*, *змея*, *двухвостка*, *паразит*, *свинья*, *собака*, *сука*, *сучка*, *кобель*, *сучка меделя'нска*), болезни (*холера*, *паду'ча*³), людей, находящихся на низшей ступени социальной лестницы (*каторжный*, *варна'к*, *сволочь*⁴), что-либо малоценное, отходы, грязь (*барахло*, *мусор*, *пакость*).

Слова и фразеологизмы рассматриваемой группы отличаются значительной степенью сниженности. Ограничения касаются вербализации инвектив в присутствии объекта оценки. Обращает на себя внимание редкое, в отличие от обценнизмов, проявление метаязыковой рефлексии в отношении этой категории ЛФЕ.

Бранные единицы в чей-либо адрес преимущественно используются ЯЛ заочно при комментировании аморальных поступков или нарушения норм поведения, выполняя оценочную функцию: *Смотался тут к одной [муж]. Шу'стра была. Варна'к, да и только; [Муж выгнал жену.] От барахло какой, а! От худой кара'хтер у него; Убил её, подлец какой; Девочку... утаишил там фулюга'н и изнасиловал и задушил её там в обчежи'тии – слышали? <...> Ну чё там такой ребёночек, это же наси'льство, это же что такое-то? Это... собаки, хуже собак. Гады; Уме'т всё делать, ну ленивый, холера. Взял бы да замазал [печку].*

При включении в речь бранных элементов интонация обычно неодобрительная или осудительная, однако в некоторых ситуациях она меняется на беззлобную, почти нейтральную: *Хотел прийти [заболевший племянник], и не идёт, **сволочь**. [Коля?] Ну. Я говорю: «Я заварю тебе [зверобой для лечения], ты приходи»; Ф.Г. Маньку-то не при тебе она крапивою чехво'стила? В.П. Кого? Ф.Г. Маику. В.П. Ма'леньку? Ф.Г. Ну. (...) В.П. Пошто'? Ф.Г. На дорогу лезла. В.П. От **сволочь**, **сволочь** дак **сволочь**. Нейтрализация просодических показателей сниженности происходит, когда говорящий оправдывает того, кто должен вызвать порицание; так, в первом из приведенных примеров это связано с болезнью, во втором – с малолетним возрастом порицаемого.*

Изредка бранная лексика может использоваться и с позитивной оценкой как средство выражения восхищения (*[о пойманном зверьке:] Ну, хыть на комо'ду ставь! То блестя'шиша, то чёрна-пречёрна! И. гла'вно, тут бе'ла, а тут как вроде бантик. И лапки бе'леньки. Ну така' красива, **холера***), а также удивления и одобрения (*[О маленьком ребёнке:] «Почему, гыт, не до'ржишь коровку? – вот **сволочь** какой, а! – А дядя Коля же держит»*).

Специфичным является функционирование в идиоме лексемы *чёрт*. Для обозначения конкретной персоны, вызывающей недовольство, оно встречается нечасто: *А теперь Ельцина уберут – опе'ть какого-то **чёрта** поста'вят, всё равно; «У меня, гыт, конфеты ешь, сахар ешь, дрожжи ешь, вы мне изде'лайте [бразу]». – «У-у, что ты, что ты! Потом чё мне, в тюрьму садиться?» Господи, господи! Надо же! **Чёрт** привязался. В то же время в состоянии сильного раздражения, негативной оценки чьего-либо поступка частотность употребления этой единицы в речи информанта резко возрастает. Такие текстовые фрагменты насыщаются фразеологизмами с компонентом *чёрт*, а также свободными словосочетаниями с глаголами, подразумевающими нежелательные действия субъекта. Иллюстрацией к этому утверждению может служить, например, монолог В.П., расстроенной тем, что родственник окучил картофель несколькими семьям знакомых и сделал это, как она предполагает, некачественно: *Надо же. Выпил, наверно, пошёл. Пьяный же он. <...> Поди, выворотил картошки, да всё. Чужи' – зачем брался, кто просил? **кой чёрт**? А три-то ряда Валька-то и так бы окучили, без него бы. **Чёрт** везде суётся. <...> Ну надо же, я прямо расстроилась. Ну **чёрт** ли чё ли его **пихнул** туды'? ехать. Завалил траву всю. Да мне не гля'нется: ну зачем **чёрт** **поташивил** на крошко'вы картошки? **за каким чёртом**? Сидит, всё делать надо, чтобы всё **итломи'лось**, чтобы по'дали [выпить]!**

Инвективная насыщенность текста служит средством разрядки психологического напряжения. Отметим, что такие фрагменты дискурса нехарактерны для диалогического общения ЯЛ с объектом оценки. Зафиксированы несколько аналогичных развернутых реплик информанта при контактах с младшими родственниками, которых В.П. считает себя вправе поучать, но в этих случаях высказываний с упоминанием *чёрта* значительно меньше.

Используется информантом необщественная брань и при передаче чужой речи – в рассказах о жизни родни и знакомых, деревенских новостях, речевом жанре воспоминаний: *«Это, **вражи'на-то**: посылала по хлеб – не пошёл, – на Колюку. – **Вражи'на, вражи'на!**» [передает слова жены о муже]; Купаться летом убе-гу это <...> Она [мать] на' берег вы'дет: «**Сучка медея'нска**, айда! Чё ты карто'шки не подби-ва'шь?»; А свой мальчик, четыре годика от ему было... четыре, в а'лгусте... отца зовёт «**милиционер вонючий**». Я говорю: «Дак это ра'зе можно так звать?» (метатекст подчеркивает грубое нарушение нормы общения детей с родителями). Цитатное употребление передает не только лексические средства других лиц, но и нередко имитирует бранные интонации участников ситуации. Среди примеров есть не освоенные говорящим инвективы: *[приводит слова односельчанки, поругавшейся с бывшим мужем:] «Де Лёшка? Чё он не отдал [мне ребёнка]?» – ну там как зовут-то – **бедара'с**, ли кто ли? Как-то это ругают-ся-то? Я дак не могу выговорить даже. Данный контекст показывает, что даже при осознаваемой говорящим неточности воспроизведения лексемы он считает нужным сохранить ее в общей канве повествования.**

Эпизоды, в которых бранная лексика употребляется ЯЛ при непосредственном контакте с адресатом, немногочисленны. Отмечены в основном случаи, где инвективы вербализуются информантом для оценки в речевом жанре упрека, вызванного нарушением поведенческих норм – взаимопомощи, имущественных прав, дружественного речевого общения и т.д.: *А я да'йче выговорила [сестре племянника, которая не помогла В.П. в ремонте бани]. Я говорю: «Сколько вы мылись у меня, год, больше ведь мылись в бане-то?» Я говорю: «Ну, **бесчётник**» [о племяннике] – вроде его ругаю; Она: «Ну семь ли девять ли, восемь ли [тюльпанов] я сорвала [в огороде В.П.], не знаю, сколько. Я тебе, бабулька, деньги отдам». Я: «На **чёрта** мне твои деньги». Я говорю: «**Бессо'вестны-то** каки'», говорю. Ага. – «Ну не ругайся, не ругайся»; Ну наши [о родственнике] рабо'тат, ну ка'жний день тоже выпьет всё помале'ньку, кружечку да выпьет – ну надо же такому! Я говорю: «Ты чё? Ты **дурачок** ли чё ли? Ты не пей!»; Я говорю ей [сварливой соседке]: «Ты **колючка!**» В глаза говорю. «Прям колючка, ка'жнего человека ука'льываешь». В последнем примере акцентировано нарушение нормы речевого этикета – употребление слова с пейоративной оценкой «в глаза».*

Несмотря на отраженное в таких лексемах неодобрение или осуждение чьих-либо поступков (чем сильнее негативная коннотация, тем сниженнее слово), ЯЛ может использовать разные приемы смягчения отрицательной оценки собеседников. В качестве таких приемов отмечены намеки (ругая болевшего племянника *бесчётником*⁵, она фактически адресует упрек в отсутствии помощи его жене и взрослым детям), генерализация (озвучивается форма множественного числа *бессо'вестны* при обращении к единственной виновнице кражи) и выбор инвективы с уменьшительно-ласкательным суффиксом в сочетании с риторическим вопросом, снижающим категоричность утверждения (*Ты дурачок ли чё ли?*).

Агрессивное использование бранной лексики в функции оскорбления адресата отмечено только в высказываниях, связанных с уходом мужа к более молодой односельчанке: *Я... мы поехали со Степаном, а куды' поехали – не знаю. <...> А она идёт, а мы её догнали, она только из дома пошла. Поди, на сено, наверно, поди. А он уж с ей таскался. А я это... догнали её, мале'нько стали обгонять-то – он на той стороне телеги, а я на этой. А я: «куть-куть-куть-куть-куть!» – на её. «Сучка, сучка!» Ага. И он ничё мне не сказал. [И она?] И она ничё, угу. Реакцию мужа и «разлучницы» можно считать косвенным свидетельством признания в народно-речевой культуре права на оскорбление лиц, разрушающих одну из главных ценностей этой культуры – семью.*

Гораздо свободнее, чем по отношению к людям, диалектная ЯЛ использует бранные единицы для характеристики представителей животного мира – от собак и кошек до мышей и насекомых: *[Пёс укусил:] От каторженный какой! Собака собака и есь; Сволочь, всё перевернёт [кот]. Постылый; Коля принёс котёночка, я его ро'стила, ро'стила, а он убежал, туды' к им уиёл, вот такой паразит; Скребутся, сволочи [мыши]; [свинья съела поросят:] С ума сотти' надо. Собака кака'; [Пытается убить муху:] У, холера! Никак её...; [о мошке:] Вот собаки! Эти лексемы могут быть адресованы непосредственно им: [Кошка просит есть.] Айда', дам... холера; На! Ну что [бы] молоко ись? Пакость. На, паду'ча! [даёт коту мяса]. Такая особенность речевого поведения связана с представлением крестьянки о животных как существах низшего порядка в сравнении с человеком [20. С. 137].*

3. Под **скатологизмами** в лингвистике понимают «слова, связанные с обозначениями телесного низа и физиологическими отправлениями человека» [21. С. 81]. Эта группа языковых средств отчасти пересекается с предыдущей, поскольку в ней есть и бранные элементы; в то же время они во многом не совпадают.

В составе идиолексикона отмечены скатологические лексемы с корнями *говн-, жоп-, зад-, ср/сер-, сс-, пис-, как-, перд-, пук-* и некоторые другие, а также их эвфемистические замены при обозначении физиологических отправлений (*сходить на улицу, сходить по-большому, сходить по-маленькому*). С семантикой «низкой физиологии» выявлено 36 таких единиц. С позиций литературного языка данные диалектно-просторечные средства безусловно являются сниженными, но в системе диалекта их квалификация сложнее.

В дискурсивной практике информанта отмечено много случаев употребления скатологизмов без каких бы то ни было показателей сниженности. Говорящий может свободно использовать их для прямого обозначения части тела ниже спины, функций и продуктов выделения мочеполовой и пищеварительной систем: *Сс*т, тряпку нама'чиват [мочой для лечения]; А он пошёл да и в канализацию упал в говно, гыт; Колет [дрова] да перьди'т: пук-пук-пук... Я говорю: «От, до перьдежа' даже, Витя» и др. На первый взгляд кажется, что для носителя диалекта они нейтральны и не имеют ограничений в исполь-*

зовании. Однако более пристальный анализ их функционирования в речи индивида позволяет говорить о том, что скатологизмы также относятся к категории сниженных, хотя степень этой сниженности слабее, чем в предыдущих группах, а ее осознание говорящим носит непостоянный характер.

Обращают на себя внимание замены скатологических лексем с обозначенными выше корнями (а также их дериватов) на менее сниженные синонимы. Наиболее ярко это проявляется в разговорах о маленьких детях и с детьми, где такие замены происходят очень последовательно: *Хорошо говорит [ребёнок]. А не просится. Ни писить, ни какать не просится; А потом писить захотел [двухлетний ребёнок], говорит: «Вера!» Я говорю: «В ведро попи'сишь?»; А у ей, гыт, ребёнок обмарался, она блин схватила да, говорит, это блином подтёрла ему задницу-то.*

Если речь идет о взрослых и общении между взрослыми, в высказываниях информанта встречаются и те и другие варианты парадигматических противопоставлений. Однозначно сказать, что именно влияет здесь на выбор того или иного слова, затруднительно. Одним из факторов, вероятно, можно считать отношение говорящего к человеку, о котором идет речь, и описываемой ситуации. Ср.: *Подходят – она [пьяная женщина] валя'тся. Вся обосс*ла'сь, вся мокра'... но: Она [тяжелобольная] вся обмо'чивается, её, видно, ес [«раздражает кожу»] там-ка... Она примется реветь караул. Следует учитывать и фактор адресата. Запись текстов велась собирателем более 20 лет, и на протяжении этого периода он был постоянным участником общения с исследуемой ЯЛ, постепенно сближаясь с кругом «своих», но все-таки не входя в него до конца. Вместе с тем многие коммуникативные эпизоды отражают одновременное общение В.П. не только с диалектологом, но и его коллегами или родственниками (редко) либо с односельчанами и родней (очень часто). В этих случаях внимание рассказчика могло быть сосредоточено на одном из собеседников, который более активно поддерживает диалог. Влияние таких, иногда разнонаправленных, факторов, как степень близости коммуникантов, уровень образования и речевой культуры адресата, испытываемые к объекту описания чувства адресанта в сложном взаимодействии определяют вербализацию языковой единицы с большей или меньшей степенью сниженности в речи индивида: *А Коля пошёл на улицу – посс*ть ли чё ли, не знаю; Вот ешо у меня го'сья была така'. <...> Приедет, и тоже, ничё не ес. <...> Всё боялась, что... Ну, та ста'ра была, дак мо'жет, из-за то. Скажет: «Попи'сить захочу доро'гой...»; Я захожу в и'збу – и Танька лежит там <...>, жопа го'ла, вся го'ла...; У меня задница уж замёрзла там сидеть, сыра' досточка-то была; Раньше бы хто? Задницу бы вытерли, сходили бы в тувале'т, вот этой кнугой [про магию], а теперь <...> пошло'-то как всё.**

Как можно видеть, скатологизмы выполняют номинативную функцию.

В присутствии малознакомых городских собеседников наблюдается замена скатологических компонентов на менее сниженные или их эллипсис. Так, при

общении с городской гостьей зафиксирован пропуск сниженного элемента в цитатном употреблении пренебрежительного устойчивого словосочетания со значением «не захочет иметь ничего общего»: «*Он на чѣрта её [женщину-инвалида замуж] брал-то?*» – *Лексе'й так Макарыч всё [говорит]. «Ой! Это чѣ тако', он зачем её брал-то? Да я бы рядом на одной... гектар с ей не сел бы!»*. Этот же оборот информант трансформирует во время разговора с соседкой (возможно, с учетом присутствия собирателя): *В.П. «Скажи Таню'шке: я её ешо давно любил, Таню'шку»*. <...> *Как люди себя ценят-то! мужики-то. Таню'шка. Она рядом... А.П. Она на тебя не поглядит. В.П. ... рядом какать не сядет*. Ср. также: *Ни спасибо, ни насери'л, говорю. Пихнул [деньги] и пошёл. Жалко, трезвому-то отдавать [долг]* (в близком круге коммуникантов) – *Конфеты купили. А я и забыла про конфеты. Ни спасибо, как говорится... [смеётся, не договаривая поговорку]. Спасибо* (при гостях из города).

Сниженность народной афористики подтверждается также метаязыковыми маркерами-извинениями говорящего и реакцией на магнитофонную запись: «*У него всё, всё гыт разболталось там [электропроводка], всё болта'тся, нигде ничѣ, – ничѣ не де'лат, гыт, он*», – *на Гену, эта, Лариса. Они хо'дют... И жрать только любит сладко, а ср*ть гладко, – уж прости меня, сказала-то я, ты поди тут пишешь*.

Среди производных от скатологизмов дериватов и фразеологизмов много единиц с негативно-оценочной коннотацией, обозначающих характеристики, эмоции и действия человека (*куча говна* «об очень больном, немощном человеке», *как по заднице серпом* «о том, что неприятно уязвило кого-л.», *наsr*ть* «выражает полное безразличие, пренебрежение к кому-чему-л.», *спихнуть, как говно с лопаты* «избавиться от кого-л. нежелательного», *подкакать* «навредить кому-л.» и др.), часть из которых могут функционировать как бранные необцененные номинации (*говно* «плохой, недостойный человек», *засранка* «неряшливая, нечистоплотная, ленивая женщина», *хи'тра жопа* «хитрый, расчетливый человек» – в двух случаях из трех это цитатное употребление речи других лиц) или как злопожелания, представляющие особый тип сниженных словосочетаний.

4. В составе сниженных языковых средств лексики диалектоносительницы выделяется отдельная группа **злопожеланий** – относительно устойчивых выражений желательности осуществления чего-л. негативного для объекта вследствие его действий, в том числе речевых. Н.И. Толстой относит злопожелания к «народной полуфразеологии» [22. С. 24–25], поскольку они, хотя и соотносятся с несколькими структурными моделями, вариативны по форме, а буквальные смыслы, как правило, не совпадают с реальными. В дискурсе информанта зафиксировано 36 таких оборотов; 22% из них относятся к сфере чужой речи.

Ограничения вербализации этих сниженных единиц проявляются прежде всего для злопожеланий с компонентами мата (являющихся одновременно обсценизмами). Информант старается избегать их. За-

фиксирован единичный пример дословного цитирования обценного выражения в речи ребенка: *Он меня дак ненавидит*. <...> «*Еб*т твою мать*», *гыт, ага*. В остальных случаях при воспроизведении чужой речи табуированные элементы последовательно эвфемизируются: *Валя говорит: «Ты на кого дом подпишешь?»* Она *гыт: «На Колю»*. – «*Раз на Колю подпи'сываешь, я тебя – туды'-то... подальше*. <...> *Я ничѣ не буду делать, ничѣ, пусть разва'ливаются всё!»*; «*Я, гыт, как об стол трахнула! Выметайтесь к та- кой-то матери!»*; *Лезет на ковёр, я говорю: «Ты иторвѣшь у меня ковёр, Олежка!»* <...> *А он гыт: «Пошла ты... на' три буквы»* – на меня.

Второе ограничение связано с ситуацией употребления злопожеланий в адрес конкретного индивида при личном контакте с ним. Большинство негативных пожеланий вербализуются как заочный комментарий: *Бе'дна Людмила Гевор'гевна, шапочку-то потеряла [об украденном]*. <...> *Чтобы ему руки отпали, тому человеку бы; Картошки из погреба [в войну] выгребли все до капельки... Ой, сволочи-то какие' были, это стройбат был, чтобы им ни дна бы ни покрышки!*

В диалогическом общении наблюдаются следы речевого контроля, когда злопожелание проявляется в сфере внутренней речи (на что в рассказе ЯЛ указывает маркер *думаю*): «*Займи мне пишся'т тысяча!*» – *о'споди, как будто бы у меня ба'нок какой-то! Я говорю... а у меня есь. Я говорю: «У меня нету столько»*. <...> *А думаю: да ну их к чѣрту*. Где-нибудь ешо возмѣшь. Отмечены также «реплики в сторону», произносимые в присутствии объекта злопожелания так, чтобы он не слышал: *О, хоть бы чѣрт тебя утаишыл!* [*говорит о пришедшем в дом очень пьяном мужчине*].

Значительно реже зафиксировано употребление негативных пожеланий при коммуникативном контакте «в глаза». Как правило, оно наблюдается в ситуациях конфликта, ссоры. В таких диалогах сниженные средства служат для открытого выплеска эмоций, разрядки психологического напряжения: *Н.Н. Бабуся! В.П. Кого? Н.Н. Ну бутылочку [водки] дай! В.П. Да ну тебя в ср*ку! Чѣ, тебя успокоишь этой бутылочкой?* <...> *Не дам, никого не дам, у меня никого нет; Он [муж] смотался [к другой женщине]*. <...> *А я стала ворчать, правда – тоже буду ра'зе молчать? Тоже... тоже молода' была да... всё-таки не ста'ра, 40 там с чем-то лет мне было*. <...> *Тоже: «Убирайся к чѣрту! Да ты иди к чѣрту!»* Он *придѣт но'ччу там-ка, налюбуется да придѣт, а я: «Уходи к чѣрту совсем туды', иди!»*

В некоторых случаях злопожелание выражает более смягченный, чем агрессивная реакция при ссоре, упрек: *Ленка пришла, у их был день рожденья, она пришла ко мне. Это, как его, мулинэ'з, ли как ли называют. Взяла баночку*. <...> *А потом лежу – идут по скамейку. Ну, это всё тако'... всё, думаю. Идут по стопки. Идут по тарелки. И – то всё брали, то то, то друго', всё брали... <...> Лена приходит: «Баб! Соли мне дай». Я говорю: «Ну-у, ядри'т твою мать! У вас и соли нету?» <...> Ой, – я говорю, – это чѣ тако'-то?» И вот подишылала – то ли 10 пре'дме-*

тов, то ли больше они ко мне приходили. Ну это, всё... Всё – то идут «дай», друго' «дай», то третьё, то четвёрто... Я всё думаю... да ешо по соль пришли вечером! – о'споди, о'споди! Я говорю: «Ну, **ядри'т твою мать-то!**» В глаза ей сказала. Показательно, что подобные высказывания ЯЛ отмечены только при коммуникации с самыми близкими родственниками.

Проявления речевой агрессии через злопожелание, направленное непосредственно на адресата, допускается также по отношению к домашним животным. Чаще всего такие высказывания звучат по отношению к кошке или коту, требующим еды или внимания: *Да итвяжси'сь ты! К чёрту!*; *Брысь отцэ'дова, ню'хатся ходит! У, я'зви тебя, посты'лу!*

Устойчивые «полуфразеологические» единицы восходят к древним представлениям о магической силе слова и реализации того или иного возмездия, которого заслуживает, по мнению говорящего, объект недоброго пожелания. В дискурсе ЯЛ наиболее частотны злопожелания с мифологическими образами нечистой силы (*подь он к чёрту, к чёртовой матери*), сексуальные мотивы с обценными элементами (*е'чит твою мать*) и их эвфемистическими заменами, мотивы насылания болезни (*я'зви тебя, холера с ём*), реже встречаются мотивы телесного низа (*пошли они в ср*ку, в жопу носом*), единичны инвективы с причинением ущерба хозяйству (*чтоб у вас ничё не родилось* – только при передаче чужой речи), увечья (*чтобы ему руки отпали*) или смерти (*чтоб ты пропал*). Отдельные выражения (*ни дна ему ни покрывки, якорь тебя*) для диалектной ЯЛ десемантизированы.

Изначальный смысл злопожеланий как вербального компонента магических практик в наши дни даже в традиционной народно-речевой культуре стирается, и на первый план в их семантике выходит эмоциональная составляющая. Являясь сниженным языковым средством, в речи индивида они могут различаться степенью сниженности в зависимости от лексического состава устойчивого выражения (с наличием/отсутствием обценизма), заложенного в нем мотива (ср., например: смерть/болезнь), степени осознания говорящим его мотивированности (мотивированное/немотивированное) и передаваемой эмоции.

Максимально сниженными можно считать недобрые пожелания с обценными единицами и высказываемые «в глаза» злопожелания с мотивами нечистой силы и телесного низа, редко – смерти (по отношению к домашним животным). Они обычно выражают гнев, раздражение; выплеск речевой агрессии; поддерживаются просодически (интонация, повышенный тон, отрывистость речи): *Да ну вас к чёрту! Если не будешь вино покупать – дам брагу, а будешь – ничё не дам; [коту:] Чтоб ты пропал! Смерти на тебя нет, про'пасти на тебя нет.* Градус эмоциональности слабее, когда злопожелание в адрес конкретного адресата вербализуется заочно. Еще менее сниженными являются «безадресные» выражения, которые могут передавать разнообразные эмоциональные смыслы: обиду (*Мне даже обидно показалось. Ну думаю, якорь тебя*), досаду (*Лежу, лежу, думаю: рано ешо. А [в]стала – седьмой час. Думаю: господи, ядри'т твою мать! Надо было раньше [в]стать*), удивление

(*Они обо'и вза'мужем? Ух ты, я'зви тебя, я думала, ешо ма'леньки*), отстранение (*Коля принёс котёночка, я его ро'стила, ро'стила, а он убежал. <...> Ну его к холере, не надо мне его*) и др.

5. Наряду с перечисленными, в идиолексиконе ЯЛ имеется также небольшая группа из пяти слов, которые являются сниженными на фоне нейтральных или более смягченных эквивалентов в синонимических рядах. К их числу относятся *су'чить* «изменять супругу» – ср. *бегать*; *снюхаться* «вступить в любовную связь» – *смотаться, связаться*; *полюбовник* – *друг*; *сдохнуть* «умереть (о человеке)» – *помереть, умереть, пропа'сть, скovýрну'ться, спечься*; *нажраться* «напиться допьяна» – *напиться*. Степень сниженности таких единиц незначительная. Регулярных ограничений их употребления в присутствии диалектологов не отмечено; спорадически наблюдались метатекстовые показатели в виде замены лексем (*У ей был муж. Не муж, а... ну полюбо'вник, верне'... друг. Она ребёнка прижила от него*) и прямой оценки грубости слова (*А бабёнка беспу'тна тоже, она и счас бе'гат су'чит, бе'гат без ума. Вы уж это не пишите, слово то худо'*). В большинстве парадигматических противопоставлений сниженные компоненты выполняют оценочную функцию, обозначая нарушение поведенческих норм, и чаще всего соотносятся с областью животного начала.

Таким образом, в идиолекте языковой личности выделяется пласт сниженных языковых средств, в состав которых входит несколько групп. Количество этой части лексикона составляет незначительную долю в словарном запасе индивида – менее 1% от его общего объема. К ядерной зоне таких элементов – и по числу единиц, и по их функциональной нагруженности – относятся бранные необценные, к периферийной – отдельные компоненты синонимических рядов; обценизмы, скатологизмы и злопожелания занимают промежуточное положение между ними. Границы групп не вполне четкие, наблюдаются частичные наложения.

Степень сниженности инвектив в словарном запасе сибирской крестьянки неодинакова. Максимально сниженными в силу своей табуированности являются обценизмы. Необценная брань осознается информантом как менее сниженная; в остальных группах ЛФЕ сниженность является непостоянной величиной в зависимости от влияющих на коммуникацию факторов.

Отметим многообразие интенций, передаваемых сниженными средствами. Их использование адресантом с целью оскорбления человека встречается крайне редко; более частотна (но только у скатологизмов) номинативная функция; еще чаще они служат для достоверной передачи чужой речи или разрядки психологического напряжения. Доминирующей можно считать оценочную функцию: бранная необценная лексика реализует негативную оценку непосредственно, остальные сниженные слова и выражения передают ее косвенно (предмет оценки при этом представлен в контексте).

Дискурс диалектоносительницы отражает высокий уровень контроля при вербализации сниженных элементов, множественные приемы смягчения их ненормативности при личных контактах, а также «непри-

своенность» информантом многих языковых средств, связанных исключительно с категорией чужой речи.

Область сниженного находится за пределами нормативного словоупотребления в говоре. В то же время функциональные особенности сниженной лексики и фразеологии свидетельствуют о связях базовых прин-

ципов ее использования с принципами речевого этикета. На эти связи указывают учет говорящим ситуации общения, выбор языковой единицы из ряда вариантов в зависимости от интенции; контролирование речевого потока, предпочтение субъектом менее сниженных единиц более сниженным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Возможность такой коммуникации в гендерно однородном женском коллективе диалектоносителей отмечается Г.М. Ярмаркиной [16. С. 84].

² Примеры даны ниже в разделе 4, где рассматриваются злопожелания.

³ Первичное значение архаизировавшегося обозначения *падучая болезнь* (эпилепсия).

⁴ В двух последних словах мотивированность утрачена. *Варнаком* первоначально называли в Сибири каторжника или бежавшего с каторги [18]. Для слова *сволочь* этимология точно не установлена; по одной из версий, оно восходит к устаревшему обозначению людей низкого звания [19].

⁵ В говоре имеет значение «бессовестный, не порядочный человек».

⁶ Диалектное междометие для подзывания собаки.

⁷ Этот глагол используется в значении «умереть, погибнуть».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб. : Норинт, 2003. 448 с.
2. Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия: на материале российских и британских газет : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 23 с.
3. Мандрикова Г.М. Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 208–216.
4. Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1995. 23 с.
5. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
6. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М. : Ладомир, 2001. 350 с.
7. Крюкова И.В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 20 с.
8. Козельская И.В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 25 с.
9. Маркина Л.В. Бранные формулы как средство выражения вербальной агрессии в диалектной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. № 7 (140). С. 157–161.
10. Гришанова В.Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 467–471.
11. Соломина Е.В. Языковая личность носителя городского просторечия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 23 с.
12. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
13. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
14. Иванцова Е.В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Ч. 1. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 321–356.
15. Шарифуллин Б.Я. Обсценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение. 2000. Вып. 1 (9). С. 108–111.
16. Ярмаркина Г.М. Русская устная речь современного сельского жителя как носителя народно-речевой культуры // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 80–99.
17. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы : справ. пособие / под ред. И.А. Стернина. Ярославль : Канцлер, 2013. 80 с.
18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940.
19. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : Астрель : АСТ, 2006.
20. Иванцова Е.В. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 135–146.
21. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 561 с.
22. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 509 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 июля 2021 г.

Substandard Units of the Language Landscape of the Middle Ob Region: Composition and Functioning in the Speech of the Traditional Dialect Speaker

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/469/1

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: substandard vocabulary and phraseology; Middle Ob region; language landscape; dialect language personality.

The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

The aim of the article is to analyze the composition and functioning of substandard vocabulary and phraseology in the speech of a dialect language personality. The sources of the material are the author's archive of records of the spontaneous speech of a Siberian peasant woman (1981–2004) and a dictionary that reflects her vocabulary. The layer of substandard units of the dialect speaker was distinguished on the basis of the signs: (1) the speaker's expression of disapproval of someone or something, (2) the rudeness of the word used, and (2) the violation of the etiquette norm. Metatexts (judgments about the norms of word use, assessment of units) and hidden meta-indicators (prosodic signs, ellipsis of a substandard element, replacing it with a normative word or euphemism, apology formulas, etc.) facilitated the identification of substandard vocabulary in the speech of the dialect speaker. The limitations of the

substandard vocabulary use when communicating with different types of interlocutors were also taken into account. It was found that substandard elements make up an insignificant share in the vocabulary of the individual – less than 1% of its total volume. The nuclear zone of such elements – both in terms of the number of units and their functional load – includes abusive, non-obscene words; the peripheral zone includes individual components of synonymous series; obscenities, scatologies, and ill-wishes occupy an intermediate position between them. The degree of the substandardness in invectives in the idiolect of the peasant woman is not the same. Obscenisms are the most substandard. The informant perceives non-obscene abusive words as less substandard; in other groups, the substandardness is a variable value depending on the factors influencing communication. The intentions expressed by substandard words are manifold. The addressee uses such words for insulting a person extremely rarely; more frequent is their use for a nominative function; even more often they are used to reliably convey someone else's speech or to release psychological tension. The evaluative function can be considered the dominant one: abusive non-obscene vocabulary implements a negative assessment directly, the rest of the substandard words and expressions convey it indirectly, through the context. The discourse of the dialect speaker reflects a high level of control in the verbalization of substandard nominations, multiple methods of mitigating their abnormality in personal contacts, as well as the informant's "non-appropriation" of many means associated exclusively with the category of someone else's speech. The area of the substandard is outside the normative word use in the dialect. At the same time, the functional features of substandard vocabulary and phraseology indicate the links between the basic principles of their use with speech etiquette. These connections are indicated by the speaker's consideration of the communication situation, the choice of a linguistic unit from a number of options depending on the intention, control of the speech flow, the subject's preference for less substandard units to more substandard ones.

REFERENCES

1. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2003) *Slovar' russkoy brani (matizmy, obstsensizmy, evfemizmy)* [The Dictionary of Russian Swearing (Matizms, obscenisms, euphemisms)]. Saint Petersburg: Norint.
2. Matyashevskaya, A.I. (2014) *Snizhennaya leksika v SMI: klassifikatsiya, upotreblenie, etnokul'turnye razlichiya: na materiale rossiyskikh i britanskikh gazet* [Substandard vocabulary in the media: classification, usage, ethnocultural differences: based on the material of Russian and British newspapers]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
3. Mandrikova, G.M. (2011) *Invective words in the speech of students (on the material of the Polish and Russian languages)* *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*. 1. pp. 208–216. (In Russian).
4. Guts, E.N. (1995) *Nenormativnaya leksika v rechi sovremennogo gorodskogo podrostka* [Profanity in the speech of a modern urban teenager]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
5. Tretyakova, V.S. (2003) *Rechevoy konflikt i garmonizatsiya obshcheniya* [Speech conflict and harmonization of communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Zhel'vis, V.I. (2001) *Pole brani. Skvernozlovie kak sotsial'naya problema* [The battlefield. Profanity as a social problem]. Moscow: Ladomir.
7. Kryukova, I.V. (2011) *Rechevoy akt proklyatiya i leksiko-grammaticheskie sredstva ego osushchestvleniya* [The speech act of cursing and lexicogrammatical means of its implementation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
8. Kozel'skaya, I.V. (2004) *Sintaksicheskaya struktura i komponentnyy sostav dialektnykh ustoychivyykh vyrazheniy so znacheniem nedobrogo pozhelaniya kak otrazhenie mirovospriyatiya nositeley govorov* [Syntactic structure and component composition of dialect stable expressions with the meaning of an unkind wish as a reflection of the worldview of speakers of dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
9. Markina, L.V. (2019) *Swear formulas as a means of expressing verbal aggression in dialectal communication. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Filologicheskie nauki – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 7 (140). pp. 157–161. (In Russian).
10. Grishanova, V.N. (2001) *Ustoychivye sochetaniya so znacheniem nedobrogo pozhelaniya nositeley govora* [Stable combinations with the meaning of the unkind wishes of the dialect speakers]. *Slavyanskiy al'manakh. 2000 – Slavic Almanac. 2000*. pp. 467–471.
11. Solomina, E.V. (2016) *Yazykovaya lichnost' nositeley gorodskogo prostorechiya* [Linguistic personality of the bearer of urban vernacular]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) *The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2
13. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialect Linguistic Personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
14. Ivantsova, E.V. (2009) *Metazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Metalinguistic consciousness dialect language personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: The ontological and epistemological aspects]. Pt. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 321–356.
15. Sharifullin, B.Ya. (2000) *Obsennaya leksika: terminologicheskie zametki* [Obscene vocabulary: terminological notes]. *Rechevoe obshchenie*. 1 (9). pp. 108–111.
16. Yarmarkina, G.M. (2019) *Russian oral speech of a modern rural resident as a carrier of folk speech culture. Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 3. pp. 80–99. (In Russian). DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-80-99
17. Sternina, I.A. (ed.) (2013) *Osnovnye ponyatiya lingvokriminalisticheskoy ekspertizy* [Basic Concepts of Linguocriminalistic Expertise]. Yaroslavl: Kantsler.
18. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGI.
19. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'; AST.
20. Ivantsova, E.V. (2003) [On the question of the stylistic stratification of the discourse of the traditional dialect bearer]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual Problems of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Pt. 1. Tomsk. 21–23 October 2003. Tomsk: Tomsk State University. pp. 135–146. (In Russian).
21. Matveeva, T.V. (2010) *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don: Feniks.
22. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Received: 12 July 2021

А.И. Коришнова

МЕТАФОРЫ ДЕТСТВА И ВЗРОСЛЕНИЯ В ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫХ ДИСКУРСАХ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКИ

Проанализированы способы вербализации таких понятий, как детство и взросление, носителями американского варианта английского языка. Проблема метафорической концептуализации опыта детства и взросления в обиходно-разговорных дискурсах рассматривается на основе анализа результатов опроса, проведенного среди представителей американской лингвокультуры. Выявляются основные тенденции в вербализации опыта детства и взросления, а также возможности модификации конвенциональных метафор и создания индивидуально-авторских метафорических проекций.

Ключевые слова: англоязычная культура; обиходно-разговорный дискурс; дискурсы детства и взросления; метафора; метафорическая креативность; метафорический ландшафт

В современной западной, в том числе и англоязычной, культуре детство считается важнейшим периодом в жизни человека, когда закладывается фундамент личности и формируются основы мировоззрения. Ребенок повсеместно идеализируется и провозглашается непреложной ценностью, требующей к себе бережного и трепетного отношения. Подобный взгляд на детство, однако, сформировался лишь в XX в. [1. С. 21], причем основным инструментом его конструирования и укоренения в коллективном когнитивном пространстве послужили дискурсивные практики [2. С. 14–15].

Как показывают многочисленные исследования, возрастные категории представляют собой культурно-дискурсивные конструкты. В то время, как человеку свойственно «вневременное ощущение себя» [3. С. 131], культура и общество, в которых он существует, предписывают деление жизни на определенное количество этапов, а законодательство закрепляет возрастные рамки того или иного периода, указывая, когда человеку необходимо перейти из одной жизненной стадии в другую, например из детства в юность, из зрелости в старость и т.д. [4. С. 81].

Одним из эффективных механизмов дискурсивного конструирования является метафора, которая фактически выступает в качестве «концептуальной линзы», заставляя нас видеть обозначаемое ей явление под строго определенным углом и унифицируя дискурсы этого явления. Упомянем в связи с этим теорию дискурсивной метафоры, разработанную Й. Зинкеном [5]. Дискурсивная метафора определяется им как относительно стабильная метафорическая проекция, которая функционирует как ключевой инструмент фрейминга в рамках определенного дискурса в течение определенного периода времени [5. С. 241]. Метафора выступает как средство передачи идеологически «правильных», «выгодных» смыслов, а также единица формирования текста, способствующая структурированию и категоризации реального мира. Метафора представляется как частное использование закрепленного в общественном сознании способа осмысления реальности для достижения конкретных коммуникативных целей. В англоязычных нарративах детства в разные периоды доминировали дискурсивные метафоры РЕБЕНОК – ЭТО МАЛЕНЬКИЙ ВЗРОСЛЫЙ, РЕБЕНОК – ЭТО ДИКАРЬ, РЕБЕНОК – ЭТО ПУСТОЙ СОСУД и др. [1].

Собственный жизненный опыт, однако, часто не совпадает с культурными предписаниями, и переживания, связанные с тем или иным периодом жизни, могут существенно отличаться от навязываемых обществом стандартов. Этот субъективный опыт также может осмысляться и выводиться в речь с помощью метафоры [6. С. 158–159]. Таким образом, дискурсивное пространство того или иного этапа жизни приобретает разнородность, включая в себя как культурно санкционированные, конвенциональные дискурсивные метафоры, так и индивидуальные, идиосинкретичные лингвоконцептуальные формы.

Целью исследования, отраженного в данной статье, было выявление тех метафорических способов осмысления феномена «детство», которые бытуют на низовом уровне американской культуры, в условиях повседневного бытового общения. Мы попытались установить, в какой степени индивидуальные, субъективные осмысления детства резонируют с конвенциональными дискурсивными метафорами, и насколько однородным выглядит дискурсивное пространство детства в обиходном общении. К более частным задачам исследования относилось выявление ценностных характеристик детства, характерных для современной американской культуры.

Для анализа метафор, используемых в обиходно-разговорных дискурсах детства, нами был проведен опрос на онлайн-платформе *Survey Monkey* (<https://www.surveymonkey.com/>). Эта платформа используется для проведения массовых опросов и позволяет не только создавать вопросы разных типов (открытые, закрытые, с использованием визуальных элементов и т.п.), но и задавать необходимые демографические параметры респондентов. Опрос был проведен 12 февраля 2020 г. В нем приняли участие 58 американцев в возрасте от 18 до 80 лет. Мы сочли нецелесообразным вводить ограничение по возрасту, так как тема «детство» в одинаковой мере релевантна для представителей всех возрастных групп, и любой респондент старше 18 лет может предложить собственные ее интерпретации. Из 58 респондентов, принявших участие в опросе, 26 человек (44,83%) – мужчины и 32 (55,17%) – женщины.

При составлении опроса мы взяли за основу модель, предложенную А.В. Нагорной [7].

Опрос содержит девять открытых вопросов. Каждый вопрос представляет собой незаконченное утвер-

ждение, которое респонденту необходимо закончить любым приемлемым для него способом. Список вопросов приведен ниже:

- Q1: Childhood reminds me of...
- Q2: In childhood you mostly feel like a...
- Q3: Being a child is similar to...
- Q4: All children are like...
- Q5: Some kids resemble...
- Q6: Growing up is like...
- Q7: Growing up can be compared to...
- Q8: Being a girl means...
- Q9: Being a boy means...

Структура вопроса представляет собой форму образного сравнения. Такая форма была выбрана для того, чтобы побудить респондентов к использованию образного языка и предотвратить использование прямых неинформативных ответов, а также простых предикативных структур типа *Growing up is hard*. Несмотря на то, что в заданных вопросах отсутствует классическая метафорическая структура А – это В, их формулировка не противоречит цели извлечения из дискурса индивидуальных метафорических представлений. Здесь уместно сослаться на так называемую теорию жизни метафоры (*Career of Metaphor Theory*). Согласно ей, метафора и сравнение представляют собой одну целостную категорию мышления, отражающую возможность человеческого сознания к построению аналогий [8. С. 726]. Сравнение предстает как первый этап («первоначальный акт») конструирования метафор. Далее оно имеет шансы перейти в метафору по мере укоренения в сознании, а при активном употреблении в публичном дискурсивном пространстве пройти процесс конвенционализации, став частью общего лингвокультурного репертуара. Способность конструировать образные сравнения говорит о наличии сформированной метафорической проекции в сознании респондента [9].

В 51 случае из 522 результат не может быть использован при анализе, так как несет в себе отрицательный материал. Среди них можно выделить отве-

ты, содержащие тавтологическое определение (*In childhood you mostly feel like a child*), буквальное осмысление (*Being a parent means having kids*), оценочно отрицательное высказывание, касающееся содержания вопросов (*These questions are total nonsense; These questions are stupid*), уход от ответа (*Not sure; no idea*).

Все полученные результаты можно разделить на две группы в зависимости от наличия или отсутствия метафорического компонента. Идентификация метафоры производилась с помощью метода MIP (*Metaphor Identification Procedure*) [10. С. 29].

Значимой в анализе результатов проведенного опроса является концепция метафорического ландшафта. Основным инструментом символического моделирования является метафора, а совокупность метафор, организованных определенным образом, составляет уникальный метафорический ландшафт [11. С. 17].

Анализируя результаты, необходимо разделить вопросы на три группы. Первая группа вопросов (Q1–Q5), на которую приходится 290 ответов, направлена на осмысление детства; следующие два вопроса (Q6–Q7) (116 ответов) сконцентрированы на идее взросления, а последние два вопроса (Q8–Q9) (116 ответов) помогут выявить разницу в восприятии детей мужского и женского полов (или ее отсутствие).

Анализируя первую группу ответов, стоит обратить внимание на то, что 37% из них несут в себе позитивные оценочные смыслы, 16% ответов наделены негативными коннотациями и 22% представляют собой эмоционально нейтральные суждения (рис. 1). Остальные 25% ответов первой группы содержат отрицательный результат и не несут в себе информации, необходимой для анализа. В группе ответов, посвященной взрослению, наблюдаются противоположные тенденции. Можно охарактеризовать как позитивное видение 8% ответов данной группы, в то время как 25% ответов несут в себе негативные эмоциональные характеристики (рис. 2).

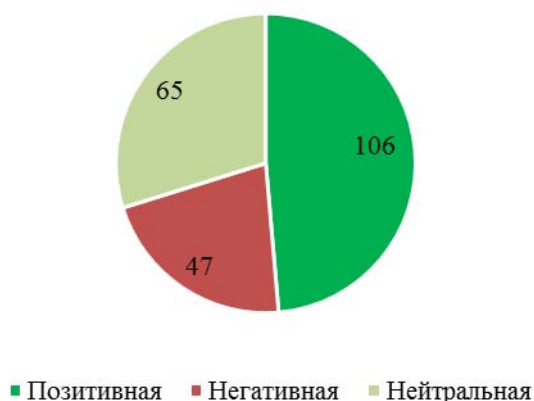

Рис. 1. Эмоциональная окраска ответов в блоке вопросов о детстве, число ответов

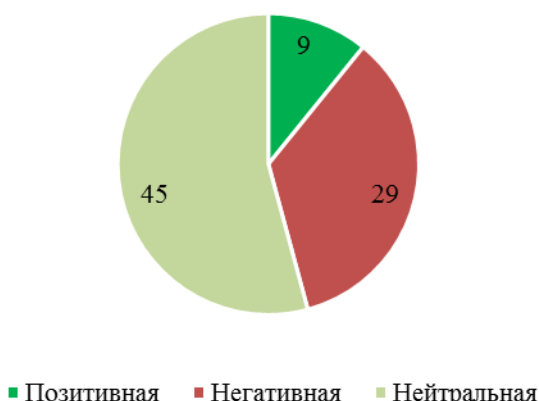

Рис. 2. Эмоциональная окраска ответов в блоке вопросов о взрослении, число ответов

В ряде ответов первой группы отражена тенденция к восприятию детства как счастливого беззаботного периода. Данная группа ответов характеризуется по-

зитивной эмоциональной окраской, носит положительные коннотации. Детство описывается как хорошее время (Q1/R14 (здесь и далее: Q (question) –

вопроса, R (respondent) – респондент. – Прим. авт.). *Better times*; Q1/R25. *The good old days*; Q1/R54 *Good times*), а дети характеризуются как счастливые люди (Q2/R1. *Happy person*; Q3/R2. *Feel confident and optimistic about life*; Q2/R44. *happy go lucky person*). При этом для детского счастья не нужна особая причина; предполагается, что дети счастливы по определению (Q3/R30. *Being happy just being you*). В двух ответах можно встретить использование сленга, что добавляет оценке детства особую эмоциональную окраску (Q2/R25. *Million bucks*; Q5/R5. *Awesomeness*). Отдельного упоминания заслуживает блок из 11 ответов, содержащих в определении детства лексемы, входящие в семантическое поле веселья (Q1/R34. *Fun and easy*; Q1/27. *A lot of fun times*). Интересным представляется случай, где вербальным репрезентантом вышеупомянутого осмысления детства становится известный парк развлечений в США: Q3/R1. *Cedar point*.

Отвечивших вышеуказанным образом респондентов можно подразделить на две основные группы: те, чьи ответы в блоке вопросов о взрослении (Q6–Q7) контрастируют с предыдущим блоком о детстве (т.е. эмоциональная окраска ответа меняется с позитивной на негативную) и те, кто положительно характеризует оба периода. Например, респондент № 3 и детство (Q1), и взросление (Q6) описывает как времена веселья, используя одно слово для характеристики обоих периодов: *fun*. Респондент № 25 также сохраняет позитивный настрой, описывая детство как хорошие старые деньки (Q1/R25. *The good old days*), а взросление – как лучшие воспоминания (Q6/R25. *The best memories ever*).

Некоторые респонденты склонны выделять детство как положительный период жизни на фоне негативно окрашенного процесса взросления.

Так, респондент № 1 описал ребенка как счастливого человека, детство охарактеризовал как веселые времена (Q1/R1. *Fun times*), а затем в ответах на вопросы о взрослении употребил отрицательно окрашенную лексику, сначала используя слова в их прямом значении: Q6/R1. *Hard times*, а затем дав метафорическое осмысление процесса взросления, сравнив его с автомобильной аварией: Q7/R1. *Car crash*. В данном случае, используя в качестве метафоры «автомобильную аварию», автор отмечает, что осознание взросления наступает внезапно, это тяжелый и болезненный как в физическом, так и ментальном смысле процесс, от которого тяжело оправиться.

При описании периода взросления активно использовалась негативно окрашенная лексика для того, чтобы подчеркнуть растущий уровень напряжения, который переживает подросток (Q6/R12. *Growing stress*). Два респондента акцентируют внимание на трудностях взросления, предлагая метафорическое сравнение взросления с «поднятием камня на гору» и «занятием спортом с утяжелителями и кардиотренировками», при этом в последнем ответе с помощью сравнительной степени прилагательного *hard* делается уточнение, что период взросления преодолеть еще тяжелее. Ср.: Q6/R33. *Pushing a rock up a hill*; Q6/R33. *Working out really hard with weights and cardio but harder*. Лексема *pain* активно используется

для вербализации опыта взросления: Q6/R55. *A painful experience*. Один из респондентов предлагает метафору «причиняющих боль туфель»: Q6/R33. *Painful shoes*. Другой дает образное сравнение процесса взросления с процессом выдергивания зубов: Q6/R55. *Pulling teeth*. Стоит добавить, что в англоязычной культуре существует традиция ассоциирования неприятного и болезненного жизненного опыта со стоматологическим вмешательством [6. С. 214–215]. Наиболее любопытным является сравнение взросления с «операцией без наркоза»: Q6/R13. *Surgery without anesthesia*. Для того, чтобы выразить негативные эмоции, вызываемые этой болью, этот же респондент использует сленг Q7/R13. *Getting kicked in the balls repeatedly*.

Респондент № 14 описал детство как лучшие времена (Q1/R14. *Better times*), а при характеристике взросления сравнил данный период с местом, которое является символом невыносимых мук – с адом (Q6/R14. *Hell*), а также отметил тот факт, что взрослеть достаточно непросто (Q1/R14. *Learning the hard way*). Противопоставляя взросление детству, этот же респондент сравнивает последнее с раем Q3/R14. *Heaven*.

В данном контексте необходимо обратить отдельное внимание на достаточно распространенную в английском языке метафору контрастирующих между собойрая и ада. Два респондента сравнивают детей с ангелами, скорее всего подразумевая под этим черты невинности (Q4/R4. *Angels*; Q5/R24. *Angels*). При этом оба респондента связали процесс взросления со смертью (Ср.: Q4/R4. *Dying slowly*; Q6/R24. *Death*; Q6/R24. *Dying*).

Помимо метафорического сравнения с ангелами, идея невинности выражена другими респондентами эксплицитно. В семи ответах первой группы присутствует лексема *innocence*, а также ее производные. Ср.: Q1/R41. *A time of innocence and learning*; Q3/R44. *Innocence*; Q4/R3. *An innocent, optimistic cheerful little person*. При этом один из респондентов в первом блоке вопросов (Q1–Q5), отметив невинный характер ребенка, отвечая на вопрос из второй группы, взросление описал как потерю этой невинности и принятие несправедливости и обыденности. Ср.: Q3/R43. *Innocence and great possibility*; Q7/R43. *Losing innocence and accepting the unfair and mundane*.

Однако некоторые ответы показали прямо противоположное видение детства и негативное восприятие детей. Например, респондент № 11 на вопросы № 4 и 5 ответил *Mini annoyances* и *Demons*. В ответе на четвертый вопрос использована метонимия: респондент переносит одно из возможных качеств ребенка – его способность вызывать раздражение – на всю его сущность и использует в качестве синонима к понятию «дети». Во втором случае мы можем наблюдать метафорическое сравнение детей с демонами – существами, олицетворяющими зло и воплощающими в себе все плохое.

Таким образом, респондент гиперболизирует отрицательную природу детей, сводя все разнообразие их возможных качеств к негативным характеристикам. Можно сделать предположение, что определенный вклад в такое восприятие детей вносит религия, которая утверждала, что дети греховны по своей при-

роде. До XVIII в. ребенок воспринимался как маленький человек, рожденный в грехе. Согласно Кальвинистской доктрине, человек не рождается хорошим, а становится таким в процессе воспитания [12. С. 14]. Комментируя данную группу ответов, стоит отметить, что в современном английском языке существует множество синонимов, использующихся для обозначения непослушных детей (*scamp, imp, monkey, rascal, rascal, scalawag, urchin, scallywag*) [13. С. 59].

Возвращаясь к идее невинности, стоит обратить внимание на то, что в ряде ответов чистота ребенка выражена при помощи метафоры о белом листе. Ср.: Q3/R45. *A blank slate*; Q4/R22. *New clean slate*; Q7/R43. *A blank canvas*; Q2/R35. *An open vessel waiting for the next big adventure*. Использование этих метафор в обиходно-разговорном дискурсе восходит к теории Джона Локка *Tabula Rasa*.

Идея о том, что ребенок представляет собой чистый сосуд, который наполняется по мере взросления, выражена в ряде ответов при помощи метафорического сравнения детей с губками, которые готовы впитывать новый опыт. По результатам опроса насчитывается 10 ответов подобного рода. Ср.: Q3/R53. *Absorbing*; Q4/R19. *Eager sponges, soaking up things and full of wonder*; Q4/R40. *Sponges absorbing experiences*; Q4/R45. *Sponges to absorb life*. Отдельного внимания заслуживают два ответа респондента № 57. Описывая ощущения ребенка, он использует слово «впитывающий» (Q3/R57. *Absorbing*).

Позитивное видение детства отражено и в использовании лексем с семантикой приключения. Ср.: Q2/R26. *Adventurer*; Q1/R35. *Happy outdoor adventures*; Q2/R41. *Traveler, finding new trails to new places and experiences*.

Прибегая к сравнению различных периодов жизни с путешествием и дорогой, некоторые респонденты используют метафоры различных видов транспорта, что является достаточно типичным для американской лингвокультуры [14. С. 12]. В контексте обсуждения детства используется транспортная метафора велосипеда, что предсказуемо, так как это один из немногих видов транспорта, который доступен несовершеннолетним гражданам и пользуется среди них наибольшей популярностью. Один из респондентов при описании взросления сравнивает данный период с ездой на велосипеде с постепенным ускорением (Q6/R9. *Riding a bike you start slow then speed up*). Образ велосипеда также появляется в форме свободных ассоциаций в ответах двух других респондентов (Q1/R24. *Big wheels and bikes, sunshine and the 70's*; Q1/R26. *Bike riding and water*). Стоит отметить восемь ответов, в которых процесс взросления описан как поездка на американских горках (Q6/R6. *A roller coaster*). Такая метафора позволяет сделать акцент на эмоциональной нестабильности подростков, сравнив резкие перепады полярных психических состояний с быстрой сменой направления и скорости движения, на которой базируется этот аттракцион.

В 16 ответах, представленных в первой группе вопросов Q1–Q5, присутствует семантическое поле игры и игровых элементов (Q1/R49, R21. *Playing outside*; Q1/R46. *Toys toys toys*; Q1/R2. *Playing with barbies*;

Q1/R2. *Television and Toys*; Q3/R33. *Playing in a puddle*). В контексте игры в четырех случаях из 16 употребляется лексика, связанная с теплым временем года (Q1/R36. *Playing outside in the summer*; Q1/R38. *Playing outside in the heat*; Q1/R55. *Summers in the park*). Интересным с точки зрения метафорической креативности в данном случае представляется сравнение детства с тропическим островом (Q1/R7. *Tropical island*), выражение, которое в большинстве случаев используется для обозначения приятного времяпрепровождения. Трое из этих 16 респондентов упоминали беззаботность и свободу в ответах на вопросы о ребенке (Q1/R33. *No worries, carefree*; Q3/R38. *Being free*; Q3/R19, 56. *Being carefree*). При ответе на вопрос о взрослении один из респондентов связал его с потерей вышеупомянутых качеств (Q7/R49. *Leaving care-free days behind*). Отдельного внимания заслуживает метафорическое сравнение взросления со «столкновением с поездом ответственности» (Q7/R11. *Being hit by a train of responsibility*). Автор данной метафоры не только отразил смену беззаботности на ответственность в период взросления, но и показал резкий и болезненный характер этих изменений.

В ряде ответов формулируется осмысление детства через мир взрослых. Некоторые респонденты при описании детей использовали распространенную метафору, построенную на оксюморе, «ребенок – маленький взрослый» (Q5/R8. *Little adults*; Q5/R52. *Miniature adults*; Q4/R16, R46. *Little people*; Q4/R16, R46. *Small people*; Q2/R20. *Little person*). Стоит отметить, что в современных англоязычных произведениях, описывающих средневековое детство, часто используется оксюморон «little adults» или «miniature adults» [15. С. 379].

Часть респондентов при описании детей использовала антитезу, градуальные антонимы: «маленький» и «большой». Респондент № 27 построил свое осмысление детства на контрасте «маленький человек – большой мир» (Q2/R27. *Small person in a big world*). Респондент № 47 определил ребенка как «маленького человека, который хочет стать большим» (Q2/R47. *Little person who wants to be big*).

Отдельно следует прокомментировать ответ респондента, который ставит детей в пример взрослым, сравнивая первых с напоминанием о том, каким человеком нужно быть и какие поступки совершать для построения светлого будущего. Эта метафора также базируется на противопоставлении детей и взрослых (Q4/R43. *Reminders as to what adults need to be and do to serve the future*). В англоязычном дискурсе действительно циркулирует гиперболизированная метафора о детях, сражающихся против всего остального мира: *the children against the rest of the world* [16].

Отдельно следует упомянуть респондентов, которые осмысливают детство через взаимоотношения с миром взрослых. Большинство ответов здесь несет в себе идею зависимости, несвободы детей. Респондент № 3 описывает самоощущение ребенка как раба, возможно, подразумевая под этим отсутствие правосубъектности и вынужденную необходимость выполнять то, что говорят взрослые (Q2/R3. *Slave*). Особого внимания заслуживает идея о том, что ребенок представ-

ляет собой собственность своих родителей (Q2/R17. *Belonging of your parents*).

Используя данную метафору, респондент лишает его воли, делая акцент на том, что все решения за него принимают родители.

Такое видение может обуславливаться как культурными нормами, так и действующим законодательством, согласно которому ребенок лишен полной дееспособности до наступления его совершеннолетия [17]. Ср.: Q3/R55. *Having bigger people make all your decisions*. Зависимость детей от взрослых также выражена в ответах респондентов № 46 и 55 (Q3/R46. *Being dependent*; Q2/R55. *Small, dependent being*). 6 ответов содержат в себе лексику *prison* и ее производные (Q3/R10. *Being a prisoner*).

Лишение ребенка человеческих качеств также выражено в сравнении его с бременем: Q2/R4. *Burden*. Эта же тенденция отражена в ответах двух респондентов, которые описывают детей как второсортных граждан, скорее всего имея в виду привилегии взрослых над детьми (Q3/R31, 52. *Being a second class citizen*).

Контрастирующим с группой, описанной выше, выступает ряд ответов, в которых дети представлены как сильные люди, которые способны практически на все. Три респондента сравнили ребенка с супергероем (Q2/R2. *Superhero who can do anything*). Для американской культуры супергерой является важным прецедентным феноменом, являющимся символом лидерства, героизма и надежды [18]. Другой респондент определил ребенка как «человека, который завоеует мир» (Q2/R33. *Person who will conquer the world*). В одном из ответов возможности ребенка крайне гиперболизированы и выражены при помощи контраста между гением и посредственной средой, в которой он обитает (Q2/R31. *Genius among idiots*). Антитеза, использованная автором, подчеркивает ощущение самоуверенности и превосходства над окружающими, которое может испытывать ребенок. Феномен гениального ребенка действительно является важным для англоязычной культуры, что выражено в таких часто используемых словосочетаниях, как *child prodigy*, *infant prodigy*, *wonder child* [13. С. 59].

В семи ответах тем или иным образом подчеркивается ценность ребенка. Респондент № 9 использует гиперболу и отмечает, что, будучи ребенком, человек ощущает себя «самым важным человеком в мире», а затем дает метафорическое сравнение детей со звездами (Q2/R9. *You are the most important person in the world*; Q4/R9. *Stars*). Респондент № 56 отмечает важность детей с помощью номинативной метафоры – «ребенок – центр внимания» (Q3/R56. *Being the center of attention*). На высокую ценность и важность детей также указывает их сравнение с драгоценными камнями (Q4/R27. *Precious stones*). Один из респондентов сравнил детей с «неограниченными алмазами» (Q4/R17. *Diamonds in the rough*). Данная метафора является общезыковой и используется для описания человека, обладающего исключительными качествами или потенциалом, которые необходимо развить [19]. Другой респондент сравнивает ребенка с «открытием, ожидающим своего часа» (Q4/R47. *A discovery waiting to be made*).

Семантически схожими с вышеупомянутой метафорой является определение детей как формируемой

глины (Q4/R48. *Moldable clay*). Идея постоянных изменений и процессов формирования личности также заложена в таких индивидуальных метафорах, как «личность в разработке» и «работа в процессе» (Q2/R30. *Person in training*; Q2/R45. *Work in progress*). Несмотря на то что данные метафоры были предложены двумя разными респондентами, они схожи по своей семантической структуре, которая позволяет подчеркнуть незавершенность процесса формирования личности у ребенка и акцентировать внимание на том, что ребенок существует не в реальном мире, мире взрослых, а в упрощенной, «тренировочной» версии этого мира, созданной специально для развития детей и их подготовки к реальной жизни.

Похожее восприятие детства выражено в ответах, где используется лексика школы и обучения. Три респондента ассоциируют детство с этими феноменами (Q1/R58. *School*; Q2/R22. *Student*). Заметим, что один из них дает метафорическое осмысление и говорит о ребенке как об «ученике жизни», расширяя границы специального учебного заведения – школы – и распространяя модель обучения на все сферы жизни (Q2/R41. *Student of life*). Упоминание образования и школы также может быть обусловлено тем, что они являются одними из основных инструментов бюрократизации возраста на первых этапах жизни человека, в результате чего становятся незаменимыми атрибутами детства и взросления [20].

Интересным с точки зрения лингвистической креативности представляется ответ респондента № 50, который сравнил детство с «поиском своего пути через лабиринт» (Q3/R50. *Finding your way thru a maze*). В данной метафоре детство рассматривается не как состояние, а как процесс поиска себя, формирования собственной личности, а образ лабиринта символизирует непростой, запутанный путь с множеством отвлечений.

Отдельного комментария заслуживает сравнение детей с цветами. Такая метафора типична для большинства культур, в том числе и англоязычной, так как цветы, растения и деревья с незапамятных времен являлись важной частью человеческой жизни, в результате чего они стали важнейшими символами, с помощью которых люди выражали свои эмоции, чувства, взгляды, страхи [21. С. 100]. Во всех ответах при использовании метафоры цветка был сделан акцент на процессе его роста. Таким образом, в такое осмысление детства уже заложено понятие взросления (Q5/R47. *A flower trying to bloom*; Q7/R50. *A very slow growing plant*). Один из респондентов предлагает развернутую метафору и сравнивает необходимость в заботе о детях и их воспитании с поливанием и подпиткой цветка (Q6/R42. *A flower that need to be feed and watered and nurtured*).

Описывая основные тенденции в восприятии и описании детей, отдельно стоит прокомментировать гендерные различия, которые можно определить при анализе ответов на вопросы Q9–Q10. Ряд ответов построен на противопоставлении двух полов. Часть респондентов избрали стратегию контраста, строящегося на противопоставлении более и менее легкой жизни. Например, респондент № 3 использовал градуаль-

ные антонимы «легкий, тяжелый» для того, чтобы подчеркнуть, насколько тяжела жизнь мальчика по сравнению с жизнью девочки (Q9/R3. *Easy life*; Q9/R3. *Hard life*). Похожую стратегию оппозиций избрал респондент № 1, который ассоциировал жизнь девочки со строгими правилами, а жизнь мальчика – с весельем (Q9/R1. *Strict rules*; Q10/R1. *Having fun*). С той же целью респондентом № 40 была использована сравнительная степень прилагательного «тяжелый» (Q9/R40. *Trying harder*; Q10/R40. *Trying*).

Два респондента посредством использования прилагательных со значением «менее значительный, низший» выразили социальные предрассудки, с которыми приходится сталкиваться девочкам. Оба ответа отражают тенденцию к восприятию одного пола через оппозицию с другим, при этом один из них воспринимается как более значимый (Q9/R55. *Being thought of as inferior to boys*; Q9/R49. *Being considered the lesser sex*). Мнение о том, что девочкам приходится преодолевать стереотипы, навязанные обществом, также было выражено в ответе респондента № 17 (Q9/R17. *Having to deal with body stereo types and feeling comfortable in your own skin*). В то же время при описании жизни мальчика респондент использовал детерминанты «меньше» и «больше», для того чтобы подчеркнуть более легкую жизнь мальчика в сравнении с девочкой (Q10/R17. *Less drama, more acceptance*).

Тенденция к оппозиции в восприятии мальчиков и девочек в ряде ответов была вербализирована при помощи атрибутов, с которыми ассоциируют тот или иной пол. Например, респондент № 57 раскрыл контраст между полами, используя существующий стереотип о том, что девочки играют с куклами, а мальчики – с машинками, в качестве символов двух гендеров (Q9/R57. *Dolls*; Q10/R57. *Trucks*) [22]. Тактика метонимического переноса была также использована другими респондентами на основе смежности пола ребенка и чертам характера, с которыми их принято ассоциировать [23] (Q9/R10. *More crying and more feeling*; Q10/R9. *Sports fighting and getting into trouble*). При описании девочек акцент был сделан на внешности, в двух ответах были использованы лексемы, составляющие данное семантическое поле: *pretty, dresses*. Также используются лексемы (часто прилагательные), входящие в семантическое поле чувственности и эмоциональности: *sensitive, gentle, graceful, nice, feeling*. Мальчишеская среда вербализируется при помощи лексики, обозначающей более активные действия или состояния: *getting dirty, outgoing, loud, rough and tumble*. Ср.:

Q9/R18. *Feeling pretty*; Q10/R18. *Getting dirty*.

Q9/R19. *Being sensitive, learning social rules*
Q10/R19. *Being outgoing, rowdy*.

Q9/R25. *Dresses, pig tails*; Q10/R25. *Rough and tumble mixed with a little dirt*.

Q9/R38. *Gentle and graceful*; Q10/R38. *Rough and loud*.

Q9/R44. *Always playing nice*; Q10/R44. *Tough*.

Отдельного комментария заслуживает ряд ответов, в которых респонденты намеренно дали одинаковые ответы при описании обоих полов, подчеркнув тем самым отсутствие влияния гендерных различий на

отношение к ребенку. Такие ответы подкрепляются теорией гендерной нейтральности, которая утверждает, что биологический пол не обязательно определяет социальные, психологические и интеллектуальные характеристики человека [24].

Например, респондент № 8 отметил, что все вышеперечисленные различия между мальчиком и девочкой социально навязаны и единственное, чем они отличаются – это части тела (Q9/R8. *Being a girl means you have to be pretty, quiet, nice*; Q10/R8. *Being a boy means you can be loud, rough, tough and never cries. According to society. Not my opinion. To me a boy or girl is only different by body parts. They should all be kind and good kids first*). Такого же мнения придерживаются двое других респондентов, которые в своих ответах иронично свели все возможные различия между девочкой и мальчиком к физическим признакам (Q9/R5, 11. *Having a vagina*; Q10/R5, 11. *Having a penis*). Такие ответы отражают современную идею, которая признает, что понятие пола включает в себя лишь физические различия, а гендер, который определяется на индивидуальном уровне, затрагивает психические, социальные и культурные характеристики. Таким образом, эти респонденты различают понятия пола и гендера и не берутся описывать последнее в рамках оппозиции «мальчик или девочка», оставляя эти характеристики для определения каждым отдельным ребенком: Q9, 10/R30. *Being yourself*; Q9, 10/R31. *Whatever each child is experiencing*; Q9, 10/R32. *Being a child who should be allowed to be a child, not a "little man" or "little woman"*; Q9, 10/R35. *Being true to yourself. There is no inherent difference in meaning*.

Языковые примеры, подкрепляющие вышеописанные тенденции, изобилуют в современной американской культуре. Например, иронично обыгрывается идиома *boys will be boys*, значение которой заключается в том, что неудивительно, когда мужчины или мальчики ведут себя энергичным, грубым или неподобающим образом, так как это неотъемлемая часть их характера [25]. В одной из статей *Columbia News Services* данное изречение деконструируется следующим образом: *Boys Will Be Boys. Unless They're Girls* [26].

Идея гендерно нейтрального воспитания приобрела важное значение среди либерального американского общества. В результате было предложено новое местоимение для обозначения ребенка, которое позволяет избежать гендерной идентификации. Вместо традиционных *he* и *she* предлагается последовать общемировой тенденции инклюзивного языка, например, при помощи замены местоимений третьего лица единственного числа на множественное *they* [27. С. 110]. Либеральными активистами был предложен неологизм *theyby* – местоимение, которое строится на основе контаминации местоимения *they* и существительного *baby* [28].

На основании представленного в статье материала можно сделать ряд общих выводов.

1. Большая часть ответов, в которых отражено восприятие детства, являются эмоционально окрашенной и несут позитивные или негативные суждения. В пределах одного ответа встречаются прямо противоположные формулировки, что свидетельствует о неоднозначности и противоречивости субъектив-

ного опыта переживания детства (Q1/R15. *Pain, wonder, innocence*).

2. Восприятие феномена детства на современном этапе развития не является однородным, так как оно впитало в себя все ранее предложенные в дискурсах интерпретации.

3. Несмотря на контроль со стороны общества и попытки бюрократизации, опыт детства и взросления является феноменом субъективной реальности, который допускает множество различных трактовок.

4. Помимо эксплицитного способа вербализации детства и взросления, одним из основных инструмен-

тов концептуализации этого опыта среди носителей современной американской лингвокультуры является метафора.

5. Наблюдается гетерогенность дискурсивного поведения, которая выражается в разнородности используемых метафор. Носитель американской культуры как адаптирует уже существующие, распространенные в лингвистическом пространстве конвенциональные метафоры с учетом своих когнитивных особенностей, так и создает индивидуальные, креативные метафоры. В результате их совокупность формирует уникальный метафорический ландшафт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коршунова А.И. Дискурсивное конструирование феномена «детство» в англоязычной культуре // Человек: Образ и сущность. 2020. № 2 (42). С. 21–39.
2. Нефедова Л.К. Феномен детства в основных формах его репрезентации (философия, миф, фольклор, литература) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2005.
3. Evans S., Garner J. Talking over the years: A handbook of dynamic psychotherapy with older adults. New York : Routledge, 2004. 304 p.
4. Нагорная А.В. Дискурсивное конструирование феноменов старости и старения: опыт англоязычных стран // Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: свое, чужое, универсальное. М. : ИНИОН РАН, 2019. С. 77–88.
5. Zinken J., Hellsten I., Nerlich B. Discourse metaphors // Body, Language and Mind. 2008. Vol. 2: Sociocultural Situatedness. P. 363–385.
6. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М. : ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
7. Нагорная А.В. Метафоры старения и старости в обиходно-разговорных дискурсах современной Америки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 142–165. DOI: 10.17223/19986645/69/7.
8. Gentner D., Colhoun J. Analogical Processes in Human Thinking and Learning // Towards a Theory of Thinking: Building Blocks for a Conceptual Framework. Berlin : Springer, 2010. P. 35–48.
9. Bowdle B.F., Gentner D. The Career of Metaphor // Psychological Review. 2005. Vol. 112, № 1. P. 193–216.
10. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and symbol. London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 1–39.
11. Lawley J., Tompkins P. Metaphors in Mind: Transformation Through Symbolic Modelling. London : Crown House Pub., 2000. 226 p.
12. Bunge M. The Child in Christian Thought. Grand Rapid : Wm. B. Eerdmans-Lightning Source, 2001. 527 p.
13. Бабарыкина Т.С. Характеристика английского концепта child на основе словарных дефиниций // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 57–61.
14. Lumsden K. Boy Racer Culture: Youth, Masculinity and Deviance. New York : Routledge, 2013. 208 p.
15. Beales R.W. In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England // American Quarterly. 1975. Vol. 27, № 4. P. 379–398.
16. Bayliss S. Innocent or Not So? The Shifting Visions of Childhood // The New York Times. 1999. URL: <https://www.nytimes.com/1999/03/14/arts/art-architecture-innocent-or-not-so-the-shifting-visions-of-childhood.html> (дата обращения: 06.01.2021).
17. Family and Parenting Institute. Is It Legal? A Parents' Guide to the Law. URL: https://www.rbkc.gov.uk/pdf/FPI%20is%20it%20legal%20Feb_08.pdf (дата обращения 20.01.2021).
18. Dubois L. Superheroes and «the American Way»: Popular Culture, National Identity, and American Notions of Heroism and Leadership. Richmond University. URL: <https://scholarship.richmond.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2397&context=honors-theses> (дата обращения: 20.12.2020).
19. Diamond in the rough // Электронный словарь Merriam Webster. URL: <https://www.merriamwebster.com/dictionary/diamond%20in%20the%20rough> (дата обращения: 15.12.2020).
20. Aries E. Centuries of Childhood: A Social History of Family. New York : Random House, 1965. 448 p.
21. Lehner E., Lehner J. Folklore and Symbolism of Flowers, Plants and Trees. New York : Dover Publications, 2003. 128 p.
22. Columbia News Service. Parenting Goes Gender Neutral // Columbia News Service. 2011. URL: <https://columbianewsservice.com/2011/04/parenting-goes-gender-neutral/> (дата обращения: 20.01.2021).
23. UNICEF. Early Childhood Early Gender Socialization, 2007. URL: https://www.unicef.org/earlychildhood/index_40749.html (дата обращения: 23.01.2021).
24. Dragseth J. Thinking Woman: A Philosophical Approach to the Quandary of Gender. Cambridge : Lutterworth Press, 2016. 214 p.
25. Boys will be boys // Электронный словарь Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/boys%20will%20be%20boys> (дата обращения: 15.12.2021).
26. Columbia News Service. Boys Will Be Boys. Unless They're Girls // Columbia News Service. 2011. URL: <https://columbianewsservice.com/2011/04/parenting-goes-gender-neutral/> (дата обращения: 20.01.2021).
27. Blake B.J. English Vocabulary Today: Into the 21st Century. New York : Routledge, 2019. 192 p.
28. Theyby // Электронный словарь Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/theyby> (дата обращения: 15.12.2020).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 августа 2021 г.

Metaphors of Childhood in Contemporary American Discourses

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 14–21.

DOI: 10.17223/15617793/469/2

Aleksandra I. Korshunova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexandra.korshunova.96@gmail.com

Keywords: English-language culture; conversational discourse; discourses of childhood and growing up; metaphor; metaphorical creativity; metaphorical landscape.

The article examines metaphors of childhood and growing up that are used by native speakers of American English. To analyse the metaphors used in the conversational discourse of childhood, a survey on the online platform *Survey Monkey* was conducted. Both individual answers of the respondents and general tendencies in the verbalization of the phenomena are considered. The body of the article includes a description of the experiment and an analysis of its results. The aim of this study is to identify the main trends in the verbalization of the experience of childhood and growing up, as well as the possibility of modifying conventional metaphors and creating individual metaphorical projections. The article is based on two important lines of linguistic research: discourse and discourse metaphor. A significant role in the formation of perception of a certain phenomenon is played by the dynamic processes of linguistic activity that have developed in a certain social context, that is, discourses. Chronological parameters, dividing age into periods are social constructs, and discursiveness is a way of linguistic construction of this phenomenon. Discourse metaphor is a relatively stable metaphorical projection that functions as a key framing tool within a certain discourse during a certain period of time. Metaphor acts as a means of conveying the author's ideas, as well as a unit of text formation, contributing to the structuring and categorisation of the real world. Thus, metaphor is a way of verbalising subjective reality, which allows structuring personal experience. Based on the study, a number of general conclusions can be drawn. 1. Most of the answers that reflect the perception of childhood are emotionally coloured and carry positive or negative judgments. Within the same answer, there are directly opposite formulations, which indicates the ambiguity and contradictions of the subjective experience of childhood. 2. Despite the control by society, the experience of childhood and growing up is a phenomenon of subjective reality. 3. In addition to the explicit way of verbalising childhood, one of the main tools for conceptualising this experience among the representatives of modern American linguistic culture is metaphor. 4. There is a heterogeneity of the metaphors used. Representatives of American culture both adapt the already existing conventional metaphors and create individual metaphors. As a result, their combination forms a unique metaphorical landscape.

REFERENCES

1. Korshunova, A.I. (2020) The discursive construal of "childhood" in the English-speaking culture. *Chelovek: Obraz i sushchnost' – Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2 (42). pp. 21–39. (In Russian). DOI: 10.31249/chel/2020.02.02
2. Nefedova, L.K. (2005) *Fenomen detstva v osnovnykh formakh ego reprezentatsii (filosofiya, mif, fol'klor, literatura)* [The phenomenon of childhood in the main forms of its representation (philosophy, myth, folklore, literature)]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Omsk.
3. Evans, S. & Garner, J. (2004) *Talking Over the Years: A handbook of dynamic psychotherapy with older adults*. New York: Routledge.
4. Nagornaya, A.V. (2019) Diskursivnoe konstruirovaniye fenomenov starosti i stareniya: opyt angloyazychnykh stran [Discursive construction of the phenomena of old age and aging: the experience of English-speaking countries]. In: Oparina, E.O. (ed.) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v epokhu globalizatsii: svoe, chuzhoe, universal'noe* [Intercultural Communication in the Era of Globalization: Own, Other, Universal]. Moscow: INION RAN. pp. 77–88.
5. Zinken, J., Hellsten, I. & Nerlich, B. (2008) Discourse metaphors. *Body, Language and Mind*. 2. pp. 363–385.
6. Nagornaya, A.V. (2014) *Diskurs nevyrazimogo: Verbalika vnutritel'snykh oshchushcheniy* [The Discourse of the Inexpressible: The Verbalization of inner-body sensations]. Moscow: LENAND.
7. Nagornaya, A.V. (2021) Metaphors of Aging and Old Age in the Lay Discourses of Contemporary America. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 142–165. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/69/7
8. Gentner, D. & Colhoun, J. (2010) Analogical Processes in Human Thinking and Learning. In: Glatzeder, B., Goel, V. & Müller, A. (eds) *Towards a Theory of Thinking: Building Blocks for a Conceptual Framework*. Berlin: Springer. pp. 35–48. DOI: 10.1007/978-3-642-03129-8_3
9. Bowdle, B.F. & Gentner, D. (2005) The Career of Metaphor. *Psychological Review*. 1 (112). pp. 193–216.
10. Praggeljaz Group. (2007) MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*. 1 (22). pp. 1–39.
11. Lawley, J. & Tompkins, P. (2000) *Metaphors in Mind: Transformation Through Symbolic Modelling*. London: Crown House Pub.
12. Bunge, M. (2001) *The Child in Christian Thought*. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans-Lightning Source.
13. Babarykina, T.S. (2009) Characteristic of the English concept child on the basis of dictionary definitions. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 4. pp. 57–61. (In Russian).
14. Lumsden, K. (2013) *Boy Racer Culture: Youth, Masculinity and Deviance*. New York: Routledge.
15. Beales, R.W. (1975) In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England. *American Quarterly*. 4 (27). pp. 379–398.
16. Bayliss, S. (1999) Innocent or Not So? The Shifting Visions of Childhood. *The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/1999/03/14/arts/art-architecture-innocent-or-not-so-the-shifting-visions-of-childhood.html>. (Accessed: 06.01.2021).
17. Family and Parenting Institute. (2007) *Is It Legal? A Parents' Guide to the Law*. [Online] Available from: https://www.rbkc.gov.uk/pdf/FPI%20is%20it%20legal%20Feb_08.pdf. (Accessed: 20.01.2021).
18. Dubois, L. (2019) *Superheroes and "the American Way": Popular Culture, National Identity, and American Notions of Heroism and Leadership*. [Online] Available from: <https://scholarship.richmond.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2397&context=honors-theses>. (Accessed: 20.12.2020).
19. Merriam-Webster. (n.d.) *Diamond in the rough*. [Online] Available from: <https://www.merriamwebster.com/dictionary/diamond%20in%20the%20rough>. (Accessed: 15.12.2020).
20. Aries, P. (1965) *Centuries of Childhood: A Social History of Family*. New York: Random House.
21. Lehner, E. & Lehner, J. (2003) *Folklore and Symbolism of Flowers, Plants and Trees*. New York: Dover Publications.
22. Columbia News Service. (2011) *Parenting Goes Gender Neutral*. [Online] Available from: <https://columbianewsservice.com/2011/04/parenting-goes-gender-neutral/>. (Accessed: 20.01.2021).
23. UNICEF. (2007) *Early Childhood Early Gender Socialization*. [Online] Available from: https://www.unicef.org/earlychildhood/index_40749.html. (Accessed: 23.01.2021).
24. Dragseth, J. (2016) *Thinking Woman: A Philosophical Approach to the Quandary of Gender*. Cambridge: Lutterworth Press.
25. Merriam-Webster. (n.d.) *Boys will be boys*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/boys%20will%20be%20boys>. (Accessed: 15.12.2021).
26. Columbia News Service. (2011) *Boys Will Be Boys. Unless They're Girls*. [Online] Available from: <https://columbianewsservice.com/2011/04/parenting-goes-gender-neutral/>. (Accessed: 20.01.2021).
27. Blake, B.J. (2019) *English Vocabulary Today: Into the 21st Century*. New York: Routledge.
28. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. (n.d.) *Theyby*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/theyby>. (Accessed: 15.12.2020).

Received: 02 August 2021

А.Е. Мазуров

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА И РАБОТА С ФАКТАМИ В ФЕЛЬЕТОНАХ Ф.В. ВОЛХОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ 1882–1884 гг.)

Рассматривается вопрос о работе с фактами в фельетонах ведущего сотрудника дореволюционной «Сибирской газеты» Ф.В. Волховского. Новостные подборки «Сибирской газеты» сопоставляются с содержательной частью фельетонов. Делается вывод о том, что синтез документального и художественного, который представлен в публикациях газеты, позволяет говорить о фельетонах Волховского как об особом формате сибирской публицистики, находящейся в тяжелых цензурных условиях.

Ключевые слова: фельетон; новость; факт; Ф.В. Волховский; «Сибирская газета»

Введение. Фельетон был одним из востребованных жанров дореволюционной периодики. Благодаря фельетону журналисты могли сфокусировать внимание на острых общественных проблемах, обходя цензурные запреты. Этому способствовала специфика фельетона как особого синкретического жанра, содержащего в «слитном, нерасчлененном состоянии элементы различных жанровых форм» [1, 2]. Ключевым отличием фельетона от других сатирических форм является непосредственная работа с фактами, которые вводятся в текст: это его специфика и преимущество как художественно-публицистического жанра [3–5].

Для периодических изданий Сибири конца XIX в. характерным приемом работы с фактами было создание на их основе фельетонов: тексты местных фельетонистов опирались на городские, общероссийские и мировые новости, затрагивая экономические, общественно-политические и культурные сферы жизни в обход предварительной цензуры.

Одним из ключевых фельетонистов сибирской периодики был Ф.В. Волховский – поэт-народник, который считался «негласным редактором» первой томской «Сибирской газеты» (1881–1888) [6, 7]. Газета включала в себя не только журналистские жанры – аналитические материалы, хронику российской, сибирской и иностранной общественной жизни, но и литературно-критические и художественные, художественно-публицистические: литературные обозрения, беллетристику (стихотворения, рассказы, очерки, фельетоны). За восемь лет в «Сибирской газете» было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических материалов, в их числе более 100 фельетонов. Автором 89 фельетонов был Ф.В. Волховский.

Целью исследования является выявление документальной основы сатирических жанров в дореволюционной сибирской периодике на примере фельетонов Ф.В. Волховского. Материалом исследования являются фельетоны Волховского, опубликованные в «Сибирской газете» в 1882–1884 гг. В работе применяются метод жанрового исследования, метод жанрового анализа, нарративный метод, контент-анализ.

Исследователи, останавливая свое внимание на художественных особенностях фельетонов Волховского, практически не затрагивали вопрос об их документальной основе (см.: [6, 8–13]). Также редко

рассматривались проблемы сопоставления факта и вымысла, художественности и публицистичности в исследованиях, посвященных фельетону как жанру [1, 2, 4, 5, 14, 15].

Формы представления фактов в фельетонах Ф.В. Волховского. 1882–1884 гг. – время активной фельетонной работы Волховского, который выступал в «Сибирской газете» под различными псевдонимами, используя их как полноценные «литературные маски», наделяя каждую из них своеобразной манерой изложения материала. В этот период было опубликовано 40 фельетонов под псевдонимами: «В тиши расцветший василек», «Фома», «Иван Брут», «Я. Ачинский», «Дядя Федул», «Консерватор». Среди них можно выделить циклы фельетонов, посвященных разным проблемам общественной жизни Сибири, «адресные» циклы, стихотворные фельетоны и фельетоны-сказки. Несмотря на доминирование во многих текстах Волховского художественного начала, фактическая основа присутствовала в большинстве фельетонов.

Можно выделить шесть типов бытования факта в фельетонах Волховского:

- неопубликованный факт (43 факта);
- новость из газет (19 фактов);
- новостной контекст (15 фактов);
- отсылка к новости (13 фактов);
- конфликт как информационный повод (11 фактов);
- условная новость (10 фактов).

Из-за необходимости проходить процедуру предварительной цензуры огромная часть фактов не могла быть опубликованной на страницах «Сибирской газеты»: о злоупотреблениях чиновниками, об административном произволе, о растратах, подлогах, об унижении простого народа и т.д. Именно эти неопубликованные факты, которые становились известны газете благодаря сотрудничеству с внештатными корреспондентами, чаще всего становились документальной основой фельетонов Волховского.

В качестве примера можно привести факт, ставший основой для одного из фельетонов цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». В фельетоне Волховский осуждал поведение безымянного «иркутского коммерсанта», для которого не имела никакой ценности человеческая жизнь: *«У некоего иркутского коммерсанта, ведущего большую торговлю и имеющего большой каменный дом на Большой улице столицы Восточной Сибири жила*

теща, старушка лет 75: с детьми водилась... Вдруг старушка заболела: домашний доктор коммерсанта предсказывает ей смерть. Что-же теперь делать? А что делают с вещью, когда она изнашивается на службе? – ее бросают, только и всего!» (СГ. 1883. № 19).

Факт жестокого обращения со старушкой не мог быть опубликован в качестве полноценной новости, но он нашел место в фельетоне: послужил иллюстрацией к тезису о «дешевизне человеческой жизни».

Нередко в текстах Волховского встречались упоминания о неопубликованных корреспонденциях: в этом случае публицист, как правило, приводил текст внештатного автора полностью, а затем комментировал ее.

Другой разновидностью этого типа были слухи, с которыми также охотно работал фельетонист. Так, в материале из цикла «Письма с ярмарки» (псевдоним «Фома»), автор, описывая грабеж и разбой на дорогах, приводил в пример убийство, о котором он слышал: *«Только что в 6 верстах от города, на проезжей дороге, найден убитым какой-то “богатый”, как говорит молва, и рядом с ним молодая, лет 15 девушка»* (СГ. 1882. № 50).

Необходимо отметить, что цикл фельетонов «Фомы» «Письма с ярмарки» стоит особняком в этом разделе: в текстах к неопубликованным фактам относятся авторские впечатления от ярмарки. Своими глазами автор видел драки, убийства, «мордобой», мог подсчитать количество посетителей, отметить самые покупаемые товары, т.е. источником фактов выступал сам автор, участвующий в событии.

Следующими по частоте в фельетонах Волховского были приемы использования опубликованных новостей из разных газет, присылаемых в редакцию «Сибирской жизни», и создания новостного контекста. Ссылка на газетные новости служила фельетонисту для подкрепления его тезисов, причем Волховский довольно часто упоминал источник, в котором он нашел нужный факт. Впрочем, если ссылки не было, то новость все равно можно было найти в газетных публикациях, поэтому такие факты объединены в этой группе.

Как правило, такие новости были представлены в фельетонах в качестве комментария к сообщаемой ранее информации. Например, в фельетоне Ивана Брута присутствовала «история о внесении угодения в городской бюджет»: *«В № 45 вашей газеты в корреспонденции из Балаганска было сказано, будто город ожидает много хорошего от недавно выбранного в городе головы купца Б., не даром же ему назначили 400 р. годового жалованья... История ассигнования 400 р. такова: господин голова обратился к господам гласным с такою, примерно, речью: “Господа гласные, ведь мне нужно будет угощать лиц начальствующих и иных; без этого нельзя”... ну и ассигновали»* (СГ. 1883. № 5).

В этом фрагменте фельетонист привел историю про «угощение» со ссылкой на событие, которое уже было освещено в «Сибирской газете» – выборы нового главы в Балаганске. Также Волховский периодически «заимствовал» факты из более крупных форм

журналистского текста – из аналитических материалов, статей, очерков.

Обращение к новостному контексту, которое нередко встречалось в фельетонах Волховского, означало отсылки к сведениям, уже известным читателям «Сибирской газеты», без каких-либо пояснений: чаще всего это реплики о погоде, комментарии к календарным праздникам, рассказ о событиях общественной жизни. Примером этому может служить отрывок из фельетонного цикла «Нечто о сезоне и прочем» (подписано «В тиши расцветший василек»): *«В наступлении зимы уже едва ли может быть сомнение, хотя по календарю теперь еще должна быть осень: у нас в Томске уже прекрасная санная дорога»* (СГ. 1882. № 42).

В процитированном тексте было представлено много малых объектов сатиры, которые составляли часть сатирического метаобъекта «замороженный город». Так, мороз Волховский связывал со «старанием нагреть томскую публику» фокусником Сименсом, который в это время как раз выступал в городе. Также автор упоминал Северное телеграфное агентство: оно *«принесло нам по телеграфу столько морозов, ледостанов, низких температур и т.п., что, как известно, почти все политические известия этого агентства от такого соседства в дороге замерзли и до нас не дошли»* (СГ. 1882. № 42).

В своих текстах Волховский опирался не только на события реальной жизни, но и на знакомые читателям художественные образы, на фоновые знания, которые создавали контекст разворачиваемого фельетонного сюжета. Так, в фельетоне «Мой тост (и сон, и быль)» (подписано «Фома») автор описывал «золотого тельца»: *«Наверху, выше всех и всего стоял золотой истукан, неподвижный, холодный, бесстрастный и точно с насмешкой глядел вниз на копошащуюся толпу своими злыми металлическими глазами. Все взоры были обращены к нему с мольбой и надеждою. К нему-то бежал и эти люди, протягивали руки, толкали, топтали друг друга. Один душил, другой толкал в пропасть, третий взбирался по трупам»* (СГ. 1883. № 6).

Этот образ иллюстрировал мысль автора о том, что Сибирь страдает от дельцов, думающих только о наживе, высасывающих все силы, все ресурсы из страны, но ничего не дающих ей взамен.

«Отсылки» как категория работы с фактами встречаются в материалах разных жанров, связанных одной темой. В качестве примера можно привести фельетон из цикла «Сибирский музей» (подписано «Консерватор») (СГ. 1884. № 22), где было опубликовано стихотворение корреспондента Касьяна со словом «пятак». Этот фельетон стал частью развернутого сюжета о том, как томская дума решила подать в суд на «Сибирскую газету» из-за «диффамации города Томска» [16]: публикуя информацию о сборе пожертвований в пользу семьи недавно умершего сибирского поэта И.В. Омулевского, газета нелепно отождествляла о жителей Томска, которые собрали минимальное количество средств, и сравнила Томск с «бездушным мешком с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятака» (СГ. 1884. № 12). Об этом шла речь также в другом фельетоне из этого же цикла «Сибирский музей», где автор обратил внимание на конфликт «Си-

бирской газеты» и думы: *«Кондраты всполошились! Правдивая заметка в 12 № “Сибирской газеты” произвела свое действие: кондраты озлобились, их чёрствые сердца затрепетали. Из уст полились потоки сквернословия по адресу обличителей»* (СГ. 1884. № 15).

В следующем фельетоне читатель узнал, что «Сибирскую газету» привлекают к суду за «диффамацию города Т-ка», а одного из корреспондентов хотят избить (СГ. 1884. № 19). Обсуждение новости про «пяттак» закончилось стихотворением (СГ. 1884. № 22), в котором ситуация и городская дума были представлены в сугубо буффонадном ключе.

Некоторые форматы представления фактов в фельетонах закреплялись Волховским за конкретными литературными масками. Так, практически все «конфликты как информационные поводы» относились к литературной маске «Консерватора» и связанными с ней обличительными фельетонами. В одном из фельетонов цикла «Сибирский музей» автор рассказывал про «томского Кондрата, грозившегося будто бы избить одного из сотрудников «Сибирской газеты» (СГ. 1884. № 15). Практически сразу «Консерватор» парировал: *«Да, кстати уж, не тот-ли это коммерсант, который возмнил, что за тридцать тысяч можно купить закрытие двух печатных органов и, как говорят, уже составил план кампании?!»* (СГ. 1884. № 15).

Такая дискуссия была характерна именно для обличительной маски «Консерватора», хотя иногда она появлялась и в фельетонах «Ивана Брута».

Отдельной категорией является «условная новость», представленная в цикле «Летопись Мирного городка» «Я. Ачинского». «Мирный город» здесь – собирательный образ различных сибирских городов с характерными для них чертами. Это позволило автору выстраивать в фельетонном цикле вымышленные сюжеты с опорой на жизненный материал. Так, в первом фельетоне цикла Волховский описывал «безобразия», происходящие в гостиницах с выдуманными названиями «Новый свет» и «Новая Сибирь» (СГ. 1883. № 44). Несмотря на условность ситуации, читатели понимали, что основой для этого описания были реальные случаи «безобразий» в гостиницах многих сибирских городов. Добавим, что через некоторое время Волховский вернулся к этой теме и сообщил о том, как был решен вопрос с гостиничными не порядками: гостиницы просто переименовали (СГ. 1884. № 16).

Также в фельетонах «Сибирской газеты» постоянно описывались курьезные эпизоды из жизни «несуществующих» питейных заведений, гостиниц, домов терпимости, садов, даже театров – вполне узнаваемых читателями «Сибирской газеты».

Наиболее резонансные темы Волховский освещал, комбинируя приемы работы с фактами. Так, например, событием, широко обсуждаемым на страницах «Сибирской газеты», стал «конфликт вокруг известки», или сюжет о постройке здания бийским купцом первой гильдии Василием Гилевым. Это событие освещалось в нескольких номерах газеты в 1882 г.: в № 30 был опубликован фельетон по поводу сворованной известки, найденной у «первой гильдии купца Бийского»; в № 35 было помещено опровержение от

купца, в котором он обвинил в махинациях с известкой крестьянина С-ина; в № 42 крестьянин опровергнул эту информацию в корреспонденции из Бийска: *«...этот купец, которого помнят все алтайские калмыки, лишившиеся своих табунов, монголы, потерявшие лошадей, и проч. и проч., опровергая сказанную статью, уклонился от истины, которую я считаю долгом исправить. Господин Гилев вовсе не подражал крестьянина Суворина для доставки известки, и расписка его в торговой книге наводит на невольное сомнение...»* (СГ. 1882. № 42).

Чтобы разобраться в ситуации, Волховский решил перейти из сферы реальных событий в область вымышленных. Он отправился в воображаемое путешествие в Бийск, где «известный тамошний негодянт, благотворитель, литератор и знаток “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных” окончил постройкой то замечательное сооружение, известка для которого, подобно яблоку Париса, стала предметом раздора между ним, другим местным купцом и поставщиком известки» (СГ. 1882. № 42). Читателю «Сибирской газеты» было понятно, что речь шла не о реальной поездке: в отличие от Волховского, у его «литературной маски» была большая свобода действий и передвижений по Сибири.

В Бийске автор «посетил» обсуждаемое здание, где на котором обнаружил барельеф со множеством отсылок к прошлым «прегрешениям» купца. События этого фельетона, описанные в гротескном ключе с элементами фантастики, вымышленные диалоги, фантазмагории не вводили читателя в заблуждение: все, что говорилось о «вымышленном» Бийске, имело под собой узнаваемую документальную основу и помогало проникнуть в суть обсуждаемой ситуации.

Источники фактов в фельетонах Ф.В. Волховского. Источниками фактов в фельетонах Волховского служили материалы разных жанров как самой «Сибирской газеты», так и томских «Губернских ведомостей», иркутской «Сибири», Санкт-Петербургской газеты «Восточное обозрение», столичных журналов «Вестник Европы», «Дело», «Московский телеграф» и т.д. Нередко публицист опирался на письма и корреспонденции, приходящие в редакцию «Сибирской газеты». Но чаще всего факты были получены самим автором, который видел, слышал, наблюдал окружающую действительность.

Далеко не всегда факты, полученные таким образом, оказывались правдивыми, и Волховский в фельетонах периодически исправлял ошибки, выявленные в предыдущих публикациях.

Так, в 1883 г. в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Волховский описывал, как взбудоражено местное общество при известии, что в Балаганск прибывает известная российская преступница «Золотая ручка»: *«Но проходит слух – может быть ея-же пущенный – что она “фрейлина”. И все приходит в трепетное волнение: секретарь полиции спешит с нею покурить...»* (СГ. 1883. № 19).

Спустя два выпуска Волховский опроверг свое же собственное высказывание: *«Кстати, по поводу “фрейлины”. В фельетоне 19-го № я смешал ее с “Зо-*

лотою Ручкой" (Блюштейн), тогда как фамилия ее – Новомлинская. Правду сказать смешение извинительное для человека, знающего мир знаменитостей мошенничества (отмеченных судом) не в качестве специалиста» (СГ. 1883. № 28).

Необходимо подчеркнуть, что такая была характерна ситуация была не только для художественно-публицистических, но и для новостных жанров: в «Сибирской газете» часто печатали опровержения непроверенных фактов в корреспонденциях и даже в редакционных новостных текстах.

Опора на корреспонденции и письма в редакцию наиболее часто встречалась в фельетонах, написанных Волховским под псевдонимами «Иван Брут» и «Консерватор»: документальная основа в этом случае формировалась на основе фактов, предоставленных внештатными корреспондентами, но литературно обработанных фельетонистом и «вписанных» в общий фельетонный сюжет.

Еще одной особенностью работы с фактами в фельетонах Волховского было введение в тексты не только информации о недавно произошедших событиях, но и «ретроспективных» новостей. Чаще всего такие факты использовались Волховским для сравнения, чтобы обрисовать определенную тенденцию в общественной жизни. Примером может служить фельетон цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах», где фельетонист, обращая внимание читателей на отсутствие гласных на заседаниях, привел пример аналогичной ситуации прошлых лет, причем факты были взяты из новостной рубрики «Сибирской газеты»: *«В прошлом году в одном из окружных городов "мест не столь отдаленных" созвано было заседание думы на 18 июня; из 42 гласных явилось 11! На 25 июня новый созыв, – являются те-же 11! Опять созывают на 12 сентября – приходит 6 человек! Наконец 21-го – снова 6! Вообще-же их более 13 одновременно в думских заседаниях не было»* (СГ. 1883. № 5).

Необходимо подчеркнуть, что в фельетонах Волховского такие сравнения служили не для усиления аналитического начала, а для создания сатирического эффекта публикации.

Заключение. Таким образом, большинство фельетонов Волховского имело документальную основу, которая создавалась в результате работы публициста с фактами, добываемыми из самых разных источников.

Рассказы очевидцев, письма с мест, газетные и журнальные публикации, которые привлекли внимание Волховского, слухи, статистические данные – все это служило материалом для осмысления и формирования фельетонного сюжета. В результате литературной обработки фактические данные чаще всего теряли свою конкретику: заменялись или сокращались имена, географические названия, место действия переносилось в вымышленный город и т.д. Это позволяло обойти цензурные ограничения и вынести на обсуждение важную общественную проблему, не нарушая установленных правил. Однако читатели «Сибирской газеты» легко расшифровывали иносказания и замены, узнавая в воображаемых персонажах реальных действующих лиц, по отдельным чертам восстанавливая произошедшее событие.

Такое взаимодействие с читателем не только позволяло обойти цензуру, но и являлось частью «литературной игры» с аудиторией «Сибирской газеты». В этом смысле Волховский, несомненно, следовал традициям «Искры» и «Свистка» 1860-х гг., которые первые в самом широком масштабе освоили технику «шифрования» имен и названий, разнообразили сам «эзопов язык» [17]. Однако фельетонист осваивал и приемы сатиры Салтыкова-Щедрина, когда создавал обобщенные образы и типы «кодратов» и других отрицательных персонажей сибирского общества [18]. Воспитывая своего читателя, Волховский учил его «читать между строк на самом интересном месте» (Д. Минаев). Фельетон таким образом выполнял просветительскую функцию, вводил читателей в мир «большой» русской литературы и журналистики.

Документальная основа фельетонов Волховского и их художественная составляющая находились в неразрывном единстве, что позволяло наиболее эффективно работать с аудиторией газеты. Вынужденное отсутствие конкретики усиливало эмоциональное воздействие на читателей, поскольку воздействие оказывалось с помощью образов, созданных в результате типизации и обобщения. Это же позволяет говорить о фельетонах Волховского как об особом формате сибирской публицистики, ограниченной рамками предварительной цензуры, но использовавшей все средства для постановки важных общественных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журбина Е.И. Искусство фельетона. М., 1965.
2. Комаров С.А. Фельетон: проблемы жанрового определения // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. 2011. С. 159–171.
3. Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов. Л.: Наука, 1973. 156 с.
4. Прокопьева С.М., Никонова Ю.И. Типология фельетонов в соответствии с доминирующей прагматической установкой // Филология и человек № 3. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. С. 7–19.
5. Северина Е.А. Фельетон как средство воздействия на общественное мнение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. С. 79–90.
6. Жиликова Н.В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
7. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко; оформл. и верстка С.Н. Соболева; дизайн обл. Д.В. Фортес. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
8. Жиликова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавания в средней и высшей школе» (Томск, 18–19 октября 2007 г.). Томск, 2008.
9. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.

10. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
11. Рощевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.
12. Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского государственного университета. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95.
13. Доманский В.А. Сибирь в рецепции Ф.В. Волховского // Американские исследования в Сибири. Томск, 1997. С. 229–233.
14. Толутанова Ю.Н. Сатира в публицистике. Специфика и жанровые особенности фельетона как предмет многочисленных споров исследователей // Культура народов Причерноморья. 2007. № 110, т. 2. С. 229–231.
15. Двалишвили Р.В. Некоторые вопросы жанровых особенностей фельетона : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. 22 с.
16. Жиликова Н.В. «Дело о медном пятак»: Главное управление по делам печати в роли защитника «Сибирской газеты» // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак-т журн. МГУ, 2020. С. 257–359.
17. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / Д.А. Бадалян, Л.П. Громова, Г.В. Жирков, М.М. Ковалева и др. ; под ред. Л.П. Громовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2013. 528 с.
18. Автухович Т.Е. Сатира и риторика (традиции сатиры XVIII века в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина) // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVII–XIX веков. М. : Наследие, 1998. С. 3451.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 августа 2021 г.

The Documentary Basis and Work With Facts in Feliks Volkhovsky's Feuilletons (1882–1884)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 22–27.

DOI: 10.17223/15617793/469/3

Alexandr E. Mazurov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Keywords: feuilleton; news; fact; F.V. Volkhovsky; *Sibirskaya Gazeta*.

The article discusses the issue of working with facts in feuilletons by Feliks Volkhovsky, the leading employee of the Tomsk pre-revolutionary *Sibirskaya Gazeta*. For periodicals in Siberia at the end of the 19th century, a characteristic method of working with facts was the creation of feuilletons on their basis: the texts of local feuilletonists relied on city, national, and world news; they affected the economic, sociopolitical, and cultural spheres of life bypassing preliminary censorship. The aim of the study is to identify the documentary basis of satirical genres in pre-revolutionary Siberian periodicals. The research material is Volkhovsky's feuilletons published in *Sibirskaya Gazeta* in 1882–1884. The work uses the method of genre research, the method of genre analysis, the narrative method, and content analysis. The study compares the news selections of *Sibirskaya Gazeta* with the substantive part of the feuilletons, classifies methods of working with facts and presenting them in feuilleton texts. Relying on city and all-Russian news presented in texts in different formats, feuilletons acquired a documentary basis, became an important fact of social life in Siberia. In the article, the author comes to the conclusion that most of Volkhovsky's feuilletons had a documentary basis created as a result of his work with facts obtained from various sources. Eyewitness accounts, letters from the field, newspaper and magazine publications that attracted Volkhovsky's attention, rumors, statistics – all this served as material for comprehending and forming a feuilleton plot. As a result of literary processing, factual data most often lost their specificity: people's and geographical names were replaced or abbreviated, the place of action was transferred to a fictional city, etc. This made it possible to bypass censorship restrictions and bring up an important public problem for discussion without violating the established rules. However, the readers of *Sibirskaya Gazeta* easily deciphered allegories and substitutions, recognizing real characters in imaginary ones, reconstructing events by individual features. The documentary basis of Volkhovsky's feuilletons and their artistic component were in an indissoluble unity, which made it possible to work most effectively with the newspaper's audience. The forced lack of specifics intensified the emotional impact on readers, since the impact was provided with the help of images created as a result of typification and generalization. This also allows speaking of Volkhovsky's feuilletons as a special format of Siberian journalism that was limited by the framework of preliminary censorship, but used all means to raise important public issues.

REFERENCES

1. Zhurbina, E.I. (1965) *Iskusstvo fel'etona* [The Art of the Feuilleton]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Komarov, S.A. (2011) Fel'eton: problemy zhanrovogo opredeleniya [Feuilleton: problems of genre definition]. *Naukovi zapiski Kharkivs'kogo nashchonal'nogo pedagogichnogo ushversitetu im. G.S. Skovorodi*. pp. 159–171.
3. Ershov, L.F. (1973) *Iz istorii sovetskoy satiry. M. Zoshchenko i satiricheskaya proza 20–40-kh godov* [From the History of the Soviet Satire. Mikhail Zoshchenko and satirical prose of 1920s – 1940s]. Leningrad: Nauka.
4. Prokop'eva, S.M. & Nikonova, Yu.I. (2010) Tipologiya fel'etonom v sootvetstvii s dominiruyushchey pragmaticheskoy ustanovkoy [Typology of feuilletons in accordance with the dominant pragmatic set]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 7–19.
5. Severina, E.A. (2016) Feuilleton as a special type of leveraging public opinion. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. pp. 79–90. (In Russian).
6. Zhilyakova, N.V. (2002) "Sibirskaya gazeta" (g. Tomsk, 1881–1888 gg.) kak yavlenie literaturnogo regionalizma ["Sibirskaya Gazeta" (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. *Philology Cand. Diss.* Tomsk.
7. Zhilyakova, N.V. & Dmitrienko, N.M. (eds) (2004) "Sibirskaya gazeta" v vospominaniyakh sovremennikov ["Sibirskaya Gazeta" in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: NTL.
8. Zhilyakova, N.V. (2008) [Between literature and journalism: the feuilleton by F.V. Volkhovsky in the "Sibirskaya Gazeta"]. *Amerikanskije issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference "Amerikanskije idei i konseptsii v humanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole" [American ideas and concepts in humanitarian researches of scientists of Siberia and teaching in middle and high school]. Tomsk. 18–19 October 2007. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
9. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F. V. Volkhovsky – the unofficial editor of the "Sibirskaya Gazeta"]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 147–167.
10. Krusser, R.G. (1978) Neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [The covert editor of the "Sibirskaya Gazeta"]. *Ogni Kuzbassa*. 3. pp. 72–79.
11. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of the free press in Siberian exile (on the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovsky)]. *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury*. pp. 51–69.
12. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky, an employee of the "Sibirskaya Gazeta"]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 84–95.

13. Domanskiy, V.A. (1997) [Siberia in the reception of F.V. Volkovsky]. *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American studies in Siberia]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 25–26 September 1997. Tomsk: Tomsk State University. pp. 229–233. (In Russian).
14. Tolutanova, Yu.N. (2007) Satira v publitsistike. Spetsifika i zhanrovye osobennosti fel'etona kak predmet mnogochislennykh sporov issledovateley [Satire in journalism. The specifics and genre features of the feuilleton as the subject of numerous disputes of researchers]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 110 (2). pp. 229–231.
15. Dvalishvili, R.V. (1971) *Nekotorye voprosy zhanrovykh osobennostey fel'etona* [Some issues of genre features of the feuilleton]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
16. Zhilyakova, N.V. (2020) [“The case of the copper nickle”: the General Administration of Press as a defender of “Sibirskaya Gazeta”]. *Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2019: Art, profession, industry]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 06–08 February 2020. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 257–359. (In Russian).
17. Gromova, L.P. (ed.) (2013) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th–19th Centuries]. 3d ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
18. Avtukhovich, T.E. (1998) Satira i ritorika (traditsii satiry XVIII veka v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina) [Satire and rhetoric (traditions of satire of the 18th century in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin)]. In: *M.E. Saltykov-Shchedrin i russkaya satira XVII–XIX vekov* [M.E. Saltykov-Shchedrin and Russian Satire of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Nasledie. pp. 34–51.

Received: 02 August 2021

А.В. Нагорная

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ФРЕЙМИНГ ПАНДЕМИИ COVID-19

Рассматривается процесс дискурсивного конструирования пандемии COVID-19. Определяется специфика текущей дискурсивной ситуации, перечисляются наиболее значимые дискурсивные тренды и анализируется роль метафорического фрейминга в осмыслении и описании пандемии. На материале англоязычной прессы выявляются основные метафоры, используемые в дискурсе COVID-19, описываются их концептуальные преимущества и недостатки, рассматривается процесс сознательного метафорического регулирования дискурса пандемии.

Ключевые слова: дискурсивное пространство COVID-19; дискурсивный тренд; дискурсивное конструирование; метафора; метафорический фрейминг

Начавшаяся в декабре 2019 г. пандемия новой коронавирусной инфекции имеет все шансы стать значимым событием не только в социальной, но и в лингвистической истории. Особо интересной и перспективной она представляется для современной дискурсологии, приглашая нас к исследованию целого ряда значимых трендов.

Наиболее заметным из них является экспансия эпидемиологической проблематики во все типы общественных дискурсов. Показательны в этом отношении заголовки газеты *The New York Times*, в которых коронавирус упоминается во всех без исключения тематических разделах, обнаруживая дискурсивную релевантность для

– политики: *Administration to Phase Out Coronavirus Task Force* (29.05.2020);

– экономики: *Coronavirus Exposes a G.O.P. Divide: Is the Market Always Supreme?* (29.05.2020);

– культуры: *Arts Groups Fight Their Insurers Over Coverage on Virus Losses* (29.05.2020);

– международных новостей: *As Coronavirus Overruns Russia, Doctors Are Dying on the Front Lines* (14.05.2020);

– науки: *A Virus-Hunter Falls Prey to a Virus He Underestimated* (26.05.2020);

– спорта: *U.F.C.'s Coronavirus Plan Is Careful. Its Enforcement Has Been Spotty* (12.05.2020);

– развлечений: *A Quarantine Surprise: Americans Are Cooking More Seafood* (29.05.2020).

Такое «дискурсивное доминирование» приводит к небывалой по своим масштабам медиализации повседневного общения, когда происходит массированный вброс в общее дискурсивное пространство внушительного блока некогда узкоспециальных терминов. Среди них *epidemic peak*, *epidemic curve*, *flattening the epidemic curve*, *social distancing*, *self-isolation*, *quarantine regime*, *contact-tracing*, *intermittent lockdowns* и др. Готовность к обсуждению коронавируса как медицинской и социальной проблемы и та легкость, с которой носитель современного английского языка оперирует профессиональным словарем инфекциониста-эпидемиолога, порождают ситуацию, весьма точно описанную представителями Верховного Суда Индии: «...сегодня каждый стал экспертом по COVID» (Times of India. 05.05.2020). В англоязычных обиходно-разговорных дискурсах эта повсеместная экспертность обозначается словосочетанием *armchair*

virologist. За ним скрывается хорошо узнаваемое *armchair expert* – самопровозглашенный специалист по широкому кругу вопросов, не имеющий специального образования и исходящий в своих умозаключениях исключительно из собственного жизненного опыта. В теперешней ситуации, однако компонент *armchair* обрел более буквальное прочтение, коррелируя с опытом вынужденной самоизоляции дома и малоподвижного, «кресельного» образа жизни.

Одновременно с этим наблюдается беспрецедентная «низовая» дискурсивная активность, когда рядовые носители языка участвуют в создании особого арсенала лексических средств, описывающих как саму пандемию, так и связанные с ней новые типы опыта. Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров: *coronawork* – работа из дома в условиях пандемии коронавируса; *coronacation* – временное прекращение учебы или работы в связи с эпидемией; *coronacities* – текущая ситуация в мире; *coronapocalypse* – «коронакалипсис», текущий кризис, вызванный COVID-19; *coronials* – «корониалы», дети, которые были зачаты в период карантина и родятся после декабря 2020 г.; *quarantini* – мартини, употребляемый во время самоизоляции; *zoombie* – человек, испытывающий крайнюю степень усталости от чрезмерной работы в дистанционном формате. Благодаря открытости медиaprостранства, где разворачивается большая часть подобных лексических экспериментов, «короналогизмы» быстро становятся всеобщим достоянием, формируя дополнительный, игровой пласт дискурса COVID-19. Заметим, что они уже стали объектом лексикологического и лексикографического анализа. Еще в начале апреля 2020 г. британский лингвист Тони Торн (Tony Thorne) предложил особое терминологическое обозначение для подобного рода языка – *Coronaspeak* [1].

Комплексное и системное изучение трендов, наблюдаемых в дискурсе COVID-19, представляет собой чрезвычайно масштабную задачу, решение которой невозможно в рамках одной статьи. В данной работе мы ограничиваемся рассмотрением лишь одного из них, анализируя концептуально разные метафорические сценарии, которые используются в дискурсе COVID-19 и конкурируют между собой. Наша задача заключается в выявлении наиболее значимых метафор, определении концептуальных ориентиров, которые они задают в восприятии текущей пандемии,

анализе их идеологической составляющей и рассмотрении процессов сознательного метафорического регулирования дискурсов COVID-19.

Методологическим базисом исследования является концепция дискурсивного конструирования. Основной ее постулат заключается в том, что дискурс не только отражает реальность, но и способен создавать ее, конструируя модус восприятия происходящего и формируя определенный тип отношения к нему (см., например, [2]).

Одним из важнейших инструментов дискурсивного конструирования является метафора. По мнению Й. Зинкена, метафора способна служить средством фрейминга в рамках определенного типа дискурса на протяжении некоторого периода времени [3]. Напомним, что под фреймингом обычно понимается выбор некоторых аспектов реальности и придание им салиентности с целью продвижения определенного видения проблемы или ситуации, включая понимание ее причин, ее морально-этическую оценку и представление о способах ее решения [4. С. 411]. Во фрейме принято выделять два элемента: приемы фреймирования (воспринимаемые элементы текста или языковые структуры, в том числе и метафоры) и приемы рассуждения (с их помощью описывается и анализируется проблема). Как поясняют К. Берджес, Е.А. Колайн и Х. Стейн, «прием фреймирования» соотносится с языковой упаковкой фрейма, а «прием рассуждения» – с его концептуальным содержанием [4. С. 411]. По мнению этих исследователей, с которыми мы полностью солидарны, метафора – это и прием фреймирования, поскольку она служит средством упаковки информации, и прием рассуждения, так как является носителем концептуального содержания. Подчеркнем, что одна и та же ситуация может фреймироваться несколькими существенно различающимися между собой способами. Используемые в этом случае метафоры вступают в конкуренцию друг с другом, что приводит к динамическим изменениям в структуре дискурсивного пространства, когда определенные метафоры перемещаются в его центр, вытесняя другие метафоры на периферию.

Данное исследование выполнено на материале англоязычных газетных статей, датируемых январем–июнем 2020 г. Общий объем выборки составил 150 статей. Для оценки влиятельности того или иного метафорического тренда фрагментарно привлекались корпусные данные, которые выполняют в данной работе вспомогательно-иллюстративную функцию.

С самого начала пандемии в англоязычных дискурсах нового заболевания доминировала милитаристская риторика, и основным средством фреймирования COVID-19 стала военная метафора. В немалой степени этому способствовали официальные речи влиятельных политических лидеров, задавшие такую концептуальную рамку. Упомянем в этой связи обращение к нации королевы Елизаветы II от 5 апреля 2020 г. Описывая текущую ситуацию как «чрезвычайно сложное время» (*an increasingly challenging time*), королева в самом начале выступления использует недвусмысленно военный образ «передовая линия фронта», говоря о действиях работников нацио-

нальной системы здравоохранения (*everyone on the NHS frontline*). Кроме того, ее обращение вызывает четкие ассоциации со знаменитой военной речью ее отца, короля Георга VI. Эта интертекстуальная переключка ощущается в выборе ключевых слов (*challenge*), призыве объединиться для решения общей задачи (King George VI: *my peoples across the seas, who will make our cause their own*; Queen Elizabeth II: *This time we join with all nations across the globe in a common endeavor*), упоминании о связи поколений (Queen Elizabeth II: *the Britons of this generation were as strong as any*). Примечательна и эксплицитная отсылка королевы к ее собственной радиотрансляции 1940 г. и прямо проводимая ей параллель между вынужденной изоляцией от родных и близких в военное время и во время пандемии (*We as children spoke from here at Windsor to children who had been evacuated from their homes and sent away for their own safety. Today, once again, many will feel a painful sense of separation from their loved ones, but now as then, we know deep down that it is the right thing to do*). Те же военные мотивы сильны и в Пасхальной речи Королевы, где она выражает уверенность, что коронавирус «не сможет победить нас» (*We know that coronavirus will not overcome us*).

Военной метафорикой пронизаны и речи британского премьер-министра Бориса Джонсона, который уже в первом своем официальном обращении по поводу пандемии 23 марта 2020 г. сказал о «борьбе с заболеванием» (*to fight the disease*) (BBC News. 23.03.2020), а позже, 30 апреля, предложил конкретные меры, реализация которых позволяет «одержать победу над заболеванием» (*steps to defeat the disease*) (BBC News. 30.04.2020). Дискурсивной влиятельности Джонсона способствует и то обстоятельство, что он сам переболел коронавирусом, и в многочисленных статьях, описывающих ход лечения и состояние политика, широко применяется легко узнаваемый язык войны. Ср.: *U.K.'s Boris Johnson Says His Battle With Coronavirus 'Could Have Gone Either Way'* (NPR. 03.05.2020); *Britain Improvising As Boris Johnson Fights Virus* (VOA, 09.04.2020); *Boris Johnson spends second night in intensive care fighting coronavirus* (CNN. 08.04.2020).

Однако наиболее весомый вклад в конструирование «военного» метафорического фрейминга текущей пандемии внес Дональд Трамп. На пресс-конференции 16 марта 2020 г. он впервые назвал коронавирус «невидимым врагом» (*invisible enemy*). О сознательном конструировании этого «военного» образа и о преднамеренном характере метафоры [5] свидетельствует то, что Трамп многократно воспроизводил созданную им фразу, иногда повторяя ее несколько раз в течение одной пресс-конференции. По данным *Factbase* [6], на 31 мая 2020 г. Д. Трамп использовал ее 106 раз в выступлениях на пресс-конференциях, постах в Twitter, видео блогах и интервью. 5 апреля в своем аккаунте в Twitter он наделил своего «невидимого врага» силой и умом: «*We are learning much about the Invisible Enemy. It is tough and smart, but we are tougher and smarter!*» [7]. Трамп последовательно развивает военную метафорику в своих публичных выступлениях, называя COVID-19 «нашей большой

войной» (*our big war*) и заявляя о необходимости «выиграть эту войну» (*We have to win this war*). Более того, вопреки эксплицитному запрету Всемирной организации здравоохранения [8], Трамп упорно называет коронавирус «китайским», призывает к войне с ним (*our war against the Chinese virus*) и требует «нанести ему поражение» (*We continue our relentless effort to defeat the Chinese virus*).

Такая планомерная и осознанная дискурсивная работа с военной метафорой, очевидно, преследует вполне определенные идеологические и – шире – политические цели. Тщательно выстраивая «военный» фрейминг и эксплицитно определяя этническую принадлежность своего «невидимого врага», Трамп легитимирует любые, самые агрессивные меры не только эпидемиологического регулирования, но и политического и экономического давления. Проводя прямую параллель со Второй мировой войной, Трамп требует от своих сограждан готовности к самопожертвованию: *“To this day, nobody has seen anything like what they were able to do during World War II. Now it's our time. We must sacrifice together because we are all in this together and we'll come through together”* (Politico. 18.03.2020).

Заметим, что «военный» фрейминг весьма комплиментарен по отношению к самому президенту, который предстает главнокомандующим на эпидемиологическом фронте, заставляя граждан страны послушно выполнять свои приказы. Примечательно, что Трамп объявил себя «президентом военного времени» (*wartime president*) [9]. Этим амбициозным заявлением он поставил себя в один ряд с безусловно великими А. Линкольном и Ф.Д. Рузвельтом, добавив очков в свою политическую копилку. Кроме того, он вписал свое имя и в историю «социальных войн» вслед за Линдоном Джонсоном, с именем которого связывают «войну с бедностью» (*war on poverty*, 1964 г.), и Ричардом Никсоном, объявившим «войну раку» (*war on cancer*, 1971 г.).

Далеко не случаен и выбор Трампом прилагательного *invisible* для описания нового врага. Известно, что первоначально президент категорически отрицал опасность нового вируса и не признавал факта начала пандемии, намеренно преуменьшая число заболевших среди американцев. «Невидимость» врага оправдывает его политическую близорукость и неспособность своевременно принять необходимые меры.

Несмотря на очевидную для всех манипулятивность избранной Трампом дискурсивной стратегии, метафора «невидимый враг» быстро обрела популярность как в США, так и их пределами, быстро попав в заголовки мировых англоязычных газет. Ср.: *Coronavirus: Britain falls silent in the face of an invisible enemy* (The Telegraph. 21.03.2020).

Однако, активно продвигая военную метафору, Трамп невольно создал мощное дискурсивное оружие, которое было использовано его противниками против него самого. Журналисты ловко жонглируют военной метафорикой, описывая неспособность Трампа адекватно противостоять пандемии. Особый лингвистический интерес представляет статья Алекса Уорда «Если борьба против коронавируса – это “вой-

на”, то Трамп – это худший главнокомандующий», датированная 26 мая 2020 г. и представленная на новостном сайте vox.com. Уорд предлагает читателям целую россыпь метафор, отражающих, по его словам, «взгляд на борьбу против коронавируса сквозь линзу войны» (*viewing the coronavirus fight through the lens of war*). Трамп – несостоятельный главнокомандующий, у которого нет военной стратегии. Он подрывает авторитет своих «генералов» (работников здравоохранения, занимающих высокие посты) и не способен предоставить необходимое «вооружение» (медицинское оборудование) «бойцам на передовой» (врачам, медсестрам и санитарам). Американцы «призываются» на войну против их воли и гибнут на ней. Трамп преждевременно «объявляет победу» в войне с коронавирусом, подвергая опасности граждан. Он не принимает никакой критики в свой адрес и отказывается сотрудничать с выступающими против него губернаторами, что подобно «отказу вооружить батальон, потому что командующему не нравится стратегия». Трамп безуспешно «борется с превосходящим его по силе противником», и за его поражение американцы расплатятся собственными жизнями. Проводя аналогию с войнами во Вьетнаме, Афганистане и Ираке, А. Уорд описывает текущую «войну» с коронавирусом так: *“It's as outrageous as if Trump had sent actual troops into an actual war with no war plan”* [10].

Охотно играют в «метафорическую войну» против коронавируса и другие журналисты, безотносительно критики Трампа. Люди находятся «на осадном положении» (*besieged*) и «вынуждены отсиживаться в укрытиях» (*retreat to our foxholes*), сражающиеся на передовой войска терпят нехватку «защитного снаряжения» (средства индивидуальной защиты), «амуниции» (больничных коек) и «тяжелого вооружения» (аппаратов ИВЛ). Руководство стран «отсиживается в бункерах» (на самоизоляции). Мы постоянно «следим за перемещением врага», мониторя количество зарегистрированных случаев заражения. Нам необходимы «радары» (массовые тесты на коронавирус), которые позволяли бы нам распознавать следующий «маневр» врага. Мы должны усилить сбор «разведывательной информации о противнике», чтобы иметь возможность тестировать людей на наличие перенесенного заболевания или иммунитета. Вирус «напал внезапно» (*surprise attack*) и достиг нас врасплох, но мы должны «мобилизоваться», назначить «главнокомандующего», наделив его широкими полномочиями, выработать «стратегию» и быть «в постоянной боевой готовности к новым битвам», которые, при наличии необходимого «арсенала», можно превратить в серию коротких «стычек» (*skirmishes*) [11].

В рамках общего «военного» фрейминга обсуждение COVID-19 все очевиднее превращается в занимательное интеллектуальное упражнение, позволяя всем желающим состязаться в креативности и остроумии. Возможность свободного участия в этом состязании объясняется не только открытостью и доступностью интернет-пространства, но и привычностью военной метафоры, которая функционирует в западной культуре уже более 100 лет, хорошо усвоена носителями этой культуры и концептуально комфортна для них.

Не все, однако, поддерживают и одобряют подобные дискурсивные игры. В англоязычной культуре на протяжении последних десятилетий предпринимаются целенаправленные попытки изыятия военных метафор из дискурсов болезни. Признавая мобилизационный потенциал военной метафоры, клиницисты, лингвисты и простые пациенты в то же время отмечают ее излишнюю агрессивность, способность отчуждать человека от собственного тела и внушать чувство вины в том случае, если «битва» с болезнью оказывается проигранной [12, 13].

В англоязычных странах ведется планомерная работа по реконструированию дискурсов болезни, их переориентации на более «мягкие» и «мирные» метафоры. Активными участниками этого процесса являются профессиональные лингвисты, например группа ученых Ланкастерского университета под руководством Э. Семино, которая ведет проект *Metaphor in end-of-life care* [14]. В значительной степени благодаря их усилиям в официальных документах Национальной системы здравоохранения больше не используется военная метафорика, которая повсеместно вытесняется метафорой БОЛЕЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. В качестве примера сошлемся на так называемую Стратегию реформы онкологии, принятую Национальной системой здравоохранения Великобритании в 2007 г. [15].

Ситуация с коронавирусом, однако, доказывает стойкость старой ментальной привычки видеть в болезни войну, причем эта привычка подкрепляется точечными «дискурсивными вбросами» влиятельных политиков. Между тем военная метафора может оказаться в данном случае особенно деструктивной, поскольку ее повсеместное использование способно спровоцировать агрессивное по отношению к людям, воспринимаемым как переносчик заболевания или его источник [16]. Заметим также, что социальная ситуация, складывающаяся вокруг эпидемии, не соответствует концептуальным признакам «войны», поскольку основное требование, предъявляемое к населению, заключается не в мобилизации усилий, а в самоизоляции и минимизировании внешних контактов, т.е. фактически – в бездействии.

Осознавая теоретическую и практическую важность анализа дискурсивной составляющей текущей эпидемиологической ситуации и необходимость «демилитаризации» языка COVID-19, Э. Семино и В. Коллер запустили проект #ReframeCovid [17], в рамках которого предполагается сбор метафорического материала из разных лингвокультур, используемого для обозначения коронавируса, и активное продвижение альтернативных метафор. Заслуживает внимания и электронный корпус *The Coronavirus Corpus* [18], который был создан в марте 2020 г. и пополняется 3–4 млн слов ежедневно, скрупулезно протоколируя основные дискурсивные тренды.

Анализ этих трендов показывает, что в дискурсах COVID-19, наряду со сверхпопулярной военной, употребляется и настоятельно рекомендуемая дискурсологами метафора БОЛЕЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Ее концептуальные преимущества видятся в том, что она не агрессивна, представляет ситуацию как нечто, с чем можно смириться и что можно пережить, не

рискуя быть обвиненным в поражении, естественным образом объединяет положительный и отрицательный опыт и, наконец, органично встраивается в общую метафорическую канву жизни как путешествия [19].

Эта метафора может быть представлена в наиболее базовой «концептуальной комплектации», репрезентируясь на вербальном уровне лексемой *journey*: *Keep a log of your own coronavirus journey. It'll come in handy to share with others at their time of need* (Business Insider. 22.04.2020); *One Nurse's Journey: Surviving COVID-19, Facing a Long Road to Recovery* (Healthblog. 06.05.2020); *My journey with Covid-19 when my husband went down with it, he had a persistent temperature which wouldn't go down, aches and pains...* (CountyPress. 27.04.2020).

Гораздо больший исследовательский интерес, однако, представляют случаи, когда в дискурсе болезни метафорически обыгрываются различные аспекты путешествия: выбор средства перемещения, скорость перемещения, пройденный и предстоящий путь, количество попутчиков и их роль и т.д.

Так, британский вирусолог Питер Пайот, директор Лондонской школы гигиены и тропической медицины, использует метафору путешествия под парусом: *The more we learn about the coronavirus, the more questions arise. We are learning while we are sailing* [20]. Выбор транспортного средства может быть обусловлен тем, что в сложившейся на сегодняшний день ситуации курс, которым следуют системы здравоохранения разных государств, в значительной степени зависит от внешних факторов – метафорических «попутных ветров», которые самым непредсказуемым образом могут менять направление. Эта же идея слабой контролируемости процесса и зависимости от внешних обстоятельств в более эксплицитной форме выражена в описании опыта госпитализации *You're tired, so you're resigned to your fate. You completely surrender to the nursing staff. You live in a routine from syringe to infusion*. Свое излечение Пайот описывает как «выход» из COVID-19, а не «победу» над ним: *How will I be when I get out of this?* Это весьма примечательно, поскольку на протяжении всей статьи он описывает себя как «проактивного» (*proactive*), полного энергии (*always buzzing with energy*) трудоголика, и такой общий фрейминг в гораздо большей степени располагает к использованию активных, «агентивных» метафор, в первую очередь – военных.

Развернутый метафорический сценарий путешествия предлагает в своем выступлении 30 апреля 2020 г. Борис Джонсон: *We've come through the peak. Or rather, we've come under what could have been a vast peak. As if we had been going through some huge alpine tunnel and we can now see the sunlight and the pasture ahead of us. And so it is vital that we do not now lose control and run slap into a second and even bigger mountain* (Metro. 30.04.2020). В этом сценарии в фокусе внимания находится окружающий путешественника ландшафт, отдельные компоненты которого метафорически соотносятся со стадиями эпидемии. Горная вершина – это верхняя точка эпидемии, когда фиксируется наибольшее количество новых случаев заболевания; «обширная вершина» – это, очевидно, длитель-

ный период стабильно высоких показателей заболеваемости, проход под вершиной через тоннель – это успешное предотвращение экспоненциального роста заболеваемости за счет грамотного стратегического («логистического») маневра, свет в конце тоннеля – общеизвестный, конвенциональный образ благоприятного исхода кризисной ситуации, мирные пастбища – возвращение к привычной спокойной, «доковидной» жизни. Выстроенный сценарий ограничен, последователен и не требует особой метафорической компетенции для своей дешифровки. Его уникальная особенность заключается в том, что он запускается вполне конвенциональным медицинским термином – *peak*, представляющим собой стертую метафору. Актуализация его метафорической сущности и обыгрывание его исходной категориальной семантической принадлежности мы склонны считать одним из проявлений лингвокреативного мышления [21].

Заслуживает внимания и еще один весьма креативный контекст, в котором эпидемия метафорически осмысливается как поезд, идущий по стране: *The [infection] forecaster said to me, 'We were looking at a freight train coming across the country', 'We're now looking at a bullet train' (BBC News. 24.03.2020)*. В данном случае фокусировка производится исключительно на скорости распространения эпидемии, и контраст между прогнозируемым медленным развитием и наблюдаемым стремительным ростом метафорически представлен как разница между грузовым поездом и скоростным поездом-«пулей».

Следует признать, что метафоры путешествия не только эффективны как средство передачи необходимых смыслов, но и эффективны вследствие относительной концептуальной новизны и широких номинативных возможностей. Численно, однако, они достаточно скромны. Под данным *Coronavirus Corpus* на 03.06.2020, военная метафора представлена в 1 154 контекстах, а метафора путешествия – лишь в 31. Оговоримся, что речь идет о наиболее базовых их формах, где они репрезентируются лексемами *war* и *journey* (*war against COVID-19 / war against coronavirus / war with COVID-19, war with coronavirus, COVID-19 war, coronavirus war; journey with COVID-19 / COVID-19 journey / coronavirus journey*).

Анализ дискурса COVID-19 показал, что для англоязычной культуры релевантной является метафора природных катастроф. Крупным метафорическим «мазком» ситуация обрисовывается как «катаклизм»: *the coronavirus cataclysm* (Mobile Nation. 28.03.2020); *this coronavirus cataclysm, a challenge as daunting as any since the Second World War* (The Globe and Mail. 28.04.2020).

Более тонкая метафорическая «прорисовка» осуществляется посредством установления и закрепления ассоциативной связи с конкретными типами природных явлений. Так, коронавирус часто концептуализируется как «цунами»: *Italian doctors say they are being 'overwhelmed' by a coronavirus 'tsunami' as the death toll jumped by 168 in just one day* (Metro. 11.03.2020); *Since the tsunami of coronavirus hit us in March, we have been fielding calls almost daily from worried couples* (East Anglian Daily Times. 08.05.2020).

Наряду с этим используются образы бури, потопа и приливной волны: *Finding courage in the storm of coronavirus* (Wisconsin State Farmer. 31.03.2020); *Prime Minister Benjamin Netanyahu addressed the nation on Wednesday and said that "the flood of coronavirus is still going strong around the world"* (The Jerusalem Post. 02.04.2020). *Yeyemi said that this was needed especially as it relates to enforcing restrictions of movement and spacing of passengers in order to stem the tide of Coronavirus (COVID-19) in Nigeria* (Nigerian Television Authority. 28.03.2020).

Очевидно, что основу для метафоризации этих природных явлений составила их неконтролируемость, масштабность, интенсивность и значительный деструктивный потенциал. Одновременно с этим можно предположить, что такое «засилье» водных образов во многом предопределено влиянием официальной медицинской терминологии, где одним из ключевых терминов, используемых для описания эпидемий, является *wave* (волна).

Катаклизмы другого генеза оказались гораздо менее метафорически востребованными. Их вывод в дискурс порой является частной лингвокреативной инициативой. Так, британский терапевт Ричард Прэтт активно продвигает аналогию COVID-19 с ураганом: *The parallels of hurricane storms with Covid are striking. There is a warning, with an opportunity to act to prepare and mitigate the storm's effect. Next, there is a warm up-draft and the calm before the storm – still being experienced in parts of the NHS. Then comes the horror and force of the hurricane itself, battering, destroying and drenching indiscriminately. After that, there is the clean-up effort, patching up individuals and surroundings. Resources and expertise are key* [22]. Развернуто поясняя валидность предлагаемой им аналогии, Прэтт фактически выстраивает сетку проекций, которые логичны и хорошо понятны, но пока не нашли регулярного словесного выражения. Он обосновывает и преимущества предлагаемого им видения перед военной метафорой. По мнению Прэтта, метафора урагана позволяет нам избавиться от примитивных бинарных оппозиций типа победа – поражение, жизнь – смерть, продолжение – конец, предлагая более тонкую градуальную нюансировку нашего опыта взаимодействия с COVID-19. Кроме того, она отчасти нивелирует эмоциональную остроту ситуации, избавляя нас от необходимости гневаться на врага и позволяя сфокусироваться на сочувствии к пострадавшим, на необходимости объединить усилия для минимизации нанесенного пандемией ущерба и взаимной помощи как в своей стране, так и по всему миру.

Встречаются и единичные «точечные» метафоры урагана, которые обозначают не само заболевание, а количество зарегистрированных случаев, грозящее обернуться серьезным кризисом для системы здравоохранения: *Facing a hurricane of coronavirus cases, New York State has begun releasing non-violent offenders and others to cull the prison population* (Deadline. 25.03.2020).

Кроме того, метафорика природных катаклизмов может использоваться для обозначения разрушительных последствий пандемии для разных сфер жизни

общества. Так, COVID-19 называют «экономическим торнадо» (BBC News. 29.05.2020).

Единственным «неводным» образом, системно представленным в дискурсе COVID-19, является вулканическое извержение. Ср.: *He said the economic indicators of the country were showing progress before the eruption of coronavirus* (Daily Pakistan. 21.03.2020); *This report was published before the eruption of coronavirus in Wuhan, China* (Business Daily Africa. 01.04.2020). *The eruption of coronavirus and its spontaneous spread across UAE has taken many by surprise* (The News Guru. 14.05.2020). Салиентными признаками извержения, релевантными для метафоризации, в данном случае являются внезапность и высокая интенсивность процесса (Ср.: *erupt* – to start suddenly with a lot of violence or noise [23]); to become active or violent especially suddenly, break forth [24]).

В дискурсах COVID-19 можно встретить и метафоры спортивного генеза. Метафоры этого типа часто представляют собой «облегченную», «мирную» версию военных метафор, основываясь на идее состязательности и борьбы за победу. В данном же случае они подчеркнута процессуальны, представляя текущую ситуацию как один из эпизодов длительного состязания. Так, в приведенных ниже примерах используется метафора забега на марафонскую дистанцию и метафора игры в гольф, причем и в том, и в другом случае, противник намеренно дефокусирован, и в центр внимания помещена срединная фаза игры, отсутствие перспектив быстрого завершения: *when this marathon is over the first thing I want to do is put my boat in the water and harvest the wind* (Investigative Journal, 10.04.2020); *"I was in shock," said Osterholm, a professor at the University of Minnesota. "We're just in the second inning"* (The New York Times. 06.05.2020).

Вполне в духе текущей дискурсивной моды на создание невоенных метафор нового заболевания писатели, ученые, журналисты предлагают собственные метафорические версии ситуации. COVID-19 наделяется метафизическими свойствами, способностью служить порталом между старой и новой реальностью. Он призван дать человечеству шанс кардинально изменить мышление и образ жизни: *This pandemic is a portal, a gateway between one world and the next. We can choose to walk through it, dragging the carcasses of our prejudice and hatred, our avarice, our data banks and dead ideas, our dead rivers and smoky skies behind us. Or we can walk through lightly, with little luggage, ready to imagine another world* (Financial Times. 03.04.2020).

Заметим, что в массиве «коронавирусных» неологизмов представлено интересное переосмысление известной аббревиатуры, которое полностью соответствует «портальному» видению Covid-19: BC (Before Christ) – Before Coronavirus (Ср.: до н.э. – «до начала эпидемии»). Текущая пандемия, действительно, имеет все шансы стать новой, пусть и неофициальной, точкой отсчета в человеческой истории вследствие уникальности той политической, экономической и социокультурной ситуации, которую она породила.

Частью метафорической неологии коронавирусной инфекции является и образ декоративных блесток,

который обыгрывается весьма своеобразно, фокусируясь на невозможности полного избавления от них, а следовательно, и контроля над «чистотой» окружающего нас пространства: *Coronavirus is like glitter: Even when you think you got rid of it, it shows up again in random places* (Media-Exp-1. 01.05.2020). Куда менее экстравагантной на этом фоне выглядит метафора «головоломки»: *Testing is solution to "unlock the puzzle" of coronavirus, Prime Minister Boris Johnson says* (BBC News. 02.04.2020). Ее появление было в определенной степени предсказуемо, поскольку вирус, вызвавший пандемию, обладает не описанными ранее свойствами, и на изучение его природы и поиск способов излечения потребуется какое-то время.

Не менее ожидаемыми были и антропоморфные и зооморфные образы, позволяющие представить новый вирус как враждебную, агрессивную и неконтролируемую сущность. Ср.: *In his first podium speech since he left intensive care earlier this month, Boris Johnson described coronavirus as a "physical assailant". It was "an unexpected and invisible mugger", he told the nation* (The Guardian. 27.04.2020).

Интересный ракурс интерпретации событий предлагают экологи. Они склонны видеть в текущей ситуации модель предстоящей климатической катастрофы. Особенно примечателен следующий пример, где коронавирус описывается как «климатические изменения в скороварке»: *The coronavirus pandemic is climate change in a pressure cooker* (The Correspondent. 07.05.2020). Эта необычная техническая метафора профилирует скорость происходящих катастрофических изменений.

Экспериментирование с метафорикой, сознательное выстраивание новых, концептуально приемлемых проекций и целенаправленные попытки форматирования под них дискурса COVID-19 позволяют проследить в режиме реального времени процесс дискурсивного конструирования новой коронавирусной реальности. Конкуренция множества одинаково валидных метафор в рамках единого дискурсивного пространства часто приводит к появлению весьма разнородных нарративов пандемии, где в пределах одного короткого текста встречается несколько генетически разных образов. Так, в статье доктора политологии А.С. Ахмад используются военные (*this pandemic is very much akin to a major war; we all want our troops to be home before Christmas*), спортивные (*this is a marathon*) и дорожные (*Yet we are just at the beginning of that journey; I wish anyone who pursues that path the very best of luck and health. They are on their own journey*) метафоры [25], образуя типичный для COVID-19 пестрый метафорический ландшафт [26].

Подводя итог, отметим, что к числу наиболее значимых трендов в рамках дискурса COVID-19 относятся экспериментирование с метафорическим фреймлингом пандемии, активное противодействие милитаризации ее дискурса, сознательное конструирование и продвижение образов, настраивающих на спокойное принятие ситуации, терпение и выжидательность, сочувствие пострадавшим и взаимоподдержку.

В данной работе рассматривались лишь газетные статьи, что существенно сузило и обеднило

реальную дискурсивную картину. Перспективу дальнейшего исследования может составить анализ интернет-мемов, блогов, чатов, хэштегов и других малых дискурсивных форм, которые предоставляют

широкие возможности для свободы индивидуально-го выражения и концептуально-словесного творчества и более оперативно реагируют на текущую ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Language and Innovation. URL: <https://language-and-innovation.com/>.
2. Discourse constructions of youth identities. Amsterdam : Benjamins, 2003. 343 p.
3. Zinken J. Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies // *Cognitive Linguistics*. 2007. Vol. 18, is. 3. P. 445–466. DOI: 10.1515/COG.2007.024.
4. Burgers Ch., Konijn E.A., Steen G.J. Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony // *Communication theory*. 2016. № 26. P. 410–430.
5. Steen G.J. Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory // *Journal of pragmatics*. 2015. Vol. 90. P. 67–72.
6. Invisible enemy // *Factbase*. URL: <https://factba.se/search#invisible%2Benemy>.
7. Twitter. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1246884203419099137>.
8. Нагорная А.В. COVID-19 и эпонимическая контроверза в современной медицинской терминологии // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 25–31.
9. Press Conference: Donald Trump Joins the Daily Coronavirus Pandemic Briefing – March 22, 2020 // *Factbase*. URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-press-conference-coronavirus-briefing-march-22-2020>.
10. Ward A. If the coronavirus fight is a “war,” Trump has been a disastrous commander in chief. URL: <https://www.vox.com/2020/5/26/21267396/coronavirus-trump-war-fauci-ppe>.
11. Witchalls C. Coronavirus: If we are in a war against COVID-19 then we need to know where the enemy is. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-if-we-are-in-a-war-against-covid-19-then-we-need-to-know-where-the-enemy-is-135274>.
12. Sontag S. AIDS and its metaphors. New York : Farrar, Straus and Giroux, 1989. 96 p.
13. Jing-Bao Nie et al. Healing without waging war: Beyond military metaphors in medicine and HIV cure research // *American Journal of Bioethics*. 2016. Vol. 16 (10). P. 3–11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5064845>
14. Metaphor in end-of-life care. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/melc/>.
15. Cancer Reform Strategy. URL: <https://www.nhs.uk/NHSEngland/NSF/Documents/Cancer%20Reform%20Strategy.pdf>.
16. Beyond the battle, far from the frontline: a call for alternative ways of talking about Covid-19. URL: <https://www.lancaster.ac.uk/linguistics/news/beyond-the-battle-far-from-the-frontline-a-call-for-alternative-ways-of-talking-about-covid-19>.
17. Reframe Covid. URL: <https://sites.google.com/view/reframecovid/initiative>.
18. The Coronavirus Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/corona/>.
19. Hendricks R.K., Demjén Z., Semino E., Boroditsky L. Emotional implications of metaphor: Consequences of metaphor framing for mindset about cancer // *Metaphor and Symbol*. 2018. Vol. 33, is. 4. P. 267–279. DOI: 10.1080/10926488.2018.1549835.
20. Draulans D. ‘Finally, a virus got me.’ Scientist who fought Ebola and HIV reflects on facing death from COVID-19. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2020/05/finally-virus-got-me-scientist-who-fought-ebola-and-hiv-reflects-facing-death-covid-19>.
21. Нагорная А.В. Грани и границы лингвокреативности: Языковые эксперименты Стивена Кинга. М. : ЛЕАНД, 2019. 314 с.
22. Pratt R. Choosing our metaphors wisely in the Covid-19 storm. URL: <https://bjglife.com/2020/05/07/choosing-our-metaphors-wisely-in-the-covid-19-storm/>.
23. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>.
24. Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
25. Ahmad A.S. Why you should ignore all that coronavirus-inspired productivity pressure. URL: <https://www.chronicle.com/article/Why-You-Should-Ignore-All-That/248366?fbclid=IwAR3PvYYMXeQ-Hxq6qNnd5ZTdlEhDhgPTJtoQDK9Af2ng4V17bMF5nBd6EU>.
26. Lawley J., Tompkins P. Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling. London : Crown House Pub Ltd, 2000. 336 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 августа 2021 г.

Metaphoric Framing of COVID-19

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 28–35.

DOI: 10.17223/15617793/469/4

Alexandra V. Nagornaya, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anagornaya@hse.ru

Keywords: discursive space of COVID-19; discursive trend; discursive construal; metaphor; metaphoric framing.

The article examines the linguistic relevance of the 2020 coronavirus pandemic. It describes the emergence of a new type of discourse shaped by COVID-19 and revolving around it. The article lists the main discursive trends that are related to the pandemic. The first of them is the dominance of COVID-19 in public discourses of all types, including politics, economy, culture, sport, and entertainment. Another trend is the unprecedented medicalization of everyday communication, with medical terms actively appropriated and modified to describe the new reality. At the same time, the pandemic has spurred grassroots discursive activity by necessitating the coinage of certain units, collocations and phrases that convey the unique experience of self-isolation, social distancing, and ubiquitous online interaction. However, the most striking trend is the competition between different metaphoric scenarios of COVID-19 that can be observed in the media. The research is based on the concept of discursive construal which implies that discourses do not merely reflect reality, but actively create it imposing a certain mode of perception and shaping a certain kind of attitude. A particularly important instrument of discursive construal is metaphor, which can act as a framing device by serving as a linguistic packaging cue and containing important conceptual content at the same time. The choice of metaphoric framing is often accounted for by ideological purposes and helps to achieve the desired manipulative effect. As any situation can be framed in different ways, metaphors often compete within the same discursive space giving it a special type of dynamics, when some metaphors are being actively promoted while others are being pushed to the margins. The analysis of English-medium newspapers shows that the first framing to occur was military, the war metaphors actively used and promoted by influential politicians, including Queen Elizabeth II, Boris Johnson, and Donald Trump. The situation was explicitly described as a battle, with doctors fighting at the forefront. However, this traditional framing was vigorously opposed by clinicians, patients, and discourse specialists, who pointed out that the war metaphor was both unnecessarily aggressive and semantically inadequate as in the current pandemic people are required to isolate themselves and be idle rather than be active fighters against the new disease. Alternative solutions include journey,

natural cataclysm, puzzle, and zoological metaphors, as well as highly creative framings, based on technical and metaphysical imagery. As the article shows, experimentation with metaphorical framing has turned into an intellectual game, involving thousands of enthusiasts and enabling them to evince remarkable conceptual and verbal creativity.

REFERENCES

1. *Language and Innovation*. [Online] Available from: <https://language-and-innovation.com/>
2. Androutsopoulos, J.K. & Georgakopoulou, A. (2003) *Discourse constructions of youth identities*. Amsterdam: Benjamins.
3. Zinken, J. (2007) Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies. *Cognitive Linguistics*. 18 (3). pp. 445–466. DOI: 10.1515/COG.2007.024
4. Burgers, Ch., Konijn, E.A. & Steen, G.J. (2016) Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony. *Communication Theory*. 26. pp. 410–430.
5. Steen, G.J. (2015) Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory. *Journal of Pragmatics*. 90. pp. 67–72.
6. Factbase. (n.d.) *Invisible enemy*. [Online] Available from: <https://factba.se/search#invisible%2Benemy>
7. Twitter. [Online] Available from: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1246884203419099137>
8. Nagornaya, A.V. (2020) COVID-19 and the eponymic controversy in contemporary medical terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 25–31. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/4
9. Factbase. (2020) *Press Conference: Donald Trump Joins the Daily Coronavirus Pandemic Briefing*. March 22, 2020. [Online] Available from: <https://factba.se/transcript/donald-trump-press-conference-coronavirus-briefing-march-22-2020>
10. Ward, A. (2020) *If the coronavirus fight is a “war,” Trump has been a disastrous commander in chief*. [Online] Available from: <https://www.vox.com/2020/5/26/21267396/coronavirus-trump-war-fauci-ppe>
11. Witchalls, C. (2020) *Coronavirus: If we are in a war against COVID-19 then we need to know where the enemy is*. [Online] Available from: <https://theconversation.com/coronavirus-if-we-are-in-a-war-against-covid-19-then-we-need-to-know-where-the-enemy-is-135274>
12. Sontag, S. (1989) *AIDS and its metaphors*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
13. Jing-Bao Nie et al. (2016) Healing without waging war: Beyond military metaphors in medicine and HIV cure research. *American Journal of Bioethics*. 16 (10). pp. 3–11. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5064845>
14. MELC: *Metaphor in end-of-life care*. [Online] Available from: <http://ucrel.lancs.ac.uk/melc/>
15. NHC. (2007) *Cancer Reform Strategy*. [Online] Available from: <https://www.nhs.uk/NHSEngland/NSF/Documents/Cancer%20Reform%20Strategy.pdf>
16. Lancaster University. (2020) *Beyond the battle, far from the frontline: a call for alternative ways of talking about Covid-19*. [Online] Available from: <https://www.lancaster.ac.uk/linguistics/news/beyond-the-battle-far-from-the-frontline-a-call-for-alternative-ways-of-talking-about-covid-19>
17. *#Reframe Covid*. [Online] Available from: <https://sites.google.com/view/reframecovid/initiative>
18. *The Coronavirus Corpus*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/corona/>
19. Hendricks, R.K., Demjén, Z., Semino, E. & Boroditsky, L. (2018) Emotional implications of metaphor: Consequences of metaphor framing for mindset about cancer. *Metaphor and Symbol*. 33 (4). pp. 267–279. DOI: 10.1080/10926488.2018.1549835
20. Draulans, D. (2020) *‘Finally, a virus got me.’ Scientist who fought Ebola and HIV reflects on facing death from COVID-19*. [Online] Available from: <https://www.sciencemag.org/news/2020/05/finally-virus-got-me-scientist-who-fought-ebola-and-hiv-reflects-facing-death-covid-19>
21. Nagornaya, A.V. (2019) *Grani i granitsy lingvokreativnosti: Yazykovye eksperimenty Stivena Kinga* [The Facets and Boundaries of Linguocreativity: Stephen King’s Language Experiments]. Moscow: LENAND.
22. Pratt, R. (2020) *Choosing our metaphors wisely in the Covid-19 storm*. [Online] Available from: <https://bjgplife.com/2020/05/07/choosing-our-metaphors-wisely-in-the-covid-19-storm/>
23. *Macmillan Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/>
24. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/>
25. Ahmad, A.S. (2020) *Why you should ignore all that coronavirus-inspired productivity pressure*. [Online] Available from: <https://www.chronicle.com/article/Why-You-Should-Ignore-All-That/248366?fbclid=IwAR3PvYYMXeQ-Hxq6qNnd5ZTdEhDhgPTJtoQDK9Af2ng4V17bMF5nBd6EU>
26. Lawley, J. & Tompkins, P. (2000) *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling*. London: Crown House Pub Ltd.

Received: 08 August 2021

Ю.А. Рябова

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА КАТЕГОРИЙ РОДА И ЧИСЛА НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ТЮРКСКО-РУССКИМИ БИЛИНГВАМИ

Исследование выполнено в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Правительства РФ, проект № 14.Y26.31.0014.

Представлены результаты экспериментального исследования влияния грамматической структуры первого языка на когнитивную обработку соотнесенных категорий во втором языке. Проблема решалась посредством измерения времени реакции при обработке категорий рода и числа существительных русского языка тюркско-русскими билингвами, в родных языках которых отсутствует категория рода. Полученные данные свидетельствуют о наличии общих тенденций в обработке категорий и отсутствии влияния билингвизма.

Ключевые слова: тюркско-русский билингвизм; категория рода; категория числа; эффект маркированности; прайминг; экспериментальное исследование

Введение. Проблема интерферентного влияния родного языка билингва на процессы когнитивной обработки единиц второго языка не утрачивает своей актуальности на протяжении десятилетий. Это обусловлено социальными причинами – тем, что вследствие процессов экономической и культурной глобализации двуязычие как тип языковой реализации личности все более и более распространяется, что, в свою очередь, обуславливает увеличение вариантов билингвального взаимодействия, определяемых социальными условиями реализации двуязычия, типами вступающих во взаимодействие языков, типами владения вторым языком, функциональным соотношением первого и второго языков билингва и другими факторами. Распространение билингвизма и повышение его вариативности ставят перед лингвистами актуальную задачу исследования всего спектра вариативности данного явления как на поверхностном, текстовом уровне, так и на глубинном – уровне когнитивной обработки единиц первого и второго языка в ментальном лексиконе билингва.

В данной работе представлены результаты исследования одного из частных вопросов проблемы когнитивной обработки грамматических категорий второго языка: экспериментально было изучено проявление фактора маркированности грамматической категории (грамматических категорий рода и числа) на процесс ее когнитивной обработки носителями русского языка и тюркско-русскими билингвами.

Данное исследование является составной частью проекта, направленного на многоаспектное изучение языкового и культурного взаимодействия языков Южной Сибири. Одно из направлений комплексного проекта – изучение интерферентных влияний родных языков носителей тюркских языков (хакасского, шорского и татарского) на процессы порождения и когнитивной обработки единиц русского языка. Исследование проводится с применением корпусных и экспериментальных методов (общая характеристика данного направления проекта представлена в [1]). При проведении как корпусных лингвистических, так экспериментальных психолингвистических исследований было отмечено значительное влияние исследуемого типа билингвизма – ранний естественный билингвизм

с функциональным доминированием второго русского языка, с перемещением родных языков в позиции херитажных, языков семейного наследия – на полученные результаты [2–5].

Проведенные корпусные исследования коммуникативных практик билингвов на материале тюркско-русского взаимодействия выявили наличие отклонений от норм грамматической категоризации по роду и числу и норм грамматического согласования по данным категориям [2]. При этом был отмечен более высокий уровень частотности отклонений в нормах грамматической категоризации и согласования по роду по сравнению с числом.

, была статистически значимой в обеих группах тюркских языках, нашедшее проявление в активности интерферентных проявлений в русской речи тюркско-русских билингвов, явилось мотивацией к проведению экспериментальных исследований процессов когнитивной обработки данной категории носителями исследуемого типа билингвизма. При этом экспериментальные исследования были направлены на выявление влияния диспропорции грамматического маркирования гендерных смыслов в языках на процессы категоризации и на процессы обработки грамматических категорий.

В проведенных экспериментальных исследованиях было показано, что отсутствие грамматической категории рода в материнских языках тюркско-русских билингвов проявляется в своеобразии процессов категоризации объектов по роду по сравнению с носителями русского языка как родного, имеющего трехчленную систему частных грамматических значений. Результаты экспериментов показали пограничный эффект влияния русского языка в группе респондентов, для которых он был вторым языком, проявившийся вследствие его активности и доминирования. В результате авторами сделан вывод о том, что «при отсутствии грамматической категоризации в родном языке освоение грамматической категории второго языка не остается на уровне “когнитивной техники”, но влияет на другие когнитивные процессы» [4. С. 60].

В исследовании, проведенном Е.А. Некрасовой, З.И. Резановой и В.Е. Палий [5], было показано, что при восприятии категории рода для носителей рус-

ского языка как родного оказывается значимым фактор маркированности, проявляющийся в большей скорости обработки слов грамматического мужского рода по сравнению со словами женского или среднего рода, в группе билингвов данный фактор не проявил значимости.

Подобные результаты были получены исследователями на материале русского языка и ранее. Так, Т. Ахутина обнаружила, что здоровые носители русского языка как родного обрабатывали существительные мужского рода быстрее, чем существительные женского рода [6]. При этом в аналогичном эксперименте респонденты, страдающие афазией, не демонстрировали подобных различий [7]. В другом исследовании на материале русского языка Н. Романова [8, 9] получила похожие результаты. В ее исследовании носители русского языка как родного обрабатывали существительные мужского рода быстрее, чем существительные женского рода, в то время как билингвы не демонстрировали подобных различий. Н. Романова вслед за Т. Ахутиной называет факт более быстрой обработки существительных мужского рода по сравнению с существительными женского рода эффектом маркированности и высказывает предположение о том, что эффект маркированности свойствен языкам с трехчленной системой рода.

Однако существует ряд исследований, результаты которых не подтверждают существование эффекта маркированности, в том числе исследования, проведенные на материале языков, в которых, как и в русском, категория рода имеет трехчленную структуру [10–12].

Представленная работа является логическим продолжением исследования, проведенного Е.А. Некрасовой, З.И. Резановой и В.Е. Палий [5]. Как было отмечено, авторы показали, что на время обработки словесных стимулов оказывали влияние род стимулов и наличие прайма, соответствующего или не соответствующего тематическому полю стимула. Авторами был использован визуальный прайм – изображения мужского и женского лица, которые, согласно гипотезе, должны были актуализировать когнитивные паттерны гендерных категориальных различий при когнитивной обработке слов, противопоставленных по грамматическим родовым значениям. Для носителей русского языка как родного изображение женского лица ускоряет обработку слов мужского и женского рода, для тюркско-русских билингвов – замедляет.

Целью представляемого в статье исследования являлась проверка теории о наличии эффекта маркированности в русском языке. Наша гипотеза состояла в том, что носители русского языка как родного будут демонстрировать эффект маркированности, в то время как билингвы – нет. Как уже упоминалось выше, в исследовании Е.А. Некрасовой, З.И. Резановой и В.Е. Палий [5] носители русского языка как родного демонстрировали эффект маркированности при обработке категории рода, в то время как в группе тюркско-русских билингвов этот эффект не наблюдался. Авторы объяснили эту разницу в обработке влиянием эффекта билингвизма, а именно тем фактом, что категория рода в тюркских языках отсутствует. Чтобы

проверить этот вывод, мы включили в рассмотрение также категорию числа, которая, в отличие от категории рода, присутствует в родных языках билингвов. Если отсутствие эффекта маркированности было действительно вызвано фактом отсутствия соответствующей грамматической категории в L1 билингвов, то при обработке числа эффект маркированности должен проявиться.

Кроме того, в нашем исследовании мы также использовали другой тип прайма, а именно вербальный морфосинтаксический прайм. Мы хотели проверить, будет ли вербальный прайм, согласующийся или не согласующийся с целевым словом в роде или числе, оказывать такое же влияние на обработку стимулов в нашей группе респондентов, как визуальный прайм, пол референта которого согласовался или не согласовался с родом стимульного слова в исследовании Е.А. Некрасовой, З.И. Резановой и В.Е. Палий. Многочисленные исследования показывают, что фактор согласованности оказывает влияние на обработку слов (это влияние в литературе получило название эффекта согласованности), в связи с чем мы ожидаем, что эффект прайминга в нашем исследовании также будет статистически значим.

Помимо расширения материала исследования, использование вербального прайма также служило цели проверки теории о существовании эффекта маркированности. Так, Н. Романова и Т. Ахутина в своих исследованиях показали, что эффект маркированности также проявлялся в характере праймирования. По мнению Н. Романовой и Т. Ахутиной, существительные мужского рода в силу своей своего дефолтного статуса, т.е. качества единицы, объединяющего единицы высокой степени частотности и грамматической немаркированности, предпочтительно используемые для обозначения объектов смешанного пола или тех, чей пол неизвестен, являются наиболее ожидаемыми, что приводит к их более быстрой обработке, а также отсутствию ее ускорения после согласующегося прайма. Существительные среднего рода являются наименее частотными, в связи с чем наличие согласующегося прайма значимо ускоряет их обработку, а наличие несогласующегося не замедляет ее. Существительные женского рода, занимая промежуточное положение между мужским и средним родами, демонстрируют как ускорение после согласующегося прайма, так и замедление после несогласующегося. Использование морфосинтаксического прайма в приведенных выше и нашем экспериментальном исследовании обусловлено природой морфологических категорий рода и числа в русской грамматической системе.

Как известно, грамматическая категория рода русских предметных слов является классифицирующей, при этом базовым средством маркирования категории являются «грамматические показатели согласуемых с ними словоформ русских атрибутивных слов», при этом, как отмечает Д.В. Сичинава, со ссылкой на А.Б. Копелиовича [13], «словоклассифицирующий род и согласовательный – неразделимые части единой категории; первый проявляется посредством второго, второй диктуется первым» [14]. Грамматическая кате-

гория числа относится к словоизменительным категориям, выражающимся в системах противопоставленных форм. Следует отметить большую самостоятельность в выражении категориальных значений числа по сравнению с родом у русских предметных слов. Грамматические формы единственного и множественного числа являются основным средством выражения морфологического числа несклоняемых существительных. Также следует отметить значимые для дальнейшего обоснования экспериментального исследования синкретизм морфологически выражаемых значений рода и числа (и падежа) существительного и прилагательного и также прототипичность препозиции согласующихся атрибутивных слов по отношению к предметным именам.

Таким образом, в данном исследовании, учитывая полученные коллегами результаты, мы прослеживаем влияние фактора наличия/отсутствия грамматической категории в родном языке билингвов на когнитивную обработку категории рода и числа, проверяя гипотезу о возможном влиянии данного фактора. Наличие такого влияния будет выражаться в более мощном эффекте прайминга для категории числа по сравнению с категорией рода в группе билингвов.

Стоит отметить, что величина эффекта прайминга может также зависеть от самой грамматической категории. Так, некоторые исследователи полагают, что род, будучи характеристикой основы слова и извлекающийся на этапе лексического доступа, т.е. на этапе распознавания и активации слова в ментальном лексиконе, является более сложной категорией для обработки, чем число, которое обрабатывается после того, как само слово было распознано. В некоторых исследованиях нарушение согласования в роде действительно замедляло обработку целевого слова сильнее, чем нарушение согласования в числе [15, 16]. В других тип грамматической категории не влиял на величину эффекта согласованности [17, 18]. В нашем исследовании, направленном на исследование влияния фактора наличия/отсутствия грамматической категории в родном языке при обработке соответствующих категорий во втором языке, эта разница не является релевантной.

Таким образом, проверяя гипотезу о действии фактора наличия/отсутствия грамматической категории в первом языке билингва на его обработку во втором, мы полагаем, что:

1) фактор наличия/отсутствия категории в родном языке билингвов будет выражаться: а) в наличии эффекта маркированности для категории, которая присутствует в родном языке билингвов, и отсутствии такового для категории, которой в нем нет; б) более мощном эффекте прайминга для категории, которая присутствует в родном языке билингвов;

2) при обработке грамматической категории рода эффект маркированности проявится только в группе носителей русского языка как родного и не будет проявлен в группе тюркско-русских билингвов. Об эффекте маркированности будет свидетельствовать более быстрая обработка существительных мужского рода, а также различия в направленности эффекта прайминга для существительных разных родов.

При разработке экспериментального исследования в качестве ведущего использовался метод прайминга, в качестве типа экспериментального задания – лексическое решение. При разработке дизайна экспериментов нами было частично реплицировано экспериментальное исследование Н. Романовой [9].

Дизайн экспериментов. Предикторами были фактор типа прайма с четырьмя уровнями – согласующийся, не согласующийся в роде, не согласующийся в числе и нейтральный и фактор частного грамматического значения числа или рода с тремя уровнями – единственное и множественное число, женский и мужской род (итого 12 условий). Три, а не четыре уровня определяются тем, что в условиях «единственное число» и «мужской род» использовались одни и те же существительные мужского рода единственного числа. При анализе данных они использовались дважды – один раз в анализе по роду, второй – по числу.

Зависимой переменной выступало время реакции в миллисекундах на целевые слова. При этом данные времени реакции привлекались для анализа влияния грамматических различий целевых существительных и величины и направленности эффекта праймирования. Под направленностью эффекта праймирования мы понимаем статистически значимое ускорение реакции на стимулы (facilitation), которым предшествует согласующийся прайм, и замедления реакции на стимулы, которым предшествует несогласующийся прайм (inhibition). Под величиной эффекта праймирования мы понимаем величину такого ускорения и замедления, которые рассчитывались как разница во времени реакции между согласующимся vs нейтральным и несогласующимся vs нейтральным условиями соответственно.

Было создано три списка стимулов, контрбалансированных таким образом, чтобы каждый стимул использовался во всех трех условиях, т.е. после каждого типа прайма.

Стимулы. В соответствии с дизайном и целями нашего эксперимента, из стимулов, использованных Н. Романовой, нами было отобрано 300 существительных: 120 – мужского рода единственного числа, 90 – женского рода единственного числа и 90 существительных множественного числа, образованных от существительных только мужского рода. В качестве стимулов были отобраны частотные конкретные исчисляемые существительные нейтральной семантики (слово «дурак», к примеру, не было включено в наш список).

Все существительные были двусложными и имели окончания, типичные для данного родового значения: существительные мужского рода оканчивались на твердый согласный, существительные женского рода – на гласный а/я, существительные множественного числа – на гласный ы/и. В качестве филлеров для выполнения лексического решения в стимульный материал было также включено 300 псевдослов, образованных от реально существующих существительных мужского и женского рода, а также множественного числа с соблюдением фонотактических правил русского языка. Длина и частотность целевых слов не контролировались, но в дальнейшем были включены в анализ в качестве ковариат. Образцы стимульного материала представлены в табл. 1.

Образец стимульного материала экспериментов

Мужской род, единственное число	Женский род, единственное число	Множественное число
адрес	база	акты
актер	банда	балы
альбом	беда	бинты
ангел	бомба	верхи
арест	буква	вкусы
бандит	ведьма	внуки
барак	весна	водители
билет	ветка	волки
боец	виза	воры
бокал	вина	врачи
бульвар	воля	горшки

В качестве согласующегося и несогласующегося праймов вслед за Н. Романовой мы использовали прилагательные, образованные от основы «прост» с соответствующим окончанием. В качестве нейтрального прайма использовалось наречие «просто».

Отличие нашего эксперимента от эксперимента Н. Романовой состояло в использовании более короткого прайма – длительностью 50 мс вместо 250 мс. Учитывая среднее время прочтения слова (200–300 мс) [19], длительность предъявления прайма в 250 мс, на наш взгляд, являлась слишком большой для целей нашего исследования и проверяла не автоматическую обработку родовой информации, а сознательные, контролируемые когнитивные процессы.

Известны исследования, в которых эффект морфосинтаксического прайминга был обнаружен при длительности предъявления прайма в 30, 50 и 60 мс [20–22]. В связи с этим мы сократили время предъявления прайма до 50 мс. По той же причине мы отказались от использования прайма длительностью 1 000 мс.

Процедура. Испытуемые читали последовательность букв на экране компьютера и нажимали клавишу «1», если она обладала смыслом в русском языке, и «2» – если не обладала. Экспериментальная сессия состояла из двух блоков, включающих по 300 стимулов каждый (по 150 слов и 150 псевдослов), между которыми участники могли сделать перерыв. Стимулы предъявлялись в случайном порядке.

Участники. Первый эксперимент проводился в двух группах испытуемых – контрольной группе носителей русского языка как родного и экспериментальной группе тюркско-русских билингвов. Группа носителей языка включала 34 человека (15 мужчин) в возрасте от 18 до 48 лет ($M = 24,68$; $SD = 6,29$). Груп-

па билингвов включала 19 человек (12 мужчин) в возрасте от 19 до 35 лет ($M = 23,32$; $SD = 3,97$).

Результаты. Носители русского языка как родного. В группе носителей русского языка как родного было собрано 10 200 наблюдений. После удаления наблюдений, в которых респонденты дали неправильный ответ, а также наблюдений, в которых время реакции отличалось от среднего больше чем на два стандартных отклонения, и составляло больше 1 500 мс или меньше 250 мс [23], общее количество наблюдений было зафиксировано на уровне 9 522.

Данные были поделены на две части – для анализа по роду и для анализа по числу (по шесть условий в каждом типе анализа). Данные анализировались с использованием метода ковариационного анализа. Тип прайма и тип целевого слова (число или род) использовались в качестве категориальных факторов, а значения длины и частотности целевых слов – в качестве ковариат. Результаты ковариационного анализа представлены в табл. 2.

Значимыми эффектами в анализе по стимулам оказались ковариата частотности и фактор типа целевого слова (в данном анализе – фактор числа; $F_s(1, 532) = 32,91$; $p < ,000$) в анализе по стимулам. Участники быстрее реагировали на существительные единственного числа, чем на существительные множественного числа, что может свидетельствовать о наличии эффекта маркированности для категории числа. Значимой разницы в скорости обработки существительных, противопоставленных по частным значениям категории рода, обнаружено не было, т.е. существительные мужского и женского рода обрабатывались одинаково, что не согласуется с теорией о существовании эффекта маркированности и с результатами, полученными Е. Некрасовой и другими авторами. График скорости реакции на стимулы представлен на рис. 1.

Таблица 2

Влияние факторов длины, частотности и типа стимула на скорость реакции в группе носителей русского языка как родного

Эффект	Одномерный критерий значимости для времени реакции				
	Сумма квадратов отклонений	Степени свободы	Дисперсия	F-критерий Фишера	Уровень значимости – p
Свободный коэффициент	5 404 491	1	5 404 491	914,5030	0,000000
Тип прайма	11 493	2	5 746	0,9723	0,378869
Тип целевого слова	194 491	1	194 491	32,9101	0,000000
Тип прайма/ Тип целевого слова	9 315	2	4 657	0,7881	0,455245
Длина	1 768	1	1 768	0,2992	0,584626
Частотность	90 748	1	90 748	15,3556	0,000101
Стандартная ошибка	3 143 991	532	5 910		

Апостериорный анализ с использованием критерия Бонферрони показал, что разница во времени реакции на существительные единственного и множественного числа была значимой во всех трех условиях (табл. 3), т.е. существительные единственного числа обрабатывались быстрее существительных множественного числа после всех типов праймов.

Тюркско-русские билингвы. В группе билингвов было собрано 5 700 наблюдений. После удаления наблюдений, в которых респонденты дали неправильный ответ, а также наблюдений, в которых время реакции отличалось от среднего больше чем на два стандартных отклонения и составляло больше 1 500 мс или меньше 250 мс, общее количество было зафиксировано на уровне 5 137.

Данные времени реакции билингвов анализировались так же, как и соответствующие данные носите-

лей. Результаты ковариационного анализа представлены в табл. 4.

Как и для носителей, значимыми эффектами в анализе по стимулам оказались ковариата частотности и фактор типа целевого слова (в данном анализе – фактор числа; $F_s(1, 532) = 28,44; p < ,000$) в анализе по стимулам. Как и носители, билингвы быстрее реагировали на существительные единственного числа, чем на существительные множественного числа, что может свидетельствовать о наличии эффекта маркированности для категории числа. Значимой разницы в скорости обработки существительных, противопоставленных по частным значениям категории рода, обнаружено не было, т.е. существительные мужского и женского рода обрабатывались одинаково. График скорости реакции на стимулы представлен на рис. 2.

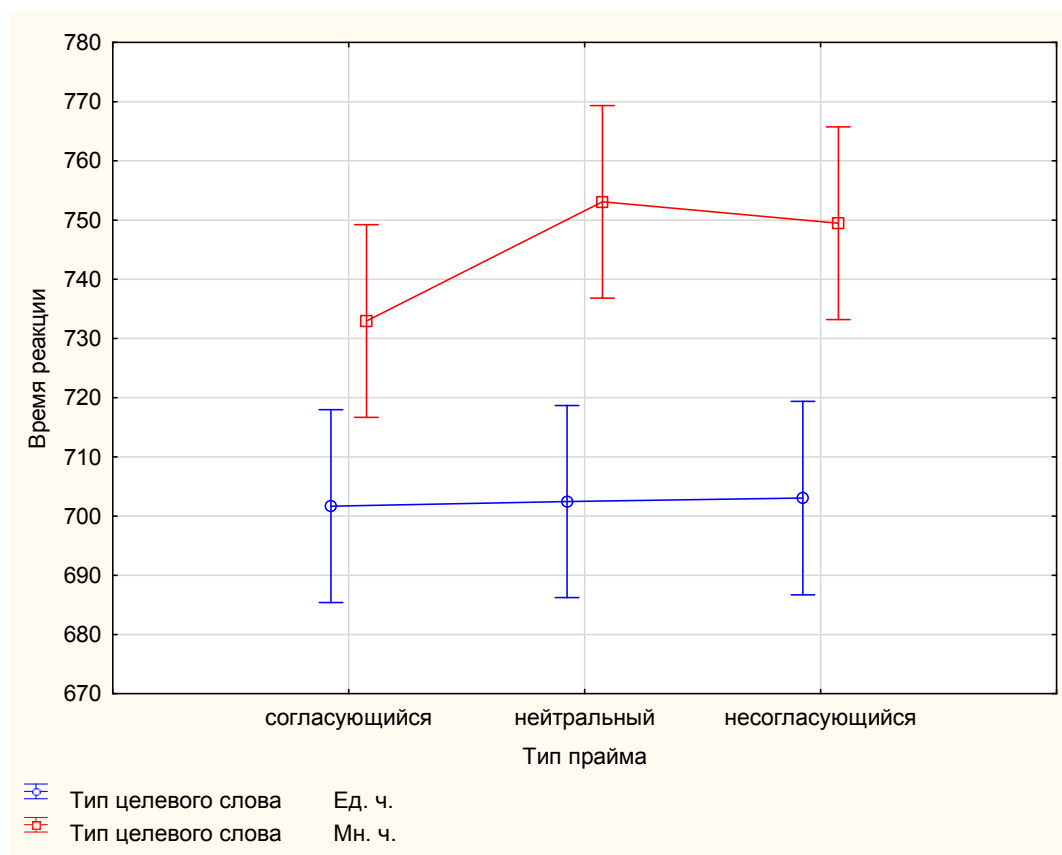

Рис. 1. Время реакции на стимулы, различающиеся по частным значениям числа в группе носителей русского языка как родного

Таблица 3
Различия во времени реакции на различные группы стимулов в группе носителей русского языка как родного

№	Критерий Бонферрони; переменная – время реакции							
	Тип прайма	Тип целевого слова	{1} 698,19	{2} 736,18	{3} 698,28	{4} 756,31	{5} 701,04	{6} 752,68
1	Нейтральный	Ед. ч.		0,014695	1,000000	0,000008	1,000000	0,000038
2	Нейтральный	Мн. ч.	0,014695		0,015114	1,000000	0,034171	1,000000
3	Несогласующийся	Ед. ч.	1,000000	0,015114		0,000009	1,000000	0,000040
4	Несогласующийся	Мн. ч.	0,000008	1,000000	0,000009		0,000028	1,000000
5	Согласующийся	Ед. ч.	1,000000	0,034171	1,000000	0,000028		0,000122
6	Согласующийся	Мн. ч.	0,000038	1,000000	0,000040	1,000000	0,000122	

Таблица 4

Влияние факторов длины, частотности и типа стимула на скорость реакции в группе тюркско-русских билингвов

Эффект	Одномерный критерий значимости для времени реакции				
	Сумма квадратов отклонений	Степени свободы	Дисперсия	F-критерий Фишера	p
Свободный коэффициент	5 661 689	1	5 661 689	525,6365	0,000000
Тип прайма	17 790	2	8 895	0,8258	0,438439
Тип целевого слова	306 340	1	306 340	28,4409	0,000000
Тип прайма/Тип целевого слова	15 655	2	7 827	0,7267	0,483976
Частотность	177 224	1	177 224	16,4537	0,000057
Длина	30 253	1	30 253	2,8087	0,094339
Стандартная ошибка	5 730 231	532	10 771		

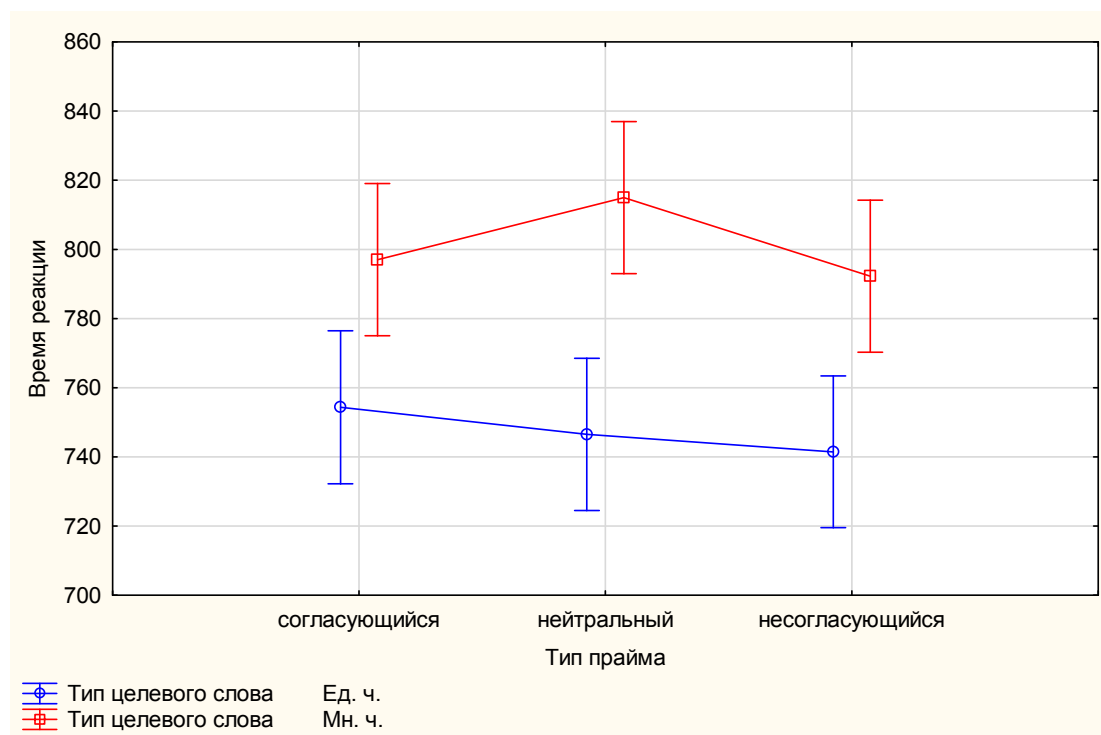

Рис. 2. Время реакции на стимулы, различающиеся по частным значениям числа в группе тюркско-русских билингвов

Как видно на графике рис. 2, участники быстрее реагировали на существительные единственного числа, чем на существительные множественного числа.

Статистически значимым является фактор тип целевого слова ($F_s(1, 532) = 28,44; p < ,000$).

Апостериорный анализ с использованием критерия Бонферрони показал, что разница во времени реакции на

существительные единственного и множественного числа была значимой в нейтральном и несогласующемся условиях и приближалась к уровню значимости в согласующемся условии, т.е. существительные единственного числа обрабатывались значимо быстрее существительных множественного числа после нейтрального и несогласующегося праймов (табл. 5).

Таблица 5

Различия во времени реакции на различные группы стимулов в группе тюркско-русских билингвов

№	Критерий Бонферрони; переменная – Время реакции							
	Тип прайма	Тип целевого слова	{1} 753,89	{2} 799,40	{3} 744,71	{4} 817,34	{5} 736,75	{6} 794,59
1	Согласующийся	ед. ч.		0,051073	1,000000	0,000713	1,000000	0,131586
2	Согласующийся	мн. ч.	0,051073		0,006654	1,000000	0,000884	1,000000
3	Нейтральный	ед. ч.	1,000000	0,006654		0,000051	1,000000	0,020158
4	Нейтральный	мн. ч.	0,000713	1,000000	0,000051		0,000004	1,000000
5	Несогласующийся	ед. ч.	1,000000	0,000884	1,000000	0,000004		0,003081
6	Несогласующийся	мн. ч.	0,131586	1,000000	0,020158	1,000000	0,003081	

Обсуждение. Мы не обнаружили статистически значимой разницы в скорости обработки существительных, противопоставленных по частным грамматическим значениям рода, ни в одной из двух групп испытуемых. Таким образом, наши данные не подтверждают наличия эффекта маркированности для категории

тесным значениям рода, ни в одной из двух групп испытуемых. Таким образом, наши данные не подтверждают наличия эффекта маркированности для категории

рода у носителей русского языка, наблюдавшегося Н. Романовой, Т. Ахутиной и Е. Некрасовой.

Разница в скорости обработки существительных, противопоставленных по частным грамматическим значениям числа, была статистически значимой в обеих группах испытуемых, но только в анализе по стимулам. И носители русского как родного, и билингвы обрабатывали существительные единственного числа быстрее, чем существительные множественного числа. Этот результат можно интерпретировать как свидетельство о наличии эффекта маркированности для категории числа, однако, стоит иметь в виду, что существительные единственного числа могли обрабатываться быстрее существительных множественного числа в силу своей более простой морфологической структуры, а также в силу того, что форма единственного числа является словарной.

Наши данные также не позволяют сделать вывод о влиянии наличия/отсутствия грамматической категории в первом языке билингвов. Билингвы демонстрировали быстрее быструю обработку немаркированных существительных в категории, присутствующей в их языке, т.е. существительных единственного числа по сравнению с

существительными множественного числа, но не демонстрировали такого различия в категории, отсутствующей в их родном языке, что могло бы свидетельствовать о влиянии первого языка на обработку единиц на втором языке. Однако в связи с тем, что носители русского языка демонстрировали сходную тенденцию в обработке, мы не можем сделать вывод о влиянии фактора билингвизма на скорость обработки существительных.

В связи с тем, что влияние прайма не было статистически значимо, сравнение величины эффекта прайминга для двух категорий не имеет смысла.

Если отсутствие влияния фактора рода существительного может свидетельствовать об отсутствии эффекта маркированности, то отсутствие влияния фактора прайма может объясняться его недостаточной длительностью. Возможно, обработка согласования в грамматических категориях происходит на постлексическом этапе, т.е. после того, как слово уже распознано. Проблема выявления механизма эффекта грамматического прайминга и его временных рамок не входила в наши задачи, требует отдельного рассмотрения и может стать темой будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // *Русин*. 2018. № 52. С. 107–117.
2. Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2019 Т. 21, № 2 (187). С. 195–211.
3. Буб А.С. Влияние типа билингвизма на процесс когнитивной обработки многокомпонентных номинативных единиц (экспериментальное исследование) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 461. С. 13–22. DOI: 10.17223/15617793/461/2
4. Царегородцева О.В., Резанова З.И. Влияние различий грамматической категоризации на концептуализацию объектов: русско-татарское языковое взаимодействие // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 438. С. 54–61.
5. Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 57. С. 103–123.
6. Akhutina T. et al. Processing of grammatical gender in a three-gender system: Experimental evidence from Russian // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1999.
7. Akhutina T. et al. Processing of grammatical gender in normal and aphasic speakers of Russian // *Cortex*. Masson SpA, 2001. Vol. 37, № 3. P. 295–326.
8. Romanova N., Gor K. Processing of gender and number agreement in Russian as a second language: The Devil Is in the Details. *Studies in Second Language Acquisition* // *Studies in Second Language Acquisition*. 2017. P. 97–128.
9. Romanova N. Mechanisms Underlying Lexical Access in Native and Second Language Processing of Gender and Number Agreement. 2013.
10. Jacobsen I. Effects of Grammatical Gender on Picture and Word Naming: Evidence from German // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1999. Vol. 28, № 5.
11. Gurjanov M. et al. Grammatical priming of inflected nouns by the gender of possessive adjectives // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11, № 4. P. 692–701.
12. Andonova E. Gender and lexical access in Bulgarian // *Perception & Psychophysics*. 2004. Vol. 66, № 3. P. 496–507.
13. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. Владимир, 2008. 147 с.
14. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 13.01.2021).
15. Sagarra N., Herschensohn J. Asymmetries in gender and number agreement processing in late bilinguals // *Selected Proceedings of the 13th Hispanic Linguistics Symposium*. 2011. P. 169–177.
16. Faussart C., Jakubowicz C., Costes M. Gender and number processing in spoken French and Spanish // *The Italian Journal of Linguistics*. 1999. Vol. 11. P. 75–102.
17. Lukatela G. et al. Type and number of violations and the grammatical congruency effect in lexical decision // *Psychological Research*. 1987. Vol. 49, № 1. P. 37–43.
18. Cole P. Grammatical incongruency and vocabulary types // *Memory & Cognition*. 1994. Vol. 22, № 4. P. 387–394.
19. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological Bulletin*, 1998. Vol. 124, № 3. P. 372–422.
20. Duñabeitia J.A., Perea M., Carreiras M. Does darkness lead to happiness? Masked suffix priming effects // *Language and Cognitive Processes*. 2008. Vol. 23. P. 1002–1020.
21. Ansorge U. et al. Conditional automaticity in subliminal morphosyntactic priming // *Psychological Research*. 2013. Vol. 77, № 4. P. 399–421.
22. Sereno J.A. Graphemic, associative, and syntactic priming effects at a brief stimulus onset asynchrony in lexical decision and naming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1991. Vol. 17, № 3. P. 459–477.
23. Perea M., Vergara-Martínez M., Gomez P. Resolving the locus of cAsE aLTerNaTiOn effects in visual word recognition: Evidence from masked priming // *Cognition*. 2015. Vol. 142. P. 39–43.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 августа 2021 г.

Cognitive Processing of Grammatical Gender and Number by Russian Native Speakers and Turkic-Russian Bilinguals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 36–43.

DOI: 10.17223/15617793/469/5

Yuliya A. Ryabova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru

Keywords: Turkic-Russian bilingualism; grammatical gender; grammatical number; markedness effect; priming.

The research was supported by the Government of the Russian Federation, Project No. 14.Y26.31.0014.

The effect of the grammatical structure of L1 on the processing of grammatical categories in L2 was investigated using a visual lexical decision task. Reaction times of Turkic-Russian bilinguals, whose native languages have no grammatical gender, were measured during the processing of grammatical gender and number of Russian nouns preceded by an agreeing, disagreeing, or neutral prime. The research objective was to test the markedness effect hypothesis which states that unmarked members of grammatical oppositions are processed faster and are less dependent on the facilitative prime, as well as the L1 interference hypothesis according to which L1 grammar influences the processing of L2 grammar. The expectations were as follows: 1) L1 Russian speakers would demonstrate default form bias for both gender and number which will manifest itself in a) shorter reaction times to the default member of the corresponding grammatical opposition and b) differential priming patterns for masculine and feminine nouns. 2) If L1 grammar does affect grammar processing in L2, Turkic-Russian bilinguals would only exhibit the default form bias for grammatical number but not gender since only the former is instantiated in their L1. Moreover, the priming effect would be stronger for number than for gender. Experimental design partly replicates that used by Romanova (2013). Two groups of participants took part in a priming experiment with a lexical decision task – Turkic-Russian bilinguals (19 participants) and L1 Russian speakers (34 participants). Predictor variables were target number and gender, and the type of prime. No significant difference in reaction times to masculine and feminine nouns was found in either group. The data therefore provide no evidence of default form bias for grammatical gender. The effect of grammatical number reached statistical significance in both groups but only in the analysis by items with both groups of participants processing singular nouns faster than plural. The effect of grammatical number could be interpreted as evidence of the default form bias for grammatical number but only tentatively since it could also result from the fact that singular nouns are morphologically less complex and, unlike plural ones, are dictionary forms. A firm conclusion cannot be made regarding the effect of L1 grammar on L2 grammar processing. Although the bilingual participants in the experiments demonstrated the default form bias for grammatical number instantiated in their L1 and no default form bias for grammatical gender not instantiated in their L1, so did Russian participants. Since both groups showed similar processing patterns, the difference in gender and number processing cannot be attributed to the bilinguals' L1.

REFERENCES

1. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of Psycho-Linguistic and Cognitive Aspects of Language Contacting in the Project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures". *Rusin*. 52. pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
2. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language Interaction in Shor-Russian Bilinguals' Speech in Southern Siberia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 21:2 (187). pp. 195–211. (In Russian).
3. Bub, A.S. (2020) Influence of the Type of Bilingualism on Cognitive Processing of Multicomponent Nominative Units (An Experimental Study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 13–22. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/2
4. Tsaregorodtseva, O.V. & Rezanova, Z.I. (2019) Only mother tongue matters: the effect of grammatical gender on the conceptualization of objects in Tatar-Russian bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 54–61. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/7
5. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6
6. Akhutina, T. et al. (1999) Processing of grammatical gender in a three-gender system: Experimental evidence from Russian. *Journal of Psycholinguistic Research*. 28 (6).
7. Akhutina, T. et al. (2001) Processing of grammatical gender in normal and aphasic speakers of Russian. *Cortex*. Masson SpA. 37 (3). pp. 295–326.
8. Romanova, N. & Gor, K. (2017) Processing of gender and number agreement in Russian as a second language: The Devil Is in the Details. *Studies in Second Language Acquisition*. 39. pp. 97–128.
9. Romanova, N. (2013) *Mechanisms Underlying Lexical Access in Native and Second Language Processing of Gender and Number Agreement*. Doctoral Dissertation.
10. Jacobsen, T. (1999) Effects of Grammatical Gender on Picture and Word Naming: Evidence from German. *Journal of Psycholinguistic Research*. 28 (5).
11. Gurjanov, M. et al. (1985) Grammatical priming of inflected nouns by the gender of possessive adjectives. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 11 (4). pp. 692–701.
12. Andonova, E. (2004) Gender and lexical access in Bulgarian. *Perception & Psychophysics*. 66 (3). pp. 496–507.
13. Kopeliovich, A.B. (2008) *Rod i grammatika mezhslennykh sintaksicheskikh svyazey* [Gender and grammar of interword syntactic relations]. Vladimir: Institute of Linguistics RAS; VSHU.
14. Institute of the Russian Language RAS. (n.d.) *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. [Online] Available from: <http://rusgram.narod.ru/> (Accessed: 13.01.2021).
15. Sagarra, N. & Herschensohn, J. (2011) Asymmetries in gender and number agreement processing in late bilinguals. *Selected Proceedings of the 13th Hispanic Linguistics Symposium*. pp. 169–177.
16. Faussart, C., Jakubowicz, C. & Costes, M. (1999) Gender and number processing in spoken French and Spanish. *The Italian Journal of Linguistics*. 11. pp. 75–102.
17. Lukatela, G. et al. (1987) Type and number of violations and the grammatical congruency effect in lexical decision. *Psychological Research*. 49 (1). pp. 37–43.
18. Cole, P. (1994) Grammatical incongruency and vocabulary types. *Memory & Cognition*. 22 (4). pp. 387–394.
19. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124 (3). pp. 372–422.
20. Duñabeitia, J.A., Perea, M. & Carreiras, M. (2008) Does darkness lead to happiness? Masked suffix priming effects. *Language and Cognitive Processes*. 23. pp. 1002–1020.
21. Ansorge, U. et al. (2013) Conditional automaticity in subliminal morphosyntactic priming. *Psychological Research*. 77 (4). pp. 399–421.
22. Sereno, J.A. (1991) Graphemic, associative, and syntactic priming effects at a brief stimulus onset asynchrony in lexical decision and naming. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 17 (3). pp. 459–477.
23. Perea, M., Vergara-Martínez, M. & Gómez, P. (2015) Resolving the locus of cAsE aLErNaTiOn effects in visual word recognition: Evidence from masked priming. *Cognition*. 142. pp. 39–43.

Received: 05 August 2021

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИСТАВОК В РУССКИХ ВИДОВЫХ ПАРАХ: НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ТЕМЕ

На материале лингвистической литературы и корпусов текстов рассматриваются семантические, стилистические и диахронические проявления вариативности приставок в русских видовых парах. Анализируется вариативность приставок в заимствованных глаголах. Выявляются семантические различия заимствованного глагола «шерить» и его кандидатов в видовые корреляты «зашерить», «пошерить» и «расшерить» на основе анализа их прямых дополнений в русскоязычных медиа, собранных из базы данных Интегрум.

Ключевые слова: глагольный вид; приставки; синонимия; заимствования; неологизмы.

Введение. Глагольной префиксации в русском языке посвящено огромное количество научных работ, но тема данной статьи – вариативность приставок в русских видовых парах – получила сравнительно мало внимания, несмотря на то что такая вариативность встречается нередко. Она не в последнюю очередь релевантна в дискуссии о том, существуют ли в русском языке «пустые» (или «чистовидовые») приставки, образующие чисто видовые пары. Анализ вариативности приставок в видовых парах показывает, что приставки сохраняют индивидуальный оттенок значения, и поэтому их нельзя считать совершенно «пустыми».

«Видовая пара» определяется, как правило, как два тождественных по лексическому, но разных по видовому значению глагола. Однако не все глаголы имеют только один видовой коррелят. Некоторые глаголы несовершенного вида имеют два или более видовых коррелята совершенного вида, образованных с помощью разных приставок, а некоторые глаголы совершенного вида имеют два соответствующих глагола несовершенного вида – один бесприставочный и один приставочный вторичный имперфектив. В данной статье анализируется первая группа. Например, глагол несовершенного вида *греть* имеет два коррелята совершенного вида: *нагреть* и *согреть*; глаголу *мыть* соответствуют четыре глагола совершенного вида: *вымыть*, *отмыть*, *помыть* и *умыть*. Такое параллельное образование видовых пар с практически синонимичными приставочными глаголами совершенного вида при бесприставочном глаголе несовершенного вида известно, в том числе, под названием «вариативность приставок (в видовых парах)» или «приставочная вариативность» (англ. *prefix variation*) [1]. Это явление и обсуждается в данной статье. Существуют также иные наименования рассматриваемого явления, например «вариативные образования» или «параллельные образования», однако в нашей работе будет использован термин «вариативность приставок». Далее мы будем для ясности называть варианты типа *греть–нагреть/согреть* «вариативными глаголами» или «вариативными парами», поскольку, на наш взгляд, термин «видовая пара» не совсем подходит для обозначения рассматриваемых в данной статье глаголов.

В статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой глагольные приставки не являются

пустыми (или «чистовидовыми») маркерами совершенного вида, однако из-за максимального совпадения значения приставки с тем или иным значением исходного, бесприставочного глагола может возникнуть иллюзия ее семантической пустоты. Это явление также известно под названием «эффект Вея-Схооневельда» [2, 3], или «гипотеза о наложении значений» [1. С. 147]. Приставки, таким образом, подчеркивают разные оттенки значения исходного глагола, в связи с чем вариативность приставок открывает возможность изучения семантики как глагольных приставок, так и близких по значению (синонимичных) глаголов с различными приставками.

Русские видовые пары преимущественно образуются двумя способами: с помощью суффиксации (например, *упаковывать–упаковать*, *склеивать–склеить*) или префиксации (*писать–написать*, *делать–сделать*). Третья, малочисленная, группа состоит из супплетивных пар типа *ловить–поймать*, *брать–взять* и некоторых других.

В данной статье речь пойдет исключительно о приставках и, следовательно, о префиксации и префиксальных видовых парах. Понятие «видовая пара» упоминается здесь, чтобы подчеркнуть, что под термином «вариативность приставок» понимается не образование от определенного глагола несовершенного вида любых глаголов совершенного вида при помощи разных приставок¹, а вариативные видовые пары, в которые входят два или более члена совершенного вида, образованные от одного и того же глагола несовершенного вида путем префиксации. Следовательно, вариативность приставок относится исключительно к вариативности в видовой паре, а не в отдельных приставках. Согласно исследованию Л. Янды и О. Ляшевской, вариативность приставок представлена более чем в 25% видовых пар [1. С. 148]. Из этого следует, что рассматриваемый феномен представляет собой отнюдь не периферийное явление, а «существенную подсистему» русского языка [1. С. 165], которая заслуживает особого внимания.

В данной статье обсуждаются проявления вариативности приставок в русских видовых парах, включая диахронические изменения языка, стилистические и семантические различия, а также вариативность приставок как маркер профессионального жаргона. В последних разделах статьи рассматриваются различные методы изучения вариативности приставок.

Особое внимание уделяется именно семантическим проявлениям вариативности приставок, а также вариативности приставок в новых глаголах, заимствованных из неславянских языков. Последняя группа глаголов отличается недостаточной изученностью и представляет интерес с аспектологической точки зрения. Для заимствованных глаголов не существует видовых коррелятов в языках-источниках, в связи с чем есть основания полагать, что вариативность приставок чаще встречается в заимствованиях [4–6]. Предлагается краткий семантический анализ недавно заимствованного вариативного глагола *шерить* ('делить, делиться информацией в интернете') и его трех кандидатов в корреляты совершенного вида *зашерить*, *пошерить* и *расшерить* на материале текстов русскоязычных масс-медиа, отобранных из базы данных Интегрум².

Разные проявления вариативности приставок.

В последующих разделах мы дадим краткий обзор существующей литературы о вариативности приставок в видовых парах, но мы не ставим целью определить, какие глаголы являются «истинными» видовыми парами – данный аспект достаточно подробно описан в других работах [7–11]. Самый известный способ определения парности глаголов – критерий Маслова, предполагающий перевод повествования в прошедшем времени (совершенного вида) в историческое настоящее (несовершенного вида) [8. С. 53]. Но на практике иногда бывает затруднительно однозначно определить, имеем мы дело с видовой парой или нет, что отражается и в разных решениях этого вопроса в словарях. Этот факт свидетельствует о том, что видовая парность – феномен скорее градуальный, чем абсолютный. Есть такие пары глаголов, которые невозможно назвать «полноценными» видовыми парами, однако в некоторых случаях они могут быть «близки к видовой паре» [10. С. 67–9; 11. С. 177]. Что касается давно существующих в русском языке глаголов, обсуждаемых в этой статье, мы будем считать видовыми парами (включая вариативные пары – наш объект исследования) те, которые являются таковыми согласно авторитетным лексикографическим источникам (прежде всего, по «Большому толковому словарю» [12]) или научным публикациям. По этой причине для каждой вариативной видовой пары в нашей работе указан источник. Исключение составляет новое заимствование *шерить*, не представленное в словарях. Из-за большого количества примеров³ рассмотреть все вариативные пары не представляется возможным, в связи с чем мы сосредоточимся на нескольких наиболее показательных примерах, которые могут пролить свет на этот феномен.

Семантические различия (на основе семантики приставки). В вариативных парах разные приставки могут подчеркнуть разные семантические элементы исходного, бесприставочного глагола. В статье Л. Янды и О. Ляшевской [1], где термин «вариативность приставок» впервые применяется к русским видовым парам, обсуждаются комбинации приставок, образующие вариативные пары, и причины частого употребления таких комбинаций. Из 16 глагольных приставок⁴, способных образовать видовую пару в

русском языке, есть 120 возможных бинарных комбинаций типа *по-/с-* (которые образуют вариативную пару, например *по-* или *с-темнеть*) или *об(о)-/раз(о)-* (*злиться*), но только 54 комбинации зафиксированы в узусе [1. С. 152], согласно базе данных приставочных видовых пар *Exploring Emptiness*⁵. Самыми частотными бинарными комбинациями являются *по-/с-*, *за-/о(б(о))-*, *о(б(о))/-но-*, *на-/но-* и *по-/у-* [1. С. 153]. Авторы также рассматривают несколько конкретных вариативных пар. Один из примеров, представленных в [1. С. 158–160], – глаголы *завязнуть* и *увязнуть*, видовые корреляты к *вязнуть*. Во многих контекстах эти глаголы имеют одинаковое значение (конкретное или метафорическое) и один глагол может быть заменен другим, однако встречаются случаи, когда такая замена невозможна. Глагол *завязнуть* предпочтителен, если речь идет о событии, когда кто-то застрял, например, из-за узости пространства или прохода, а *увязнуть* связан с событием, когда кто-то погружается в жидкую или вязкую среду [1. С. 159]. Приставка *у-* указывает на движение вниз, подобно глаголам *упасть* и *утонуть*, а *за-* может обозначать разные типы застревания, что также отражено в глаголах *застрять* и *зацепиться* [1. С. 159].

Хотя термин «вариативность приставок» возник сравнительно недавно в русскоязычной научной литературе, такая вариативность обсуждалась и ранее, но под другими названиями. В «Русской грамматике» [13] для обозначения рассматриваемого явления употребляется термин «вариативное префиксальное образование глаголов сов. вида» [13. С. 588] и указывается, что объяснение такой вариативности лежит в нескольких различных значениях вариативных глаголов: «Во всех таких случаях глаголы сов. вида, как правило, отличаются друг от друга тонкими семантическими, а иногда и стилистическими оттенками. Формируя парный вариативный глагол сов. вида, префикс обычно сохраняет в своем значении тонкий индивидуальный оттенок» [13. С. 588].

Н.С. Авилова применяет термин «параллельное образование синонимических глаголов совершенного вида при глаголе несовершенного вида в видовой паре» для описания вариативности приставок. Автор отмечает, что «лексикологическое значение этих глаголов тождественно» [7. С. 255], хотя позднее несколько смягчает свою позицию: «Все эти типы синонимических отношений в видовой паре могут различаться стилистической окраской или оттенками значения» [7. С. 258]. Оттенки значения могут проявляться при образовании приставочных коррелятов совершенного вида у многозначных бесприставочных глаголов несовершенного вида, например в вариативной паре *чистить*–*вычистить/почистить*, где «в глаголе *вычистить* есть оттенок тщательности выполнения действия; в глаголе *почистить* – оттенок ограниченности действия временным пределом» [7. С. 256].

Вариативные глаголы также были названы просто «синонимами» или «так называемыми синонимами» (см. работы И. Свечинской [14], Е.Р. Добрушиной [15], Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой [16. С. 159–60]). И. Свечинская [14. С. 155–161] обсуждает вариативные глаголы *вы-/покрашивать*; согласно автору, данные

глаголы различаются семантически: так, *покрасить* значит 'совершить действие *красить*, красить некоторое время', а *выкрасить* выражает качественное изменение, т.е. 'покрыть поверхность краской'. *Покрасить* не обязательно значит, что поверхность полностью покрыта, и поэтому «можно *покрасить*, но не *выкрасить*» [14. С. 155]. Е.Р. Добрушина [15. С. 137] также говорит о «синонимичных глаголах» (с приставкой *из-* и другой приставкой), которые не совсем идентичны по значению, например, *испугать* и *напугать* или *вылечить* и *излечить*. Согласно Е.Р. Добрушиной, инвариантное значение приставки *из-* таково: в приставке подразумевается движение (физическое или метафорическое) от конечной возможной точки. Итак, в глаголах с приставкой *из-* можно наблюдать переход от какого-то экстремального пункта к другой, но необязательно к противоположной, конечной точке. Глагол *испугать*, следовательно, означает переход от состояния отсутствия страха до точки 'испытать страх', а его синоним *напугать* подчеркивает процесс 'пугать' и некоторое накопление, в результате которого тот, кого пугают, испытывает страх [15. С. 139–40].

М.Я. Гловинская [17. С. 193] пишет о возникновении «приставочных эквивалентов», или «параллельных образований», особенно в контекстах, где один глагол используется в жаргоне какой-то профессии, и также обращает внимание на семантические нюансы вариативных глаголов. Исследовательница считает, что «[и]ногда такой эквивалент вполне оправдан, так как выражает смысл, несколько отличный от значения существующего глагола» [17. С. 193], например *пропить* (вместо *выпить*), который употребляется в профессиональной речи медиков и имеет более узкую семантику, чем *выпить*: *пропить* значит 'принять курс лекарств'⁶. Однако иногда «возникновение параллельного образования с другой приставкой выглядит немотивированным, так как полностью повторяется смысл уже существующего глагола» [17. С. 194]. К последней группе автор относит *заценить*, который выражает тот же самый смысл, что и *оценить* (см. также [18. С. 47]).

Конструкционный профиль. В данном разделе мы опишем один сравнительно редкий, но заслуживающий внимания случай вариативности приставок, а именно употребление вариативных глаголов в разных грамматических конструкциях. С. Соколова и соавт. [19, 20] исследовали глаголы *загрузить*, *погрузить* и *нагрузить* (видовые корреляты к *грузить*) с точки зрения *локативного чередования* (англ. *locative alternation*). Локативное чередование наблюдается, когда «глагол может употребляться в двух альтернативных конструкциях, которые передают (примерно) одну и ту же информацию» (англ. «a given verb can occur in two alternative constructions, both of which deliver (approximately) the same information») [18. С. 53]. Локативное чередование «базового» бесприставочного глагола *грузить* означает, что он может употребляться в следующих конструкциях: *грузить что-либо во что-либо* («дополнение-тема», англ. *Theme-object*) и *грузить что-либо чем-либо* («дополнение-цель», англ. *Goal-object*). Возникает вопрос: как ведут себя его корреляты совершенного вида *загру-*

зить, *нагрузить* и *погрузить*? Авторы показывают, что эти глаголы используются в различных конструкциях. Рассмотрим несколько примеров.

(1) Вспомнил соседа, который как **нагрузит багажник** своего «Москвича» **яблоками**, так светит прямо в небо, рекламу на эстакадах можно читать (Дмитрий Гронский. Обратная сторона // Автопилот. 2002.12.15).

(2) И они ловко **погрузили в «рафик»** все её **узлы и коробки** (Токарева Виктория. Своя правда // Новый мир. 2002).

(3) Один раз в году любители головоломок из разных стран мира собираются вместе, чтобы при личной встрече обменяться идеями, познакомиться с изобретениями новыми и вспомнить хорошо забытые старые, пополнить свои домашние игротеки и коллекции, **загрузить мозги свежими проблемами** (Красноухов В. Встреча головоломщиков в Бостоне // Наука и жизнь. 2007).

Использование глагола *нагрузить* ограничено конструкцией «дополнение-цель» (*нагрузить что-либо чем-либо*, например *нагрузить машину чемоданами*), см. (1). Для глагола *погрузить* более свойственно употребление в конструкции «дополнение-тема» (*погрузить что-либо во что-либо*, например, *погрузить арбузы в телегу*), как видно в примере (2), хотя он также может быть использован в конструкции «дополнение-цель». В свою очередь, *загрузить* встречается в обеих конструкциях в примерно равных пропорциях. В примере (3) представлена конструкция «дополнение-цель»: *загрузить мозги свежими проблемами*.

Проявления вариативности приставок, не касающиеся лексического значения: диахронические изменения, жаргонизмы и стилистические различия. Необходимо подчеркнуть, что вариативные глаголы не всегда различаются лексическим значением. В данном разделе мы рассмотрим три случая вариативности приставок, не связанных с их лексическим значением: диахронические изменения (устаревание одного приставочного глагола и последующая замена другим приставочным глаголом), вариативность как характеристика профессионального жаргона и как стилистический маркер.

Изменчивость является одной из основополагающих черт естественных языков. Не все слова и словоформы сохраняются, а на место прежних приходят новые. В этом процессе участвуют и русские глагольные приставки. В глагольном словообразовании современного русского языка приставка *за-* становится всё более распространенной, а глаголы с этой приставкой дополняют или даже вытесняют другие, уже существующие приставочные глаголы [18]. Приведем некоторые примеры из работы С. Соколовой [18]: *заценить* в речи молодых людей стало использоваться вместо *оценить*, *посмотреть* вытесняется глаголом *засмотреть*, а *прочитать* – *зачитать* (здесь речь не идет о стандартном значении глагола *зачитать* 'зачитать вслух'). Представленные примеры демонстрируют, что к этой группе вариативных глаголов относятся в первую очередь новообразования из молодежного сленга. Еще одним формантом, который активно

«вытесняет» другие в современном русском языке, является приставка *от-*. Глаголы с этой приставкой часто приходят из профессиональной речи [17. С. 194–196], например *отыграть* вместо *сыграть*, *отслушать* вместо *прослушать* и *отписать* вместо *написать*. Приставка *от-* придает этим глаголам дополнительный оттенок ‘совсем, до конца’, как *отписать* ‘написать и отослать’ [17. С. 196]. Некоторые приставочные глаголы полностью вышли из употребления и не были заменены другими приставочными глаголами. К этой группе можно отнести, например, *заатаковать*, *обмобилировать* и *окритиковать* [17. С. 192].

Еще одно проявление вариативности – использование вариативных глаголов в качестве стилистического маркера, например, отличительной черты разговорной речи. Так, можно найти глаголы с приставкой *с-*: *сготовить* (вместо стандартного *приготовить*) и *спечь* (*испечь*), а также с приставкой *вы-*: *выпачкать* (*запачкать*), *вызубрить* (*зазубрить*) и *выругать* (*отругать*) [12]. В данных случаях смена приставки влияет только на стилистическую окраску глагола. Стоит также отметить, что стилистически окрашенные приставки можно найти и в других типах приставочных глаголов, в том числе и тех, у которых бесприставочных форм нет, например, *запретить*–*запрещать* и *воспретить*–*воспрепятствовать*, где вторая пара относится к официальному стилю [12].

Последняя группа вариативных глаголов – приставочные глаголы, из которых один вариант употребляется преимущественно в каком-либо профессиональном жаргоне. В жаргоне медиков иногда образуются альтернативные формы с приставкой *про-*: *пролечить* вместо *вылечить* и *пропить* вместо *выпить* [21. С. 171–172]. Свои приставочные формы образуются и представителями других профессий. В таких случаях особенно часто используется приставка *за-*: например *засолить* вместо *посолить*, *завесить* вместо *взвесить* и *захоронить* вместо *похоронить* [22. С. 10–11]. Как отмечалось выше (в части, где речь шла о глаголах *отписать* и *написать*), приставка *от-* также нередко используется в новообразованиях в профессиональном жаргоне. М.Я. Гловинская [17. С. 194–196] называет несколько глаголов с приставкой *от-* из профессионального жаргона: *отыграть* вместо *сыграть*, *отслушать* вместо *прослушать*, *отсмотреть* вместо *посмотреть* и *отследить* вместо *проследить*.

Разумеется, вышеназванные причины проявления вариативности приставок не исключают друг друга; один глагол может быть стилистически маркирован и в то же время выражать несколько иную семантику, чем «стандартный» глагол. *Пропить* (как указано выше) употребляется в профессиональной речи медиков, но в то же время имеет несколько иную семантику, чем «стандартный» глагол *выпить*, так как *пропить* значит не просто ‘выпить’ (стакан, рюмку и т.п.), а подразумевает целый курс (как правило, лекарств). Это обстоятельство свидетельствует о многообразном характере вариативности приставок, ее возможности проявиться в различных сферах языка.

Новые заимствования. Русский язык постоянно пополняется новыми словами из иностранных языков, в том числе и новыми глаголами (см., например, [23]).

Такие единицы представляют собой интересную категорию с точки зрения глагольного вида. В неславянских языках-источниках видовые пары отсутствуют, в связи с чем лингвисты заинтересовались изучением образования новых видовых пар в русском языке [4–6, 24, 25]. К примеру, немецкий глагол *fotografieren* в зависимости от контекста переводится на русский как *фотографировать* или *сфотографировать*, так как в немецком языке, в отличие от русского, категория глагольного вида не маркируется морфологически.

Самыми продуктивными глагольными приставками в заимствованных глаголах, которые заканчиваются на *-овать*, являются *за-*, *от-*, *про-* и *с-* [24. С. 18; 25. С. 233]. Префиксация новых заимствований также используется для образования способов глагольного действия (СГД). Например, делимитативный СГД с помощью приставки *по-* (*помассажировать*) или начинательный СГД с *за-* (*зафонтанировать*) [25. С. 237]. Приставка *по-* также была названа «сверхпродуктивной» в речевом словотворчестве [26. С. 247], однако не исключительно в отношении заимствований. Есть свидетельства того, что новые заимствования и окказионализмы характеризуются значительно большей вариативностью, чем давно закрепившиеся в языке глаголы [4–6]. Кроме того, семантика самих приставок должна быть более очевидна в новых заимствованиях и окказионализмах, пока эти глаголы не «прижились» в языке, не потеряли свой иностранный характер и не приобрели дополнительные стилистические оттенки. Новые заимствования часто относятся к разговорному стилю и молодежному сленгу, в связи с чем добавление приставки не должно существенно менять стилистическую окраску базового глагола.

К. Гордеева [6. С. 47] утверждает, что многие новые заимствования (в том числе окказионального характера), например *подкастить* (от *подкаст* – онлайн-аналог радиопередачи), *скайнить* (от *Skype* – телефон через интернет), *снеччатить* (от *Snapchat* – приложение для отправки видео и фото через смартфон) и *нетфликсить* (от *Netflix* – онлайн-сервис для просмотра фильмов и сериалов)⁷ – имеют довольно широкую и диффузную семантику; часть из них описывают ситуации, знакомые лишь отдельным группам русскоговорящего населения. Носители русского языка по этой причине не обязательно имеют в виду одну и ту же ситуацию, когда употребляют тот или иной новый глагол. Вариативность приставок по этой причине более распространена в новых заимствованиях, так как говорящие могут понимать новый глагол по-разному и выбирать подходящую приставку для образования видового коррелята совершенного вида согласно индивидуальной интерпретации значения глагола. Новые глаголы появляются (и исчезают) быстро, и видовые корреляты образуются спонтанно и отражают индивидуальную языковую интуицию говорящего. Эти факторы обуславливают большую вариативность приставок при образовании видовых пар заимствованных глаголов.

Методы изучения вариативности приставок. В этом разделе мы рассмотрим количественные методы изучения семантики глаголов с вариативностью

Частотность глаголов *за-, по-, про-* и *расширить*
в поисковых системах «Яндекс» и Google
по данным на 28 октября 2019 г.

«Яндекс»	Google
<i>пошерить</i> (5 000)	<i>пошерить</i> (19 000)
<i>заширить</i> (3 000)	<i>заширить</i> (11 000)
<i>расширить</i> (2 000)	<i>расширить</i> (5 000)
<i>прошерить</i> (651)	<i>прошерить</i> (368)

приставок и источники материала. Анализ качественных методов, основанных исключительно на языковой интуиции носителей языка, не входит в задачи данной работы.

Поисковые системы. В современном мире наиболее быстрый способ изучения какого-нибудь слова – установление абсолютной частоты в поисковых системах в интернете. Возможности заниматься исследованием в интернете, однако, ограничены. Как отмечают Е.В. Петрухина и О.В. Дедова [27], результаты, полученные в поисковых системах типа «Яндекс»⁸ или Google⁹, могут различаться в зависимости от пользователя, и по этой причине они не совсем достоверны. Результаты, получаемые пользователем в поисковой системе, зависят от множества разных факторов, например места, где осуществляется поиск, предыдущих запросов пользователя и т.д., в связи с чем результаты, выдаваемые поисковыми системами, необходимо интерпретировать осторожно. Такие данные также содержат много «шума», например повторы (нахождение одного и того же текста на разных сайтах) и нерелевантные результаты (тексты на языках, похожих на русский) и т.п. Несмотря на названные трудности, анализ выдач в поисковых системах, несомненно, предоставляет некоторую информацию об употреблении слов. Многие новые заимствования можно обнаружить (в письменном виде) только в интернете. Также можно сравнить частотность различных слов [4, 5] – так, слово с пятью тысячами результатов (вхождений) в поисковой системе, естественно, более употребительно, чем слово с пятьюстами результатами (вхождениями), хотя сами цифры не совсем достоверны¹⁰.

Рассмотрим в качестве примера глагол *шерить*¹¹ и его самые частотные приставочные кандидаты в корреляты совершенного вида. *Шерить* заимствован из английского языка и образован от глагола *to share* ‘делить, делиться’. Этот глагол отсутствует в больших толковых словарях русского языка; в новых лексикографических источниках (в частности, в словарях сленга) он определяется как «распространять» (шарить) и «распространить» (расшарить) [23. С. 233] или «разделять что-либо; совместно пользоваться чем-либо» (в Викисловаре¹², в котором не приводятся видовые корреляты). Словарные определения могут включать неполный спектр значений данного глагола, и мы вернемся к этому вопросу ниже. Глагол *шерить* был выбран нами, поскольку один из его предлагаемых коррелятов совершенного вида образован приставкой *раз-* [23, С. 233], которая в заимствованиях довольно малоупотребительна. Другие префиксальные глаголы, образованные от *шерить*, можно найти в интернете и других ресурсах, что вызывает вопрос о том, насколько сильно отличается семантика глагола с приставкой *раз-* от других приставочных глаголов, образованных от *шерить*? К вопросу о семантических различиях и сходствах данных глаголов мы вернемся позже. В табл. 1 далее представлены самые частотные приставочные глаголы, образованные от *шерить*, обнаруженные в поисковых системах «Яндекс» и Google.

Как показало наше исследование, самые частотные приставочные глаголы, образованные от *шерить*, – *заширить*, *пошерить* и *расширить*.

На четвертом месте оказался *прошерить*, но из-за низкой частотности этого глагола в других корпусах и базах данных мы исключим его из дальнейшего анализа.

Корпуса. По сравнению с данными поисковых систем, результаты, полученные из корпусов, более надежны, поскольку они не зависят от пользователя. Однако проблема с публикацией одного текста в нескольких источниках присутствует и в некоторых корпусах. Еще один минус корпусов, существенный при исследовании новой лексики, – это потенциальное отсутствие в них современных источников.

Рассмотрим устаревшие глаголы *окритиковать*, *обмеблировать* и *заатаковать*, упомянутые выше. *Окритиковать* встречается шесть раз в Национальном корпусе русского языка¹³ (НКРЯ) в основном корпусе, последнее вхождение – в 1894 г. *Обмеблировать* встречается восемь раз, последнее вхождение – в 1935 г. *Заатаковать* в НКРЯ не зафиксировано. Эти цифры показывают, что данные глаголы действительно устаревшие.

Для глагола *шерить*, описанного выше, НКРЯ выдал только один релевантный результат, см. пример (4) (присутствовало также несколько нерелевантных вхождений имени *Шерил*):

(4) Почти половина российских пользователей соцсетей уже не только «лайкают», «постят» и «**шерят**», но и делают покупки, подсчитали аналитики PricewaterhouseCoopers (PwC) (Анна Левинская, Евгений Красников. Половина пользователей соцсетей покупают через них товары // РБК Дейли. 2014.02.26).

Поиск по приставочным формам не выдал ни одного результата в НКРЯ, в связи с чем мы обратились к базе данных текстов массмедиа Интегрум¹⁴. По сравнению с НКРЯ, Интегрум больше по объему и содержит значительное количество новых текстов. Таким образом, Интегрум представляет собой более надежный ресурс для исследований новейших словообразований. Количество вхождений наших глаголов следующее: *пошерить* (92), *расширить* (112), *заширить* (38)¹⁵ (дата поиска: 28 октября 2019 г.). Ограничений по времени установлено не было. Тексты были выбраны из подкорпусов русскоязычных массмедиа. Если сравнить эти цифры с цифрами в табл. 1, можно увидеть, что в Интегруме *расширить* встречается чаще, чем *заширить* и *пошерить*; в поисковых системах ситуация обратная. В Google вхождений глагола *пошерить* намного больше, чем вхождений других глаголов (почти в два раза больше, чем *заширить*, и почти в четыре раза больше, чем *расширить*); в «Яндексе» *пошерить* занимает первое место, однако его частотность не так сильно отличается от других глаголов. Таким образом, корпусные данные еще раз де-

монстрируют ненадежность использования поисковых систем для установления точной частотности какого-либо слова.

Анализ коллокатов. Английский лингвист Д. Ферс сказал: «You shall know a word by the company it keeps» [28. Р. 179]. Эта знаменитая цитата объясняет логику анализа *коллокатов*, т.е. слов, которые встречаются вместе с другими словами (и относятся к ним синтаксически). Коллокаты, в нашем понимании слова, это прямые и косвенные дополнения, обстоятельства и другие компоненты аргументной структуры глагола. Как правило, самыми релевантными коллокатами для понимания семантики глаголов являются прямые дополнения и обстоятельства, выраженные наречиями. Проиллюстрируем данный метод на примере глаголов *зашерить*, *пошерить* и *расшерить*, о которых шла речь в предыдущем разделе, и их прямых дополнений в Интегруме, с целью оценить степень синонимичности данных приставочных глаголов. *Шерить* и его кандидаты в приставочные корреляты совершенного вида преимущественно используются по отношению к информации в интернете (особенно в социальных сетях, где легко загружать и распространять ссылки), и в этом значении приставочные глаголы кажутся синонимичными. В табл. 2 показаны прямые дополнения рассматриваемых глаголов в Интегруме, а также их количество.

Таблица 2
Прямые дополнения глаголов *за-*, *по-* и *расшерить*
в базе данных Интегрум по данным на 28 октября 2019 г.

<i>Зашерить</i>	<i>Пошерить</i>	<i>Расшерить</i>
2: <i>пост, ролик</i> 1: <i>вариант, законопроект, кост, место, новость, поездка, путь, события, ссылка, ссылочка, спот, такси, транспорт, установка, шедевр</i>	3: <i>инсайты</i> 2: <i>самокаты</i> 1: <i>апартаменты, баблo, вилла, жилье, затраты, заявка, клипы, контент, котик, кроватка, опыт, пирожное, подарок, поездка, проживание, результаты, сообщения, счет, текст, человек-лаук</i>	12: <i>пост</i> 4: <i>новость</i> 2: <i>видео, запись, информация, сообщение</i> 1: <i>анонсы, версия, выписка, гиперссылка, заголовок, игра, идея, история, комментарии, контент, плакат, проект, рецензия, скетч-портрет, слова, спецпроект, список, ссылка, статус, сэлфи, твиты, текст, телевизор, файлы, фото, фотография</i>

Как показывает табл. 2, *за-*, *по-* и *расшерить* в интернете можно, например, файлы, тексты, новости, фотографии и под. Однако *зашерить* и *пошерить* имеют дополнительный компонент значения «в реальном мире»: можно *за-* или *пошерить* (т.е. поделить) какую-то вещь с другим человеком, что видно в следующих примерах: *зашерить такси, трансфер, пошерить виллу, жилье, подарок, счет* (в ресторане) и т.п. *Расшерить* не встречается с такими словами, что указывает на сохранение более узкого значения у этого глагола «распространить что-либо в интернете».

В примерах (5)–(8) ниже каждый из обсуждаемых глаголов демонстрирует значение «распространить что-либо в интернете». Жирным шрифтом выделены глагол и прямое дополнение.

(5) **Пост** с речью председателя Си Дзиньпина **расшерили** 5 тысяч раз, но оставлено всего 16 комментариев, а отображаются вообще только два – оба хвалебные (Экспресс газета (eg.ru). 21.04.2016).

(6) Потом останется «**пошерить**» свою «**заявку** на победу» в социальных сетях, и исполнить ее, если потребуется подтверждение (Udm-info.ru – Новости. 16.02.2016).

(7) Дума в Ютубе: депутат вышел в онлайн, чтобы **зашерить** для избирателей новые **законопроекты** (Vesti.ru. 24.10.2017).

(8) Так женщина и сделала, получив трогательную **фотографию**, которую «**расшерили**» тысячи людей после того, как ее опубликовали в Twitter (ТСН.ua (tsn.ua). 12.05.2017).

Приставка *раз-* и, следовательно, слово *расшерить* имеют значение «во множество направлений», в связи с чем глагол используется в контекстах, где речь идет о файлах, ссылках и т.д., которые можно копировать и отправлять множество раз и в разные стороны интернета. К примеру, *расшерить новость, ссылку, файлы, фото* и т.д. (ср. примеры (5) и (8) выше). Таким образом, глагол *расшерить* можно сравнить с глаголом *распространить* (с той же приставкой). Это значение также представлено в глаголах *зашерить* и *пошерить*, как видно в примерах (6) и (7). При этом *расшерить* не может употребляться, когда речь идет о конкретной вещи в реальном мире; тогда возможны только *зашерить* и *пошерить*. Это значение представлено в примерах (9) и (10).

(9) Я один и поэтому хочу найти себе напарника/напарницу или присоединился к комунибудь (sic. – Г.У.), чтобы **зашерить кост** на аренду, ну и чтобы веселее было кататься (Ski.Ru. 05.01.2019).

(10) Девочки нежно, но твердо отклоняют все попытки **пошерить счет**, потому что я гость (Обозреватель (Киев). 07.04.2015).

Следовательно, и глагол *шерить*, и приставка *раз-* (*рас-*) имеют, с одной стороны, значение «во множество направлений». *За-* и *пошерить*, с другой стороны, имеют более широкую семантику, более близкую к «исходному» английскому глаголу *to share*, который употребляется не только по отношению к информации в интернете, но и к объектам реального мира, что сходно с русским глаголом *поделить*, который можно использовать и там, где *расшерить* невозможен. Приставка *за-*, судя по современным исследованиям [4–6, 18, 25], самая частотная в новых заимствованных глаголах. Ее продуктивность можно объяснить тем, что одним из ее значений является «переход в новое состояние» или «результат» [29. С. 148]. Это совпадает с результативным значением – одним из главных значений совершенного вида. Приставка *по-*, хотя и является наиболее частотной приставкой, образующей видовую пару в русском языке вообще [11. С. 15], в новых заимствованиях встречается не так часто. Она образует видовую пару для многих глаголов, описывающих события, которые не занимают много времени [30. С. 233]. Глагол *шерить* может быть отнесен к данной группе, так как он описывает клик мышки (или касание на экране) по кнопке «share», а такой процесс не занимает много времени. Кроме того, у

пошерить имеется аналогичный «старый» глагол с приставкой *по-*, а именно *поделить*. Также известно, что *по-* может принимать участие в образовании «параллельных» глаголов совершенного вида [26], выразить нормальный коррелят совершенного вида, а также выразить делимитативный СГД в одном и том же глаголе. Для *пошерить*, однако, примеров с возможной интерпретацией делимитативного СГД в Интегруме обнаружено не было.

Несмотря на то что материал с глаголами *за-/по-/расшерить* сравнительно небольшой¹⁶, можно сделать некоторые предварительные выводы. Из трех указанных глаголов *расшерить* имеет самую «узкую» семантику, так как используется исключительно в контекстах, где речь идет о распространении какого-либо материала в интернете; *зашерить* и *пошерить*, в свою очередь, имеют, помимо значения ‘распространить какой-либо материал в интернете’, значение ‘поделить какую-либо вещь с кем-либо’.

Заключение. В данной статье мы рассмотрели различные проявления вариативности приставок в русском языке и провели краткий анализ вариативности приставок на примере одного нового вариативного заимствования – кандидатов в видовые корреляты глагола *шерить*: *зашерить*, *пошерить* и *расшерить*. Глагол *расшерить* имеет семантику, близкую глаголу *распространить*, но с тем дополнительным оттенком, что *расшерить* используется в контекстах, где речь идет об информации в интернете. Приставка *раз-* выражает пространственное значение ‘направить в разные стороны’, что во многом совпадает со значением исходного глагола *шерить* ‘распространять что-либо в интернете’. Глаголы *зашерить* и *пошерить* могут использоваться в значениях глагола *расшерить*, однако также могут выражать значения, близкие к значениям глаголов *поделить* или *разделить*. Наш метод – анализ коллокатов – не может пролить свет на все возможные различия в употреблении исследуемых глаголов; данная проблема выходит за рамки данной работы, но мы не исключаем, что носители русского языка могут интерпретировать исследуемые

глаголы по-разному и использовать их в несколько различных контекстах.

Наиболее важным аспектом вариативности приставок можно считать то, что этот феномен противоречит гипотезе о существовании семантически «пустых» глагольных приставок, функция которых сводится к изменению вида бесприставочного глагола с несовершенного на совершенный. Как правило, можно обнаружить различия в лексическом значении вариативных глаголов типа *красить* (*вы-/покрывать*) или *шерить* (*за-/по-/расшерить*), что является аргументом в пользу эффекта Вея – Схооневельда, т.е. наложения значения приставки и значения исходного глагола в приставочных видовых парах. Приставка не меняет значение исходного бесприставочного глагола, ее значение сливается с тем или иным значением глагола, и вариативные приставочные глаголы подчеркивают разные семантические элементы, присутствующие в исходном глаголе.

Анализ одного глагола, конечно, не может служить доказательством существования или отсутствия семантически «пустых» глагольных приставок, но результаты нашего исследования показывают, что, подобно «старым» вариативным глаголам, и в заимствованных вариативных глаголах, совсем недавно появившихся в языке, можно обнаружить тонкие семантические различия на основе анализа семантики отдельных приставок. Семантические различия, однако, являются не единственным фактором, определяющим выбор приставки. Вариативность приставок представляет собой многосторонний лингвистический феномен, интересный с разных точек зрения, в том числе стилистики, семантики и истории языка.

Кроме анализа многочисленных вариативных глаголов, которые не получили подробного освещения в имеющихся публикациях, при дальнейшем исследовании также стоит обратить внимание на диалектные различия в употреблении глагольных приставок и вариативных глаголов, а также на специфику функционирования обсуждаемых единиц в письменной и устной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К примеру, глаголы *выписать* и *описать* нельзя считать вариативной парой, так как они, в-первых, имеют совершенно разные, отличающиеся друг от друга значения и, во-вторых, не являются видовыми коррелятами к исходному, бесприставочному глаголу *писать*.

² URL: <http://integrumworld.com/>

³ Наиболее полный список приставочных видовых пар можно найти в базе данных *Exploring Emptiness* на сайте <http://emptyprefixes.uit.no>

⁴ *в-, вз-/воз-, вы-, за-, из-, на-, о-/об-/обо-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-*

⁵ URL: http://emptyprefixes.uit.no/variation_eng.htm

⁶ Значение ‘потратить все деньги на алкогольные напитки, пропить деньги’ в данном анализе нерелевантно.

⁷ В работе К. Гордеевой [6. С. 82–85] указывается следующая частотность префиксальных образований вышеупомянутых глаголов: *за-* (*заподкастить* (19), *заснепчатить* (12), *занетфликсить* (16)); *по-* (*понетфликсить* (1), *поскайпить* (30), *поскайпиться* (7)); *от-* (*отподкастить* (7), *отснепчатить* (17)); *до-* (*донетфликсить* (7), *доподкастить* (11)); *про-* (*пронетфликсить* (10)) и *пере-* (*переснепчатить* (8)).

⁸ URL: <https://yandex.ru>

⁹ URL: <https://www.google.com>

¹⁰ Цифры, как правило, сильно преувеличены [27. С. 149].

¹¹ Встречается также вариант *шарить* [23. С. 233]. Такая форма делает глагол омонимом к другому глаголу *шарить*: ‘ощупывать или осматривать в поисках чего-нибудь’. Чтобы исключить ‘шум’ в материале, в запросах в корпусах и поисковых системах был использован вариант *шерить*.

¹² URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/шарить#шарить_III

¹³ URL: <http://ruscorpora.ru/new/>

¹⁴ URL: <http://integrumworld.com/>

¹⁵ Поиск по варианту *шарить* дал следующие цифры: *расшарить* 2 961, *пошарить* 9 798, и *зашарить* 526, но, как показано выше, эти показатели нерелевантны для нашего исследования в силу того, что *шарить* может также значить ‘ощупывать или осматривать в поисках чего-нибудь’.

- ¹⁶ Встречалось также немного «шума» в материале. Поиск слова *расшерить* дал несколько результатов существительного *расшеритель*, также было обнаружено несколько опечаток глагола *расширить*. По поиску глагола «пошерить» нашлось несколько результатов имени или фамилии *Пошер*, а также глагол *пошерстить*. Все данные по *зашерить* были релевантными.

ЛИТЕРАТУРА

- Janda L., Lyashevskaya O. Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: are *завязнуть* and *увязнуть* 'get stuck' the same or different? // Russian Linguistics. 2011. № 35 (2). P. 147–167. DOI: 10.1007/s11185-011-9076-9.
- Vey M. Les préverbes «vides» en tchèque moderne // Revue des études slaves. 1952. № 29 (1/4). P. 82–107.
- Van Schooneveld C. The so-called 'préverbes vides' and neutralization // Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics. The Hague: Mouton. 1958. P. 159–61.
- Gjervold J. Prefix variation: A comparison between slang and contemporary standard Russian // Poljarnyj Vestnik. 2013. № 16. P. 33–46. DOI: 10.7557/6.2807.
- Gjervold J. Prefix variation in Russian: a comparison between occasional verbs and standardized language. MA thesis, University of Tromsø. 2014. URL: <https://munin.uit.no/handle/10037/6725>
- Gordeeva K. Aspectual Prefix Variation in Novel Russian Verbs. MA thesis. University of Oregon. 2018. URL: <http://hdl.handle.net/1794/24219>
- Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Janda L., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nettet T., Sokolova S. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington: Slavica Publishers, 2013.
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
- Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. 1 / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1982.
- Сведицкая И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке: сб. ст. / ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. М.: Русские словари, 1997. С. 149–163.
- Добрушина Е.Р. В поисках инвариантного значения приставки *из-* // Глагольная префиксация в русском языке: сб. ст. / ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. М.: Русские словари, 1997. С. 121–140.
- Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.
- Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: активные тенденции на рубеже XX–XXI веков / ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 187–267.
- Соколова С. «Засмотрите и зацените»: продуктивность приставки *за-* в современном русском языке // Poljarnyj Vestnik. 2009. № 12. P. 43–63. DOI: 10.7557/6.1291
- Sokolova S., Janda L., Lyashevskaya O. The locative alternation and the Russian 'empty' prefixes: a case study of the verb *gruzit* 'load' // Frequency effects in language representation / eds. by D. Divjak, S. Gries. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 51–86.
- Sokolova S. Asymmetries in linguistic construal. Russian prefixes and the locative alternation: PhD dissertation. University of Tromsø, 2012.
- Земская Е.А. Активные тенденции словопроизводства // Русский язык / ред. Е. Ширяев. Ополе: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1997. С. 167–201.
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
- Словарь языка интернета.ru / ред М.А. Кронгауз. М.: Арт-Пресс книга, 2016.
- Черткова М.Ю., Чанг П.Ч. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке // Russian linguistics. 1998. № 22 (1). С. 13–34. DOI: 10.1023/A:1006870401360.
- Olsson G. The formation of aspectual pairs of borrowed ova-verbs in Russian // Scando-Slavica. 2018. № 64 (2). P. 228–242. DOI: 10.1080/00806765.2018.1525312.
- Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки *ПО* в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 247–275.
- Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137–159. DOI: 10.17223/19986645/57/8.
- Firth J.R. Selected Papers of J.R. Firth / ed. F.R. Palmer. London: Longmans, 1968.
- Braginsky P. The semantics of the prefix *Z4-* in Russian. PhD dissertation. Bar-Ilan University, 2008.
- Janda L., Lyashevskaya O. Semantic profiles of five Russian prefixes: *po-*, *s-*, *za-*, *na-*, *pro-* // Journal of Slavic linguistics. 2013. № 21 (2). P. 211–258. DOI: 10.1353/jsl.2013.0012.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 августа 2021 г.

Some Remarks on Prefix Variation in Russian Aspectual Pairs

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 44–52.

DOI: 10.17223/15617793/469/6

Gustaf Olsson, University of Turku (Turku, Finland). E-mail: gustaf.olsson@utu.fi

Keywords: verbal aspect; prefixes; synonymy; loanwords; neologisms.

The topic of this article is prefix variation in Russian aspectual pairs, i.e. cases where an unprefixated, imperfective verb has two or more perfective correlates, formed by different prefixes. The first part of the article gives an overview of different manifestations of prefix variation discussed in earlier linguistic literature: semantic differences, stylistic differences and diachronic language change. The second part of the article is concerned with prefix variation in aspectual pairs of new loan verbs, which is a rather understudied manifestation of prefix variation in Russian. The second part also contains a co-occurrence study of one recently borrowed verb, *šerit* 'to share', and three candidates for being perfective correlates: *zašerit*, *pošerit* and *rasšerit*. The analysis of these verbs is based on texts from Russian language media, gathered from the mass media database Integrum. It shows that *rasšerit* is used exclusively in contexts referring to sharing that takes place on the internet, as seen in examples like *rasšerit video* 'share a video' and *rasšerit ssylku* 'share a link'. The two other verbs – *zašerit* and *pošerit* – are used in a wider range of contexts; in addition to sharing links, videos, pictures etc. on the internet, these two verbs can also refer to sharing concrete things in real life. These meanings are visible in examples like *pošerit šcyot* 'share the bill', *pošerit podarok* 'share a gift' and *zašerit taksi* 'share a taxi'.

These and similar contexts are not found for *rasšerit'*. I argue that prefixes in Russian aspectual pairs are never semantically “empty”, or “purely aspectual”. Instead, the meaning of the prefix overlaps with the meaning of the verb in prefixed aspectual pairs, which creates an illusion of the prefix being semantically “empty”. This phenomenon is known under different names: “overlap hypothesis” or “Vey–Schooneveld effect”. The overlap in meaning between verb and prefix is very clear in the case of *rasšerit'*: the prototypical, spatial meaning of the prefix *raz-* is ‘movement in different directions’, which harmonizes well with the meaning ‘share file [on the internet]’ of the base verb *šerit'* and implies that the shared file reaches many different internet users. The prefixes *po-* and *za-*, on the other hand, have a broader range of meanings and a more abstract semantic scope: *po-* implies that the action takes place during a short time, and *za-* is very productive in loan verbs overall, most often in verbs with a resultant meaning. As a result, the verbs *zašerit'* and *pošerit'* are used in a broader range of meanings than *rasšerit'*.

REFERENCES

- Janda, L. & Lyashevskaya, O. (2011) Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: are *zavyaznut'* and *uvyaznut'* ‘get stuck’ the same or different? *Russian Linguistics*. 35 (2). pp. 147–167. DOI: 10.1007/s11185-011-9076-9
- Vey, M. (1952) Les préverbes “vides” en tchèque moderne. *Revue des études slaves*. 29 (1/4). pp. 82–107.
- Van Schooneveld, C. (1958) The so-called ‘préverbes vides’ and neutralization. *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics*. The Hague: Mouton. pp. 159–161.
- Gjervold, J. (2013) Prefix variation: A comparison between slang and contemporary standard Russian. *Poljarnyj Vestnik*. 16. pp. 33–46. DOI: 10.7557/6.2807
- Gjervold, J. (2014) *Prefix variation in Russian: a comparison between occasional verbs and standardized language*. MA thesis. University of Tromsø. [Online] Available from: <https://munin.uit.no/handle/10037/6725>
- Gordeeva, K. (2018) *Aspectual Prefix Variation in Novel Russian Verbs*. MA thesis. University of Oregon. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/1794/24219>
- Avilova, N.S. (1976) *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova* [The type of the verb and the semantics of the verb word]. Moscow: Nauka.
- Maslov, Yu.S. (1984) *Očerki po aspektologii* [Essays on Aspectology]. Leningrad: Leningrad State University.
- Zaliznak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Zaliznyak, A.A., Mikaelyan, I.L. & Shmelev, A.D. (2015) *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoy pary* [Russian aspectology: in defense of a species pair]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Janda, L. et al. (2013) *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers.
- Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1982) *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Svetsinskaya, I. (1997) Nekotorye aspekty metodiki issledovaniya russkikh pristavochnykh glagolov (na primere glagolov s pristavkoy vy-) [Some aspects of the research methodology of Russian prefixed verbs (by example verbs with the prefix vy-)]. In: Krongauz, M.A. & Payar, D. (eds) *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke: sb. st.* [Verb prefixation in Russian: collection of articles]. Moscow: Russkie slovari. pp. 149–163.
- Dobrushina, E.R. (1997) V poiskakh invariantnogo znacheniya pristavki iz- [In search of the invariant meaning of the prefix iz-]. In: Krongauz, M.A. & Payar, D. (eds) *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke: sb. st.* [Verb prefix in Russian: collection of articles]. Moscow: Russkie slovari. pp. 121–140.
- Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: semantic structure, systemic relations]. Voronezh: Voronezh State University.
- Glovinskaya, M.Ya. (2008) Aktivnye protsessy v grammatike [Active processes in grammar]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: aktivnye tendentsii na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: active tendencies at the turn of the 21st century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 187–267.
- Sokolova, S. (2009) “Zasmotrite I Zacenite”: Productivity of the Prefix ZA- In Modern Russian. *Poljarnyj Vestnik*. 12. pp. 43–63. DOI: 10.7557/6.1291
- Sokolova, S., Janda, L. & Lyashevskaya, O. (2012) The locative alternation and the Russian ‘empty’ prefixes: a case study of the verb *gruzit'* ‘load’. In: Divjak, D. & Gries, S. (eds) *Frequency effects in language representation*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 51–86.
- Sokolova, S. (2012) *Asymmetries in linguistic construal. Russian prefixes and the locative alternation*. PhD dissertation. University of Tromsø.
- Zemskaya, E.A. (1997) Aktivnye tendentsii slovoпроизводства [Active tendencies of word production]. In: Shiryaev, E. (ed.) *Russkiy yazyk* [Russian language]. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. pp. 167–201.
- Zemskaya, E.A. (1992) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka.
- Krongauz, M.A. (ed.) (2016) *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of the language of the Internet.ru]. Moscow: Art-Press kniga.
- Chertkova, M.Yu. & Chang, P.Ch. (1998) The Evolution of Bispectual Verbs in the Contemporary Russian Language. *Russian Linguistics*. 22 (1). pp. 13–34. (In Russian). DOI: 10.1023/A:1006870401360
- Olsson, G. (2018) The formation of aspectual pairs of borrowed ova-verbs in Russian. *Scando-Slavica*. 64 (2). pp. 228–242. DOI: 10.1080/00806765.2018.1525312
- Mustayoki, A. & Pussinen, O. (2008) Ob ekspansii glagol'noy pristavki PO v sovremenном russkom yazyke [On the expansion of the verbal prefix PO in the modern Russian language]. In: Lindstedt, J. Mustajoki, A. & Pesonen, P. (eds) *Instrumentarij rusistiki: korpusnye podkhody – SLAVICA HELSINGIENSIA 34*. Helsinki: Helsinki University Press. pp. 247–275.
- Petrushina, E.V. & Dedova, O.V. (2019) The Internet as a Source of Linguistic Information (For Studying the Dynamics of Russian Word Formation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 137–159. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/8
- Firth, J.R. (1968) *Selected Papers of J.R. Firth*. London: Longmans.
- Braginsky, P. (2008) *The semantics of the prefix ZA- in Russian*. PhD dissertation. Bar-Ilan University.
- Janda, L. & Lyashevskaya, O. (2013) Semantic profiles of five Russian prefixes: po-, s-, za-, na-, pro-. *Journal of Slavic Linguistics*. 21 (2). pp. 211–258. DOI: 10.1353/jsl.2013.0012

Received: 02 August 2022

ПРАВО

УДК 34.037, 34.06

В.В. Балановский

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОЦЕНКИ СУДЬЯМИ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00067.

Рассматриваются экспликация понятий «юридически значимые обстоятельства дела» и «оценка судьями юридически значимых обстоятельств дела». Экспликация производится посредством формально-юридического метода на основе анализа норм действующего российского процессуального законодательства, в первую очередь Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. С целью уточнения искомых понятий также производится разграничение понятий юридически значимого обстоятельства и юридического факта, которые необоснованно отождествляются в некоторых источниках.

Ключевые слова: юридически значимые обстоятельства; оценка судьями юридически значимых обстоятельств; юридический факт; судопроизводство; принятие решений судьями.

Введение. Одна из ключевых задач современной правовой науки заключается в изучении механизмов принятия решений судьями, в том числе с целью выработки подходов для оптимизации и, возможно, частичной автоматизации этой деятельности, как это сейчас активно осуществляется в США [1. Р. 12–13] и странах западной Европы [2]. В данном контексте особого внимания заслуживает исследование процесса оценки судьями юридически значимых обстоятельств, что связано с высокой практической актуальностью этого вопроса. Дело в том, что применительно к российскому судопроизводству значительная доля изменений или отмен решений судов первой инстанции в апелляционном порядке приходится на неправильную оценку судьями юридически значимых обстоятельств дела.

Так, если проанализировать статистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018–2019 гг., т.е. за тот период, когда появились адекватные данные по основаниям изменения или отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, то можно увидеть следующие закономерности. В 2018 г. в рамках гражданского судопроизводства на долю неправильной оценки юридически значимых обстоятельств дела приходилось 39,3% от общего количества измененных или отмененных решений, в рамках административного – 29,6%. В 2019 г. указанные показатели составили 41,8 и 32,3% соответственно. Если суммировать эти данные с количеством решений судов первой инстанции, измененных или отмененных в апелляционном порядке сразу по нескольким основаниям, то окажется, что в 2018 г. в рамках гражданского судопроизводства неправильная оценка юридически значимых обстоятельств фигурировала в 52,8% апелляционных определений, в рамках административного судопроизводства – в 42%. В 2019 г. этот же показатель составил 54,7 и 42,7% соответственно.

Однако более показательной для демонстрации важности правильной оценки юридически значимых обстоятельств дела судьями была бы не обобщенная статистика по измененным и отмененным решениям судов первой инстанции в апелляционном порядке, а

только по полностью отмененным, поскольку изменение решений могло касаться каких-то незначительных моментов. К сожалению, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации не предоставляет такие данные и их приходится получать самостоятельно, изучая полные тексты соответствующих апелляционных определений. Например, анализ размещенных в системе ГАС «Правосудие» апелляционных определений, на основании которых были полностью отменены решения судов первой инстанции в Калининградской области в 2017–2018 гг.¹, показывает, что из общего числа таких отмен на долю неправильной оценки юридически значимых обстоятельств в рамках гражданского судопроизводства приходится 33% отмен, в рамках административного судопроизводства – 23%. К этому количеству можно прибавить решения, отмененные по нескольким основаниям, т.е. когда судья первой инстанции не только неверно оценил юридически значимые обстоятельства, но также нарушил или неверно применил нормы материального и процессуального права. Таким образом, получается, что в Калининградской области в 2017–2018 гг. неверная оценка юридически значимых обстоятельств судьями фигурирует как основание для полной отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке в рамках гражданского судопроизводства в 52% случаев, в рамках административного – в 46% случаев. Это позволяет говорить о том, что в половине отмененных решений судов первой инстанции в апелляционном порядке судья не смог правильно определить круг юридически значимых обстоятельств дела, связать их с доказательствами и с конечными выводами суда.

Несмотря на то, что поведение судей и принципы принятия ими решений являются загадкой, разгадка которой крайне желательна [3. Р. 2], в России до сих пор не очень много исследований по этой проблематике. Такая ситуация тем более удивительна, что именно в нашей стране зародилась школа правового реализма [4–6]. Это течение впервые обратилось к индивидуально- и коллективно-психологическим факторам конструирования и функционирования правовой реальности, что на почве североамериканского

философского и юридического прагматизма привело к возникновению американского правового реализма и социологии права, где вопрос принятия решения судьями занимает центральное положение [7]. Как бы то ни было, только недавно стали появляться труды российских специалистов, пытающихся систематически исследовать процесс принятия решения судьями. В качестве примера можно привести монографию под редакцией В.В. Волкова «Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права» [8]. Правда, авторы данного труда ничего не говорят о том, как же судьи оценивают юридически значимые обстоятельства и как это влияет на современное российское судопроизводство. Из всего многообразия когнитивных и психологических факторов их больше всего занимают «экстралегальные» факторы [8. С. 5], такие как личная корысть, психические особенности, уровень образования. В качестве другого примера можно привести попытки трансцендентального исследования процесса принятия решения судьями через призму учения И. Канта о способности суждения и понятия трансцендентальной рефлексии [9, 10].

Исследователи из США, будучи пионерами изучения механизмов принятия решения судьями, начали работать над раскрытием темы в 1940-х гг. Первопроходцем стал Ч.Х. Притчетт, проанализировавший особенности работы судей Верховного Суда США [11, 12], хотя с точки зрения современных стандартов его социологический проект, по мнению Л. Эпштейна, представляется слишком «маленьким и даже причудливым» [13. Р. 2020]. Также среди пионеров следует отметить Г.А. Шуберта [14, 15] и героев монографии под редакцией Н. Мавити [7], таких как С. Алмер, Х.Дж. Спэт, Дж. Таненхаус, Б.Б. Кук, В.Ф. Мёрфи, Дж.В. Ховард. Все указанные социологи права в большей степени фокусировались не на глубинных когнитивных и психологических особенностях судей, а на их политических взглядах и идеологических предпочтениях, эмоциональных склонностях и других сопутствующих аспектах деятельности судей, не касающихся непосредственно судопроизводства, в том числе процесса оценки юридически значимых обстоятельств.

Вместе с тем, прежде чем ответить на вопрос, как судьи оценивают юридически значимые обстоятельства, следует довольно четко определить, что конкретно они оценивают в рамках судопроизводства, на основании каких критериев они это делают, и как они должны это делать с точки зрения законодательства? Здесь возникает неожиданное затруднение. Безусловно, любой юридически грамотный участник судебного процесса, в том числе судья, на интуитивном уровне понимает, о чем идет речь. Проблема заключается в том, что ни в актуальных нормах российского права, ни в правовой литературе нет определения понятия юридически значимых обстоятельств. То есть нет отправного пункта, с которого можно было начать исследование процесса оценки судьями юридически значимых обстоятельств. Насколько бы узкой и схоластической не казалась эта проблема, в перспективе она имеет малоприятные практические последствия, например, в контексте активного внедрения в судопроизводство систем искусственного интеллекта,

которые интуитивно ничего не могут знать или понимать, в том числе о юридически значимых обстоятельствах. Следовательно, любая двусмысленность юридических понятий будет приводить к ошибкам в автоматическом судопроизводстве. Точнее, уже приводит, о чем много сегодня пишут западные ученые и публицисты [1].

Основной целью предлагаемого ниже исследования является определение понятий юридически значимых обстоятельств дела и оценки юридически значимых обстоятельств дела судьями. Исследование производится на материале действующих российских процессуальных норм.

Понятие юридически значимых обстоятельств дела в действующем российском законодательстве.

Поскольку, как говорилось выше, в нормах действующего законодательства нельзя найти ни самого термина «юридически значимые обстоятельства», ни тем более его эксплицированного определения, то за помощью можно обратиться к практической и научной литературе. Однако сделать это не так просто в силу ряда трудностей. Во-первых, в научной, учебной и практической литературе термин «юридически значимые обстоятельства» встречается довольно редко. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев данное понятие используется без какого-либо определения. Например, термин «юридически значимые обстоятельства» изредка встречается в утверждаемых Президиумом Верховного Суда Российской Федерации обзорах практики рассмотрения судами дел определенной направленности [16]. Кроме того, это понятие без определения приводится в научных статьях и даже правоведческих диссертациях [17], направленных на разъяснение процессуальных тонкостей [18, 19]. Назначение подобных материалов такое же, как и в случае с указанными выше обзорами Верховного Суда Российской Федерации, а именно – облегчить задачу участникам процесса и суду по определению круга юридически значимых обстоятельств дела в рамках некоторого класса судебных разбирательств. Здесь следует отметить, что само существование подобных обзоров и разъясняющих статей косвенно указывает на то, что термин «юридически значимые обстоятельства» недостаточно четко определен, что вызывает затруднения не только теоретического, но и практического характера. В силу этих же причин Верховный Суд с целью устранения трудностей правоприменения вынужден периодически обобщать некоторый класс дел, для которого в «ручном режиме» определяет, что в данном конкретном случае является юридически значимым обстоятельством, а что нет.

Также термин «юридически значимые обстоятельства» иногда встречается в дайджестах информационной системы «Консультант плюс» в разделе «Новое в российском законодательстве» [20] и некоторых других похожих материалах. Правда, чаще в этих дайджестах можно встретить термин «юридически значимое действие» [21], а не «юридически значимое обстоятельство».

Учитывая сказанное выше, можно было в этом месте закончить исследование и констатировать, что оно

не имеет смысла в силу того, что в качестве его темы заявлено понятие-фантом, которого не существует, но которое в силу каких-то причин иногда используется. Но тут возникает вопрос: как же так вышло, что в обзорах судебной практики и прочей правоприменительной аналитике данный термин присутствует, а в законодательстве его нет? Быть может, понятие юридически значимых обстоятельств использовалось в нормативно-правовых актах ранее? И именно поэтому данная формулировка вошла в тезаурус правоведов старшего поколения? Как выясняется, это действительно так.

В частности, термин «юридически значимые обстоятельства» встречается в Гражданском процессуальном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) [22]. Так, в ч. 1 ст. 306 указывается, что основанием для отмены решения суда в кассационном порядке является *неправильное определение юридически значимых обстоятельств*. Однако в этой редакции Кодекса также отсутствует внятное определение данного термина. Вместе с тем в действующем российском процессуальном законодательстве предусмотрены различные основания для отмены решений судов первой инстанции, только не в кассационном, а в апелляционном порядке. Они отражены в современной редакции Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [23], где в п. 1 ч. 1 ст. 330 сказано, что основанием для отмены решения суда первой инстанции в апелляционном порядке является *неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела*. Таким образом, получается, что в действующем российском законодательстве прямым коррелятом термина «юридически значимые обстоятельства» является термин «обстоятельства, имеющие значение для дела». Теперь осталось определить, что под ним подразумевают законодатели, правоприменители и правоведы.

В действующем российском законодательстве, как и в ГПК РСФСР, отсутствуют дефинитивные нормы, раскрывающие значение термина «обстоятельства, имеющие значение для дела». Их нет также в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [24], Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [25], Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [26]. Вместе с тем, если обратиться непосредственно к нормам данных кодексов, легко убедиться в том, что понятие обстоятельств, имеющих значение для дела, довольно устойчиво и используется в одних и тех же контекстах. Это хорошо видно на примере сходств, которые обнаруживаются при сопоставлении п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1–3 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 1–3 ч. 1 ст. 270 АПК РФ, ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ. Во всех указанных местах говорится об основаниях, по которым может быть отменено решение суда первой инстанции в апелляционном порядке, а именно о *неправильном определении судом первой инстанции обстоятельств, имеющих*

значение для дела, а также о несоответствии выводов суда этим самым обстоятельствам.

Здесь следует обратить внимание на то, что в УПК РФ есть некоторая особенность. Здесь к термину «обстоятельства уголовного дела» добавляется прилагательное «фактический», что, возможно, привело к некоторой путанице в научной и справочной литературе, из-за которой обстоятельства, имеющие значение для дела, отождествляются с юридическими фактами. В частности, это связано с широкой дискуссией в научной литературе, связанной с определением фактического состава, предмета доказывания и юридического факта. Однако такое отождествление не совсем представляется корректным, о чем будет сказано ниже.

Кроме того, важным в рассматриваемом контексте сходством процессуальных кодексов Российской Федерации являются положения, в которых законодатель разъясняет обязанность доказывания. Речь идет о ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 3 ст. 62 КАС РФ, ч. 2 ст. 65 АПК РФ. Из данного ряда несколько выпадают похожие разделы УПК РФ из-за его специфичности и более глубокой проработанности проблемы доказательств и доказывания в нем, в то время как остальные российские процессуальные кодексы имеют поразительное сходство в даваемых ими определениях. Наиболее лаконично и емко по поводу доказательств высказывается ГПК РФ, в ч. 2 ст. 56 которого указывается, что «суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались». КАС РФ и АПК РФ повторяют данную формулировку, только в несколько ином – более развернутом виде. Из приведенных положений процессуальных кодексов следует два важных для формулирования точного определения понятия обстоятельств, имеющих значение для дела выводы. Первое заключается в том, что именно суд в соответствии с нормами материального и процессуального законодательства для каждого конкретного дела определяет, какие обстоятельства имеют значение. Второе важное следствие состоит в том, что эти обстоятельства подлежат *доказыванию*. Отсюда совершенно логичным представляется заглянуть в положения процессуальных кодексов, где разъясняется, что такое доказательство.

В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 55 ГПК РФ «...доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела». Почти дословно похожее положение можно найти в ч. 1 ст. 59 КАС РФ и в ч. 1 ст. 64 АПК РФ. Как и в предыдущем случае, нормы УПК РФ здесь указываться не будут в силу специфики этого кодекса.

Из данного определения доказательства становится очевидным, что значение для процесса имеют обстоятельства, приведенные сторонами в качестве обоснования требований и возражений, а также иные факты, собранные в предусмотренном законом поряд-

ке на основании сведений, о которых суд выносит свое решение. Из этого определения следуют также два важных вывода. Во-первых, значение для дела может иметь довольно широкий спектр конкретных обстоятельств, поэтому законодатель не считал возможным подготовить перечень, пусть даже открытый, таких обстоятельств. Во-вторых, суд хоть и определяет круг имеющих значение для дела обстоятельств, но никогда не выносит решение на основании фактического наличия или отсутствия данных обстоятельств. Он может это делать только и исключительно на основании специального образом собранных сведений об этих обстоятельствах. Иными словами, даже если судья каким-то образом точно знает некий факт, который мог бы склонить весы правосудия в пользу той или иной стороны, но данный факт не был доказан, т.е. стороны не предоставили о нем сведения, собранные в установленном законом порядке, то тогда такое знание никоим образом не может влиять на принятие решения.

Таким образом, проанализировав действующее процессуальное законодательство, на данном этапе исследования можно дать определение термина «юридически значимое обстоятельство». Итак, под *юридически значимым обстоятельством* в современном российском праве следует понимать *обстоятельство, имеющее значение для дела*. Такое определение при всей своей точности крайне бедно содержанием. Поэтому, исходя из всего сказанного выше, а также из содержащихся в процессуальных кодексах положений о доказательствах, можно прийти к выводу, что *юридически значимые обстоятельства – это определяемые судом конкретные жизненные или процессуальные обстоятельства, которые нуждаются в доказывании в рамках процесса, а в определенных процессуальными нормами случаях принимаются в качестве доказанных или без доказательства, и сведения о которых, полученные в предусмотренном законом порядке, необходимы и достаточны для всестороннего объективного рассмотрения и разрешения дела судом*. Далее будет использоваться данное определение.

Как правило, и это напрямую следует, например, из ГПК РФ, юридически значимые обстоятельства приводятся в обоснование требований и возражений сторон и входят в предмет доказывания в процессе. Именно поэтому в справочной литературе иногда отмечается: «чтобы определить обстоятельства, имеющие значение для дела, следует использовать два источника: норму материального права, регулиющую данные отношения, а также основания иска и возражения против него» [27].

Правоведы обратят внимание на то, что в приведенной формулировке термин «юридически значимое обстоятельство» определяется через понятие о конкретном жизненном или процессуальном обстоятельстве, т.е. через понятие *факта* в правоведении. В таком случае, быть может, куда целесообразнее под обстоятельствами, имеющими значение для дела, понимать просто особый класс *юридических фактов*, учение о которых довольно хорошо развито классиками российского и зарубежного правоведения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к

специальной литературе. Однако, забегая вперед, отмечу, что в российском правоведении понятие юридического факта в подавляющем большинстве случаев оказывается несколько более узким, чем понятие юридически значимого обстоятельства.

Сопоставление понятий юридически значимого обстоятельства дела и юридического факта. Впервые четкое определение понятия юридического факта дает в своих фундаментальных трудах по гражданскому праву Ф.К. фон Савиньи. Под юридическими фактами он понимал «события, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношений» [28. С. 212]. Поскольку Ф.К. фон Савиньи стоял у истоков современной цивилистики, то его определение вполне закономерно повлияло на дальнейшее развитие различных концепций юридического факта, которые преимущественно старались лишь дополнить и уточнить идеи этого выдающегося правоведа. Причем речь идет не только о концепциях XIX в., но и идеях, преобладающих в XX и XXI вв. в зарубежной юридической науке и в России. Тут можно взять для сравнения определение Л.И. Петражицкого и авторов современной российской юридической энциклопедии. Первый под юридическими фактами понимал «такие факты, которыми обуславливается (или вызывается) применение юридических норм, или возникновение, изменение, прекращение правоотношений (или прав и обязанностей)» [29. С. 27], авторы юридической энциклопедии – обстоятельства, которые обуславливают «возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [30. С. 1221]. Сходство очевидно.

Для пояснения сущности юридического факта можно обратиться к одному из патриархов российского правоведения М.Н. Капустину. Он писал, что под фактом мыслят «изменения, производимые силами человека и природы во внешнем мире» [31. С. 86]. Факты познаются из опыта и отражают перемены прежнего состояния чего бы то ни было. Причем «по разнообразию этих последствий и перемен, факты получают различное значение. Весьма многие из них стоят вне области права или потому, что не производят изменений в отношениях между лицами, или потому, что касаются непосредственного блага» [31. С. 87]. Иными словами, М.Н. Капустин оставляет за рамками права факты, которые не приводят к изменению юридических отношений, т.е. многое из того, с чем имеет дело судьи в рамках процесса. С его точки зрения, юриспруденция имеет дело только с теми фактами, что «производят перемену в существующих юридических отношениях между лицами или же создают новые отношения» [31. С. 87]. Причем, что немаловажно, юридические «факты имеют последствия, предусмотренные и формулированные правом; в них право находит свое существование, в каждом из них заключается юридическая сторона» [31. С. 87].

Также у М.Н. Капустина можно найти ответ на вопрос о значении юридических фактов для права как такового. Так, он отмечает, что «право не имело бы реального бытия без юридических фактов и наоборот без права эти факты имели характер случайности» [31. С. 88]. Это происходит за счет того, что из факта и нравственности образуется право, они «служат его

основанием, ratio» [31. С. 91]. Но при всем этом «ни нравственность сама по себе, ни факт сам по себе не есть право» [31. С. 91].

Разумеется, одним только М.Н. Капустиным не ограничивается перечень выдающихся дореволюционных правоведов, которые касались вопроса определения природы юридического факта. Здесь следует отметить вклад уже упомянутого Л.И. Петражицкого, посвятившего целый раздел своего фундаментального труда, увязывающего этику и юриспруденцию, проблеме правоотношений и юридических фактов [29. С. 22–120], Г.Ф. Шершеневича – автора известной работы по общей теории права [32. С. 397–409], Ф.В. Тарановского [33], Е.В. Васьковского [34] и др.

Что касается современного российского правоведения, то сегодня наблюдается некоторая нехватка фундаментальных исследований, посвященных природе юридических фактов. Как отмечает М.А. Рожкова [35. С. 2], в этой сфере особых новостей не было с 1958 г., когда в свет вышел труд по цивилистике О.А. Красавчикова [36]. Справедливость этого мнения подтверждают также авторы сравнительно свежей монографии «Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики», которые подчеркивают, что в России наблюдается крайняя нехватка глубоких исследований в области гражданского права [37. С. 16], где роль юридического факта особенно велика, как это отмечалось выше. Вместе с тем не стоит забывать о живых классиках, которые много внимания уделили проблеме юридических фактов. В частности, можно отметить вклад профессора В.Б. Исакова, который в своих трудах всесторонне осветил вопрос фактического состава и юридических фактов в советском и российском законодательстве [38–41]. Кроме того, в последние годы периодически появляются новые диссертационные исследования, посвященные юридическим фактам. Например, докторская диссертация М.А. Рожковой [17] или кандидатские диссертации О.Г. Сардаевой [42] и В.В. Муругиной [43].

По мере развития законодательства, в первую очередь гражданского права, предпринимаются новые попытки осмыслить сущность юридического факта. Такая ситуация вполне объяснима. Как подчеркивает В.Б. Исаков, понятие юридического факта формируется как попытка систематизировать множество разнообразных, лежащих в основе правоотношений юридических фактов [38. С. 6], т.е. как и в естественных науках, в этой сфере эмпирические данные предшествуют теоретическому осмыслению вопроса. Именно поэтому до сих пор существует некая терминологическая неопределенность, так как с развитием общества появляются новые общественные отношения и новые правоотношения, к возникновению, изменению и прекращению которых приводят либо ранее не существовавшие юридические факты, либо факты, которые ранее не относились к юридическим. Отсюда возникает, например, проблема определения юридических фактов в современном гражданском праве, о чем пишет М.А. Рожкова [35. С. 3]. Все это очень важно в контексте вопроса о соотношении понятий юридического факта и юридически значимого обстоятельства. И вот почему.

О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский полагали, что юридические факты не должны ограничиваться сферой тех конкретных жизненных обстоятельств, которые приводят к возникновению, изменению или прекращению правоотношений, поскольку этим не исчерпываются все возможные юридические последствия [44. С. 243]. То есть уже в 1961 г. стало очевидным, что классическое определение юридического факта несколько устарело. В продолжение данной линии мысли М.А. Рожкова отмечает, что многие юридические факты не могут быть включены в устоявшуюся классификацию [35. С. 3]. Объясняет она это не столько узостью классического понимания, сколько изменениями, которые происходят в обществе и праве. Здесь же следует отметить мнение А.Ю. Белоножкина. Он проанализировал различные концепции, сложившиеся в правоведческой литературе, и пришел к выводу, что «значение юридического факта в гражданском праве проявляется в том, что он служит основанием для возникновения не только гражданского правоотношения, но и субъективных гражданских прав и обязанностей вне гражданского правоотношения» [45. С. 4], т.е. попытался расширить понимание сущности юридического факта. Несколько ранее в своей диссертации В.В. Муругина отмечала, что под юридическим фактом она понимает особую разновидность научно-практической модели, «представляющей собой систему законодательно определенных признаков явлений социальной действительности, служащей необходимым условием движения правоотношения или наступления иных правовых последствий» [43. С. 12–13].

Несмотря на то что, как видно из приведенных выше примеров, наметилась устойчивая тенденция на расширение представлений о юридическом факте, все равно даже в таком виде это понятие не может быть отождествлено с понятием юридически значимых обстоятельств, данном в предыдущем разделе. Все потому, что во всех случаях понятие юридического факта тесно связано с концепцией движения правоотношений. Как отмечает А.Ф. Вишневский, не всякий факт – жизненное обстоятельство – оказывает влияние на правоотношения. В счет идут только те факты, «которые обозначены в нормативных правовых актах и с которыми законодатель связывает возможность осуществления участниками правоотношений их субъективных прав и юридических обязанностей» [46]. Под правоотношением он понимает «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством» [46]. Причем, как справедливо подчеркивает А.Ф. Вишневский, «правоотношения являются не просто юридической формой регулируемых правом общественных отношений, а юридическим средством реализации правовых предписаний путем их осуществления конкретными субъектами права» [46].

Почему же концепция движения правоотношений не позволяет распространить понятие юридического факта на понятие юридически значимого обстоятельства? Дело в том, что суд в рамках конкретного про-

цесса принимает во внимание множество конкретных материальных и процессуальных обстоятельств, которые приводятся в обоснование требований и возражений сторон, а также иных обстоятельств, сведения о которых помогают рассмотреть и правильно разрешить дело. Безусловно, среди таких обстоятельств могут и должны быть юридические факты как материально-правового, так и иного характера. Но наряду с ними могут попадаться и такие жизненные события, которые никоим образом ни по отдельности, ни в совокупности не приводят к движению – возникновению, изменению или прекращению правоотношений. Это связано как со спецификой каждого конкретного процесса, в рамках которого суду приходится сталкиваться с особыми фактами, далеко не все из которых мог предусмотреть или отразить в нормах права законодатель (этого и не требуется, ведь механизм правоприменения для того и служит, чтобы подводить особые обстоятельства под общие нормы), так и с тем, что даже предусмотренные в нормах права обстоятельства, являющиеся основаниями для движения правоотношений, могут по решению суда ни к чему не привести.

Чтобы стало понятно, о чем идет речь во втором случае, можно привести такой пример. Возьмем судебный процесс, в котором рассматривается вопрос о признании отцовства. Суд принимает во внимание сведения о множестве конкретных жизненных событий, которые помогают ему рассмотреть и правильно разрешить дело. Вместе с тем суд приходит к выводу, что представленные в обоснование требований сторон доказательства не позволяют установить факт отцовства. Таким образом, суд учел массу юридически значимых обстоятельств, которые в итоге не привели к изменению правоотношений сторон, а также не повлекли за собой возникновение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Все остальное, как было до судебного процесса. Но такое разрешение дела не лишает юридической значимости те обстоятельства, которые суд оценил в ходе разбирательства.

Таким образом, в силу всех приведенных здесь соображений представляется нецелесообразным отождествлять юридически значимые обстоятельства и юридические факты. Вместе с тем необходимо отметить, что, безусловно, среди юридически значимых обстоятельств конкретного дела могут и должны встречаться юридические факты, которые составляют основу предмета доказывания.

Понятие оценки судьями юридически значимых обстоятельств дела. Имея определение юридически значимых обстоятельств вполне логичным кажется перейти к рассмотрению вопроса об оценке судьями юридически значимых обстоятельств с точки зрения действующего российского законодательства. Как и в предыдущем случае, никаких подсказок в виде дефинитивных норм ожидать не приходится. Предполагается, что интуитивно все стороны судопроизводства прекрасно понимают, о чем идет речь. Поэтому создается впечатление, что всякое подобное теоретическое исследование по определению понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств можно остановить в самом начале, сказав, что и без него суд высшей инстанции в апелляционном порядке прекрасно справ-

ляется с задачей отмены или изменения решения первой инстанции. Однако, опять же, в контексте грядущего внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство, а также в свете необходимости подготовки кадров для судов апелляционной инстанции предлагаемое теоретическое исследование может принести практическую или дидактическую пользу.

Итак, поскольку законодатель не дал никакой подсказки, с какой стороны подступиться к понятию определения судьями юридически значимых обстоятельств, то, как и прежде, здесь следует опираться на подходящие по смыслу разделы процессуальных кодексов. Этого вполне достаточно, чтобы составить четкое представление о сути вопроса. Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению, нужно отметить, что в дальнейшем для удобства под термином «оценка» будет подразумеваться сложная многоуровневая ментальная и сенсуальная деятельность, направленная на упорядочивание и сопоставление совокупности данных с целью вынесения некоего определенного суждения о данном соотношении. Поэтому обратимся сразу к тому материалу, который предоставляют нормы права.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе всех четырех действующих процессуальных кодексов Российской Федерации, это то, что термин «оценка» используется в них преимущественно в контексте оценки доказательств. Данный факт нашел непосредственное отражение в ст. 67 ГПК РФ, ст. 84 КАС РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 17 и 88 УПК РФ. Так, в ч. 1 ст. 67 ГПК РФ указано, что «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». В контексте рассматриваемого здесь вопроса из этой формулировки можно вывести следующие важные следствия. Во-первых, тут еще раз подчеркивается, что при принятии решений суд руководствуется не непосредственно юридически значимыми обстоятельствами, т.е. конкретными жизненными или процессуальными *фактами*, а *доказательствами*, т.е. полученными в предусмотренном законом порядке *сведениями* о таких фактах, что отражено в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ. Во-вторых, из приведенной нормы следует, что судья руководствуется внутренними убеждениями. Это означает, что процесс оценки доказательств не может быть никоим образом полностью формализован и автоматизирован, так как касается очень тонких механизмов высшей ментальной деятельности человека. В-третьих, в приведенной норме выражено требование, согласно которому судья должен подходить к оценке доказательств *объективно*. Что подразумевается в данном случае под объективностью немного становится понятным, если обратиться к ч. 2 ст. 55 ГПК РФ, где указано, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы». Это означает, что судья должен подходить к оценке доказательств *критически*, а не *догматически*, что роднит процесс оценки доказательств с деятельностью ученого, работающего в области естественных наук, вынужденного опираться только на эмпирические данные, даже если очень хочется заменить познание одним лишь мышлением, что в дан-

ном случае недопустимо, поскольку, как отмечал И. Кант в «Критике чистого разума», «мыслить себе предмет и познавать предмет не есть, следовательно, одно и то же» [47. С. 136].

Оценка доказательств является важнейшей задачей судьи в рамках каждого конкретного процесса. Однако одной только ей не может ограничиваться понятие оценки юридически значимых обстоятельств. Во-первых, потому, что доказательства – это еще не сами по себе юридически значимые обстоятельства, а только полученные в установленном порядке сведения о них и связях между ними. Во-вторых, потому, что судья, прежде чем оценить доказательства, как напрямую следует из ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, должен определить круг юридически значимых обстоятельств, нуждающихся в доказывании. Это означает, что в первую очередь судья должен оценить, какие обстоятельства имеют юридическое значение для данного процесса, а какие нет, и уже только потом дать им оценку, точнее не им самим, а тому, как они будут представлены в доказательствах. И вот только на этом этапе пригодятся нормы ст. 67 ГПК РФ «Оценка доказательств». Поэтому, чтобы приблизиться к определению понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств, следует поискать что-то более подходящее в процессуальных кодексах.

В этом плане большим эвристическим потенциалом обладают разделы процессуальных кодексов, в которых разъясняются основания для изменения или отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке. Это хорошо видно на примере сходств, которые обнаруживаются при сопоставлении п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ. В данных пунктах в качестве одного из возможных оснований для отмены или изменения решения суда первой инстанции в апелляционном порядке приводится неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела. Из этого следует, что под оценкой юридически значимых обстоятельств можно было бы понимать только лишь деятельность судьи по определению круга юридически значимых обстоятельств. Однако все же представляется, что такое отождествление не является правомерным, поскольку понятие «оценка» охватывает гораздо более широкий спектр ментальной деятельности.

В связи со сказанным выше, можно предположить, что для определения того, что же должно входить в объем понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств, нужно проанализировать все виды возможных оснований отмены или изменения решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, связанных с обстоятельствами, имеющими значения для дела, и указанных в п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1–3 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 1–3 ч. 1 ст. 270 АПК РФ, а также ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

Так, в п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ содержатся следующие положения:

«1. Основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются:

1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;

2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела;

3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела».

Если взять за основу данные положения, то можно дать следующее определение. *Под оценкой юридически значимых обстоятельств следует понимать комплекс ментальных действий судьи, направленных на обеспечение взаимосвязи между юридически значимыми обстоятельствами, доказательствами и выводами суда.* Причем, как следует из п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, оценка юридически значимых обстоятельств состоит из трех ключевых элементов:

1) определение круга обстоятельств, имеющих значение для дела;

2) установление однозначной связи между доказательствами и обстоятельствами, имеющими значение для дела;

3) установление однозначной связи между обстоятельствами, имеющими значение для дела, и выводами суда.

Вместе с тем оценка судьями юридически значимых обстоятельств не является тривиальной процедурой. Действительно, уже на первой стадии – стадии определения круга юридически значимых обстоятельств для каждого конкретного дела – требуется выдвижение некоторой гипотезы о характере данного дела, после чего возникает задача оценки доказательств. О том, что этот процесс имеет немеханический и неавтоматизируемый характер, говорят, в частности, авторы фундаментального труда по теории доказывания Т. Андерсон, Д. Шум, У. Твининг [48. Р. 54]. Два других этапа также невозможны без хорошей подготовки, развитых когнитивных способностей и определенных ментальных усилий.

Выводы. Выше было показано, как на основе анализа действующего российского процессуального законодательства можно эксплицировать определение понятий юридически значимых обстоятельств и оценки судьями юридически значимых обстоятельств. В контексте вызовов, которые сегодня стоят перед юридической наукой, полученные в ходе исследования результаты можно интерпретировать следующим образом.

Во-первых, в свете внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство становится очевидным, что полностью автоматизировать данную сферу не представляется возможным, даже если вынести за скобки этические проблемы данного процесса [2]. С одной стороны, это связано с природой юридически значимых обстоятельств, которые, будучи конкретными жизненными обстоятельствами, довольно разнообразны и в зависимости от уникальных условий каждого дела могут в некоторых случаях иметь юридическое значение, а в других не иметь его. Таким образом, как минимум функция определения круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, должна оставаться за судьей. Возможно, это в меньшей степени касается разбирательств в рамках УПК РФ, так как там довольно четко прописаны обстоятельства, подлежащие доказыванию, однако остальные виды производства допускают в этом вопросе большую свободу. С другой стороны, это связано с природой когнитивных способностей человека, поскольку судья в процессе оценки юридически значимых обстоятельств вынужден на определенном этапе действовать не по шаблону, поступая в чем-то подобно ученому-

экспериментатору, который вынужден искать правильный ответ на поставленный вопрос, основываясь на отрывочных данных и не имея подсказок. Как отмечается в одной из недавних публикаций, в терминах И. Канта эта в чем-то творческая часть деятельности судей тесно связана с реализацией ими рефлектирующей способности суждения, подменять которую системы искусственного интеллекта пока не способны.

Во-вторых, в контексте повышения эффективности судопроизводства и подготовки кадров для системы правосудия, учитывая, что неверная оценка судьями юридически значимых обстоятельств является одним из самых популярных оснований для отмены или изменения решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, результаты проведенного исследования позволяют выявить те слабые точки, на которые в первую очередь следует обращать внимание при рассмотрении дела, чтобы впоследствии решение по нему было объективным и правильным и не подлежащим изменению в

последующих инстанциях. Например, такими точками являются все те же неалгоритмизируемые моменты судопроизводства, начиная с определения посредством abduction круга юридически значимых для дела обстоятельств и заканчивая развитием когнитивных механизмов, отвечающих в том числе и за исследовательскую деятельность.

В-третьих, в русле предпринимаемых в научной литературе попыток уяснить сущность происходящих в последнее время изменений правовой реальности, в том числе в связи с наметившимся сдвигом в понимании юридического факта, восполнение теоретической лакуны, связанной с отсутствием определения понятия юридически значимого обстоятельства дела, имеет определенную эвристическую ценность. В этом плане нелишним будет вспомнить, что понятие юридического факта, с которым иногда ошибочно отождествляют понятие юридически значимого обстоятельства, лежит в основе современной цивилистики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Калининградская область приводится здесь в качестве примера потому, что в России не ведется дифференцированная статистика по конкретным основаниям полной отмены судебных решений первой инстанции в апелляционном порядке, однако начинать с чего-то нужно. Учитывая разный стиль судей, готовивших апелляционные определения, каждый подобный документ необходимо изучать «вручную». Это довольно трудоемкая задача. Так, только по Калининградской области в системе ГАС «Правосудие» в период с 01.01.2017 по 31.12.2018 г. было размещено 405 полнотекстовых апелляционных определений о полной отмене решений судов первой инстанции, вынесенных в рамках гражданского и административного судопроизводства. Все они были проанализированы в целях данного исследования. При желании и наличии достаточных ресурсов подобную работу можно произвести и по другим субъектам Российской Федерации. Тем не менее данные по Калининградской области вполне позволяют уловить общую картину, повторяемость которой можно ожидать на примере других регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Monahan J., Skeem J. Risk Assessment in Criminal Sentencing // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 2015. № 53.
2. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment. Strasbourg : Council of Europe, 2019.
3. Baum L. The Puzzle of Judicial Behavior. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1997.
4. Podgorecki A. Unrecognized Father of Sociology of Law: Leon Petrážky: Reflections based on Jan Gorecki's Sociology and Jurisprudence of Leon Petrážky // Law & Society Review. 1980–1981. Vol. 15, № 1. P. 183–202.
5. Clifford-Vaughan M., Scotford-Norton M. Legal Norms and Social Order: Petrážky, Pareto, Durkheim // The British Journal of Sociology. 1967. Vol. 18. P. 269–277.
6. Gella A. An Unrecognized Social Theorist – Petrážky // The Polish Review. 1977. Vol. 22, № 2. P. 76–79.
7. The Pioneers of Judicial Behavior / Ed. N. Maveety. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2006.
8. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М. : Статут, 2012.
9. Балановский В.В. Трансцендентализм И. Канта как ключ к пониманию специфики деятельности судей // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 44–52.
10. Балановский В.В. Некоторые аспекты функционирования трансцендентальной рефлексии у судей // Трансцендентальный поворот в современной философии (4). М. : ГАУГН-ПРЕСС, 2019. С. 302–305.
11. Pritchett C.H. The Divided Supreme Court, 1944–1945 // Michigan Law Review. 1945. Vol. 44, № 3. P. 427–442.
12. Pritchett C.H. The Roosevelt Court: A Study in Judicial Politics and Values 1937–1947. N.Y. : Macmillan, 1948.
13. Epstein L. Some Thoughts on the Study of Judicial Behavior // William & Mary Law Review. 2017. Vol. 57, is. 6. P. 2017–2073.
14. Schubert G.A. Quantitative Analysis of Judicial Behavior. Glencoe: The Free Press, 1960.
15. Shubert G.A. The Judicial Mind: The Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices, 1946–1963. Evanston : Northwestern University Press, 1965.
16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17.10.2018) // СПС Консультант плюс.
17. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
18. Смирнова О.В. Юридически значимые обстоятельства по делам о восстановлении на работе работника, уволенного за появление на работе в состоянии алкогольного опьянения // Законность. 2014. № 12 (962). С. 44–46.
19. Тетюев С.В. Взыскание членских взносов и платы за пользование общим имуществом садоводческого (дачного) товарищества // Судья. 2018. № 11 (95). С. 60–64.
20. Новое в российском законодательстве от 28 апреля 2018 года // СПС Консультант плюс.
21. Новое в российском законодательстве с 18 по 25 января 2019 года // СПС Консультант плюс.
22. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // СПС Консультант плюс.
23. Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
24. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
25. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
26. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

27. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве. 5-е изд., доп. и переработанное / под ред. И.В. Решетниковой. М. : Норма; Инфра-М, 2011 // СПС Консультант плюс.
28. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2012. Т. 2.
29. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М. : Юрайт, 2019. Ч. 2.
30. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001.
31. Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). Т. 1: Общая догматика. М. : Унив. тип. (Катков и Ко), 1868.
32. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Издание Братьев Башмаковых, 1910.
33. Тарановский Ф. В. Право в объективном и субъективном смысле. СПб., 1911.
34. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: Для начинающих юристов. М. : Издательство Братьев Башмаковых, 1913.
35. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М. : Статут, 2009. URL: <http://rozhkova.com/pdf/UFISOGLASH.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).
36. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Юрид. лит., 1958.
37. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В.А. Белова. 2-е изд. М. : Юрайт, 2016. Т. 1.
38. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
39. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1984.
40. Исаков В.Б. Вопросы теории юридических фактов : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985.
41. Исаков В.Б. Юридические факты как вид юридического ограничения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 170–174.
42. Сардаева О.Г. Установление фактических обстоятельств дела как основа квалификации юридически значимого поведения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
43. Муругина В.В. Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: 2010.
44. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
45. Белоножкин А.Ю. Юридические факты в гражданском праве // Мы и право. 2013. № 4 (21). С. 2–14.
46. Вишневский А.Ф. Становление и развитие учения о юридических фактах в теоретической правовой науке // Право и демократия: сб. науч. трудов. 2013. № 24. С. 82–102. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/51051> (дата обращения: 01.12.2020).
47. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 8 т. М. : ЧОРО, 1994. Т. 3.
48. Anderson T., Schum D., Twining W. Analysis of Evidence. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 января 2021 г.

Definition of the Concept of Judges' Assessment of Legally Significant Circumstances of the Case in Contemporary Russian Legal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 53–63.

DOI: 10.17223/15617793/469/7

Valentin V. Balanovskiy, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia Federation). E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

Keywords: legally significant circumstances of case; judges' assessment of legally significant circumstances of case; legal fact; legal proceedings; judicial decision-making.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00067.

The article considers the explication of the concepts of legally significant circumstances of the case and the judges' assessment of the legally significant circumstances of the case. Explication is carried out mainly through the formal legal method based on the analysis of the norms of the current Russian procedural legislation, primarily the Civil Procedural Code of the Russian Federation. In the first part of the article, the author formulates an integral definition of the concept of legally significant circumstances. He shows that this concept, despite its widespread use in scientific literature and legal practice compendiums, occurs in such a linguistic form in the norms of Soviet procedural law and does not occur in the norms of the current Russian legislation. At the same time, the concept has clear correlates in the current procedural codes of the Russian Federation. Based on the analysis of these correlates, the author concludes that legally significant circumstances are specific life or procedural circumstances, which are determined by the court and need to be proven within the framework of the case, except when according to certain procedural norms these circumstances are accepted as proven or without proof, and information about them, received in the procedure prescribed by law, is necessary and sufficient for a comprehensive objective consideration and resolution of the case by the court. In the second part of the article, the author shows the difference between the concepts of legally significant circumstances and legal facts, which are sometimes incorrectly identified or unnecessarily brought together by some researchers. In particular, the author stresses that traditionally researchers represent legal facts as certain phenomena that lead to the movement of legal relationships. At the same time, legally significant circumstances may not always lead to the movement of legal relationships. In the third part of the article, the author gives an integral definition of the concept of the judges' assessment of legally significant circumstances. He shows that this concept should be represented as a set of mental operations of a judge aimed at ensuring the relationship between legally significant circumstances, evidence, and conclusions of the court. Moreover, as follows from Items 1–3 of Part 1 of Article 330 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation, the assessment of legally significant circumstances consists of three key elements: determination of the range of circumstances which are important for the case; establishment by the court of an unambiguous connection between evidence and circumstances which are important for the case; establishment by the court of an unambiguous connection between circumstances which are important for the case and conclusions of the court. In the conclusion, the author shows practical consequences that follow from the results of the study.

REFERENCES

1. Monahan, J. & Skeem, J. (2015) *Risk Assessment in Criminal Sentencing*. Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 53.
2. Council of Europe. (2019) *European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment*. Strasbourg: Council of Europe.
3. Baum, L. (1997) *The Puzzle of Judicial Behavior*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
4. Podgórecki, A. (1980—1981) Unrecognized Father of Sociology of Law: Leon Petrażycki: Reflections based on Jan Gorecki's Sociology and Jurisprudence of Leon Petrażycki. *Law & Society Review*. 15 (1). pp. 183–202.
5. Clifford-Vaughan, M. & Scotford-Norton, M. (1967) Legal Norms and Social Order: Petrażycki, Pareto, Durkheim. *The British Journal of Sociology*. 18. pp. 269–277.

6. Gella, A. (1977) An Unrecognized Social Theorist – Petrażycki. *The Polish Review*. 22 (2). pp. 76–79.
7. Maveety, N. (ed.) (2006) *The Pioneers of Judicial Behavior*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
8. Volkov, V.V. (ed.) (2012) *Kak sud'i primayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut.
9. Balanovskiy, V.V. (2019) Transsentalizm I. Kanta kak klyuch k ponimaniyu spetsifiki deyatel'nosti sudey [Transcendentalism as a Key to Understanding the Specificity of Judges' Activity]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 12. pp. 44–52.
10. Balanovskiy, V.V. (2019) Nekotorye aspekty funktsionirovaniya transsental'noy refleksii u sudey [Some aspects of the functioning of transcendental reflection in judges]. In: *Transsental'nyy povorot v sovremennoy filosofii* [Transcendental turn in modern philosophy]. (4). Moscow: GAUGN-PRESS. pp. 302–305.
11. Pritchett, C.H. (1945) The Divided Supreme Court, 1944–1945. *Michigan Law Review*. 44 (3). pp. 427–442.
12. Pritchett, C.H. (1948) *The Roosevelt Court: A Study in Judicial Politics and Values 1937–1947*. N.Y.: Macmillan.
13. Epstein, L. (2017) Some Thoughts on the Study of Judicial Behavior. *William & Mary Law Review*. 57 (6). pp. 2017–2073.
14. Schubert, G.A. (1960) *Quantitative Analysis of Judicial Behavior*. Glencoe: The Free Press.
15. Shubert, G.A. (1965) *The Judicial Mind: The Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices, 1946–1963*. Evanston: Northwestern University Press.
16. Consultant Plus. (2018) *Review of the practice of court consideration of cases on disputes on the protection of consumer rights related to the sale of goods and services (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 17, 2018)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Rozhkova, M.A. (2010) *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeystviya* [Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, basics of interaction]. Law Dr. Diss. Moscow.
18. Smirnova, O.V. (2014) *Yuridicheskiy znachimyye obstayatel'stva po delam o vosstanovlenii na rabote rabotnika, uvolnennogo za poyavlenie na rabote v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya* [Legally significant circumstances in cases of reinstatement at work of an employee who was dismissed for appearing at work in a state of alcoholic intoxication]. *Zakonnost'*. 12 (962). pp. 44–46.
19. Tetyuev, S.V. (2018) *Vzyskanie chlen'skikh vnosov i platy za pol'zovanie obshchim imushchestvom sadovodcheskogo (dachnogo) tovarishchestva* [Collection of membership fees and fees for using the common property of a gardening partnership]. *Sud'ya – Judge*. 11 (95). pp. 60–64.
20. Consultant Plus. (2018) *The new in Russian legislation of April 28, 2018*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
21. Consultant Plus. (2019) *The new in Russian legislation from 18 to 25 January 2019*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
22. Consultant Plus. (2002) *The Civil Procedural Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 11 June 1964) (as amended on 31 December 2002)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
23. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2002) *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2020)* [The Civil Procedural Code of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on July 31, 2020)]. 46. Art. 4532.
24. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2015) *The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08 March 2015 No. 21-FZ (as amended on 31 July 2020)*. 10. Art. 1391.
25. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2002) *Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. Ot 08.06.2020)* [The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ (as amended on 08 June 2020)]. 30. Art. 3012.
26. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. Ot 27.10.2020)* [The Criminal Procedural Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (as amended on 27 October 2020)]. 52 (I). Art. 4921.
27. Reshetnikov, I.V. (ed.) (2011) *Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Handbook of proof in civil proceedings]. 5th ed. Moscow: Norma; Infra-M.
28. von Savigny, F.K. (2012) *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t.* [The system of modern Roman law: in 8 volumes]. Translated from German by G. Zhigulin. Vol. 2. Moscow: Statut.
29. Petrazhitskiy, L.I. (2019) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti: v 2 ch.* [The theory of law and state in connection with the theory of morality: in 2 parts]. Part 2. Moscow: Yurayt.
30. Topornin, B.N. (ed.) (2001) *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal encyclopedia]. Moscow: Yurist'.
31. Kapustin, M.N. (1868) *Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika)* [Theory of law (legal dogmatics)]. Vol. 1. Moscow: Univ. tip. (Katkov" i Ko).
32. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Brat'ev Bashmakovykh'.
33. Taranovskiy, F.V. (1911) *Pravo v ob"ektivnom i sub"ektivnom smysle* [Law in the objective and subjective sense]. Saint Petersburg: [s.n.].
34. Vas'kovskiy, E.V. (1913) *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov: Dlya nachinayushchikh yuristov* [Guide to the Interpretation and Application of Laws: For Novice Lawyers]. Moscow: Izdatel'stvo Brat'ev Bashmakovykh'.
35. Rozhkova, M.A. (2009) *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: Soglasheniya o zashchite prav i protsessual'nye soglasheniya* [Legal facts of civil and procedural law: Agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moscow: Statut, [Online] Available from: <http://rozhkova.com/pdf/UFISOGLASH.pdf> (Accessed: 01.12.2020).
36. Krasavchikov, O.A. (1958) *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal facts in Soviet civil law]. Moscow: Yurid. lit.
37. Belov, V.A. (ed.) (2016) *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: v 2 t.* [Civil law. Topical issues of theory and practice: in 2 volumes]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
38. Isakov, V.B. (1980) *Fakticheskiy sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.
39. Isakov, V.B. (1984) *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal facts in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
40. Isakov, V.B. (1985) *Voprosy teorii yuridicheskikh faktov* [Issues of the theory of legal facts]. Law Dr. Diss. Sverdlovsk.
41. Isakov, V.B. (2018) *Yuridicheskie fakty kak vid yuridicheskogo ogranicheniya* [Legal facts as a type of legal limitation]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 12. pp. 170–174.
42. Sardaeva, O.G. (2013) *Ustanovlenie fakticheskikh obstayatel'stv dela kak osnova kvalifikatsii yuridicheskogo znachimogo povedeniya* [Establishing the factual circumstances of the case as the basis for qualifying legally significant behavior]. Law Cand. Diss. Saratov.
43. Murugina, V.V. (2010) *Defektnost' yuridicheskikh faktov kak negativnaya cherta pravovoy sistemy* [Defectiveness of legal facts as a negative feature of the legal system]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
44. Ioffe, O.S. & Shargorodskiy, M.D. (1961) *Voprosy teorii prava* [Issues of the theory of law]. Moscow: Gosyurizdat.
45. Belonozhkin, A.Yu. (2013) *Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave* [Legal facts in civil law]. *My i pravo*. 4 (21). pp. 2–14.
46. Vishnevskiy, A.F. (2013) *Stanovlenie i razvitie ucheniya o yuridicheskikh faktakh v teoreticheskoy pravovoy nauke* [Formation and development of the doctrine of legal facts in theoretical legal science]. In: *Pravo i demokratiya* [Law and democracy]. Vol. 24. pp. 82–102. [Online] Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/51051> (Accessed: 01.12.2020).
47. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. In: *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 volumes]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: ChORO.
48. Anderson, T., Schum, D. & Twining, W. (2005) *Analysis of Evidence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 25 January 2021

О.А. Зайцев, С.В. Маликов, С.Л. Нудель

ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Рассматривается характеристика освобождения от уголовной ответственности за преступления, совершенные в финансово-бюджетной сфере в случае возмещения ущерба и назначения судебного штрафа. Дан анализ существующих проблем, связанных с применением специальных оснований подобного освобождения, предусмотренных в примечаниях к соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено рассмотрению уголовного проступка как вида депенализации общественно опасных деяний в финансово-бюджетной сфере.

Ключевые слова: уголовное право; преступления в финансово-бюджетной сфере; освобождение от уголовной ответственности; возмещение ущерба; назначение судебного штрафа; уголовный проступок

В последнее десятилетие на первый план в уголовной политике страны выдвигаются вопросы экономического обеспечения государственного суверенитета и стабильности правового регулирования экономических отношений. Ключевыми предпосылками иного подхода к обеспечению экономической безопасности страны являются новые сложные социально-экономические вызовы на фоне введенных ограничительных мер со стороны США и Евросоюза. Серьезные риски для бизнеса в мире и России спродуцировала новая коронавирусная инфекция в 2020 г. Пандемия отрицательным образом повлияла на предпринимательскую активность, нарушила сложившиеся экономические, кооперационные связи между компаниями и учреждениями, остановила реализацию большинства инвестиционных планов, программ развития и обновления предприятий. Значительный урон понесли предприятия малого и среднего бизнеса. В сложившейся ситуации правоохранительные органы в рамках своей компетенции и полномочий должны принять эффективные меры, направленные на защиту прав и свобод граждан и организаций, инвестирующих в самые различные секторы российской экономики [1].

Примечательно, что, согласно опросам, более 50% российских бизнесменов не доверяют российской судебной системе, а две трети из них не считают ее независимой. Почти 70% опрошенных предпринимателей считают ведение бизнеса в Российской Федерации крайне опасным и рискованным делом [2].

К числу наиболее значимых проблем Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей отнесены:

- привлечение предпринимателей к ответственности (в основном за мошенничество), в том числе в случаях, когда гражданско-правовые споры переводятся в сферу уголовно-процессуальных отношений; причиной возбуждения таких уголовных дел могут быть конфликтные ситуации между предпринимателями, а также личная заинтересованность должностных лиц, представляющих органы исполнительной власти;

- несформированность практики выработки решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве процессуальных действий, позволяющих достичь назначения уголовного судопроизводства без необоснованного ущерба для законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей;

- немотивированность отказов в применении ограничений, предусмотренных для избрания предпринимателям в качестве меры пресечения заключение под стражу;

- отсутствие прозрачной системы установления оснований, позволяющих условно-досрочно освободить осужденных предпринимателей и заменить неотбытую часть наказания более мягким наказанием [3].

Не менее важным представляется вопрос о сбалансированности уголовно-правовых мер, применяемых к рассматриваемой категории лиц. Особой оценке должны подвергнуться масштабы уголовной репрессии в отношении предпринимателей, осуществляемой в настоящее время путем: а) декриминализации и депенализации деяний [4]; б) использования имеющихся механизмов, допускающих возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, когда имеются основания, предусмотренные в ст. 76¹ и 76² УК РФ; в) реализации законодательных положений относительно оснований освобождения лица от уголовной ответственности согласно примечаниям к ст. 178, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹ и 200³ УК РФ (в примечании к ст. 184 УК РФ предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности, однако оно отличается от иных аналогичных видов тем, что не предусматривает возмещение ущерба, поэтому не будет рассматриваться в рамках настоящей статьи).

1. *Освобождение лица от уголовной ответственности за преступления в финансово-бюджетной сфере при наличии общих оснований.* Одним из основных инструментов снижения репрессивности уголовного закона к предпринимателям является процесс установления в нем правил освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания [5. С. 375].

Показательным примером является включение в УК РФ ст. 76¹, что вызвало немало споров среди исследователей и правоприменителей. Во-первых, очевидно, что в ч. 1 дублируются положения примечаний к ст. 198, 199¹, 199³, 199⁴ УК РФ.

Во-вторых, специальные условия освобождения, установленные применительно к конкретным преступлениям (ч. 2 ст. 76² УК РФ), сталкиваются с непониманием сущности двукратного денежного возмещения в федеральный бюджет. Высказываются полярные точки зрения, однако всеми отмечается чрезмерный уклон уголовной политики в применение гражданско-правовых механизмов, не свойственных уголовному праву [6].

В-третьих, новое основание освобождения от уголовной ответственности, закрепленное в части 3 рассматриваемой статьи, по правовой природе и сущности является амнистией, что предполагает иной порядок ее проведения [7].

В-четвертых, толкование нормы позволяет сделать вывод, что по данному основанию одно и то же лицо может неоднократно освобождаться от уголовной ответственности, т.е. преступление должно быть лишь юридически совершено впервые, а не фактически. Совершение же иного общественно опасного деяния лицом, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности, дает основание полагать о необоснованности его предыдущего освобождения.

В-пятых, возмещение ущерба может быть произведено организацией (применительно к ст. 199 и 199¹ УК РФ), а не самим виновным лицом (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 [8]). Таким образом, значение имеет лишь сам факт возмещения, а не его источник, что исключает личный характер ответственности, снижает воспитательный и профилактический потенциал уголовно-правового воздействия.

В силу этого возникает необходимость изменения подхода к применению ст. 76¹ УК РФ: а) распространять ее действие только на лиц, которые лично возмещали ущерб; б) исключить возможность ее действия в случаях, когда лицо ранее освобождалось по указанному основанию.

В то же время ст. 76¹ УК РФ редко применяется на практике. Например, в 2018 г. было прекращено лишь 31 уголовное дело в отношении лица в силу возмещения ущерба по экономическим преступлениям (ст. 28¹ УПК РФ); в 2019 г. – 62, за 6 мес. 2020 г. – 18 [9]. Чаше на практике применяется освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, предусмотренное ст. 76² УК РФ (в 2018 г. – 33 329; 2019 г. – 52 460; за 6 мес. 2020 г. – 26 675). Данный вид освобождения не является специальным для преступлений, посягающих на финансовую сферу, однако уголовный закон не содержит ограничений по его применению, порождая конкуренцию с видом освобождения, закрепленным в ст. 76¹ УК РФ, что приводит к противоречивым решениям на практике.

В случаях выполнения не всех действий или не в полном объеме, предусмотренных ст. 76¹ УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76 или 76² УК РФ, может быть удовлетворено судом при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований [10]. При этом обвиняемому предоставлено право выбора основания прекращения уголовного преследования (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 [11]).

Вышеуказанная позиция поддерживается большинством ученых-исследователей [12–15]. Судебная практика также не исключает возможности учета мнения виновного при выборе основания прекращения уголовного дела, т.е. вполне возможна замена ст. 76² УК РФ на ст. 76¹ УК РФ [16].

Отдельные ученые отмечают, что подобный подход вызван неверным толкованием правил получения согласия обвиняемого по уголовному делу. Такое согласие закреплялось для выбора способа принятия окончательного процессуального решения в ходе судопроизводства. В первую очередь подразумевалось прекращение уголовного дела или его рассмотрение в целях вынесения приговора, а не предоставление возможности освобождения лица от уголовной ответственности [17].

В то же время решение этого вопроса имеет не только теоретический характер. Чтобы прекратить уголовное преследование по ч. 2 ст. 76¹ УК РФ и по ч. 3 ст. 28¹ УПК РФ, недостаточно только возмещения ущерба, причиненного преступлением. Также следует внести в федеральный бюджет денежное возмещение, предполагающее: а) двукратный размер; б) сумму ущерба, причиненного преступлением; в) доход, полученный преступным путем; г) убытки, избежать которых удалось [18].

Если уголовное дело прекращается в связи с назначением судебного штрафа, то в обязательном порядке подлежит возмещению или заглаживанию вред, причиненный преступлением. Кроме этого, необходимо уплатить штраф, который не должен превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей нормой уголовного законодательства, или сумму, размером не более 250 тыс. руб. (ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ).

Анализ судебно-следственной практики показывает, что предприниматели предпочитают, чтобы уголовное преследование в отношении их было прекращено в связи с назначением судебного штрафа, а не возмещением ущерба. Приведем пример: в случае квалификации деяния по ч. 1 ст. 193 УК РФ максимальный размер возмещения может составлять 200 млн руб. Санкция за это же деяние предусматривает штраф в размере от 200 тыс. до 500 тыс. руб. Судебный штраф может составить 250 тыс. руб. Несопоставимые суммы, даже если учесть, что назначение штрафа влечет такое последствие, как судимость. Таким образом, очевидна экономическая несбалансированность последствий совершения преступления. Вариантов в данном случае можно предложить несколько: а) увеличивать размеры штрафов и судебного штрафа; б) уменьшать размер возмещаемого ущерба по ст. 76¹ УК РФ; в) использовать одновременно оба варианта.

Представляется, что выявленные проблемы в выборе вида освобождения от уголовной ответственности могут быть сняты следующим образом: в первую очередь необходимо применять положения ст. 76¹ УК РФ, если совершено указанное в ней преступление. При невозможности возместить ущерб в закрепленном объеме освобождение возможно по иным основаниям (например, с применением ст. 76² УК РФ).

2. *Специальные основания освобождения от уголовной ответственности за преступления в финансово-бюджетной сфере.* К числу целей подобного освобождения можно отнести: а) уменьшение (предотвращение) общественно опасных последствий конкретного деяния; б) формирование у виновного лица должного поведения, заключающегося в совершении социально позитивных постпреступных дей-

ствий. В области охраны финансовых отношений лица могут быть освобождены от ответственности на основании примечаний, предусмотренных в ст. 178, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹ и 200³ УК РФ [19, 20].

Законодатель неоднократно менял отношение к необходимости существования таких примечаний: сначала устанавливая их (ФЗ от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ), затем отменяя (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) и снова возвращая (ФЗ от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ). В теории справедливо указывалось, что это создает дублирующие и противоречивые нормы, порождая проблемы в правоприменении [21].

Тем не менее с 1 января 2010 г. в Уголовном кодексе РФ возобновилось конструирование специальных видов освобождения от ответственности в примечаниях, поддержанное судебной практикой (п. 24 и 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 [10]).

Противоречивые рекомендации дает Федеральная антимонопольная служба России применительно к положениям, содержащимся в примечании к ст. 178 УК РФ. В частности, ФАС России не исключает возможность освобождения от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76¹ УК РФ в случае совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ. Условием этому освобождению должно быть перечисление двукратной суммы ущерба или дохода в федеральный бюджет [22]. Однако в тексте примечания 3 к ст. 178 УК РФ речи не ведется о двукратном возмещении ущерба, т.е. примечание содержит облегченные условия для освобождения лица от уголовной ответственности. На наш взгляд, непоследовательность уголовного закона очевидна.

Не удалось избежать создания трудностей для правоприменения при конструировании специальных видов освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 200¹ и 200³ УК РФ. Первый случай относится к добровольной сдаче денежных средств и (или) денежных инструментов; второй – к возврату привлеченных денежных средств застройщиком или введению объекта недвижимости в эксплуатацию.

Добровольная сдача наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, предусмотренная примечанием 4 к ст. 200¹ УК РФ, представляет собой форму деятельного раскаяния. Хотя выполнение общих условий, указанных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, не требуется (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 [11]). В случае выполнения лицом всех предусмотренных данной статьей условий (например, явка его с повинной, оказание помощи в раскрытии и расследовании совершенного преступления и др.) невозможность применения положений примечания не исключает освобождение данного лица от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Для применения примечания 4 к ст. 200¹ УК РФ достаточно лишь факта добровольной сдачи предмета преступления, который может быть оформлен письменно – в рапорте об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ) либо устно – в виде явки с повинной (ст. 142 УПК РФ).

Предполагалось, что примечание 2 к ст. 200³ УК РФ будет способствовать добровольному возмещению ущерба дольщикам в полном объеме [23]. Как отмечает

В.В. Власенко, возникает ряд сложностей в его применении: закрепленные в примечании условия вместе не могут быть выполнены: если дольщикам будут возвращены внесенные денежные суммы, то средств для завершения строительства не останется. При принятии застройщиком решения о вводе в эксплуатацию, в силу установленных сроков предварительного расследования и судебного производства, руководитель застройщика может не успеть ввести в эксплуатацию соответствующий объект недвижимости, что исключит освобождение от ответственности [24].

Можно сделать вывод о том, что зачастую наличие специальных оснований освобождения от уголовной ответственности создает много проблем на практике, поэтому целесообразно отказаться от их конструирования, наряду с четким установлением соответствующих условий освобождения в Общей части Уголовного кодекса РФ (в частности, в ст. 76¹ УК РФ).

3. *Уголовный проступок в системе освобождения от уголовной ответственности за преступления в финансово-бюджетной сфере.* Нельзя обойти вниманием происходящий процесс декриминализации в экономической сфере, включающий введение в УК РФ категории «уголовный проступок». В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что в рамках гуманизации уголовного законодательства появилось немало инициатив, связанных с декриминализацией ряда уголовно наказуемых деяний, расширением сферы применения административной преюдиции, закреплением новых оснований освобождения лица от уголовной ответственности. Все это позитивно влияет на сферы общественных отношений, в том числе и возникающих в ходе предпринимательской и иной экономической деятельности [25].

Согласно законопроекту уголовным проступком признаются совершенное впервые преступление небольшой тяжести, не предусматривающее наказания в виде лишения свободы, а также отдельные наименее общественно опасные преступления против собственности и в сфере экономической деятельности.

Законодательная инициатива имеет ряд положительных аспектов: введение категории «уголовный проступок» может позволить отказаться от малозначительного деяния, повлечет создание упрощенного порядка производства и исключит наличие судимости.

В то же время в законопроекте имеются новые недостатки. Во-первых, усложняется система видов освобождения от уголовной ответственности, тем самым еще больше обостряется конкуренция между отдельными видами, что в настоящее время приводит к противоречиям на практике. В частности, анализ содержания предлагаемых ст. 151, 76², 90 УК РФ свидетельствует о том, что совершение уголовного проступка на самом деле является одним из оснований освобождения лица от уголовной ответственности в случае применения иных мер уголовно-правового характера или мер воспитательного характера. Оно никак не соотносится с другими имеющимися уголовно-правовыми институтами.

Кроме того, исходя из положений предлагаемых новелл, можно освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее не только уголовный проступок, но и иное деяние. Так, суд вправе освободить лицо от уголовной ответственности и применить к нему од-

ну из мер уголовно-правового характера, если совершено преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком. При этом должен быть возмещен ущерб или другим способом глажен вред, причиненный данным общественно опасным деянием (ч. 3 ст. 76² УК РФ).

Наконец, разработчики законопроекта необоснованно, по нашему мнению, отнесли к категории уголовных проступков преступления, совершенные группой лиц (группой лиц по предварительному сговору) или в крупном либо особо крупном размере (к примеру, ч. 2 ст. 191¹ УК РФ), причинивших существенный ущерб (так, применительно к ст. 193¹ УК РФ деяния признаются совершенными в крупном размере, если сумма незаконно переведенных денежных средств в иностранной валюте или валюте страны однократно либо неоднократно в течение одного года по проведенным валютным операциям превышает девять миллионов рублей). Трудно признать уголовными проступками преступления, посягающие на интересы национальной или экологической безопасности (ст. 189, 191¹ УК РФ и др.).

Полагаем, что к числу уголовных проступков в области охраны финансово-бюджетных отношений могут быть причислены совершенные лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, предусмотренные ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 159³, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 167, ст. 168, ч. 2 ст. 169, ст. 170, ч. 1, 2 и 4 ст. 170¹, ч. 1, 3 и 5 ст. 171¹, ч. 1 ст. 173¹, ч. 2 ст. 173², ст. 177, ч. 1 ст. 180, ч. 1 ст. 181, ч. 1 и 2 ст. 183, ч. 2 ст. 185, ч. 1 и 3 ст. 185², ч. 1 ст. 185⁴, ч. 1 ст. 185⁵, ч. 1 ст.

189, ч. 1 и 2 ст. 191¹, ч. 1 и 2 ст. 193¹, ч. 1 ст. 194, ст. 195, ч. 1 ст. 199², ч. 1 ст. 200³ УК РФ [26].

В качестве вывода предлагается решение выявленных проблем путем:

1) изменения «штрафных» санкций за совершение преступлений в финансовой сфере посредством: а) увеличения размеров штрафов и судебных штрафов; б) уменьшения размера возмещаемого ущерба по ст. 76¹ УК РФ; в) законодательного закрепления возможности использования обоих вариантов;

2) исключения имеющейся конкуренции существующих видов освобождения от уголовной ответственности, для чего следует руководствоваться следующим алгоритмом в действующем законодательстве: а) в первую очередь необходимо применять специальные основания освобождения, содержащиеся в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса РФ; б) руководствоваться положениями ст. 76¹ УК РФ в случае совершения указанного в ней деяния; в) при невозможности возмещения ущерба в закреплённом объёме освобождение допустимо по иным основаниям (например, с применением ст. 76² УК РФ);

3) отказа от закрепления на законодательном уровне специальных оснований, позволяющих освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших, в частности, преступления в финансово-бюджетной сфере (исключения соответствующих примечаний к ст. 178, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹ и 200³ УК РФ), наряду с конкретизацией правил освобождения от ответственности в Общей части УК РФ (в ст. 76¹ УК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев О.А., Кашепов В.П., Нудель С.Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 40–56.
2. Кудрин А.Л. Для серьезного прорыва у России возможностей нет. URL: <https://snob.ru/entry/178071> (дата обращения: 06.03.2021).
3. Уголовное преследование предпринимателей: проблемы и предложения. Результаты социологического опроса «Мнение экспертов о защите прав предпринимателей». 2020. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/4.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).
4. Нудель С.Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 106–119.
5. Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. 528 с.
6. Соловьев О.Г., Князьков А.А. Об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80–82.
7. Власенко В.В. Амнистия капиталов» как особый вид освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 3 ст. 76¹ УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 1. С. 9–13.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.
9. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.03.2021).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
12. Лобанова Л., Мкртчян С. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111–121.
13. Анощенкова С.В., Петрикова С.В. Разрешение конкуренции применения норм об освобождении от уголовной ответственности // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 225–227.
14. Власенко В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2017. № 1. С. 52–59.
15. Рожков А.С. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы) // Аллея науки. 2018. № 1. С. 688–702.
16. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // СПС КонсультантПлюс.
17. Давлетов А.А. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа как универсальная форма освобождения лица от уголовной ответственности по компромиссным основаниям // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 29–32.
18. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов) : научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др. ; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 252–262.

19. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. Т. 1 / А.А. Гравина, О.А. Зайцев, М.Г. Жилкин и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 400 с.
20. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / А.А. Гравина, О.А. Зайцев, М.Г. Жилкин и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 456 с.
21. Яни П.С. Специальный случай освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 44–46.
22. Приказ ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.
23. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве”» // СПС КонсультантПлюс.
24. Власенко В.В. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2018. № 1. С. 27–32.
25. Проект Федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.02.2021) // СПС КонсультантПлюс.
26. Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений / под ред. Г.Ю. Лесникова. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2016. С. 137–138.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 мая 2021 г.

Issues of Exemption from Criminal Liability for Crimes in the Financial and Budgetary Sphere

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 63–68.

DOI: 10.17223/15617793/469/8

Oleg A. Zaitsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Sergey V. Malikov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Stanislav L. Nudel, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: nudel@inbox.ru

Keywords: criminal law; crimes in financial and budgetary sphere; exemption from criminal liability; compensation for damage; imposition of court fine; criminal offense.

The article aims to assess the balance and repressiveness of criminal legal measures used for committing crimes in the financial and budgetary sphere. The study is based on the materials of the published judicial and investigative practice in cases of crimes under Art. 178, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹, and 200³ of the Criminal Code of the Russian Federation for 2010–2020. The theoretical basis is results of research in the field of criminal law published in specialized editions. The methodological basis of the study was the general dialectical method; specific methods were used: system-structural, formal-logical, statistical analysis, content analysis. The scale of criminal repression against entrepreneurs is reduced by: a) decriminalization and depenalization of acts; b) exemption from criminal liability on the grounds provided for in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 76¹ and 76²); c) exemption from criminal liability on the basis of notes to the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (178, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹, and 200³). The inclusion of Article 76¹ in the Criminal Code of the Russian Federation has caused a lot of controversy. Firstly, Part 1 duplicates the provisions of the notes to Articles 198, 199¹, 199³, and 199⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. Secondly, the essence of double monetary compensation to the federal budget is unclear. Thirdly, the independent basis for exemption from criminal liability provided for in Part 3 of this article is essentially an amnesty. Fourthly, the same person may be repeatedly released from criminal liability. In practice, exemption from criminal liability with the appointment of a court fine is more often used (Article 76² of the Criminal Code of the Russian Federation). The Criminal Code of the Russian Federation does not contain restrictions on its application, giving rise to competition with the type of exemption provided for in Article 76¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. A solution is proposed to apply the provisions of Article 76¹ of the Criminal Code of the Russian Federation if the crime specified in it is committed. If it is impossible to compensate for the damage in the prescribed amount, the release is possible on other grounds (for example, with the application of Article 76² of the Criminal Code of the Russian Federation). A number of difficulties in applying special types of exemption from criminal liability for crimes under Articles 200¹ and 200³ of the Criminal Code of the Russian Federation are described. It is noted that the economic sphere is decriminalized, including the introduction of the category “misdemeanor” in the Criminal Code of the Russian Federation. However, the draft law unreasonably classifies some crimes as misdemeanors. A list of crimes falling under this category is proposed. The solution of the problems is justified by unifying the legislative approach in Article 76¹ of the Criminal Code of the Russian Federation to the issue of the possibility of exemption from criminal liability for committing crimes in the economic sphere and by excluding the relevant notes to Articles 178, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹ and 200³ of the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Zaitsev, O.A., Kashepov, V.P. & Nudel, S.L. (2020) Criminal policy regarding crimes committed in the sphere of business. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 37. pp. 40–56. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/37/4
2. Kudrin, A.L. (2019) *Dlya ser'eznogo proryva u Rossii vozmozhnostey net* [Russia has no opportunity for a major breakthrough]. [Online] Available from: <https://snob.ru/entry/178071> (Accessed: 06.03.2021).
3. Doklad.ombudsmanbiz.ru. (2020) *Ugolovnoe presледovanie predprinimateley: problemy i predlozheniya Rezul'taty sotsiologicheskogo oprosa "Mnenie ekspertov o zashchite prav predprinimateley"* [Criminal prosecution of entrepreneurs: problems and suggestions Results of the sociological survey “Opinion of experts on the protection of the rights of entrepreneurs”]. [Online] Available from: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/4.pdf> (Accessed: 06.03.2021).

4. Nudel', S.L. (2020) Criminal and Legal Influence in the Mechanism of Ensuring Economic Security (Issues and Trends in Legislative Regulation). *Zhurnal Rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 106–119. (In Russian).
5. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (eds) (2003) *Rossiyskaya pravovaya politika: kurs lektsiy* [Russian legal policy: a course of lectures]. Moscow: Norma.
6. Solov'ev, O.G. & Knyaz'kov, A.A. (2012) Ob osvobozhdenii ot ugovolnoy otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (st. 761 UK RF) [On exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity (Art. 761 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 7. pp. 80–82.
7. Vlasenko, V.V. (2016) Amnistiya kapitalov kak osobyby vid osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (ch. 3 st. 761 UK RF) [Capital Amnesty as a special type of exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity (Part 3 of Article 761 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 9–13.
8. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2017) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 noyabrya 2016 g. № 56 “O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, No. 56 “On amendments to some decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability”]. 1.
9. Cdep.ru. (n.d.) *Otchet ob osobennostyakh rassmotreniya ugovolnykh del, primeneniya real'nykh vidov nakazaniya i osnovaniy prekrashcheniya ugovolnykh del. Dannye Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Report on the peculiarities of the consideration of criminal cases, the application of real types of punishment and the grounds for termination of criminal cases. Data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 06.03.2021).
10. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2017) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15 noyabrya 2016 g. № 48 “O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovolnoy otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016, No. 48 “On the practice of the courts' application of legislation governing the peculiarities of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities”]. 1.
11. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2013) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 iyunya 2013 g. № 19 “O primenении sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013, No. 19 “On the application by courts of legislation governing the grounds and procedure for exemption from criminal liability”]. 8.
12. Lobanova, L. & Mkrtchyan, S. (2016) Nekotorye problemy ustanovleniya i realizatsii novogo osnovaniya osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti [Some problems of establishing and implementing a new basis for exemption from criminal liability]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 111–121.
13. Anoshchenkova, S.V. & Petrikova, S.V. (2017) Enabling Competition to Apply the Rules on Exemption From Criminal Liability. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 6. pp. 225–227. (In Russian).
14. Vlasenko, V. (2017) Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa [Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 52–59.
15. Rozhkov, A.S. (2018) Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s naznacheniem sudebnogo shtrafa (ugolovno-pravovye i ugovolno-protsessual'nye voprosy) [Exemption from criminal liability in connection with the appointment of a court fine (criminal law and criminal procedural issues)]. *Alleya nauki*. 1. pp. 688–702.
16. Consultant Plus. (2019) *Review of judicial practice of exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine (Article 762 of the Criminal Code of the Russian Federation) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 10, 2019)*. Moscow: Consultant (In Russian). Plus.
17. Davletov, A.A. (2020) Prekrashchenie ugovolnogo dela s naznacheniem sudebnogo shtrafa kak universal'naya forma osvobozhdeniya litsa ot ugovolnoy otvetstvennosti po kompromissnym osnovaniyam [Termination of a criminal case with the appointment of a court fine as a universal form of releasing a person from criminal liability on a compromise basis]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 29–32.
18. Kucherov, I.I. et al. (eds) (2020) *Ugolovnyy zakon i ekonomicheskaya deyatel'nost' (sootnoshenie chastnykh i publichnykh interesov): nauchno-prakticheskoe posobie* [Criminal law and economic activity (ratio of private and public interests): scientific and practical guide]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. pp. 252–262.
19. Kucherov, I.I. et al. (eds) (2020) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 22 “Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti” Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: v 2 t.* [Scientific and practical commentary to Chapter 22 “Crimes in the sphere of economic activity” of the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; OOO “Yuridicheskaya Firma Kontrakt”.
20. Kucherov, I.I. et al. (eds) (2020) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 22 “Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti” Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: v 2 t.* [Scientific and practical commentary to Chapter 22 “Crimes in the sphere of economic activity” of the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; OOO “Yuridicheskaya Firma Kontrakt”.
21. Yani, P.S. (2000) Spetsial'nyy sluchay osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya [A special case of exemption from criminal liability for tax crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 44–46.
22. Consultant Plus. (2019) *Order of the FAS of Russia of 08.08.2019 No. 1073/19 “On the approval of methodological recommendations” (together with “Methodological recommendations on the organization of the interaction of the FAS of Russia with interested law enforcement agencies to identify, disclose and investigate crimes related to restricting competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation)”*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
23. Consultant Plus. (n.d.) *Explanatory note “To the draft Federal Law On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in terms of establishing criminal liability for violation of the requirements of the legislation on participation in the shared construction of apartment buildings and (or) other real estate objects and misuse of funds paid by participants in shared construction under an agreement for participation in shared construction”*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
24. Vlasenko, V.V. (2018) Privlechenie denezhnykh sredstv grazhdan v narushenie trebovaniy zakonodatel'stva RF ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i (ili) inyykh ob'ektov nedvizhimosti (st. 200.3 UK RF): voprosy ugovolnoy otvetstvennosti i osvobozhdeniya ot nee [Attraction of funds from citizens in violation of the requirements of the legislation of the Russian Federation on participation in the shared construction of apartment buildings and (or) other real estate objects (Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of criminal liability and exemption from it]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 27–32.
25. Consultant Plus. (2021) *Draft Federal Law No. 1112019-7 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of criminal offense” (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 15.02.2021)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
26. Nudel', S.L. (2016) *Ugolovno-pravovaya okhrana finansovykh otnosheniy* [Criminal law protection of financial relations]. Lesnikov, G.Yu. (ed.) Moscow: FGKU “VNII MVD Rossii”. pp. 137–138.

Received: 31 May 2021

О.А. Малышева

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С учетом правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ анализируются обоснованность отнесения законом следователя к стороне обвинения во взаимосвязи с содержанием его процессуальной самостоятельности. Констатируется недостаточность полномочий у следователя для осуществления эффективного доказывания и своевременного принятия процессуальных решений по уголовному делу. Для преодоления указанного вносятся предложения по оптимизации процессуального статуса следователя.

Ключевые слова: следователь; уголовно-процессуальное доказывание; процессуальное решение; процессуальная самостоятельность следователя; ЕСПЧ.

Дискуссионность вопроса о положении следователя в российском уголовном судопроизводстве обусловливается тем обстоятельством, что ни в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. (далее – Концепция), ни в проектах Уголовно-процессуального кодекса РФ в конкретной форме не отражалась идея состязательности уголовного процесса и, следовательно, четко не было определено содержание его функционального построения. Последнее имеет важное значение для уточнения функционального назначения процессуальной деятельности следователя в процессе доказывания и принятия процессуальных решений. Одновременно следует принять во внимание тот факт, что российский уголовный процесс на протяжении многих веков характеризовался как инквизиционный со свойственными ему правилами доказывания и принятия процессуальных решений.

Законодателем сущность состязательного уголовного судопроизводства отражена в ст. 15 УПК РФ, согласно которой в досудебном производстве выделяются две стороны – сторона обвинения и сторона защиты. Следователь отнесен к стороне обвинения (ч. 2 ст. 15, гл. 6 УПК РФ). В.В. Кальницкий и Т.И. Сальникова, размышляя о том, что «органы дознания и следствия отнесены к стороне обвинения, поэтому препятствий для продолжения ими обвинительной деятельности в суде нет» [1. С. 26], фактически констатируют направленность осуществляемой следователем уголовно-процессуальной деятельности – обвинительная. Между тем такое отнесение, на первый взгляд, не согласуется с назначением уголовного судопроизводства – ограждение личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). По мнению одних авторов, законодательное определение места следователя в системе участников уголовного судопроизводства как участника со стороны обвинения предопределяет обвинительный уклон при осуществлении им процессуальных действий и принятии процессуальных решений [2. С. 217]. Другие авторы, не придавая процессуального значения отнесению следователя к стороне обвинения, считают, что обвинительный уклон доказательственная деятельность следователя приобретает «в ходе формирования уголовного преследования лиц, причастных к совершению преступления» [3. С. 13]. Однако данная точка зрения не может расце-

ниваться как верная, поскольку следователь в процессуальной деятельности должен руководствоваться нормами, закрепленными ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Обозначенные нормы возлагают на следователя процессуальную обязанность устанавливать обстоятельства, свидетельствующие о защитной направленности рассматриваемой деятельности данного участника уголовного судопроизводства. Среди таких обстоятельств: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, влекущие освобождение от уголовной ответственности.

Указанные процессуальные обязанности следователя нацелены на нивелирование обвинительного уклона в его процессуальной деятельности, на обеспечение всесторонности и полноты установления обстоятельств по уголовному делу, объективности их исследования.

Двойственность процессуального положения рассматриваемого субъекта в состязательном уголовном процессе затрудняет однозначное определение роли следователя в уголовном судопроизводстве, основу которого составляет уголовно-процессуальное доказывание, порождает противоречивые суждения о его роли в уголовном процессе.

Обращаясь к ретроспективе обозначенной проблемы, подчеркнем, что она не нашла своего решения в XX в. М.С. Строгович полагал, что основной обязанностью следователя является изобличение лица, привлеченного к уголовной ответственности в качестве обвиняемого в совершении преступления, доказывание его виновности и обеспечение применения к нему уголовного наказания [4. С. 51]. Р.Д. Рахунов [5. С. 24–25], А.Я. Вышинский [6. С. 13] же считали недопустимым отнесение следователя к стороне обвинения. Схожую точку зрения высказывали И.Л. Петрухин, Э.Ф. Куцова [7. С. 83], полагая, что следователь обязан осуществлять полное, всестороннее, объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела. Данная научная позиция нашла закрепление в уголовно-процессуальной норме (ст. 2 УПК РСФСР).

Следует признать, что УПК РФ прямо не закрепляет указанную выше процессуальную обязанность следователя, что в определенной степени осложняет понимание функционального назначения процессуальной деятельности следователя, как было указано

выше. Но, как справедливо утверждает профессор Л.А. Воскобитова, «умеющий читать и мыслить легко найдет в законе эти требования» [8. С. 456]. Они усматриваются из системного анализа предписаний ч. 1 ст. 73 УПК РФ, обязывающих следователя устанавливать обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5), смягчающие наказание (п. 6), характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого (п. 3) и др. Несмотря на существование в теории уголовно-процессуального права научных дискуссий о роли следователя в уголовном процессе, следует констатировать с точки зрения действующего правового регулирования, что следователь осуществляет процессуальные действия и принимает процессуальные решения, направленные как на обвинение, так и оправдание подозреваемого, обвиняемого.

По данному вопросу выразил свою позицию Конституционный Суд РФ, который в своем постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П, исходя из предписаний ст. 2, 18, ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации, уточнил, что на следователя возлагается процессуальная обязанность получать доказательства не только обвинительные, но и оправдательные, подтверждающие невиновность лица в совершении вменяемого ему преступления (п. 4 Описательно-мотивировочной части Постановления).

С учетом изложенного следует признать неудачной для обеспечения эффективного правоприменения юридическую конструкцию правового регулирования субъектного состава стороны обвинения, препятствующую единообразному пониманию роли следователя в состязательном уголовном процессе в целом и в уголовно-процессуальном доказывании в частности.

Наряду с изложенным следует уточнить, что назначением уголовно-процессуальной деятельности следователя в современном уголовном процессе выступает верная реализация предписаний, содержащихся в уголовно-правовых нормах, в целях объективного, с соблюдением процессуальных гарантий прав подозреваемого, обвиняемого, разрешения уголовно-правового спора между личностью и государством по факту нарушения первым установленных государством запретов. Не менее важным является недопущение следователем злоупотребления правом – использование им дискреционного полномочия, которое формально не нарушает уголовно-процессуальную норму, закрепляет указанное полномочие, но противоречит назначению этой нормы [9. С. 194]. Уголовно-процессуальная деятельность следователя должна обеспечивать не только защиту прав, законных интересов потерпевшего, но и неотвратимость привлечения к уголовной ответственности виновного. Указанное вместе с тем не исключает дифференцированной реализации норм уголовного закона, предусматривающей отказ от уголовного преследования невиновных.

В современный период развития общественных отношений все более очевидным становится тот факт, что уголовно-процессуальную деятельность следователя следует расценивать как гарант от произвола государства при разрешении уголовно-правового конфликта, которому с большей долей вероятности

может быть подвергнуто лицо, заподозренное в совершении преступления. Представленное назначение уголовно-процессуальной деятельности следователя определяет направленность ее «сердцевины», как утверждал профессор С.А. Шейфер, – осуществляемое им уголовно-процессуальное доказывание.

Согласно ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке, оценке доказательств по уголовному делу в целях установления фактических обстоятельств, имеющих отношение к нему. В научной литературе встречается мнение о том, что в процесс доказывания наряду с указанным входит и такой элемент, как использование доказательств [10. С. 75]. Собираание доказательств – это процессуальная деятельность следователя по обнаружению, закреплению и изъятию в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и процессуальной форме следов преступления, сведений, имеющих отношение к уголовному делу. Основным способом собирания доказательств является производство следственных действий, предусмотренных гл. 24–27 УПК РФ.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон допускает собирание доказательств посредством производства иных процессуальных действий: истребование предметов, документов, проведение документальных проверок, ревизий и др. (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), удовлетворение ходатайств подозреваемого, обвиняемого, их защитника, законного представителя, потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика об исследовании дополнительных вопросов в ходе судебной экспертизы (п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ), о приобщении к материалам уголовного дела предметов и документов, собранных ими (ч. 1, 2 ст. 119, п. 5 ч. 2 ст. 42, п. 5 ч. 4 ст. 47, п. 8 ч. 1 ст. 53 и др. УПК РФ), избрание мер пресечения, требующих согласия суда (ст. 106–108 УПК РФ). Профессор С.А. Шейфер также полагал, что «доказательства, согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, могут быть получены в результате не только следственных, но и иных процессуальных действий» [11. С. 122]. В контексте указанного следует согласиться с О.И. Андреевой в том, что органам предварительного расследования в силу публичности уголовного судопроизводства обеспечивается prerogative в уголовно-процессуальном доказывании [12. С. 17].

Анализируя деятельность следователя по собиранию доказательств, следует акцентировать внимание на недопущение указанным субъектом нарушений требований уголовно-процессуального закона, закрепленных ст. 75 УПК РФ. Обратное влечет недопустимость полученных доказательств, которые не могут быть использованы для проверки других доказательств и не могут быть положены в основу итогового решения суда.

В развитие указанного для оценки процессуальной деятельности следователя при собирании им доказательств научный интерес представляет мнение С.Н. Хорьякова [13. С. 106], уточняющего в данном аспекте формы проявления процессуальной самостоятельности рассматриваемого субъекта:

1) самостоятельно принимать решение о производстве следственного или иного процессуального

действия, за исключением случаев, требующих судебного решения и согласия руководителя следственного органа;

2) самостоятельно устанавливать очередность следственных и иных процессуальных действий;

3) самостоятельно определять момент производства следственного и иного процессуального действия;

4) самостоятельно устанавливать круг участников следственного и иного процессуального действия;

5) самостоятельно определять тактические приемы производства следственного и иного процессуального действия;

6) самостоятельно определять сведения, полученные в ходе производства следственного и иного процессуального действия, подлежащие фиксации в протоколе.

Развивая теоретические суждения о процессуальной самостоятельности следователя в контексте осуществляемого им уголовно-процессуального доказывания, необходимо подчеркнуть, что в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ следователь наделяется правом самостоятельно признавать доказательства недопустимыми либо по собственной инициативе, либо по ходатайству подозреваемого, обвиняемого. Но, как верно утверждала Л.Т. Ульянова, такой порядок признания доказательства недопустимым является несовершенным, поскольку не только не предусматривает вынесения следователем соответствующего процессуального решения, но и свидетельствует о широких пределах собственного усмотрения следователя, который и нарушил закон [14. С. 40]. Схожая ситуация с разрешением ходатайства, характеризующаяся необоснованно широким усмотрением властных субъектов при принятии ими решения – судьями, которым подсудимым был заявлен отвод, стала предметом рассмотрения ЕСПЧ (постановление от 9 января 2018 г. «Ревтюк против России»). ЕСПЧ в таком порядке разрешения ходатайства усмотрел нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 4 ст. 5).

Учитывая, что правовые позиции ЕСПЧ являются составной частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), включающей правовое регулирование уголовного судопроизводства, то необходимым представляется изменение указанного порядка подачи и разрешения ходатайства о признании доказательства недопустимым – через руководителя следственного органа, который и разрешает данное ходатайство. Это позволит не только исключить отдельные нарушения конвенциональных прав человека в сфере доказывания по уголовным делам, осуществляемого следователем, но и снизить число обращений невластных участников уголовного судопроизводства в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, в защиту своих прав и законных интересов. На протяжении последних пяти лет количество таких обращений остается стабильно высоким.

Самостоятельным элементом процесса доказывания является проверка доказательств (ст. 87 УПК РФ). В теории уголовно-процессуального доказывания выделяются такие способы проверки доказательств, как сопоставление полученных доказательств между со-

бой и исключение одного из них в случае несоответствия между собой, использование логических приемов, производство следственных и иных процессуальных действий и др.

Следует подчеркнуть, что и при собирании доказательств, и в ходе их проверки особо проявляется ограничение процессуальной самостоятельности следователя, что продолжает оставаться актуальным предметом научных дискуссий как ученых, так и практиков (А.П. Гуляев, Б.Я. Гаврилов, С.Ф. Шумилин). Конституционный Суд РФ также подтвердил, что следователь обладает процессуальной самостоятельностью при определении хода расследования, принятии решений о производстве следственных и иных процессуальных действий. При этом Конституционный Суд РФ уточнил пределы такой самостоятельности следователя: если не требуется решения суда или согласия руководителя следственного органа (п. 16 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2020 г., п. 5 Описательно-мотивировочной части Определения от 14 января 2002 г. № 4-О).

Применительно к ограничению процессуальной самостоятельности следователя – необходимость получения решения суда – следует признать его обоснованность, поскольку судебное решение требуется в процессуальных ситуациях, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан. Так, согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ только по решению суда допускается производство обыска, выемки в жилище, осмотр жилища в отсутствие согласия проживающих в нем лиц, осуществление контроля переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. В ст. 106–108 УПК РФ закрепляется порядок избрания мер пресечения, применение которых влечет ограничение прав лица на свободу, личную неприкосновенность, нарушение личной и семейной тайны, частной собственности – с согласия суда. Гарантом соблюдения таких прав выступает Конституция РФ (ст. 23, 25, 35, 36). Их ценность для государства неоднократно подчеркивалась Верховным Судом РФ в соответствующих постановлениях Пленума (ППВС от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» и др.). В частности, Верховный Суд РФ разъяснил правоприменителю, что право на свободу является основополагающим правом человека, а ограничения неотъемлемых прав и свобод человека допустимы лишь для защиты конституционно значимых ценностей при условии соответствия такого ограничения требованию справедливости. Схожую позицию в своих решениях высказали ЕСПЧ (постановления ЕСПЧ

от 15.10.2015 «Белозоров против России и Украины», п. 101, 112, 113 – относительно права на свободу и личную неприкосновенность; от 07.05.2002 «Бурдов против России», п. 39–41 – о защите собственности и др.).

Вместе с тем сложно согласиться с позицией российского законодателя и Конституционного Суда РФ о необходимости в других случаях ограничивать право следователя самостоятельно определять ход и содержание процесса доказывания и связанного с ним принятия процессуальных решений о производстве следственных и иных процессуальных действий. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 165 УПК РФ следователь в ходе собирания и проверки доказательств по уголовному делу не может осуществлять следственные действия, ограничивающие основополагающие права человека, без согласия руководителя следственного органа. Такое согласие требуется следователю при обращении в суд с целью избрания мер пресечения в виде залога (ч. 2 ст. 106 УПК РФ), запрета определенных действий (ч. 2 ст. 105.1 УПК РФ), домашнего ареста (ч. 3 ст. 107 УПК РФ), заключения под стражу (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) для недопущения уничтожения подозреваемым, обвиняемым доказательств по уголовному делу, а также для получения новых доказательств в ходе судебного заседания по рассмотрению соответствующего ходатайства следователя (ч. 4, 6 ст. 108 УПК РФ). В этом случае следует констатировать рассогласованность в правовом положении следователя. С одной стороны, законодатель возлагает на него всю полноту процессуальной ответственности за качество расследования преступления, соблюдение законности и обеспечения разумного срока производства по уголовному делу. На данный факт в своем диссертационном исследовании указывает и С.В. Красильников [15]. С другой стороны, декларируя самостоятельность следователя при производстве по уголовному делу (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), законодатель лишает его права самостоятельно определять потребность в производстве конкретного следственного и иного процессуального действия, момент, когда такое действие целесообразно осуществлять. В конечном счете такие ограничения правомочий следователя негативно сказываются на возможности своевременного обнаружения и фиксации следователем следов преступления, не допуская их утрату, видоизменение и др., обеспечение полноты установления и всесторонности исследования фактических обстоятельств по уголовному делу.

Необходимо подчеркнуть, что согласно Уставу уголовного судопроизводства (УУС) следователь не испытывал такой процессуальной «опеки» при принятии процессуальных решений. Статья 264 УУС устанавливала, что следователь самостоятельно принимает все меры для производства следствия, за исключением действий, влекущих ущемление основных прав человека. В последнем случае следователем необходимо было получить решение суда (например, для наложения запрета или ареста на имущество обвиняемого), предварительно не согласовывая свое обращение в суд с прокурором (ст. 268 УУС).

Профессор П.А. Лупинская критически относилась к процессуальному руководству уголовно-процес-

суальной деятельности следователя со стороны руководителя следственного органа (ранее – начальника следственного отдела). П.А. Лупинская считала, что следователь способен самостоятельно принимать законные и целесообразные процессуальные решения, правильно определять оценочные понятия в уголовно-процессуальном праве при формулировании указанных решений [16. С. 11, 19, 25; 17. С. 9–11].

Наряду с изложенным важным представляется акцентирование внимания на тот факт, что приведенные и другие законодательные установления (п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 2 ст. 106, ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 185, ч. 6 ст. 220 и др. УПК РФ) не согласуются с положениями Концепции в части, касающейся роли руководителя следственного подразделения. Такая роль, как указано в данной Концепции, должна заключаться в организации деятельности подчиненных ему следователей, ресурсного и методического обеспечения досудебного производства, начальствующего над техническим персоналом и не имеющего право вмешаться в процессуальную деятельность следователя [18. С. 65–66, 91]. В развитие указанного уточним, что обязанности руководителя следственного органа должны ограничиваться заведением контрольного производства по уголовному делу, что обеспечивает соблюдение следователем законности и обоснованности расследования многоэпизодного уголовного дела, осуществлением контроля за своевременным направлением прокурору копии процессуальных документов и уведомлений в случаях, предусмотренных УПК РФ, заслушиванием подчиненных следователей о ходе расследования в целях обеспечения разумного срока предварительного следствия, обсуждением вопросов взаимодействия следователя с оперативным подразделением органа дознания для обеспечения сохранности имеющихся и получения новых доказательств по уголовному делу и др. Между тем участник уголовного процесса – начальник следственного отдела (в период действия УПК РСФСР 1960 г.), позже – начальник следственного органа не утратил своего процессуального положения. Тем самым, полагаем, нивелируется институт процессуальной самостоятельности следователя, который был заложен в российском уголовном процессе Уставом уголовного судопроизводства. В подтверждение указанного уместно привести точку зрения С.А. Табакова о том, что руководитель следственного органа способен на законном основании повлиять на любую ситуацию, возникающую в ходе предварительного следствия [19. С. 18], в том числе при установлении обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Процессуальным средством преодоления указанного влияния руководителя следственного органа можно рассматривать институт обжалования следователем указаний руководителя следственного органа, данных в письменной форме и являющихся обязательными для исполнения следователем (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Верной представляется позиция А.О. Бекетова о том, что реализация руководителем следственного органа широкого круга полномочий по всестороннему контролю за процессуальной деятельностью следователя в ряде случаев может затрагивать область

внутреннего убеждения следователя, ведущего производство по уголовному делу, вызывать у последнего определенные возражения [20. С. 101]. Однако такой процессуальный порядок обжалования не приостанавливает их исполнения за некоторым исключением (например, указания руководителя следственного органа, касающиеся избрания меры пресечения, квалификации преступления), что снижает потенциал указанного института. А.Н. Огородов также подчеркнул неэффективность обжалования следователем решений руководителя следственного органа об отказе в даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуального действия или об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры процессуального принуждения. В качестве обоснования указанный автор приводит такой аргумент, как чрезмерная длительность принятия вышестоящим руководителем следственного органа решения по жалобе следователя, приводящая к наступлению негативных последствий (сокрытие лица из жилища, где требовалось проведение обыска и др.) [21. С. 178].

Указанное позволяет резюмировать: следователь не имеет процессуальной возможности отстаивать свои внутренние убеждения. Следует подчеркнуть, что П.А. Лупинская придавала особое значение формированию внутреннего убеждения правоприменителя. В частности, раскрывая механизм принятия процессуального решения, П.А. Лупинская делала акцент на социально-психологические и личностные факторы [22. С. 20–21], обуславливающие процесс формирования и содержание рассматриваемого убеждения, в том числе следователя.

Особенно негативное последствие отмеченного проявляется при оценке следователем доказательств по уголовному делу. Оценка доказательств – это мыслительная деятельность следователя на предмет установления относимости, достоверности, допустимости и достаточности доказательств по уголовному делу, осуществляемая им на основе закона и внутреннего убеждения, как гласят предписания ст. 17, 88 УПК РФ. Поскольку следователю достаточно часто приходится согласовывать выносимые им постановления с руководителем следственного органа, то возникает сомнение в том, что мнение руководителя следственного органа о конкретном процессуальном решении следователя не отразится на внутреннем убеждении следователя. Такая практика утверждения постановлений и согласований решений следователя свидетельствует о принижении значения внутреннего убеждения следователя.

Изложенное свидетельствует о необходимости придания в законодательном порядке следователю большей самостоятельности как в процессе доказывания, так и при принятии им процессуальных решений. Для этого следует исключить процессуальную обязанность следователя согласовывать с руководителем следственного органа свое решение о производстве следственных действий, требующих согласия суда. Институт согласования таких решений следователем подлежит замене на институт уведомления.

Как необоснованную следует расценивать позицию отдельных ученых о том, что если руководитель

следственного органа не дает согласие следователю на производство указанных действий, то за следователем надлежит сохранить право обращения в суд. В таком случае усматривается необходимость производства действий, не имеющих процессуальной перспективы, но приводящих к необоснованной загруженности как следователя, так и руководителя следственного органа.

В качестве теоретического обоснования верности вносимого нами предложения следует обратиться к положениям УУС, который наделил прокурора правом давать следователю указание об аресте обвиняемого, что в условиях действия УПК РФ свойственно руководителю следственного органа. Согласно ст. 285 УУС следователь, не исполняя обозначенного указания прокурора, мог обратиться в суд со своими доводами.

В развитие указанного научный и практический интерес представляет российский опыт правового регулирования процессуального порядка производства следователем следственного действия – контроль и запись переговоров. Данный порядок обязывал следователя получать судебное решение. Предварительного согласования такого процессуального решения с прокурором, до 2007 г. выполнявшего в большей степени процессуальные функции руководителя следственного органа, от следователя не требовалось. Как утверждал профессор Б.Я. Гаврилов [23. С. 196], серьезных нареканий со стороны суда и надзирающих прокуроров в течение полутора лет действия данной уголовно-процессуальной нормы (ст. 174.1 УПК РСФСР), дополнившей УПК РСФСР в связи с принятием Федерального закона от 20.03.2001 № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод», это не вызывало.

О необходимости изменения процессуального положения следователя в уголовном процессе свидетельствуют и результаты проведенного нами в 10 субъектах Российской Федерации эмпирического исследования. В частности, из опрошенных следователей порядка 30% удовлетворены состоянием процессуальной самостоятельности. Около 60% следователей не в полной мере удовлетворены процессуальным положением ввиду необходимости частого согласования с руководителем следственного органа производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений. 10% следователей указали на факты постоянного получения от руководителя следственного органа указаний в ходе расследования уголовного дела, что не позволяет им в полной мере самостоятельно осуществлять процессуальную деятельность по доказыванию и принятию процессуальных решений.

Раскрывая проблему самостоятельного принятия следователем процессуальных решений (исходя из внутреннего убеждения), следует отметить, что научный интерес представляет предложение А.Н. Огородова о введении в уголовное судопроизводство института вступления в законную силу процессуальных решений следователя [21. С. 127]. Предложение нацелено на расширение процессуальной

самостоятельности следователя, повышение статуса принимаемых им процессуальных решений, оптимизации института обжалования процессуальных решений следователя. Сложно разделить данную точку зрения, поскольку реализация указанного института на стадии предварительного расследования выступит дополнительным обстоятельством, приводящим к увеличению срока досудебного производства. А он и так сегодня вызывает неудовлетворенность невластных участников уголовного процесса ввиду длительности, о чем свидетельствует анализ практики судебного обжалования, в том числе и в ЕСПЧ.

В заключение изложения вопроса о следователе как субъекте доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном процессе следует сформулировать ряд выводов.

1. Отнесение следователя к стороне обвинения не означает отсутствие у него процессуальной обязанности собирать доказательства, оправдывающие лицо, которому инкриминируется совершение преступления.

2. Следователь утратил свое процессуальное положение в механизме разрешения уголовно-правового спора, изначально определенного Уставом уголовного судопроизводства. Сужение его процессуальной самостоятельности в процессе доказывания препятствует более полному достижению назначения уголовного судопроизводства. При этом процессуальную ответственность за правильное и в разумный срок разрешение обозначенного спора несет главным образом следователь, в чем усматривается несоответствие его правового положения потребности обеспечения публичных интересов в уголовно-процессуальной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальницкий В.В., Сальникова Т.И. Поддержание дознавателем (следователем) государственного обвинения: недолгая судьба одной нормы и ее неутраченный смысл // Законодательство и практика. 2020. № 1.
2. Журавлев А.В. Следователь как субъект процессуального руководства расследованием // Актуальные проблемы современного уголовного процесса : межвуз. сб. науч. статей / под ред. В.А. Лазаревой. Самара, 2008.
3. Авилов А.В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
4. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
5. Рахунов Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М., 1954.
6. Вышинский А.Я. Итоги второй сессии Верховного Совета СССР // Социалистическая законность. 1938. № 9.
7. Петрухин И.Л., Куцова Э.Ф. О концепции уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 12.
8. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3.
9. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438.
10. Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальное познание и его современная реальность // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28, вып. 1.
11. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. 2015. № 10.
12. Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского гос. ун-та / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2020.
13. Хорьяков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
14. Ульянина Л.Т. Следователь – субъект доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2.
15. Красильников С.В. Процессуальная ответственность и ее реализация : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
16. Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972.
17. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательное регулирование и практика. М., 2006.
18. Концепция судебной реформы в РСФСР. М., 1992.
19. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
20. Бекетов А.О. Руководитель следственного органа как субъект отношений обжалования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.
21. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
22. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976.
23. Гаврилов Б.Я. Мониторинг УПК РФ в системе Министерства внутренних дел РФ // Уроки реформы уголовного правосудия в России. М., 2006.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2021 г.

The Investigator as a Subject of Proving and Making Procedural Decisions in Criminal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 69–75.

DOI: 10.17223/15617793/469/9

Olga A. Malysheva, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: moa_0510@mail.ru

Keywords: investigator; criminal procedure evidence; procedural decision; procedural independence of the investigator; ECHR.

The object of the research was the optimality of the legal position of the investigator in criminal proceedings. It is established that the assignment of the investigator to the prosecution by the law eliminates their duty to fully, comprehensively and objectively investigate the actual circumstances of the criminal case. The situation is aggravated by the unjustified restriction of the investigator's right to independently make a number of significant procedural decisions during the preliminary investigation. This prevents the investigator from forming a high-quality evidence base in a criminal case in a timely manner, which violates the person's right to access justice within a reasonable time. The author foregrounded the relationship between the legal position of the investigator in criminal proceedings and the evidentiary focus of their activities, refined the ratio of the volume of the procedural independence of the investigator and the limits of their discretion when gathering evidence, established cases of an unjustified restriction of the right of the investigator to independently determine the course and content of the process of proof and the associated decision-making on the investigative and other procedural actions, and argued the necessity of replacement of the institution of

approval of the investigator's individual decisions by the institution of notification of the head of the investigative body. The research uses general scientific methods of cognition: formal-logical, comparative-legal, analysis, synthesis, as well as specific scientific methods: questionnaires, conversations, expert assessments. The findings of the study the author conducted in 10 constituent entities of the Russian Federation (Republic of Bashkortostan, Krasnodar, Lipetsk, Moscow, Voronezh, Ryazan, Samara, Tyumen Oblasts, etc.) in 2015–2019 are based on the opinions of more than 300 investigators in their questionnaires and interviews, the analysis of materials of criminal cases on crimes investigated by the investigators, the generalization of the data of the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the RF Prosecutor General's Office, and research on this issue. The author comes to the following conclusions. 1. Attributing the investigator to the prosecution does not mean that they do not have a procedural obligation to collect evidence that justifies the person who is charged with committing a crime. 2. The investigator has lost their procedural position in the mechanism for resolving criminal-legal disputes, as defined by the Statute of Criminal Proceedings. The narrowing of the investigator's procedural independence in the process of proof hinders the full achievement of the goals of criminal proceedings. At the same time, the investigator mainly bears the procedural responsibility for a correct and reasonable resolution of a specified dispute, which is seen as a discrepancy between the investigator's legal position and the need to ensure public interests in the criminal procedure sphere.

REFERENCES

1. Kal'nitskiy, V.V. & Sal'nikova, T.I. (2020) Interrogator's (investigator's) support of the state prosecution: a brief fate of one norm and its retained meaning. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 1. (In Russian).
2. Zhuravlev, A.V. (2008) Sledovatel' kak sub'ekt protsessual'nogo rukovodstva rassledovaniem [Investigator as a subject of procedural investigation management]. In: Lazareva, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo ugovolnogo protsesssa* [Topical issues of modern criminal process]. Samara: Samara State University.
3. Avilov, A.V. (2011) *Sub'ekty obyazannosti dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve* [Subjects of the duty of proof in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
4. Strogovich, M.S. (1951) *Ugovolnoe presледovanie v sovetskom ugovolnom protsesse* [Criminal Prosecution in the Soviet Criminal Process]. Moscow: USSR AS.
5. Rakhunov, R.D. (1954) *Vozbuzhdenie ugovolnogo dela v sovetskom ugovolnom protsesse* [Initiation of Criminal Proceedings in the Soviet Criminal Process]. Moscow: Gosyurizdat.
6. Vyshinskiy, A.Ya. (1938) Itogi vtoroy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR [Results of the second session of the Supreme Soviet of the USSR]. *Sotsialisticheskaya zakonost'*. 9.
7. Petrukhin, I.L. & Kutsova, E.F. (1992) O kontseptsii ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [On the concept of criminal procedural legislation of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 12.
8. Voskobitova, L.A. (2014) Obvinenie ili obvinitel'nyy uklon [Accusation or accusatory bias]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 3. pp. 455–462.
9. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2019) A Court's Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 194–200. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/26
10. Azarov, V.A. & Boyarskaya, A.V. (2018) Criminal procedural cognition and its modern orientation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 1 (28). pp. 73–80. (In Russian).
11. Sheyfer, S.A. (2015) Investigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russica*. 10. pp. 115–127. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127
12. Andreeva, O.I. (2020) [On the issue of prospects for the development of the criminal process in the conditions of digitalization of public relations]. *Sudebnaya reforma v sovremennoy Rossii: rezul'taty, problemy i perspektivy* [Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar. 27 March 2020. Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
13. Khor'yakov, S.N. (2006) *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya* [Procedural independence of the investigator]. Law Cand. Diss. Moscow.
14. Ul'yanina, L.T. (2012) Investigator – the subject of proof in criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 38–41. (In Russian).
15. Krasil'nikov, S.V. (2019) *Protsessual'naya otvetstvennost' i ee realizatsiya* [Procedural responsibility and its implementation]. Law Cand. Diss. Moscow.
16. Lupinskaya, P.A. (1972) *Zakonnost' i obosnovannost' resheniy v ugovolnom sudoproizvodstve* [Lawfulness and Validity of Decisions in Criminal Proceedings]. Moscow: VYuZL.
17. Lupinskaya, P.A. (2006) *Resheniya v ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'noe regulirovanie i praktika* [Decisions in Criminal Justice: Theory, legislative regulation and practice]. Moscow: Yurist.
18. Zolotukhin, B.A. (ed.) (1992) *Kontseptsiya sudebnoy reformy v RSFSR* [The Concept of Judicial Reform in the Russian Federation]. Moscow: Respublika.
19. Tabakov, S.A. (2009) *Vedomstvennyy protsessual'nyy kontrol' za deyatel'nost'yu sledovateley i doznivateley organov vnutrennikh del* [Departmental procedural supervision of the investigators and investigators of the internal affairs bodies]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
20. Beketov, A.O. (2017) *Rukovoditel' sledstvennogo organa kak sub'ekt otnosheniy obzhalovaniya* [Head of the investigative body as a subject of appeal relations]. Law Cand. Diss. Omsk.
21. Ogorodov, A.N. (2018) *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya v ugovolnom sudoproizvodstve* [Procedural independence of the investigator in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
22. Lupinskaya, P.A. (1976) *Resheniya v ugovolnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержanie i formy* [Decisions in Criminal Proceedings. Their types, content and forms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
23. Gavrilov, B.Ya. (2006) Monitoring UPK RF v sisteme Ministerstva vnutrennikh del RF [Monitoring of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. In: Lebedev, A.E. & Mizulina, E.B. (eds) *Uroki reformy ugovolnogo pravosudiya v Rossii* [Lessons of Criminal Justice Reform in Russia]. Moscow: Norma.

Received: 01 May 2021

В.И. Селиверстов, Ф.В. Грушин, Э.В. Лядов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Рассматриваются вопросы применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Исследуются в ретроспективе изменения, внесенные законодателем в регламентацию данного института и их влияние на практику его реализации. Предлагается проработать идею установления балльной системы предоставления УДО, а также расширить применение института условно-досрочного освобождения к таким альтернативным лишению свободы наказаниям, как ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения по военной службе и обязательные работы.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; уголовно-исполнительная политика; условно-досрочное освобождение; лишение свободы; уголовное наказание; наказания, альтернативные лишению свободы.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (УДО) – межотраслевой институт права, который регулируется нормами уголовного и уголовно-исполнительного права. Отдельные нормы, относящиеся к рассматриваемому институту, содержатся и в других отраслях права, например, норма, устанавливающая, что УДО относится к вопросам, подлежащим рассмотрению судом при исполнении приговора, содержится в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 397).

На всем протяжении своего развития институт УДО в уголовном праве не раз усовершенствовался. Можно констатировать, что ни одна статья Общей части УК РФ не подвергалась таким частым корректировкам, как ст. 79 УК РФ: с момента принятия кодекса в нее были внесены изменения и дополнения тринадцатью федеральными законами. Происходило это потому, что институт УДО находится в своеобразной «розе ветров» уголовно-правовой политики. На него оказывают непосредственное влияние как общие тенденции гуманизации подхода к преступнику, так и тенденция дифференциации уголовной ответственности, выражающаяся в ужесточении наказания для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления в сферах, подлежащих, по мнению субъектов принятия политических решений, приоритетной охране. Проанализировав весь спектр изменений и дополнений ст. 79 УК РФ, по направленности выражения тенденций в уголовно-правовой политике, их можно разделить на три группы. Первая включает изменения и дополнения, в которых выражается тенденция гуманизации политики по отношению к лицам, совершившим преступления. Вторая содержит изменения и дополнения, направленные на ужесточение уголовно-правовой политики в отношении осужденных, отбывающих наказание. Третья группа объединяет те изменения и дополнения, которые носят технический, отчасти процедурный характер, не определяющий тенденции развития уголовно-правовой политики при реализации УДО. Рассмотрим их в указанной последовательности.

Первая группа. Через пять лет после принятия УК РФ были существенно сокращены сроки, по отбытии которых осужденный мог претендовать на УДО (ФЗ № 25, 2001 г.). Небольшое послабление в части

реализации УДО также было и в 2011 г. – если ранее лица совершали преступления небольшой и средней тяжести, то суд должен был автоматически отменять УДО. После принятия соответствующего закона у суда появилась возможность в данных случаях принять решение либо о сохранении, либо об отмене УДО (ФЗ № 26, 2011 г.). В 2020 г. ст. 79 УК РФ была дополнена частью 3.1, в которой было установлено право отдельных категорий осужденных женского пола претендовать на УДО по отбытии одной четверти срока наказания (ФЗ № 260, 2020 г.). Следует подчеркнуть, что удельный вес женщин, которым было назначено наказание в виде лишения свободы до трех лет включительно, от общего количества осужденных женщин к лишению свободы ежегодно остается достаточно высоким. Так, анализируя статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ следует отметить, что, например, за последние 6 лет данная категория лиц составляла в 2014 г. 58,6%, 2015 г. – 57,1%, 2016 г. – 55,6%, 2017 г. – 56,2%, 2018 г. – 58,5%, 2019 г. – 60,6%, в первом полугодии 2020 г. – 60,9% [1]. Полагаем, что данная норма будет применяться редко, так как в местах лишения свободы беременных женщин и женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения, невелико.

В этой же группе следует указать на развитии института УДО в отношении несовершеннолетних. С момента принятия УК РФ ст. 93, предусматривающая особенности УДО для несовершеннолетних преступников, изменялась трижды и исключительно под влиянием тенденции гуманизации уголовной политики:

– в 2001 г. УДО по ст. 93 УК РФ стало возможным не только в отношении несовершеннолетних, но и в отношении взрослых, которые совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте (ФЗ № 25, 2001 г.);

– в 2003 г. лица, совершившие тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте, вместо половины срока должны были отбыть не менее одной трети срока наказания, чтобы претендовать на УДО (ФЗ № 162, 2003 г.);

– в 2020 г. ст. 93 УК РФ также была дополнена частью 2, в которой было установлено право отдельных категорий осужденных женского пола претендовать

на УДО по отбытии одной четверти срока наказания (ФЗ № 260, 2020 г.).

Вторая группа. В 2003 г. было усложнено освобождение для лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Было установлено, что УДО возможно только при отсутствии у осужденного злостных нарушений в течение предшествующих трех лет. Кроме того, была исключена возможность УДО для лиц, осужденных к исправительным работам, ограничению по военной службе и ограничению свободы (ФЗ № 162, 2003 г.).

В 2009 г. были увеличены сроки возможного УДО до трех четвертей срока наказания для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также за организацию преступного сообщества или участие в нем (ФЗ № 245, 2009 г.). В дальнейшем круг преступлений по данной норме неоднократно расширялся: были добавлены преступления, связанные с террористической деятельностью (ФЗ № 352, 2010 г.; ФЗ № 302, 2013 г.; ФЗ № 375, 2016 г.), а также тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ФЗ № 18, 2012 г.).

В 2012 г. была усложнена процедура УДО в отношении лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста (увеличен минимальный срок для предоставления УДО до четырех пятых и установлена обязательная судебно-психиатрическая экспертиза для осужденных за данные преступления). Кроме того, расширен круг критериев, при которых суд мог принять постановление об отмене УДО и исполнении оставшейся неотбытой части наказания (ФЗ № 14, 2012 г.).

В 2013 г. в результате политики, направленной на обеспечение прав жертв преступлений, в часть первую ст. 79 УК РФ впервые был внесен дополнительный обязательный критерий в виде возмещения вреда, причиненного преступлением, который необходимо учитывать суду при рассмотрении вопроса об УДО (ФЗ № 432, 2013 г.).

В 2014 г. на законодательном уровне были установлены различные критерии, которые необходимо учитывать суду при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО (ФЗ № 104, 2014 г.). При этом было допущено дублирование норм, так как один и тот же критерий (возмещение вреда, причиненного преступлением) стал содержаться и в п. 1 и в п. 4.1 ст. 79 УК РФ, что вряд ли обоснованно с точки зрения юридической техники.

Третья группа не столь многочисленна, поэтому укажем в качестве примера лишь на перенос из норм уголовно-исполнительного законодательства в ст. 79 УК РФ запрета УДО лица, совершившего в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление (ФЗ № 162, 2003 г.).

В отличие от уголовно-правовой политики несколько в ином ключе развивается уголовно-исполнительная политика. Во-первых, изменений процедуры УДО (по сравнению с уголовным законо-

дательством) было не так много. Всего было принято восемь законов, которые внесли изменения в ст. 175 УИК РФ, три из них в большей степени носили технический уточняющий характер и не меняли процедуры УДО. Во-вторых, из восьми законов лишь три в той или иной мере содержали изменения и дополнения, которые усложняли процедуру УДО и тем самым свидетельствовали об ужесточении уголовно-исполнительной политики применительно к осужденным.

Так, в частности, в 2012 г. была усложнена процедура УДО в отношении лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Во-первых, в характеристике на осужденного стало необходимым указывать данные о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера и его личном отношении к лечению. Во-вторых, одновременно с ходатайством в суд стало необходимым направление заключения лечащего врача осужденного (ФЗ № 14, 2012 г.). В 2013 г. увеличен срок (с 10 до 15 дней) подготовки администрацией учреждения характеристики на осужденного, ходатайствующего об УДО (ФЗ № 432, 2013 г.). Последнее изменение, усложнившее процедуру предоставления УДО, обязывало администрацию учреждения, исполняющего наказание, при наличии в личном деле осужденного копии определения (постановления) суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя, направлять в суд копии этих документов, а также сообщать сведения о месте жительства потерпевшего или его законного представителя и иную информацию, обеспечивающую их своевременное извещение. Кроме того, в день освобождения осужденного по УДО администрация должна направлять соответствующее уведомление потерпевшему или его законному представителю при наличии в личном деле осужденного такого решения суда (ФЗ № 62, 2015 г.).

Законов, смягчающих уголовно-исполнительную политику в рассматриваемой сфере, было принято два, и они существенно повлияли на процедуру УДО. В 2001 г. была отменена норма, предусматривающая возможность УДО только осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях исправительных учреждений (несовершеннолетним – в льготных условиях). В результате представление к УДО стало возможным для всех осужденных, независимо от вида условий, в которых они содержались на тот момент (ФЗ № 25, 2001 г.).

Ключевые преобразования в институте произошли в 2003 г., когда были изменены субъекты запуска процедуры УДО. Если ранее только учреждения или органы, исполняющие наказание, могли вносить в суд представление об условно-досрочном освобождении осужденного, то после таким правом самостоятельно обращения в суд с ходатайством об УДО были наделены исключительно осужденный, его адвокат или законный представитель (ФЗ № 161, 2003 г.). Необходимо отметить, что изменение принято Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-П «По делу о проверке конституционно-

сти положений ст. 77(1), 77(2), ч. 1 и 10 ст. 175 УИК РФ и ст. 365 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» [2]. В целом положительно оценивая эти изменения, необходимо отметить, что одновременно была изменена и норма ст. 113 УИК, в которой из мер поощрения было исключено представление осужденного администрацией исправительного учреждения к УДО (ФЗ № 161, 2003 г.). В результате в настоящее время учреждения и органы не наделены правом самостоятельно направлять в суд представления об условно-досрочном освобождении осужденных в порядке их поощрения. Полагаем, что в целях стимулирования правопослушного поведения данную норму следовало бы сохранить, даже каким-то образом отделить представление администрации к УДО от

ходатайства самих осужденных. Например, администрация исправительного учреждения в отношении положительно характеризующихся осужденных могла бы выходить в суд с представлением об УДО несколько раньше, чем это установлено в отношении ходатайства, подаваемого осужденным или его законным представителем. Вопрос о сроках такого представления оставляем открытым для дальнейших дискуссий по данному предложению.

Происходили определенные изменения и в сфере реализации уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики, прежде всего в судебной практике УДО, которая четко следовала в «фарватере» колебаний политической линии государства в этом вопросе.

Рассмотрение судами ходатайств осужденных (законных представителей) об УДО (составлено по: [3])

Год	Окончено производством ходатайств об УДО (количество)	Удовлетворено ходатайств об УДО (количество)	Доля удовлетворенных ходатайств об УДО, %
2000	88 465	85 481	96,6
2001	138 320	131 484	95,1
2002	158 213	151 349	95,6
2003	166 645	154 693	92,8
2004	207 208	176 735	85,3
2005	173 144	133 420	77,1
2006	181 391	129 589	71,4
2007	194 176	132 880	68,4
2008	193 736	124 718	64,4
2009	205 473	121 616	59,2
2010	207 383	118 625	57,2
2011	190 822	107 543	56,4
2012	174 854	89 907	51,4
2013	142 128	65 237	45,9
2014	132 358	54 504	41,2
2015	117 197	46 331	39,5
2016	122 552	55 217	45,1
2017	112 581	53 802	47,8
2018	99 646	49 292	49,5
2019	92 545	45 387	49,0

Аналитические данные, приведенные в таблице, интересны динамикой применения УДО в сравнении с ходатайствами об освобождении, поданными осужденными. В 2000 г. процент удовлетворенных ходатайств осужденных к лишению свободы был максимальным за последние 20 лет – 96,6%. Затем этот процент начинает постепенно снижаться. Общее снижение за период с 2000 по 2019 г. составило 49,28%. Причиной этому являются, во-первых, постепенное снижение численности осужденных в местах лишения свободы, в результате снижается и потребность в УДО как средстве разгрузки исправительных учреждений. Во-вторых, низкая эффективность УДО, которая проявилась в виде большого процента рецидива среди этой категории освобожденных лиц.

Так, согласно результатам исследования, проведенного в 2006–2009 гг. учеными Юридического института Томского госуниверситета, в течение трех лет после освобождения освобожденные совершают новое преступление: в среднем 55% – из колонии общего режима и 29,6% – из колонии строгого режима (данные приведены на основе изучения рецидива при освобождении из колоний общего и строгого режимов Томской и Кемеровской областей) [4. С. 8–9; 5. С. 67, 87, 125–126]. Там же были зафиксированы заслуживающие внима-

ния различия в постпенитенциарном рецидиве: среди освобожденных из колонии общего режима условно-досрочно постпенитенциарный рецидив составил 68,5%, в связи с заменой лишения свободы более мягким видом наказания – 66,7%, а по отбытию срока наказания в виде лишения свободы – 46,8%. При освобождении из колонии строгого режима соответственно – 30,6, 47,1 и 20,5%. Эти цифры характеризуют тот период времени, когда удовлетворение ходатайств осужденных об УДО доходило до 75–80%.

Понимая, что УДО не оправдывает себя, суды стали постепенно снижать долю удовлетворенных ходатайств об УДО. В-третьих, сыграло свою роль и то, что, начиная с 2003 г., уже не администрация представляла осужденных к УДО, а сами осужденные или их законные представители выходили в суд с ходатайством. Своего пика снижение достигает в 2014 и 2015 гг. после внесения изменений и дополнений в УК РФ (ФЗ № 104, 2014 г.), предусмотревших в числе других новелл дополнительное условие, которое необходимо учитывать суду при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО, а именно – возмещение полностью или частично причиненного ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного в результате преступления.

Характеризуя динамику УДО в 2016–2019 гг., обращает на себя внимание то, что некоторое увеличение доли удовлетворенных ходатайств сопровождается уменьшением начиная с 2016 г. количества рассмотренных судами ходатайств осужденных об УДО. Например, в 2019 г. по сравнению с 2016 г. оно уменьшилось почти на одну пятую. В числе других факторов на востребованность среди осужденных возможности УДО влияет то, что по-прежнему более половины ходатайств осужденных об УДО по тем или иным причинам отклоняется [6. С. 63–66].

Анализируя судебную практику в сфере УДО, попытаемся дать прогностическую оценку изменения данной практики, которая может происходить в результате процессов, происходящих в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политике.

Так, будущие изменения в основаниях УДО и сроках его наступления, способные повлиять на судебную практику, возможны в отношении осужденных, совершивших некоторые наиболее опасные для государства и общества преступления. Однако эти новеллы, если они будут приняты, вряд ли повлияют на судебную практику применения УДО, поскольку останутся неизменными общие положения для данного вида досрочного освобождения. Не имеется достаточных оснований и для реализации предложений о полном запрете УДО для отдельных категорий осужденных (например, для неоднократно судимых осужденных [7. С. 47], осужденных за отдельные виды тяжких преступлений [8. С. 25], коррупционные преступления [9]), хотя в уголовное законодательство стран СНГ постепенно вводят такие ограничения. Например, Законом Республики Казахстан от 19.12.2020 г. № 384-VI предусмотрен запрет УДО для большей части лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления [10].

Как нам представляется, фактором, который повлияет на судебную практику УДО, может выступить динамика численности осужденных в местах лишения свободы.

Не является большим открытием, что УДО наряду с амнистиями использовалось как правовое средство разгрузки исправительных учреждений. Об этом явственно свидетельствуют данные вышеприведенной таблицы. В начале 2000-х гг. численность осужденных, отбывающих лишение свободы, была свыше миллиона человек, и предоставления к УДО удовлетворялись почти стопроцентно. В результате комплекса мер, а именно изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, применения широкомасштабных разгрузочных амнистий, расширения практики УДО произошло существенное сокращение «тюремного населения» в местах лишения свободы. Так, по сравнению с 2000 г. численность осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, сократилась почти в 2,4 раза и на 1 января 2021 г. составила 378 668 чел. (согласно официальным данным сайта ФСИН России). Это минимальная численность осужденных, отбывающих лишение свободы, за весь постсоветский период функционирования Российского государства. В настоящее время, а если эта тенденция будет продол-

жена, то и в будущем, разгрузочная роль УДО будет сведена к минимуму.

Из-за этого возникнет определенное торможение процесса УДО осужденных со стороны персонала исправительных учреждений. В данном случае будут сказываться чисто прагматические соображения, так как сокращение численности осужденных приводит к реорганизации уголовно-исполнительной системы в целом: закрытию исправительных учреждений, увольнению аттестованного и вольнонаемного персонала. Между тем исправительные учреждения нередко являются градообразующими в населенных пунктах, и их закрытие связано с определенными потерями не только для персонала, но и населения в целом. Мы все помним, какими социальными протестами, вплоть до перекрытия дорог, сопровождалась в 2015–2016 гг. реализация программы закрытия ста исправительных колоний.

Для такого «торможения» есть все правовые предпосылки. Уголовное законодательство предусматривает формальные и материальные основания для УДО. В качестве первого – отбытие осужденным необходимой части срока наказания, но не менее шести месяцев. В качестве второго выступает оценочное суждение в виде вывода суда о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания.

Оценочное суждение суда основывается на оценке поведения осужденного. Так, в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ установлено, что при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения.

При этом важнейшим показателем в оценке поведения осужденных являются допущенные нарушения режима отбывания наказания. Между тем УИК РФ и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений содержат достаточное число обязанностей и запретов для осужденных, за неисполнение которых при желании можно довольно часто объявлять осужденному взыскания. Этому способствует и будет в будущем в еще большей степени способствовать внедрение технических средств контроля за поведением осужденных, например, видеонаблюдения, электронных средств слежения (браслетов) и т.п. Современная судебная практика имеет примеры объявления довольно жестких мер взыскания (в виде водворения в штрафной изолятор либо изменения вида исправительного учреждения за курение в неотведенном для этого месте, незастегнутую пуговицу, смещение формы одежды, неряшливый внешний вид, дремоту в дневное время, сидя на табурете и т.п.), которые при массовом применении электронных средств наблюдения могут привести к тому, что большинство

осужденных к моменту возникновения права на УДО будут иметь десятки взысканий. Это фактически может закрыть осужденным возможность УДО.

Такая опасность реальна еще и потому, что нередко судьи при рассмотрении вопросов формально подходят к рассмотрению ходатайств осужденных об УДО, принимая решение исключительно исходя из мнения администрации исправительного учреждения. Все это приводит к обоснованной критике процедуры УДО правозащитниками и учеными [11; 12. С. 91; 13. С. 45–53; 14. С. 96–107].

Что же стоит предпринять в такой ситуации?

Представляется целесообразным постепенное снижение «веса» поведения осужденного в местах лишения свободы в числе критериев вывода суда о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания. Конечно, УДО является важным средством стимулирования правопослушного поведения осужденных во время отбывания наказания, однако не стоит это средство переоценивать. Иначе УДО будет направлено исключительно на обеспечение правопорядка в исправительных учреждениях и индифферентно по отношению к цели исправления осужденных. Поэтому, как нам представляется, наряду с взысканиями и поощрениями как показателями поведения во время отбывания наказания должна учитываться степень сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного, а именно:

а) наличие у лица, претендующего на УДО, постоянного места проживания после освобождения (на арендованной или собственной жилой площади, в реабилитационном центре субъекта РФ, в религиозном культовом учреждении, например в монастыре и т.д.);

б) возможность гарантированного трудоустройства, подтвержденного документами коммерческих и некоммерческих организаций и (или) органов местного самоуправления. В этом отношении мы солидарны с Д.А. Щербой, который предлагает наряду с поведением лица, представленного к условно-досрочному освобождению, также учитывать условия его жизни после освобождения [15. С. 14];

в) поддержание или восстановление духовной связи с семьей, детьми и близкими родственниками (заключение брака, переписка, телефонные разговоры, свидания и видеосвидания);

г) материальная поддержка осужденного семьей или близкими родственниками либо, наоборот, материальная поддержка осужденным семьи или близких родственников (получение и отправление денежных переводов, бандеролей, посылок и передач);

д) получение профессии (повышение квалификации), общего образования;

е) повышение своего культурного уровня, кругозора, раскрытие творческих способностей, которые могут стать после освобождения опорой правопослушного поведения;

ж) стремление к избавлению от вредных привычек и излечению от социально-опасных заболеваний (алкоголизма, наркомании, токсикомании, венерических заболеваний, педофилии, туберкулеза и психических расстройств);

з) надлежащий уход за ребенком осужденной женщиной в доме ребенка при исправительном учреждении и т.п.

Это именно те «поплавки», которые могут помочь осужденным, отбывающим лишение свободы, после досрочного освобождения закрепиться в обществе и не совершить нового преступления [16. С. 97–101].

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 имеется указание учитывать при УДО связи с родственниками в период отбывания наказания, однако оно касается только несовершеннолетних осужденных. Кроме того, этот критерий не раскрыт, и одного его явно недостаточно. Кроме того, оценка степени сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного должна проводиться и при решении вопроса об УДО взрослых осужденных, а не только несовершеннолетних. В последующем сохранение и (или) восстановление социально полезных связей осужденного должны быть внесены в законодательство в качестве одного из основных критериев доказанности вывода суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбытии назначенного наказания.

Не стоит отвергать и идею установления балльной системы предоставления УДО в случае достижения осужденным максимального количества установленных критериев.

В мире, по сути, имеется два направления развития УДО: первое, в котором у осужденного есть законный интерес на УДО, но окончательное решение зависит от усмотрения судьи; второе, в котором УДО рассматривается как право осужденного (при выполнении им установленных в законе критериев). Первое направление существует в России в настоящее время и основано на устоявшейся в отечественной правовой системе уголовной политике и судебной практике. Второе направление в последнее время все больше находит свое отражение на международном и отечественном уровнях. Например, в Рекомендациях Rec (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» в п. 22 говорится, что «критерии для условно-досрочного освобождения должны применяться таким образом, чтобы могли быть освобождены условно-досрочно все заключенные...». Крайним проявлением такой политики стала бы ситуация, при которой судьи были бы устранены из процедуры УДО. Так, бывший министр юстиции А. Коновалов высказывался в подобном ключе: «Не исключено, что в перспективе условно-досрочно будет автоматически освобождаться каждый осужденный, отвечающий определенным критериям» [17].

Складывающаяся уголовная политика не позволяет утверждать, что в ближайшее время судьи будут устранены из сферы УДО, вместе с тем полагаем, что возможно рассмотрение такого предложения, как установление балльной системы УДО, при которой осужденные в определенных случаях получали бы именно право на освобождение. Схожие предложения уже встречались в юридической науке [18. С. 12], однако до настоящего времени они не нашли своего воплощения в действующем законодательстве.

Например, возможно установить в законе критерии для УДО, в сумме дающие 100 баллов. При достижении максимального количества баллов осужденный сможет освобождаться автоматически. Если осужденный набрал, например, от 80 до 100 баллов, то решение об освобождении принимает суд. Естественно, что критерии должны быть очевидными и ясными. При этом должны быть критерии, которые «дают» баллы (отсутствие взысканий, укрепление позитивных социальных связей и пр.) и которые «забирают» баллы (получение взыскания и пр.). Также должны быть более значимые критерии, дающие большее количество баллов (возмещение вреда, причиненного преступлением и пр.), или менее значимые (выполнение норм выработки осужденным на производстве и пр.). Аналогично и с уменьшающими баллы критериями – совершение нового преступления в период УДО или наличие выговора за совершение правонарушения в период отбывания наказания должны учитываться по-разному.

В дальнейшем балльную систему возможно развить в отношении изменения условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Естественно, что количество критериев, их «стоимость», а также сама балльная система – предмет дальнейших дискуссий и отдельного самостоятельного научно-практического исследования.

Нуждается в переосмыслении решение законодателя об исключении УДО для лиц, отбывающих наказания, представляющие собой альтернативу лишению свободы.

Как уже отмечалось выше, до внесения изменений в ст. 79 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ часть 1 данной статьи предусматривала возможность применения института УДО и к лицам, отбывающим наказание в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы. Исключение возможности УДО для указанных лиц, на наш взгляд, необходимо считать негативным моментом, отрицательно сказывающимся на достижении как целей уголовного наказания, так и целей уголовно-исполнительного законодательства.

Анализируя практику применения рассматриваемого института, следует отметить, что в преобладающей своей массе условно-досрочное освобождение направлено на осужденных к лишению свободы. Что же касается применения условно-досрочного освобождения к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ, то численность лиц, снятых с учета ИЦ (УФИЦ) в отчетном периоде по данному основанию, составила: в 2017 г. – в абсолютных показателях 14 осужденных (2 из которых женщины), в 2018 г. – 193 осужденных (18 из которых женщины), в 2019 г. – 924 осужденных (87 из которых женщины) [19].

Следует подчеркнуть, что назначение уголовного наказания преследует не фискальную цель, конечной целью является исправление лица, совершившего преступление, возвращение в общество законопослушного гражданина. На наш взгляд, законодателю следовало бы пересмотреть вопрос о

возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде исправительных работ, в частности, в отношении лиц, имеющих основное место работы. Указанное изменение будет способствовать повышению эффективности применения уголовного наказания в виде исправительных работ. Необходимость возврата в законодательство нормы, регламентирующей условно-досрочное освобождение от отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ, отмечают и такие ученые, как В.Н. Орлов [20. С. 36] и Н.В. Ольховик [21. С. 57].

Думается, что в целях стимулирования правомерного поведения осужденных в отношении таких альтернативных лишению свободы наказаний, как ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения по военной службе и обязательные работы, также необходимо ввести институт УДО. Здесь мы вполне можем позаимствовать опыт стран СНГ, имеющих более расширенный перечень видов наказаний, при реализации которых возможно применение УДО. Например, согласно ст. 76 УК Республики Армения «лицо, отбывающее наказание в виде общественных работ, исправительных работ... содержания в дисциплинарном батальоне, может быть с его согласия освобождено условно-досрочно» [22]. В соответствии со ст. 76 УК Республики Азербайджан условно-досрочное освобождение возможно в отношении лиц, отбывающих наказания в виде исправительных работ, ограничения свободы, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части [23]. Ст. 90 УК Республики Беларусь закрепляет возможность применения института УДО к лицам, отбывающим такие альтернативные наказания, как наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения по военной службе и ограничения свободы [24].

О необходимости применения УДО, в частности, к осужденным к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основному наказанию говорил также Ю.М. Ткачевский. Он подчеркивал, что «это наказание является срочным, и цели, которые ставятся перед ним, могут быть решены в ряде случаев в более короткие сроки по сравнению с теми, которые определены судом» [25. С. 89].

Кроме того, о необходимости стимулирования правомерного поведения осужденных упоминается и в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, от 14 декабря 1990 г. (Токийские правила). Так, в п. 11.2 Токийских правил отмечается, что если применяемая мера оказала благоприятное воздействие на правонарушителя, то может предусматриваться досрочное прекращение действия применяемой меры [26]. В п. 27 Европейских правил в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, также указано, что «в

зависимости от результатов, достигнутых несовершеннолетними, компетентный орган... может сократить срок любого наказания или меры, смягчить условия или обязанности, связанные с ними, или отменить их» [27].

Таким образом, рассматриваемый институт УДО имеет крайне важное значение для достижения целей уголовного наказания, содержит большое количество дискуссионных норм и нуждается в дальнейшем анализе и развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Форма 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2014–2019 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2021).
2. По делу о проверке конституционности положений статей 77(1), 77(2), части первой и десятой статьи 175 УИК РФ и статьи 365 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 ноября 2002 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 49. Ст. 4922.
3. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 22 с.
5. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 165 с.
6. Князьков А.С. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 63–69.
7. Лебедевич Д. Данные о личности осужденного как основной вопрос при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении // Законность. 2009. № 5. С. 46–48.
8. Давыдова И.А., Коробова И.Н. К вопросу об эффективности института условно-досрочного освобождения // Ведомости УИС. 2017. № 12 (187). С. 20–25.
9. Почему своровавших сотни миллионов выпускают по УДО? // Аргументы и факты. 2021. 4 янв.
10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции: закон Республики Казахстан от 19 декабря 2020 г. № 384-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32025901&mode=p#pos=7;-56 (дата обращения: 20.02.2021).
11. Рекомендации по итогам Абрамкинских чтений-2020. URL: <http://www.prison.org/content/rekomendacii-po-itogam-abramkinskih-chteniy-2020> (дата обращения: 24.02.2021).
12. Ефремова И.А. Материальное основание условно-досрочного освобождения от наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 82–91.
13. Князьков А.С., Уткин В.А. Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 45–53.
14. Савельев Д.В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие. М. : Юрайт, 2020. 191 с.
15. Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 29 с.
16. Селиверстов В.И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2015. № 3. С. 97–101.
17. Корня А., Резник И. Условно-досрочное освобождение должно быть автоматическим, считает Минюст. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2010/12/17/dosrochno_bez_suda (дата обращения: 24.02.2021).
18. Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 22 с.
19. Форма статистической отчетности ФСИН России ФСИН-1 подраздел 15.1. «Сведения о деятельности исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры» за 2017–2019 гг. (документ опубликован не был).
20. Орлов В.Н. Исполнение и отбывание уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и исправительное воздействие на осужденных : лекция. М. : МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2011. 104 с.
21. Ольховик Н.В. Средства обеспечения непенитенциарного режима // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 1. С. 55–58.
22. Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#4a> (дата обращения: 20.02.2021).
23. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 20.02.2021).
24. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 20.02.2021).
25. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М. : Юридическая литература, 1970. 240 с.
26. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.02.2021).
27. Рекомендация CM/Rec (2008) 11 Комитета министров государствам – членам Совета Европы о Европейских правилах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера. Принята Комитетом министров 5 ноября 2008 г. на 1040-м заседании заместителей министров // Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Сборник документов Совета Европы / сост. и пер.: В.Б. Первозванский, Н.Б. Хуторская. М. : PRI, 2011. С. 77.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

The Criminal Law and Penal Policy in Relation to Parole

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 76–84.

DOI: 10.17223/15617793/469/10

Vyacheslav I. Seliverstov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vis_home@list.ru

Fedor V. Grushin, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: fedor062@yandex.ru

Eduard V. Lyadov, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: leve2000@yandex.ru

Keywords: criminal law policy; penal policy; parole; imprisonment; criminal punishment; sentences alternative to imprisonment.

The aim of this article was to develop proposals in relation to the conditional early release from serving a sentence (parole) based on the analysis of the development of the criminal law and penal enforcement policy of the Russian Federation. Throughout its

development, the institution of parole in criminal law has been improved more than once. This happened because the institution of parole is in a kind of a “wind rose” of the criminal law policy. The analysis of the changes and additions to Art. 79 of the Criminal Code of the Russian Federation showed that they can be divided into three groups according to the direction of the expression of trends in the criminal law policy. The first includes changes and additions that express the tendency to humanize the policy towards the perpetrators of crimes. The second one contains amendments and additions aimed at tightening the criminal law policy in relation to convicted persons serving sentences. The third group is changes and additions that are technical, partly procedural, in nature, which do not determine the trends in the development of the criminal law policy in the implementation of parole. In contrast to the criminal law policy, the penal enforcement policy is developing in a slightly different way. Firstly, there were not so many changes in the parole procedure compared to the criminal legislation. In total, eight laws were adopted that amended Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation, while three of them were more technical and did not change the procedure for parole. Secondly, out of eight of these laws, only three, in one way or another, contained changes and additions that complicated the parole procedure and thus indicated a tightening of the penal enforcement policy in relation to convicted persons in this area. It seems advisable to gradually reduce the significance of the behavior of a convicted person in places of deprivation of liberty among the criteria for the court's conclusion that a person does not need to serve a full sentence for correction. Along with punishments and rewards as indicators of behavior during serving a sentence, the degree of preservation and (or) restoration of socially useful connections of the convicted person should be taken into account. It is not necessary to reject the idea of establishing a score system for granting parole if the convicted person reaches the maximum number of the established criteria. Naturally, the number of the criteria, their “cost”, as well as the “score system” itself are topics for further discussions and a separate independent theoretical and practical study. In order to encourage the lawful behavior of convicts in relation to such alternative punishments as restriction of liberty, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, restrictions on military service and mandatory work, it is also necessary to introduce the institution of parole.

REFERENCES

1. Cdep.ru. (n.d.) *Forma 10.1 “Otchet o chisle privilechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya” za 2014–2019 gg.* [Form 10.1 “Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment” for 2014–2019]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 20.02.2021).
2. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* (2002) Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy statey 77(1), 77(2), chasti pervoy i desyatoy stat'i 175 UIK RF i stat'i 365 UPK RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina A.A. Kizimova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 26 noyabrya 2002 g. № 16-P [On verifying the constitutionality of the provisions of Articles 77 (1), 77 (2), Parts One and Ten of Article 175 of the Penal Code of the Russian Federation and Article 365 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen A.A. Kizimov: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2002, No. 16-P]. 49. Art. 4922.
3. Cdep.ru. (n.d.) *Dannye sudebnoy statistiki Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Data of judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 20.02.2021).
4. Gorodnyanskaya, V.V. (2011) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary relapse]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
5. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Pestpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary relapse]. Moscow: Yurilitinform.
6. Knyaz'kov, A.S. (2015) Release on Parole: Problems and Tendencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (16), pp. 63–69. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/16/8
7. Lebedevich, D. (2009) *Dannye o lichnosti osuzhdennogo kak osnovnoy vopros pri rassmotrenii khodataystv ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii* [Data on the personality of the convict as the main issue when considering applications for parole]. *Zakonnost'*. 5. pp. 46–48.
8. Davydova, I.A. & Korobova, I.N. (2017) K voprosu ob effektivnosti instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [On the effectiveness of the institution of parole]. *Vedomosti UIS.* 12 (187), pp. 20–25.
9. *Argumenty i fakty.* (2021) Pochemu svorovavshikh sotni millionov vypuskayut po UDO? [Why are people who stole hundreds of millions released on parole?]. 4 January.
10. Online.zakon.kz. (2020) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam usileniya zashchity prav grazhdan v ugolovnom protsesse i protivodeystviya korruptsii: zakon Respubliki Kazakhstan ot 19 dekabrya 2020 g. № 384-VI* [On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on strengthening the protection of citizens' rights in criminal proceedings and combating corruption: Law of the Republic of Kazakhstan dated December 19, 2020, No. 384-VI]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32025901&mode=p&pos=7;-56 (Accessed: 20.02.2021).
11. Prison.org. (2020) *Rekomendatsii po itogam Abramkinskikh chteniy–2020* [Recommendations based on the results of the Abramkin Readings–2020]. [Online] Available from: <http://www.prison.org/content/rekomendacii-po-itogam-abramkinskih-chteniy-2020> (Accessed: 24.02.2021).
12. Efremova, I.A. (2018) The Material Basis for the Early Conditional Release from Punishment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology.* 12 (1), pp. 82–91. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).82-91
13. Knyaz'kov, A.S. & Utkin, V.A. (2015) Release on Parole in Case of Life Imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 4 (18), pp. 45–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/18/6
14. Savel'ev, D.V. (2020) *Osnovaniya i usloviya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya: ucheb. posobie* [Grounds and conditions for release from criminal liability and punishment: textbook]. Moscow: Yurayt.
15. Shcherba, D.A. (2007) *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otyvaniya nakazaniya: voprosy teorii i praktiki* [Parole: theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok.
16. Seliverstov, V.I. (2015) *Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya* [Criminal law and penal problems of parole]. *Ugolovnoe pravo.* 3. pp. 97–101.
17. Kornya, A. & Reznik, I. (2010) *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie dolzhno byt' avtomaticheskim, schitaet Minyust* [Parole should be automatic, the Ministry of Justice believes]. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2010/12/17/dosrochno_bez_suda (Accessed: 24.02.2021).
18. Sinichkin, A.A. (2003) *Otsenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Assessment of the degree of correction of those sentenced to imprisonment]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
19. Federal Penitentiary Service of Russia. (c. 2017) *Forma statisticheskoy otchetnosti FSIN Rossii FSIN-1 podrazdel 15.1. “Svedeniya o deyatelnosti ispravitel'nykh tsentrov i uchastkov, funktsioniruyushchikh kak ispravitel'nye tsentry” za 2017–2019 gg.* [The form of statistical reporting of the Federal Penitentiary Service of Russia FSIN-1 Subsection 15.1. “Information on the activities of correctional centers and sections functioning as correctional centers” for 2017–2019]. (Unpublished)
20. Orlov, V.N. (2011) *Ispolnenie i otyvanie ugolovnykh nakazaniy v vide obyazatel'nykh rabot, ispravitel'nykh rabot, ogranicheniya svobody i ispravitel'noe vozdeystvie na osuzhdennykh: lektsiya* [Execution and serving of criminal sentences in the form of compulsory labor, corrective labor, restriction of freedom and corrective influence on convicts: lecture]. Moscow: MCLA.

21. Ol'khovik, N.V. (2011) Sredstva obespecheniya nepenitentsiarnogo rezhima [Means of ensuring the non-penitentiary regime]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 1. pp. 55–58.
22. Parliament.am. (2003) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya* [Criminal Code of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#4a> (Accessed: 20.02.2021).
23. Online.zakon.kz. (2021) *Ugolovnyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki* [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (Accessed: 20.02.2021).
24. Pravo.by. (1999) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (Accessed: 20.02.2021).
25. Tkachevskiy, Yu.M. (1970) *Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya* [Release from serving punishment]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
26. UN. (1990) *Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy v otnoshenii mer, ne svyazannykh s tyuremnyim zaklyucheniem (Tokiyskie pravila)* [United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures. (The Tokyo Rules)]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (Accessed: 20.02.2021).
27. Pervozvansky, V.B. & Khutorskaya, N.B. (eds) (2011) Rekomendatsiya CM/Rec (2008) 11 Komiteta ministrov gosudarstvam – chlenam Soveta Evropy o Evropeyskikh pravilakh v otnoshenii nesovershennoletnikh pravonarushiteley, osuzhdennykh k nakazaniyam i meram ugodovno-pravovogo kharaktera. Prinyata Komitetom ministrov 5 noyabrya 2008 g. na 1040-m zasedanii zamestiteley ministrov [Recommendation CM / Rec (2008) 11 of the Committee of Ministers to member states of the Council of Europe on European rules for juvenile offenders sentenced to penalties and criminal measures. Adopted by the Committee of Ministers on November 5, 2008 at the 1040th meeting of the deputy ministers]. In: *Dokumenty Soveta Evropy, kasayushchiesya ispolneniya nakazaniy i inyykh mer ugodovno-pravovogo kharaktera, obrashcheniya s pravonarushitelyami i sodержaniya pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy: Sbornik dokumentov Soveta Evropy* [Council of Europe documents on the execution of sentences and other criminal law measures, the treatment of offenders and the detention of suspects and accused of committing crimes: Collection of documents of the Council of Europe]. Moscow: PRI.

Received: 17 May 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

Н.С. Виноградова

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СТРАНЫ

*Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-01138А
«Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».*

Рассмотрено влияние коммуникационного фактора на формирование образа России в сознании граждан в рамках факторной модели политического восприятия. Проанализированы коммуникационные модели, выявлены трансформации данных моделей с учетом развития сети Интернет. Представлено значение «веера» вымышленных образов. Материалом для анализа послужили некоторые теоретические подходы к восприятию, коммуникации и идентичности; сообщения на российских телевизионных каналах, радио, печатных изданиях, в социальных сетях.

Ключевые слова: образ страны; СМИ; коммуникативный фактор; идентичность; модели коммуникации; повестка дня.

Постановка проблемы. Образ страны, формируемый в сознании граждан, напрямую зависит от действий политических акторов и публикаций в СМИ, которые информируют об этих действиях. Действия политических акторов как внутри страны, так и за рубежом дают возможность формировать образ страны в сознании граждан, а сообщения СМИ, описывая событийный ряд и интерпретируя происходящее, оказывают влияние на восприятие страны. Современное восприятие гражданами образа страны во многом зависит от способов, методов подачи и интерпретации сообщений СМИ. При этом СМИ не являются единственным каналом формирования политических представлений у граждан. Развитие сети Интернет сформировало условия для распространения различных точек зрения, которые складываются в широкий «веер» образов, отражающийся в сознании граждан. Сама роль получателя также изменилась от пассивного слушателя получатель имеет возможность перейти к роли активного лидера мнений, который интерпретирует сообщение в соответствии со своей точкой зрения. Проблематика заключается в том, что существующее множество образов создают искажения, которые влияют на отношение гражданина к текущую политику. Возникает конфликт между транслируемой официальной точкой и интерпретациями. Это обуславливает необходимость научного осмысления проблемы коммуникационного разрыва и искажений в процессе формирования образа страны в сознании граждан.

Образ страны. Теоретико-методологической платформой исследования является *политико-психологический подход*, который позволяет анализировать роль СМИ в процессе формирования политических представлений у граждан. В зарубежной и отечественной политической психологии накоплен значительный пласт исследований по анализу образа страны в сознании граждан [1], а также о роли коммуникативного фактора в факторной модели восприятия [2].

В данном исследовании предметом является роль коммуникативного фактора в процессе формирования образа страны в сознании граждан, т.е. существую-

щие модели коммуникации расстраиваются в приложении к анализу образа страны.

Рассмотрим феномен и структуру образа страны. Образ – единица картины мира, результат целостного отражения внешнего объекта, его свойств, признаков, которые встраиваются в картину мира. Картина мира формируется на основе чувственного восприятия, последовательно складывающегося из ощущений, ценностей, установок, оценок, ожиданий в результате переработки информации, практической деятельности, рационального осмысления действительности. Политический образ состоит из отражения политической власти, личности лидера, политических институтов и проекции ожиданий субъекта восприятия, т.е. граждан [3. С. 26–27].

По мнению Д.А. Леонтьева, понятие «образ» не тождественно понятию «имидж»: «Как известно, слово “имидж” является английским эквивалентом русского слова “образ”. Имиджем я называю впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образом – то, которое формируется спонтанно. Образ можно конструировать специально и тогда он становится имиджем... Образ есть всегда, образ всегда можно диагностировать и описать – точно и разносторонне... Поэтому под образом мы будем понимать отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан. Между тем как под имиджем (или брендом) мы будем понимать специально сконструированное и растражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т.д.)» [4. С. 30–31].

Анализируя образ страны, необходимо определить еще один термин, а именно брендинг страны или брендинг территорий. Брендинг страны рассматривается как на локальном, так и на глобальном уровне. Существует большое количество моделей и подходов к анализу брендинга на уровне государства, в данном исследовании рассмотрим два подхода: модель капитала бренда государства К. Динни [5] и концепцию бренда на основе конкурентной идентичности С. Анхольта [6].

Капитал бренда государства, согласно концепции К. Динни, складывается из внутренних и внешних активов. Внутренние активы, в свою очередь, делятся на «врождённые» (иконография, ландшафт, культура) и «приобретённые» (внутренние встречные закупки, поддержка искусства, уровень лояльности). Во внешних активах К. Динни выделяет «активы, оцениваемые через опыт других людей» (восприятие имиджа страны, изображение страны в иностранной поп-культуре) и «распределённые активы» (послы национального бренда, диаспора, экспорт). Согласно данной модели, архитектура национального бренда включает три уровня: собственно зонтичный национальный бренд; определяемые им бренды в отдельных сферах (туризм, экспорт, внутренние инвестиции, политика и культура, привлечение квалифицированных специалистов, спорт); самостоятельные бренды на уровне регионов, городов, отдельных национальных товаров и услуг, культурных и образовательных центров [7. С. 121–122]. Формирование такой модели невозможно без транслятора и интерпретаторов, а именно без СМИ.

С. Анхольт предложил модель шестиугольника бренда страны: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди. Идея С. Анхольта в том, что имидж страны не поддается искусственному конструированию, не возникает «на пустом месте», а определяется вполне осязаемыми и измеряемыми шестью группами параметров. С. Анхольт проводит исследование индекса бренда страны (Nation Brand Index, NBI) и индекса бренда города (City Brand Index, CBI) с целью определения того, как жители разных стран мира оценивают страны, города и регионы [7. С. 122–123].

На локальном уровне брендинг страны ориентирован на построение имиджа страны как уникального и привлекательного для жизни и туризма места. Иными словами, имидж территории – это восприятие, складывающееся в сознании людей по поводу индивидуальных особенностей и ресурсов территории (природно-климатических, культурно-исторических, этнических, социально-экономических, политических и др.). Важно то, что субъективное представление о территории может складываться исходя из непосредственного опыта (когда человек проживает в пределах данной территории) и (или) опосредованно (формируемое СМИ, рассказами других людей, расхожими стереотипами). Имидж страны – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, складывающихся на основе сопоставления воспринимаемых характеристик территории, собственного опыта людей и транслируемой информации через СМИ и социальные сети [8. С. 214].

Образ страны – часть политического образа и картины мира индивида. Восприятие страны зависит от проводимой политики, акторов данной политики, роли СМИ, исторического контекста международных отношений, настроений и ожиданий жителей разных стран и др. В процессе восприятия выделяются несколько уровней: образ страны, формируемый из существующей картины мира; образ страны, формируемый как идеальный; ожидаемый образ; исторический

образ; культурный образ и т.д., которые формируются в рамках политической культуры. В результате образ состоит из спектра образов. Многообразие вариантов образов вносит искажения в итоговый образ страны. Вариативность образа зависит не только от получателя, но и от субъектов (акторов), которые также формируют «веер» образов. Осознания этих «вееров» не требуется от респондента, получатель формирует итоговый образ из элементов посланных сообщений. При реализации политики необходимо отметить, что получатель осознает себя в качестве субъекта политики, в результате имеет сформировавшийся собственный образ.

Политическое восприятие носит оценочный характер и интерпретирует позиции политических лидеров. Оно основывается на когнитивных и эмоциональных уровнях восприятия, которые замыкаются друг на друге, где эмоции являются катализатором точек зрения граждан. Политическое восприятие формируется последовательно от личности лидера, деятельности власти, понимания территорий и роли народа. Оно формируется в основном с помощью СМИ и лидеров мнений в сети Интернет [9].

Образ страны состоит из пространственного образа, образа народа, образа власти, образа лидера. *Пространственный образ* проектируется в соответствии с реальными географическими характеристиками страны. При этом учитываются реальные характеристики страны и отражение восприятия респондента, т.е. субъективное восприятие.

Геополитические коды (кодексы) – это набор переменных, определяющих политико-географические интересы того или иного государства во внешней политике. Географические образы Д.Н. Замятина состоят из компактных представлений респондентов о территориях [10. С. 82–102].

Образ народа предполагает выявление тех или иных характеристик, которые наиболее ярко показывает население РФ. Понимание образа народа напрямую связано с понятием идентичности. Э. Эриксон представлял идентичность как определение личности человека через культуру. Выделяются два уровня формирования идентичности: личный и на уровне социума. Самоопределение человека происходит субъективно, посредством культуры, и отождествляется со своей сущностью (Я-идентичность). В результате происходит самоопределение индивида как личности, а на втором уровне – определение личности через принадлежность к тому или иному социуму и отрицание других социумов [11. С. 14].

Образ лидера является компонентом образа России. Образ лидера персонифицирован первым лицом государства. В результате решения первого лица носят яркий социальный характер и оказывают влияние на все население в целом, позиционируют государство как внутри, так и за рубежом. А.И. Соловьев отмечает, что «политический лидер – это институт, связанный отношениями ответственности перед населением» [12. С. 102]. Политическое лидерство основывается на личных характеристиках лидеров и отражает точки зрения общества, представителем которого он является. Точки зрения общества лидер транслирует с помощью СМИ.

Образ власти – часть образа страны. Образ власти напрямую зависит от политического контекста, событийного фактора, роли СМИ и др., в связи с этим образ является фрагментарным и характеризуется высоким уровнем изменчивости. Само же восприятие власти основывается на глубинных, устойчивых уровнях восприятия, таких как политическая культура, ценностные ориентации и др. При совмещении в сознании индивидуума устойчивых и изменчивых характеристик образа власти получается противоречивый образ. Так, если происходят катаклизмы в сфере политики, например смена политического курса, смена политического лидера или периоды неопределенности, образ власти становится размытым.

Образ страны является сложным образованием в сознании граждан. Каждый элемент образа воспринимается по отдельности и в совокупности. Само восприятие происходит автоматически, респонденты не выделяют элементы образа. Выделяются идеальный образ, образ-ожидание и фактический образ, восприятие которого зависит от уровня социализации, политической культуры, событийной картины, ценностных ориентиров, установок, повестки дня в СМИ и отношения лидеров мнений к рассматриваемой политической картине. Особое влияние на политическое восприятие оказывает идентичность индивида, т.е. его отношение к той или иной социальной группе, малой на уровне его круга общения и большой на уровне всей страны.

Коммуникативный фактор восприятия страны. Вернемся к коммуникативному фактору, который играет одну из ключевых ролей в процессе формирования образа страны в сознании граждан. СМИ, наравне с другими агентами, такими как политическая социализация, являются посредниками в процессе формирования у граждан представлений о происходящих политических процессах [13]. Коммуникационный фактор восприятия – это элемент факторной модели политического восприятия наравне с объектным, субъектным, темпоральным и пространственным факторами. Коммуникативный компонент восприятия заключается в смысловых и оценочных интерпретациях происходящих событий, а не на фактологических характеристиках событийного ряда. Данная функция ведет к возникновению большого количества интерпретационного материала.

Коммуникационные модели. Для анализа роли СМИ в процессе передачи сообщения, рассмотрим ряд коммуникационных моделей: линейную модель, трансмиссионную модель и модель двухступенчатого потока информации.

Линейная модель коммуникации Г. Лассуелла состоит из коммуникатора – сообщения – канала – получателя и обратной связи [14]. *Трансмиссионная модель* К. Шенона – У. Уивера рассматривает несколько цепочек передачи сообщения:

1. Коммуникатор – сообщение – канал – получатель, который не получает сообщения из-за шумов.

2. Коммуникатор – сообщение – канал – три типа получателей (получатель, имеющий общую систему с коммуникатором; получатель, частично входящий в систему координат; получатель – вне системы координат. Под системой координат понимается общее

идентификационное поле, т.е. общая идентичность, историческая и культурная память и др.).

3. Коммуникатор – сообщение – канал/мнение главного редактора – три типа получателя (первый – сразу реагирующий, второй – замедленно реагирующий, третий – совсем не реагирующий) – обратная связь [15. С. 30–33].

Все три типа цепочек ориентированы представить типы и возможности коммуникации получателя. Акцент в цепочках делается на факте получения и интерпретации полученного сообщения. Важно выделить включенность, шумов (помехи) и наличие обратной связи. В современном мире из-за избыточности информации, каналов и интерпретаций у получателя возникает информационный кризис доверия или недоверия получаемой информации.

Модель двухступенчатого потока информации П. Лазерсфельда трансформировала линейную модель коммуникации, введя нового актора – лидеров мнений, которые интерпретируют сообщения для получателя, тем самым формируя два потока получения информации: от СМИ и от лидера мнений [16].

Данные модели представляли коммуникационный процесс как непрерывающийся процесс. Линейная модель представляет процесс коммуникации как технический процесс передачи информации, в котором канал является техническим средством и не должен влиять на восприятие. Трансмиссионная модель дает более широкое понимание вхождения получателя в процесс коммуникации. Выделяются разные типы получателей: активные, нейтральные, пассивные. Условия включения различны: включен ли получатель в общую систему координат или нет и т.д. Необходимо отметить повышающее значение шумов (помех, барьеров), которые мешают процессу передачи сообщения. С переходом на двухступенчатую модель стало ясно, что сообщение, приходящее напрямую, не всегда усваивается, а при включении лидеров мнений доверие к сообщению повышается.

С развитием сети Интернет, растет количество участников коммуникационного процесса и меняется формат от пассивного к активному. Современная система коммуникации выстраивается с учетом всех трех моделей коммуникации. С развитием новых форм коммуникации расширяются возможности моментального доведения политической информации для граждан, при этом могут быть созданы различные «веера» вымышленных образов, которые будут являться отражением точек зрения политических лидеров, экспертов, лидеров мнений, главных редакторов, журналистов и других акторов. Кроме многообразия образов, формируются вымышленные «образы», т.е. происходит подмена части образа или полное его изменение.

Для понимания роли, способов воздействия и особенностей формирования образа страны рассмотрим концептуальную схему восприятия гражданами образа России через СМИ. Концептуальная схема восприятия включает в себя различные элементы: современный политический контекст, политическую культуру, событийный контекст, повестку дня, экспертные оценки, стереотипы и др.

Коммуникативный фактор связан с объектным фактором, так как политический контекст является фоном, на котором происходят восприятие и информационное отражение политического поля. «Политическое поле, понимаемое одновременно как поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, которое определяет структуру поля в каждый данный момент, не есть государство в государстве...» [17. С. 34–43]. Основными акторами объектного фактора являются власть, партии, государство.

Политическая культура и событийный контекст оказывают влияние на восприятие гражданами образа России. Политическая культура – как устойчивый фактор, а событийный контекст – как изменчивый фактор. При формировании сообщения используются как события, так и культура.

Прямое воздействие коммуникационного фактора ориентировано на субъектный фактор, т.е. на граждан РФ. При рассмотрении роли коммуникационного фактора в процессе формирования образа России в сознании граждан становится ясно, что СМИ играют двупольную роль как участника и интерпретатора текущего политического процесса. Основным инструментом влияния на восприятие гражданами является повестка дня, которая высвечивает те или иные темы [18], в результате выделяя важное, формируется тот или иной образ страны.

В рамках исследования анализировались сообщения СМИ (центральные телеканалы, электронные версии, радио, блогосфера) за период с 2017 по 2020 г. с целью выявления образа России, включающего образ лидера, образ власти, образ населения, географический компонент (образ территории). Для данного исследования были выбраны следующие центральные российские телеканалы: «Первый канал», «Россия-1», «НТВ», «Звезда», «ТНТ», «Пятница», на которых анализировались такие передачи, как «Пусть говорят», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Центральное телевидение», «Итоги недели с Ирадой Зейналовой», «Не факт!», «Камеди клуб», «Поедем поедим!», «На ножах». Для выявления образа страны в российском обществе были выбраны следующие электронные версии печатных СМИ: газеты «Ведомости», «РБК», «Российская газета», «Аргументы и факты» и журналы *Esquire*, «Вокруг света». Для контент-анализа образа страны в российском обществе были выбраны следующие радиостанции: информационные (разговорные): «Эхо Москвы», «Говорит Москва», «Радио Звезда», «Вести FM», «Коммерсантъ FM». В качестве блогов были рассмотрены блоги первого лица – Президента РФ В. В. Путина: официальный блог Президента РФ и личный блог Президента РФ; блог одного из старейших участников политической жизни в РФ В.В. Жириновского, Председателя политической партии ЛДПР, Депутата Государственной Думы ФС РФ семи созывов, руководителя фракции ЛДПР в Государственной Думе ФС РФ; блог активного представителя оппозиционно настроенной части населения РФ А. Навального, основателя фонда борьбы с коррупцией, лидера партии России Будущего; официальный блог Совета Федерации ФС РФ; официальный блог Государственной Думы ФС РФ; офици-

альный блог Правительства РФ и официальный блог МИДа России, блог Русского географического общества, блог Ильи Варламова, «Любимые Итальянцы», «Джастин – Взгляд Американца на Россию», блоги Владимира Соловьева, Ксении Собчак, «Эхо Москвы» и «Россия сегодня».

Одним из механизмов управления политическими настроениями стали *повестка дня и спираль молчания*. СМИ актуализируют текущие политические настроения граждан, используя механизм подсвечивания или замалчивания тех или иных сообщений в зависимости от текущего политического тренда [18. Р. 176–187]. Повестка дня – подсвеченные СМИ темы (новости), которые, по мнению СМИ, вызовут интерес и(или) смогли удержать внимание в обществе.

В первом случае СМИ играют интерпретационную роль, т.е. вкладывают свою трактовку происходящим событиям. Во-втором – СМИ выступают транслятором, а тема (новость) начинает развиваться независимо от действий конкретного СМИ. Основными субъектами формирования политической повестки дня являются политические акторы: государство, лидеры, власть, общественные объединения и др. Повестка дня предполагает иерархию по важности того или иного материала. Традиционно иерархия выстраивалась по важности сообщения, например от статуса коммуникатора, и строилась по принципу от первого лица. СМИ оказывают влияние на дальнейшее выстраивание последовательности сообщений, например от генеральной позиции издания и главного редактора.

С развитием сети Интернет стали выстраиваться сообщения не только от первого лица, но и от количества упоминаний или реакций пользователей данного канала коммуникаций, т.е. иерархия получила политический резонанс [19, 20]. В данном направлении выделяются социальные сети, которые ориентированы на поддержку «хайпа», даже если блогер и не разделяет позицию, т.е. работает механизм «спирали молчания», он соответствует ожиданиям своей аудитории. Отследить такого рода сообщения очень сложно, их можно выявить из интервью блогеров.

Дополнительным механизмом привлечения внимания является *эпатаж или скандал*. Современные ток-шоу на телевидении ориентированы на скандал («Пусть говорят», «Центральное телевидение»). Такую же стратегию стали выбирать и новостные итоговые программы: «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Итоги недели с Ирадой Зейналовой». Радио представляет информацию и мнения экспертов по данному поводу. Механизм скандала нетипичен для радио, оно ориентировано на фактологическую передачу информации. Изменилась роль печатной прессы и ее электронных эквивалентов. Так, осознав, что основными рупорами информация стали сеть Интернет и телевидение, печатная пресса испытывала кризис. Печать заняла нишу глубинного анализа и осознания потребителями текущей картины, т.е. газеты и журналы не стремятся стать лидерами по «горячим» новостям, они ориентированы представлять развернутые *экспертные мнения*.

В большинстве своем общество разделилось на потребителей контента, создаваемого и транслируемо-

го с помощью традиционных каналов коммуникации, таких как телевидение, радио, газеты, и пользователей сети Интернет, которые потребляют контент электронных эквивалентов традиционных СМИ. В связи с этим изменилась и роль получателя сообщения. Граждане перестали быть пассивными получателями информации, а стали акторами политического процесса, что стало возможно с изменением процесса коммуникации. Одна из особенностей новых медиа заключается в способности сети Интернет генерировать коммуникацию «многие ко многим», когда межличностная коммуникация предполагает «один к одному», массовая коммуникация – «один ко многим» [21].

Заключение. В результате восприятие страны гражданами зависит от действий политических акторов, интерпретации этих действий СМИ, уровня политической культуры, политической социализации, стереотипов и других аспектов. Важно отметить роль коммуникационного фактора, который наравне с объектным, субъектным, темпоральным и пространственным факторами оказывает влияние на восприятие. Коммуникационный фактор взаимосвязан со всеми факторами.

Объектный фактор представлен политическим контекстом и политической культурой, которые являются фоном, где происходит восприятие и информационное отражение политического поля. Темпоральный фактор связан напрямую с событийной кар-

тиной, соединяя прошлое, настоящее и будущее в образе страны.

Пространственный фактор восприятия находит отражение в коммуникационном факторе через образ территорий, в том числе брендинг территорий.

Прямое воздействие коммуникативного фактора ориентировано на субъектный фактор, т.е. на граждан РФ. При рассмотрении роли коммуникационного фактора в процессе формирования образа России в сознании граждан становится ясно, что СМИ реализуют функцию наблюдателя и участника политического процесса через установление повестки дня, спирали молчания, эпатажа, скандала, экспертного мнения. СМИ, наравне с другими агентами, например политической социализацией, являются посредниками в процессе формирования у граждан представлений о происходящих политических процессах.

Новые формы коммуникации создают моментальные модели персональных коммуникаций между гражданами, политическим лидерами, экспертами, лидерами мнений, главными редакторами, журналистами и другими акторами. Таким образом создается ландшафт образов, являющихся отражениями точек зрения участников коммуникации. Данная форма коммуникации отличается от традиционных (устных) диалогов тем, что есть цифровой след, к которому можно обратиться в любое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018 гг.) / отв. ред. Е.Б. Шестопал. М. : Весь мир, 2019. 656 с.
2. Политические коммуникации: учеб. пособие для студ. вузов / Ю.Ю. Петрунин [и др.] ; под ред. А.И. Соловьева. М. : Аспект Пресс, 2004. 332 с.
3. Шмелева О.Ю. «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13, № 4. С. 23–36.
4. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29–45.
5. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. К. Динни ; пер. с англ. В. Сечной. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
6. Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку / пер. с англ. Ю.В. Алабина. М. КУДИЦ-ОБРАЗ, 2004. 270 с.
7. Баженова Е.Ю. Бренд территорий: содержание, модели формирования, политика конструирования в российских регионах // TERRA ECONOMICUS. 2013. Т. 11, № 3, ч. 2. С. 120–125.
8. Анохин Е.В. Имидж страны: проблемы формирования и управления // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 214–218.
9. Шестопал Е.Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед Президентскими выборами 2018 г. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–204.
10. Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 82–102.
11. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 1 (45). С. 13–17.
12. Шестопал Е.Б., Зверев А.Л., Пищева Т.Н., Стрелец И.Э., Титов В.В., Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Виноградова Н.С., Жестков М.И., Букреева О.В., Яковлева Е.А., Палитай И.С., Затонских А.В., Гудиева К.Н., Алиференко С.Г., Башков А.В. Политико-психологические особенности электорального цикла 2011–2012 гг.: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 1. С. 95–114.
13. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Жуковский, КАНОН – Пресс – Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
14. Воронцов С.Г. Модель коммуникации Г.Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2018. № 1. С. 414–431.
15. Черных А.И. Социология массовых коммуникаций : учеб. пособие. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 451 с.
16. Дергунова Н., Завгородняя М. Теория ограниченного влияния СМК Пола Лазарсфельда как методология анализа деятельности средств массовой коммуникации // Власть. 2012. № 12. С. 13–16.
17. Хромова Е.Б. Поле политики в социальной философии П. Бурдьё: некоторые элементы теории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1. С. 34–43.
18. McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of Mass-Media // Public opinion quarterly. 1972. Vol. 36. P. 176–187.
19. Manyika J. [et al.] «Big data» refers to datasets whose size is beyond the ability of typical database software tools to capture, store, manage, and analyze. McKinsey & Company : Global management consulting, 2011. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Big%20data%20The%20next%20frontier%20for%20innovation/MGI_big_data_exec_summary.pdf (accessed: 12.09.2020).
20. Черняк Л. Большие данные – новая теория и практика // Открытые системы. 2011. № 10. URL: <https://www.osp.ru/os/2011/10/13010990> (дата обращения: 12.04.2020).
21. Crosbie V. What is new media // Digital Media Management. 2002. URL: https://digmediaman.files.wordpress.com/2011/09/what_is_new_media_by_vin_crosbie.pdf (accessed: 12.09.2020).

The Influence of New Means of Political Communication on the Formation of a Country's Image

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 85–91.

DOI: 10.17223/15617793/469/11

Nadezda S. Vinogradova, Moscow State University of Technologies and Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: nadivinogradova@gmail.com

Keywords: image of country; mass media; communicative factor; object-related factor; subject-related factor; temporal factor and spatial factor; regional branding; agenda.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-01138A

The image of a country has a significant impact on citizens, on their political and economic identity. The media, being an active participant in the communication process, has a large degree of influence on the image as it is formed in the minds of citizens. It is not only the media however that facilitates the formation of political views among citizens. The role of the recipient has also changed with the development of the Internet. It switched from the role of a passive participant to an active interpreter and generator of information messages. This research is aimed at studying the formation of a range of images that may internally conflict with each other. Such structures as political socialization, identity, cultural and historical connection between generations create interpretive opportunities and markers through which respondents can make their choice in regard to the information consumed. At the same time, a conflict arises between the transmitted message and the final interpretation, which emerges in the minds of citizens. The aim of this article is to theoretically substantiate the role of the communicative factor in the formation of the country's image in the minds of citizens. The article discusses the theory of perception in the context of research by E.B. Shestopal, who identified the structure of the country's image and proposed a factorial model of perception. The image of the country consists of: a spatial image, an image of a people, an image of power, and an image of a leader. The factorial model of perception consists of: objective, subjective, temporal, spatial, and communicative factors. New forms of communication create new opportunities for instant transmission of political information to citizens. All the while those channels of communication can create ranges of fictional images that will reflect the points of view of political leaders, experts, opinion leaders, chief editors, journalists, and other subjects. In addition to the variety of images, fictional "images" are formed, which means that a part of an image is replaced or completely changed. For the most part, society can be categorized into: consumers of content created and transmitted using traditional communication channels such as television, radio, newspapers, and Internet users who consume content transmitted by digital equivalents of traditional media. In this regard, the role of the recipient of the message has also changed. Citizens are no longer passive recipients of information. Instead they have become participants of the political process, which was made possible by the change in methods of communication. One of the features of new media is the ability of the Internet to generate many-to-many communication when interpersonal communication involves the one-to-one model, and mass communication the one-to-many type.

REFERENCES

1. Shestopal, E.B. (ed.) (2019) *Vlast' i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudeniy (1993–2018 gg.)* [Power and Leaders in the Perception of Russian Citizens. A quarter of a century of observations (1993–2018)]. Moscow: Ves' mir.
2. Solov'ev, A.I. (ed.) (2004) *Politicheskie kommunikatsii* [Political communications]. Moscow: Aspekt Press.
3. Shmeleva, O.Yu. (2017) "The image of the state" as a category of political science: theoretical and methodological aspects of studying. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. 4 (13). pp. 23–36. (In Russian).
4. Graver, A.A. (2012) The obraz, image and brand of the country: concepts and directions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (19). pp. 29–45. (In Russian).
5. Dinnie, K. (ed.) (2013) *Branding territoriy. Luchshie mirovye praktiki*. [Branding of Territories. Worldwide best practices]. Translated from English by V. Sechnaya. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
6. Anholt, S. (2004) *Branding: doroga k mirovomu rynku* [Branding: The road to the world market]. Translated from English by Yu.V. Alabina. Moscow: KUDITs-OBRAZ.
7. Bazhenova, E.Yu. (2013) Brand territory: content of forming model, construction practices in Russian regions. *TERRA ECONOMICUS*. 3 (11). Pt. 2. pp. 120–125. (In Russian).
8. Anokhin, E.V. (2014) The image of the country: problems of its formation and management. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3 (51). pp. 214–218. (In Russian).
9. Shestopal, E.B. (2018) Psychological swings in mass political mentality of Russian citizens before Presidential elections of 2018. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 41. pp. 203–204. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/41/22
10. Zamyatin, D.N. (2003) The geopolitics of images and the structuring of meta-expanse. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 82–102. (In Russian).
11. Sapozhnikova, R.B. (2005) The Analysis of the Identity Concept: Theoretical and Methodological Premises. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (45). pp. 13–17. (In Russian).
12. Shestopal, E.B. et al. (2012) Political and psychological characteristics of electoral cycle of 2011–2012 in Russia: materials of the roundtable. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 1. pp. 95–114. (In Russian).
13. McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External extensions of a person]. Moscow: Zhukovskiy, KANON – Press – Ts, Kuchkovo pole.
14. Vorontsov, S.G. (2019) The communication model of H.D. Lasswell as an element of methodology of civil researches. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 1. pp. 414–431. (In Russian). DOI 10.33397/2619-0559-2019-1-1-414-431
15. Chernykh, A.I. (2008) *Sotsiologiya massovykh kommunikatsiy* [Sociology of Mass Communications]. Moscow: HSE.
16. Dergunova, N. & Zavgorodnyaya, M. (2012) Teoriya ogranichenogo vliyaniya SMK Pola Lazarsfel'da kak metodologiya analiza deyatel'nosti sredstv massovoy kommunikatsii [The theory of limited influence of the QMS of Paul Lazarsfeld as a methodology for analyzing the activities of mass communication media]. *Vlast'*. 12. pp. 13–16.
17. Khromova, E.B. (2016) Field of politics in social philosophy of P. Bourdieu: certain elements of the theory. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 1. pp. 34–43. (In Russian).

18. McCombs, M. & Shaw, D. (1972) The agenda-setting function of Mass-Media. *Public Opinion Quarterly*. 36. pp. 176–187.
19. Manyika, J. et al. (2011) *Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity*. [Online] Available from: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Big%20data%20The%20next%20frontier%20for%20innovation/MGI_big_data_exec_summary.pdf. (Accessed: 12.09.2020).
20. Chernyak, L. (2011) Bol'shie dannye – novaya teoriya i praktika [Big data: a new theory and practice]. *Otkrytye sistemy – Open Systems*. 10. [Online] Available from: <https://www.osp.ru/os/2011/10/13010990>. (Accessed: 12.04.2020).
21. Crosbie, V. (2002) What is new media. *Digital Media Management*. [Online] Available from: https://digmediaman.files.wordpress.com/2011/09/what_is_new_media_by_vin_crosbie.pdf. (Accessed: 12.09.2020).

Received: 05 May 2021

К.Г. Муратишина, М.В. Валеева

РОССИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МНОГОСТОРОННИХ ФОРМАТАХ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ СПОРТА В РАМКАХ СНГ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 19-78-10060.

Анализируется участие России и стран постсоветской Центральной Азии в многосторонних механизмах сотрудничества в области спорта в рамках Содружества Независимых Государств. Последовательно рассмотрены институты, правовая база, направления связей и их основные результаты. Изучена вовлеченность России и ее центральноазиатских партнеров в различные форматы контактов, а также в многосторонние соглашения и в работу органов СНГ, координирующих сотрудничество в данной области.

Ключевые слова: Россия; Центральная Азия; СНГ; гуманитарное сотрудничество; многосторонняя дипломатия; спорт

Многосторонняя дипломатия сегодня пронизывает все сферы международных отношений и играет ведущую роль в глобальном управлении и попытках найти решение глобальных проблем современности. Основным институтом многосторонней дипломатии были и остаются международные межправительственные организации – глобальные, региональные и субрегиональные, с открытым и закрытым членством, универсальной компетенции и специализированные.

В данной статье пойдет речь об одной из специализированных сфер сотрудничества крупной региональной организации – Содружества Независимых Государств (СНГ). Без сомнения, в международных исследованиях достаточно хорошо изучены различные вопросы функционирования этой организации, прежде всего, экономическое и военно-политическое сотрудничество. Гораздо менее изученной, но при этом отнюдь не менее важной, остается гуманитарная сфера, т.е. связи в областях культуры, науки, образования, работы с молодежью, спорта, туризма, информации и массовых коммуникаций.

Авторы данной статьи в настоящее время работают над проектом по изучению гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и странами Центральной Азии: Республикой Казахстан, Республикой Таджикистан, Киргизской Республикой, Республикой Узбекистан и Туркменистаном. Двусторонние связи между Россией и каждой из центральноазиатских стран в гуманитарной сфере, в том числе в области спорта, рассмотрены в рамках отдельных исследований, а данная статья имеет своей целью проследить, как осуществляется участие упомянутых партнеров в многосторонних форматах спортивного сотрудничества в рамках СНГ.

С точки зрения теоретических оснований, авторы базируются на нескольких аспектах. Во-первых, механизмы многосторонней дипломатии сами по себе чрезвычайно интересны в плане своей репрезентативности, возможностей вовлекать большое число участников и обеспечивать коллективное принятие решений и широкий обмен мнениями. Во-вторых, сфера спорта примечательна тем, что в настоящее время выходит на заметные позиции в любых партнерских межгосударственных связях, несет большую имиджевую нагрузку и более не может оставаться вне поли-

тики, став, наоборот, частью мирополитических процессов (см., например, [1–5]). В-третьих, спорт – одна из тех сфер международного взаимодействия, которые реально могут вносить вклад в решение части глобальных проблем как на уровнях государства и личности, так и на мировом, а именно способствовать распространению здорового образа жизни, содействуя тем самым развитию безопасности человека.

Методологически исследование построено на использовании, во-первых, контент-анализа с целью последовательного изучения многосторонних актов СНГ, появившихся на протяжении существования организации и составляющих правовую базу сотрудничества, и, во-вторых, институционального анализа с целью выявления организационных механизмов сотрудничества и представленности в нем России и стран Центральной Азии, на материале последнего десятилетия, до пандемии. Источниковая база исследования включает многосторонние дипломатические документы, регламентирующие сотрудничество; отчеты, планы и другие информационные материалы органов СНГ, участвующих в реализации связей в сфере спорта; актуальные материалы электронных новостных архивов СМИ.

После распада СССР и наступившего социально-экономического кризиса проблемы развития физической культуры, физического воспитания, спорта и здорового образа жизни являлись актуальными для обществ всех постсоветских государств. Государственное финансирование резко сократилось, для большого числа людей была утрачена возможность бесплатно заниматься спортом. Тем не менее связи между спортивными федерациями бывшего Союза сохранялись [6. С. 296].

В 1993 г. по инициативе России была создана Ассамблея руководителей органов государственного управления физической культурой и спортом стран СНГ. В том числе к ее работе присоединились и три страны Центральной Азии – Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В ходе Ассамблеи ее участники подписали первые, пока еще только двусторонние межведомственные соглашения о сотрудничестве в области физической культуры и спорта. Чаще всего проводились совместные учебно-тренировочные сборы по различным видам спорта, также использовались рос-

сийские программы подготовки тренерских кадров. Что касается многостороннего взаимодействия, то в 1999 г. странам удалось провести Спартакиаду трудящихся СНГ, а в марте 2000 г. состоялось совещание руководителей органов государственного управления физической культурой и спортом стран – членов СНГ, собравшее представителей всех без исключения государств Содружества и посвященное подготовке национальных сборных к летней Олимпиаде в Сиднее [7].

В 2001 г. российская сторона выступила с инициативой проведения в Москве Международных спортивных юношеских игр стран СНГ, Балтии и регионов РФ [8]. Российскую идею приветствовал Международный Олимпийский комитет [9]. Игры состоялись в 2002 г., в состязаниях приняли участие почти 6 тыс. спортсменов. Особо стоит отметить работу организаторов – в преддверии Игр было продумано всё, вплоть до учета национальных традиций в питании участников и подготовки регулярных спецвыпусков новостей на телеканалах «ТВЦ» и «ТВ-Столица» [10, 11]. Аналогичные Игры состоялись в Подмоскowie в 2005 г. На них вновь были представлены молодые спортсмены всех стран СНГ, ряда государств Прибалтики и дальнего зарубежья [12].

В 2005 г. в рамках СНГ было подписано подробное Соглашение о гуманитарном сотрудничестве, которое, помимо прочего, регламентирует связи в области спорта, предписывая сторонам «взаимодействие между заинтересованными ведомствами и организациями», «совместные спортивные мероприятия», «обмен спортивными делегациями, опытом работы, научно-методической информацией и специальной литературой», сотрудничество «в области международного олимпийского и паралимпийского движения», «в сфере научных исследований, научно-методического и медицинского обеспечения деятельности в области физической культуры и спорта, антидопинговой политики» «для более полного и эффективного использования спортивного потенциала» [13]. Новый импульс многосторонним контактам придало создание в 2006 г. специализированного органа управления – Совета по гуманитарному сотрудничеству государств – участников СНГ [14] и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) СНГ, финансирующего международные мероприятия [15].

В 2007 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в области физической культуры и спорта. Оно повторяет рекомендации Соглашения о гуманитарном сотрудничестве, добавляя к ним положения о создании Совета по физической культуре и спорту СНГ, содействии «обмену и распространению на своих территориях информации, пропагандирующей здоровый образ жизни и достижения в спорте», принятии «согласованных мер для развития и проведения массовых физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий среди различных слоев населения», совместном использовании материально-спортивной базы, совместных научных исследованиях и «систематических консультациях» по всем вопросам [16].

Еще один институт взаимодействия в СНГ, имеющий отношение к гуманитарным связям, включая свя-

зи в области спорта, – это существующая с 1992 г. Межпарламентская Ассамблея (МПА) СНГ, при которой действует Постоянная комиссия по культуре, информации, туризму и спорту [17]. Ее основная функция состоит в принятии так называемых модельных законов, призванных служить ориентиром для гармонизации национального законодательства государств СНГ, в том числе в гуманитарных сферах общественной жизни, включая спорт.

Рассмотрим основные направления многостороннего сотрудничества за последнее десятилетие. Первым среди них можно назвать регулярные контакты представителей спортивного сообщества стран-участниц, которые осуществляются благодаря наличию описанных выше площадок для диалога. Много возможностей для контактов предоставляют формальные и неформальные мероприятия – соревнования, круглые столы, праздники. Главный орган сотрудничества – Совет по физической культуре и спорту – собирается ежегодно, на его заседаниях решаются такие вопросы, как актуальные стандарты реализации государственной политики в области спорта и пропаганды здорового образа жизни, актуальная повестка совместных мероприятий, перспективные планы сотрудничества (см., например, [18–21]).

Второе направление – принятие законодательных актов, которые должны со временем привести к единообразию правовых стандартов стран Содружества. Межпарламентской ассамблеей СНГ были приняты следующие акты в области спорта: в 1996 г. – «О физической культуре и спорте», в 2001 г. – «О детско-юношеском спорте», в 2002 г. – «О национальных видах спорта», в 2003 г. – «О студенческом спорте», в 2004 г. – «О статусе спортсмена сборной команды», в 2007 г. – «О профессиональном спорте», в 2008 г. – «О паралимпийском спорте», в 2012 г. – «О спортивной подготовке», в 2014 г. – «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья спортсменов – членов спортивных сборных команд» и в 2016 г. – «Об обеспечении безопасности крупных спортивных мероприятий» [22]. В 2020 г. начато обсуждение модельного закона «О противодействии применению допинга в спорте» [23].

В 2012 г. была утверждена подробная «Стратегия развития физической культуры и спорта государств – участников СНГ до 2020 г.», в которой были закреплены изложенные ранее в Соглашении 2007 г. основные принципы сотрудничества. Стратегия во многом направлена на формирование здорового образа жизни и создание условий для занятий спортом различных групп населения, развитие физкультурно-массового движения, детского, юношеского и студенческого спорта, национальных видов спорта, стандартов взаимодействия с производителями и поставщиками спортивных товаров и услуг и т.д. [24].

В 2020 г. СНГ была принята новая Стратегия развития сотрудничества в области физической культуры и спорта [25]. Документ утвержден главами правительств всех государств Содружества. Стратегия закрепляет основные принципы сотрудничества, изложенные в Соглашении 2007 г. и Стратегии 2012 г., и предписывает странам расширять сферы взаимодей-

ствия, увеличивать количество совместных документов и модельных законов, формировать традиции проведения совместных спортивных мероприятий. Кроме того, зафиксировано принятое двумя годами ранее решение о присвоении Российскому государственному университету физической культуры, спорта, молодежи и туризма статуса «базовой организации государств – участников СНГ в области физической культуры и спорта, деятельность которой направлена на изучение и распространение опыта развития физической культуры и спорта с учетом современных мировых тенденций, разработку рекомендаций, методических, аналитических, информационных материалов, развитие сотрудничества образовательных и научно-исследовательских организаций стран Содружества, организацию совместных исследований по актуальным направлениям развития сотрудничества в области физической культуры и спорта, а также содействие обмену опытом профессорско-преподавательской деятельности и достижениями научно-исследовательской работы в области физической культуры и спорта государств – участников СНГ».

Третье направление сотрудничества – организация спортивных соревнований. Их проведено достаточно много, причем частота событий увеличилась после создания МФГС. Среди таковых можно отметить Международные спортивные игры СНГ [26], фестивали школьного спорта [27], фестивали спорта среди семейных команд [28], первый Фестиваль национальных видов спорта и игр [29], Международные Исык-Кульские игры [30], Кубок Содружества по футболу [31], конноспортивные фестивали стран СНГ и Прибалтики [32, 33], Международную молодежную Олимпиаду государств – участников СНГ [34], Чемпионат СНГ по альпинизму [35], турниры детских команд по баскетболу [36], мини-футболу [37], шахматам [38] и другие события.

Четвертым направлением связей можно назвать научные и образовательные контакты в области спорта и здорового образа жизни. Так, в 2012 г. в Москве прошел межгосударственный форум СНГ «Здоровье населения – основа процветания стран Содружества», в Минске – международная научно-практическая конференция СНГ по проблемам физической культуры и спорта, а на Исык-Куле – международная конференция «Спорт за интеллектуальное и нравственное развитие общества» [39]. В 2013 г. в Москве состоялись II форум СНГ «Здоровье населения – основа процветания стран Содружества» и международный научно-практический конгресс «Научно-методическое и медико-биологическое сопровождение подготовки высококвалифицированных спортсменов» [40]. В 2016 г. в Ульяновске был организован круглый стол с участием представителей стран Содружества «Развитие национальных видов спорта» [41], а в Краснодаре – круглый стол «Развитие школьного спорта в странах СНГ» с участием политиков, представителей образовательных и спортивных ведомств государств-участников, руководителей команд и представителей федераций по видам спорта стран СНГ [42]. Аналогичный круглый стол прошел в рамках фестиваля школьного спорта 2019 г. в Казани [43].

Изучение материалов, посвященных приведенным выше механизмам и направлениям сотрудничества, показывает, что Россия не только участвует во всех документах, органах и мероприятиях, но в большинстве из них является инициатором и организатором. Что касается стран Центральной Азии, то в большинстве они представлены, но есть исключения. Туркменистаном не подписаны Соглашение о создании МФГС СНГ и Соглашение о Совете по гуманитарному сотрудничеству государств – участников СНГ. Как следствие, он не принимает должного участия в работе этих органов, также, как и в работе Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту. Соглашение о сотрудничестве в области спорта Туркменистан подписал, но не ратифицировал и чаще всего не участвует в работе Совета по физкультуре и спорту СНГ, а если участвует, то только в качестве наблюдателя.

Узбекистан тоже долгое время не принимал участия в работе Совета по физкультуре и спорту и работе Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту, подключившись к обеим структурам только в 2019 г. Кроме того, эта страна, даже подписав соответствующее соглашение, не участвует в работе Совета по гуманитарному сотрудничеству СНГ и изначально не подписала соглашение о сотрудничестве в области спорта 2007 г. Ни Узбекистан, ни Туркменистан не подписали Стратегию развития физкультуры и спорта в СНГ 2012 г. Однако в новой Стратегии 2021–2030 гг. подпись узбекистанской стороны уже появилась. Решение о Стратегии подписано всеми государствами СНГ, включая Туркменистан.

Каждые два года на межправительственном уровне странами СНГ утверждаются планы сотрудничества в области физкультуры и спорта (см., например, [44]). Страны вносят в них свои предложения по мероприятиям. Из центральноазиатских государств участвуют в этом процессе далеко не все: в 2010–2019 гг. свои мероприятия часто вносили и организовывали Казахстан, Киргизия и Таджикистан, тогда как Туркменистан и Узбекистан вообще не участвовали в составлении планов. Подпись узбекистанской делегации появляется только под планом на 2019–2020 гг., но пока без внесения предложений по мероприятиям.

Однако участие в большинстве соревнований спортсмены воздержавшихся от участия в документах стран принимали, хотя и не во всех. Например, Туркменистан не участвовал в Фестивале спорта среди семейных команд 2019 г., Фестивале школьного спорта 2016 г., Исык-Кульских играх 2015 г., Чемпионате СНГ по альпинизму и конноспортивном фестивале «Содружество» 2011 г. Узбекистан не участвовал в Фестивале национальных видов спорта и игр 2017 г., Международных спортивных играх СНГ 2012 г., детском турнире по баскетболу «Серебряная корзина» 2012 г., Чемпионате СНГ по альпинизму и конноспортивном фестивале «Содружество» 2011 г. В последних двух событиях также не принимали участие спортсмены Киргизии. Казахстан и Узбекистан не участвовали в круглом столе «Развитие национальных видов спорта» 2016 г. Однако в большинстве меро-

приятий были представлены все центрально-азиатские члены СНГ.

Если для неучастия в отдельных мероприятиях причины могут быть разными и далеко не обязательно политическими, а, возможно, попросту связанными с трудностями логистики или финансов, то вопросы участия или неучастия в институтах и документах – более принципиальны. Неучастие Узбекистана и Туркменистана в ряде форматов работы может указывать на нежелание государств в полной мере включаться в механизмы многостороннего сотрудничества, что, безусловно, отчасти затрудняет процесс взаимодействия. Все остальные государства Центральной Азии представлены в упомянутых органах и документах и, как следствие, в полной мере участвуют в спортивном сотрудничестве в СНГ.

Наконец, необходимо взглянуть и на то, как проявляются практические результаты связей в области спорта, помимо непосредственного проведения совместных соревнований. Контакты между людьми, между профессиональными сообществами – важнейший результат процесса, но есть и более глобальные цели, на которые ориентировано многостороннее взаимодействие. Эти цели изложены в упоминавшихся выше совместных документах и включают повышение доступности спорта для граждан стран СНГ, расширение здорового образа жизни, поддержка национальных видов спорта, повышение в каждом из государств уровня профессионального спорта, уровня спортивной медицины, борьбы с допингом и т. д. Безусловно, для оценки того, как сотрудничество повлияло на эти сферы в каждой из стран, необходимо отдельное исследование, но некоторые данные уже собраны национальными спортивными ведомствами и представлены в Совет по физкультуре и спорту СНГ.

Так, например, об увеличении числа соревнований по национальным видам спорта и расширении участия в них жителей страны в СНГ представили данные Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Казахстан также отчитался Совету по физкультуре и спорту СНГ об увеличении объема информационного контента, посвященного профессиональному спорту, на национальном телевидении [45], и о росте охвата населения занятиями физической культурой и спортом за счет увеличения проводимых спортивно-массовых мероприятий [46] и количества детско-юношеских спортивных школ [47]. Результаты профессиональных казахстанских спортсменов за два последних десятилетия тоже объективно выросли [48]. Еще одним проявлением практической реализации результатов связей является принятие в странах Содружества национальных законодательных актов о физкультуре и спорте с учетом модельных законов МПА СНГ [49. С. 166].

Подводя итог рассмотрению темы, можно сделать следующие выводы.

Содружество Независимых Государств как международная межправительственная организация, работающая во всех сферах общественной жизни, за десятилетия своего существования в том числе широко развило многосторонние форматы взаимодействия в области спорта. Они включают и специализированный орган (Совет СНГ по физкультуре и спорту), и обширную правовую базу, и большое число постоянных механизмов сотрудничества, причем не только совместную организацию соревнований, но и проведение консультаций, конференций, унификацию законодательства. Изучение всей совокупности этих форматов свидетельствует о действительно системном характере подхода организации к спорту как одной из сфер гуманитарного сотрудничества.

Россия является инициатором и организатором большинства форматов и мероприятий. Степень участия ее партнеров из числа стран Центральной Азии в институтах, многосторонних документах и механизмах сотрудничества существенно отличается. На протяжении последнего десятилетия наиболее активное участие показали Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В то же время Туркменистан дистанцируется от участия в органах и документах и направляет своих спортсменов не на все соревнования, проводимые в СНГ. В ряде форматов сотрудничества не участвует Узбекистан. Меньшее число мероприятий, организуемых центральноазиатскими государствами, по сравнению с Россией, можно объяснить разницей в возможностях национальных бюджетов, но у неучастия в институтах сотрудничества причины, скорее, политические, а именно приоритет закрытости и максимальной нейтральности во внешних связях. Однако со временем ситуация все же постепенно меняется, что можно связать с общей активизацией внешней политики и достижением большей открытости страны при новом президенте Ш. Мирзиязеве. Например, узбекская сторона все же подключилась к работе Межпарламентской ассамблеи СНГ и Совета по физкультуре и спорту.

Нужно отметить, что отказ от сотрудничества может негативно сказываться не только на развитии контактов, но, в большей степени, на состоянии спорта в самих этих странах, поскольку в данном случае они не получают того, что могут дать им действительно активные и объективно полезные международные связи. Спорт и физическая культура являются не только важными элементами социально-экономического развития, но в современных условиях – еще и каналом межкультурной коммуникации. Дальнейшее расширение форматов сотрудничества, особенно после преодоления пандемии, будет в первую очередь способствовать развитию гуманитарных контактов стран и социальной базы интеграции в рамках Содружества, объединяя различные группы людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зонова Т. Язык спорта универсален, как язык музыки // Российский совет по международным делам. 25.07.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yazyk-sporta-universalen-kak-yazyk-muzyki/> (дата обращения: 30.03.2020).
2. Русакова О.Ф., Корнеева В.А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5, № 5А. С. 195–207.
3. Филонов В.И., Юдина А.В. «Спортивный фактор» в формировании имиджа современного государства // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 5. С. 163–179. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-5-163-179.

4. Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // *Мировая политика*. 2017. № 4. С. 32–43. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852.
5. Иванова Т.Н. Социоэкологический потенциал физической культуры и спорта в жизни современного человека // *Карельский научный журнал*. 2017. № 2 (19). С. 149–151.
6. Пшенко К.А. Сотрудничество в области физической культуры и спорта – важный фактор интеграции государств – участников СНГ // *Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития*. 2007. № 5. С. 294–298.
7. Сопровождение руководителей органов государственного управления физической культурой и спортом стран – членов СНГ // *Российский стадион: интернет-газета*. 27.03.2000. URL: <http://stadium.ru/news/soveshchanie-rukovoditelei-organov-gosudarstvennogo-upravleniya-fizicheskoi-kulturoi-i-sportom-stran-chlenov-sng> (дата обращения: 27.03.2020).
8. Решение Совета глав правительств СНГ о проведении в городе Москве международных спортивных юношеских игр государств-участников СНГ и стран Балтии от 29 ноября 2001 г. // *Conventions.ru*. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=19119 (дата обращения: 03.09.2020).
9. Москва готова к проведению Международных юношеских игр // *РБК*. 07.05.2002. URL: <https://sportrb.ru/news/5754bd019a794743bb21fe56?uid=UET9BFxe9MNArK15BET7Ag> (дата обращения: 03.09.2020).
10. Международные спортивные юношеские игры стран СНГ, Балтии и регионов России // *Российский стадион: интернет-газета*. 24.06.2002. URL: <https://stadium.ru/news/mezhdunarodnie-sportivnie-yunosheskie-igri-stran-sng-baltii-i-regionov-rossii> (дата обращения: 03.09.2020).
11. О подготовке и проведении в 2002 году в Москве Международных спортивных юношеских игр стран СНГ, Балтии и регионов России: Постановление Правительства Москвы // *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3629111> (дата обращения: 03.09.2020).
12. В Подмоскowie стартуют международные спортивные Игры юниоров стран СНГ и Балтии // *Sputnik*. 07.06.2005. URL: <https://sputnik-georgia.ru/sport/20050607/406452.html> (дата обращения: 03.09.2020).
13. Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств – участников СНГ от 26 августа 2005 г. // *МФГС СНГ*. URL: http://mfgs-sng.org/sgs/gum_sot/ (дата обращения: 29.05.2020).
14. Информация о Совете по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ // *Интернет-портал СНГ*. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3211/78388/> (дата обращения: 30.04.2020).
15. О деятельности Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ // *МФГС СНГ*. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26636> (дата обращения: 13.09.2019).
16. Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в области физической культуры и спорта от 25 мая 2007 г. // *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902129065> (дата обращения: 25.03.2020).
17. Комиссия по культуре, информации, туризму и спорту // *МПА СНГ*. URL: https://iacis.ru/ob_organizatsii/struktura_mpa_sng/postoyannyye_komissii_mpa_sng/komissiya_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 03.09.2020).
18. Информация о заседании Совета по физической культуре и спорту участников Соглашения о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств – участников СНГ 2019 г. // *Интернет-портал СНГ*. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3175/82306/> (дата обращения: 03.09.2020).
19. Информация о заседании Совета по физической культуре и спорту участников Соглашения о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств – участников СНГ 2018 г. // *Интернет-портал СНГ*. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3175/79108/> (дата обращения: 03.09.2020).
20. Информация о заседании Совета по физической культуре и спорту участников Соглашения о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств – участников СНГ 2017 г. // *Интернет-портал СНГ*. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3175/79096/> (дата обращения: 03.09.2020).
21. Информация об опыте организации в государствах – участниках СНГ сети учреждений для занятия детско-юношеским спортом (июль 2016 года) // *Интернет-портал СНГ*. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/78379/> (дата обращения: 03.09.2020).
22. Модельные кодексы и законы // *МПА СНГ*. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatsii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 03.09.2020).
23. Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // *МПА СНГ*. 05.03.2020. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu_1 (дата обращения: 03.09.2020).
24. Решение о Стратегии развития физической культуры и спорта государств – участников СНГ до 2020 г. // *Единый реестр правовых актов и других документов СНГ*. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3451> (дата обращения: 03.09.2020).
25. Решение о Стратегии развития сотрудничества государств – участников СНГ в области физической культуры и спорта на 2021–2030 гг. // *Единый реестр правовых актов и других документов СНГ*. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6241> (дата обращения: 03.09.2020).
26. VIII Международные спортивные игры СНГ // *МФГС СНГ*. 04.09.2012. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/1125.html> (дата обращения: 03.09.2020).
27. В Казани завершился VII фестиваль школьного спорта стран СНГ // *МФГС СНГ*. 11.10.2019. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2691.html> (дата обращения: 03.09.2020).
28. III Фестиваль спорта среди семейных команд государств-участников СНГ // *МФГС СНГ*. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2740.html> (дата обращения: 28.03.2020).
29. Ахмеров В. В Ульяновске стартовал Фестиваль национальных видов спорта стран СНГ // *Российская газета*. 14.08.2017. URL: <https://rg.ru/2017/08/14/reg-pfo/v-ulyanovske-startoval-festival-natsionalnyh-vidov-sporta-stran-sng.html> (дата обращения: 03.09.2020).
30. XIX Международные Исык-Кульские игры // *МФГС СНГ*. 02.09.2019. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2629.html> (дата обращения: 03.09.2020).
31. Международный турнир по футболу «Кубок Содружества – 2012» // *Интернет-портал СНГ*. 2012. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/77134/> (дата обращения: 03.09.2020).
32. Конный спорт объединяет народы // *МФГС СНГ*. 14.08.2012. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/1112.html> (дата обращения: 03.09.2020).
33. Стартует V Открытый конноспортивный фестиваль стран СНГ и Балтии Кубок «Содружество» // *Министерство спорта РФ*. 22.07.2014. URL: https://minsport.gov.ru/press-centre/video/6941/?special_version=Y (дата обращения: 03.09.2020).
34. Новости Олимпиады за 25 августа // *Rusbiathlon.ru*. 25.08.2015. URL: <https://rusbiathlon.ru/news/summer-olympic-games/id67226/> (дата обращения: 03.09.2020).
35. В Таджикистане прошел Чемпионат СНГ по альпинизму, посвященный 20-летию СНГ // *Интернет-портал СНГ*. 2011. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/77803/> (дата обращения: 03.09.2020).
36. Международный турнир детских команд по баскетболу «Серебряная корзина» // *МФГС СНГ*. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/1270.html> (дата обращения: 03.09.2020).
37. Открытие Года спорта и здорового образа жизни в СНГ // *МФГС СНГ*. 02.04.2012. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/880.html> (дата обращения: 03.09.2020).

38. МФГС поддерживает Международный турнир по шахматам среди детей «Белая ладья» // МФГС СНГ. 04.07.2011. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/660.html> (дата обращения: 03.09.2020).
39. Информация о Года спорта и здорового образа жизни в СНГ (сентябрь 2012 г.) // Интернет-портал СНГ. 2012. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/78096/> (дата обращения: 03.09.2020).
40. Информация о деятельности Совета по физической культуре и спорту участников Соглашения о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств – участников СНГ в 2013 году // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3028/78386/> (дата обращения: 03.09.2020).
41. Представители стран СНГ обсудили в Ульяновске развитие национальных видов спорта // EvrazesNews.com. 26.08.2015. URL: <http://evrazesnews.ru/index.php/news/article/view/19/21349/> (дата обращения: 03.09.2020).
42. Партпроект открыл Четвертый международный фестиваль школьного спорта стран СНГ // Единая Россия. 28.09.2016. URL: <https://er.ru/news/146700/> (дата обращения: 03.09.2020).
43. В Казани завершился VII фестиваль школьного спорта стран СНГ // МФГС СНГ. 11.10.2019. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2691.html> (дата обращения: 03.09.2020).
44. Решение о Плате мероприятий на 2019–2020 годы по реализации Стратегии развития физической культуры и спорта государств – участников СНГ до 2020 года // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5845> (дата обращения: 03.09.2020).
45. Об основных итогах выполнения Плана мероприятий на 2015–2017 годы по реализации Программы поддержки и развития национальных видов спорта в СНГ на период до 2020 года // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/79180/> (дата обращения: 03.09.2020).
46. О развитии физкультурно-оздоровительной работы среди сельского населения Республики Казахстан (сентябрь 2017 года) // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/79097/> (дата обращения: 03.09.2020).
47. Информация об опыте организации в государствах – участниках СНГ сети учреждений для занятия детско-юношеским спортом (июль 2016 года) // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/78379/> (дата обращения: 03.09.2020).
48. Информация о реализации государственной политики в области физической культуры и спорта в Республике Казахстан // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2919/82382/> (дата обращения: 03.09.2020).
49. Пшенко К.А., Гонашвили А.С. Роль Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ в законотворческой деятельности в сфере физической культуры и спорта: историко-правовой аспект // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17, № 2. С. 164–167.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 12 апреля 2021 г.

Russia and Central Asia in the CIS Multilateral Cooperation in Sport

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 92–99.

DOI: 10.17223/15617793/469/12

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Marina V. Valeeva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: cherbakova_marina@mail.ru

Keywords: Russia; Central Asia; CIS; humanitarian cooperation; multilateral diplomacy; sport.

This research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-78-10060).

This article aims to analyze Russia and its Central Asian partners' participation in the multilateral cooperation in sport in the Commonwealth of Independent States (CIS). The research is a part of an integrated study of the humanitarian cooperation between Russia and post-Soviet Central Asian countries: the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, the Republic of Uzbekistan, and Turkmenistan. In the CIS legislative and political practice, humanitarian cooperation, or people-to-people exchanges, includes partnership in such areas as culture, science, education, sport, tourism, youth policy, and media. Sport is an essential component of this cooperation, and the states pay more and more attention to interaction in this area. The cooperation is carried out at bilateral and multilateral levels. The latter is provided by the CIS. We consider the bilateral ties between Russia and each of post-Soviet Central Asian countries in a separate research, while this research covers the CIS format. We consequently study the institutions, the legal basis, the formats, and the practical implementation of cooperation throughout the recent decade, before the pandemic. The aim of the research is to define the structure of CIS formats for cooperation in sport, and how Russia and its Central Asian partners are involved in it. We have studied such sources as multilateral diplomatic documents, reports, plans, and other documents of the CIS institutions, and relevant online news archives of mass media. The article concludes that the CIS, as an intergovernmental organization, has formed a diverse structure of cooperation in sport, including a specialized institution (the CIS Council on Physical Education and Sport), a detailed legal basis and a large number of formats for multilateral exchanges: not only tournaments, but consultations, conferences, and legal ties as well. The study demonstrates the comprehensive approach of the organization towards multilateral ties in this area. Russia is not only presented in all cooperation formats, but actually is the organizer and the initiator of the majority of them. The representation and the involvement of Central Asian countries in the related CIS institutions, documents and formats of cooperation varies considerably. Among them, during the last decade, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan demonstrated the most active participation, while Turkmenistan has rejected the majority of formats, and sent its teams to a selected number of tournaments. Uzbekistan has also dismissed some formats, but gradually its participation has started to increase. The lesser number of events, organized by Central Asian countries, can be explained by the lesser national budgets; however, the reasons for dismissing the multilateral institutions are far more likely of a political character, namely the political priorities of closeness and neutrality.

REFERENCES

1. Zonova, T. (2012) *Yazyk sporta universalen, kak yazyk muzyki* [The language of sports is universal, like the language of music]. 25 July. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yazyk-sporta-universalen-kak-yazyk-muzyki/> (Accessed: 30.03.2020).
2. Rusakova, O.F. & Korneeva, V.A. (2016) Sport as the Scope of “Soft” and “Hard” Power of Political Influence. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 5 (5A). pp. 195–207. (In Russian).
3. Filonov, V.I. & Yudina, A.V. (2018) Sports Factor in the Formation of the Modern Image of States. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 13 (5). pp. 163–179. (In Russian). DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-5-163-179

4. Naumov, A.O. (2017) Sports Diplomacy as a “Soft Power” Tool. *Mirovaya politika – World Politics*. 4. pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852
5. Ivanova, T.N. (2017) Socioecological Potential of Physical Culture and Sports in the Life of the Contemporary Person. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal – Karelian Scientific Journal*. 2 (19). pp. 149–151. (In Russian).
6. Pshenko, K.A. (2007) Sotrudnichestvo v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta – vazhnyy faktor integratsii gosudarstv – uchastnikov SNG [Cooperation in the field of physical culture and sports as an important factor in the integration of the CIS member states]. *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya*. 5. pp. 294–298.
7. Rossiyskiy stadion. (2020) Soveshchanie rukovoditeley organov gosudarstvennogo upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom stran – chlenov SNG [Meeting of the heads of government bodies of physical culture and sports of the CIS member states]. 27 March. [Online] Available from: <http://stadium.ru/news/soveshchanie-rukovoditelei-organov-gosudarstvennogo-upravleniya-fizicheskoi-kulturoi-i-sportom-stran-chlenov-sng> (Accessed: 27.03.2020).
8. Conventions.ru. (2001) *Reshenie Soveta glav pravitel'stv SNG o provedenii v gorode Moskve mezhdunarodnykh sportivnykh yunosheskikh igr gosudarstv-uchastnikov SNG i stran Baltii ot 29 noyabrya 2001 g.* [Decision of the Council of CIS Heads of Governments of November 29, 2001, on holding in Moscow the international youth sports games of the CIS member states and the Baltic countries]. [Online] Available from: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=19119 (Accessed: 03.09.2020).
9. RBC. (2002) *Moskva gotova k provedeniyu Mezhdunarodnykh yunosheskikh igr* [Moscow is ready to host the International Youth Games]. 07 May. [Online] Available from: <https://sportrbc.ru/news/5754bd019a794743bb21fe56?uid=UET9BFxe9MNArK15BET7Ag> (Accessed: 03.09.2020).
10. Rossiyskiy stadion. (2002) Mezhdunarodnye sportivnye yunosheskie igry stran SNG, Baltii i regionov Rossii [International Sports Youth Games of the CIS countries, the Baltic states and regions of Russia]. 24 June. [Online] Available from: <https://stadium.ru/news/mezhdunarodnye-sportivnye-yunosheskie-igry-stran-sng-baltii-i-regionov-rossii> (Accessed: 03.09.2020).
11. Moscow Government. (2002) *O podgotovke i provedenii v 2002 godu v Moskve Mezhdunarodnykh sportivnykh yunosheskikh igr stran SNG, Baltii i regionov Rossii: Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy* [On the preparation and holding in 2002 in Moscow of the International Youth Sports Games of the CIS countries, the Baltic States, and the regions of Russia: Resolution of the Moscow Government]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/3629111> (Accessed: 03.09.2020).
12. Sputnik. (2005) *V Podmoskov'e startuyut mezhdunarodnye sportivnye Igry yuniorov stran SNG i Baltii* [International Youth Sports Games of the CIS and Baltic countries start in the Moscow region]. 07 June. [Online] Available from: <https://sputnik-georgia.ru/sport/20050607/406452.html> (Accessed: 03.09.2020).
13. MFGS SNG. (2005) *Soglasenie o gumanitarnom sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov SNG ot 26 avgusta 2005 g.* [Agreement on humanitarian cooperation of the CIS member states. August 26, 2005]. [Online] Available from: http://mfgs-sng.org/sgs/gum_sotr/ (Accessed: 29.05.2020).
14. E-CIS. (n.d.) *Informatsiya o Sovete po gumanitarnomu sotrudnichestvu gosudarstv-uchastnikov SNG* [Information about the Council for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/3211/78388/> (Accessed: 30.04.2020).
15. E-CIS. (n.d.) *O deyatel'nosti Mezhgosudarstvennogo fonda gumanitarnogo sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG* [On the activities of the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States]. [Online] Available from: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26636> (Accessed: 13.09.2019).
16. CIS. (2007) *Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov SNG v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta ot 25 maya 2007 g.* [Agreement on cooperation of the CIS member states in the field of physical culture and sports. May 25, 2007]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902129065> (Accessed: 25.03.2020).
17. CIS Interparliamentary Assembly. (2020). (n.d.) *Komissiya po kul'ture, informatsii, turizmu i sportu* [Committee on Culture, Information, Tourism, and Sports]. [Online] Available from: https://iacis.ru/ob_organizatsii/struktura_mpa_sng/postoyannie_komissii_mpa_sng/komissiya_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (Accessed: 03.09.2020).
18. E-CIS. (2019) *Informatsiya o zasedanii Soveta po fizicheskoy kul'ture i sportu uchastnikov Soglaseniya o sotrudnichestve v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta gosudarstv – uchastnikov SNG 2019 g.* [Information on the meeting of the Council for Physical Culture and Sports of the participants in the Agreement on Cooperation in the Field of Physical Culture and Sports of the CIS Member States in 2019]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/3175/82306/> (Accessed: 03.09.2020).
19. E-CIS. (2018) *Informatsiya o zasedanii Soveta po fizicheskoy kul'ture i sportu uchastnikov Soglaseniya o sotrudnichestve v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta gosudarstv – uchastnikov SNG 2018 g.* [Information on the meeting of the Council for Physical Culture and Sports of the participants in the Agreement on Cooperation in the Field of Physical Culture and Sports of the CIS Member States in 2018]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/3175/79108/> (Accessed: 03.09.2020).
20. E-CIS. (2017) *Informatsiya o zasedanii Soveta po fizicheskoy kul'ture i sportu uchastnikov Soglaseniya o sotrudnichestve v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta gosudarstv – uchastnikov SNG 2017 g.* [Information on the meeting of the Council for Physical Culture and Sports of the participants in the Agreement on Cooperation in the Field of Physical Culture and Sports of the CIS Member States in 2017]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/3175/79096/> (Accessed: 03.09.2020).
21. E-CIS. (2016) *Informatsiya ob opyte organizatsii v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG seti uchrezhdeniy dlya zanyatiya detsko-yunosheskim sportom (iyul' 2016 goda)* [Information on the experience of organizing a network of institutions for children and youth sports in the CIS member states (July 2016)]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/78379/> (Accessed: 03.09.2020).
22. CIS Interparliamentary Assembly. (n.d.) *Model'nye kodeksy i zakony* [Model codes and laws]. [Online] Available from: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatsii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (Accessed: 03.09.2020).
23. CIS Interparliamentary Assembly. (2020) *Zasedanie Postoyannoy komissii MPA SNG po kul'ture, informatsii, turizmu i sportu* [Meeting of the CIS Interparliamentary Assembly Permanent Commission on Culture, Information, Tourism and Sports]. 05 March. [Online] Available from: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu_1 (Accessed: 03.09.2020).
24. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. (2012) *Reshenie o Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta gosudarstv – uchastnikov SNG do 2020 g.* [Decision on the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports of the CIS Member States until 2020]. [Online] Available from: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3451> (Accessed: 03.09.2020).
25. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. (2020) *Reshenie o Strategii razvitiya sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta na 2021–2030 gg.* [Decision on the Strategy for the Development of Cooperation of the CIS Member States in the Field of Physical Culture and Sports for 2021–2030]. [Online] Available from: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6241> (Accessed: 03.09.2020).
26. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2012) *VIII Mezhdunarodnye sportivnye igry SNG* [VIII International sports games of the CIS]. 04 September. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/1125.html> (Accessed: 03.09.2020).
27. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2019) *V Kazani zavershilsya VII festival' shkol'nogo sporta stran SNG* [The VII Festival of School Sports of the CIS countries ended in Kazan]. 11 October. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2691.html> (Accessed: 03.09.2020).

28. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2019) *III Festival' sporta sredi semeynykh komand gosudarstv-uchastnikov SNG* [The III Sports Festival among family teams of the CIS member states]. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2740.html> (Accessed: 28.03.2020).
29. Akhmerov, V. (2017) V Ul'yanovske startoval Festival' natsional'nykh vidov sporta stran SNG [The Festival of National Sports of the CIS Countries Started in Ulyanovsk]. *Rossiyskaya gazeta*. 14 August. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/08/14/reg-pfo/v-ulianovske-startoval-festival-natsionalnykh-vidov-sporta-stran-sng.html> (Accessed: 03.09.2020).
30. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2019) *XIX Mezhdunarodnye Issyk-Kul'skie igry* [XIX International Issyk-Kul Games]. 02 September. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2629.html> (Accessed: 03.09.2020).
31. E-CIS. (2012) *Mezhdunarodnyy turnir po futbolu "Kubok Sodruzhestva – 2012"* [International football tournament "Commonwealth Cup–2012"]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/77134/> (Accessed: 03.09.2020).
32. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2012) *Konnyy sport ob"edinyayet narody* [Equestrian sport unites peoples]. 14 August. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/1112.html> (Accessed: 03.09.2020).
33. Ministry of Sports of the Russian Federation. (2014) *Startuet V Otkrytyy konnosportivnyy festival' stran SNG i Baltii Kubok "Sodruzhestvo"* [The V Open Equestrian Festival of the CIS and Baltic countries, the Commonwealth Cup, starts]. 22 July. [Online] Available from: https://minsport.gov.ru/press-centre/video/6941/?special_version=Y (Accessed: 03.09.2020).
34. Rusbiathlon.ru. (2015) *Novosti Olimpiady za 25 avgusta* [News of the Olympics for August 25]. [Online] Available from: <https://rusbiathlon.ru/news/summer-olympic-games/id67226/> (Accessed: 03.09.2020).
35. E-CIS. (2011) *V Tadzhikistane proshel Chempionat SNG po al'pinizmu, posvyashchennyy 20-letiyu SNG* [The CIS Mountaineering Championship dedicated to the 20th anniversary of the CIS was held in Tajikistan]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/77803/> (Accessed: 03.09.2020).
36. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2012) *Mezhdunarodnyy turnir detskikh komand po basketbolu "Serebryanaya korzina"* [International tournament of children's basketball teams "Silver Basket"]. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/1270.html> (Accessed: 03.09.2020).
37. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2012) *Otkrytie Goda sporta i zdorovogo obraza zhizni v SNG* [Opening of the Year of Sports and Healthy Lifestyle in the CIS]. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/880.html> (Accessed: 03.09.2020).
38. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2012) *MFGS podderzhivaet Mezhdunarodnyy turnir po shakhmatam sredi detey "Belaya lad'ya"* [Interstate Fund for Humanitarian Cooperation supports the International Chess Tournament for Children "Belaya Ladya"]. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/660.html> (Accessed: 03.09.2020).
39. E-CIS. (2012) *Informatsiya o Gode sporta i zdorovogo obraza zhizni v SNG (sentyabr' 2012 g.)* [Information about the Year of Sports and Healthy Lifestyle in the CIS (September 2012)]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/78096/> (Accessed: 03.09.2020).
40. E-CIS. (2013) *Informatsiya o deyatelnosti Soveta po fizicheskoy kul'ture i sportu uchastnikov Soglasheniya o sotrudnichestve v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta gosudarstv – uchastnikov SNG v 2013 godu* [Information on the activities of the Council for Physical Culture and Sports of the Parties to the Agreement on Cooperation in the Field of Physical Culture and Sports of the CIS Member States in 2013]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/3028/78386/> (Accessed: 03.09.2020).
41. EvrazesNews.com. (2015) *Predstaviteli stran SNG obsudili v Ul'yanovske razvitie natsional'nykh vidov sporta* [Representatives of the CIS countries discussed the development of national sports in Ulyanovsk]. [Online] Available from: <http://evrazesnews.ru/index.php/news/article/view/19/21349/> (Accessed: 03.09.2020).
42. Edinaya Rossiya. (2016) *Partproekt otkryl Chetvertyy mezhdunarodnyy festival' shkol'nogo sporta stran SNG* [The party project opened the Fourth International School Sports Festival of the CIS countries]. [Online] Available from: <https://er.ru/news/146700/> (Accessed: 03.09.2020).
43. Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. (2019) *V Kazani zavershilsya VII festival' shkol'nogo sporta stran SNG* [The VII International School Sports Festival of the CIS countries ended in Kazan]. [Online] Available from: <http://www.mfgs-sng.org/activity/2691.html> (Accessed: 03.09.2020).
44. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. (2019) *Reshenie o Plane meropriyatiy na 2019–2020 gody po realizatsii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta gosudarstv – uchastnikov SNG do 2020 goda* [Decision on the Action Plan for 2019–2020 for the implementation of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports of the CIS Member States until 2020]. [Online] Available from: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5845> (Accessed: 03.09.2020).
45. E-CIS. (2014) *Ob osnovnykh itogakh vypolneniya Plana meropriyatiy na 2015–2017 gody po realizatsii Programmy podderzhki i razvitiya natsional'nykh vidov sporta v SNG na period do 2020 goda* [On the main results of the implementation of the Action Plan for 2015–2017 for the implementation of the Program for the Support and Development of National Sports in the CIS for the Period until 2020]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/79180/> (Accessed: 03.09.2020).
46. E-CIS. (2017) *O razvitiy fizkul'turno-ozdorovitel'noy raboty sredi sel'skogo naseleniya Respubliki Kazakhstan (sentyabr' 2017 goda)* [On the development of physical culture and health-improving work among the rural population of the Republic of Kazakhstan (September 2017)]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/79097/> (Accessed: 03.09.2020).
47. E-CIS. (2016) *Informatsiya ob opyte organizatsii v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG seti uchrezhdeniy dlya zanyatiya detsko-yunosheskim sportom (iyul' 2016 goda)* [Information about the experience of organizing a network of institutions for children and youth sports in the CIS member states (July 2016)]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/78379/> (Accessed: 03.09.2020).
48. E-CIS. (n.d.) *Informatsiya o realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta v Respublike Kazakhstan* [Information on the implementation of state policy in the field of physical culture and sports in the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://e-cis.info/cooperation/2919/82382/> (Accessed: 03.09.2020).
49. Pshenko, K.A. & Gonashvili, A.S. (2017) Rol' Mezhpapamentarnoy Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG v zakonotvorcheskoy deyatelnosti v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: istoriko-pravovoy aspekt [The role of the Interparliamentary Assembly of the CIS member states in legislative activity in the field of physical culture and sports: the historical and legal aspect]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. 17 (2). pp. 164–167.

Received: 12 April 2021

С.С. Слепцов, С.С. Слепцова

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ЯКУТИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)

Анализируются брачные отношения населения Якутии в конце XIX – начале XX в. На основе анализа метрических книг двух приходов Якутской епархии установлен средний возраст вступающих в первый и повторные браки, разница в возрасте между супругами, приведены данные о степени экзогамности браков у якутов и эвенков. Показано, что несмотря на суровый климат и рассредоточенное проживание населения, якутские священнослужители старались придерживаться принятых в православии норм.

Ключевые слова: историческая демография; православие; история Якутии; якуты; эвенки; метрические книги; брачность; повторный брак; вдовство

Введение. Анализ литературных данных показывает, что с точки зрения этнографии, особенности брачно-семейных отношений местного населения Якутии во второй половине XIX – начале XX в. изучены достаточно подробно. Однако многие аспекты брачности за указанный период остаются неопределенными, например касаются доли ранних браков или среднего возраста брачующихся. При этом исследователи нередко отождествляли брак и так называемый брачный сговор, когда могли порою даже сосватать еще не родившихся детей [1. С. 159]. Или, к примеру, у Р.К. Маака имеются сведения, что у якутов после уплаты калыма «жених получает право спать со своей невестой, хотя ей было не более шести-семи и даже трех-четырех лет» [2. С. 94]. В.Л. Серошевский уточняет, что родители жениха (такого же малолетнего) брали к себе в дом девочку для того, чтобы та заранее привыкала к семье мужа. Но часто возникающие тяжбы по возврату калыма в случае смерти кого-либо из этих детей, а также запрет церкви на союзы несовершеннолетних (16 лет для женщин и 18 лет для мужчин) привели к тому, что «такие браки вывелись» [3. С. 537]. Правда, в исключительных случаях церковнослужители имели право разрешить брак, если жениху или невесте до совершеннолетия оставалось не более полугода. Вследствие этого, как отмечала И.И. Юрганова [4. С. 108], ссылаясь на архивные материалы Якутской епархии, родители умышленно завышали возраст детей, подводя к венцу невест 12 и 13 лет, а женихов 15 и 16 лет. Утверждение о распространенности ранних браков у якутов приводилось и в работах других авторов [5. С. 36; 6. С. 72]. Однако все эти сведения противоречат данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., согласно которым из 55 640 замужних женщин Якутской области лишь 40 чел. числились в возрастной группе 15–16-летних [7. С. 18]. Косвенно подтверждается это и наблюдениями Н.А. Виташевского [8. С. 165], отмечавшего, что случаи беременности девушек-якуток 15–17 лет были весьма редки. Заслуживает внимания также данные врачебного отряда Наркомпросздрава ЯАССР, работавшего в Оймяконском районе в 1928 г. Так, у обследованных якуток ($n = 581$) лишь в 3,8% менархе начинались в возрасте до 14 лет, у 47,5% – в 15–17 лет (у остальных – в более позднем возрасте). Аналогичны данные по началу

половой жизни – 3,3 и 36,6% соответственно [9. Л. 19 об.]. Крайне сходные сведения были получены и доктором С.Е. Шрейбер [10. С. 154] в Вилюйском и Олекминском округах, а как известно, «у якутов <...> растление малолетних, не достигших полового развития, считается важным преступлением» [11. С. 62].

В связи с вышесказанным целью работы явилась не только верификация возраста невест, но и выяснение таких брачных аспектов местного населения Якутии в конце XIX – начале XX в., как доля ранних браков (<17 лет), средний возраст вступления в брак, разница в возрасте между супругами, сезонность браков и т.д. на примере Вилюйского округа Якутской области.

Материалы и методы исследований. Проведен анализ брачных союзов ($n = 1\,209$), зафиксированных в метрических книгах Билучанской Николаевской (1897–1917 гг.) и Шеинской Георгиевской церквей (1891–1916 гг.), опубликованных в изданиях «Напиши имя моё» [12, 13]. Верификация возраста невест ($n = 38$) проведена путем сопоставления их дат рождения (в том числе и в посемейных списках) и дат замужества, а также мест их приписки в рассматриваемые даты. Учитывая относительную однообразность имен и фамилий местного населения, для снижения вероятности ошибок, изучены списки умерших за вышеуказанные периоды времени. Во всех приведенных в работе датах, а также для оценки сезонности и частоты браков по дням недели использовался юлианский календарь. Полученные результаты обработаны с помощью программы Microsoft Excel.

Результаты и обсуждение. Из данных табл. 1 видно, что возраст невест относительно верно (± 1 – 2 мес.) записан в метрических книгах лишь у 1/5 части верифицированных. Тем не менее фактов, когда реальный возраст невест составлял менее 15,5 лет, не выявлено. Также неоднократно отмечены случаи, когда возраст 18–20-летних был занижен на 1,5–2 и более года. Но учитывая безграмотность значительной части прихожан, маловероятно, что в данном случае искажения вносились специально. В целом средний возраст невест, рассчитанный по записям в метрических книгах (раздел «О бракосочетавшихся»), значительно отличался от верифицированных показателей, что позволяет нам использовать эти данные в последующих рассуждениях.

Результаты верификации возраста невест по данным метрических книг [12, 13]

Имя	Дата рождения	Дата первого брака	Возраст	
			Указанный	Верифицированный
Мейтский наслег Верхне-Вилуйского улуса				
Ирина Максимова	10.01.1899 [12. С. 32]	21.09.1916 [12. С. 233]	16	17 лет, 8 мес.
Матрена Игнатъева	10.02.1900 [12. С. 40]	11.01.1917 [12. С. 248]	16	16 лет, 11 мес.
Нахарский наслег Сунтарского улуса				
Екатерина Прокопьева	01.09.1901 [12. С. 65]	10.09.1917 [12. С. 247]	16	16 лет
Пелагея Андреева	хх.хх.1897 [12. С. 387]	09.11.1915 [12. С. 224]	18	≈18 лет
1-й Нерюктейский наслег Сунтарского улуса				
Анна Николаева Данилова	10.06.1897 [12. С. 14]	11.10.1915 [12. С. 223]	16	18 лет, 4 мес.
Ирина Феодорова	22.09.1899 [12. С. 43]	14.04.1917 [12. С. 248]	18	17 лет, 6 мес.
Марфа Николаева Данилова	08.01.1899 [12. С. 23]	12.09.1917 [12. С. 248]	19	18 лет, 8 мес.
Параскева Саввина	18.04.1897 [12. С. 23]	23.10.1917 [12. С. 248]	17	20 лет, 6 мес.
Тюбыйский наслег Сунтарского улуса				
Агафья Спиридонова	11.08.1890 [13. С. 14]	27.04.1916 [13. С. 332]	25	25 лет, 8 мес.
Акилина Митрофанова	25.05.1896 [13. С. 72]	03.04.1915 [13. С. 321]	18	18 лет, 10 мес.
Варвара Васильева	15.05.1897 [13. С. 85]	31.01.1914 [13. С. 309]	17	16 лет, 8 мес.
Евдокия Михайлова	25.09.1897 [13. С. 85]	03.04.1915 [13. С.321]	16	17 лет, 6 мес.
Ксения Иоаннова	04.12.1894 [13. С. 59]	08.01.1912 [13. С. 285]	17	17 лет, 1 мес.
Мария Дмитриева	03.02.1894 [13. С. 47]	07.01.1910 [13. С. 257]	17	15 лет, 11 мес.
Мария Игнатъева	20.05.1899 [13. С. 121]	03.07.1916 [13. С. 336]	17	17 лет, 1 мес.
Стефанида Николаева	26.09.1894 [13. С. 47]	01.07.1910 [13. С. 259]	17	15 лет, 9 мес.
Фекла Феодорова	26.09.1896 [13. С.72]	13.11.1913 [13. С. 296]	16	17 лет, 1 мес.
Феодосья Григорьева	11.09.1892 [13. С. 35]	10.03.1910 [13. С. 259]	17	17 лет, 5 мес.
1-й Бордонский наслег Сунтарского улуса				
Анастасия Михайлова	20.01.1896 [13. С. 64]	20.01.1914 [13. С. 303]	18	18 лет
Анна Самсонова	03.06.1898 [13. С. 115]	08.11.1915 [13. С. 315]	17	17 лет, 5 мес.
Ксения Макарова	18.05.1891 [13. С. 9]	16.12.1909 [13. С. 236]	18	18 лет, 6 мес.
Кюкыйский наслег Сунтарского улуса				
Анастасия Романова	16.12.1895 [13. С. 67]	02.02.1914 [13. С. 306]	18	18 лет, 1 мес.
Анастасия Стефанова	26.02.1896 [13. С. 67]	01.04.1915 [13. С. 318]	17	19 лет, 1 мес.
Евдокия Алексеева	10.03.1897 [13. С. 82]	02.11.1915 [13. С. 318]	17	18 лет, 7 мес.
Ирина Иосифова	02.04.1891 [13. С. 12]	28.04.1911 [13. С. 266]	18	20 лет
Ирина Николаева	08.04.1891 [13. С. 12]	10.02.1910 [13. С. 255]	19	18 лет, 10 мес.
Наталья Андреева	06.05.1890 [13. С. 12]	11.04.1906 [13. С. 197]	17	15 лет, 11 мес.
2-й Нерюктейский наслег Сунтарского улуса				
Анна Стефанова	07.09.1894 [13. С. 46]	20.01.1911 [13. С. 271]	17	16 лет, 4 мес.
Анастасия Иоаннова	11.11.1894 [13. С. 57]	17.04.1912 [13. С. 282]	16	17 лет, 5 мес.
Екатерина Григорьева	13.06.1896 [13. С. 70]	17.04.1912 [13. С. 283]	16	15 лет, 10 мес.
Марина Николаева	27.12.1891 [13. С. 24]	29.10.1914 [13. С. 307]	22	22 г., 10 мес.
Марфа Алексеева	28.06.1898 [13. С. 95]	20.04.1916 [13. С. 334]	17	17 лет, 9 мес.
Бутукайский наслег Сунтарского улуса				
Евфросиния Спиридонова	15.08.1897 [13. С. 79]	29.01.1914 [13. С. 304]	17	16 лет, 5 мес.
Марфа Спиридонова	07.05.1896 [13. С. 65]	21.04.1912 [13. С. 280]	16	15 лет, 11 мес.
Брангатский род эвенков				
Анна Николаева	09.09.1900 [12. С. 45]	07.10.1916 [12. С.234]	16	16 лет
Екатерина Григорьева	30.07.1898 [12. С. 25]	24.10.1914 [12. С. 216]	16	16 лет, 2 мес.
Екатерина Димитриева	30.07.1898 [12. С. 25]	19.10.1914 [12. С. 216]	16	16 лет, 2 мес.
Ксения Иванова	01.05.1897 [12. С. 25]	10.01.1913 [12. С. 196]	16	15 лет, 8 мес.
Средний возраст			17 лет, 3 мес.	17 лет, 8 мес.

Средний возраст жениха на момент вступления в I брак составлял $23,6 \pm 0,2$ лет, во II – $38,8 \pm 0,7$ лет, в III – $45,9$ лет. Для женщин эти показатели составили $20,3 \pm 0,1$, $32,9 \pm 0,9$ и $43,8 \pm 8,3$ лет соответственно. Значительная часть мужчин (57%) вступала в первый брак в возрасте от 19 до 24 лет, женщин – от 17 до 22 лет (73,5%). Как правило, у женщин после 23–24 лет вероятность выйти замуж существенно снижалась. Доля 16–17-летних невест по отношению к общей выборке составила 25,2% (табл. 2). По данным Б.Н. Попова [6. С. 71], последний показатель равнялся 54,6%. И хотя автор указывал, что в разных местах Якутии время вступления в брак было неодинаковым, основной причиной разницы с нашими данными, скорее всего, является недостаточный объем выборочной совокупности в его исследованиях ($n = 264$).

Брак являлся первым как для жениха, так и невесты в 75,8% (табл. 3). Как правило, повторные браки

(отнесены II и III в совокупности) чаще встречались среди мужчин (20,8%), чем у женщин (9,1%), что связано не только с тем, что у первых шансы образовать новую семью традиционно были выше, но и с более высокой смертностью женщин репродуктивного возраста. Так, среди умерших в возрасте от 17 до 50 лет общее количество женщин ($n = 402$) превышало количество мужчин ($n = 309$) на 76,8%. При этом установлено, что смерть 23,4% женщин в этой возрастной группе наступила вследствие родовых или послеродовых осложнений [14. С. 59]. Для сравнения, в Покровском приходе Барнаула (1869–1911 гг.) доля повторных браков у мужчин находилась на уровне 14,6%, женщин – 9,3% [15. С. 72], а смертность «от родов» в упомянутой возрастной группе составляла 9,8% [16]. Учитывая вышесказанное, а также незначительное количество разводов в те годы, можно предположить,

что уровень повторных браков среди мужчин имел прямую зависимость от уровня смертности женщин. Кстати, как показывают данные переписи Якутии 1897 г. [7. С. 19], в Вилуйском округе количество

вдов ($n = 3\,836$) значительно превышало количество вдовцов ($n = 1\,378$), но это объясняется тем, что после вступления в повторный брак «вдовы» переходили в категорию «состоящие в браке».

Т а б л и ц а 2

Распределение впервые вступающих в брак мужчин ($n = 958$) и женщин ($n = 1\,099$) по возрастным группам

Возраст, лет	Мужчины		Женщины		Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%
16	0	0,0	81	7,4	25–26	103	10,8	48	4,4
17	2	0,2	196	17,8	27–28	82	8,6	28	2,5
18	85	8,9	190	17,3	29–30	65	6,8	32	2,9
19	133	13,9	149	13,6	31–40	65	6,8	26	2,4
20–22	271	28,3	273	24,8	41–50	8	0,8	6	0,5
23–24	142	14,8	69	6,3	>50	2	0,2	1	0,1

Т а б л и ц а 3

Распределение вступающих в брак по группам в зависимости от первого или повторного брака

Жених \ Невеста	Первый брак		Второй брак		Третий брак		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Первый брак	916	75,8	42	3,5	0	0	958	79,2
Второй брак	161	13,3	57	4,7	4	0,3	222	18,4
Третий брак	22	1,8	6	0,5	1	0,1	29	2,4
Всего	1 099	90,9	105	8,7	5	0,4	1 209	100

Овдовевшие, в особенности с детьми, старались быстрее вступить в новый брак, но согласно Д.М. Павлинову [11. С. 50], не раньше, чем после 2 месяцев после смерти супруга. Например, житель Меитского наслега Афанасий Андреев 30.06.1903 г. женился на уроженке того же наслега Екатерине Алексеевой [12. С. 75], от которой у него родилось не менее четырех детей (1907, 1909, 1910 и 1912 г.р.). Во время последних родов 04.02.1912 г. Екатерина скончалась [12. С. 185]. Вдовец повторно женился 01.07.1912 г. на Анне Андреевой Дорофеевой [12. С. 188], которая 14.07.1915 г. также умерла во время родов [12. С. 221]. Спустя 3 месяца, 12.10.1915 г., Андреев женился в 3-й раз [12. С. 221]. Приведем другой пример – жительница Тюбый-Жарханского наслега Харитина Павлова 04.05.1904 г. вышла замуж за уроженца того же наслега Василия Михайлова [13. С. 175], от которого родила двух дочерей (1904 г.р. и 1908 г.р.) и двух сыновей (1905 г.р. и 1907 г.р.). Муж умер от туберкулеза 08.05.1909 г. [13. С. 247]. Спустя два месяца, 05.07.1909 г., вдова повторно вышла замуж за Павла Николаева [13. С. 246], от которого родила еще двух детей (1909 и 1912 г.р.).

Из рис. 1 видно, что браки между ровесниками заключались в 9,8%. В большинстве же случаев (80,6%) возраст жениха превышал возраст невесты. Нередко эта разница могла составлять 10 и более лет, в том числе отмечено два брака, когда женихи (оба в 3-м браке) взяли в жены женщин (обе в 1-м браке) младше их на 42 года. Так, 11.06.1901 г. 60-летний Николай Васильев женился на 18-летней Татьяне Степановой [12. С. 52], а 01.07.1915 г. 69-летний Трофим Васильев Павлов взял в жены 27-летнюю Татьяну Михайлову [12. С. 223], от которой 16.11.1915 г. родился сын [12. С. 233]. В свое время значительное количество разновозрастных браков этнограф В.Ф. Трошанский объяснял тем, что якутские женщины являлись «товаром, которым завладевает тот, кто заплатит» [17. С. 5]. Вдобавок он отмечал, что ради материальной

выгоды в редких случаях и мужчины женились на женщинах значительно старше себя. Наши исследования подтверждают вышесказанное: доля браков, в которых женщина была старше мужчины на 10 или более лет, составляла менее 0,5%, или 6 случаев. Максимальная разница составила 20 лет – 30.01.1905 г. 24-летний Иннокентий Иванов (2-й брак) взял в жены 44-летнюю Евдокию Григорьеву (3-й брак) [12. С. 100], от которой у него 19.07.1905 родился сын [12. 102].

Огромные территории приходов, суровый климат и рассредоточенное проживание малочисленного населения, безусловно, не могли не влиять на работу священнослужителей, которые должны были сами ездить по наследам, расположенных нередко в крайне труднодоступных местах. В связи с этим указом Синода от 20.12.1905 г. было определено, что якутским священникам в крайних случаях разрешено совершать венчания и в дни поста [18. С. 67]. Напомним, в течение года у православных четыре поста, в том числе Великий (длится 48 дней перед Пасхой, в основном приходился на март), Петров (длится 20 дней, в основном приходился на июнь), Успенский (с 1 по 14 августа), Рождественский (с 15 ноября по 24 декабря). Тем не менее, как видно из рис. 2, несмотря на все сложности, даже после выхода вышеупомянутого указа, священнослужители старались придерживаться принятых в православии норм.

Немного иначе обстояло дело с запретом венчаний накануне еженедельных постных дней, а именно во вторник, четверг, а также в субботу. Так, если до выхода указа доля венчаний в «запрещенные» дни была на уровне 10,3%, то начиная 1906 г. это показатель составлял уже 27,7% (табл. 4). Для сравнения, в Севастополе (1865–1866, 1885, 1897 гг.) данное значение равнялось 1,4% [19. С. 99].

Ранее исследователи неоднократно отмечали, что для исключения близкородственных связей и желанием расширить социальные контакты как якуты, так и эвенки старались вступать в экзогамные браки [1, 3, 8].

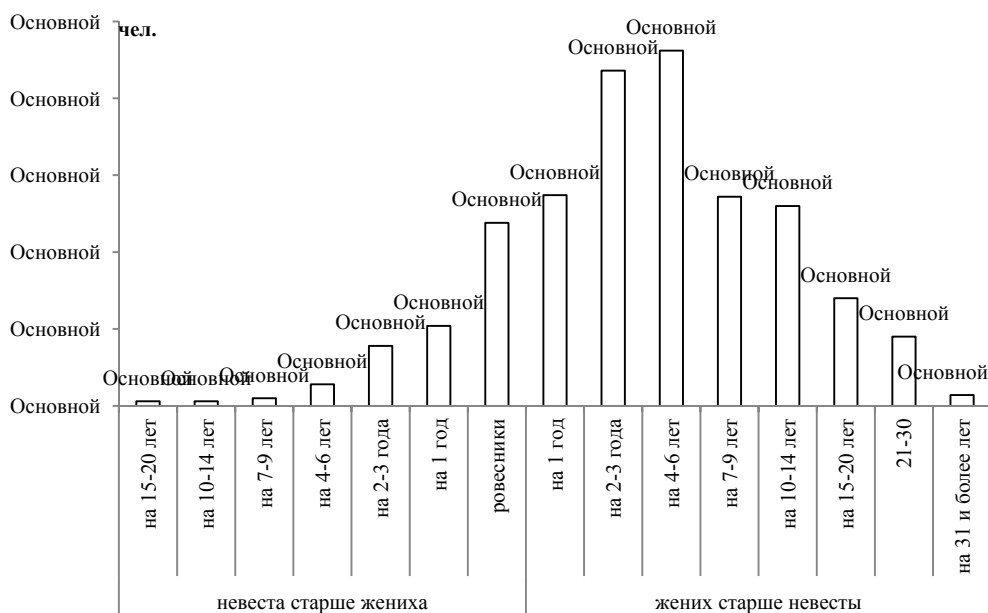

Рис. 1. Разница в возрасте жениха и невесты в Вилюйском округе (1897–1917 гг.)

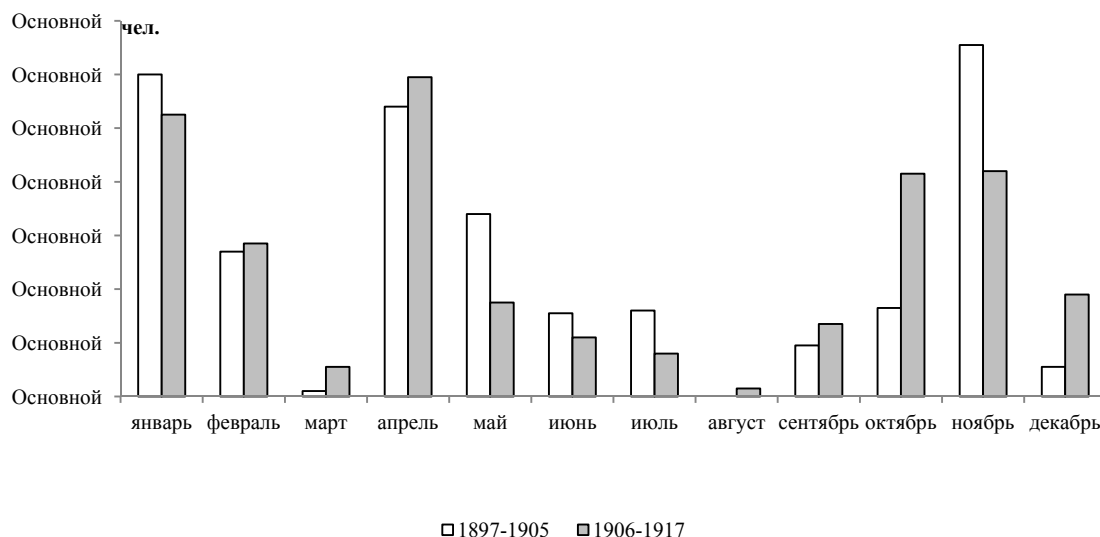

Рис. 2. Сезонность браков местного населения Вилюйского округа (1897–1917 гг.)

Таблица 4
Распределение браков среди местного населения Вилюйского округа Якутии по дням недели (1897–1917 гг.)

День недели	Количество венчаний			
	1898–1905 гг.		1906–1917 гг.	
	<i>n</i>	%	<i>n</i>	%
Понедельник	128	21,0	78	13,0
Вторник	24	3,9	54	9,0
Среда	144	23,6	130	21,7
Четверг	25	4,1	70	11,7
Пятница	133	21,8	105	17,5
Суббота	14	2,3	42	7,0
Воскресенье	141	23,2	121	20,2
Итого	609	100	600	100

Например, Н.А. Виташевский отмечал, что обеспеченные якуты старались женить своих сыновей на девушках из других улусов, или, в крайнем случае, из отдаленных наслегов родного улуса. Люди среднего достатка женились на женщинах соседних наслегов, и наконец, бедняки вынуждены были выбирать жен в родном наслеге [8. С. 159]. Исследователь, ссылаясь

на информатора, указывал, что при повторных браках обычай экзогамии слабеет, но по нашим данным, значительной разницы не наблюдалось. Так, из женившихся впервые мужчин в экзогамный брак вступило 60,9% (584 чел.), при повторных браках данный показатель составил 63,7% (160 чел.), для женщин – 61,9% (1 099 чел.) и 59,1% (65 чел.) соответственно. Немно-

го был выше показатель экзогамности у эвенков Брангатского рода (67,1%, или 100 случаев). При этом лишь в девяти случаях отмечены союзы между представителями данного рода с представителями других «тунгусских» родов (Киндигирским, Сологонским и так называемыми илимпийскими эвенками), в остальных случаях эвенки предпочли браки с якутами. Недаром в свое время Семен Ефимович Шрейбер указывал, что представители Брангатского рода «совершенно обьякутились, так что даже забыли свое собственное наречие и говорят исключительно по-якутски» [10. С. 323]. В целом же количество браков якутов с эвенками составило 98 случаев, или 8,1%, в том числе 60 эвенкийско-якутских и 38 якутско-эвенкийских. Кроме того, зафиксированы по одному случаю якутско-русского и русско-якутского браков, а также один брак между русскими.

Заключение. Установлено, что широко распространенное утверждение о распространенности ранних браков среди местного населения Якутии в XIX – начале XX в. является необоснованным. Так, средний возраст вступления в I брак у мужчин составлял $23,6 \pm 0,2$ лет, у женщин $20,3 \pm 0,1$ лет. Вместе с тем важно отметить, что по результатам верификации возраста женщин, случаев венчаний малолетних невест не отмечено. То есть можно утверждать, что браки несовершеннолетних не были настолько распро-

странены, как это указывалось ранее в литературе. Доля 16–17-летних невест по отношению к общей выборке находилась на уровне 25,2%. В 80,6% всех браков женихи были старше невест, а разница в возрасте нередко составляла 10 и более лет.

Вероятность повторных браков находилась на уровне 20,8% у мужчин и 9,1% у женщин. Одной из главных причин данной гендерной разницы являлась высокая смертность женщин репродуктивного возраста. Овдовевшие стремились быстрее жениться. Это является наглядным показателем того, что в рассматриваемый период брак необходимо понимать не только как союз с целью продолжения рода и расширения влияния, но и как необходимое условие существования в сложных социально-бытовых и климатических условиях. Доля экзогамных браков у якутов находилась на уровне 59,1–63,7%, у эвенков – 67,1%. При этом установлено, что эвенки предпочитали браки с якутами, чем с представителями других тунгусо-маньчжурских родов.

Специфические особенности проживания местного населения и суровые условия региона внесли определенные коррективы в работу священников. Но, несмотря на все сложности, священнослужители старались исправно исполнять предписанные «церковные требы», что наглядно видно при анализе сезонности браков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки: (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 302 с.
2. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. СПб: Типография и Хромофотография А. Траншеля, 1887. Ч. 3. 192 с.
3. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.
4. Юрганова И.И. Православный приход в Якутии (XVII – начало XX в.) // Российская история. 2014. № 3. С. 97–111.
5. Барашкова А.С. Эволюция брачности якутов (конец XIX – начало XXI века) // Историческая демография. 2015. № 1 (15). С. 33–37.
6. Попов Б.Н. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии: ист.-социол. аспект / отв. ред. В.И. Бойко, М.Г. Панкратова. Новосибирск: Наука, 1987. 320, [3] с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 85 т. Т. LXXX: Якутская область / под ред. Н.А. Тройницкого. М.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. Т. 80. С. 18–19.
8. Виташевский Н.А. Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов (Труды Комиссии по изучению ЯАССР). Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 4. С. 89–220.
9. Отчетный доклад по работе I врачебного отряда Северных округов по Оймяконскому улусу // Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 58р. Оп. 41. Д. 17. Л. 19 об.
10. Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов / ред. изд. акад. В.Л. Комаров. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 372 с.
11. Павлинов Д.М. Брачное право у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов (Труды Комиссии по изучению ЯАССР). Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 4. С. 47–62.
12. Напиши имя моё... (Метрические книги Билючанской Николаевской церкви и списки жителей Вилючанского и Нахаринского наслегов Сунтарского улуса): сб. арх. док. / сост. А.Е. Яковлев, А.А. Морякунова, С.К. Григорьев. Якутск, 2017. 496 с.
13. Напиши имя моё... (Метрические книги Шеинской Георгиевской церкви Сунтарского улуса): сб. арх. док. / сост. А.Е. Яковлев. Якутск: Чопчу, 2019. 372 с.
14. Слепцов С.С., Слепцова С.С., Алексеева З.Н. Смертность местного населения Якутии в XIX – начале XX вв. (по данным метрических книг) // Якутский медицинский журнал. 2020. № 1. С. 57–60.
15. Сарафанов Д.Е. Разница в возрасте супругов как показатель брачного поведения населения Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. (анализ базы данных по материалам метрических книг) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 71–73.
16. Свидетельство о государственной регистрации баз данных № 2013621505 Российская Федерация. Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX вв. по материалам метрических книг / В.Н. Владимиров, Д.В. Колдаков, Д.Е. Сарафанов; заявитель и правообладатель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет». № 2013621303; заявл. 16.10.2013; опубл. 20.01.2014. 1 с.
17. Трошанский В.Ф. Любовь и брак у якутов: этнографический очерк // Из якутской старины: (к материалам по якутскому брачному праву). СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Типография товарищества И.Н. Кушнарев и Ко), 1909. С. 1–10.
18. Указы его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Якутские епархиальные ведомости. 1906. № 6. С. 66–69.
19. Хабарова О.В. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 2 (4). С. 86–100.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 25 июня 2021 г.

Features of Marital Relationships of the Inhabitants of Yakutia in the Late 19th – Early 20th Centuries (According to Metric Books)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 100–106.

DOI: 10.17223/15617793/469/13

Spiridon S. Sleptsov, Yakut Science Centre of Complex Medical Problems (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sachaja@yandex.ru

Snezhana S. Sleptsova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sssleptsova@yandex.ru

Keywords: historical demography; Orthodoxy; history of Yakutia; Yakuts; Evenks; metric books; marriage; remarriage; widowhood.

The article analyzes marital relationships of the local population in Yakutia in the late 19th – early 20th centuries. From the point of view of ethnography, this topic has been studied by researchers in sufficient detail. However, such indicators as the proportion of early marriages (<17 years old), the average age of marriage, age difference between spouses, seasonality of marriages, etc. have been studied poorly or not studied at all. We were able to fill this gap by analyzing marriages recorded in the metric books of the Bilyuchansk Nicholas (1897–1917) and Sheinsky St. George churches (1891–1916) of the Vilyui district of Yakutia ($n = 1209$). We established that the widespread opinion about the prevalence of early marriages among the local population of Yakutia in the 19th and early 20th centuries is erroneous. For example, it was previously thought that, since the Orthodox Church banned marriages of minors, parents inflated the age of the newlyweds. During our age verification of 38 brides, we did not find a case where girls younger than 15.5 years old (the minimum age allowed) were brought to the wedding table. The insignificant number of underage brides is confirmed not only by the observations of ethnographers of that period but also by the data of the first general census of the Russian Empire in 1897: from 55,640 married women of Yakutia only 40 people were 15–16 years old. A significant proportion of men (57%) entered into their first marriage between the ages of 19 and 24, women between 17 and 22 (73.5%). As a rule, women were significantly less likely to get married after the age of 23–24. The proportion of 16- to 17-year-old brides to the total sample was 25.2%. The average age at their first marriage for men was 23.6 ± 0.2 years, for women 20.3 ± 0.1 years. In 80.6% of all marriages, grooms were older than brides, and the age difference was often 10 years or more. The probability of remarriage for men was 20.8% for men and 9.1% for women. One of the main reasons for this gender difference was the high mortality rate of women of reproductive age. Those who were widowed sought to establish a new family more quickly, which is a clear indication that in the period under consideration marriage should be understood not only as a union for the continuation of the family and expansion of influence but also in general as a necessary condition for existence in difficult social and climatic conditions. The share of exogamous marriages among Yakuts was at the level of 59.1–63.7%, and among Evenks at 67.1%. We found that Evenks preferred marriages with Yakuts than with representatives of other Tungus-Manchzhur clans. The specific characteristics of the local population and the harsh conditions of the region made certain adjustments to the work of the priests of the Yakutsk Eparchy. But, despite all the difficulties, the priests tried to faithfully perform the prescribed “church rites”, which is visible in the analysis of the seasonality of marriages.

REFERENCES

1. Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki: (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenks: Historical and Ethnographic Essays: (18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
2. Maak, R.K. (1887) *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyuysky District of Yakutsk Oblast]. Part 3. Saint Petersburg: Tipografiya i Khromolitografiya A. Transhelaya.
3. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Ethnographic research experience]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
4. Yurganova, I.I. (2014) *Pravoslavnyy prikhod v Yakutii (XVII – nachalo XX v.)* [Orthodox parish in Yakutia (17th – early 20th centuries)]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 97–111.
5. Barashkova, A.S. (2015) *Evolutsiya brachnosti yakutov (konets XIX – nachalo XXI veka)* [Evolution of Yakut nuptiality (late 19th – early 21st centuries)]. *Istoricheskaya demografiya*. 1 (15). pp. 33–37.
6. Popov, B.N. (1987) *Sotsialisticheskie preobrazovaniya semeyno-brachnykh otnosheniy u narodov Yakutii: ist.-sotsiol. aspekt* [Socialist transformations of family and marriage relations among the peoples of Yakutia: a historical-sociological aspect]. Novosibirsk: Nauka.
7. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 85 t.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897: in 85 volumes]. Vol. 80. Moscow: Izd. Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. pp. 18–19.
8. Vitashevskiy, N.A. (1929) *Yakutskie materialy dlya razrabotki voprosov embriologii prava* [Yakut materials for the development of issues of embryology of law]. In: *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov (Trudy Komissii po izucheniyu YaASSR)* [Materials on customary law and on the social life of Yakuts (Proceedings of the Commission for the Study of the YaASSR)]. Vol. 4. Leningrad: USSR AS. pp. 89–220.
9. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 58r. List 41. File 17. P. 19 rev. *Otchetnyy doklad po rabote I vrachebnogo otryada Severnykh okrugov po Oymyakonskomu ulusu* [Report on the work of the 1st medical detachment of the Northern districts in Oymyakon ulus].
10. Shreyber, S.E. (1931) *Mediko-sanitarnoe obledovanie naseleniya Vilyuyskogo i Olekminskogo okrugov* [Medical and sanitary examination of the population of Vilyuysky and Olyokminsky districts]. Leningrad: USSR AS.
11. Pavlinov, D.M. (1929) *Brachnoe pravo u yakutov* [Marriage law among the Yakuts]. In: *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov (Trudy Komissii po izucheniyu YaASSR)* [Materials on customary law and on the social life of the Yakuts (Proceedings of the Commission for the Study of the YaASSR)]. Vol. 4. Leningrad: USSR AS. pp. 47–62.
12. Yakovlev, A.E. et al. (2017) *Napishi imya moe... (Metrichekie knigi Bilyuchanskoy Nikolaevskoy tserkvi i spiski zhiteley Vilyuchanskogo i Nakharinskogo naslegov Suntarskogo ulusa): sb. arkh. dok.* [Write my name ... (Metric books of the Bilyuchansk Nicholas Church and lists of residents of the Vilyuchansky and Nakharinsky naslegs of the Suntarsky ulus): archival documents]. Yakutsk: [s.n.].
13. Yakovlev, A.E. (2019) *Napishi imya moe... (Metrichekie knigi Sheinskoy Georgievskoy tserkvi Suntarskogo ulusa): sb. arkh. dok.* [Write my name ... (Metric books of the Sheinsky St. George Church of the Suntarsky ulus): archival documents]. Yakutsk: Chopchu.
14. Sleptsov, S.S., Sleptsova, S.S. & Alekseeva, Z.N. (2020) Mortality Rate of the Local Population of Yakutia in the 19th – Early 20th Centuries (According to Metric Books). *Yakutskiy meditsinskiy zhurnal – Yakut Medical Journal*. 1. pp. 57–60. (In Russian). DOI: 10.25789/YMJ.2021.73.16
15. Sarafanov, D.E. (2016) *Raznitsa v vozraste suprugov kak pokazatel' brachnogo povedeniya naseleniya Barnaula vo vtoroy polovine XIX – nachalo XX vv. (analiz bazy dannykh po materialam metrichekskikh knig)* [The difference in the age of spouses as an indicator of the marital behavior

- of the population of Barnaul in the second half of the 19th – early 20th centuries (analysis of the database based on materials of metric books)]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. 45. pp. 71–73.
16. Certificate of state registration of databases No. 2013621505 Russian Federation. Vladimirov, V.N., Koldakov, D.V. & Sarafanov, D.E. (2013) *Naselenie Barnaula vtoroy poloviny XVIII – nachala XX vv. po materialam metriceskikh knig ; zayavitel' i pravoobladatel' Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Altayskiy gosudarstvennyy universitet"*. № 2013621303; zayavl. 16.10.2013; opubl. 20.01.2014. 1 s. [Certificate of state registration of databases No. 2013621505 Russian Federation. The population of Barnaul in the second half of the 18th – early 20th centuries based on materials of metric books. Applicant and copyright holder: Altai State University. No. 2013621303; Application of October 16, 2013; published on January 20, 2014. 1 page].
 17. Troshchanskiy, V.F. (1909) Lyubov' i brak u yakutov: etnograficheskiy ocherk [Love and marriage among the Yakuts: an ethnographic essay]. In: *Iz yakutskoy stariny: (k materialam po yakutskomu brachnomu pravu)* [From the Yakut antiquity: (to materials on the Yakut marriage law)]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (Tipografiya tovarishchestva I.N. Kushnarev i Ko). pp. 1–10.
 18. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1906) Ukazy ego Imperatorskago Velichestva, Samoderzhitsa Vserossiyskago, iz Svyateyshago Pravitel'stvuyushchago Sinoda [Decrees of His Imperial Majesty, the Autocrat of Russia, from the Holy Governing Synod]. 6. pp. 66–69.
 19. Khabarova, O.V. (2013) Dinamika pokazateley brachnogo povedeniya zhiteley Sevastopolya v XIX v.: analiz bazy dannykh, sozdannoy po materialam metriceskikh knig [Dynamics of indicators of marital behavior of residents of Sevastopol in the 19th century: analysis of a database created on the basis of metric books]. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*. 2 (4). C. 86–100.

Received: 25 June 2021

ИСТОРИЯ

УДК 94(47-12):392.77:[343.43+343.7]"17"

С.В. Джунджузов

БАРАНТА КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ФРОНТИРЕ РОССИИ В 40–50-х гг. XVIII в.

Рассматривается обоснование и использование российскими властями баранты (заложничества) в качестве правового института в отношениях с кочевыми народами юго-восточного фронта в 40–50-х гг. XVIII в. Инициатором ее применения выступил правитель Младшего жуза хан Абулхайр. Отмечается, что в контексте геополитических реалий XVIII столетия баранта, как способ пресечения локального конфликта, ограничивала потенциал его дальнейшего распространения, обеспечивала правовую базу для ведения переговоров и удовлетворения претензий конфликтующих сторон.

Ключевые слова: баранта; губернатор; заложничество; конфликт; право; фронт.

«История под ударом» – именно так следует трактовать коллизии исторической памяти, наблюдаемые в последнее время в странах, еще недавно гордившихся своей принадлежностью к европейской цивилизации. Их смысл заключается в переносе ценностей современного гражданского общества на процессы и события прошедших эпох. В результате вчерашние герои становятся изгоями, сносятся поставленные в их честь памятники, их имена вычеркиваются из названий улиц и других социальных объектов. Вина этих людей заключается в том, что они принадлежали к сословиям господ в эпоху рабства или феодализма либо являлись яркими представителями колониальных империй. К числу таких государств многие историки из стран ближнего и дальнего зарубежья относят Российскую империю [1; 2. С. 112–114; 3]. При этом они часто оперируют фактами, вырванными из исторического контекста, за что современная российская историография их обоснованно критикует как с теоретических [4–5], так и с конкретно-исторических позиций [6–8]. В настоящей статье данная проблема будет рассмотрена на примере внедрения российскими властями практики применения баранты (заложничества) в качестве правового института в отношениях с кочевыми народами юго-восточного фронта к середине XVIII в.

Документальной основой для проведения исследования послужили материалы из фонда «Оренбургской губернской канцелярии» Государственного архива Оренбургской области. Наиболее значимыми из них являются: «Выписка из доношений тайного советника и оренбургского губернатора Неплюева от 12 по 25 октября и бригадира Тевкелева от 24 сентября по 24 декабря 1748 года с рассуждением Коллегии иностранных дел 1749 года» о целесообразности использования баранты [9. Л. 101–107], распоряжения И.И. Неплюева и донесения офицеров о ее фактическом применении [10. Л. 33–34; 11. Л. 119–120, 133–134 об., 365].

В конце 1748 г., через 18 лет после вхождения Младшего казахского (киргиз-кайсацкого) жуза в российское подданство, в числе прочего Коллегия иностранных дел запросила мнение оренбургского губернатора И.И. Неплюева и авторитетного военного администратора и дипломата, бригадира А.И. Тевкелева об использовании баранты как средства силового воз-

действия на родовую казахскую знать. Причем, как следует из переписки, «баранта» понималась в более узком смысле, по сравнению со словарным толкованием этого термина. Вопрос ставился о правомерности захвата заложников из представителей тех родов, чьи родственники были заподозрены в совершении преступлений в отношении российских подданных или экономических интересов Российской империи. Это могли быть разбойные нападения на населенные пункты, захват скота и пленение людей, ограбления российских и иностранных купеческих караванов. Как выяснилось, отношение к баранте, как средству умиротворения степного народа, у высокопоставленных оренбургских чиновников сложилось диаметрально противоположное.

Алексей Иванович (Кутлу-Мухаммед) Тевкелев происходил из рода татарских мурз. Знание восточных языков и незаурядные способности позволили ему, рядовому переводчику при Коллегии иностранных дел, выдвинуться в число выдающихся российских дипломатов своего времени. К началу 1730-х гг. А.И. Тевкелев имел опыт дипломатических сношений с Персией, Турцией и Калмыцким ханством. В 1731 г. Тевкелев возглавил дипломатическую миссию, направленную в Казахскую степь для заключения договора с ханом Младшего жуза Абулхайром. Он не только добился подписания присяги казахским ханом и знатными старшинами о вступлении в российское подданство, но и сумел наладить с Абулхайром доверительные отношения, которые сохранялись между ними до смерти хана в 1748 г. В период обострения отношений между ханом Абулхайром и губернатором И.И. Неплюевым «приятельство» Тевкелева с казахским правителем позволило избежать значительных военных конфликтов. Неоднократные поездки А.И. Тевкелева в ханскую ставку не ограничивались одними лишь представительскими обязанностями. По поручению правительства он занимался сбором сведений, касавшихся истории, экономики, социальных отношений, права и других аспектов жизни казахского народа и его правителей, а также их отношений с соседними странами и народами [12. С. 68–76]. В результате ни одно значимое правительственное решение по «киргиз кайсацкому» вопросу не обходилось без запроса мнения А.И. Тевкелева.

Бригадир Тевкелев решительно поддержал идею задержания невинных сородичей преступника. Баранту он назвал нужным делом, без которого «сколько не трудиться, киргис кайсацкий народ от предерзостей удерживать и в послушание в скором времени привести никак не возможно» [9. Л. 98]. Далее А.И. Тевкелев в четырех пунктах, ссылаясь на исторический опыт, обосновывает правомерность применения баранты. В первую очередь бригадир сослался на мнение Нурали-хана, который неоднократно и в письмах, и при личных встречах «оную баранту за весьма нужное признавал». Предвидя замечание о том, что сами казахи людей в баранту не берут, а только скот отгоняют, Тевкелев пояснил, что у скотоводов просто нет возможности держать заложников в заточении или под постоянным присмотром. Далее он призвал не опасаться негативной реакции родовых старшин против мнения хана и султанов. Они возражать не станут, «ибо у них, киргизцов, то и право, что баранта» [9. Л. 98 об.]. Содержать заложников Тевкелев предполагал как в Оренбурге, так и в Орской крепости. Даже если из-за дальности расстояния от их кочевий и угрозы баранты казахи станут пренебрегать оренбургским торгом, то от поездок в Орск за нужными товарами они отказаться не смогут.

В заключение в качестве примера бригадир Тевкелев сослался на опыт правления калмыцкого Аюки-хана, который, даже став почти самовластным правителем, без баранты обойтись не мог [9. Л. 98 об.].

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев считал, что баранта в качестве средства давления на казахов и другие азиатские народы не только бесполезна, но даже вредна для интересов России. Свое представление в Коллегию иностранных дел он изложил в восьми пунктах. В первых двух пунктах губернатор рассмотрел использование баранты самими казахами и в соседних с ними «городских» странах. Казахи прибегали к баранте всякий раз, когда между ними случались ссоры или убийства. Как уже говорилось выше, пострадавшая сторона отгоняла принадлежавший обидчикам скот и лошадей. Баранта удерживалась ими до тех пор, пока враждующие стороны между собой не договаривались самостоятельно. В противном случае претензии истцов должны были разрешаться в третейском либо ханском суде. Однако случалось и так, что вражда между родами и семьями затягивалась на 20–30 лет.

Применение баранты со стороны бухарских и хивинских правителей И.И. Неплюев расценивал как проявление слабости. Они практиковали удержание приезжавших в их города казахских торговцев до тех пор, пока их сородичи не возвратят награбленное имущество. В качестве образца поведения, достойного подражания, оренбургский губернатор ссылается на действия джунгарских и волжских калмыцких нойонов (владельцев). Всякий раз, когда у них случались ссоры с казахскими ханами и прочими султанами и старшинами, они собираются всей ордой и «всегда с ними не барантою, но военною рукою управляется» [9. Л. 99].

Чтобы лучше понять воинственную риторику И.И. Неплюева, обратимся к некоторым аспектам его

послужной дипломатической деятельности и специфике выстраивания отношений с ханом Абулхаиром и другими казахскими правителями на посту оренбургского губернатора.

На государственную службу Иван Неплюев попал в силу петровского указа о недорослях от 20 января 1714 г. К тому времени «недорослю» Неплюеву уже исполнился 21 год. Учеба в Нарвской навигацонной школе, Петербургской морской академии, стажировка на военно-морских судах в Венеции, наконец, покровительство самого императора Петра I, казалось, предрекали И.И. Неплюеву блистательную карьеру морского офицера. Но в январе 1721 г. он неожиданно получает назначение на должность резидента при дворе турецкого султана. Российскую миссию в Константинополе И.И. Неплюев возглавлял до 1734 г.

Военно-морская служба в период славных побед русского флота на Балтике, внушаемая с гардемаринской скамьи вера в несокрушимую мощь Российской державы, оказали влияние на отношение И.И. Неплюева к дипломатической службе. Как чиновник и дипломат он был весьма инициативным, но только в пределах дозволенного вышестоящим начальством, и, одновременно, послушным и исполнительным. Решать дипломатические проблемы предпочитал с позиции силы, порой переоценивая возможности ее использования. Именно И.И. Неплюев в 1735 г. выступил решительным сторонником войны с Османской империей. Он уверял правительство, что выдвижение к турецкой границе одного малого русского корпуса будет достаточно, чтобы султан запросил мира [13. С. 192–193]. В результате военные расходы казны и многотысячные людские потери русско-турецкой войны 1735–1740 гг. не шли ни в какое сравнение с ничтожными территориальными приобретениями на черноморском побережье Северного Кавказа.

В 1742 г. И.И. Неплюев был назначен начальником Оренбургской комиссии, а в 1744 г. оренбургским губернатором. Как главе приграничного региона ему были поручены дипломатические сношения с казахскими жузами и другими центрально-азиатскими странами и народами. На протяжении семи лет его ведущим дипломатическим партнером и оппонентом выступал хан Абулхаир. Из донесений дипломатических агентов, выезжавших с поручениями в казахские кочевья, писем казахских султанов и старшин, наконец, после личной встречи с ханом, И.И. Неплюев сделал вывод, что Абулхаир не обладает достаточной силой и авторитетом для удержания в узде строптивой казахской знати. Собственно, правитель Младшего жуза и не скрывал непрочность своего положения. Выполнение обязательств перед Россией и Оренбургской администрацией он ставил в прямую зависимость с распространением своей власти на весь казахский народ [14. С. 171]. В донесении в Коллегию иностранных дел от 27 сентября 1742 г. И.И. Неплюев характеризовал Абулхаир-хана как человека лживого и высокомерного, сознательно опорочившего хана Среднего жуза Абулмамбета [15. С. 254]. Негативное отношение И.И. Неплюева к Абулхаир-хану со временем только усиливалось.

В свою очередь Абулхаир также не скрывал своих претензий к оренбургскому губернатору, он их изложил в личном послании императрице Елизавете Петровне, доставленном в Санкт-Петербург в ноябре 1747 г. Хан обвинял И.И. Неплюева в том, что он злонамеренно, на протяжении многих лет держит его сына Кожаммета в аманатах. Не позволяет ему, хану, иметь резиденцию в Оренбурге, городе, который, по его убеждению, был для него построен русским правительством. Наконец, он возмущался тем обстоятельством, что его недругов из Среднего жуза — Абулмамбет-хана и Барак-султана — губернатор выше него почитает [16. Л. 25–26]. Были и другие поводы для недовольства, возникавшие и затихавшие по мере развития политической ситуации. К тому же Абулхаир выражал уверенность, что губернатор Неплюев намеренно не информирует правительство о его нуждах и скрывает от него самого содержание высочайших указов. Последнее замечание относилось и к баранте.

Именно Абулхаир-хан выступил инициатором задержания и содержания в заложниках в русских крепостях родственников казахов, провинившихся перед ним и российскими властями. О распространении у казахов этого правового обычая правитель Малого жуза дал русской императрице следующее пояснение (1743 г.): «А у нас, у дикого народа, такой обычай, что в котором роду какое будет дело, то ис того роду людей удерживать надлежит, как же то окончатся, то и оные удержанные выпускаются» [15. С. 298]. В качестве предлога Абулхаир-хан решил воспользоваться требованием русского правительства о задержании Карасакала, одного из главных предводителей башкирского восстания второй половины 1730-х гг., который скрывался у казахов Среднего жуза Бурма-Найманского рода. По распоряжению хана были задержаны и отправлены в Оренбург тридцать представителей этого рода. В качестве ответного жеста он надеялся получить от тогда еще начальника Оренбургской комиссии военную поддержку под расплывчато обозначенную задачу «для отправления кайсацких дел». И.И. Неплюев распорядился заложников отпустить и никаких войск в степь не посылать [15. С. 291].

Следующий подобный демарш по склонению оренбургской губернской администрации к задержанию указанных им казахов хан Абулхаир предпринял в 1747 г. На этот раз он воспользовался строгим требованием российской стороны о возвращении более 600 калмыков и других российских подданных, плененных казаками в низовьях Волги в 1746 г. Из Оренбурга для поиска и возвращения пленных в ханскую ставку был направлен переводчик Арслан Бехметев. Вот тогда и предложил Абулхаир губернатору И.И. Неплюеву задержать до тридцати казахских торговцев, находившихся в то время в Оренбурге. При чем переводчик А. Бехметев заверял, что «оной хан, сколько ни старался о выборе пленных, но киргизцы на то добровольно не склонялись» [9. Л. 102 об.]. Губернатор связал просьбу хана с обидой за содержание в аманатах его сына и стремлением вызвать озлобление в народных массах. Абулхаир, недовольный без-

действием И.И. Неплюева, приказал задержать переводчика Бехметева, а собранных для отправки в Оренбург российских пленников вновь раздать казахским хозяевам. Мотивы своего поведения казахский правитель оправдывал не только нанесенным ему оскорблением, но и заботой о сохранении политического авторитета. Требованиям казахского хана оренбургский губернатор дал следующее объяснение: «Абулхаирханские о баранте требования с того времени начались, когда он вознамерился усиливать себя над владельцами Средней орды и сего домогался, чтоб по его письмам удерживать и освобождать из чего его интрига и намерки к усильству довольно видимы были. Но сходно ль с интересом Ее Императорского Величества, чтоб над столь многочисленным народом, каковы обеих орд киргизцов, владельцев их к таким мерам допускать, чрез которые они могут один над другим усиливаться» [9. Л. 100]?

Скептическое отношение к баранте И.И. Неплюев связывал и с собственным, как он считал неудачным, опытом ее применения. В 1743 г. возле крепости Рассыпной казахи захватили и увели в плен 82 черкасов (украинских переселенцев), основавших будущее крепостное поселение. Неплюев был уверен, что подстрекателем разбойного набега был Абулхаир-хан, и в качестве ответной меры приказал атаману Яицкого войска, к которому были приписаны черкасы, взять в плен казахов из родов Младшего жуза. Яицкими казаками были задержаны четырнадцать знатных казахов. Несколько лет казахские заложники содержались в казацком плену. Двое из них за это время умерли, оставшиеся, по просьбе казаков, «что корм на них напрасно происходил», были отпущены в родовые кочевья [9. Л. 99 об.]. Основываясь на этом инциденте, И.И. Неплюев пришел к выводу, что удержание небольших групп заложников родовая казахская знать оставляет без внимания. Если же удерживать в заложниках по пятьдесят, сто и более человек, то из опасения потери свободы казахи откажутся ездить на оренбургский торг, но вряд ли откажутся от захвата в плен российских подданных.

Видимо, последний аргумент и являлся определяющим, ведь вопрос стоял о сохранении Оренбурга как центра экономической жизни губернии, а возможно, и ее столицы. Абулхаир, а вслед за ним и его наследник Нурали-хан ходатайствовали перед правительством о переносе торгового пункта в Орскую крепость, находившуюся недалеко от кочевий Младшего жуза. За сохранение торгового пункта с казахами в Орской крепости выступал и бригадир Тевкелев [9. Л. 107 об.].

Опасаясь прослыть в глазах правительства решительным противником баранты, так как в Коллегии иностранных дел у нее могли найтись сторонники, И.И. Неплюев предложил своего рода компромиссный вариант. Он заключался в использовании для баранты крепостей за пределами Оренбургской губернии, например в Сибири. Исключение делалось для располагавшейся на Уйской пограничной линии Троицкой крепости, где велась активная меновая торговля с казахами Среднего жуза. Главное условие — заложников содержать в отдалении от Оренбурга, яицких форпостов и Гурьева с

его казенными рыбными промыслами. Главному начальнику Оренбургского края И.И. Неплюев отводил роль посредника, что также должно было привлекать казахских старшин к посещению губернского города [9. Л. 101].

Коллегия иностранных дел доводы И.И. Неплюева не поддержала. Ее резолюция напоминает выговор высокопоставленному чиновнику регионального уровня за упущения в работе. Те аргументы, которые, как считал оренбургский губернатор, свидетельствовали против использования баранты, Коллегия оценивала в пользу ее применения. Так, опыт Хивы и Бухары показал, что она, как менее затратное средство по сравнению с применением войск, позволяет добиваться нужных результатов. И.И. Неплюеву напомнили его же донесение от 30 июня 1747 г., в котором говорилось, что после того, как казахи совершили грабительский набег на живших вблизи Хивы аральцев, в Хиве были задержаны 150 казахских торговцев и вскоре все награбленное их сородичами имущество было возвращено. В том, что джунгары предпочитали действовать против казахов не барантой, а военной силой, объяснялось их планами покорения казахских жузов [9. Л. 101 об.].

По-иному виделись в Коллегии иностранных дел и последствия использования баранты в 1743 г. Будто бы сам хан Абулхайр, когда убедился, что русское правительство не подчинится его условиям и в обмен на освобождение пленных россиян не отпустит из аманатов его сына, вынужден был содействовать их освобождению. Именно хану, а не И.И. Неплюеву, как это следовало из донесений оренбургского губернатора за прошлые годы [15. С. 305], приписывалась инициатива задержания трех его посланников: «дабы между тем свойственники их в отыскании тех пленных ему, хану, помогли, почему оные в Москве и продержаны» [9. Л. 101 об.]. Свою лепту внесло и задержание четырнадцати казахов в Яицком городке. Под влиянием этих акций, по сведениям Коллегии, за три года из казахского плена в Оренбург были отпущены 57 человек, и сам И.И. Неплюев признал, что «россиян в киргис-кайсацких улусах, кроме умерших и в другие владения проданных, не осталось» [9. Л. 102].

Ответственность за задержание Абулхайром переводчика и не возвращенных в 1747 г. российских пленных Коллегия иностранных дел также возложила на Неплюева. Своим недоверием губернатор оскорбил и озлобил хана. Казахский правитель, минуя главного начальника Оренбургского края и своего непосредственного куратора, разъярял чиновникам дипломатического ведомства, что задержание по его указанию казахов, приезжавших на Оренбургский меновой двор, было призвано обеспечить безопасный проход торговых караванов. Абулхайр-хан уверял, что баранта — лучшее средство принуждения казахов к исполнению императорских указов: «от такого киргис кайсаков задержания, не только в Оренбургском торгу помешательства не будет, но и других худых никаких следствий быть не может» [9. Л. 104].

Далее в качестве примера для подражания приводился введенный при Аюке-хане порядок рассмотрения жалоб жителей Астраханской губернии на «во-

ровские поступки» калмыков в Калмыцком ханстве. Русские истцы могли обратиться в учрежденный ханом суд (зарго), в котором заседали зайсанги из всех калмыцких улусов. Если суд выносил решение в пользу русского истца, то устанавливался срок удовлетворения иска, заключающийся, как правило, в производстве платежа (возвращении скота и имущества). Если платеж в указанный срок не производился, истец имел право, удостоверенное в письме с ханской печатью, забрать из улуса ответчика баранту. Обычно практиковался захват истцами нескольких улусных людей, из которых один, самый неимущий, отправлялся в улус с ханским письмом. Были случаи, когда и без ханских писем русские брали в баранту заложников. В периоды таких конфликтов калмыки до удовлетворения иска прекращали ездить на ярмарки в российские города. В таких случаях в калмыцких кочевьях распространялись слухи, что в баранте удерживаются только калмыки из тех улусов, в которых укрываются ответчики, и торговые отношения вскоре возобновлялись. Поиск облегчало то обстоятельство, что жители соседних с калмыцкими кочевьями селений разбирались в их улусной принадлежности и имели среди калмыков много знакомых. Нередко сами калмыки за небольшую плату помогали русским истцам отыскивать их калмыцких обидчиков [9. Л. 104–105].

После исторического экскурса, обосновывавшего правомерность использования баранты в отношениях с кочевыми народами, Коллегия иностранных дел пришла к однозначному заключению: «По вышеписанным обстоятельствам рассуждается и у киргис кайсака отныне баранту брать» [9. Л. 105 об.]. Прибегать к ней допускалось, когда становилось известно о захвате казахами людей, угоне скота и лошадей, грабеже или укрывательстве в казахском улусе (родовом кочевье) беглых российских подданных. За основу был взят порядок, сложившийся в отношениях с калмыками у администрации Астраханской губернии. Баранту допускалось производить с ведома оренбургского губернатора. Но прежде предписывалось донести хану о чинимых его подданными обидах и требовать возмещения убытков и наказания виновных. Ханское согласие на задержание заложников в российских крепостях требовалось в том случае, если казахский правитель не был в состоянии принудить ответчиков удовлетворить претензии потерпевших либо когда связаться с ханом не представлялось возможным. Главным условием задержания заложников была их родственная связь с лицами, подозреваемыми в совершении преступления.

Частично были учтены и опасения И.И. Неплюева по поводу возможного усиления одного казахского правителя над другими. Коллегия иностранных дел подтверждала, что баранту можно «чинить»/по требованию Нурали-хана, но только «по учиненным к российской стороне обидам». Как фактор сдерживания хана от злоупотребления властью указывалось содержание в аманатах его сына и сыновей казахских старшин. С другой стороны, принижение ханской власти признавалось еще более опасным, чем ее возвеличивание: «А ежели хана до малого над киргизцами усиле-

ния не допускать, то уже и звание ево будет пустое и иждивение, употребленное при конфирмации ево пропадет напрасно, ибо он киргизцов от обыкновенного их воровства унимать будет не в состоянии и так того и взыскать будет не на ком» [9. Л. 107].

Как верно подметил знаменитый историк литературы и культуролог Ю.М. Лотман, И.И. Неплюев по характеру был человек «точный, расположенный к документам, фактам, а не к переживаниям» [17. С. 344]. К тому же он не имел покровителей при елизаветинском дворе. Оренбургский губернатор не только подчинился правительственному требованию использования баранты в качестве способа умеренного силового воздействия, но и стал ее активным борником. В архивных документах, датированных первой половиной 1750-х гг., отложились сведения о двух конфликтных ситуациях, для разрешения которых И.И. Неплюев требовал задержания заложников.

Первый из них был связан с обострением политической ситуации в Хивинском ханстве. Туда в 1753 г. с торговым караваном были направлены из Оренбурга переводчики Яков Гуляев и Петр Чучаев – в качестве посредников для разбора претензий хивинского купечества на разграбление их караванов казаками Младшего жуза. Незадолго до прибытия русской миссии Каип-хан расправился с предводителями нелояльного узбекского клана мангытов. По его приказу было казнено 60 представителей этого рода [18. С. 109], в том числе и Хораз-бек (в документе – Курасбек С.Д.). В стране начались народные волнения. Под подозрение попали и русские переводчики. У них были найдены и отобраны письма бригадира А. Тевкелева к Хоразбеку. Это обстоятельство навело Каип-хана на мысль, что русская миссия направлена к нему не для посредничества в разбирательстве ссор, а исключительно с разведывательными целями. Переводчики были задержаны. К ним запрещалось допускать находившихся в Хиве русских людей. Одновременно хан распорядился отобрать у русских купцов товары, оцененные в 6 тысяч червонцев. Купцам по этому поводу было объявлено, что товары у них взяты в долг и после прекращения народных волнений и возвращения долга они смогут вернуться на родину. Деньги понадобились хивинскому правителю для подкупа туркменской знати, которая помогла ему сохранить трон [18. С. 109].

В сложившихся обстоятельствах баранта оказалась единственным средством, способным оказать давление на хивинского хана. Губернатор Неплюев предложил Коллегии иностранных дел начать действовать с двух направлений: с одной стороны, требовать от Нурали-хана приложить старания к пленению хивинцев, с другой – задержать в Оренбурге приехавших на оренбургский торг четверых хивинцев и трех туркмен, подданных хивинского хана. Пребывание в России последних предполагалось затягивать под предлогом проволок с производством таможенных сборов [10. Л. 33–34].

Коллегия одобрила предложение И.И. Неплюева с незначительными уточнениями. У взятых в баранту хивинских купцов в Хиве должны проживать родственники не из «подлых» людей, а из таких, которые в состоянии убедить Каип-хана освободить перевод-

чиков и вернуть отобранные у российских купцов товары. На усмотрение оренбургского губернатора было оставлено и право распорядиться о взятии в плен знатных старшин Среднего жуза из ведомства Батыр-султана, отца Каип-хана [10. Л. 34–34 об.].

Однако прибегать к демонстрации силы не пришлось. Каип-хан, чье положение на хивинском престоле по-прежнему оставалось непрочным, осознал опасность вступления в войну с Нурали-ханом, за спиной которого стояла великая Российская держава. Переводчики и купцы в начале декабря 1754 г. благополучно возвратились в Оренбург. Более того, Каип-хан направил в Россию своего посланника Ширмухамета. В знак примирения хивинский правитель освободил и отпустил в Оренбург пятерых российских невольников – четырех христиан и одного татарина. Один из них, московский поляк Василий Михайлович Чернышев, состоявший денщиком при князе А. Бековиче-Черкасском, находился в хивинском плену 37 лет. В Оренбурге он дал подробные показания о гибели князя и разгроме возглавляемой им миссии в 1717 г. [11. Л. 365].

Второй случай применения баранты, имевший локальный фронтальный характер, был произведен в полном соответствии с прописанным Коллегией иностранных дел сценарием. В том же 1754 г. в Военную походную канцелярию оренбургского губернатора И.И. Неплюева по заграничной экспедиции поступило донесение, поданное в Гурьеве казаком Красногорского городка Алексеем Верчиным. А. Верчин просил содействия в освобождении сына Василия, плененного казаками еще в 1747 г. Как выяснил Верчин, сын его находился в кочевье у знатного старшины из Бершинского рода Сахандык Берши. Донесение подсказывало и способ к освобождению Василия Верчина. И сам старшина, и казахи из его улуса часто приезжали по торговым делам и другим нуждам в Гурьев городок и другие яицкие форпосты, что давало повод к их задержанию. В круг предполагаемых к задержанию лиц И.И. Неплюев включил самого Сахандык Берши, его сыновей и родственников, с обязательным для всякого случая применения баранты пояснением: «но люди были бы не подлые, чтоб родственники их прилежнее стараться за них принуждены» [11. Л. 119 об.].

30 марта 1755 г. походный атаман Яицкого войска Филипп Мусатов рапортовал о задержании и отправке в Гурьев сына Сахандыка Берши, Тугунай-батыра и двух его родственников. Операция по обмену заложниками завершилась в течение двух дней. 2 апреля гурьевский комендант капитан Рогов поручил посреднику Каракулу Клычеву доставить Василия Верчина в Гурьев. На следующий день, 3 апреля, сам Нурали-хан передал пленного яицкого казака, служившего при яицких форпостах, поручику князю Уракову. В свою очередь, капитан Рогов распорядился отпустить из Гурьева всех казахских заложников, а Василия Верчина отправить к отцу [11. Л. 133–134].

Таким образом, баранта, как способ разрешения локальных конфликтов в зоне Юго-восточного фронта Российской империи, была заимствована у кочевых народов Евразийской степи. Инициатором ее применения в Оренбургском пограничье выступил правитель Младшего жуза хан Абулхаир. Ему, его

сыну, Нурали-хану, и бригадиру А.И. Тевкелеву удалось убедить правительство в целесообразности применения этой меры для разрешения конфликтных ситуаций. Напрасными оказались опасения оренбургского губернатора И.И. Неплюева, что баранта приведет к озлоблению казахской знати, отказу казахов от поездок на меновую торговлю в Оренбург, блокированию ими караванных путей и, наконец, к их отказу содействовать в освобождении взятых в баранту родственников. Безусловно, с точки зрения международ-

ного гуманитарного права применение круговой поруки, лишение свободы и возложение ответственности на невинных людей за преступления, совершенные их родственниками, по самой своей сути является преступным. Однако в реалиях XVIII столетия этот способ пресечения локального конфликта ограничивал потенциал его дальнейшего роста, обеспечивал правовую базу для ведения переговоров и удовлетворения претензий конфликтующих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахимова Н.А. Колониальная система власти в Туркестане : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1994. 46 с.
2. Абдилдабекова А.М. Россия и казахстан (XVII – начало XX века) : вопросы историографии : учеб. пособие. Алматы : Казак университети, 2007. 136 с.
3. Отепова Г.Е. Правовые основы колонизации Казахстана : учеб. пособие. Павлодар : ПГПИ, 2012. 229 с.
4. Любичанковский С.В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 20.08.2020).
5. Lyubichankovskiy S., Dmitriev V.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 1010–1024.
6. Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. : от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13–21.
7. Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 484–495.
8. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, is. 3. P. 970–979.
9. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
10. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32.
11. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.
12. Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 68–76.
13. Государева М.Ю. К вопросу о дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // *Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23-24 апреля 2015 г. Рязань : Концепция*, 2015. С. 192–193.
14. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1971. 273 с.
15. Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках : сб. док. и материалов. Алма-Ата : АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
16. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
17. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука-Атикус, 2016. 608 с.
18. Почаев Р.Ю. Государственность и право среднеазиатских ханств в записках российских путешественников XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 414. С. 108–113.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 февраля 2021 г.

Baranta as a Way to Resolve Local Conflicts in the South-Eastern Frontier of Russia in the 1740s–1750s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 107–113.

DOI: 10.17223/15617793/469/14

Stepan V. Dzhundzhuzov, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: djund@yandex.ru

Keywords: baranta; governor; hostage-taking; conflict; law; frontier.

The article examines the rationale and use of baranta (hostage-taking) by the Russian authorities as a legal institution in relations with the nomadic peoples of the South-Eastern frontier in the 1740s–1750s. The documentary basis for the study was materials from the fund of the Orenburg Provincial Chancellery of the State Archive of Orenburg Oblast: the decree of the Collegium of Foreign Affairs on the expediency of using baranta, orders of the Orenburg governor I.I. Neplyuev, and reports from officers about its actual use. It follows from these documents that “baranta” was understood in a narrower sense, in comparison with the dictionary interpretation of this term. The question was raised about the legality of taking hostages from representatives of Kazakh families whose relatives were suspected of committing crimes against Russian subjects or the economic interests of the Russian Empire. As a way to resolve local conflicts in the zone of the South-Eastern frontier of the Russian Empire, baranta was borrowed from the nomadic peoples of the Eurasian steppe. Its use in the Orenburg border area was initiated by the ruler of the Younger Zhuz, Khan Abulkhair. Khan Abulkhair himself, his son Nurali Khan, and the brigadier A.I. Tevkelev managed to convince the government of the advisability of using this measure to resolve conflict situations. Baranta was allowed when there occurred seizures of people by Kazakhs, thefts of cattle and horses, robberies or harboring of runaway Russian subjects in Kazakh uluses. The basis was the order that had developed in relations with Kalmyks by the administration of Astrakhan Province. The Orenburg governor was to be informed on the use of baranta. Governor Neplyuev’s feared that baranta would anger the Kazakh nobility, that Kazakhs would refuse to travel for exchange trade to Orenburg, would block the caravan routes, and, finally, would not assist in releasing relatives. This never occurred. The Orenburg governor not only obeyed the government’s requirement to use baranta as a method of a moderate use of force, but also became its active advocate. Certainly, from the point of view of international humanitarian law, the use of mutual responsibility, imprisonment and the imposition of responsibility on innocent people for crimes committed by their relatives is inherently criminal. However, in the realities of the 18th century, this method of suppressing local conflicts limited the potential for its further growth, provided a legal basis for negotiating and satisfying the claims of the conflicting parties.

REFERENCES

1. Abdurakhimova, N.A. (1994) *Kolonial'naya sistema vlasti v Turkestane* [Colonial system of power in Turkestan]. Abstract of History Dr. Diss. Tashkent.
2. Abdildabekova, A.M. (2007) *Rossiya i Kazakhstan (XVII – nachalo XX veka): voprosy istoriografii: ucheb. posobie* [Russia and Kazakhstan (17th – early 20th centuries): issues of historiography: textbook]. Almaty: Kazak universiteti.
3. Otepova, G.E. (2012) *Pravovye osnovy kolonizatsii Kazakhstana: ucheb. posobie* [Legal bases of colonization of Kazakhstan: textbook]. Pavlodar: PGPI.
4. Lyubichankovskiy, S.V. (2019) Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach. *Istoriya*. 10. [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (Accessed: 20.08.2020). (In Russian).
5. Lyubichankovskiy, S. & Dmitriev, V.V. (2017) The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. 45 (3). pp. 1010–1024.
6. Izbasarova, G.B. & Lyubichankovskiy, S.V. (2018) Pristavstva on the Outskirts of the Russian Empire in the 18th - First Half of the 19th Century: From a Personal Position to a Management System. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 2. pp. 13–21. (In Russian).
7. Lyubichankovskiy, S. & Akanov, K. (2018) Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century. *Bylye Gody*. 48 (2). pp. 484–495.
8. Dzundzhuzov, S.V. & Lyubichankovskiy, S. (2018) The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842). *Bylye Gody*. 49 (3). pp. 970–979.
9. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 19.
10. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 32.
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 33.
12. Izbasarova, G.B. (2018) A.I. Tevkelev's State Activity on the Implementation of the South-Eastern Policy of the Russian Empire in the 18th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 68–76. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/10
13. Gosudareva, M.Yu. (2015) [On the diplomatic preparation for the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva* [Man, image, word in the context of historical time and space]. Conference Proceedings. 23–24 April 2015. Ryazan: Kontseptsiya. pp. 192–193. (In Russian).
14. Basin, V.Ya. (1971) *Rossiya i kazahskie khanstva v XVI–XVIII vv.* [Russia and Kazakh khanates in the 16th–18th centuries]. Alma-Ata: "Nauka" Kazakhskoy SSR.
15. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. (1961) *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh: sb. dok. i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 17th–18th centuries: documents and materials]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR.
16. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 14.
17. Lotman, Yu.M. (2016) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Saint Petersburg: Azbuka-Atikus.
18. Pochekaev, R.Yu. (2017) The State Structure and Law of Central Asia Khanates in the Notes of Russian Travelers of the 18th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 108–113. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/17

Received: 02 February 2021

А.Н. Зарубин

ПРОБЛЕМЫ И ПАРАДОКСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1990–2010-х гг.

Рассматривается комплекс проблем и противоречий, накопленный за три десятилетия при развитии сотрудничества регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Проанализированы причины негативных результатов экономического взаимодействия, в частности низкая реализация инвестиционных проектов с участием китайского капитала в Сибири либо отсутствие реализации как таковой, при наличии большого соглашений и взаимной заинтересованности сторон в сотрудничестве.

Ключевые слова: российско-китайские отношения; региональная политика; инвестиционные проекты; «поворот на Восток»

В 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин провозгласил «поворот России на Восток» [1]. Особенности этого «поворота» лежали в геополитической плоскости, и были обусловлены не столько собственным решением руководства страны, сколько сложившейся международной обстановкой. Неудачи России и Китая в плодотворном налаживании отношений с Западом в первое десятилетие двадцатого века способствовали сближению стран, а также наращиванию двустороннего сотрудничества. Кроме непосредственно региональных приоритетов был обозначен и вектор развития, который определил основную специализацию и направления развития сотрудничества.

Ведущая роль здесь принадлежала регионам России, находящимся в непосредственной близости к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). При этом, по мнению ряда специалистов-востоковедов Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и Дальневосточного отделения Российской академии наук, дальневосточные инициативы России и совместные проекты в ближайшей перспективе не стали локомотивами экономического роста [2]. Потенциал сближения двух стран выглядел сравнительно более масштабным, чем их фактический результат.

Весной 2017 г. на российско-китайской конференции международного дискуссионного клуба «Валдай», который в качестве одной из целей рассматривал российско-китайское сотрудничество, прозвучал неутешительный вывод о том, что «российский бизнес, по сути, слабо представляет нужды Китая» [3]. Следовательно, в настоящее время у него нет понимания, в каком направлении перспективно развивать сотрудничество с КНР, а также какие проблемы ожидают бизнес при выстраивании связей. При этом новости, звучавшие от большого количества российских СМИ (в том числе федеральных) в период с 2001 г., с определенной периодичностью сообщали о двусторонних проектах России и Китая, инициированных то в одном, то в другом регионе РФ, преимущественно в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах [4].

Так, ряд опросов, проведенных среди томских предпринимателей, имеющих опыт совместной работы с коммерческими кругами КНР, показал, что наибольшие трудности, которые они испытывали на начальных этапах работы – трудности информацион-

ного порядка: с чего начинать поиск партнеров в странах Азии, какие могут возникнуть сложности правового порядка и т.п. [5].

Подобный парадокс требует внимательного изучения со стороны российских государственных, деловых и научных кругов, а также со стороны властей всех уровней. От понимания причин подобного феномена двусторонних отношений России и Китая на региональном уровне зависит успешность реализации региональной политики РФ на азиатском направлении в целом и программ развития [6].

В качестве одного из примеров можно рассмотреть данные по Томской области, располагающей огромным количеством ресурсов, в которых так остро нуждается Китай (дерево, газ, нефть). Область, в числе прочих регионов Российской Федерации, имеет собственный опыт взаимоотношений с КНР. Однако, при ближайшем рассмотрении макроэкономических показателей и статистики можно обнаружить, что в экспорте продукции Томской области во втором десятилетии XXI в. лидировали США (37,2% от общего объема экспорта, по данным на 2016 г.), в то время как доля Китая составляет лишь 21,2% (для сравнения: Казахстана – 14,4%, Узбекистана – 7,6%, Японии – 5,2%) [7].

Несмотря на большое количество международных соглашений, заключенных Томской областью, развитие получил всего один крупный проект – соглашение с провинцией Шаньдун, которое послужило основой реализации проекта создания комплексного лесопромышленного предприятия на территории города Асино Томской области [8]. У предпринимателей существовал устойчивый запрос на поиск партнеров и реализацию проектов при участии китайской стороны [5], для этого даже были созданы специализированные организации, оказывающие поддержку для регионального экспорта, такие как, например, Российский экспортный центр [9].

Материалы по данной проблематике характерны в основном для крупнейших научных и научно-исследовательских центров, представляющих Центральную Россию (исследования ограничены структурными подразделениями РАН), либо для двух дальневосточных структур – Дальневосточного отделения РАН и ДВФУ. Отдельные материалы представлены в ходе различных научно-практических мероприятий

(Сибирский экономический форум в г. Новосибирске, Красноярский экономический форум, Дальневосточный экономический форум, ежегодная конференция «Россия и Китай», материалы клуба «Валдай»), статьями и комментариями в российских периодических изданиях федерального уровня («Россия в глобальной политике», «Международная жизнь» и т.д.) [10].

Исследования, затрагивающие двусторонние отношения Китая с регионами Сибири и Дальнего Востока, проводились такими учёными, как В.Г. Дацышен, И.Ю. Зуенко, К.Н. Батанов, Д.В. Ганжуров, М.В. Александрова, Е.В. Савкович, А.Г. Данков, С.А. Иванов, И.В. Олейников и рядом других. Актуальные в аспекте данной темы исследования из КНР представлены за авторством Ли Цзиньюй, Чжу Хэнсю, Лю Бо, Вен Сюе, Ли Синь, Ню Янпин, Чан Нуо, Ван Бинин, Ма Литянь и др.

Все указанные материалы содержат в себе лишь небольшие сообщения и факты, характеризующие ту или иную сферу взаимодействия регионов Сибири и КНР, либо рассматривают в качестве объектов исследования приграничные контакты России и Китая. В иных случаях предметом исследования выступает уровень межгосударственного взаимодействия без учёта региональной специфики. Материалы же, представленные в китайской научной периодике, нередко вообще не отражают реального положения дел как в новой российской экономике в целом, так и ее региональной составляющей [11]. В большинстве они сосредоточивают внимание либо на сотрудничестве в сфере энергоресурсов [12], либо на перспективах более глубокой интеграции Китая и регионов Сибири и Дальнего Востока, с описанием выгоды для обеих сторон, не приводя при этом никаких научных обоснований для нее [13]. В иных случаях научное обоснование в исследованиях присутствует, однако выгодополучателем в них выступает исключительно китайская сторона, без учёта интересов сибирских и дальневосточных регионов [14]. В конечном итоге региональные исследования двустороннего сотрудничества Сибири и Китая датированы не позже чем 2014 г. [15], а большая часть из них проведены в первом десятилетии XXI в. То есть с момента радикальных перемен в российской внешней политике и «разворота на Восток» в Китае не проводилось ни одного крупного научного исследования, предметом которого выступили бы региональные отношения с Сибирью и Дальним Востоком.

Проблемы реализации регионами Сибири собственных программ развития экономико-географического потенциала во взаимоотношениях с КНР не выступали в качестве центральной темы проводимых исследований. Количественные исследования, в частности оценки накопленных китайских инвестиций в регионах, направления и формы реализации сотрудничества в рамках текущей деятельности государственных органов, представлены только на уровне профильных департаментов областных администраций и совместных выездных мероприятий региональных чиновников в различных регионах Китая [16]. При этом научной оценки качества данных мероприятий, а также необходимой рефлексии так и не было проведено.

В то же время при осуществлении реального взаимодействия с КНР у региональной власти отсутствовало понимание особенностей работы с представителями деловых кругов КНР, а у последних нет представления о специфике каждого отдельного региона РФ. Практическая подготовка непосредственно участников переговорного процесса была ограничена рядом семинаров для предпринимателей, проводимых на региональном уровне [17].

При этом очевидным является тот факт, что начиная с 2014 г. такие практики, кроме накопления и распространения необходимых знаний об экономике стран Востока, нуждались и нуждаются в постоянном обновлении [3]. Кроме того, организация доступа на внутренний региональный рынок для китайских контрагентов (в основном, мелкого и среднего бизнеса), которые могли бы стать потенциальными инвесторами в региональную экономику, со времени распада СССР сдерживалась отсутствием необходимых источников информации, причём носящих научный характер.

Период, начавшийся в 2014 г., характеризовался существенным изменением ситуации в экономической, политической, культурной, научной сферах двусторонних отношений российских регионов с Китаем. Стимулирующим фактором данных изменений стали действия российских и китайских властей, которые, как уже говорилось ранее, предприняли ряд последовательных, однако совершенно различных с точки зрения мотивации шагов по сближению друг к другу. Правительство РФ за последние пять лет объявило о создании в Сибири и на Дальнем Востоке большого количества зон с особыми экономическими (в первую очередь – налоговыми) условиями для партнеров из КНР [18], запустило мегапроекты по поставке в Китай газа и нефти, пригласило подрядчиков из Китая для реализации проектов национального масштаба (прокладка промышленных кабелей по дну Черного моря к Крымскому полуострову [19], строительство скоростной железной дороги Москва–Казань и т.д. [20]). Китай же к 2019 г., фактически, стал выводить из РФ капитала больше, чем инвестировать – согласно данным Банка России за 2018 г. – китайский бизнес вывел из России более 900 млн долл., из которых 774 млн долл. – из капитала российских компаний [21].

Упор в укреплении сотрудничества был сделан на отдельные коммерческие контакты, которые представители центральной власти стремились наращивать, и, что самое главное, – контролировать. В России этот вектор развития, направленный на интенсификацию процесса сближения со странами Востока, был вынужденным в связи с событиями начала 2014 г., которые спровоцировали отток капитала западных стран и освобождение ниши, которая требовала заполнения. В Китае, в свою очередь, не могли не отреагировать на появившиеся в силу глобальных геополитических и экономических изменений возможности, и после того, как экономический кризис пошёл на спад, в разных частях страны, от Дальнего Востока до Калининградской области, стал замечен массовый приток делегаций, представляющих крупные китайские компании, у которых появился огромный интерес к вновь

открывшемуся инвестиционному потенциалу России. Одновременно с этим, начиная с 2013 г., в Китае стартовала реализация стратегической глобальной программы-инициативы председателя Си Цзиньпина «Один пояс – один путь», в которой России отводилась если не ключевая, то крайне важная роль [22], поэтому у китайских предпринимателей появился дополнительный стимул вкладывать свои инвестиции в российскую экономику, получая торгово-экономические преференции от обеих сторон.

Предприниматели из Китая всегда обращали внимание на обеспечение собственных прав и преференций. Это касалось как торговли, с которой в 1990-е гг. начинались экономические отношения посткоммунистической России с переживавшей политику «реформ и открытости» Китайской Народной Республикой, так и инвестиционных проектов двадцать первого века. С российской стороны в обеспечении прав инвестора была заинтересована главным образом государственная власть, её же ключевая задача – создание благоприятного информационного сопровождения деятельности иностранной компании в любом российском регионе. Преференции китайские компании склонны были искать в таких областях, как налоговая нагрузка, иммиграционная политика государства, использование таможенной бюрократии, коррупции региональных и местных чиновников и т.д.

Одновременно с пониманием отсутствия у восточных регионов РФ адекватной альтернативы китайским инвестициям, представители китайского бизнеса стали в мягкой форме настаивать на таких преференциях, а в отдельных случаях – требовать их [23]. Таким образом, появились беспрецедентные случаи появления в России ограниченных районов с особыми экономическими условиями и такими наименованиями, как «Особая экономическая зона», «Территория опережающего развития (далее – ТОР)» и им подобные. Фактор уступок, на которые шла Федеральная власть для бизнеса из КНР с целью привлечения его в регионы РФ, сыграл в государственной политике создания подобных территорий ключевую роль. Лучше всего этот тезис подтверждается географией ТОР – подавляющее их большинство расположены в Сибирском и Дальневосточном регионах [4]. Более того, многие из них создавались без участия компаний-резидентов, а некоторые – непосредственно для одной-двух конкретных зарубежных (китайских) компаний, которые ранее уже вели переговоры с представителями власти региона расположения ТОР по реализацию крупного инвестиционного проекта [24].

Первостепенными целями участия российской стороны в любом подобном инвестиционном проекте были:

- 1) развитие территорий либо объектов, которые эти инвестиции требуют;
- 2) создание новых рабочих мест;
- 3) развитие региона и бизнеса в нём;
- 4) освоение качественных, целевых вложений в экономику региона и страны [25].

Президент России В.В. Путин на различных экономических форумах, политических площадках, саммитах с участием представителей бизнеса Китайской

Народной Республики неоднократно лично призывал последних делать вложения в РФ, обещая и налоговые преференции, и таможенные льготы, и прибыль, во много раз превышающую вложения инвестора [26].

Это говорит о том, что на фоне общего инвестиционного климата России после 2014 г., любой крупный инвестор, планирующий вложения в российскую экономику, оценивался очень высоко, часто для него делались определённые уступки, в некоторых случаях – существенные, нарушающие федеральное или местное законодательство. В комплексе это создавало впечатление гораздо большей заинтересованности России в инвесторах из Китая, чем наоборот.

Здесь же необходимо еще раз отметить уже упоминавшийся тезис, касающийся отсутствия в начале 10-х гг. XXI в. региональной системы поиска зарубежных партнеров в странах Азии и оценки их кредитоспособности [27]. В совокупности указанные два фактора привели к ситуации, в которой деятельность компаний из КНР в России характеризовалась не иначе как экспансия коммерческих интересов китайской стороны в регионы Сибири и Дальнего Востока, форсированная за счёт негативной для РФ внешнеполитической конъюнктуры и реализуемая без учёта интересов российских партнёров.

С целью изучения общих закономерностей недобросовестного исполнения представителями китайской стороны своих коммерческих обязательств в рамках инвестиционных проектов с РФ, реализуемых после 2014 г., было проведено данное историко-экономическое исследование. Другой целью исследования стало выявление алгоритма работы представителей коммерческих кругов КНР в регионах РФ, которая идет вразрез с получением обеими сторонами взаимной выгоды, и решает исключительно внутрикитайские (в иных случаях – незаконные) задачи.

В качестве основы для проведения данного исследования был выбран междисциплинарный подход. Более узким методом послужил разработанный на уровне МГИМО (У) МИД РФ кросс-региональный анализ (автор – А.Д. Воскресенский). Он позволяет рассмотреть основные факторы, способствовавшие и препятствующие развитию сотрудничества на разных временных отрезках, деятельность основных формальных, а также неформальных институтов, которые в случае азиатских стран имеют определяющее значение, позволяет сделать региональный срез.

Исследование проводилось на примере инвестиционных проектов, реализуемых в Челябинской, Кемеровской и Томской областях. Реализация всех изучаемых проектов замыкалась на компаниях совместного капитала, созданных представителями китайской стороны в России. Проекты в Челябинской и Кемеровской областях за два года не получили даже базового старта. Всё завершалось на уровне документооборота: соглашений с региональными властями, контрактов с муниципальными чиновниками. Причём в одном случае (Кемеровская область) вариантом сотрудничества являлось вхождение китайского инвестора в Территорию опережающего социально-экономического развития, специально созданную на уровне федерального правительства под проект ки-

тайской стороны – создание крупного логистического центра в г. Юрга с последующим включением его в проект «Один пояс – один путь» [24]. Существуют и такие примеры, когда проект всё же получил старт и полноценное развитие, однако утратил рентабельность в течение нескольких лет.

Подобные примеры можно найти и в работах китайских исследователей, однако в них отсутствует глубокий анализ причин подобного исхода перспективного проекта, как и научная оценка деятельности других предприятий с китайским капиталом в сибирском регионе на предмет потенциального повторения данных прецедентов. При этом в качестве основного вывода приводится тезис о позитивных тенденциях развития российско-китайского регионального сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке, а также о незначительности последствий подобных негативных кейсов в масштабе этого сотрудничества [28].

Актуальность данной проблемы заключается в том, что в настоящее время, как уже было сказано выше, большое значение приобретает выход китайского капитала на рынок российских инвестиционных проектов, и от того, насколько качественно полезным будет этот выход, зависит будущее социально-экономическое развитие как отдельных регионов России, так и всей страны в целом. В случае прихода в проект ответственных, и, главное – честных предпринимателей, проект форсировано, не без участия местных и федеральных властей, но получает мощный толчок в развитии. В качестве примеров можно привести корпорацию Angel East, которая успешно реализовала проект биотехнологического предприятия в Липецкой области, компанию Great Wall, запустившую в 2019 г. завод в Тульской области, Шанхайскую индустриально-инвестиционную группу, получившей в долгосрочную аренду 205 га земли в г. Санкт-Петербурге и построившей на них свыше 1 млн м² жилой недвижимости [29].

В иных случаях, лица, пришедшие в проект, являются либо не конечными инвесторами (выгодополучателями или стейкхолдерами), а лишь представителями промежуточной инстанции-посредника, которая сама не располагает достаточным количеством финансовых средств, необходимых для долгосрочных капиталовложений, либо представители КНР, добившиеся участия в проекте, вовсе не являются предпринимателями и не нацелены на развитие проекта.

Стоит отметить, что вопрос налоговой нагрузки на инвестиционные проекты крайне важен для инвесторов из Китайской Народной Республики и поднимался одним из первых на переговорах [23]. При этом китайская сторона предъявляла если не ультимативные запросы, то как минимум требования по снижению налоговых квот на различные стороны реализации проекта [23]. Поскольку, по законодательству, никакими иными способами кроме как создания какого-либо вида особой экономической зоны на территории проекта удовлетворить их требования было невозможно, местным властям приходилось идти на уступки, чтобы не потерять потенциального инвестора, в то же время действовать в рамках закона. Создание ТОР было возможно только при наличии соглашения инвестора с первым лицом субъекта РФ, ис-

следования рынка, технико-экономического обоснования проекта, а также подробного бизнес-плана.

Китайская сторона такого рода информацию часто не предоставляла, а проектная работа не проводилась. При этом ТОР в г. Юрга Кемеровской области не просто была создана в короткий срок, но и с формулировкой основной цели – «привлечение иностранных инвесторов, для создания в городе одного из логистических центров Сибири» [24].

По итогам оценки деятельности предприятий, созданных китайской стороной в регионах Западной и Восточной Сибири, практических результатов, способствующих развитию экономики и инфраструктуры населённых пунктов и регионов, не обнаружено. Этот факт подтверждается даже отдельными китайскими исследователями, несмотря на общую тенденцию игнорирования ими всех резко негативных сторон сотрудничества Китая с сибирскими регионами [30].

Несмотря на данный факт, уход китайских компаний из регионов по причине провала проектов также не был отмечен. Например, 22 января 2018 года губернатор Кемеровской области Аман Тулеев подписал соглашение с ООО «Объединённая деревоперерабатывающая торгово-промышленная компания» соглашение о создании на 50 га ТОР (г. Юрга) фабрики по производству мебели евростандарта [31]. В данном случае китайская компания могла рассчитывать на налоговые льготы, поскольку проект реализуется в ТОР, однако для региона означает только одно – крупный логистический проект, с которым изначально пришла в регион эта компания и под который создавалась зона с особыми экономическими условиями, реализован не будет.

В Томской области проект лесопромышленного комплекса города Асино, о котором уже шла речь, стартовал в 2011 г. и развивался вплоть до 2016 г., когда первый инвестор продал компанию, курирующую данный проект. Результат – сокращение объемов заготовок, практически 90-процентная остановка предприятия и крайне неприятные переговоры с первыми лицами областной администрации, которые к 2019 г. ничего не изменили [32].

Суммируя все вышеуказанные факты, можно сделать два вывода:

- 1) компании, которые являлись инициаторами проектов, не преследовали целью фактическую их реализацию;
- 2) если целью не ставилась реализация проектов и при этом компании не уходили из регионов, создавая видимость деятельности, продолжительное пребывание компаний в регионах, владение ими финансовыми активами и объектами в этих регионах уже само по себе можно охарактеризовать как цель, поскольку других реальных целей у китайских компаний определить не удалось.

Помимо этого, ещё раз необходимо отметить тот факт, что при сложившейся ситуации местные муниципалитеты в лице руководителей населённых пунктов и даже губернаторов крайне инертно реагировали и не предпринимали никаких практических шагов по стимулированию китайских компаний и соглашались на описанный выше статус-кво.

В чем может заключаться практическая выгода подобной противоречивой деятельности? Ни для кого не секрет, что с приходом в Китае к власти Си Цзиньпина началась новая волна борьбы с коррупцией на всех уровнях, что является условием экономического развития страны [33]. Чиновники и предприниматели вынуждены были отчитываться перед бесчисленными вновь созданными антикоррупционными комитетами в буквальном смысле за каждый юань, находящийся в обороте. Однако из истории Китая известно, что коррупционная система в Китае складывалась не одну тысячу лет, превратившись из экономического явления в своеобразный культурный пласт, и чем строже становится борьба с ней, тем более хитроумными и смелыми – способы избежать наказания.

После экономического кризиса 2014–2015 гг. и разворота России «на Восток» в сфере экономики и инвестиций, Россия автоматически стала площадкой для испытания этих новых способов для недобросовестных предпринимателей из КНР. Этому способствовал ряд факторов, создаваемых и поддерживаемых, прежде всего, российской стороной:

1. Открытая востребованность российской стороны, особенно в регионах, в инвестициях из Китая как следствие отсутствия других источников одинаковых по размерам финансовых вложений в регион. Данный запрос позволил китайской стороне выдвигать на переговорах неравные условия, после чего, часто – в ультимативной форме, требовать их удовлетворения. Причём в иных случаях данные требования прямо нарушали российское законодательство. Региональной власти, в свою очередь, приходилось идти на уступки, отказываясь от положения равноправного партнера.

2. Безальтернативность проектов китайской стороны. Этот фактор напрямую вытекал из сложившейся внешнеполитической конъюнктуры, основанной на плане «разворота на Восток», а также из предыдущего фактора.

3. Прямые указания представителей федеральной власти муниципальным чиновникам о привлечении в регион иностранных инвестиций для его развития и контроль за исполнением этих указаний. Очевидным является предположение, что наиболее простым решением для регионов Сибири и Дальнего Востока станут инвесторы именно из КНР, с которыми в указанных регионах осуществляется огромное количество как официальных, так и межличностных контактов.

4. К косвенному, но не менее важному фактору следует отнести фактическую неграмотность региональных чиновников в вопросах взаимоотношения с китайской стороной. В большинстве случаев глава муниципального образования или муниципальной организации, ведущий переговоры с российской стороной, не обладал достаточными знаниями о культуре, менталитете и коммерческих традициях противоположной стороны. Принимая во внимание предыдущие три фактора, это позволяло китайской стороне форсировать переговоры и, как уже было сказано ранее, лоббировать свои условия.

В ситуации, когда описанные факторы рассматриваются в совокупности, мы констатируем увеличение

количества так называемых мёртвых проектов, с которыми связан китайский капитал. Для представителей КНР данные проекты и объекты под них – крайне эффективный способ придания собственным денежным средствам, приобретенным во многих случаях преступным путём, законного происхождения для многочисленных проверок по линии противостояния коррупции в Китае. А та лёгкость, с которой им удалось реализовать схемы приобретения этих объектов и земель без обязательной реализации, собственно, проекта, заставляло их всё чаще и чаще обращать внимание на регионы Сибири.

Основная причина этой лёгкости – отсутствие у российской стороны адекватной оценки проекту и компании, которая с ним приходила. Из описанных в статье проектов можно заметить, что муниципальными властями принимались такие ключевые решения, как, например, подписание с китайской стороной контрактов, соглашений и меморандумов (иногда в обход установленных норм) в ситуациях, когда китайская сторона даже не предоставляет общего бизнес-плана, не говоря уже о других необходимых документах. Подобное стимулирование неправомерной деятельности приводило к соблазну избегать всех установленных законами уже Российской Федерации порядков в будущем.

При этом подобные алгоритмы работы не являются единичными случаями. К настоящему моменту они сложились в замкнутую систему взаимоотношений между представителями китайского бизнеса, российского бизнеса и муниципальных властей. На примере описанных проектов можно кратко описать основные этапы реализации данного алгоритма с российской и китайской стороны:

1) на начальном этапе в регион прибывали представители китайской стороны, как правило, на основании хороших межличностных отношений с лицом, представляющим либо крупный бизнес региона, либо его муниципальную власть, с целью осуществления в регионе перспективного инвестиционного проекта;

2) в переговорном процессе представители КНР сразу захватывали инициативу и лоббировали свои условия, которые, как правило, были связаны с налоговыми преференциями, особыми правами на имущество, землю и т.д.;

3) местные средства массовой информации распространяли среди местного населения информацию о проекте, что сопровождалось появлением цепочек, иногда противоречащих друг другу слухов, тем не менее, способствующих укреплению положения китайской стороны среди населения региона, за счет ожиданий появления большого количества рабочих мест в крупном проекте;

4) укрепленная вышеуказанным фактором положительная репутация китайской стороны способствовала развитию ситуации, при которой местное население (а также заинтересованные компании) оказывали определенное давление на местные власти, требуя скорейшей реализации проекта, и под этим давлением региональные чиновники удовлетворяли все требования китайской стороны, заключая все запрашиваемые ею соглашения и контракты на ее условиях;

5) в конечном итоге информационное поле вокруг проекта внезапно сходило на нет, активность китайской стороны падала, а в иных случаях ее представители и вовсе покидали регион, представители правоохранительных органов и органов безопасности не предпринимали никаких действий, представители органов исполнительной власти региона не делали никаких заявлений, и ситуация, в целом, так и оставалась неразрешенной на неопределённый промежуток времени.

Говоря о практически направленных итогах исследования, необходимо в первую очередь отметить, что для местных властей тех регионов, в которых планировалось или планируется осуществление инвестиционных проектов с привлечением китайского капитала, очень важно учитывать исторический опыт регионов Сибири. Необходимо на ранних этапах выявлять подобную схему работы и прикладывать усилия, чтобы избежать её и не повторить ошибок совсем недавней истории. Для этого необходимо, опять же, на начальных этапах переговоров делать следующие практические шаги:

1) оговаривать для китайской стороны основной принцип совместной работы: все этапы будущего проекта должны осуществляться в строгом соответствии с законодательными и правовыми нормами Российской Федерации, любое отступление от них недопустимо. Как правило, добросовестные предприниматели в большинстве случаев соглашались на такой ход работы;

2) требовать от китайской стороны все необходимые документы по реализуемому проекту (таких как технико-экономическое обоснование проекта, расширенное исследование рынка, развёрнутый бизнес-план и т.д.) до подписания с ней каких-либо соглашений и контрактов;

3) не затягивать переговоры. Если китайской стороне важен практический результат, а не контракты как таковые, она будет предоставлять все требуемые материалы, максимально стараясь уложиться в указанный российской стороной срок. В данном случае не нужно препятствовать развитию переговорного процесса бюрократическими проволочками;

4) тщательно изучать бэкграунд компании, реализующей проект, и лица, ведущего переговоры в частности, обращая особенное внимание на то, какие проекты и в каких регионах России и Китая компания реально довела до логического завершения.

5) после подписания соглашений и контрактов необходимо создавать совместную рабочую группу для контроля за исполнением в срок всех намеченных работ по проекту. В случае невыполнения или задержки каких-либо работ проводить двусторонние встречи, а при необходимости – расследование причин данных фактов;

6) на начальном этапе переговоров избегать освещение будущего проекта в средствах массовой информации для контроля за информационным фоном в регионе, касающимся проекта. Любые слухи сыграют на руку китайской стороне и дадут им дополнительное преимущество на переговорах;

7) необходимо прилагать все усилия для того, чтобы избежать ситуации, когда кто-либо из заинтересо-

ванных лиц с российской стороны вступает в личные взаимовыгодные отношения с представителями китайской стороны, поскольку последние могут использовать данный факт как средство давления в переговорном процессе;

8) в процессе переговоров необходимо создавать у китайской стороны ощущение конкурентной борьбы с некоей стороной, которая также заинтересована в данном проекте, чтобы у китайской стороны был стимул предлагать наиболее выгодные для российской стороны условия, а не наоборот. Это сразу исключит опасность, что в переговорах участвует недобросовестный предприниматель, который, как правило, узнав о конкуренте, сразу выйдет из игры;

9) в процессе переговоров необходимо привлекать в качестве консультантов и переводчиков, квалифицированных специалистов-регионоведов с опытом работы в подобных проектах, поскольку правильное понимание партнёров с точки зрения моральных и культурных ценностей, их интенций, выраженных во время переговоров, а также адекватные формы ответов на их запросы крайне важны.

Феномен, обнаруженный в ходе исследования инвестиционной деятельности КНР в регионах Сибири за последние два десятилетия, не имеет аналогов в истории российско-китайских отношений, в которых региональное партнерство и региональная торговля всегда выступали краеугольным камнем, укрепляющим двусторонние связи уже на государственном уровне. При этом и партнерство, и торговля были гораздо важнее именно для Китая в разных формах его государственности, поскольку и экономика, и промышленность до конца XX в. всегда были отраслями догоняющими по сравнению с российскими аналогами.

Однако за одно десятилетие ситуация, складывающаяся сотни лет, кардинально изменилась – российская экономика и промышленность находились в глубоком кризисе, в то время как китайские отрасли совершали исторический рывок. В 2014 г., после начала санкционной политики США и Европы по отношению к России, завершилось формирование экономической зависимости России от инвестиций из Китая. Регионам Сибири в подобной ситуации, несмотря на весь негатив, было что предложить соседнему государству, а именно огромное количество природных и человеческих ресурсов как гигантскую площадку для инвестиционной деятельности. Для многих субъектов РФ объективно не было другой возможности привлечь настолько огромные финансовые вливания в свою инфраструктуру, кроме как через реализацию совместных проектов. В то же время для КНР это была уникальная историческая возможность на самых выгодных условиях вывести избытки капитала из страны, обеспечив их колоссального масштаба производством на территории России. Цена на продукты этого производства, а также на сырье, полученное в ходе реализации совместных проектов, была бы конкурентноспособной уже на китайском рынке, исходя из низкой себестоимости данных товаров, обеспеченной выгодными условиями их производства и добычи.

Китайские политики и учёные не могли не увидеть эту историческую возможность, поэтому китайские

сибирские исследования периода 1990–2010-х гг. имеют одну схожую отличительную черту, а именно игнорирование негативных сторон и кейсов сотрудничества Китая с регионами Сибири и Дальнего Востока, которые, как видно из данного исследования, заметно превалировали над положительными. Причина подобного подхода проста – все описанные негативные стороны касались исключительно российской стороны при одновременном выгодополучении китайской стороной. Поэтому китайские исследования этого периода оканчиваются схожими выводами о необходимости более тесной интеграции Китая с регионами Сибири и Дальнего Востока [34].

Такая интеграция стала возможной в период после 2014 г., с началом так называемого «Поворота на Восток». В этот новый период большинство крупных предпринимателей из Китая пришли в регионы Сибири, чтобы воспользоваться сложившейся ситуацией не для решения инвестиционных за-

дач, но для реализации деятельности, которая не представляется возможной в их собственном государстве, поскольку не укладывается в рамки, определённые законодательством. Это противоречие превратило Сибирь для КНР из масштабной инвестиционной площадки в масштабную площадку внешней теневой политики. Основная причина подобного феномена лежит в отсутствии полноценного контроля со стороны государственной власти за деятельностью китайских компаний в регионах Сибири, причем как со стороны Федерального правительства РФ, так и со стороны Государственного Совета КНР. Проекты, находившиеся под контролем этих институтов власти (т.е. реализующиеся на государственном уровне), доводились до необходимого результата в указанные сроки. Однако на региональном уровне возможность реализации новейшего исторического потенциала двусторонних отношений по-прежнему утрачивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поворот на Восток // РИА Новости. 21.05.2014. URL: <https://ria.ru/20140521/1008730350.html> (дата обращения: 09.02.2020).
2. Поворот России на Восток – иллюзия геополитического выбора. Авторская колонка Леонида Козлова // Новости Владивостока и Приморья. URL: <https://primamedia.ru/news/500879/?from=8> (дата обращения: 10.10.2019).
3. Российско-китайская конференция Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия и Китай перед вызовами глобальных изменений». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiyskokitayskaya-konferentsiya-valday/> (дата обращения: 24.11.2019).
4. Проекты, которые китайские инвесторы намерены реализовать на Дальнем Востоке, оцениваются в \$30 млрд // Финмаркет. URL: <http://www.finmarket.ru/news/4729788> (дата обращения: 07.06.2019).
5. Опросы. Администрация Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/questionnaires/front?type=2> (дата обращения: 07.06.2019).
6. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3. С. 1–26.
7. Отчет // Администрация Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/87> (дата обращения: 09.08.2019).
8. Лесопромышленный кластер // ИНО Томск. URL: <https://ino-tomsk.ru/ru/peredovoe-proizvodstvo/lesopromyshlennyy-klaster> (дата обращения: 27.02.2019).
9. О Российском экспортном центре. URL: <https://www.exportcenter.ru/company/> (дата обращения: 30.10.2019).
10. Российско-китайская конференция «Россия и Китай: современные вызовы развития» // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiysko-kitayskaya-konferentsiya/> (дата обращения: 05.02.2020)ю
11. Dong Lisheng. China's Drive to Revitalise the Northeast. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/462> (дата обращения: 15.03.2017) (In Chin.)
12. Li Jinyu, Zhu Hengxu. Russian-Chinese projects of Siberian and Far Eastern energy resources development // Dalian Technology University Periodical. 2000. № 4. P. 43–49 (In Chin.).
13. Chen Nuo, Wang Binyin. The state and prospects of economic cooperation between the northeastern regions of China and the Siberian and Far Eastern regions of Russia // Markets of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2011. № 11. P. 40–45 (In Chin.).
14. Li Xin. Favorable opportunities for China in Siberia and Far East development // Siberian research. 2013. № 3. P. 32–36 (In Chin.).
15. Ma Litian. Issues and contradictions of energy cooperation between Chinese northeastern regions and Siberian regions // Economic and Culture. 2014. № 12. P. 33–35 (In Chin.).
16. Делегация Томской области работает в Китае. URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/98192> (дата обращения: 09.02.2020).
17. Малый и средний бизнес г. Томска. Семинары и тренинги. URL: <http://mb.admin.tomsk.ru/seminars> (дата обращения: 23.09.2019).
18. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 12.03.2020).
19. Мост к энергетической независимости. В мае крымский энергомогост заработал на полную мощность // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3093842> (дата обращения: 28.08.2019).
20. Китай нашел деньги на ВСМ «Москва – Казань». Инвестиции в проект составят 300 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3093842> (дата обращения: 28.08.2019).
21. Банк России. Годовой отчет за 2018 год. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf (дата обращения: 30.08.2019).
22. Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» откроет новые горизонты мечты. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (дата обращения: 10.10.2019).
23. Протоколы переговоров между администрацией Кемеровской области и главой ООО «Объединённая деревоперерабатывающая торговая промышленная компания». Чжу Сяосинем. Кемерово, 2015–2016.
24. Юрга получит статус территории опережающего социально-экономического развития // Кемеровская область (1 октября 2015 г.). URL: <http://kemoblast.ru/news/e-ekonomika/2015/10/01/yurga-poluchit-status-territorii-operezhayushhego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2019).
25. Что нужно знать об условиях TOP и СПВ на Дальнем Востоке // РБК. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5cfaabd9a7947f38461e657> (дата обращения: 03.11.2019).
26. Выступление президента России В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.10.2017, г. Сочи // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата обращения: 09.02.2020).
27. Едренова В.Н., Хасянова С.Ю. Зарубежные и отечественные подходы к оценке кредитоспособности заемщика // Финансы и кредит. 2002. № 10. С. 3–5.
28. Niu Yangping. General analysis of trade cooperation between Chinese provinces and the Siberian Federal District // Siberian research. 2006. № 6. P. 12–15 (In Chin.).
29. Топ-11 китайских инвестиций в Россию. URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (дата обращения: 19.11.2019).

30. Wen Xue. Paradoxes of Siberia and the Far East development trends and their impact on bilateral Russian-Chinese relations // Beijing university. International Relations Institute Periodical. 2008. № 6. P. 16–21 (In Chin.).
31. Двустороннее соглашение между Администрацией Кемеровской области и ООО «Объединенная деревообрабатывающая торгово-промышленная компания». 12.12.2016. Кемерово.
32. Китайского лесозаготовителя обяжали восстановить лес в Томской области. URL: <https://proderevo.net/news/corp/kitajskogo-lesozagotovatelya-obyazali-vosstanovit-les-v-tomskoj-oblasti.html> (дата обращения: 08.12.2019).
33. Китай развернул антикоррупционную кампанию, одну из самых масштабных в мировой истории. URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/129419/kitai-razvernul-antikorrupcionnuu-kampaniiu-odnu-iz-samykh-masshtabnykh-v-mirovoi-istorii> (дата обращения: 24.11.2019).
34. Liu Bo. Siberian Research and Siberian Studies Center results review // Siberian Research and Siberian Studies Center Periodical. 1998. № 3. P. 51–55 (In Chin.).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2020 г.

Problems and Paradoxes of Cooperation Between the Regions of the Russian Federation and the People's Republic of China in the 1990s–2010s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 114–122.

DOI: 10.17223/15617793/469/15

Alexey N. Zarubin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zarkaman@mail.ru

Keywords: Russian-Chinese relations; regional policy; investment projects; “turn to the East”; economic crisis.

The study was conducted on the example of two investment projects implemented in Chelyabinsk, Kemerovo, and Tomsk Oblasts. These projects were not launched for two years. Everything ended at the level of workflow: agreements with regional authorities, contracts with municipal officials. The relevance of this problem lies in the fact that, at present, the entry of Chinese capital into the market of Russian investment projects is of a great importance, and the future socioeconomic development of both individual regions of Russia and the whole country depends on how useful this entry is. According to the results of evaluating the activities of Chinese representatives in the regions of Western and Eastern Siberia, no practical results that promote the development of the economy and regional infrastructure have been found. For representatives of the PRC, these projects and facilities under them are an extremely effective way of legalizing their own funds (acquired in many cases by criminal means) for numerous corruption checks in China. The ease with which they managed to implement schemes for the acquisition of these objects and lands without the obligatory implementation of the project, in fact, made them turn to the regions of Siberia more and more. The phenomenon discovered during the study of China's investment activity in Siberian regions over the past two decades has no analogues in the history of Russian-Chinese relations, in which regional partnerships and regional trade has always been the cornerstone that strengthens bilateral ties. In 2014, after the start of the US and European sanctions policy towards Russia, Russian economic dependence on the investments from China was completed. Despite the negative side, the regions of Siberia in this situation had something to offer to the neighboring state, for example, a huge amount of natural and human resources as a gigantic platform for investment activity. At the same time, for the PRC this was a unique historical opportunity to remove excess capital from the country on the most favorable conditions, providing it with an enormous production in Russia. However, instead, in the period after 2014, most large entrepreneurs came to the regions of Siberia not to solve investment problems, but to carry out criminal activities which were not possible in their own country. This contradiction has transformed Siberia for the PRC from a large-scale investment platform into a large-scale platform of foreign corruption policy.

REFERENCES

1. RIA Novosti. (2014) *Povorot na Vostok* [Turn to the East]. 21 May. [Online] Available from: <https://ria.ru/20140521/1008730350.html> (Accessed: 09.02.2020).
2. Kozlov, L. (2016) *Povorot Rossii na Vostok – illyuziya geopoliticheskogo vybora. Avtorskaya kolonka Leonida Kozlova* [Russia's turn to the East is an illusion of geopolitical choice]. [Online] Available from: <https://primamedia.ru/news/500879/?from=8> (Accessed: 10.10.2019).
3. Valdai Club. (n.d.) *Rossiysko-kitayskaya konferentsiya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valday”* “Rossiya i Kitay pered vyzovami global'nykh izmeneniy” [Russian-Chinese conference of the Valdai International Discussion Club “Russia and China in the face of the challenges of global change”]. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiyskokitayskaya-konferentsiya-valday/> (Accessed: 24.11.2019).
4. Finmarket. (2018) *Proekty, kotorye kitayskie investory namereny realizovat' na Dal'nem Vostokey, otsenivayutsya v \$30 mlrd* [Projects that Chinese investors intend to implement in the Far East are estimated at \$ 30 billion]. [Online] Available from: <http://www.finmarket.ru/news/4729788> (Accessed: 07.06.2019).
5. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Oprosy* [Polls]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/questionnaires/front?type=2> (Accessed: 07.06.2019).
6. Zuenko, I.Yu. et al. (2018) *Programma sotrudnichestva vostochnykh regionov Rossii i Severo-Vostochnogo Kitaya 2009–2018: itogi i dal'neyshie perspektivy* [The Program of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and Northeast China 2009–2018: Results and Further Prospects]. *U karty Tikhogo okeana*. 3. pp. 1–26.
7. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Otchet* [Report]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/87> (Accessed: 09.08.2019).
8. INO Tomsk. (n.d.) *Lesopromyshlennyi klaster* [Timber cluster]. [Online] Available from: <https://ino-tomsk.ru/ru/peredovoe-proizvodstvo/lesopromyshlennyi-klaster> (Accessed: 27.02.2019).
9. Exportcenter.ru. (n.d.) *O Rossiyskom eksportnom tsentre* [About the Russian Export Center]. [Online] Available from: <https://www.exportcenter.ru/company/> (Accessed: 30.10.2019).
10. Valdai Club. (n.d.) *Rossiysko-kitayskaya konferentsiya “Rossiya i Kitay: sovremennye vyzovy razvitiya”* [Russian-Chinese conference “Russia and China: modern challenges of development”]. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiysko-kitayskaya-konferentsiya/> (Accessed: 05.02.2020)yu
11. Dong Lisheng. (2010) *China's Drive to Revitalize the Northeast*. [Online] Available from: <http://chinaprospectives.revues.org/462> (Accessed: 15.03.2017) (In Chinese).
12. Li Jinyu & Zhu Hengxu. (2000) Russian-Chinese projects of Siberian and Far Eastern energy resources development. *Dalian Technology University Periodical*. 4. pp. 43–49. (In Chinese).
13. Chen Nuo & Wang Binyin. (2011) The state and prospects of economic cooperation between the northeastern regions of China and the Siberian and Far Eastern regions of Russia. *Markets of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 11. pp. 40–45. (In Chinese).

14. Li Xin. (2013) Favorable opportunities for China in Siberia and Far East development. *Siberian Research*. 3. pp. 32–36. (In Chinese).
15. Ma Litian. (2014) Issues and contradictions of energy cooperation between Chinese northeastern regions and Siberian regions. *Economics and Culture*. 12. pp. 33–35. (In Chinese).
16. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Delegatsiya Tomskoy oblasti rabotaet v Kitae* [The delegation of Tomsk Oblast is working in China]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/98192> (Accessed: 09.02.2020).
17. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Malyi i sredniy biznes g. Tomsk. Seminary i treningi* [Small and medium business in Tomsk. Seminars and trainings]. [Online] Available from: <http://mb.admin.tomsk.ru/seminars> (Accessed: 23.09.2019).
18. Global Affairs. (2017) *Rossiya, Kitay i "balans zavisimosti" v Bol'shoy Evrazii* [Russia, China and the "balance of dependence" in Greater Eurasia]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazii/> (Accessed: 12.03.2020).
19. Kommersant. (2016) *Most k energeticheskoy nezavisimosti. V mae krymskiy energomost zarabotal na polnuyu moshchnost'* [Bridge to energy independence. In May, the Crimean energy bridge started working at full capacity]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3093842> (Accessed: 28.08.2019).
20. Kommersant. (2015) *Kitay nashel den'gi na VSM "Moskva – Kazan'". Investitsii v proekt sostavyat 300 mlrd rubley* [China found money for the Moscow-Kazan high-speed railway. Investments in the project will amount to 300 billion rubles]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2697502> (Accessed: 28.08.2019).
21. Bank of Russia. (2018) *Godovoy otchet za 2018 god* [Annual report 2018]. [Online] Available from: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf (Accessed: 30.08.2019).
22. Politics.people.com.cn. (2014) *Si Tszin'pin: "Odin poyas i odin put'" otkroet novye gorizonty mechy* [Xi Jinping: "One Belt and One Road" will open up new horizons of dreams]. [Online] Available from: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (Accessed: 10.10.2019).
23. *Protokoly peregovorov mezhdu administratsiyey Kemerovskoy oblasti i glavoy OOO "Ob"edinennaya derevopererabatyvayushchaya trgovopromyshlennaya kompaniya" Chzhu Syaosinem. Kemerovo, 2015–2016* [Minutes of negotiations between the administration of Kemerovo Oblast and Zhu Xiaoxing, head of the United Wood Processing Trade and Industrial Company. Kemerovo, 2015–2016].
24. Kemerovo Oblast. (2015) *Yurga poluchit status territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Yurga will receive the status of a territory of advanced socioeconomic development]. [Online] Available from: <http://kemoblast.ru/news/e-ekonomika/2015/10/01/yurga-poluchit-status-territorii-operezhayushchego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (Accessed: 27.02.2019).
25. RBC. (n.d.) *Chto nuzhno znat' ob usloviyakh TOR i SPV na Dal'nem Vostoke* [What you need to know about the conditions of the territories of advanced development and the Free Port of Vladivostok in the Far East]. [Online] Available from: <https://pro.rbc.ru/demo/5cfaabd9a7947f38461e657> (Accessed: 03.11.2019).
26. Kremlin.ru. (2017) *Vystuplenie prezidenta Rossii V.V. Putina na plenarnom zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Speech by President of Russia V.V. Putin at a plenary session of the Valdai International Discussion Club]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> (Accessed: 09.02.2020).
27. Edronova, V.N. & Khasyanova, S.Yu. (2002) Zarubezhnye i otechestvennye podkhody k otsenke kreditosposobnosti zaemshchika [Foreign and domestic approaches to assessing the creditworthiness of a borrower]. *Finansy i kredit*. 10. pp. 3–5.
28. Niu Yangping. (2006) General analysis of trade cooperation between Chinese provinces and the Siberian Federal District. *Siberian Research*. 6. pp. 12–15. (In Chinese).
29. Raspp.ru. (n.d.) *Top-11 kitayskikh investitsiy v Rossiyu* [Top 11 Chinese investments in Russia]. [Online] Available from: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (Accessed: 19.11.2019).
30. Wen Xue. (2008) Paradoxes of Siberia and the Far East development trends and their impact on bilateral Russian-Chinese relations. *Beijing University. International Relations Institute Periodical*. 6. pp. 16–21. (In Chinese).
31. *Dvustoronnee soglasenie mezhdu Administratsiyey Kemerovskoy oblasti i OOO "Ob"edinennaya derevopererabatyvayushchaya trgovopromyshlennaya kompaniya". 12.12.2016. Kemerovo* [Bilateral agreement between the Administration of Kemerovo Oblast and the United Wood Processing Trade and Industrial Company. 12.12.2016. Kemerovo].
32. Proderevo.net. (2019) *Kitayskogo lesozagotovatelya obyazali vosstanovit' les v Tomskoy oblasti* [The Chinese logger was ordered to restore the forest in Tomsk Oblast]. [Online] Available from: <https://proderevo.net/news/corp/kitajskogo-lesozagotovatelya-obyazali-vosstanovit-les-v-tomskoj-oblasti.html> (Accessed: 08.12.2019).
33. Lrt.lt. (2016) *Kitay razvernul antikorrupsionnyu kampaniyu, odnu iz samykh masshtabnykh v mirovoy istorii* [China launched an anti-corruption campaign, one of the largest in world history]. [Online] Available from: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/129419/kitai-razvernul-antikorrupsionnyu-kampaniyu-odnu-iz-samykh-masshtabnykh-v-mirovoi-istorii> (Accessed: 24.11.2019).
34. Liu Bo. (1998) Siberian Research and Siberian Studies Center results review. *Siberian Research and Siberian Studies Center Periodical*. 3. pp. 51–55. (In Chinese).

Received: 26 May 2020

ТЕРМИН «СРЕДНЯЯ СИБИРЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Анализируется применение термина «Средняя Сибирь» в отечественной литературе. Делается вывод об устойчивом применении его в геолого-географической, исторической научной литературе, показываются значительные расхождения в понимании содержания самого термина специалистами разных наук. Отмечается также разрушение прежней структуры экономического районирования Северной Азии, изменение территорий федеральных округов, уход в историю из административного употребления понятий «Западная Сибирь», «Восточная Сибирь», «Средняя Сибирь».

Ключевые слова: Средняя Сибирь; Енисей; Красноярский край; Северная Азия; районирование.

Настоящая статья подготовлена на основе доклада, сделанного на седьмом Красноярском историческом форуме 23 октября 2019 г. Целью статьи является выяснение динамики употребления в отечественной научной литературе историко-географического понятия «Средняя Сибирь». Термин «Средняя Сибирь» для отечественной литературы не новый и применяется уже более полутора веков, а может быть и больше, так как автор анализировал научные труды на предмет его поиска примерно на глубину века с четвертью. Он введен геологами и географами конца XIX – начала XX в. при характеристике междуречья Енисея и Лены – Средне-Сибирского плоскогорья, впервые исследованного и описанного Александром Лаврентьевичем Чекановским и Иннокентием Александровичем Лопатиным в 1870-е гг. [1].

При проектировании Транссибирской магистрали название Средне-Сибирская закрепилось за участком железной дороги от Оби до Ангары в 1 850 км и сохра-

нялось во время ее строительства в 1895–1899 гг. [2. Стб. 984]. Чтобы доставить необходимые грузы, пришлось строить мало пригодившийся Обь-Енисейский соединительный путь, а также везти рельсы, цемент по Северному Ледовитому океану.

Под Средней Сибирью тогда и сейчас географы понимали громадный регион, включающий Енисейскую губернию (Красноярский край), Якутскую область (Республику Саха) и Иркутскую губернию (Иркутскую область), Туву (рис. 1). Определение Большой Российской энциклопедии звучит так: «СРЕДНЯЯ СИБИРЬ, один из самых крупных природных регионов в России. Расположен в центральной части Сибири, между долиной реки Енисей и западным подножием Верхоянского хребта. На юге граничит с горами Алтая, Саян, с Прибайкальем и Забайкальем. На севере омывается морями Карским и Лаптевых. Площадь около 4 млн км². Протяжённость с севера на юг – 2 800 км, с запада на восток – 2 500 км» [3].

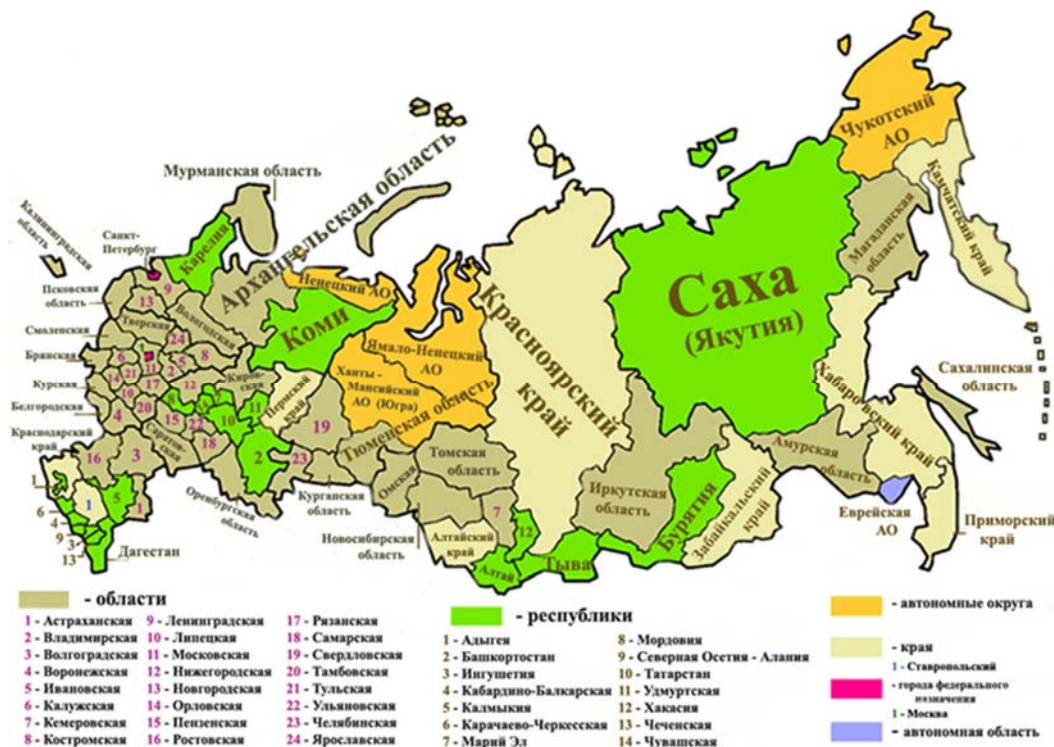

Рис. 1. Регионы России

В учебнике по географии России Средней Сибири посвящена отдельная глава [4. С. 123–173]. Та же территория считается Средней Сибирью в монографии географа Юрия Павловича Парамузина [5]. В серии обобщающих трудов Института географии АН СССР «Природные условия и естественные ресурсы СССР» Средняя Сибирь также рассматривается отдельно. Но обращает на себя внимание оговорка во введении: «Исторически сложившееся название “Средняя Сибирь” применяется к огромной территории, простирающейся от берегов Енисея на западе до Лены на востоке. В данном томе рассматривается только ее западная часть, входящая в состав Красноярского края и Тувинской АССР» [6]. Мы видим, что административное деление уже определяюще влияет на науку.

понятия об историко-географическом или экономическом регионе «Средняя Сибирь», таком как Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток России, Черноземье, Урал и др. Нет такого названия в общероссийском классификаторе экономических регионов (рис. 2) [11, 12].

Рис. 2. Экономические макрорегионы России. 2000 г.

Рис. 3. Экономические макрорегионы России. 2019 г.

Увидев рукопись И.И. Тыжнова, замечательный востоковед Владимир Анисимович Моисеев первым делом удивился названию: «Не вполне понятен географический термин “Средняя Сибирь”. Есть Южная, Западная, Восточная Сибирь. Есть Среднесибирское плоскогорье (бассейн Енисея)» [13. С. 9]. Для него это было необычно. А для И.И. Тыжнова понятие «Средняя Сибирь» являлось обыденным, привычным. Судя по содержанию книги, он понимал под Средней Сибирью Томскую и Енисейскую губернии или те уезды, которые входили в Енисейскую провинцию Сибирской губернии в 1724 г. (Мангазейский, Енисейский, Красноярский, Томский, Кузнецкий, Нарымский и Кетский). В книге рассматривается история присоединения Алтае-Саянского региона к России в XVII – первой половине XVIII в., взаимоотношения России с Джунгарией, Алтын-ханами, Цинской империей, телеутскими и кыргызскими князьями. Для И.И. Тыжнова присоединение юга Сибири однозначно было завоеванием, организующим центром которого был Томск. После похода Ермака на Сибирское ханство и присоединения Сибири наиболее ожесточенным по масштабам было столкновение с вассалами Джунгарии – телеутами и кыргызами в XVII–XVIII вв. [15]. Если бы все книги, написанные в 1930-е гг., были опубликованы, наши представления о сибирской историографии были бы другими.

Чаще других историков термин «Средняя Сибирь» используют историки географических открытий, археологи и этнографы, для которых особенности природной среды изучаемой территории важнее ее административной принадлежности. В книге Иосифа Петровича и Вадима Иосифовича Магидовичей «Очерки по истории географических открытий. Т. II. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.)» первооткрывателям Средней Сибири посвящена отдельная 25-я глава «Открытие русскими Средней и Восточной Сибири» [16. С. 265–283].

В книге кратко описываются походы русских служилых людей и казаков, подчеркивается решающая роль Енисейска в организации ясачных походов по Средней Сибири. Под Средней Сибирью авторы как и все географы, понимали территорию междуречья Лены и Енисея, современные Красноярский край, Иркутскую область и Республику Саха.

В трудах этнографов также встречается термин «Средняя Сибирь». Наиболее подходящим обобщающим термином при характеристике малочисленных этносов изучаемой территории посчитал его известный этнограф Виктор Павлович Кривоногов [17, 18]. Средней Сибирью, с точки зрения В.П. Кривоногова, в научной литературе принято называть территорию, которая включает Красноярский край и Иркутскую область [18]. А.А. Бродников также обратился к этому термину при рассмотрении процесса присоединения к русскому государству территорий расселения народов левобережья Енисея [19].

В книге, открывшей несостоявшуюся научно-популярную серию «От Урала до Енисея» и вышедшей в Томске, представлены статьи по истории, материальной и духовной культуре казахов, русских, татар, украинцев, народов Крайнего Севера, населявших территории Западной и Средней Сибири [20]. Тот же термин нашел применение в другой книге этнографов «Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы» под редакцией И.В. Лоткина и Н.А. Томилова, вышедшей в издательстве «Наука» в 2002 г. в серии «Культура народов России»; Т. 6 [21]. Однако, что авторы имели в виду под термином «Средняя Сибирь», не уточняется.

Обращается к термину «Средняя Сибирь» Н.А. Баранцева при характеристике славянского населения Красноярского края [22]. Вероятно, она считает Средней Сибирью Красноярский край. По крайней мере, Красноярский край точно входит, судя по её статье, в Среднюю Сибирь.

Д.А. Кузнецова в обзорной статье к введению в электронную базу данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур» также выделяет особый среднесибирский тип менталитета коренного населения, рассматривая менталитет эвенков, эвенов и нганасан, сетуя на то, что Средняя и Северная Сибирь как бы находятся внутри Восточной [23].

Термин «Средняя Сибирь» естественно выглядит в названии диссертации известного географа и археолога, ныне профессора Красноярского педагогического университета Виталия Петровича Чехи «Природная среда палеолита (Средняя Сибирь)», защищенной на соискание ученой степени доктора географических наук в 1996 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске [24]. Автор определяет направление своей работы как археологическое. Объектом исследования выбрана внеледниковая часть Средней Сибири (бассейн Енисея), тем самым В.П. Чеха показывает, что из всей территории Средней Сибири его интересует только ее часть богатая палеолитическими памятниками.

Не избежали применения термина «Средняя Сибирь» и исследователи социально-политической истории. Так, Ю.В. Иванов защитил в 1969 г. в МГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по истории советов в Средней Сибири в период буржуазно-демократических революций [25]. Появление термина «Средняя Сибирь»

объясняется тем, что в 1917 г. действовало Среднесибирское бюро ЦК РСДРП [26]. Автор включает в число среднесибирских советы Томской, Енисейской и Иркутской губерний, расширяя тем самым географически объем понятия «Средняя Сибирь» до современного Сибирского федерального округа (без Омской области).

Подводя итоги анализа применения в научной литературе термина «Средняя Сибирь», можно сделать вывод, что строго следовали определенному его содержанию представители географической науки. В их представлении это было междуречье Енисея и Лены. Историки относились к содержанию термина достаточно небрежно, толкуя его то расширительно (И.И. Тыжнов, Ю.В. Иванов), то узко (этнографы) и сводя его к территории Красноярского края советской поры.

Сфера приложения термина не расширялась со временем, в «Енисейском энциклопедическом словаре» упомянуты только Среднесибирское плоскогорье и Среднесибирская транспортная прокуратура. Если посмотреть на карту деления России на федеральные округа, то современные очертания Сибирского федерального округа ближе всего к определению Средней Сибири Ю.В. Ивановым и И.И. Тыжновым. Стержнем Сибирского федерального округа является Красноярский край советского времени, а к нему с юга примыкают территории бывших Томской и Иркутской губерний.

Рис. 4. Федеральные округа России

Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. устранено несовпадение границ экономических макрорегионов и федеральных округов в азиатской части страны (см. рис. 4). В настоящее время в Сибирский федеральный округ входят два экономических макрорегиона – Южно-Сибирский и Ангаро-Енисейский, последний, собственно, и является

Средней Сибирью. Геолого-географическое понятие «Средняя Сибирь», историко-географические понятия «Сибирь», «Восточная Сибирь», «Западная Сибирь», «Дальний Восток» окончательно теперь не совпадают с экономическим и административным районированием Азиатской России, превратившись в историко-географические районы.

Можно также назвать основной фактор динамики содержания привычной для нас экономико-географической терминологии. Это все большая степень включения Северной Азии в хозяйственную деятельность нашего государства. Южно-Сибирский макрорегион является результатом реализации Урало-Кузбасского проекта 1920–1930-х гг. Урало-Сибирский макрорегион сформировался окончательно как слияние старого индустриального района на Урале с относительно молодым (1960–1990-е гг.) Западно-Сибирским нефтегазодобывающим территориальным комплексом.

Ангара-Енисейский макрорегион включает территорию реализации одноименного промышленного комплекса, созданного в 1950–1980-е гг. Основой Дальневосточного региона все больше становится реализация последнего советского грандиозного проекта Байкало-Амурской магистрали (с 1970-х гг.). Таким образом, в основе районирования Сибири лежит стратегия индустриального освоения Северной Азии, эстафета которой продолжается несмотря на смену эпох и социально-экономических моделей развития страны уже более века [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чекановский и научное открытие Среднесибирского плоскогорья. URL: <https://agesmystery.ru/rubriki/ekspedicii-naxodki-i-sokrovishha/chekanovskij-i-nauchnoe-otkrytie-srednesibirskogo-ploskogorya/> (дата обращения: 01.10.2019).
2. Средне-Сибирская железная дорога // Сибирская советская энциклопедия. Т. 4: О–С. Новосибирск : Сибкрайиздат, б.г.
3. Средняя Сибирь // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4137544> (дата обращения: 01.10.2019).
4. Раковская Э.М., Давыдова М.И. Физическая география России : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М. : Владос, 2001. Т. 2. 304 с.
5. Пармузин Ю.П. Средняя Сибирь : очерк природы. М. : Мысль, 1964. 310 с.
6. Средняя Сибирь / под ред. акад. И.П. Герасимова. М. : Наука, 1964. 483 с.
7. Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 9 (174). С. 21–28.
8. 110 лет Красноярскому отделению Русского Географического Общества. 16 фев. 2011 // Новости университета: КГПУ. URL: <http://www.kspu.ru/> (дата обращения: 01.10.2019).
9. Средне-Сибирский отдел Русского географического общества // Сибирская советская энциклопедия. Т. 4: О–С. Новосибирск : Сибкрайиздат, б.г.
10. Музей геологии Средней Сибири. URL: <http://museum.krasfond.ru/> (дата обращения: 02.10.2019).
11. Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95. Издание официальное. М. : Изд-во стандартов, 2000. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/59f8e48040d8fac69441fc4d51240c37/OKER_5.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=59f8e48040d8fac69441fc4d51240c37&CACHEID=59f8e48040d8fac69441fc4d51240c37 (дата обращения: 02.10.2019).
12. Распоряжение правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п. // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAUqUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 02.10.2019).
13. Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 254 с.
14. Государственный архив Томской области. Ф. 1917. Оп. 1. Д. 11.
15. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск : Изд-во Томского университета, 2019. 340 с.
16. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий : в 5 т. Т. 2: Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1983. 399 с.
17. Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1998. 320 с.
18. Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2000. 45 с.
19. Бродников А.А. Присоединение к Русскому государству левобережья Среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1, вып. 3: История. Новосибирск, 2002. С. 5–13.
20. От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири) / отв. ред. Н.А. Томилов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 186 с.
21. Народы Западной и Средней Сибири : Культура и этнические процессы / Ш.К. Ахметов, О.М. Бронникова и др. ; ред.: И.В. Лоткин, Н.А. Томилов. Новосибирск : Наука, 2002. 325 с. (Культура народов России. Т. 6).
22. Баранцева Н.А. Особенности этносоциального и этнодемографического развития славянского населения Юга Средней Сибири в первой половине XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8, ч. 1. С. 17–22.
23. Кузнецов Д.А. Обзорная статья по введению в сибирский менталитет // Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур». URL: http://www.national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/sibir/kuznecov_da_obzornaya_statya_po_vvedeniuyu_v_sibirskij_mentalitet/ (дата обращения: 02.10.2019).
24. Чеха В.П. Природная среда палеолита (Средняя Сибирь) : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Новосибирск, 1996. 35 с.
25. Иванов Ю.В. Советы Средней Сибири в двух буржуазно-демократических революциях, 1905–1907 гг. – март – октябрь 1917 г. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Изд-во МГУ, 1969. 14 с.
26. Средне-Сибирское районное бюро ЦК РСДРП(б) // Сибирская советская энциклопедия. Т. 4: О–С. Новосибирск : Сибкрайиздат, б.г.
27. Долголюк А.А., Исаев В.И., Куперштох Н.А., Малов В.Ю., Романов Р.Е., Тарасова О.В., Тимошенко А.И. Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX веке. Новосибирск : Автограф. Институт истории СО РАН, 2015. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 июня 2021 г.

The Term “Central Siberia” in Russian Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 123–129.

DOI: 10.17223/15617793/469/16

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: Central Siberia; Yenisei; Krasnoyarsk Krai; North Asia; zoning.

The research was supported by the Government of the Russian Federation, Project No. 075-15-2021-611.

The article analyzes the use of the term “Central Siberia” in Russian scientific literature. The author has reviewed historical, geographical, and economic scientific literature for about the past century and a half. He believes that the term “Central Siberia” was introduced by geologists and geographers of the late 19th – early 20th centuries when describing the interfluvium of the Yenisei and the Lena – the Central Siberian Plateau, first explored and delineated by Alexander Lavrentievich Chekanovsky and Innokenty Alexandrovich Lopatin in the 1870s. Then and now, Geographers understand Central Siberia as a certain region, including Yenisei Province (Krasnoyarsk Krai), Yakut Oblast (Sakha Republic) and Irkutsk Province (Irkutsk Oblast), and Tuva. The Great Russian Encyclopedia gives the following content of the term “Central Siberia”: “one of the largest natural regions in Russia. It is located in the central part of Siberia, between the valley of the Yenisei River and the western foot of the Verkhoyansk Range. In the south, it borders the Altai Mountains, the Sayan Mountains, the Baikal Region and the Trans-Baikal Region. In the north it is washed by the Kara and Laptev Seas. Its area is about 4 million km². The length from north to south is 2,800 km, from west to east 2,500 km.” In the historical literature, however, there is no concreteness in the use of the term “Central Siberia”. The analysis of the literature showed its arbitrary interpretation by archaeologists, ethnographers, and historians. The historian I.I. Tyzhnov understood Central Siberia as Tomsk and Yenisei Provinces or the Mangazeya, Yenisei, Krasnoyarsk, Tomsk, Kuznetsk, and Naryn Ket uyezds that were part of the Yenisei Province of Siberia Governorate in 1724. Ethnographers and archaeologists usually identify Central Siberia with the territory of Yenisei Province or the Soviet Krasnoyarsk Krai. The historian Yu.V. Ivanov stated Central Siberia was Tomsk, Yenisei, and Irkutsk Provinces of the period of the 1917 Revolution. The author of the article notes that the term “Central Siberia” has disappeared from the modern economic and administrative lexicon. He makes a conclusion about the stable use of the term “Central Siberia” in geological, geographical, historical scientific literature with significant differences in the understanding of the content of the term itself by specialists of different sciences. He also notes the destruction of the former structure of the economic and administrative zoning of North Asia during the implementation of projects for its economic development, the change in the territories of the federal districts, and the following withdrawal from the administrative use of the concepts “Western Siberia” and “Eastern Siberia”, along with the concept “Central Siberia”.

REFERENCES

1. Tayny Vekov. (n.d.) *Chekanovskiy i nauchnoe otkrytie Srednesibirskogo ploskogor'ya* [Chekanovsky and the scientific discovery of the Central Siberian Plateau]. [Online] Available from: <https://agesmystery.ru/rubriki/ekspedicii-naxodki-i-sokrovishha/chekanovskiy-i-nauchnoe-otkrytie-srednesibirskogo-ploskogorya/> (Accessed: 01.10.2019).
2. Anon. (1992) *Sredne-Sibirskaya zheleznaya doroga* [Central Siberian Railway]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 4: O–S. Novosibirsk: Sibirskiy izdat.
3. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. (n.d.) *Srednyaya Sibir'* [Central Siberia]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/geography/text/4137544> (Accessed: 01.10.2019).
4. Rakovskaya, E.M. & Davydova, M.I. (2001) *Fizicheskaya geografiya Rossii: ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Physical geography of Russia: textbook for university students]. Vol. 2. Moscow: Vlasov.
5. Parmuzin, Yu.P. (1964) *Srednyaya Sibir': ocherk prirody* [Central Siberia: an essay on nature]. Moscow: Mysl'.
6. Gerasimov, I.P. (ed.) (1964) *Srednyaya Sibir'* [Central Siberia]. Moscow: Nauka.
7. Khorina, V.V. (2016) Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society: History of Creation and the Pre-revolutionary Period Activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 9 (174). pp. 21–28. (In Russian).
8. KSPU. (2011) *110 let Krasnoyarskomu otdeleniyu Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [110 years of the Krasnoyarsk Branch of the Russian Geographical Society]. 16 Feb. [Online] Available from: <http://www.kspu.ru/> (Accessed: 01.10.2019).
9. Anon. (1992) *Sredne-Sibirskiy otdel Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Central Siberian Department of the Russian Geographical Society]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 4: O–S. Novosibirsk: Sibirskiy izdat.
10. *Muzey geologii Sredney Sibiri* [Museum of the Geology of Central Siberia]. [Online] Available from: <http://museum.krasfond.ru/> (Accessed: 02.10.2019).
11. Russian Federation. (2000) *Obshcherossiyskiy klassifikator ekonomicheskikh regionov. OK 024-95. Izdanie ofitsial'noe* [All-Russian classifier of economic regions. OK 024-95. Official edition]. Moscow: Izd-vo standartov. [Online] Available from: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/59f4e4804d8fac69441fc4d51240c37/OKER_5.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=59f4e4804d8fac69441fc4d51240c37&CACHE=NONE (Accessed: 02.10.2019).
12. Russian Government. (2019) *Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r* [Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019, No. 207-r]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (Accessed: 02.10.2019).
13. Tyzhnov, I.I. (2013) *Ocherki po istorii Sredney Sibiri XVII–XVIII stoletiy* [Essays on the history of Central Siberia in the 17th–18th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
14. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 1917. List 1. File 11.
15. Zinov'ev, V.P. (ed.) (2019) *Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoy Azii* [Essays on the history of the development and study of North Asia]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Magidovich, I.P. & Magidovich, V.I. (1983) *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy: v 5 t.* [Essays on the history of geographical discoveries: in 5 volumes]. Vol. 2. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.
17. Krivonogov, V.P. (1998) *Etnicheskie protsessy u malochislennykh narodov Sredney Sibiri* [Ethnic processes among the small peoples of Central Siberia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
18. Krivonogov, V.P. (2000) *Sovremennye etnicheskie protsessy u malochislennykh korennykh narodov Sredney Sibiri* [Modern ethnic processes among the small indigenous peoples of Central Siberia]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
19. Brodnikov, A.A. (2002) Prisoedinenie k Russkomu gosudarstvu levoberezh'ya Srednego Eniseya [Accession to the Russian state of the left bank of the Middle Yenisei]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 1 (3). pp. 5–13.
20. Tomilov, N.A. (ed.) (1995) *Ot Urals do Eniseya (narody Zapadnoy i Sredney Sibiri)* [From the Urals to the Yenisei (peoples of Western and Central Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Lotkin, I.V. (ed.) (2002) *Narody Zapadnoy i Sredney Sibiri: Kul'tura i etnicheskie protsessy* [The peoples of Western and Central Siberia: Culture and ethnic processes]. Novosibirsk: Nauka.
22. Barantseva, N.A. (2011) Ethno-Social and Ethno-Demographic Development Features of Slavic Population Within the South of Central Siberia in the First Half of the XXth Century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 8 (1). pp. 17–22. (In Russian).

23. Kuznetsov, D.A. (n.d.) *Obzornaya stat'ya po vvedeniyu v sibirskiy mentalitet* [An overview article on introduction to the Siberian mentality]. [Online] Available from: http://www.national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/sibir/kuznecov_da_obzornaya_statya_po_vvedeniyu_v_sibirskiy_mentalitet/ (Accessed: 02.10.2019).
24. Chekha, V.P. (1996) *Prirodnaya sreda paleolita (Srednyaya Sibir')* [Natural environment of the Paleolithic (Central Siberia)]. Abstract of Geography Dr. Diss. Novosibirsk.
25. Ivanov, Yu.V. (1969) *Sovety Sredney Sibiri v dvukh burzhuzno-demokraticeskikh revolyutsiyakh, 1905–1907 gg. – mart – oktyabr' 1917 g.* [Soviets of Central Siberia in two bourgeois-democratic revolutions, 1905–1907 – March – October 1917]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
26. Anon. (1992) *Sredne-Sibirskoe rayonnoe byuro TsK RSDRP(b)* [Central Siberian Regional Bureau of the Central Committee of the RSDLP (b)]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 4: O–S. Novosibirsk: Sibkrazizdat.
27. Dolgolyuk, A.A. et al. (2015) *Razrabotka i realizatsiya proektov ekonomicheskoy i sotsial'noy modernizatsii Sibiri v XX veke* [Development and implementation of projects for economic and social modernization of Siberia in the twentieth century]. Novosibirsk: Autograph. Institute of History SB RAS.

Received: 25 June 2021

М.А. Казаков, К.Е. Макарова

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АРМЕНИИ

Анализируется ситуация в публичной сфере Армении, оказавшейся объектом воздействия публичной дипломатии США и ЕС. Исследуя факторы трансформации структуры конфессионального пространства Армении, авторы предприняли попытку более комплексного обобщения усилий западных стран по ее социокультурной трансформации для включения в свою орбиту влияния.

Ключевые слова: Армения; Южный Кавказ; новые религиозные движения; комплементаризм; мягкая сила; публичная дипломатия США; публичная дипломатия ЕС.

Введение

В современном взаимозависимом мире государства не всегда могут конвертировать собственную военную и экономическую мощь в реальное политическое влияние. Эффективное достижение внешнеполитических целей в таких условиях возможно и с помощью инструментов публичной дипломатии. Для США публичная дипломатия является традиционным инструментарием, сопровождающим ее внешнеполитические инициативы по отношению к постсоветским странам. Армения – не исключение. Уже становясь объектом воздействия, страна, не имевшая такого опыта взаимодействия с западными игроками, испытала заметные изменения своей публичной сферы. В нее проникло множество различных организаций гражданского общества, имеющих американские и европейские корни, среди которых были и религиозные. Активность иностранных миссионеров в Армении привела к качественному усложнению структуры конфессионального пространства. Этому во многом способствовал ценностный характер публичной дипломатии США и ЕС, направленный на распространение демократических и псевдодемократических прав и свобод человека, в том числе свободы вероисповедания, недискриминации по религиозному признаку. Более того, принятый Конгрессом США в 1998 г. Акт «О международной свободе вероисповедания» давал право применять широкий набор санкций против стран, нарушающих, по мнению США, свободу вероисповедания своих граждан, – от дипломатических до экономических [1].

Актуальность темы исследования обусловлена стратегической важностью для России региона Южного Кавказа, который вместе с Северным Кавказом составляет геополитическое целое. Образно говоря, проблемы одного напрямую воздействуют на ситуацию в другом. Присутствие в Республике Армения (РА) множества организаций гражданского общества иностранного происхождения влияет на внутривнутриполитическую обстановку страны, что находит отражение в динамике отношений между РФ и РА. Соответственно, целью данной статьи является анализ факторов трансформации структуры конфессионального пространства Армении.

Анализ литературы по теме исследования позволяет разделить ее на несколько групп: во-первых, ис-

следования, посвященные анализу отношений Армении с США и ЕС (К.С. Гаджиев [2], О.З. Геворкян [3], В.Д. Камынин и А.Р. Папоян [4], Б.И. Макаренко и А.Ю. Мельвиль [5], С.А. Петросян [6], Г. Плащиницкий [7], П. Салливан [8], К.В. Юматов [9]); во-вторых, исследования, посвященные анализу юридических норм Армении (П.А. Калиниченко [10]); в-третьих, исследования, посвященные изучению конфессионального пространства Армении (А. Автандилян [11], А. Амарян [12]) и др. Эмпирическая база исследования включает нормативно-правовые акты Армении, ЕС, России и США.

Основными методами при написании работы послужили общенаучные методы: анализ и синтез, позволяющие получить комплексное представление о предмете исследования; индукция и дедукция, которые были применены при обработке фактического материала; исторический метод, позволяющий рассматривать явление в развитии. При изучении его современного этапа задействован сетевой подход.

Анализ геополитического положения Армении

После распада Советского Союза страны Южного Кавказа, как и другие бывшие советские республики, стали объектами внешнего воздействия. У США и европейских стран появилась беспрецедентная возможность для проникновения в государства Закавказья. Они до сих пор прилагают значительные усилия, чтобы сохранить и распространить свое влияние. В регионе при содействии США и ЕС была создана новая инфраструктура для транспортировки энергоресурсов из Центральной Азии, а также Прикаспийского региона в страны Европы и США без участия России [9. С. 179]. Так, на Южном Кавказе были построены нефтепроводы Баку–Супса и Баку–Тбилиси–Джейхан, а также газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум, железная дорога Баку–Тбилиси–Ахалкалаки–Карс. Как следствие, взаимодействие между странами региона, несмотря на существующие противоречия, стало в энергетической сфере неизбежным. Этот фактор, следует отметить, не привел к улучшению отношений между Азербайджаном и Арменией, но подтолкнул последнюю к взаимодействию с Грузией и Ираном.

Армения как часть Южного Кавказа не в одиночку стала объектом воздействия внешних сил. Но удручающее экономическое положение страны после

распада СССР, мощный спад ВВП в целом и на душу населения, явилось и стимулом, и предлогом для их проникновения. Именно на волнах массовой безработицы и, как следствие, эмиграции здесь появились первые и различные некоммерческие организации, благотворительные фонды гуманитарной направленности. Некоторые из них оказались связанными с новыми религиозными движениями (НРД), которые позже и закрепились в стране. Повышенная конфликтность, вызванная сочетанием разных факторов, что свойственно всему региону, стала лишь усугубляться старанием продвигающих свои интересы явных и скрытых внешних игроков.

Транспортно-коммуникационная блокада Армении из-за Нагорно-Карабахского конфликта привела к изоляции республики от ресурсной инфраструктуры. Так, в условиях неблагоприятного экономического положения Армения стала зависимой от иностранных инвестиций, в частности российских, французских и американских [13], т.е. инвестиций из стран, где проживают самые многочисленные армянские диаспоры: в России – 1,18 млн чел. (по Всероссийской переписи 2010 г.) [14], в США – более 1,2 млн чел., во Франции – около 450 тыс. чел. [3. С. 571]. В силу взаимозависимых социокультурных факторов РФ обеспечила и основной поток трудовых мигрантов, а их денежные переводы стали одной из главных гарантий экономического выживания. Кроме того, Армения оказалась реципиентом помощи не имевших ранее сюда доступа западных стран. Но их инвестиции не были бескорыстными. Экономическая помощь пришла в обмен на «демократические» преобразования и выбор в пользу западной экономической модели развития [2. С. 198], в частности, участие в программе ТАСИС (Техническая помощь странам СНГ). Этот переходный период затянулся на 28 лет.

О переходном характере режима свидетельствуют и изменения конституции Армении. Основной документ страны, принятый в 1995 г., обеспечивал условия для преобладания президента во властной системе, которому подчинялись все три ветви власти [15]. Однако после вступления в Совет Европы в 2001 г. началась разработка новой редакции конституции. В результате референдума 2005 г. полномочия президента были значительно сокращены, а режим из президентского стал полупрезидентским. 2015 г. внес новые коррективы. Был проведен еще один успешный конституционный референдум. Армения стала парламентской республикой [16]. Выдвижение последнего на пост премьер-министра Армении в 2018 г. спровоцировало массовые акции протеста – «бархатную революцию» (апрель–май 2018 г.). Результатом событий стало избрание премьер-министром лидера протестного движения Н. Пашиняна. За скобками – резкая смена политических элит, стабильность которых постоянно подрывается борьбой за власть и их неспособностью выработать и соблюдать правила игры, что могли бы укоренить политический плюрализм. Как следствие, Армении политически и культурно сегодня можно квалифицировать как

гибридный режим [5. С. 26] с «группами интересов» внутри него, лавирующими между крупными мировыми игроками.

Для включения Армении в орбиту своего влияния США уже в 1990-е гг. спонсировали различные программы демократических преобразований. При активном посредничестве США Международный валютный фонд и Всемирный банк осуществили в Армении ряд долгосрочных кредитных и грантовых программ на общую сумму порядка 1 млрд долл. [6. С. 238]. Свидетельством активного развития армяно-американских торгово-экономических связей является присвоение Армении со стороны США статуса постоянных нормальных торговых отношений (Permanent Normal Trade Relations (PNTR)) в 2004 г. [17] и упразднение поправки Джексона–Вэника, запрещающей продажу высоких технологий [18]. Важную роль в двусторонних экономических отношениях играло сотрудничество сторон в рамках программы корпорации Millennium Challenge Corporation (MCC), американского государственного агентства, предоставляющего помощь другим государствам: в период с 2006 по 2011 г. Армения получила 235,65 млн долл. [19].

Также США сотрудничает с Арменией в энергетической сфере. Американская группа компаний «Контурглобал» (ContourGlobal) в 2015 г. приобрела один из крупнейших энергетических активов в республике – Воротанский каскад ГЭС (Шамбская, Татевская и Спандерянская ГЭС), расположенный в западной части Армении, граничащей с Нагорным Карабахом. Это позволяет США контролировать 16% выработки электричества в стране. Стоимость сделки составила 180 млн долл. [20]. Однако США и далее намерены продолжать инвестировать в электроэнергетику республики, стремясь вытеснить конкурентов, особенно Россию. Вопреки тому, что РФ для нее – военный союзник, крупный инвестор и стратегический экономический партнер.

Учитывая суммы американских инвестиций в армянскую экономику, единственным фактором, позволяющим Армении балансировать между собственными интересами и интересами страны-донора, остается диаспора. О влиянии армянского лобби в США свидетельствует принятие конгрессом США в 1992 г. поправки № 907 к Акту о поддержке свободы в связи с карабахским конфликтом. Она предусматривает запрет на оказание финансовой помощи Азербайджану по государственной линии: поправка признает Азербайджан ответственным за агрессию против Нагорного Карабаха и накладывает существенные ограничения на любую помощь азербайджанскому правительству [21]. Европейский союз, как партнер и союзник США, важнейшим направлением деятельности которого является обеспечение собственной энергетической безопасности, также присутствует в регионе и РА.

Европейский союз в своей политике на Кавказе делает акцент на социально-экономическую сферу, а также на уважение/соблюдение «европейских стандартов» в области прав человека и демократических свобод. Базовым документом, регулирующим отношения Армении и ЕС, является рамочное Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1996 г., вступившее в

силу в 1999 г. [10]. Согласно документу, под политическим сотрудничеством подразумевается установление политических связей посредством экономического сближения (ст. 5) [22]. Основным направлением сотрудничества выступает помощь во взаимоотношениях: Армения была вовлечена в программы ТАСИС, EIDHR (Европейский инструмент в поддержку демократии и прав человека), INOGATE (Межгосударственная транспортировка нефти и газа в Европу) и ТРАСЕКА (Транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия) [4. С. 194]. С 2004 г. Армения участвует в программе «Европейская политика соседства», продолжением которой стало участие Армении в Восточном партнерстве (ЕС, ГУАМ), запущенном в 2009 г. [7]. Таким образом, ЕС пытался создать альтернативные интеграционные проекты с участием стран региона, но потерпел неудачу и сосредоточился на процессе двусторонней интеграции.

В 2011 г. в Люксембурге была подписана совместная декларация ЕС–Армения «Партнерства по мобильности». С 2015 г. стартовала программа «Поддержки миграции и управлению границами», которую осуществляет армянский офис Международного центра по развитию миграционной политики. В 2018 г. Арменией, ЕС и Евратом было подписано, но еще не вступило в силу, призванное заменить Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1999 г. Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве [23], в различных областях, начиная от безопасности, торговли, финансов, устойчивого развития, занятости, образования, научных исследований, здравоохранения, рыболовства и др. Так, сотрудничество в области энергетики между Арменией и ЕС по этому соглашению предполагает диверсификацию поставщиков энергоресурсов и закрытие Армянской АЭС в Мецаморе (art. 42. g. ii). То есть усиление зависимости энергетической сферы Армении от внешних инвестиций. Новый документ предполагает содействие ЕС в налаживании отношений с соседями. Сотрудничество гражданских обществ ЕС и Армении имеет целью привлечение этих организаций для упрощения взаимодействия между сторонами, а также более активное привлечение гражданского общества Армении к процессу принятия решений. Эти договоренности привели к увеличению финансирования со стороны ЕС: на 2019 г. объем гуманитарной помощи составляет 21,3%, баланс внешней и взаимной торговли – 12,3% [24].

Несмотря на многомиллионные инвестиции США и ЕС, многолетнее сотрудничество между Арменией и Россией продолжается. Следует отметить, что именно РФ является крупнейшим кредитором Армении [25]. Более того, Россия обеспечивает ее энергетическую безопасность. В отличие от своего восточного соседа Армения ограничена в своих природных ресурсах, поэтому Россия обеспечивает ее газом и нефтью, доставка которых осуществляется через Грузию (газопровод «Северный Кавказ–Закавказье»). В 2017 г. между РФ и РА был подписан протокол, предусматривающий бессрочное освобождение от вывозных таможенных пошлин нефтепродуктов и природного газа. Таким образом, урон, который был нанесен прекращением сообщения с Россией через Азербайджан,

восполняется с помощью транзитных перевозок через Грузию. Также эта проблема решается с помощью построенного в 2007 г. газопровода Иран–Армения, соединяющий Тебриз и Мегри, через который Армения получает ряд продуктов из Российской Федерации.

В целом на 2020 г. в регионе сложилась следующая ситуация. В 2017 г. полностью вступили в силу Соглашение об ассоциации Грузии с ЕС и либерализованный визовый режим. Армения является участником евразийского (с 2015 г.) и европейского (с 2018 г.) интеграционных проектов, что в купе представляет собственный вариант решения дилеммы выбора между Западом и Востоком из всех постсоветских государств. И, кстати, подход – противоположный «неприсоединению» соседнего Азербайджана.

Таким образом, Армения оказалась не только ареной противостояния внешних сил, но и стала площадкой продвижения интересов стран-доноров, нетрадиционных для региона, в частности США и ЕС. Комплементаризм, или политика взаимодополняемости, – характеризуется развитием внешнеполитических связей со всеми заинтересованными сторонами без отдачи приоритета во взаимодействии с одним государством или их группой – является основой внешней политики Армении. Как принцип реализации стратегии внешней безопасности комплементаризм закреплён в Стратегии национальной безопасности РА. Вовлечение Армении в орбиту американского и европейского влияния происходит при активном использовании публичной дипломатии – испытанного для США инструмента поддержки внешнеполитических инициатив. Элементы его действия – светские и не светские международные организации разного толка, которые укореняли здесь нетрадиционные ценности, постепенно проникая и становясь частью армянского общества. Эти организации, способствуя распространению западной культуры, образа жизни, проводили и осуществляли социально-культурную трансформацию страны.

Факторы трансформации структуры конфессионального пространства Армении

С момента обретения Арменией независимости в стране можно наблюдать процесс усложнения структуры конфессионального пространства. Сегодня, наряду с Армянской апостольской церковью (ААЦ), в стране действует множество религиозных организаций, в частности протестантских, прежде не имевших здесь распространения. Существенное воздействие на изменение ситуации оказал факт проникновения подобных организаций из-за рубежа, помноженный на примеры «безответственности руководителей страны» (45%), упадка национальной культуры и образования (35%) [26]. Сами же эти церкви представляют собой относительно новые религиозные организации, располагающие развитой международной сетью учреждений или являющиеся частью таковой, ведущие активную прозелитскую деятельность.

Экспансия этих организаций началась после Спитакского землетрясения 1988 г., с началом Карабахской войны. В это время в Армении сложи-

лась тяжелая гуманитарная ситуация. Для организации помощи пострадавшим (и под ее видом) в стране появились различные международные гуманитарные организации, частные благотворительные фонды и ассоциации. Среди них были и аффилированные с религиозными организациями структуры. Так, в 1988 г. начала свою работу в стране христианская некоммерческая корпорация World Vision International. В 1989 г. в Ереване открылось отделение глобальной гуманитарной организации «Церкви адвентистов седьмого дня» (ADRA – Adventist development and relief) для ликвидации последствий землетрясения. В тех же целях один из представителей мормонов [8], основатель американской корпорации Хантсман (Huntsman Corp.), миллиардер, отдавший 10% своего состояния Мормонской церкви [27], а также бывший секретарь президента Р. Никсона Дж. Хантсман (старший) начал инвестировать средства в Армению: в 1988 г. Химическая корпорация Хантсман (Huntsman Chemical Corp.) совместно с Правительством Армении реализовала проект по созданию бетонного завода Хантсман Армения (Huntsman Armenia Concrete Corporation) для содействия восстановлению страны [28]. После землетрясения семейный фонд супругов Jon&Karen Huntsman Foundation реализовал проект по строительству домов в Гюмри на сумму в 15 млн долл. [29].

Таким образом, именно с 1988 г. структура профессионального пространства страны начала постепенно изменяться. Однако зарегистрироваться новые религиозные организации смогли только в 1991 г. после принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях» [30]. Документ определяет широкий круг прав религиозной организации, среди которых отдельно оговорено право вести внешнюю деятельность:

- устанавливать связи с церковными организациями других стран, приглашать их представителей;
- командировать своих верующих за рубеж для паломничества, участия в религиозных собраниях и других мероприятиях, с целью обучения или отдыха.

Закон запрещает прозелитизм, но не дает его определения, миссионерская деятельность религиозных организаций не упоминается. В целом правовое поле Армении само создавало (было вынуждено) благоприятные условия для появления, деятельности и прозелитизма религиозных организаций.

В 1993 г. указом Президента Армении создается Совет по религиозным делам. Это надзорный орган, чьи полномочия позволяли накладывать запрет на деятельность организаций, в случае если эта деятельность не соответствует статусу. В то же время религиозные организации, действующие без регистрации, не могут печатать газеты и журналы, арендовать помещения, заниматься радио- и телевидением и быть приглашающей стороной при оформлении виз. Общественное мнение по отношению к религиозным меньшинствам было по разным причинам неопределенным, безразличным. Большинство армян считали себя принадлежащими к Армянской апостольской церкви и воспринимали это как этнический маркер [31].

К 2000 г. зарегистрированных религиозных организаций в Армении насчитывалось 14: Армянская апостольская церковь, Армянская католическая церковь, Русская православная церковь, религиозная община Езидов, Иудеев, Языческая община, «Бахаи», «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней», баптисты, Армянская евангелическая церковь, харизматы, «Пантекоста», «Церковь адвентистов седьмого дня», Новая апостольская церковь. «Свидетели Иеговы» и «Сознание Кришны» действовали без регистрации [11]. В 2016 г. в стране функционировало с регистрацией уже 67 религиозных организаций, а также объединений в них, действующих без регистрации. Последние преимущественно прибегали к скрытой евангелизации (деятельность через оздоровительные и спортивные клубы, а также общественные фонды и организации) [12].

Значительное изменение количества НРД можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, подвижками нормативно-правовой базы: принятием в 2001 г. поправки к закону «О свободе совести и религиозных организациях», изменяющей порядок признания организаций юридическим лицом [32], а также принятием в 2003 г. закона «О массовой информации». Согласно последнему выпуск и распространение средств информации осуществляются без предварительной или текущей государственной регистрации, лицензирования, аккредитации (Ст. 4) [33], что значительно упрощает распространение религиозной литературы. В 2002 г. был упразднен Совет по религиозным делам, появился уполномоченный при премьер-министре по религиозным делам и консультативный орган – Управление по национальным и религиозным меньшинствам. В 2003 г. принимается закон об альтернативной гражданской службе.

Во-вторых, исподволь навязывается отношение в обществе к этим организациям через распространение дискурса религиозной толерантности, недискриминации по религиозному признаку. Такое отношение публично поддерживается американскими и европейскими общественными организациями. Представители посольства США в Армении активно взаимодействуют с представителями организаций религиозных меньшинств («Свидетелями Иеговы», «Мормонами», «Бахаи» и др.), проводятся встречи, мероприятия с их участием.

Но с начала 2000-х гг. отношение в армянском обществе к религиозным меньшинствам постепенно начинает приобретать негативный оттенок. В публичной сфере проявляет себя дискуссия об опасности религиозных сект, к которым относят свидетелей Иеговы, запрещенная в России организация. Правда, несмотря на это, после многочисленных неудачных попыток, она регистрируется в 2004 г.

В 2006 г. Армения заключает соглашение с американской государственной корпорацией Millennium Challenge Corporation, по которому страна получила 235 млн долл., в том числе и с условием соответствия индикатору «хорошего управления», включающего стандарты соблюдения свободы вероисповедания [34]. Это создает благоприятные условия для дальнейшего существования и прозелитской деятельности НРД.

В 2011 г. принимается новая поправка к закону «О свободе совести и религиозных организациях»: кроме оговоренных законом случаев, публичное богослужение религиозных организаций проводится в порядке, установленном для собраний. Также в 2011 г. принимается закон «О свободе собраний» [35], который предусматривает проведение срочных и стихийных собраний с участием не менее сотни человек. Под стихийным собранием подразумевается собрание, которое проводится в целях немедленного реагирования на определенное событие. Под срочным – собрание, которое организуется и проводится в целях экстренного реагирования на какое-либо событие, а достижение этой цели невозможно с учетом соблюдения срока подачи уведомления.

Если учесть их совпадения с выделением финансовых траншей (к примеру, в 2011 г. Конгресс США выделил 10 млн долл. Нагорному Карабаху), то создается впечатление об изыскании условий для массовых волнений, подобных тем, что наблюдались в 2015 или 2018 г. В частности, последние майские события в Ереване, вошедшие в политическую историю республики как «бархатная революция», обнажили немало сомнений за будущее российско-армянских отношений.

Системная работа по их трансформации, небезопасной для обеих стран, под видом идей терпимости к религиозным меньшинствам, их недискриминации проводится американскими НКО с 2008 г. Фонд «Евразия–сотрудничество», к примеру, совместно с организациями «Партнерства для открытого общества» реализует программы и проекты, направленные на продвижение религиозной толерантности в обществе, создания атмосферы благожелательности по отношению к религиозным меньшинствам. На современном этапе эта деятельность ведется в трех основных направлениях: разработка и продвижение антидискриминационного закона, уравнивающего в правах ААЦ с другими религиозными организациями (проект закона «О равенстве») [36]; изменение школьной программы, в частности отмена предмета «История ААЦ»; организация информационных кампаний, направленных на дальнейшее формирование веротерпимости. Для планомерной работы с журналистами была даже учреждена Ежегодная премия для СМИ в сфере религиозной толерантности. Для поддержки нетрадиционных Армении религиозных организаций «Институт открытого общества» также создает новые СМИ, их поддерживающие, например Religions.am.

В своей совокупности эти усилия способствуют искажению восприятия нетрадиционных для Армении религиозных организаций, создавая тем самым благоприятные условия для их прозелитской и другой дея-

тельности в армянском обществе. Причем это относится не только к гражданским структурам. В 2015 г. Министерство обороны при финансировании британского фонда UK Government's Conflict, Stability and Security Fund (CSSF) и Совета Европы создает центр прав человека, призванный содействовать продвижению нетрадиционных для Армении религиозных организаций, включая свободу вероисповедания среди военных. Можно предположить, что это означает трансформацию системы ценностей военнослужащих РА.

Данный направленный и финансируемый из американских и европейских фондов процесс привел не только к количественному увеличению НРД в Армении, но и к масштабному расширению их миссионерского поля. Если в 1999 г. большинство этих организаций находились в столице [31], то сегодня они действуют как в городской среде (Еревана, Гюмри, Ванадзора, Чаренцавана и др.), так и в сельской местности (Лори, Ширака, Арарата, Сюника и др.). Соответственно, количество сторонников новых культов, а также их качественный состав изменились: число adeptов НРД доходит до 350 тыс. чел. [37]. Среди этих организаций по масштабу деятельности особо выделяются «Свидетели Иеговы», «Слово Жизни», «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней». Они составляют серьезную конкуренцию ААЦ, близкой Русской православной церкви.

Заключение

Из вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Во-первых, дисбаланс сил в духовной сфере Армении после обретения независимости можно объяснить распространенностью внешнеполитического влияния. Республика является давним объектом публичной дипломатии США и ЕС: здесь сложилось нездоровое множество организаций глобального гражданского общества. Во-вторых, эти организации тиражируют нетрадиционные для страны ценности, искусно вовлекают ее граждан в свою деятельность, что позволяет формировать, особенно в молодежной среде, пласт недовольных существующим порядком людей. В-третьих, вовлеченные в паутину новых религиозных организаций люди (по экспертным подсчетам около 12% населения) становятся инструментом в руках ключевых мировых игроков. Фактически все новые религиозные движения, кроме Армянской евангелистской церкви, иностранного происхождения, что обеспечивает возможность управления некоторыми процессами в армянском обществе, противостоящими многовековым дружественным отношениям между народами России и Армении.

ЛИТЕРАТУРА

1. International religious freedom act of 1998 // Office of the Legislative Counsel. U.S. House of Representatives. URL: <https://legcounsel.house.gov/Comps/International%20Religious%20Freedom%20Act%20of%201998.pdf>
2. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. 532 с.
3. Геворгян О.З. Фактор диаспоры в отношениях Армении с США и ЕС // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 6. С. 567–573.
4. Камынин В.Д., Папоян А.Р. Особенности отношений Республики Армения и Европейского Союза // Известия Уральского федерального университета. 2019. № 3 (191). С. 193–200.
5. Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. 2014. № 3. С. 9–39.
6. Петросян С.А. Участие международных организаций в инвестировании Республики Армения // Вестник Университета. 2013. № 9. С. 238–241.

7. Плащинский Г. Восточной партнерство в зеркале европейской аналитики // Центр европейской трансформации. URL: https://cet.eurobelarus.info/files/File/2010_October_Plaschynsky_rus.pdf
8. Sullivan P. Jon Huntsman Sr.'s Early Calling to Philanthropy // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2013/11/02/your-money/jon-huntsman-srs-early-calling-to-philanthropy.html>
9. Юматов К.В. Армения в контексте внешней политики Турции, России и стран Европейского Союза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54). С. 179–183.
10. Калиниченко П.А. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Арменией 1996 г. // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglasenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-armenij-1996-g/>
11. Avtandilyan A. Religious tolerance in Armenia 2017 // Religions.am. URL: <https://religions.am/wp-content/uploads/2017/12/Religious-tolerance-in-Armenia.pdf>
12. Амарян А. Амарян: почти все секты в Армении финансируются из-за рубежа // Sputnik. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/radio/20180312/10873286/amaryan-pochti-vse-sekty-v-armenii-finansiruyutsya-iz-za-rubezha.html>
13. Прямые иностранные инвестиции // Invest in Armenia. URL: <http://www.investinarmenia.am/ru/foreign-direct-investment-and-free-economic-zones-ru>
14. Всероссийская перепись населения 2010 // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php>
15. Конституция Республики Армения // Правительство Республики Армения. URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-hin.pdf
16. Конституция Республики Армения // Президент Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>
17. Armenia Granted Permanent Normal Trade Relations With United States // House.gov. 8.12.2004. URL: <https://pallone.house.gov/press-release/armenia-granted-permanent-normal-trade-relations-united-states>
18. Поправка Джексона–Вэника // РИА Новости. 6.12.2014. URL: <https://ria.ru/20141206/1036427607.html>
19. Двусторонние отношения. США // МИД РА. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/us>
20. Воротанский каскад ГЭС в Армении продан американской стороне // Regnum. 29.01.2014. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1760449.html>
21. Section 907 of the Freedom Support Act (Public Law 102-511) // ICC Legal Tools Database. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/892c51/pdf/>
22. Partnership and cooperation agreement // European Union. External action. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf
23. Council decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // Eurlex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017JC0037>
24. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе 2019 г. // Национальная статистическая служба Республики Армения. 2019. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_01_19r_412.pdf
25. Внешний госдолг Армении в I квартале вырос на 2,5% до 3,382 млрд долларов // Banki.Ru. 2.06.2011. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=2985413>
26. Новое поколение: надежды, цели и идеалы. Двадцать лет спустя / науч. ред. А.А. Овсянников. М. : Издательский дом Междунар. ун-та в Москве, 2016. 350 с.
27. Cave A. Giving To Your Church Doesn't Count: Jon Huntsman Sr. And Twitter's Biz Stone On New Philanthropy // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/andrewcave/2014/06/23/giving-to-your-church-doesnt-count-jon-huntsman-snr-and-twitters-biz-stone-on-new-philanthropy/#6599db1e3e11>
28. U.S. Companies with Offices in Armenia // HaykNet. ArcaLe. URL: <http://www.iatp.am/hayknet/armco.htm>
29. Ashot Boghossian // Arax consulting group. URL: <http://www.arax.am/arax.html>
30. Закон Республики Армения «О свободе совести и религиозных организациях» от 17.06.1991 г. // Национальное Собрание Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2041&lang=rus>
31. Annual Report on International Religious Freedom for 1999: Armenia // U.S. Department of state. URL: https://1997-2001.state.gov/global/human_rights/irf/irf_rpt/1999/irf_armenia99.html
32. Закон Республики Армения «О внесении изменений и дополнений в законы Республики Армения “О свободе совести и религиозных организациях” и “О печати и других средствах массовой информации”» // Национальное Собрание Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2044&lang=rus>
33. Закон Республики Армения «О массовой информации» // Национальное Собрание Республики Армения. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1890&lang=rus&lang=rus>
34. International Religious Freedom Report 2007: Armenia // U.S. Department of state. URL: <https://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2007/90162.htm>
35. Закон Республики Армения «О свободе собраний» // Национальное Собрание Республики Армения. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4123&lang=rus>
36. EPF Occasional Policy Brief. Recommendations on tolerance and non-discrimination // Eurasia Partnership Foundation. URL: http://epfarmenia.am/sites/default/files/Document/EPF_AR2017_Policy_Brief_Recommendations_on_Tolerance_and_Nondiscrimination.pdf
37. Деструктивные секты угрожают Армении // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. URL: <http://russia-armenia.info/node/61562>

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

The Confessional Space of Armenia: Factors of Structure Transformation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 130–137

DOI: 10.17223/15617793/469/17

Mihail A. Kazakov, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kazakov_mihail@list.ru

Ksenia E. Makarova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: nilsy@mail.ru

Keywords: Armenia; South Caucasus; new religious movements; soft power; US public diplomacy; European Union public diplomacy.

For Russia, the South Caucasus is a region of strategic importance; its stability influences directly the security of the North Caucasus because the two areas are parts of the indivisible geopolitical whole – the Greater Caucasus. Consequently, in order to guarantee its security, Russia has to find means and forms of overcoming the conflicts existing in the region: due to the linked conflicts phenomenon, the effective resolution of the conflicts is possible only in complex. The autochthonous conflict potential of

the region worsens due to the presence of foreign players. After the breakdown of the Soviet Union, the USA and the EU received the opportunity to penetrate into the region. They do all they can to save and strengthen their positions here, and any Russian policy in the region contradicts their interests. In this article, the authors analyze the situation in the public sphere of Armenia that became the object of the US and EU public diplomacy. Analyzing the factors of the transformation of the structure of Armenia's confessional space, the authors try to summarize the western countries' actions taken towards the social and cultural transformation of Armenia in order to include it in their own sphere of influence. The aim of the article is to analyze the factors of transformation of the structure of confessional space of Armenia. The material of the research include legal acts of Armenia, EU, Russia and USA. The main methods used during the work on the article were general scientific methods, analysis and synthesis, giving the general idea of the object of the research; induction and deduction were used to work with the legal acts; the historical method was used to research the phenomenon in its development; the network approach was used to analyze the phenomenon's current condition. As a result of the research, the authors present several conclusions. Firstly, after Armenia got its independence in 1991, its public sphere became the subject of EU and USA public diplomacy: many different laical and religious organizations of the global civil society appeared in the country. Secondly, these organizations spread non-traditional values, engage Armenian citizens in their actions, which results in the formation of a group of people, especially among the youth, dissatisfied with the current order in the country. Thirdly, people engaged in the activity of new religious movements that appeared in Armenia after the breakdown of the Soviet Union become the instruments of foreign players because all the new religious movements, except for the Armenian Evangelistic Church, have foreign origins that give the foreign players an opportunity to rule some processes in the Armenian society. In particular, 12% of the population, a significant part of voters, are connected with new religious movements.

REFERENCES

1. Office of the Legislative Counsel. U.S. House of Representatives. (1998) *International religious freedom act of 1998*. [Online] Available from: <https://legcounsel.house.gov/Comps/International%20Religious%20Freedom%20Act%20Of%201998.pdf>
2. Gadzhiev, K.S. (2010) *Kavkazskiy uzel v geopoliticheskikh prioritetakh Rossii* [The Caucasian Knot in Russia's Geopolitical Priorities]. Moscow: Logos.
3. Gevorgyan, O.Z. (2018) Diaspora Factor in Armenia's Relations With the EU and the US. *Postsovetskie issledovaniya*. 1 (6). pp. 567–573. (In Russian).
4. Kamynin, V.D. & Papoyan, A.R. (2019) Features of Relations between the Republic of Armenia and the European Union. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. 3 (191). pp. 193–200. (In Russian).
5. Makarenko, B.I. & Mel'vil', A.Yu. (2014) Kak i pochemu "zavisayut" demokraticheskie tranzity? Postkommunisticheskie uroki [How and why do democratic transitions "freeze"? Post-communist lessons]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 9–39.
6. Petrosyan, S.A. (2013) Uchastie mezhdunarodnykh organizatsiy v investirovani Respubliki Armeniya [International organizations' participation in investing in the Republic of Armenia]. *Vestnik Universiteta*. 9. pp. 238–241.
7. Plashchinskiy, G. (2010) *Vostochnoe partnerstvo v zerkale evropeyskoy analitiki* [Eastern partnership in the mirror of European analytics]. [Online] Available from: https://cet.eurobelarus.info/files/File/2010_October_Plaschynsky_rus.pdf
8. Sullivan, P. (2013) Jon Huntsman Sr.'s Early Calling to Philanthropy. *The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2013/11/02/your-money/jon-huntsman-srs-early-calling-to-philanthropy.html>
9. Yumatov, K.V. (2013) Armenia in the Context of the Foreign Policy of Turkey, the Russian Federation and the European Union Countries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Kemerovo State University Bulletin*. 2 (54). pp. 179–183. (In Russian).
10. Kalinichenko, P.A. (1996) *Soglasenie o partnerstve i sotrudnichestve mezhd ES i Armeniyey 1996 g.* [1996 Partnership and Cooperation Agreement between the EU and Armenia]. [Online] Available from: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglasenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-armenij-1996-g/>
11. Avtandilyan, A. (2017) *Religious tolerance in Armenia 2017*. [Online] Available from: <https://religions.am/wp-content/uploads/2017/12/Religious-tolerance-in-Armenia.pdf>
12. Amaryan, A. (2018) *Amalyan: pochti vse sekty v Armenii finansiruyutsya iz-za rubezha* [Amalyan: almost all sects in Armenia are financed from abroad]. [Online] Available from: <https://ru.armeniasputnik.am/radio/20180312/10873286/amalyan-pochti-vse-sekty-v-armenii-finsansiruyutsya-iz-za-rubezha.html>
13. Invest in Armenia. (n.d.) *Pryamye inostrannye investitsii* [Foreign direct investment]. [Online] Available from: <http://www.investinarmenia.am/ru/foreign-direct-investment-and-free-economic-zones-ru>
14. Demoskop Weekly. (2011) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [2010 All-Russian Population Census]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php>
15. Government of the Republic of Armenia. (2015) *Konstitutsiya Respubliki Armeniya* [Constitution of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-hin.pdf
16. President of the Republic of Armenia. (2015) *Konstitutsiya Respubliki Armeniya* [Constitution of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>
17. House.gov. (2004) *Armenia Granted Permanent Normal Trade Relations With United States*. [Online] Available from: <https://pallone.house.gov/press-release/armenia-granted-permanent-normal-trade-relations-united-states>
18. RIA Novosti. (2014) *Popravka Dzheksona–Venika* [The Jackson–Vanik amendment]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20141206/1036427607.html>
19. RA MFA. (n.d.) *Dvustoronnne otnosheniya. SShA* [Bilateral relations. USA]. [Online] Available from: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/us>
20. Regnum. (2014) *Vorotanskiy kaskad GES v Armenii prodan amerikanskoy storone* [Vorotan HPP Cascade in Armenia Sold to the American Side]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/1760449.html>
21. ICC Legal Tools Database. (1992) *Section 907 of the Freedom Support Act (Public Law 102511)*. [Online] Available from: <https://www.legal-tools.org/doc/892c51/pdf/>
22. European Union. External action. (1999) *Partnership and cooperation agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf
23. Eurlex. (2017) *Council decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017JC0037>
24. National Statistical Service of the Republic of Armenia. (2019) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Armeniya v yanvare 2019 g.* [Socioeconomic Situation of the Republic of Armenia in January 2019]. [Online] Available from: https://www.armstat.am/file/article/sv_01_19r_412.pdf

25. Banki.Ru. (2011) *Vneshniy gosdolg Armenii v I kvartale vyros na 2,5% do 3,382 mlrd dollarov* [Armenia's external public debt in the first quarter grew by 2.5% to \$ 3.382 billion]. [Online] Available from: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=2985413>
26. Ovsyannikov, A.A. (ed.) (2016) *Novoe pokolenie: nadezhdy, tseli i idealy. Dvadtsat' let spustya* [New generation: hopes, goals and ideals. Twenty years later]. Moscow: International University in Moscow.
27. Cave, A. (2014) *Giving to Your Church Doesn't Count: Jon Huntsman Sr. and Twitter's Biz Stone on New Philanthropy*. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/andrewcave/2014/06/23/giving-to-your-church-doesnt-count-jon-huntsman-snr-and-twitters-biz-stone-on-new-philanthropy/#6599db1e3e11>
28. HaykNet. ArcaLe. (n.d.) *U.S. Companies with Offices in Armenia*. [Online] Available from: <http://www.iatp.am/hayknet/armco.htm>
29. Arax Consulting Group. (n.d.) *Ashot Boghossian*. [Online] Available from: <http://www.arax.am/arax.html>
30. National Assembly of the Republic of Armenia. (1991) *Zakon Respubliki Armeniya "O svobode sovesti i religioznykh organizatsiyakh" ot 17.06.1991 g.* [The Law of the Republic of Armenia "On Freedom of Conscience and Religious Organizations" of 17 June 1991]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2041&lang=rus>
31. U.S. Department of State. (1999) *Annual Report on International Religious Freedom for 1999: Armenia*. [Online] Available from: https://1997-2001.state.gov/global/human_rights/irf/irf_rpt/1999/irf_armenia99.html
32. National Assembly of the Republic of Armenia. (2001) *Zakon Respubliki Armeniya o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v zakony Respubliki Armeniya "O svobode sovesti i religioznykh organizatsiyakh" i "O pechati i drugikh sredstvakh massovoy informatsii"* [The Law of the Republic of Armenia on Amendments and Additions to the Laws of the Republic of Armenia "On Freedom of Conscience and Religious Organizations" and "On the Press and Other Mass Media"]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2044&lang=rus>
33. National Assembly of the Republic of Armenia. (2003) *Zakon Respubliki Armeniya "O massovoy informatsii"* [Law of the Republic of Armenia: On the Dissemination of Mass Information]. [Online] Available from: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1890&lang=rus&lang=rus>
34. U.S. Department of State. (2007) *International Religious Freedom Report 2007: Armenia*. [Online] Available from: <https://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2007/90162.htm>
35. National Assembly of the Republic of Armenia. (2011) *Zakon Respubliki Armeniya "O svobode sobraniy"* [Law of the Republic of Armenia "On freedom of assembly"]. [Online] Available from: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4123&lang=rus>
36. Eurasia Partnership Foundation. (2017) *EPF Occasional Policy Brief. Recommendations on tolerance and non-discrimination*. [Online] Available from: http://epfarmeria.am/sites/default/files/Document/EPF_AR2017_Policy_Brief_Recommendations_on_Tolerance_and_Nondiscrimination.pdf
37. Support Center for Russian-Armenian Strategic and Public Initiatives. (2019) *Destruktivnye sekty ugrozhayut Armenii* [Destructive sects threaten Armenia]. [Online] Available from: <http://russia-armenia.info/node/61562>

Received: 11 February 2021

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СТРУКТУРОЙ ЗАКОНОВ XII ТАБЛИЦ (НА ПРИМЕРЕ VIII–X ТАБЛИЦ)

Рассматривается проблема структурной композиции правовых норм в тексте законов XII таблиц. Выдвигается предположение, что модель составителей законов XII таблиц могла основываться на принципах, связанных с особенностями духовной культуры и соционормативного регулирования, характерными для архаического общества. Римский календарь должен рассматриваться в качестве нормативного механизма, отражающего и одновременно создающего определенный порядок в сфере природно-космической, тогда как связанные с ним и зафиксированные децемвирами законы фиксировали этот порядок в человеческом мире.

Ключевые слова: Древний Рим; римское право; законы XII таблиц; религия; календарь; понтифики.

Трудно переоценить значение для исторической науки законов XII таблиц (далее – Законы), являющихся главным источником наших знаний о праве архаического Рима. Ценность их еще более возрастает, если учесть, что данные Законов активно привлекаются исследователями для реконструкции общественных отношений в Риме «царского периода» и эпохи Ранней республики. Воссоздаваемый в научной и учебной литературе образ архаического Рима в значительной мере опирается именно на сведения Законов, которые позволяют судить о степени развитости того или иного института либо общества в целом. В то же время, как справедливо было отмечено, «между двумя имеющимися в нашем распоряжении источниками – законами XII таблиц и катоновским трактатом “О земледелии” лежит огромная, почти ничем не заполненная хронологическая пауза, что само по себе должно нас предостеречь против слишком категоричных оценок состояния римского общества в этом временном промежутке» [1. С. 72]. Кроме того, необходимо учитывать, что используемая в настоящее время модель Законов является позднейшей реконструкцией древнего децемвирального свода, в основных своих чертах созданной немецкими учеными XIX в. М. Фойгтом и Х. Дирксеном и опиравшейся на «систему» Сабина, комментарии Гая к Законам и преторские эдикты [2. С. 43; 3. С. 109–110]. Исходным материалом для нее послужило хаотичное собрание цитат Законов и комментариев к ним, извлеченное из сочинений древних авторов. Нет необходимости доказывать, что при их систематизации и анализе истории и юристы Нового времени исходили из собственных представлений о раннем римском праве, перенося на него взгляды и стереотипы своего времени и своей правовой культуры.

В частности, это выразилось в стремлении – неважно, осознанном или бессознательном – исследователей того времени выдвинуть на первый план сферу частного права, отодвинув на второй план право публичное [4. С. 73–74; 5. Р. 9]. Так, М. Фойгт был убежден в том, что Законы являлись древнейшим сводом частного права с включением правовых норм других отраслей, так или иначе с ним связанных [2. С. 55]. Между тем нельзя не заметить, что данная реконструкция довольно слабо обеспечена в части источников. Как было отмечено выше, исходным материалом

при первых попытках воссоздания текста Законов служило бессистемное собрание цитат отдельных положений свода и комментарии к ним. При этом прямые указания на расположение тех или иных норм в системе децемвирального свода крайне немногочисленны. Более или менее определенно мы можем говорить о расположении всего лишь четырех норм – в IV, X и XI–XII таблицах [6. С. 28]. Более того, ссылки на Сабина, Эмилия Галла и комментарии Лабеоны к Законам весьма гипотетичны, поскольку структура их собственных произведений, сохранившихся лишь по фрагментам, нам не известна. Все это позволяет согласиться с неоднократно звучавшем в литературе мнением о том, что существующая в настоящее время реконструкция системы децемвирального свода носит весьма условный характер [3. С. 109–110; 6. С. 28, 43; 7. С. 88; 8. С. 22]. Оценивая реконструкцию М. Фойгта, исследователи справедливо указывают на то обстоятельство, что определяющее влияние на нее оказали общественные и правовые реалии XIX в. [9. С. 246–247]. Осознание этого обстоятельства вызвало напряженную работу по палингенезу Законов в исторической и правовой науке. Учитывая важность темы, хотелось бы высказать некоторые соображения относительно структуры Законов.

В современной историографии самое широкое распространение получило мнение о том, что Законы стали результатом законотворческой деятельности комиссии децемвиров, будучи, таким образом, важным нововведением в правовой жизни римской общины V в. до н.э.¹ В то же время многие исследователи полагают, что создание децемвирального свода было фиксацией уже существующих правовых норм². При этом знание и толкование «старого» неписаного права было исключительной прерогативой жрецов и магистратов из числа патрициев, контролировавших, в частности, коллегия понтификов³. Как полагают некоторые исследователи, господствующее место в Законах занимало сакральное право, а это, в свою очередь, указывает на то, что система построения нового свода в общих чертах должна была соответствовать требованиям *ius sacrum* [9. С. 246]. Однако если Законы представляли собой свод норм сакрального права, можно ли вообще говорить о наличии какой-либо четкой системы? В литературе зачастую бытует представление о том, что «предправовые» норматив-

ные механизмы, возникавшие на стадии перехода от мононорм к зрелым формам права, отличались рыхлостью и бессистемностью по сравнению с правовыми системами, возникавшими в условиях государства⁴. В основе такого представления находится восприятие современных правовых форм и моделей как некоего нормативного образца. При этом, однако, чем дальше мы уходим в архаику, тем более четкими и жестко построенными становятся нормативный инструментарий и мифоидеологические конструкции, порождаемые обществом того времени. В этой связи уместно привести свидетельство Цицерона, который указывает: «Оттого-то знание права и доставит вам радость и удовольствие, что вы увидите, насколько наши предки оказались выше всех народов государственной мудростью; достаточно сравнить наши законы с их Ликургом, Драконтом, Солоном. Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно – прямо-таки до смешного – гражданское право всех народов, кроме нашего» (Cic. De orat. I.44.197. Пер. Ф.А. Петровского).

Говоря об архаическом праве, необходимо прежде всего учитывать специфику ранних форм права. Как было отмечено, «можно заметить, что ранние формы права очень тесно переплетаются с комплексом религиозно-мифологических представлений, и прежде всего, с такими социальными нормами, как ритуал, обряд и миф. Чем проще общество, тем ближе право к ритуалу, регулирующему взаимоотношения мира людей и мира “богов”... тем меньше интереса к привычным для нас проблемам имущественного, семейного плана» [15. С. 225]. Как представляется, ключ к пониманию системы организации правовых норм в Законах дает сообщение Макробия, указывающее на связь их структуры с календарем: «*Тудитан в третьей книге “О магистратах” сообщает, что об интеркаляции народ запрашивали десять мужей, которые к десяти таблицам законов прибавили еще две*» (I.13.21) [8. С. 18–22; 16. С. 126–127; 17. С. 148]. Возможным подтверждением сведений Макробия является сообщение Цицерона, который также указывает на связь календаря с правовыми нормами, зафиксированными на неких таблицах (tabulum) (Ad Att. VI.1.8). В этой связи следует обратить внимание на хорошо известное свидетельство источников, согласно которым первой комиссией децемвиров было принято только десять таблиц законов и лишь позднее вторая комиссия добавила еще две таблицы (Liv. III.34.1)⁵. Прежде всего, бросается в глаза соответствие числа децемвиров числу принятых ими таблиц. В свете сообщения Макробия это позволяет предположить изначальную ориентацию структуры Законов на существовавший в архаическом Риме 10-месячный («Ромулов») год⁶. О нем, в частности, напоминает название последнего месяца в римском календаре, завершавшем годовой цикл, – december (букв. – «десятый»)⁷. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, требующей отдельного рассмотрения, поскольку, согласно римской традиции, переход от 10-месячного к 12-месячному календарю произошел не в V в. до н.э., а несколькими веками ранее, при царе Нуме Помпилии⁸. Однако, в любом случае, даже если принять традиционную датировку смены кален-

дарной системы, составители Законов должны были ориентироваться на «сакральный» 10-месячный год (возможно, воспринимавшийся в качестве патрицианской модели времени), которому противопоставлялся «плебейский» (этруский?) 12-месячный год⁹.

Числа 10 и 12 выглядят явно неслучайными в рассказе Ливия. Как известно, переход на новый календарь был лишь частью серии религиозных реформ, проведенных Нумой Помпилием. В условиях того времени изменения в сакральной сфере сопровождались переменами в общественной жизни. Ливий, описывая историю принятия Законов, активно использует числовую символику. Первые «десять мужей» не только принимают десять таблиц, но и вершат суд каждые десять дней¹⁰. При этом их сопровождали десять ликторов – по одному на коллегу (III.34.8). Не совсем ясно, правда, сколько ликторов окружало децемвира в процессе судопроизводства – десять или двенадцать (III.34.8, 36.3). Можно заметить, что в сочинении Ливия первая комиссия противопоставляется второму составу децемвиров, принявшему окончательный вариант Законов (III.37.4). Теперь каждого из «мужей» окружает двенадцать ликторов, а всего на форуме присутствует сто двадцать «служителей» (III.36.3–4). Именно второму составу децемвиров Ливий приписывает попытку узурпации власти в Риме, под которой явно скрывались какие-то важные перемены в системе управления общиной¹¹.

В том случае, если десять таблиц Законов соответствовали десяти месяцам «Ромулова» года, первоначально последней была X таблица. Она, таким образом, выступает в качестве пограничной между основным сводом и добавленными позднее двумя таблицами. Если это так, то систему построения Законов следует искать в пределах первых десяти таблиц. Задача облегчается тем, что можно говорить об аутентичности норм X таблицы, по свидетельству Цицерона посвященной погребальным обрядам (Cic. De leg. II.25.64). Изучение соседних VIII, IX и X таблиц позволяет обнаружить существование определенной связи между ними: X таблица посвящена погребальным обрядам, IX – регламентирует применение смертной казни, тогда как VIII содержит перечень преступных деяний, влекущих в качестве санкции штраф или смертную казнь. Таким образом, просматривается определенная система: VIII (деяние) – IX (наказание) – X (погребение). В свете сообщения Макробия о связи права и календаря можно предположить, что X таблица соответствовала декабрю, а IX – ноябрю. Ноябрь и декабрь маркировали время окончания сельскохозяйственного цикла, для которого было характерно наступление холодов и максимальное истощение солнечной энергии¹². На декабрь приходится значимое практически для всех традиционных культур Европы время зимнего солнцестояния с самым коротким в году световым днем. Время зимнего умирания природы и замирания сил плодородия в глазах человека того времени естественным образом соотносились со смертью и погребением в человеческом обществе. В раннем Риме «космический» = природный порядок понимался одновременно как порядок религиозный, социальный и правовой, в силу чего религи-

озно-правовые нормы регулировали как социальные отношения, так и разделение времени и пространства, движение звезд, смену времен года и т.д.¹³

В таком свете календарь может рассматриваться как своего рода нормативный механизм, отражающий и одновременно создающий определенный порядок в природно-космической сфере, тогда как связанные с ним и зафиксированные децемвирами законы фиксировали этот порядок в человеческом мире. И то и другое, как отмечалось, было построено на единых принципах и имело аналогичные формы. Так, значительная часть норм VIII таблицы (согласно предложенной логике он должен соответствовать октябрю) связана с урожаем и вредоносной магией. Как отмечал Плиний, «у итальянских племен также существуют определенные следы магии в XII таблицах» (NH. XXX.1.12). К ним, без сомнения, относится передаваемый Цицероном и другими древними авторами запрет распевать под страхом смерти некие «злые песни» (*malum carmen*)¹⁴. Боязнь вредоносной магии следует объяснить и запрет работать в ночное время на вспаханном поле, с принесением нарушителя в жертву Церере: «По XII таблицам смертным грехом для взрослого было отравить или сжечь в ночное время урожай с обработанного плугом поля. [XII таблиц] предписывали [такого] обреченного [богине] Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего [виновного в подобном преступлении] по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере» (Plin. NH. XVIII.3.12)¹⁵.

Упоминание о человеческом жертвоприношении как санкции за нарушение сакральных норм присутствует и в требовании предать подземным богам (*sacer esto*) патрона, который причинил вред своему клиенту¹⁶. В основе этой нормы находится представление о сакральном характере договорных отношений, связывавших людей, вступающих в них. Судя по всему, в период создания Законов не проводилось разделения между религиозной клятвой и чисто юридическими действиями, поскольку и в том и другом случае должник давал сакральную клятву *puncupatio*, невыполнение которой означало обречение себя на жертву в случае невыполнения обязательства (Gell. XX.1.14; Fest. P. 496 L; Serv. V.237). Сюда же следует отнести лжесвидетельство, которое, по свидетельству Авла Геллия, каралось сбрасыванием с Тарпейской скалы (XX.1.53).

Отдельную группу представляют нормы, связанные с запретом магических практик в отношении земли и произрастающего на ней урожая. Как свидетельствует Плиний, согласно XII таблицам тайное истребление урожая каралось более тяжело, чем убийство человека (NH. XVIII.3.12). Эти сведения подтверждает Сенека, который отмечает: «И у нас законы XII таблиц грозят наказанием тому, кто будет “заговаривать чужой урожай” (*quis alienos fructus exsantassavit*). Невежественная древность верила, что заклинаниями можно вызывать дожди и предотвращать их» (NQ. IV.7. Пер. Т.А. Бородай).

О существовании магической практики «переманивания» чужого урожая со ссылкой на Законы сообщают

Плиний Старший, Апулей, Сервий Грамматик, Аврелий Августин и Марциан Капелла¹⁷. На то, что нормы Законов не являются неким исключением из правил, указывает сочинение Катона Старшего «*De agri cultura*», в котором присутствуют следы архаического восприятия земли как живого существа. Один из примеров подобного рода – требование Катона, обращенное к вилику, «не обманывать нивы», поскольку это ведет к несчастью¹⁸. М.Е. Сергеев оценивает слова Катона как свидетельство того, что в представлении сельского населения Италии землю связывали с земледельцем определенные отношения: она рассматривалась как должник, которому доверяется (*creditur*) посев, в силу чего он должен быть возвращен в виде урожая (*reddit*) подобно долгу, возвращаемому с процентами [26. С. 137. Прим. 4]¹⁹.

С другой стороны, VIII таблица содержит нормы, посвященные различным видам членовредительства²⁰. Скорее всего, это не случайность, поскольку характерное для архаического сознания стремление к «витализации» земли и произрастающему на нем урожаю должно было ставить знак равенства между магическими процедурами, направленными против будущего урожая, вредоносной магией, имеющей опасность для человека, и реальным нанесением телесных повреждений. Не исключено, что членовредительству могло быть уподоблено и тайное срезание колосьев, связанное со сбором урожая, являвшемся важной вехой в аграрном календаре. Он открывал подготовку к сезонным изменениям, обозначавшим завершение годового цикла и осознававшихся как время замирания жизненных сил природы, переходившей под власть хтонических божеств – тех самых, которым приносились в жертву лица, наносившие ущерб (прямо или посредством магических процедур) посевам и урожаю²¹.

В этой связи обращает на себя внимание, что в источниках прослеживается особая роль коллегии понтификов в толковании и, возможно, составлении Законов²². Секст Помпоний, римский юрист II в., указывает: «Знание всех этих прав и умение их толковать, и иски были в руках понтификов, и устанавливалось в каждом году, кто из них будет вести частными делами, и почти сто лет народ придерживался этого обычая» (D.I.2.6)²³. Кроме того, нельзя исключить того, что понтифики входили в комиссию децемвиров. Иоанн Лид в этой связи оставил туманное по смыслу сообщение: «Эти люди [децемвиры] были магистратами до тех пор, пока кто-то не пожелал причислить к разряду магистратов тех, кого римляне называют понтификами» (Mag. I.35). Не совсем понятно, что имеет в виду древний автор: либо понтифики противопоставляются магистратам – децемвирам (хотя, согласно сведениям Ливия, на время работы децемвиров была парализована деятельность остальных магистратов), либо же понтифики и являлись децемвирами. Обратившись к источникам, мы лишь укрепляемся в своих сомнениях. Как сообщает Ливий, раз в 10 дней каждый из децемвиров председательствовал на суде (III.33.8). Это сообщение приобретает особый смысл при сравнении его со сведениями других авторов. Дионисий сообщает о том, что

понтифики были судьями над всеми частными лицами, магистратами и жрецами (II.73.2). По сведениям Феста, верховный понтифик являлся судьей как для частных лиц, так и для магистратов (P. 113L). Не менее интересно замечание Ливия о том, что децемвиры «походили на десять царей» (III.36.3)²⁴. Возможно, слова Ливия следует воспринимать в качестве фигуры красноречия, призванной подчеркнуть тиранические замашки децемвиров, однако, как сообщают Плутарх и Зосима, царь – в данном случае Нума Помпилий – и был первым верховным понтификом (Plut. Num. 9-12; Zos. IV.36). Эта информация подтверждается Сервием и Исидором Севильским, по сведениям которых у римлян было в обычае, чтобы царь одновременно был и жрецом, а именно понтификом (Serv. Aen. III.80; Isid. Orig. VII.12.14).

Выход на понтификов не случаен, поскольку в их руках находилось знание правил, регулирующих взаимоотношения мира людей и мира богов. Одной из обязанностей понтификов было наблюдение за небесными светилами, что было напрямую связано с составлением и регулированием календаря [12. С. 39]. Как сообщает Авл Геллий, верховный понтифик составлял особую таблицу, в которой фиксировались различные астрономические явления (II.28.6)²⁵. Согласно Цицерону, pontifex maximus заносил записи, накопившиеся за год, на особую выбеленную таблицу, которую вывешивал на стене своего дома (De orat. II.52). Это сообщение перекликается со сведениями Дионисия, который сообщает, что Анк Марций призвал понтификов и получил от них записи с описанием ритуалов, сведенных воедино при Нуме Помпилии, и велел записать их на таблицах и выставить на Форуме (III.36.4). В какой то степени это напоминает историю создания Законов, причем необходимо учитывать, что версия Ливия не является единственной. В источниках существует определенная разногласия относительно времени первой кодификации права, которую древние авторы относят ко времени правле-

ния Анка Марция, Сервия Туллия и Тарквиния Гордого. Как отмечает А.В. Коптев, нельзя исключать того, что все они имели место, в связи с чем в повествовании Ливия всплывают фрагменты традиции, относящейся к разным эпохам [21. С. 40].

Под контролем понтификов находилась как сфера божественного/природного, регулировавшаяся через ритуалы и календарь, так и сфера человеческого/социального, причем в качестве универсального правового регулятора выступало сакральное право. Правовые обычаи, стихийно сложившиеся в ходе общественной жизни, осмысливались древним человеком как отражение божественного права. Выполняя функцию посредников между богами и людьми, понтифики использовали календарь как модель для создания правового порядка в римской общине [17. С. 149]. Понтифики ведали календарем, судопроизводством и частным правом, что позволяло им осуществлять контроль над частной жизнью римлян²⁶. Одновременно понтифики были хранителями правовых норм, имея возможность толковать их для непосвященных, в категорию которых подпадала основная масса населения Рима. Именно традиции архаического сакрального права обусловили особенности структуры Законов, в которых жизнедеятельность человеческого общества была увязана с годичным календарным циклом, отражавшем природный/космический порядок. Кропотливый труд романистов XIX–XX вв. по восстановлению структуры Законов дал ограниченные результаты, поскольку порочным был исходный элемент палингенезы, проецировавший логику и правовые модели буржуазного права, главным образом гражданского, на децемвиральный свод. Таким образом, главным препятствием к пониманию смысла построения Законов является зачастую лишенный рефлексии автоматизм сознания современного человека, рассматривающего архаическое право через призму характерных для Нового времени представлений о праве и его роли в жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как отмечает Д.В. Дождев, принятие Законов по своему значению выходит за рамки сословной борьбы, имея целью кодификации утверждение равенства граждан перед законом [10. С. 12].

² Ср.: «Они [законы XII таблиц] отразили жизнь примитивной аграрной общины, удачно сочетаясь с системой обычного неписанного права, существовавшего в то время» [11. Р. 25].

³ В этой связи обращает на себя внимание присутствующее в сочинении Ливия утверждение, что во время принятия Законов законодателями могли быть лишь патриции (III.31.8). Только понтифики, избравшиеся вплоть до III в. до н.э. исключительно из среды патрициев, были хранителями норм сакрального права [12. С. 71]. Как отмечает Л.Л. Кофанов со ссылкой на Сервия (Aen. XI.558), поскольку жрецы-patres осуществляли от имени общины договорные отношения с богами, именно они должны были регулировать социальную жизнь общины [13. С. 19].

⁴ Подобный взгляд был широко представлен уже в работах романистов XIX в. [4. С. 79–80; 14. С. 22].

⁵ Ср.: Cic. De rep. II.61; Dionys. X.57; Pomp. D. I.2.2.3–4; Lyd. De mag. I.34.

⁶ Ovid. Fast. I.27f; Gell. III.16.16; Censorin. Di dies. nat. 20.3; 22.9–10; 20.22; Macr. Sat. I.12.3; Solin. I.35–36; Lyd. De mens. I.16.

⁷ В той связи показательно, что согласно приписываемому Нуме Помпилию закону женщины должны были носить траур в течение 10 месяцев (Plut. Numa. 12; Sen. Ad Luc. 63.13).

⁸ Varro. De l. l. VI.13; Cic. De leg. II.29; Liv. I.19.6; XXXIII.11.13; Ovid. Fast. I.43f; Censorin. Di dies. nat. I.13.1–3; 20.6; Plut. Numa. 18.1; Macrob. Sat. I.13.4; 14.6.

⁹ Некоторые исследователи, опираясь на сведения источников, полагают, что в раннем Риме одновременно сосуществовали две календарные системы. Согласно одним источникам, «Ромулов» год включал 10 месяцев, насчитывающих 304 дня. Год начинался 1 марта и заканчивался в конце декабря, при этом январь и февраль в данном календаре отсутствовали. Другой вариант календаря включал 360 дней, которые были разделены на 12 месяцев. Календарный год начинался 1 марта и заканчивался 23 февраля с пятью вставными сутками с 24 по 28 февраля [17. С. 142–149; 18. Р. 121–123; 19. Р. 20; 20. С. 375].

¹⁰ Возможно, 10 плебейских трибунов символизировали 10 месяцев «сакрального» года.

¹¹ Следует отметить, что вопреки влиятельной историографической традиции Нового времени Ливий передает довольно противоречивые сведения о противостоянии патрициев и плебеев во время принятия Законов. Так, хотя плебеи не были включены в число децемвиров, принявших первые десять таблиц, это не вызвало среди них возмущения (III.32.7). Второй состав децемвиров, напротив, был избран при прямой поддержке плебеев (III.34.8). Ливий несколько раз сообщает о том, что Аппий Клавдий Цек всячески заискивал перед плебсом и, вероятно, лишь при его помощи был избран во второй раз (III.33.7, 35.4–6). Возникает впечатление, что рассказ Ливия в значительной степени

был навеян реалиями политической борьбы в Риме I в. до н.э. Возможно, здесь нашли свое отражение события 63 г. до н.э., связанные с законопроектом Сервилия Рулла, который также предусматривал создание комиссии децемвиров [21. С. 39–40; 27].

¹² Интересное наблюдение делает А.В. Коптев, обративший внимание на то, что первые шесть месяцев римского календаря, с января по июнь, были ориентированы на имена богов, тогда как другие шесть месяцев не имели названий и просто обозначались числительными. Как полагает автор, первая половина римского календаря была связана с периодом растущего солнца, увеличения солярной активности и связанного с ней периода фертильности, в противоположность второй, маркировавшей период уменьшающейся солнечной активности, который начинался после летнего солнцестояния [22. С. 91–92].

¹³ Как отмечает В.Н. Топоров, для института царской власти в Риме скорее была характерна жреческая, а не административно-политическая функция правителя. Римский царь выполнял роль жреца, который не только знал космологическую структуру мира, но и соотносил ее с социальным устройством общества; точнее, этот царь-жрец определял на уровне нормативных и религиозных установок, каким образом должна быть организована данная социальная группа или их совокупность с тем, чтобы они соответствовали космическому порядку [23. С. 13; ср.: 22. С. 92].

¹⁴ Cic. Tusc. IV.2.4; Cic., Brut., 217; Plin. N.H. XXVIII.28.2, 17; Fest. P. 190 L; Cic. De rep. IV.4.10. ap. Aug. De civ. Dei. II.9; Aug. De civ. Dei. II. 2.12–14; Hor. Ep. II.1.152–155; Corn. Ad. Pers. Sat. I.123; Porph. Ad Hor. Sat. II.1.82–83; Ad Her. IV.25.35; D. XLVII.10.15.3; Arnob. Adv. gent. IV.34; Paul. Sent. V.4, 6; D. L.16. 236. pr.

¹⁵ Ср.: Cic. De or. I.36.167; Cic. De off. III.15.61; Ulp. D. XXVI.10.1.pr.2; Tryph. D. XXVI.7.55.1; Donat. Ad Ter. Eun. 515; Iust. Inst. IV.10.pr.

¹⁶ Gell. XX.1.40; Serv. VI.609. На то, что это сообщение не является ошибкой переписчика или антиквара эпохи Принципата, неправильно понявшего текст, написанный на плохо понятном к тому времени языке, указывают сообщения источников о человеческих жертвоприношениях, совершавшихся в Риме, по крайней мере трижды: в 228, 216 и 113 гг. до н.э. Любопытно, что Орозий упоминает о децемвирах как инициаторах погребения заживо двух пар чужеземцев – греков и галлов в 228 г. до н.э. (Oros. IV.13.3–4). Подробнее с разбором источников см.: [24. P. 180–215].

¹⁷ Plin. N.H. XVIII.6.41–42, XXX.1.12; Apul. Apol. 47; Serv. In Verg. ecl. VIII.9; Aug. De civ. Dei. VIII.19; Mart. Cap. IX.928.

¹⁸ Cat. Agr. V.4: ...segetem ne defrudet: nam id infelix est. Основное значение слова defraudo (defrudo) – «обманывать». В сочинениях Плавта и Теренция, наиболее близких ко времени Катона, термин defraudo имеет юридические коннотации, используя в значении «обобрать обманным путем» [25. С. 298]. В юридическом контексте используется и Гаев, который в 6-й книге «Вопросов» употребляет термин dotis defrudetur в значении «лишить приданного обманным путем» (Dig. XXIV.3.45). В 4-й книге «Институций» Гая встречается термин emptor defraudatoris (Gai. IV.65).

¹⁹ По мнению М.Е. Сергеевко, наиболее распространенным проступком со стороны вилика была кража посевного зерна.

²⁰ Gell. XX.1.14; Fest. P. 496 L; Gai. III.223; Inst. IV.4.7. Paul. 5.4.6.

²¹ В литературе высказывалось предположение, что даваемая должниками клятва была связана с Сатурном – божеством, связанным с сельскохозяйственным циклом. Хтоническая природа Сатурна проявлялась и в его связи с подземным миром. Месяцем Сатурна был декабрь, на который приходился праздник Сатурналий [17. С. 140–141].

²² Мы можем судить об этом хотя бы потому, что в начале II в. до н.э. была опубликована книга Элия Пета «Tripartita», содержавшая Законы, комментарии понтификов к ним и иски.

²³ Высказывалось предположение, что период в сто лет, о котором упоминает Помпоний, занял период времени между созданием Законов (451–450 гг. до н.э.) и учреждением претуры в 367 г. до н.э. [13. С. 42]. Впрочем, здесь возможны и другие хронологические выкладки.

²⁴ Дионисий отмечает, что децемвиры получили власть, которую до того имели лишь цари (X.55.4).

²⁵ Ср.: Cic. De orat. II.52; Serv. Aen. I.373; Macr. Sat. III.2.17.

²⁶ В этом плане показательным, что Цицерон (De orat. I.193) объединяет книги понтификов и Законы под общим понятием ius civile [12. С. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. Гражданская община и государство в античности // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 71–74.
2. Voigt M. Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminalrechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten. Bd. I-II. Leipzig, 1883.
3. Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. М., 1883.
4. Пухта Г.Ф. История римского права. Т. I, вып. 1–2 : пер. с нем. М., 1864.
5. Diliberto O. Materiali per la palinogenesi delli XII Tavole. Calgari, 1992. Vol. I.
6. Кофанов Л.Л. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц: сакральное право в системе римского законодательства // Вестник древней истории. 1996. № 2. С. 26–43.
7. Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Петроград, 1918.
8. Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996.
9. Кофанов Л.Л. Сакральное право в системе римского законодательства // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов (31 мая – 2 июня 1993 г.). М., 1994. С. 239–248.
10. Дождев Д.В. Римское архаическое наследственное право. М., 1993.
11. Mousourakis G. A Legal History of Rome. L. ; N.Y., 2007.
12. Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: Римская историография конца III–I вв. до н.э. М., 2005.
13. Кофанов Л.Л. Сакральное право: от человеческих жертвоприношений к правовым санкциям // Религия и община в древнем Риме / под ред. Л.Л. Кофанова, Н.А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 16–44.
14. Падалетти Г. Учебник истории римского права : пер. с ит. Одесса, 1883.
15. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.
16. Дементьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 2003.
17. Коптев А.В. Долговое право и календарь раннего Рима // Древний Восток и античный мир. Вып. VII. М., 2005. С. 139–154.
18. Michels A.K. The Calendar of the Roman Republic. Princeton, 1967.
19. York M. The Roman Festival Calendar of Numa Pompilius. NY-Bern-Fr.-a.-M., 1986.
20. Коптев А.В. XII таблиц и календарь архаического Рима: к вопросу об обществе и эпохе записи древнейших римских законов // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференции РАА 1996–1997 гг. М., 1997. С. 372–379.
21. Коптев А.В. От эпохи царей к республике: формирование государственных структур в раннем Риме // История древних цивилизаций. Государство и право древнего Рима / отв. ред. А.В. Махлаук. Вып. 1. Н.-Новгород, 2006. С. 9–59.
22. Коптев А.В. Интеррегнум и диктатура: происхождение немагистратских должностей в раннем Риме // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 80–103.
23. Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. С. 3–19.
24. Erdkamp P. War, Vestal Virgins and live burials in the Roman Republic // Religion and Classical Warfare. Vol. II: The Roman Republic / M. Dillon, C. Matthew (eds.). Barnsley, 2020. P. 180–215.
25. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
26. Сергеевко М.Е. Комментарии // Марк Порций Катон. Земледелие / пер. М.Е. Сергеевко. М., 1950. С. 124–215.
27. Сидорович О.В. Децемвират в истории архаического Рима // Древность и средневековые Европы / под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. Пермь, 2002. С. 18–26.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 мая 2021 г.

Some Observations on the Structure of the Law of the Twelve Tables (Tables VIII–X)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 138–143.

DOI: 10.17223/15617793/469/18

Vladimir A. Kvashnin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: kvashnin195@mail.ru

Keywords: ancient Rome; Roman law; XII tabularum leges; religion; calendar; pontifices.

The article discusses the problem of the structural composition of legal norms in the text of laws of the Twelve Tables. The original model of the laws of the Twelve Tables could be based on principles related to the features of the spiritual culture and socio-normative regulation characteristic of the archaic society. The traditions of the archaic sacred law determined the structure of the laws of the Twelve Tables. In the early Roman law, the activity of human society was linked to the annual calendar cycle. The Roman calendar played the role of a normative mechanism that reflected and created the cosmic order. The laws of the Twelve Tables, related to the Roman calendar, fixed this order in society. The well-known evidence from sources reveals that the First Commission of Decemvirs issued only ten tables of laws, and only later the Second Commission added two tables (Liv III.34.1). It should be noted that the number of decemvirs is equal to the number of tables. This suggests the initial orientation of the structure of laws to the 10-month (“Romulus”) year that existed in archaic Rome. If the ten tables of laws corresponded to the ten months of the “Romulus” year, the last table was Table X. Thus, the system of constructing laws should be found within the first ten tables. The norms of Table X dedicated to funeral rites (Cic. de Leg. II, 25, 64) were authentic. The study of Tables VIII, IX, and X reveals the existence of a certain relationship between them: Table X is dedicated to funeral rites; Table IX regulates the use of the death penalty; Table VIII contains a list of criminal acts with death penalty as a sanction. Thus, a certain system is viewed: VIII (act) – IX (punishment) – X (burial). It can be assumed that Table X corresponded to December, and Table IX to November. November and December marked the end of the agricultural cycle, which was characterized by the onset of cold weather and the maximum depletion of solar energy. December is a significant time of the winter solstice for all traditional cultures in Europe, with the shortest light day of the year. The time of the winter death of nature and the fading of the forces of fertility in the eyes of people of that time naturally correlated with death and burial in human society. In early Rome, the natural order was understood simultaneously as a religious, social, and legal order. Therefore, religious and legal norms regulated social relations, the division of time and space, the movement of the stars, and the change of seasons. The sources reflected the special role of pontiffs in the interpretation and, possibly, creation of laws. The traditions of the archaic sacred law determined the features of the structure of laws, in which the life of human society was linked to the annual calendar cycle, reflecting the natural/cosmic order.

REFERENCES

1. Andreev, Yu.V. (1989) Grazhdanskaya obshchina i gosudarstvo v antichnosti [Civil community and state in Antiquity]. *Vestnik drevney istorii*. 4. pp. 71–74.
2. Voigt, M. (1883) *Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminalrechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten*. Bd. I–II. Leipzig.
3. Muromtsev, S.A. (1883) *Grazhdanskoe pravo drevnego Rima* [Civil law of ancient Rome]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko.
4. Pukhta, G.F. (1864) *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. Vol. I (1–2). Translated from German. Moscow: V tip. Semena.
5. Diliberto, O. (1992) *Materiali per la palinogenesi delli XII Tavole*. Vol. I. Calgari.
6. Kofanov, L.L. (1996) K voprosu o palinogeneze zakonov XII tablits: sakral'noe pravo v sisteme rimskogo zakonodatel'stva [On the palinogenesis of the laws of the Twelve Tables: sacred law in the system of Roman legislation]. *Vestnik drevney istorii*. 2. pp. 26–43.
7. Pokrovskiy, I.A. (1918) *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. 4th ed. Petrograd: Izdanie Yuridicheskago knizhnago sklada “Pravo”.
8. Dozhdev, D.V. (1996) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]. Moscow: INFRA-M-NORMA.
9. Kofanov, L.L. (1994) [Sacred law in the system of Roman legislation]. *Metodologiya i metodika izucheniya antichnogo mira* [Methodology and methods of studying the ancient world]. Conference Proceedings. 31 May – 2 June 1993. Moscow. pp. 239–248. (In Russian).
10. Dozhdev, D.V. (1993) *Rimskoe arkhaischeskoe nasledstvennoe pravo* [Roman archaic inheritance law]. Moscow: Nauka.
11. Mousourakis, G. (2007) *A Legal History of Rome*. Routledge.
12. Sidorovich, O.V. (2005) *Annalists i antikvary: Rimskaya istoriografiya kontsa III–I vv. do n.e.* [Annalists and Antiquaries: Roman Historiography of the Late 3rd – 1st Centuries BCE]. Moscow: RSUH.
13. Kofanov, L.L. (1994) Sakral'noe pravo: ot chelovecheskikh zhertvoprinosheniy k pravovym sanktsiyam [Sacred law: from human sacrifice to legal sanctions]. In: Kofanov, L.L. & Chaplygina, N.A. (eds) *Religiya i obshchina v drevnem Rime* [Religion and Community in Ancient Rome]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. pp. 16–44.
14. Padaletti, G. (1883) *Uchebnik istorii rimskogo prava* [Textbook of the history of Roman law]. Translated from Italian. Odessa: [s.n.].
15. Pershits, A.I. (1979) Problemy normativnoy etnografii [Problems of Normative Ethnography]. In: Bromley, Yu.V. (ed.) *Issledovaniya po obshchey etnografii* [Studies in General Ethnography]. Moscow: Nauka. pp. 210–240.
16. Dement'eva, V.V. (2003) *Detsemvirat v rimskoy gosudarstvenno-pravovoy sisteme serediny V v. do n.e.* [Decemvirate in the Roman state and the legal system of the middle of the 5th century BCE]. Moscow: Infomedia Publisher.
17. Koptev, A.V. (2005) Dolgovoe pravo i kalendar' rannego Rima [Debt law and the calendar of early Rome]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir*. VII. pp. 139–154.
18. Michels, A.K. (1967) *The Calendar of the Roman Republic*. Princeton: University Press.
19. York, M. (1986) *The Roman Festival Calendar of Numa Pompilius*. Peter Lang GmbH.
20. Koptev, A.V. (1997) [The Twelve Tables and the calendar of archaic Rome: on the society and era of recording the most ancient Roman laws]. *Vlast', chelovek, obshchestvo v antichnom mire* [Power, man, society in the ancient world]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 372–379.
21. Koptev, A.V. (2006) Ot epokhi tsarey k respublike: formirovaniye gosudarstvennykh struktur v rannem Rime [From the era of kings to the republic: the formation of state structures in early Rome]. In: Makhlayuk, A.V. (ed.) *Istoriya drevnikh tsivilizatsiy. Gosudarstvo i pravo drevnego Rima* [History of ancient civilizations. State and law of ancient Rome]. Vol. 1. Nizhny Novgorod: [s.n.]. pp. 9–59.
22. Koptev, A.V. (2014) Interregnum i diktatura: proiskhozhdeniye nemagistratskikh dolzhnostey v rannem Rime [Interregnum and dictatorship: the origin of non-magistrate offices in early Rome]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*. 3. pp. 80–103.
23. Toporov, V.N. (1974) Slavyanskii kommentarii k neskol'kim latinskim arkhazimam [Slavic commentaries on several Latin archaisms]. In: Toporov, V.N. et al. (eds) *Etimologiya 1972* [Etymology 1972]. Moscow: Nauka. pp. 3–19.
24. Erdkamp, P. (2020) War, Vestal Virgins and live burials in the Roman Republic. In: Dillon, M. & Matthew, C. (eds) *Religion and Classical Warfare*. Vol. II: The Roman Republic. Barnsley. pp. 180–215.
25. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Sergeenko, M.E. (1950) Kommentarii [Commentaries]. In: Mark Porcius Cato. *Zemledelie* [Agriculture]. Translated from Latin by M.E. Sergeenko. Moscow: USSR AS. pp. 124–215.
27. Sidorovich, O.V. (2002) Detsemvirat v istorii arkhaischeskogo Rima [Decemvirate in the history of archaic Rome]. In: Mayak, I.L. & Nyurkaeva, A.Z. (eds) *Drevnost' i srednevekov'e Evropy* [Antiquity and the Middle Ages of Europe]. Perm: [s.n.]. pp. 18–26.

Received: 21 May 2021

Ю.Н. Ковалевская

РЫНОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ЭТАП ЖИЗНЕННОЙ ТРАЕКТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ (1990-е гг.)

По биографическим источникам раскрыто значение рыночной торговли для выживания в 1990-е гг. Показано, что рыночная торговля как этап биографии дальневосточников определялась сочетанием пограничного социального статуса (маргинальности) и функции трансграничной торговли. В условиях кризиса сам факт выживания благодаря торговле воспринимался как благо. Постфактум ситуация выживания (и торговля) вспоминаются как травмирующий опыт, выходящий за пределы нормальной биографической траектории.

Ключевые слова: Дальний Восток России; рыночная торговля; открытые рынки; челноки; повседневность.

Массовая торговля на открытых рынках (в том числе «челночный» бизнес) в 1990-е гг. рассматривается в российской научной литературе как способ адаптации граждан к структурному кризису российского общества на микроуровне [1, 2] и как фактор становления и развития рыночной экономики на макроуровне [3–5]. Рынки под открытым небом являются важнейшим элементом постсоветских трансформаций, оказавшим огромное воздействие на формирование социального и физического пространства российского провинциального города. Вместе с тем отмечается, что этот феномен недостаточно изучен; с течением времени его исследование методами социологии и антропологии будет значительно затруднено, станет не под силу и историкам в силу крайне ограниченного массива документов [5. С. 10]. Большая часть научных работ, посвященных дальневосточной рыночной торговле, относится к челнокам и «китайским» рынкам и основана на антропологических и социологических методах – включенном наблюдении, интервью, анкетировании, что предопределило сравнительно короткий хронологический горизонт исследования [6, 7].

Цель статьи – на основе источников биографического характера показать опыт занятости в рыночной торговле ее рядовых участников в длительной (около 10 лет) исторической ретроспективе, а также выявить различия в восприятии нового образа жизни и социального статуса в момент происходящего (по письмам) и постфактум (в воспоминаниях).

В работе использованы два вида письменных источников: переписка дальневосточной семьи за 1991–2001 гг. (81 письмо) и письменные воспоминания о 1990-х гг. (74 сочинения), написанные в 2013–2014 гг. Материал из семейной переписки, касающийся рыночной торговли, впервые вводится в научный оборот. Сравнение этих документальных комплексов позволяет выявить разницу между оценкой рыночной торговли, сделанной в момент ее осуществления и постфактум, в личных воспоминаниях. Интерпретация этих «документов человеческой жизни» осуществлена за счет расширения исторического контекста личных высказываний с помощью иных источников: СМИ, статистики, научных и экспертных мнений.

В качестве общетеоретической рамки использован неинституциональный подход. Применительно к развитию торговли в России в 1990-е гг. референтным образцом этой методологии можно считать книгу

В.В. Радаева [4]. В.В. Радаев показывает развитие рыночного формата в 1990-е гг. и его дальнейшую эволюцию позднее, а также роль «челноков» и мелких торговцев в становлении торговли и рыночной экономики в целом. Он определяет розничные рынки как «групповое размещение торговых объектов внемагазинного формата. Независимо от того, располагаются они в крытом строении или под открытым небом, рынки – это объединение торговых объектов, не относящихся к числу капитальных строений» [4. С. 54]. В статье под «рыночной торговлей» понимается работа на самых массовых рынках под открытым небом (открытых рынках).

Для выявления социальной специфики постсоветской торговли использованы концепты «маргинальности (пограничности)» и «преадаптации». Т. Шибутани сформулировал понятие маргинальности как социальной позиции, где воплотились противоречия структуры общества. Он дает следующее определение маргинального человека: «Маргинальные люди, которые находятся на границе между двумя или более социальными мирами, но не принимаются ни одним из них как его полноправные участники» [8. С. 475]. Трансформационный кризис на Дальнем Востоке в 1990-е гг. привел к маргинализации больших групп населения, утративших постоянную работу, место жительства и иные социальные гарантии. Маргинальность характеризуется не только негативными, но и позитивными аспектами – она способствует поиску новых практик выживания и генезису новых социальных институтов. Концепт «преадаптация» объясняет способность человека и социальной системы быстро приспособиться к тому, чего ранее никогда не было и не могло быть [9. С. 3]. Идея «преадаптации» позволяет выявить специфику рыночной торговли, как одной из массовых практик, благодаря которым советские люди оказались способны преодолеть глубокий кризис 1990-х гг. и приспособиться к новым реалиям.

В период трансформационного кризиса (1991–1999 гг.) многие граждане российского Дальнего Востока утратили источники заработка. Численность занятых в экономике Дальневосточного федерального округа (ДФО) в этот период снизилась на 695,7 тыс. чел., официальная безработица достигла максимума в 1999 г. и составила 15,3% [10. С. 71].

После выхода указов Президента РСФСР № 232 от 25 ноября 1991 г. «О коммерциализации деятельности

торговых предприятий в РСФСР» и от 29 января 1992 г. № 65 «О свободе торговли» появилась возможность массовой занятости в сегменте потребительского рынка, а основными рыночными акторами стали маятниковые мелкооптовые и розничные торговцы, получившие в 1990-х гг. название «челноков» [4. С. 68]. По некоторым оценкам, в России в середине 1990-х гг. «челночный» бизнес составлял треть всего импорта и давал работу для 10 млн человек [3. С. 88]. В европейской части России в челночном бизнесе доминировали турецкое, польское и итальянское направления, а на Дальнем Востоке – китайское, корейское и японское. Небольшой сегмент европейских товаров доставлялся на Дальний Восток преимущественно из Москвы.

В ДФО в 1991–1999 гг. на фоне общего сокращения населения региона на 1 232 тыс. чел. [11. С. 136]. численность занятых в торговле увеличилась с 394,9 до 429,4 тыс. чел. (до 13,4% занятых в экономике ДФО). В наиболее развитых Хабаровском и Приморском краях доля занятых в торговле составляла 17,7 и 18% соответственно [12. С. 65]. В статистике того времени торговля входила в номенклатуру «торговля, общественное питание, сбыт и заготовки». В эту группу не входили работники, обслуживающие торговую логистику. Следует учесть, что неполная, временная и неформальная занятость мелких торговцев, особенно уличных, не фиксировалось статистикой. Экспертные оценки дают очень высокую долю мелкой рыночной торговли в экономике приграничных регионов Дальнего Востока. Так, по данным Н.П. Рыжовой, если в России в целом в конце 1990-х гг. открытые рынки давали 28% торгового оборота, то в Амурской области он составлял более 60% [13. С. 29]. На Дальнем Востоке в рыночную торговлю и ее обслуживание было вовлечено не менее 20% населения приграничных областей (с учетом торговли японскими подержанными автомобилями и обслуживающей этот бизнес инфраструктуры – перегона автомобилей, автостоянок, ремонта, заправки) [14. С. 8].

Письма, находящиеся в распоряжении автора, – это переписка за 1990-е гг. одной семьи (в основном матери и дочери), которые проживали в г. Шахтерске Сахалинской области и г. Владивостоке Приморского края и до начала 1990-х гг. не имели никакого отношения к торговле: мать в 1985 г. вышла на пенсию с должности библиотекаря, дочь в 1992 г. закончила гуманитарный факультет вуза.

На примере этих далеких от коммерции людей хорошо видны способы рационализации обращения к торговле; этапы вовлечения в торговые практики; диапазон использованных возможностей, смена форм деятельности внутри рыночного формата; результаты торговой деятельности для решения повседневных проблем.

В качестве первоначальной причины обращения к торговле выступает лишение привычных источников дохода. В начале 1993 г. мать писала дочери из Шахтерска: «...з/п нам в этом году задержали, еще не было ни з/п, ни пенсии, обещали повысить, а вместо этого вообще ничего не дают, но на днях обещают» [15. Шахтерск. 13.01.93].

Торговый дефицит и введение талонов (карточек) на многие товары первой необходимости создает возможность продажи ненужных пенсионерке вещей (водки, сигарет, излишков чая, сахара, мыла) тем, кто в них нуждается. Эта практика определяется ею как «спекуляция», но с определенной долей иронии: «З/п за февраль получила 14/03 – 800 р. – отдала долги, заплатила за свет и квартиру, выкупила чай и водку – 71 р. – теперь спекульну и до зарплаты хватит» [15. Шахтерск. 25.03.92].

Дочь во Владивостоке сразу после выпуска из университета столкнулась с отсутствием работы по специальности и жилья: «...зато очевидно, что моей будущей зарплаты вряд ли будет хватать даже на квартиру (съемную), не говоря обо всем прочем. Придется, все-таки, курам на смех, заняться спекуляцией. Цены тут крутейшие... Самое главное – сигареты – пачка «Бонда» стоит 80–90 руб, а «Конгресса» – не менее 100. Др. американские – «Кемел», «Ротман», стоят 150–200 руб. Мне, может, придется занять здесь денег на квартиру (у меня пока 10 тыс.) – не больше 5 тысяч – так это 5 блоков «Конгресса» или 3,5 месяца работы (которую еще нужно найти)» [15. Владивосток. 06.09.92]. Этот проект не реализовался, так как дочери удалось найти работу в гимназии (0,25 ставки), а затем в школе, где ей предоставили место в служебном жилье.

Начало трудовой жизни молодого специалиста порождало некоторый пессимизм: «К школе мне даже близко подходить противно, хотя вроде ничего особо плохого я там не видала. Просто школа – любая – это неволя, одни через силу учат, другие через силу учатся. Тоска... Я и не знала, что я способна так ненавидеть, как я ненавижу эту школу, дорогу на работу, вечную темноту, холод – идешь, как в яму, ветер насквозь продувает, сапоги рвутся, у сумки отваливается ручка, варежка падает в грязь, утром будильник звонит – я встаю не в ту сторону, т.е. со всего размаха врезаюсь головой в стенку. Я думала, этот кошмар меня доконает. Весь мир против тебя – если закрываешь дверь шкафа – прищемишь палец, если нож острый – порежешься, если тупой – упадет на ногу. Прямо наваждение какое-то» [15. Владивосток. 02.01.93].

Примерно год спустя дочь начинает совмещать преподавание в школе и торговлю книгами на улице (в качестве продавца): «Пробовала работать у Я. – день просидела на солнце – продуло, заработала насморк и 7 тыс. рублей. Так что коммерция мне пока не улыбается» [15. Владивосток. 25.09.93].

Еще через год торговля книгами прямо на улице становится для дочери основным источником дохода: «У меня все тихо. Работать мы стали регулярно – то есть 5 дней в неделю. Торговля идет ни шатко, ни валко, но на еду денег хватает... Знаменитые куриные окорочка. Мы едим их по субботам и воскресеньям, а в остальные дни живем скромно» [15. Владивосток. 27.03.94]. Уйдя из школы, дочь потеряла право на служебное жилье и стала снимать «гостинку» – квартиру-студию площадью 18 кв. м.

Вхождение в число торговцев позволяло расширять полезные связи и использовать их для родственного обмена: «Заработки у меня очень приличные пока – я работаю на новом месте, возле Крайбольницы

(это около Универа) – так выходит по 250–350 тыс. в день, т.е. 12–17 тыс. [зарплаты]. Насчет торговли – Ж. получил партию швейцарского шоколада фирмы «Альпийская роза» – очень хороший, считается лучшим в Европе. Я покупаю 4 коробки за 84 тыс. руб. и вышлю в субботу» [15. Владивосток. 17.04.94].

Письма содержат наивные, но уже ставшие привычными коммерческие расчеты: «Мама, я выслала тебе посылку АВИА в субботу, 23 апреля. Должна ее получить раньше письма – если нет, требуй на почте. Я положила туда 78 шоколадок, вес был 8 кг 400 гр. Стоит 10 120 рублей с уведомлением. Так что все-таки выгодно посылать – у нас многие покупают шоколад по 1 100 и продают по 1,5 тыс. А тут выходит покупка по 1 180 – не такая большая разница...» [15. Владивосток. 26.04.94].

Работа продавцом рождала соблазн «прирабатывать» на рабочем месте или даже начать свое дело: «...Я тут пробовала продать остатки шоколада (20 шт.) у себя на работе – так дело идет медленно, примерно по 6 штук в день. Мне-то все равно сидеть, а если так отдельно торговать – это курам на смех... Насчет торговли и квартиры ты права – если не крутиться, как белка в колесе, ничего не будет. Я подумаю уйти через месяц от Я. и работать самостоятельно – у Ж. очень хороший товар – один из самых дешевых в городе... – я буду брать у него под реализацию и торговать. Оформлюсь к нему на работу, т.е. будет разрешение и все чин-чином... Я решила серьезно приняться за свое обеспечение. Сейчас только ленивый не торгует. И, в конце концов, терять-то мне нечего» [15. Владивосток. 30.04.94].

Люди, бросившие работу по специальности ради торговли, неизбежно сравнивали себя с оставшимися коллегами, причем заметно, что убеждали в преимуществе своего образа жизни они в первую очередь самих себя: «Работу мою ты зря считаешь нестабильной – сейчас все на таком же уровне «стабильности» – М., например, (и весь Универ) три месяца вообще не получают ни фи́га – денег нет. А всякие заводы сокращают, выгоняют в отпуск без содержания и т.п. В школе, оно, конечно, стабильно – но я лучше застрелюсь. Жизнь есть жизнь – пока живется – так и живешь, а если очень уж прижмет – ну, домой вернуться с поджатым хвостом я всегда успею» [15. Владивосток. 30.05.94].

Вынужденное существование в непривычных и довольно тяжелых условиях вызывало стремление хотя бы символически нормализовать ситуацию. Поэтому в письмах рефреном проходят утверждения типа «у меня все хорошо», которые никак не подтверждаются изложением фактов: «Ты не беспокойся – наша зарплата растет вместе с ценами, т.к. книги тоже дорожают. Твою «большую пенсию» мы зарабатываем за неделю – куда вот только она девается, не могу понять. Все на еду...» [15. Владивосток. 23.05.94].

Письма отражают готовность самостоятельно решать свои проблемы: «Сейчас время лихое – 93 год. Обещают еще хуже – надежда только на самих себя – на разум и труд. У нас на работе и в быту одна нервозность – надоело все это – нужно что-то пред-

принять и руководствоваться при этом только своими интересами» [15. Шахтерск. 13.01.93].

В 1990-е гг. торговля осуществлялась в самых неожиданных местах (например, автор писем торговала книгами в больницах) и помимо прибыли или зарплаты могла приносить неожиданные бонусы: «Я себя чувствую прекрасно – погода, тыфу-тыфу, хорошая – работа идет легко, сижу себе в теньке, выручки неплохие и Тюпа [собака] на воле носится. Ее там подкармливают сердобольные больные и работники кухни, а мне забот меньше» [15. Владивосток. 15.08.94]. Позднее неформальные связи с работниками больницы помогли младшей из участниц переписки бесплатно обследовать и вылечить заболевшую мать от онкологического заболевания. Хотя у матери не было даже местной прописки, социального капитала дочери хватило на обследование в двух разных больницах и бесплатную операцию в третьей [16].

В 1995 г. дочь меняет вид торговой деятельности, устроившись продавцом китайской одежды к знакомой частной предпринимательнице М. Кроме китайского рынка, челноки искали такие места торговли, где была бы стабильная клиентская база и не было арендной платы – дворы больниц, санаториев, учреждений: «М. в этот раз привезла хорошие вещи – обувь и т.д., и у нас в первый день на больнице была выручка 880 тыс., потом 670 и 360. Тыфу-тыфу, может всё еще наладится и я как-нибудь выкарабкаюсь из этой прорвы» [15. Владивосток. 19.05.95].

Письма отражают неудачи и риски рыночной торговли того времени: «...У нас опять украли сумки (на 2,5 лимона) и М. аж заболела. А я все это время ничего не знала и тоже жутко расстроилась... Мне теперь в этом месяце придется бурно трудиться – и все на долги – Ж. должна 100 тыс. («Момент» осталось штук 20), тетке 340, за квартиру 250 и на еду – 250 минимум. Всего 940 тыс. Кошмар» [15. Владивосток. 05.06.95].

По мере исчерпания возможностей одного вида занятости, велись поиски другого, но все они крутились вокруг рынка, так как почти весь круг знакомых к тому времени уже состоял из торговцев – возникал определенный информационный пузырь. В 1996 г. младшая из авторов писем работала на китайском рынке; в 1997 г. – на оптово-розничном продуктовом рынке, где даже сделала определенную карьеру – от продавца в контейнере до менеджера на большом оптовом складе; некоторое время до и после кризиса 1998 г. сама была челноком и ездила в Китай.

Мать стала по 9 месяцев жить во Владивостоке, помогая дочери в торговле и уезжая на Сахалин только на летний сезон. Впрочем, она и там активно трудилась: «Я ездила садить огород – большой огородила, маленький посадила... У нас весна холодная, дождливая, а уж лето неизвестно какое будет, я время зря не теряю – пока была в Надеждино (3 дня стояла солнечная погода) сушила крапиву и морскую капусту – хотя она какая-то старая, ну да Бог с ней – можно пустить зимой на продажу, а позже может хорошей насушу для нас, скоро папоротник пойдет и все прочее – планирую заготовить побольше, как Бог пошлет погоду и здоровье. Торговлю теперь реже, шоколад еще

есть (половина осталась) – только 2,5 (тысяч) – не дешевле, его я продам всегда, он годен до 95 г. [15. Шахтерск. 30.05.94]. Жизнь «на два дома» – между Владивостоком (Приморский край) и Шахтерском (Сахалинская обл.) давалась обоим нелегко: «Ты обо мне не беспокойся – все нормально со всех сторон: езжу на Родину, бегаю на природу – ягоды в этом году собираю понемногу – столько неработающих людей и все бегут в лес на заработки, что не успеет что поспеть – все выбирают, но нам много и не надо, а продавать приходится долго, деньги даже на День шахтера не дали – безденежье страшное, пенсии тоже задержали на месяц, а сентябрьские обещают в октябре. Жизнь в Шахтерске дорожает (казалось бы куда еще), много людей уезжает, особенно пенсионеры. Береги себя, будь осторожна, ведь живешь среди вора... Здесь живу неприкаянно и как быть не знаю, все жду, что все как-то решится, а решать-то, видимо, нам надо самим и чем скорее, тем лучше» [15. Шахтерск. 01.09.96]. Именно старшая из корреспонденток достигла больших успехов в коммерции: устроившись продавщицей семечек к предпринимателям из Молдовы, она смогла в 1999 г. заработать 3,5 тыс. долл. и купить жилье (площадью 27 кв. м) во Владивостоке [16].

В начале 2000-х гг. стало очевидно, что рыночная ниша, которую заполняли челноки и мелкие рыночные торговцы, уже подошла к исчерпанию и во Владивостоке, и на Сахалине: «...Тут китайские тряпки такой же цены как там, здесь тряпичников на базаре осталось мало, все попрятались по магазинам, а вообще всего много (барахла), люди одеваются хорошо и продукты есть, были бы деньги... Представь себе: даже здесь есть хакики – вот куда кидает людей торговля, в тьму тараканью» [15. Шахтерск. 28.10.01].

В конечном итоге, к концу 1990-х гг. роман с торговлей для авторов писем завершился: для младшей – возвращением к работе по специальности, а для старшей – на пенсию. При этом всю свою торговую эпопею пенсионерка стала определять как «Хиросиму»: «Руки и ноги я там отморозила. Не знаю, как я все это стерпела, всю эту Хиросиму» [16]. Однако торговля позволила им не только выжить в условиях кризиса, но и перебраться из депрессивного сахалинского моногорода Шахтерска (который потерял половину населения) в крупный региональный центр – Владивосток.

Воспоминания, записанные в 2013–2014 гг., показывают, что утрата социального статуса (маргинальность) бывших советских инженеров, учителей и работников оборонных предприятий, превратившихся в «челноков» и рыночных торговцев, их пограничное социальное положение определенным образом ассоциировалась с их новой ролью рыночных торговцев и трансграничных посредников как «коммерсантов поневоле».

У многих (пост)советских граждан сохранялось отношение к торговле как к вынужденному и не совсем приличному занятию. Вспоминает женщина 1960 г.р., жена военного из пригорода Владивостока: «Стали задерживать зарплату. Сначала на месяц, а в дальнейшем на полгода и больше. Потом инфляция. То, что получали, не знали как дотянуть до конца месяца. Продали машину, за месяц деньги обесценились.

Были времена, что не гнушались никакой работы. Приходилось даже продавать вещи. Стихийные рынки были везде по городу. В районе Садгорода жили китайцы. Мы им носили военное обмундирование, а они за это отдавали свой ширпотреб. Происходил обмен вещами» [17. Соч. 51].

Воспоминания, записанные постфактум, воспроизводят общую канву становления торговых практик как стратегии выживания: их вынужденный характер вначале, экзотику начального периода деятельности (заграничные поездки, натуральный обмен, опасности пути), постепенную рутинизацию торговли, в конце концов – уход из торговой профессии в связи с появлением «нормальных» источников заработка.

Субъективное восприятие карьеры челнока как «коммерсанта поневоле» отражено в воспоминаниях женщины 1969 г. р. из Уссурийска: «Наступала эпоха гласности, предпринимательства, частной собственности. Кто-то легко и просто нырнул в новую действительность, быстро приспособившись к обстоятельствам, а кто-то никак не смог привыкнуть к меняющимся ценникам в магазинах, и, только жалуясь и сетуя на несправедливость жизни, ничего не хотел менять в ней. Началась эпоха челноков и на рынки хлынул доселе непривычный заграничный ширпотреб. Стала развиваться приграничная торговля и у нас – сначала это была операция «change» – обмен нашего товара на их, потом люди начали целенаправленно закупать товары для продажи.

Я тоже в 1991 г. стала заниматься торговлей всякой мелочью – батарейки, лампочки, переноски, игрушки. Сначала было непривычно, а потом втянулась – когда за выходные удавалось заработать почти месячную зарплату на заводе (которую задерживали месяцами), поневоле быстро ушли мысли, что все эти годы ты учился совсем не этому и совсем не так представлял свою карьеру... Из нас не вышло крупных предпринимателей – не было достаточно оборотных средств, а легальное кредитование не было развито как сегодня, но с торговлей было связано много лет жизни. Сейчас мы оба работаем по специальности, муж – экономист на ООО «Никольск», я – экономист по планированию и отчетности в ОАО ДЭК «Дальэнергосбыт» [17. Соч. 22].

В качестве первого этапа челночества обычно называют «change» – обмен российского товара на китайский. В интервью Т.К. – бывшая «челночница» и бывшая учительница одной из школ Владивостока – вспоминает, что свой бизнес она начала в 1991 г., когда ее мужа направили в командировку в Китай. От знакомых они узнали, что в Китай нужно везти электроутюги, чайники, одноконфорочные плиты, дюралюминиевые ведра. Взяв с собой этих товаров примерно на 500 руб., в Китае муж Т.К. обменял их на две кожаные куртки, которые во Владивостоке были проданы за 4 тыс. руб. Так появился первоначальный капитал. «Китайским» бизнесом семейная чета занималась менее двух лет. В скором времени он стал невыгоден и Т.К. «переключилась» на более дорогие корейские и японские товары [18. С. 99].

Бывший диджей из Арсеньева, который более 20 лет живет и работает в Суйфэньхэ (КНР), вспоми-

нает: «В 1995 году начал ездить в Китай на “чендж” – русские везли сюда все подряд – кастрюли, сковородки, ткани и меняли на местные китайские товары. Привозили сковородки, а увозили кроссовки. Я, например, за три метра офицерского сукна выменял 42 пуховика. За один электрический утюг можно было вообще кучу всего выменять. За один рубль давали 1,37 юаня, и когда приезжал, чувствовал себя богатым человеком. И отношение к русским было другое – за нами бегали, на нас молились» [19].

Если вхождение в статус «челнока» и торговца нелегко давалась инсайдерам, то для внешнего окружения новая реальность, связанная с открытостью внешних и внутренних границ и массовыми трансграничными потоками людей и товаров, также была некомфортной. Открытие границ в Приморском крае и Амурской области, снятие статуса погранзоны с Сахалинской области, портов Владивосток и Находка вызвали негативное отношение многих местных жителей, и даже массовые протесты.

Упрощенный въезд граждан из других регионов страны и из-за границы, по мнению протестовавших, усугублял криминальную обстановку, приводил к разгулу спекуляции, истощению природных ресурсов, а также ухудшению ситуации в социальной сфере в силу неподготовленности инфраструктуры. Так, сахалинская районная газета «Тымовский вестник» провела опрос, на котором 12 852 жителя Тымовского района заявили, что принятое без их согласия решение о снятии с Сахалинской области пограничного статуса – это «нарушение прав человека» [20. С. 137].

В представлениях многих дальневосточников понятия «закрытый» и «чистый, безопасный» город/регион и, наоборот, «открытый» и «грязный, опасный» оказались прочно связаны. С одной стороны: «Владивосток до перестройки был закрытым городом. Я помню ощущение надежности и уверенности, что во сколько бы ни пришел домой, так дома не волновались, как сейчас» [17. Соч. 20]. С другой: «стало странно и непонятно, что будет с нами дальше. В городе стало грязно и неудобно, отключения электроэнергии, воды. Невыплата зарплат» [17. Соч. 44]. «До Перестройки город Владивосток был военный город-порт. Город был закрыт от других стран и даже от других городов России. В паспорте у жильцов города стоял штамп «Закрытая зона». В отличие от других городов, он был спокоен и чист... В Перестройку город открыли для посещения как граждан страны, так и иностранцев. Люди стали выезжать в город в надежде на заработок, он стал грязным» [17. Соч. 70].

Рыночная торговля как профессия воспринимались окружающими как опасное и «нечистое» занятие. Моряк, 1956 г.р., вспоминает, что до открытия «город Находка по озеленению и чистоте занимал первое место по краю», а после «Китай открыл свои границы и наши рубли потекли за границу в обмен на

тряпки. Появились многочисленные биржи по бартеру чего угодно... Ну, а в город Перестройка принесла безработицу, бардак, хамство, торгашей, развал всего» [17. Соч. 57].

Таким образом, рыночная торговля как этап биографии значительного числа дальневосточников в 1990-е гг. определялась сочетанием пограничного социального статуса (маргинальности) с выполнением функции трансграничной торговли и внутрирегионального торгового посредничества.

В траектории «вхождения в рынок» можно выделить несколько этапов: «спекуляция» дефицитным товаром, полученным по талонам (причем эта нелегитимная советская практика становится массовой и нормализуется, особенно у пенсионеров); рыночная торговля как вторичная занятость; рыночная торговля как основная деятельность; поиск работы по специальности и «выход» из торговли.

Каждый этап «входа» мог занимать около года; в период, когда торговля была основным видом деятельности (около пяти лет), могли происходить переходы из одного рыночного сектора в другой в поисках большего дохода и более комфортных условий труда. Выход за пределы рыночного формата затруднялся «информационным пузырем» и общим недостатком качественных рабочих мест в 1990-е гг.

Отношение граждан к стихийным рынкам и свободной торговле (особенно трансграничной) демонстрирует ассоциацию открытых границ и свободы торговли с беспорядком, опасностью и «нечистотой» города и региона. В то же время происходит быстрая хабиитуализация и нормализация торговых практик, рынки становятся привычной частью города и городской повседневности.

Сравнение источников, возникших непосредственно в 1990-е гг. и записанных постфактум, показывает, что актуальное восприятие рыночной торговли и историческая память о ней различаются. В условиях кризиса сам факт выживания (благодаря торговле) воспринимался как безусловное благо. Когда кризис остается позади, ситуация выживания (и работа на открытых рынках) вспоминаются как унижительный и ненужный опыт. Акцент в воспоминаниях делается на экстремальных или экзотичных ситуациях опыта торговли, которые выводят эту часть жизни за пределы нормальной биографической траектории.

В целом анализ комплекса источников показывает, как в условиях трансформационного кризиса дальневосточники проявили способность к адаптации, т.е. готовность к тому, чего в советской реальности никогда не было и не могло быть, а открытые рынки выступили в качестве первоначальных очагов социального гомеостаза – относительно изолированных простых сообществ, пытающихся выжить в агрессивной и динамично изменяющейся внешней среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климова С.Г. Концептуализация роли челнока ее исполнителями // Социологические исследования. 2008. № 4 (288). С. 52–61.
2. Ядова Е.Н. Предпосылки смены профессиональной занятости первой волны челноков // Социологические исследования. 2008. № 4 (288). С. 62–66.

3. Яковлев А.А., Голикова В.В., Капралова Н.Л. Российские «челноки» – от предпринимателей поневоле к интеграции в рыночное хозяйство // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16, № 2. С. 84–106.
4. Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.
5. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск : Оттиск, 2019. 288 с.
6. Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 5. С. 54–71.
7. Журавская Т.Н. «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (На примере Амурской области)? // Полития. 2012. № 4. С. 104–123.
8. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 539 с.
9. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Г., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
10. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск : РИОТИП, 2003. 256 с.
11. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153.
12. Крушанова Л.А. Влияние реформ 1990-х гг. на динамику трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 57–75.
13. Рыжова Н.П. Благовещенск: в поисках «чайнатауна» // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 17–31.
14. Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии: состояние, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 1.
15. Личный архив автора. Письма 1990–2001 гг.
16. Личный архив автора. Интервью с А.П. 2013 г.
17. Архив Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Воспоминания (сочинения). 2013–2014 гг.
18. Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от баракхолки к рынку // Россия и АТР. 2013. № 4 (82). С. 96–112.
19. Диджей из Суйфэнхэ Сергей Сандул: «Сунька – это русский город» // Новости Владивостока на VL.RU. 23 октября 2013 г. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2013/10/23/117442/#ixzz6Mnq8GL00>
20. Коняхина А.П. Власть и общественно-политические настроения дальневосточников в переходный период (вторая половина 1980 – начало 1990-х годов) // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 133–139.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июля 2021 г.

Market Trade as a Stage of the Far Eastern Citizens' Life Trajectory (The 1990s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 144–150.

DOI: 10.17223/15617793/469/19

Yuliya N. Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: tupa67@mail.ru

Keywords: Russian Far East; market trade; open markets; “chelnoki”; everyday life.

On the basis of biographical sources, the article shows the experience of ordinary trade participants' work at “open markets” in the long historical retrospective (about 10 years). Differences in the perception of the new lifestyle and social status at the time of the events (by letters) and post factum (in memories) are analyzed. The article used the previously unknown complex of documents from the author's personal archive – the correspondence of a Far Eastern family for 1991–1999 (81 letters), as well as memoirs about the 1990s (74 essays) recorded in 2013–2014 and stored in the Archive of the Department of Socio-Political Research of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. The focus is on the ways of rationalizing the people's choice to trade, and on the identification of the stages of involvement in trading practices, the range of changes in forms of activity within the market format, and results in solving everyday problems by trading. There are several stages in the trajectory of “entering” the market: “speculation” with scarce goods obtained with ration stamps and clothes coupons (moreover, this illegal Soviet practice is becoming a wide-spread phenomenon and a norm, especially among pensioners); market trade as secondary employment; market trading as the main activity; job search by specialty and “exit” from trade. Each “entry” stage could take about a year; when trade was the main activity (about five years), people could move from one market sector to another in search of more income and more comfortable working conditions. Going beyond the market format was hampered by the filter bubble and the general lack of good jobs in the 1990s. The comparison of sources that emerged directly in the 1990s and those recorded later shows that the actual perception of market trading and the historical memory of it are different. In a crisis, the fact of survival (and necessity entrepreneurs) was perceived as an unconditional benefit. With the crisis behind, the survival situation (and trade) is remembered as a humiliating and unnecessary experience outside the normal biographical trajectory. On the whole, in the conditions of the transformational crisis, the Far East citizens showed the ability for pre-adaptation – readiness for new forms of activity without preparation in the previous experience of the Soviet person, and “open markets” acted as the initial centers of social homeostasis – relatively isolated communities trying to survive in an aggressive and dynamically changing economic space.

REFERENCES

1. Klimova, S.G. (2008) Kontseptualizatsiya roli chelnoka ee ispolnitelyami [Conceptualization of the role of the shuttle trader by its performers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4 (288). pp. 52–61.
2. Yadova, E.N. (2008) Predposylki smeny professional'noy zanyatosti pervoy volny chelnokov [Preconditions for the change of professional employment of the first wave of shuttle traders]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4 (288). pp. 62–66.
3. Yakovlev, A.A., Golikova, V.V. & Kapralova, N.L. (2007) Rossiyskie “chelnoki” – ot predprinimateley ponevole k integratsii v rynochnoe khozyaystvo [Russian “shuttle traders” – from reluctant entrepreneurs to integration into the market economy]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 16 (2). pp. 84–106.
4. Radaev, V.V. (2007) *Zakhvat rossiyskikh territoriy: novaya konkurentnaya situatsiya v roznichnoy torgovle* [Capturing Russian Territories: A New Competitive Situation in Retail]. Moscow: HSE.
5. Grigorichev, K.V. et al. (2019) *Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy* [Marketplace and city: people, spaces, images]. Irkutsk: Ottisk.

6. Ryzhova, N.P. (2003) Transgranichnyy rynek v Blagoveshchenske: formirovanie novoy real'nosti delovymi setyami "chelnokov" [Cross-border market in Blagoveshchensk: the formation of a new reality by business networks of "shuttle traders"]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 4 (5). pp. 54–71.
7. Zhuravskaya, T.N. (2012) "Kitayskiy" trgovyy tsentr vs. "kitayskiy" rynek: chto izmenilos' so vremeni zapreta na trgovlyu inostrantsev na roznichnykh rynkakh (Na primere Amurskoy oblasti)? ["Chinese" shopping center vs. "Chinese" market: what has changed since the ban on foreign trade in retail markets (on the example of Amur Oblast)?]. *Politiya – Politeia*. 4. pp. 104–123.
8. Shibutani, T. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Rostov-on-Don: Feniks.
9. Asmolov, A.G., Shekhter, E.G. & Chernorizov, A.M. (2017) Preadaptation to Uncertainty as a Strategy of Developing Systems Navigation: The Ways of Evolution. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3–26. (In Russian).
10. Prokapalo, O.M. (2003) *Regional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika: Dal'niy Vostok i Zabaykal'e* [Regional socioeconomic dynamics: the Far East and Transbaikalia]. Khabarovsk: RIOTIP.
11. Motrich, E.L. (2017) Far East in Russian Demography: Trends during Reform. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*. 3. pp. 133–153. (In Russian). DOI: 10.14530/se.2017.3.133-153
12. Krushanova, L.A. (2019) Influence of the Reforms of the 1990s on the Dynamics of Labor Resources in the Russian Far East. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. 22. pp. 57–75. (In Russian).
13. Ryzhova, N.P. (2008) Blagoveshchensk: v poiskakh "chaynatauna" [Blagoveshchensk: in search of a "Chinatown"]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 17–31.
14. Devaeva, E.I. (2004) Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Dal'nego Vostoka Rossii so stranami Severo-Vostochnoy Azii: sostoyanie, problemy, perspektivy [Economic cooperation of the Russian Far East with the countries of North-East Asia: state, problems, prospects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1.
15. Author's Personal Archive. *Pis'ma 1990–2001 gg.* [Letters of 1990–2001].
16. Author's Personal Archive. *Interv'yu s A.P. 2013 g.* [Interview with A.P. 2013].
17. Archive of the Department of Socio-Political Research of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. *Vospominaniya (sochineniya). 2013–2014 gg.* [Memoirs (compositions). 2013–2014].
18. Kovalevskaya, Yu.N. & Krushanova, L.A. (2013) Stanovlenie predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v 1960 – nachale 1990-kh gg.: ot barakholki k rynku [The formation of entrepreneurship in the Russian Far East in the 1960s – early 1990s: from flea market to market]. *Rossiia i ATR – Russia and the APR*. 4 (82). pp. 96–112.
19. VL.RU. (2013) *Didzhey iz Suyfen'khe Sergey Sandul: "Sun'ka – eto russkiy gorod"* [DJ from Suifenhe Sergey Sandul: "Sunka is a Russian city"]. [Online] Available from: <https://www.news1.ru/vlad/2013/10/23/117442/#ixzz6Mnq8GL00>
20. Konyakhina, A.P. (2008) Vlast' i obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya dal'nevostochnikov v perekhodnyy period (vtoraya polovina 1980 – nachalo 1990-kh godov) [Power and sociopolitical sentiments of the Far East during the transition period (second half of the 1980s – early 1990s)]. *Vestnik DVO RAN*. 2. pp. 133–139.

Received: 27 July 2021

Н.С. Леонтьева, М.В. Коренева, О.В. Шпыря

ОЛИМПИЙСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ 1896–1936 гг.: ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Описывается история формирования и становления традиций проведения олимпийских церемоний. Представлены особенности проведения церемоний открытия Игр I Олимпиады – Игр V Олимпиады (1896–1912 гг.), Игр VII Олимпиады – Игр XI Олимпиады (1920–1936 гг.). Рассмотрены аспекты и специфика организации, символики и атрибутики церемоний, появление церемоний закрытия как фактора развития церемониальной части Олимпийских игр.

Ключевые слова: Олимпийские игры; олимпийские церемонии; исторический аспект; церемония открытия; церемония закрытия.

В настоящее время олимпийские церемонии вызывают особый интерес, в том числе и с точки зрения зарождения их традиций [1, 2]. Так, церемония открытия первых современных Олимпийских игр в Афинах (1896 г.), бесспорно, заложила некоторые основы их проведения в последующем. Первая церемония представляла собой простое короткое празднование [3].

Важно отметить тот факт, что уже на данных Играх именно глава страны, город которой стал хозяином соревнований, официально объявил Игры открытыми. В 1896 г. это был греческий король Георг I. Его присутствие на стадионе в тот день в значительной степени определило одно из условий протокола будущих церемоний: официальное объявление и приветствие на стадионе. На последующих Играх, за исключением Игр IV Олимпиады в Лондоне, сохранился обычай приветствовать прибытие монарха или президента на стадион под исполнение государственного гимна [4, 5].

После того как король провозгласил Игры I Олимпиады открытыми, все музыканты и певцы собрались в центре стадиона для исполнения олимпийского гимна. Зрительские аплодисменты были настолько сильны, что гимн был проигран повторно. После завершения гимна музыканты покинули стадион, и началось проведение спортивных соревнований [6, 7].

«Парад наций» на Играх I Олимпиады, каким мы его привыкли видеть сегодня, не проводился, хотя, следует отметить, что, судя по фотодокументам, спортсмены присутствовали на стадионе.

Достоверных сведений об официальных церемониях открытия и закрытия последующих Игр II Олимпиады в Париже (1900 г.) и Игр III Олимпиады в Сент-Луисе (1904 г.) не имеется, поскольку летние Игры в Париже скорее представляли собой серию спортивных соревнований, проводившихся в рамках Всемирной выставки. А проведение церемонии было подготовлено в соответствии с протоколом организации выставки [8, 9].

В 1904 г. на Играх в Сент-Луисе единственным официальным мероприятием было шествие в знак чествования спортсменов, среди участников которого были Дэвид Роулэнд Фрэнсис – инициатор Всемирной выставки, посвященной 100-летию присоединения штата Луизиана к США, к которой было приурочено проведение летних Игр, а также Фредерик Скиф

и Джеймс Е. Салливан – организаторы соревнований. Они вышли на стадион в окружении двух спортсменов, за которыми следовали судьи и наблюдатели. После окончания шествия группа музыкантов подала спортсменам сигнал для начала разминочных упражнений [3, 4, 10].

На Играх IV Олимпиады в Лондоне в 1908 г. церемония открытия вновь была проведена с учетом соблюдения протокола, инициированного в Афинах в 1896 г. Официальная часть данного мероприятия организована 13 июля на стадионе «Уайт-Сити» спустя более двух недель с момента начала олимпийских состязаний. Главными действующими лицами открытия Игр стали Эдуард VII (король Британии) и его супруга, а также многочисленные высокопоставленные гости, представители высших кругов аристократии из Греции, Франции, Италии, России и др., после прибытия которых на месте действия начались главные события: почетные гости, участники и зрители услышали громкие звуки фанфар и просьбу Уильяма Гренфелла в адрес Эдуарда VII объявить Игры IV Олимпиады открытыми [3, 11, 12].

После совершения этого церемониала торжественная часть открытия Игр продолжалась: был исполнен гимн принимающей стороны и начался парад участников – делегации спортсменов из восемнадцати стран, присутствующих на стадионе, торжественно прошли маршем. Аргентина, Россия, Турция и Швейцария в параде не участвовали.

Важно, что каждая сборная впервые представила на церемонии свои национальные флаги, а также была одета в одинаковые оригинальные костюмы. Лишь представители Финляндии были вынуждены отказаться от флага, поскольку это было запрещено российской стороной. Стоит отметить, что на предыдущих играх команды маршировали в обычной спортивной форме [4, 10, 13].

Очередность участников определяли наименования стран на английском языке, хотя были и исключения: во-первых, представители Новой Зеландии, в которой на тот момент еще не был создан МОК, приехали к австралийцам и выступали в составе объединенной команды «Австралия»; страны Содружества (Австралия, Канада, Южная Африка) и Соединенного Королевства шли, завершая шествие.

Приближаясь к королевской ложе, знаменосцы поднимали флаги в честь Эдуарда VII. Единственной, кто отказался это сделать, была делегация США, так

как организаторы по ошибке вместо американского и шведского флагов предоставили знамена Китая и Японии, которые участие в Играх не принимали. Таким образом, можно утверждать, что лондонская церемония открытия стала первой, на которой был организован «Парад наций» [4, 13].

Еще одним примечательным фактом является то, что на данных Играх официальное открытие королем сопровождалось не олимпийским, а национальным гимном, исполняемым Гренадерской гвардией. Во время его звучания флаги всех стран были спущены в знак уважения стране, город которой стал организатором Игр.

Церемонии закрытия в современном ее понимании в то время не существовало. Официальное закрытие Игр состоялось в ходе процедуры награждения медалями и дипломами победителей. Медалями спортсменов-победителей награждала лично Ее Величество Королева. Во время награждения звучали национальные гимны победителей, а также Великобритании. Военные оркестры были частью развлекательной программы на Играх.

Торжественное открытие Игр V Олимпиады 1912 г., которое привлекло внимание огромного количества желающих его увидеть, состоялось на стокгольмском Королевском стадионе. Зрителям выпала возможность стать свидетелями церемонии, в которой приняли участие высокопоставленные персоны – шведский король Густав V, президент МОК П. де Кубертен, члены МОК и др. В марш-параде, состоявшемся в рамках открытия Игр, приняли участие уже двадцать восемь команд [13, 14].

По шведскому обычаю на церемонии прозвучал гимн, который шведские войска пели в течение сотен лет перед тем, как вступить в бой, после чего последовала молитва. При первых звуках гимна, сыгранного трубами, одетыми в средневековые костюмы, знаменосцы разных делегаций спустили флаги. Церемония завершилась шведской песней в исполнении хора Ассоциации шведских хоров.

Как и в Лондоне, закрытие Игр V Олимпиады в Стокгольме состоялось на Королевском стадионе 27 июня 1912 г. во время церемонии награждения победителей; медали и дипломы вручал лично король. После закрытия Игр состоялся заключительный прием, на который были приглашены все спортсмены, тренеры и официальные представители. На футбольном поле был установлен огромный стол, за которым и разместились все участники банкета. На почетном месте сидели олимпийщики [3, 14].

Игры VI Олимпиады 1916 г. были отменены, причиной тому стала I Мировая война, а последующие Игры VII Олимпиады в Антверпене 1920 г. сыграли существенную роль в формировании современных традиций проведения олимпийских церемоний [15, 16].

Торжественное открытие Игр 1920 г. предвосхитила месса, проведенная под руководством кардинала Мерсье, после ее завершения церемония состоялась на стадионе в присутствии высокопоставленных гостей, среди которых был и король Бельгии Альберт I, встреченный бурными овациями зрителей, – монарх

участвовал в военных действиях во главе бельгийской армии и на церемонии появился в военной форме.

Как и на предыдущих Играх, был исполнен гимн принимающей стороны и начался парад участников. Болельщики и зрители на стадионе стоя приветствовали находившихся среди публики инвалидов I Мировой войны. Человеческие потери, которая принесла война, не были оставлены без внимания – все участники и зрители открытия Игр приняли участие в минуте молчания в дань памяти атлетам, павшим в боях.

Важно отметить новшество, которое было введено в практику проведения церемоний открытия Игр Олимпиад: известный бельгийский спортсмен – ватерполист и фехтовальщик Виктор Буан впервые в истории современных Игр произнес олимпийскую клятву, идея о возрождении которой со времен, когда атлеты обещали следовать принципам «честной игры» в античности, принадлежала Пьеру де Кубертену [17, 18].

Также впервые на стадионе в Антверпене был поднят олимпийский флаг: белое шелковое полотнище с переплетенными кольцами пяти цветов – синего, черного, красного, желтого и зеленого. Интересно, что с этим флагом произошел неприятный инцидент. Флаг настолько полюбился публике, что вскоре после церемонии поднятия он был похищен. Виновные были арестованы, огромное шелковое полотнище возвращено на прежнее место. Еще одним новшеством в истории Игр стали запущенные ввысь две тысячи голубей, с привязанными к лапкам лентами, цвета которых соответствовали цветам флагов стран – участниц олимпийских состязаний [3, 4, 13].

Немаловажным фактом является и то, что в Антверпене впервые состоялась настоящая церемония закрытия Игр, во время которой представитель бельгийского НОК впервые передал олимпийский флаг барону Пьеру де Кубертену, который представлял МОК. Кубертен доверил хранение олимпийского флага городскому совету Антверпена, чтобы мэр или представитель могли передать его Парижскому городскому совету, который отвечал за организацию последующих Игр VIII Олимпиады 1924 г.

Особенностью церемониальной части в рамках Парижских Игр 1924 г. стало провозглашение президентом МОК об их закрытии, после чего под звуки фанфар и салюта олимпийский флаг был спущен. 1 200 музыкантов сыграли кантату, которая и ознаменовала закрытие Игр VIII Олимпиады [1, 6, 13].

В церемонии открытия Игр 1928 г. предусматривалось участие монаршей персоны, а именно королевы Нидерландов. Но по религиозным соображениям она категорически отказалась принимать участие в «языческих игрищах». Ситуацию спас ее супруг, который торжественно открыл Игры IX Олимпиады.

На церемонии открытия состоялся уже традиционный «Парад наций», а олимпийскую клятву от имени спортсменов произнес нидерландский футболист Харри Денис. Важным новым атрибутом церемонии стал олимпийский огонь, впервые зажженный на стадионе Игр в Амстердаме 1928 г., который горел на протяжении всех дней проведения олимпийских состязаний [3, 20].

На Играх X Олимпиады 1932 г. существенных изменений в протокол проведения церемоний внесено не было. Открытие Игр состоялось в спортивном комплексе, официально называемом «Мемориальный Колизей Лос-Анджелеса». 31 июля в присутствии 105 тыс. человек состоялся грандиозный праздник спорта и музыки.

На церемонии открытия Игр XI Олимпиады была продолжена существующая с 1928 г. традиция зажжения олимпийского огня, причем впервые огонь был доставлен из Олимпии бегунами, передающими факел, как эстафетную палочку. В мае 1934 г. Карл Дим предложил МОК возродить процесс зажжения олимпийского огня в Олимпии. Согласно его проекту, пламя можно было транспортировать в город-организатор с помощью эстафеты факелов. МОК поддержал эту идею, и 20 июля 1936 г. четырнадцать греческих девушек зажгли священный огонь в храме Зевса в Древней Олимпии. Эстафета, в которой приняли участие почти 3 тыс. человек, прошла путешествие из Олимпии в Берлин через Афины, Дельфы, Салоники, Софию, Белград, Будапешт, Вену, Прагу и Дрезден [9, 18].

Во время церемонии открытия Игр 1936 г., после поднятия олимпийского флага и исполнения олимпийского гимна, написанного по этому случаю Ричардом Штраусом, последний участник эстафеты олимпийского огня Фриц Шильген выбежал на стадион, пробежал по нему и зажег чашу, на которой олимпийский огонь горел на протяжении 16 дней проведения Игр. Еще одним новшеством открытия Игр стали ее прямые трансляции по телевидению, что являлось абсолютно уникальным для тех лет. А знаменитая режиссер Лени Рифеншталь создала шедевр, посвя-

щенный этим Играм – документальный фильм «Олимпия» [2].

Стоит уделить особое внимание музыке, игравшей во время церемоний в рамках Игр-1936. Аудитория стадиона, в основном состоявшая из немцев, была оповещена о прибытии диктатора звуками фанфар, которыми дирижировал известный композитор Штраус. На стадион маршем вошли сотни спортсменов, несущих символы, возвещающие об открытии Игр, – команда за командой в алфавитном порядке. Музыка сопровождала канцлера до самой президентской ложи. После того как он вышел на трибуну и сел, музыканты исполнили государственный гимн, а флаги всех стран-участниц были подняты на флагштоках, окружающих стадион. Церемония закончилась выступлением хора из 3 тыс. человек под управлением Генделя [3, 6, 19].

Во время церемонии закрытия на стадион вышли знаменосцы стран-участниц под аккомпанемент симфонического оркестра. После официального закрытия Игр президентом МОК, графом Байе-Латуром, хор в сопровождении симфонического оркестра исполнил произведение Бетховена. Под музыку был спущен олимпийский флаг. Немецкие олимпийские победители вынесли флаг за пределы стадиона. После того как олимпийский огонь был погашен, все присутствующие на стадионе спели древнюю немецкую прощальную песню [19, 20].

Таким образом, стоит отметить, что в период с 1896 по 1936 г. происходило формирование и закрепление протокола проведения церемоний открытия и закрытия Олимпийских игр. В этой связи данный период представляет особый интерес с исторической точки зрения, как положивший основу современным традициям и правилам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремина Е.А., Макрушина И.В., Ильичева В.А. Олимпийский торжественный церемониал – опыт, проблемы, перспективы // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование. 2019. № 1. С. 225–228.
2. Коренева М.В., Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С. «Олимпийское образование»: содержательные компоненты и воспитательные аспекты // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. 2019. С. 273–278.
3. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В. История физической культуры и спорта : учебник / под ред. проф. Н.Ю. Мельниковой. 2-е изд. с изм. и доп. М. : Спорт, 2017. 432 с. : ил.
4. Коренева М.В., Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С. Олимпийские церемонии: традиции и общность с древнегреческими ритуалами // Олимпийский бюллетень. 2019. № 20. С. 84–90.
5. Международный олимпийский комитет. Олимпийские игры 1896. URL: <https://www.olympic.org/athens-1896> (дата обращения: 11.03.2020).
6. Германов Г.Н., Корольков А.Н., Сабирова И.А., Кузьмина О.И. Олимпийское образование : учеб. пособие : в 3 т. М., 2018. Т. 1.
7. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С., Мельников В.В. Олимпийское перемирие – античный пример спортивной дипломатии // Теория и практика физической культуры. 2019. № 1. С. 92.
8. Мельникова Н.Ю., Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С. Социально-педагогические факторы развития международного олимпийского движения // Олимпизм: истоки, традиции и современность : сб. науч. ст. Всерос. с междунар. участием очно-заочной науч.-практ. конф. 2015. С. 261–264.
9. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В. Олимпийское движение и спортивная дипломатия: история и современность // Олимпизм : истоки, традиции и современность : сб. ст. Всерос. с междунар. участием очно-заочной науч.-практ. конф. 2017. С. 328–332.
10. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. Олимпийская атрибутика – история и современность // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе : сб. науч. ст. Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. / под ред. Г.В. Бугаева, О.Н. Савинковой. 2015. С. 559–562.
11. Зайцев К.В., Мельникова Н.Ю. Анализ участия спортсменов Великобритании в Играх Олимпиад // Сборник трудов студентов и молодых ученых РГУФКСМиТ : материалы по итогам науч. конф. студ. и молодых ученых РГУФКСМиТ. М., 2012. С. 106–110.
12. Olympic World Library. Olympic ceremonies : historical continuity and cultural exchange: international symposium on Olympic ceremonies, Barcelona-Lausanne, November, 1995. URL: <https://library.olympic.org> (дата обращения: 23.02.2019).
13. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. Олимпийское образование : учеб. пособие для студ. РГУФКСМиТ. М., 2012. 120 с.
14. Трескин А.В., Мельникова Н.Ю. Олимпийские игры 1912 года в Стокгольме – триумф скандинавского спорта // XII Международный научный конгресс «Современный олимпийский и паралимпийский спорт и спорт для всех» : материалы конгресса. М., 2009. С. 82–84.
15. Мельникова Н.Ю. Олимпийские игры, перечеркнутые войной (1916, 1940, 1944 гг.) // Теория и практика физической культуры. 2015. № 5. С. 94–96.

16. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Мельников В.В. Проблемы спорта в современном мире // Олимпийский бюллетень. М., 2018. С. 210–215.
17. Контанисов А.Т. Олимпийский идеал Фэйр Плэй : российское воплощение // Олимпийское движение, физическая культура и спорт в современном обществе. 2018. № 1. С. 137–143.
18. Столяров В.И. Ценности современного олимпийского движения: идеалы и реалии // Наука в олимпийском спорте. 2014. № 3. С. 76–82.
19. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. Век олимпийский: политика, конфронтации, протесты и бойкоты // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе : сб. науч. ст. Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. / под ред. Г.В. Бугаева, О.Н. Савинковой. 2015. С. 562–566.
20. Garcia M.A. Olympic World Library. Secrets of the Olympic ceremonies. URL: <https://library.olympic.org> (дата обращения: 23.02.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2021 г.

Olympic Ceremonies of 1896–1936: Features of Origin and Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 151–155.

DOI: 10.17223/15617793/469/20

Nadezhda S. Leontyeva, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE) (Moscow, Russian Federation). E-mail: nadejda_14071977@mail.ru

Maria V. Koreneva, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: maria_koreneva@list.ru

Oleg V. Shpyrnya, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: oleg_shpyrnya@mail.ru

Keywords: Olympic Games; Olympic ceremonies; historical aspect; opening ceremony; closing ceremony.

This article examines the history of the establishment and formation of the traditions of the Olympic ceremonies. The features of the opening ceremonies of the I–V Olympic Games (1896–1912), VII – XI Olympic Games (1920–1936) are described; the aspects and specifics of the organization, symbols and attributes of the ceremonies, the appearance of the closing ceremonies as a factor in the development of the ceremonial part of the Olympic Games, and others are presented. The aim of the study was to analyze the features of the emergence and development of the Olympic ceremonies in the early days of the Olympic Movement. The research methods were: collection, study and systematization of the source base, analytical methods (generalization, comparison, etc.), inductive and deductive methods. The research was conducted as part of the study of the developmental features of the modern international Sports and Olympic Movement. The results have been included in the relevant sections of the History of Physical Education discipline, in the content of the special course Olympic Education, and others. The history of the formation of the traditions of the Olympic ceremonies in the early days of the Olympic Movement and the holding of the first Olympic Games of our time was chosen as the subject matter of this historical sports study, since during these years the formation and consolidation of the protocol for the opening and closing ceremonies of the Olympic Games was established. In this regard, the period from 1896 till 1936 is of a particular interest from a historical point of view as the foundation for modern traditions and rules. The article presents facts and innovations as components of the emergence of the unique ceremonial of the international Olympic Movement that has an important social and cultural value; they are: the first hoisted Olympic flag with five interlocking rings, the first oath of athletes participating in the Olympic competitions, the first Olympic Torch Relay, national flags and hymns, the Olympic Hymn, the Parade of Nations, etc. As part of the study, interesting facts of the organization and holding of the protocol and artistic components of the opening and closing ceremonies of the Games are given: participants, spectators, guests of honor, IOC presidents, uniforms, musical accompaniment, etc. It seemed important to note that, in the interwar period, numerous factors influenced the international Sports and Olympic Movement: world wars, social and economic development of the countries and regions of the world, the development level of international sports, the foreign policy situation.

REFERENCES

1. Eremina, E.A., Makrushina, I.V. & Il'icheva, V.A. (2019) Olimpiyskiy torzhestvennyy tseremonial – opyt, problemy, perspektivy [Olympic solemn ceremonial: experience, problems, prospects]. *Fizicheskaya kul'tura i sport. Olimpiyskoe obrazovanie*. 1. pp. 225–228.
2. Koreneva, M.V., Leont'eva, N.S. & Leont'eva, L.S. (2019) ["Olympic education": content components and educational aspects]. *Aktual'nye problemy pravovogo, ekonomicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya: teoriya i praktika* [Topical issues of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice]. Conference Proceedings. Donetsk. pp. 273–278. (In Russian).
3. Mel'nikova, N.Yu. & Treskin, A.V. (2017) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta: uchebnik* [History of physical culture and sport: textbook]. 2nd ed. Moscow: Sport.
4. Koreneva, M.V., Leont'eva, N.S. & Leont'eva, L.S. (2019) Olimpiyskie tseremonii: traditsii i obshchnost' s drevnegrecheskimi ritualami [Olympic ceremonies: traditions and commonality with ancient Greek rituals]. *Olimpiyskiy byulleten'*. 20. pp. 84–90.
5. International Olympic Committee. (n.d.) *Olimpiyskie igry 1896* [1896 Olympic Games]. [Online] Available from: <https://www.olympic.org/athens-1896> (Accessed: 11.03.2020).
6. Germanov, G.N. et al. (2018) *Olimpiyskoe obrazovanie: ucheb. posobie*: v 3 t. [Olympic education: textbook: in 3 volumes]. Moscow: Yurait.
7. Mel'nikova, N.Yu. et al. (2019) Olimpiyskoe peremirye – antichnyy primer sportivnoy diplomatii [Olympic Truce: an ancient example of sports diplomacy]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1.
8. Mel'nikova, N.Yu., Leont'eva, N.S. & Leont'eva, L.S. (2015) [Socio-pedagogical factors in the development of the international Olympic movement]. *Olimpizm: istoki, traditsii i sovremennost'* [Olympism: origins, traditions and modernity]. Conference Proceedings. Voronezh: Nauchnaya kniga. pp. 261–264. (In Russian).
9. Mel'nikova, N.Yu. & Treskin, A.V. (2017) [Olympic movement and sports diplomacy: history and modernity]. *Olimpizm: istoki, traditsii i sovremennost'* [Olympism: origins, traditions and modernity]. Conference Proceedings. Voronezh: Nauchnaya kniga. pp. 328–332. (In Russian).
10. Mel'nikova, N.Yu., Treskin, A.V. & Leont'eva, N.S. (2015) [Olympic paraphernalia: history and modernity]. *Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'e v sovremenom obshchestve* [Physical culture, sport and health in modern society]. Voronezh: VGIFK. pp. 559–562. (In Russian).
11. Zaytsev, K.V. & Mel'nikova, N.Yu. (2012) Analiz uchastiya sportsmenov Velikobritanii v Igrakh Olimpiad [Analysis of British athletes' participation in the Olympic Games]. *SCOLIPE Conference Proceedings*. Moscow: SCOLIPE. pp. 106–110.
12. Olympic World Library. (1995) *Olympic ceremonies: historical continuity and cultural exchange: international symposium on Olympic ceremonies*. [Online] Available from: <https://library.olympic.org> (Accessed: 23.02.2019).

13. Mel'nikova, N.Yu., Treskin, A.V. & Leont'eva, N.S. (2012) *Olimpiyskoe obrazovanie: ucheb. posobie dlya stud. RGUFKSMiT* [Olympic education: textbook for SCOLIPE students]. Moscow: SCOLIPE.
14. Treskin, A.V. & Mel'nikova, N.Yu. (2009) [Olympic Games of 1912 in Stockholm: a triumph of Scandinavian sports]. *XII Mezhdunarodnyy nauchnyy kongress "Sovremennyy olimpiyskiy i paralimpiyskiy sport i sport dlya vseh"* [XII International Scientific Congress "Modern Olympic and Paralympic Sports and Sports for All"]. Congress Proceedings. Moscow: Fizicheskaya kul'tura. pp. 82–84. (In Russian).
15. Mel'nikova, N.Yu. (2015) Olimpiyskie igry, perecherknutyte voynoy (1916, 1940, 1944 gg.) [Olympic Games crossed out by war (1916, 1940, 1944)]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 94–96.
16. Mel'nikova, N.Yu., Treskin, A.V. & Mel'nikov, V.V. (2018) Problemy sporta v sovremennom mire [Sports Problems in the Modern World]. In: *Olimpiyskiy byulleten'*. 13. pp. 210–215.
17. Kontanistov, A.T. (2018) Olimpiyskiy ideal Feyr Pley: rossiyskoe voploshchenie [Fair Play Olympic ideal: Russian incarnation]. *Olimpiyskoe dvizhenie, fizicheskaya kul'tura i sport v sovremennom obshchestve*. 1. pp. 137–143.
18. Stolyarov, V.I. (2014) Tsennosti sovremennogo olimpiyskogo dvizheniya: idealy i realii [Values of the modern Olympic movement: ideals and realities]. *Nauka v olimpiyskom sporte*. 3. pp. 76–82.
19. Mel'nikova, N.Yu., Treskin, A.V. & Leont'eva, N.S. (2015) [The Olympic age: politics, confrontation, protests and boycotts]. *Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'e v sovremennom obshchestve* [Physical culture, sport and health in modern society]. Conference Proceedings. pp. 562–566. Voronezh: Voronezh State Institute of Physical Culture. (In Russian).
20. Garcia, M.A. (n.d.) *Olympic World Library. Secrets of the Olympic ceremonies*. [Online] Available from: <https://library.olympic.org> (Accessed: 23.02.2019).

Received: 13 April 2021

А.В. Маклюков

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В ПЕРИОД 1950-х – СЕРЕДИНЫ 1960-х гг.

Рассматривается исторический опыт энергетического строительства на Дальнем Востоке СССР в период 1950-х – середины 1960-х гг. Показано, что строительство электростанций и линий электропередач осуществлялось в регионе с большими трудностями, связанными с суровыми природно-климатическими условиями, слабой развитостью стройиндустрии, ограниченностью трудовых и материально-технических ресурсов. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период удалось нарастить энергетический потенциал и сформировать энергосистемы в каждом административном районе Дальнего Востока.

Ключевые слова: энергетическое строительство; электростанции; электрификация; электроэнергия; Дальний Восток СССР.

Развитие производительных сил Дальнего Востока СССР в 1950–1960-е гг. сопровождалось строительством энергетической инфраструктуры, в развитие которой государство вложило огромные ресурсы. Энергетическое строительство стало ключевым фактором модернизации промышленности, транспорта, сельского хозяйства и городского хозяйства региона. Оно осуществлялось на Дальнем Востоке с большими трудностями, связанными с суровыми природно-климатическими условиями региона, его слабой заселенностью, хозяйственной неосвоенностью, транспортной недоступностью, ограниченностью трудовых и материально-технических ресурсов. В период 1950-х – середины 1960-х гг. основные работы по сооружению электростанций и линий электропередач выполнялись трестами Дальэнергострой и Дальэнергомонтаж. Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. в регионе развернулось крупное энергостроительство (Зейской ГЭС, Приморской ГРЭС) и началось создание единой энергосистемы Дальнего Востока. Без энергетического строительства обеспечить ускоренный подъем региональной экономики было невозможно.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что правительство РФ в настоящее время разрабатывает новую модель экономического развития Дальнего Востока, которая предусматривает модернизацию электроэнергетики, строительство новых электростанций, ликвидацию регионального дефицита электроэнергии, электрификацию восточного участка Байкало-Амурской магистрали. Анализ советского опыта энергетического строительства позволяет выявить трудности его осуществления на Дальнем Востоке, определить специфику создания энергетической инфраструктуры, на которой в основном базируется современная региональная электроэнергетика.

Вопросы энергетического строительства на Дальнем Востоке рассматривались в трудах советских и современных авторов в контексте социально-политической и экономической истории страны, Сибири, дальневосточных субъектов, истории отдельных энергосистем и предприятий [1–11]. В работах А.В. Маклюкова раскрывается исторический опыт энергетического строительства в регионе в период 1930–1940-х гг. [12, 13]. В целом в литературе накоплен фактический материал по данной теме, но она требует расширения проблемати-

ки, специальной проработки отдельных вопросов, введения в научный оборот новых архивных материалов, уточнения ряда фактов.

Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы, а также метод системного анализа, позволяющий рассматривать энергетическое строительство на Дальнем Востоке в 1950-е – середине 1960-х гг. как элемент государственной политики по ускоренному подъему производительных сил региона.

Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных (РГАЭ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ) и региональных (ГААО, ГАХК, ГАПК) архивов. Основными видами документов, изученными в данных архивах, являются годовые отчеты трестов Дальэнергострой и Дальэлектромонтаж, отчеты районных энергетических управлений, протоколы пленумов дальневосточных крайкомов и обкомов КПСС, постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, региональных органов власти, приказы Минэнерго СССР, касающиеся энергетического строительства и развития электроэнергетики Дальнего Востока в рассматриваемый период.

На Дальнем Востоке, в отличие от других восточных районов СССР, электроэнергетика являлась самой отсталой и слабо развитой отраслью промышленности. В 1930-е гг. начавшееся в регионе энергетическое строительство проходило в трудных условиях. Отсутствие транспортных путей, материально-технической и строительной базы, дефицит рабочей силы привели к значительному удорожанию и затягиванию строительства объектов электроэнергетики, как следствие, отставанию развития всех отраслей региональной экономики. В довоенный период в регионе построили только две крупные электростанции – Артемовскую ГРЭС 24 МВт и Комсомольскую ТЭЦ-2 30 МВт, а также сотни мелких энергоустановок. Утвержденная Госпланом СССР в 1939 г. программа развития электроэнергетики Дальнего Востока предусматривала строительство крупных электростанций в городах Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск и Сучан. Однако Великая Отечественная война не позволила ее реализовать. Созданный в 1939 г. трест Дальэнергострой ликвидировали в октябре 1941 г., а строительство Хабаровской ТЭЦ и Комсомольской ТЭЦ-1 за-

консервировали. В военные и послевоенные годы на Дальнем Востоке разразился энергетический кризис, вызванный дефицитом производства электроэнергии. Потребности региональной экономики в электроэнергии удовлетворялись на уровне 50%, по показателям уровня электрификации регион в 1950 г. отставал в развитии более чем на 20 лет по сравнению с западными районами СССР. На Дальнем Востоке, обладающем колоссальными энергетическими ресурсами, на 1950 г. производилось всего 2,1% и потреблялось 2,3% электроэнергии в стране. Коэффициент централизации выработки электроэнергии составлял всего 18%, тогда как в целом по СССР этот показатель достигал 80,8% [12. С. 85; 13. С. 256; 14. С. 99].

Первым шагом на пути к ускоренному развитию дальневосточной электроэнергетики стало постановление Совмина СССР № 326 от 28 января 1949 г. «О возобновлении строительства Хабаровской ТЭЦ». Согласно этому документу Минэнерго СССР и Хабаровский крайком ВКП (б) обязывались в первом квартале 1949 г. организовывать в г. Хабаровске союзный строительно-монтажный трест Дальэнергострой, обеспечить его 600 рабочими и приступить к консервации Хабаровской ТЭЦ [15. Л. 13–17]. Приказом Минэнерго СССР от 6 февраля 1949 г. «Об организации треста Дальэнергострой» в его структуре создавались 3 строительных управления (с/у): Хабаровской ТЭЦ, Комсомольской ТЭЦ-1 и Сучанской ГРЭС. На реализацию работ в 1949 г. тресту отпускалось 28,1 млн руб. [16. Л. 4].

Трест Дальэнергострой приступил к работе в марте 1949 г. С самого начала возникли проблемы, связанные с обеспечением его рабочими кадрами, жильем, спецтехникой, транспортом и строительными материалами. К началу 1950 г. трест укомплектовали рабочей силой только на 60%. Из принятых по найму рабочих и ИТР (всего 1 351) на строительстве Хабаровской ТЭЦ трудилось 840 человек, Комсомольской ТЭЦ-1 – 456, Сучанской ГРЭС – 55. В г. Хабаровске и г. Комсомольск-на-Амуре стройки пополнились в основном за счет молодежи, окончившей школы ФЗО. Так, в марте 1949 г. на энергостройку в Комсомольске прибыло 148 молодых строителей. Сложной оказалась задача обеспечения трудовыми ресурсами Сучанской ГРЭС. Министр энергетики Д.Г. Жимерин рассматривал вариант привлечения к строительству японских военнопленных, содержащихся в лагере на шахтах северного Сучана комбината Приморскуголь. В итоге приняли решение об организации лагеря спецконтингента на 1 500 человек управления Примлага МВД СССР. К концу 1949 г. построили лагерь на 350 заключенных. В течение 1949 г. так не был решен вопрос с обеспечениемстроек спецтехникой, все работы выполнялись вручную. Только на Комсомольскую ТЭЦ-1 поступил один экскаватор Э-505 [16. Л. 21, 36, 37, 70, 80, 96; 18. Л. 4].

В 1950–1951 гг. Дальэнергострой получил уже 11 экскаваторов, 3 бульдозера, 2 грейдера, 28 кранов, 169 автомашин ЗИС и ГАЗ. Уровень механизации земляных работ вырос до 86%. За 1951 г. трест освоил 55,2 млн руб., построил главный корпус Комсомольской ТЭЦ-1, выполнил монтаж турбогенератора япон-

ской фирмы «Мицубиси» 25 МВт и ввел в строй первую очередь станции. На базе коллектива монтажников Комсомольской ТЭЦ-1 приказом Минэнерго СССР № 98 от 15 марта 1951 г. в структуре треста Дальэнергострой было организовано монтажное управление Дальэнергомонтаж. Ранее на Дальнем Востоке не было собственных монтажных организаций и постоянных кадров электромонтажников. В 1951 г. Дальэнергомонтаж организовал участки на Сучанской ГРЭС, а в 1952 г. – на Хабаровской ТЭЦ [19. Л. 120; 20. Л. 85, 220, 226].

Крупным объектом энергостроительства в 1950-е гг. стала Сучанская ГРЭС проектной мощностью 125 МВт. Станцию строили в 7 км от г. Сучан в таежной местности, здесь с нуля создавали строительную базу. В 1950 г. построили лесозавод, механические мастерские, кислородную станцию, провели линию передач от г. Сучан до стройплощадки, получили первую технику – 3 экскаватора, 1 бульдозер и 19 автомашин. Но тяжелые работы выполнялись вручную, управление лагеря до 1953 г. в основном использовало труд заключенных [19. Л. 125, 147]. Задержки в получении технической документации также тормозили строительство. В декабре 1951 г. частично поступили чертежи по сооружению главного корпуса станции, в мае 1952 г. началась закладка здания. Снабжение завозными строительными материалами находилось на неудовлетворительном уровне. Приказом Минэнерго СССР № 146/а от 27 февраля 1953 г. Сучанской ГРЭС выделили 1 798 т металла, 687 т труб стальных и чугунных, 14 750 м³ леса, 4 400 т цемента, 2 430 тыс. шт. кирпича и т.д. На 1 января 1954 г. строительство располагало уже 6 экскаваторами, 4 бульдозерами, 8 кранами разных типов, 128 автомашинами, в том числе 83 самосвалами и 8 тракторами. Коллектив строителей насчитывал 1 735 человек, в том числе 1 544 рабочих [11. С. 16–17; 22. Л. 92, 136].

В 1954 г. ввели в эксплуатацию главный корпус и 46 промышленных объектов Сучанской ГРЭС. К декабрю 1954 г. подготовили к пуску первую турбину швейцарской фирмы «BROWN BOVERI & CIE» 37,5 МВт, демонтированную и доставленную с Восточной Европы. 17 декабря 1954 г. государственная комиссия приняла первую очередь Сучанской ГРЭС во временную эксплуатацию. В июле 1955 г. пустили второй агрегат 20 МВт, в сентябре 1956 г. – третий на 37,5 МВт. В 1957 г. районное энергоуправление Дальэнерго предложило заменить третью импортную турбину на отечественную более мощную – ВК-100–6 100 МВт. К декабрю 1959 г. мощность Сучанской ГРЭС достигла 212 МВт, она стала самой крупной и современной электростанцией на Дальнем Востоке. Помимо самой станции, для энергетиков построили современный жилой поселок с многоквартирными домами, детскими яслями, школами, амбулаторией, клубом и кинотеатром [23. Л. 84, 197; 24. Л. 1].

Трест Дальэнергострой в 1950-е гг. имел еще очень слабую строительную индустрию, обеспечивался зачастую демонтированными или трофейными агрегатами для монтажа. Отсутствие собственной базы изготовления железобетона и металлоконструкций

стало причиной невыполнения правительственных сроков ввода электростанций. Так, в постановлении Совмина СССР от 1 февраля 1952 г. «О мерах по обеспечению строительства Хабаровской ТЭЦ» отмечалось, что планы строительно-монтажных работ ежегодно выполнялись менее чем на 57%. Этим же документом разные министерства обязывались срочно выделить Хабаровской ТЭЦ 2 300 т металлоконструкций, 5 250 м³ леса и других строительных материалов, дополнительно привлечь к строительству 600 рабочих. На реализацию работ отпускатся 35 млн руб. [25. Л. 46, 42]. Несмотря на данные меры, строительство по-прежнему шло медленно. За 1954 г. 42% объема земляных работ выполнили вручную, несмотря на наличие четырех экскаваторов. Парк тяжелой механизации выпуска 1949 г. вышел из строя в первые годы работы, запасных частей для его ремонта не оказалось. Продолжительность монтажа первого турбогенератора превысила в 1,5 раза положенного срока. Только 28 сентября 1954 г. на Хабаровской ТЭЦ пустили первую турбину 25 МВт [22. Л. 86, 141; 21. Л. 83].

В 1955 г. руководство треста Дальэнергострой стало внедрять новые методы работы, которые заключались в усилении механизации строительства, введении сборки зданий крупными блоками, широком применении сборного железобетона, организации комплексных и специализированных бригад. Эти меры несколько улучшили показатели работы треста, в целом за 1956 г. ему удалось выполнить годовой план работ. В частности, монтажное управление Дальэлектромонтаж выполнило план на 115%, по отдельным участкам еще больше (например, 155% на участке Приморском) [22. Л. 150; 4. С. 61].

Следует отметить, что на качестве и сроках выполняемых строительно-монтажных работ отражалась проблема низкой квалификации рабочих кадров треста Дальэнергострой. На 1955 г. из 213 инженерно-технических специалистов высшее техническое образование имели только 43 человека, среднее специальное 79 человек. Рабочие зачастую вообще не имели никакой квалификации и опыта работы в строительной сфере. Так, за 1955 г. брак и переделки на Хабаровской ТЭЦ обошлись на сумму свыше 100 тыс. руб. На предприятиях наблюдалась высокая текучесть рабочих кадров, что влияло негативно на строительстве объектов. За 1956 г. трест принял 2 581 человек, а уволил 2 337. Половина из них выбыла за нарушение трудовой дисциплины и профнепригодности. По собственному желанию работники уходили из-за тяжелых условий труда и отсутствия жилья. Строители Комсомольской ТЭЦ и Хабаровской ТЭЦ проживали в спальных бараках и железнодорожных вагончиках. На одного проживающего приходилось 5,05 м² жилплощади. Для обеспечения рабочих кадров жильем тресту необходимо было ввести в строй не менее 10 000 м² жилплощади [23. Л. 89–103].

В 1950-е гг. на Дальнем Востоке также развернулось строительство высоковольтных линий электропередач (ВЛ). Оно имело свою специфику, связанную со сложными природными условиями, непроходимой горно-таежной местностью, огромными расстояниями между населенными пунктами и полным бездорожь-

ем. В дальневосточном регионе не было возможности применять комплексный монтаж ВЛ, как в центральных районах страны. Например, дальневосточные леса в летний период были заражены энцефалитным клещом, что создавало дополнительные сложности в организации работ. Рубку трасс на 90% можно было осуществлять только вручную пилами Дружба, валку деревьев, где это было возможно, бульдозерами. В отдельных случаях, например в 1958 г. на прокладке трассы ВЛ 110 кВт Комсомольск-на-Амуре – Падали, использовали даже танки Т-34 [26. Л. 41–50].

В 1953 г. в структуре Главного управления по производству электромонтажных работ Минстроя СССР был создан специализированный трест Дальэлектромонтаж для строительства и монтажа линий электропередач напряжением 6–10 и 35–220 кВ [27. Л. 1]. С 1954 по 1958 г. трест организовал 7 строительно-монтажных участков в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Сахалинской областях. За этот период увеличился объем выполняемых земляных работ по строительству ЛЭП в 35 раз: с 4 079 до 142 777 м³. Техническое оснащение треста на 1959 г. состояло из 5 экскаваторов, 4 бульдозеров, 7 ямобуров, 4 башенных кранов, 16 автокранов, 13 тракторов и 24 телескопических вышек. В то же время строительство не было обеспечено самосвалами и трейлерами грузоподъемностью 25 т. На отдельных участках, в частности Северсахалинском, не имелось ни одной единицы техники. По всем строящимся линиям ощущался дефицит ямобуров, отбойных молотков, бетономешалок, насосов, грузоподъемников, металлорезающих инструментов. Обеспечение стройматериалами находилось на низком уровне, металлические опоры ЛЭП изготавливались на единственном в регионе заводе металлоконструкций в г. Комсомольск-на-Амуре. Они доставлялись всегда с задержкой отдельными деталями низкого качества, поступающими некомплектно, что усложняло их сборку на месте. В 1956–1958 гг. на Находкинском и Амурском участках удалось организовать собственную базу производства железобетонных опор и изготовить их в количестве 1 547 штук, что немного облегчило положение [26. Л. 51, 55, 57, 60, 73].

В тресте Дальэлектромонтаж также остро стояла проблема обеспечения рабочими кадрами. К 1959 г. в тресте работало 2 183 человека, из них на крупных участках: Владивостокском – 368 человек, Амурском – 256 человек. За 1958 г. трест принял 1 551 человека, в том числе 180 выпускников средних школ и ремесленных училищ, из них в течение года уволил 1 105 человек, в том числе 575 человек по собственному желанию. Причины – тяжелые условия труда, связанные с рубкой просек и копкой котлованов, невыносимые жилищно-бытовые условия. Строителям приходилось жить в тайге в палатках и бараках, без отопления, в отдалении от населенных пунктов. Сам трест не имел собственного жилого фонда, только в 1958 г. для ИТР в г. Благовещенске было построено первые 8 деревянных двухквартирных домов [26. Л. 153].

Сложным участком строительства стала ВЛ 110 кВ Райчихинская ТЭЦ – г. Благовещенск протяженностью 176 км. Согласно постановлению Совмина СССР

от 16 апреля 1956 г. № 489 линию должны были построить в течение 1956–1958 гг. [28. Л. 147]. На 1 января 1959 г. из ее сметной стоимости 48,5 млн руб. на строительно-монтажные работы Амурский участок освоил только 28,4 млн руб. (или 58%). Основной причиной отставания работ являлся срыв поставок металлических опор с Комсомольского завода. Также не хватало средств механизации и спецтехники. Непростым в практике строительства оказался воздушный переход через р. Зея длиной 2,4 км, для которого потребовалось специальное изготовление опор высотой 240–135 м и закладка фундаментов глубже 12 м. Опыта выполнения подобных работ в СССР еще не было. Амурскому совнархозу пришлось взять под личный контроль этот участок, обеспечить поставку 120 т металлоконструкций, 80 т арматурного железа, 1 000 т специального гидротехнического бетона. ВЛ успешно достроили и пустили в работу 10 августа 1959 г. [29. Л. 15, 21].

Первую ВЛ напряжением 220 кВ Сучанская ГРЭС – Тетюхе 360 км стали строить в 1957 г. В СССР линии такого напряжения сооружались еще с начала 1930-х гг. На проектирование ЛЭП ушло 4 года, а ее ввод намечался на 1960 г. Линия шла вдоль горного хребта Сихотэ-Алинь в условиях полного бездорожья, непроходимой тайги и крутых склонов, что затрудняло ее строительство. К концу 1959 г. удалось только сдать первый участок 54,4 км Кавалеров–Горелое, или 15% от трассы ВЛ. [29. Л. 99]. В целом трест Дальэлектромонтаж за 1959 г. выполнил объем работ по ВЛ-220 и ВЛ-110 на сумму 130,3 млн руб. Однако темпы электросетевого строительства на Дальнем Востоке не отвечали росту энергетических мощностей. В декабре 1959 г. директор районного энергоуправления Хабаровскэнерго Г.Г. Мамаджанянц на совещании энергетиков в г. Кемерово отмечал, что «в крае из-за отсутствия электрических сетей возникло более 1 300 мелких, малоэкономичных, изолированно работающих электростанций. Краю как воздух нужны электрические сети» [30. Л. 20; 31. Л. 99; 32. Л. 64].

Следует отметить, что в 1950-е гг. энергетическое строительство практически не велось в Сахалинской, Магаданской и Камчатской областях, что значительно сдерживало развитие дальневосточной экономики. Удельный вес Дальнего Востока в производстве электроэнергии в СССР с 1949 по 1959 г. снизился с 2,3 до 1,7%. Средняя мощность введенных агрегатов в регионе составляла 20 МВт, в то время как по стране 100 МВт. Все это говорило о значительном экономическом отставании в развитии региона [13. С. 247; 33. Л. 2].

Более динамично энергетическое строительство развернулось на Дальнем Востоке в период реализации семилетнего плана развития народного хозяйства 1959–1965 гг. В регионе строилось 450 новых промышленных предприятий и крупных цехов, что значительно увеличивало спрос на электроэнергию. Согласно плану только в Приморском крае предусматривалось увеличение мощности электростанций с 328 до 780 МВт, т.е. в 2,3 раза, введение в строй первой очереди новой Приморской ГРЭС, расширение Артемовской ГРЭС [34. Л. 150]. Кроме того, в 1959–

1961 гг. в СССР началась разработка государственной стратегии развития электроэнергетики страны до 1980 г. для создания 12 объединенных энергетических систем (ОЭС), в числе которых – ОЭС Забайкалья и Дальнего Востока. Самая восточная энергосистема должна была охватить территорию протяженностью в 4 тыс. км от Байкала до Тихого океана. Энергомостом планировалось связать Бурятскую АССР, Читинскую и Амурскую области, Хабаровский и Приморский края [14. С. 103].

С конца 1950-х гг. стали широко обсуждаться проблемы организации энергетического строительства на Дальнем Востоке. Основное внимание этому вопросу уделили на совещании по перспективам развития электроэнергетики и электрификации Забайкалья, Якутии и Дальнего Востока, состоявшемся 7–8 июня 1960 г. в Хабаровске. В нем приняли участие более ста специалистов, в том числе руководители субъектов восточных районов страны, энергосистем, научно-исследовательских и проектных институтов. Отмечалось, что для выполнения плана развития региональной электроэнергетики требовалось в разы усилить материально-техническую и кадровую базу треста Дальэнергострой, превратить его в одну большую строительную организацию с 50 тыс. строителей, увеличить годовое освоение средств на выполнение работ до 2,5 млрд руб. Кроме того, для строительства ВЛ 110–500 кВ Минэнерго СССР предлагалось создать новую структуру – Дальневосточную дирекцию по строительству ВЛ [33. Л. 99–102].

Однако далеко не все предлагаемое правительству удалось реализовать. Постановлением Совмина СССР от 15 декабря 1960 г. № 1261 и приказом Минэнерго СССР от 21 декабря 1960 г. № 192 1 января 1961 г. создавался союзный трест Дальэнергострой на базе предыдущего. Новый трест обязывался вести работы по строительству и монтажу тепловых электростанций и электросетей в шести районах Дальнего Востока. Аппарат управления треста переместился во Владивосток. В трест вошло 5 строительных управлений и монтажное управление Дальэнергомонтаж [34. Л. 150]. Однако распыленность объектов по огромной территории Дальнего Востока обусловила большие трудности в организации работ, особенно в первые годы. Качественно мало что менялось, трест не обеспечили строительными механизмами и машинами, а принятая техника от прежних организаций имела высокую степень изношенности. Трест по-прежнему не имел строительной базы, в результате чего в 1961 г. не удалось смонтировать 12 086 м³ сборного железобетона и выполнить годовой план работ [35. Л. 1, 3, 5].

4 августа 1961 г. заместитель министра строительства электростанций СССР П.С. Непорожний направил докладную записку в ЦК КПСС, в которой предлагал коренным образом изменить в стране организацию строительства новых и реконструкции действующих электростанций и сетей. Для ускоренного энергостроительства требовалось: 1) полностью перейти на полносборное строительство тепловых электростанций и сетей из готовых заводских конструкций; 2) развивать собственные базы стройиндустрии, для чего в течение одного-двух лет создать в трестах комбина-

ты-заводы по изготовлению конструкций тепловых электростанций; 3) значительно улучшить оснащение строительств электростанций и линий электропередач строительными механизмами, автотранспортом, кранами и малой механизацией; 4) освободить строительномонтажные организации министерства от любого неэнергетического строительства; 5) принять меры по закреплению кадров строителей и монтажников на энергетических стройках. Эти и другие предложения легли в основу принятого постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 8 июня 1962 г. № 570 «О мерах по обеспечения развития энергетики СССР в 1963–1965 гг.» [34. Л. 41, 89–103].

В 1962–1965 гг. в структуре треста Дальэнергострой создаются новые специализированные управления и вспомогательные подразделения: Спасская промышленная база с полигонами по изготовлению железобетона и металлоконструкций; монтажное управление Дальспецэнергомонтаж, выполняющее работу по монтажу готовых строительных конструк-

ций и комплексного строительства зданий электростанций; отдел материально-технического снабжения Дальэнергоснаб; Хабаровская и Артемовская автобазы, предназначенные для перевозов грузов на строительные объекты. В 1965 г. началось строительство в г. Спасске завода железобетонных изделий. Только за 1965 г. трест собственными силами уже смог изготовить и собрать 22 347 м³ железобетона и 14 125 т металлоконструкций [36. Л. 2].

Таким образом, благодаря углублению специализации строительства Дальэнергострой превратился в более мощную строительную организацию, чем прежде. К 1965 г. трест имел 7 строительных управлений, наиболее крупными из них являлись с/у Южно-Сахалинской ГРЭС, с/у Артемовской ГРЭС и с/у Райчихинской ГРЭС. Только за 1961–1965 гг. трест увеличил в 2,2 раза парк тяжелой строительной техники, в 2,6 раза количество грузовых машин, на 33% численность работников. Объем выполняемых строительномонтажных работ вырос в 2 раза (табл. 1).

Таблица 1

Технико-экономические показатели работы треста Дальэнергострой за 1949–1965 гг. [16. Л. 4, 7, 96; 20. Л. 85, 240; 23. Л. 1, 60, 94; 35. Л. 5, 68, 115, 154; 36. Л. 2, 44, 74, 101]

Показатели	Един. измер.	1949 г.	1951 г.	1956 г.	1961 г.	1965 г.
Объем выполненных строительномонтажных работ за год	Тыс. руб.	–	55 200	102 090	20 047	41 949
План выполненных строительномонтажных работ за год	%	Не выполнен	52	112	83	134
Внедрено рационализаторских предложений.	Кол-во	–	–	–	294	319
Получена сумма экономии	тыс. руб.	–	–	–	110,2	393,5
Наличие тяжелой строительной техники всего.	Един.	1	16	44	87	199
В том числе экскаваторов, бульдозеров, кранов башенных	Един.	1	11 3	12 15	28 19	55 51
Наличие грузовых и служебных машин	Един.	–	169	–	362	967
Численность работников треста.	Чел.	640	2 030	4 746	4 608	6 812
В том числе рабочих.	Чел.	553	1 772	4 142	3 932	5 529
ИТР.	Чел.	51	158	273	418	702
Работников м/у Дальэнергомонтаж	Чел.	–	–	1 002	1 190	2 051

Примечание. С 1961 г. цены указаны после денежной реформы.

В тоже время оставался и ряд нерешенных проблем. Во-первых, трест по-прежнему не имел ремонтной базы для строительной техники, частичный ремонт выполнялся лишь в небольших мастерских строек. Простои строительных машин из-за отсутствия ремонта составляли до 20–30% сменного фонда времени. Во-вторых, уровень организации производства, планирования работ и обеспечения материально-техническими ресурсами производственных участков и цехов оставался низким. Неподготовленность фронта работ, несвоевременный завоз материалов, отсутствие технической документации и указаний техперсонала составляли до 70% всех простоев на стройках [5. С. 5; 36. Л. 26, 64, 74].

В-третьих, кадровый вопрос – текучесть рабочей силы оставалась на прежнем высоком уровне. В течение 1965 г. общая численность работников треста выросла на 2 173 чел., но за этот же год уволилось 3 825 чел. или почти 50% всего персонала, в том числе по собственному желанию ушло 2 659 чел. В результате в ряде строительных управлений и подразделе-

ний возник дефицит трудовых ресурсов, например, Дальспецэнергомонтаж, Амурская мехколонна и Спасская промбаза были укомплектованы работниками на 70–80%. Основная причина увольнения строителей – отсутствие жилья, мест в детских садах, низкая заработная плата. С 1958 по 1965 г. трест увеличил собственную предоставляемую жилищную площадь с 4 073 до 28 163 м³, почти в 7 раз, но в основном за счет ввода временного и неблагоустроенного жилья. На 1 января 1966 г. в управлении треста имелось 1 943 заявления от работников на получение квартир, для удовлетворения этих потребностей требовался ввод не менее 40 000 м³ благоустроенного жилья [36. Л. 100–107].

Трест Дальэнергострой в силу отдаленности и изолированности районов Дальнего Востока не смог полностью взять на себя строительство новых электростанций, на строящихся другими организациями объектах энергетики он выполнял лишь монтажные работы. Так, генподрядчиком строительства Петропавловской ТЭЦ стал трест Камчатрыбстрой, Магаданской

ТЭЦ – трест Магаданстрой, Амурской ТЭЦ – трест Амурскстрой. Дальэнергострой по заказу разных промышленных министерств осуществлял работы по расширению построенных ранее электростанций. Например, в Магаданской области трест установил новые агрегаты на Аркогалинской ГРЭС, Чаунской ЦЭС и ЦЭС в бухте Провидения [37. Л. 1; 38. Л. 3].

Большой объем работ Дальэнергострой выполнил при строительстве первой очереди Южно-Сахалинской ГРЭС на о. Сахалин. Проектное задание станции 300 МВт утвердил Сахалинский совнархоз 23 мая 1959 г. ГРЭС должна была ликвидировать энергодефицит в южной части острова, где концентрировались крупные промышленные предприятия. Место для строительства выбрали на берегу бухты Терпения, на базе Вахрушевского угольного месторождения [39. Л. 2, 4]. В январе 1961 г. Дальэнергострой создал СУ Южно-Сахалинской ГРЭС и укомплектовал его 137 строителями из треста Сахалиншахтстрой. Им предстояло освоить площадку, подготовить подъездные, шоссейные и железные дороги, создать строительную базу и поселок Восток. Стройматериалы доставлялись за 200 км с предприятий Южно-Сахалинска, сложные конструкции, технику и оборудование завозили с материка через порт Ванино. С их доставкой постоянно возникали проблемы. Стройка была слабо оснащена механизмами и автотранспортом. На работы влиял и суровый климат острова. Из 21,6 млн руб. капиталовложений на строительство первой очереди ГРЭС за 1961–1964 гг. Дальэнергострой освоил только 6,6 млн руб. (30%) [40. Л. 3].

Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 3 сентября 1964 г. трест обязали ввести в строй Южно-Сахалинскую ГРЭС и ЛЭП 110 кВ Восток–Поронайск в 4-м квартале 1965 г. К 1964 г. была подготовлена строительная база и смонтирован башенный кран для возведения главного корпуса. На 1 января 1965 г. в строительстве объекта трудились 1 131 человек с разных районов Дальнего Востока и страны. 31 декабря 1965 г. первый турбогенератор 50 МВт поставили под пробную нагрузку. Первый энергоблок Южно-Сахалинской ГРЭС удалось ввести в строй в рекордно короткие сроки [36. Л. 100; 39. Л. 72].

Дальэнергострой успешно провел реконструкцию крупных действующих электростанций региона. В 1963–1965 гг. расшил производственную базу Артемовской ГРЭС, установил турбогенераторы № 5 и 6 по 100 МВт. В результате мощность станции превысила в 20 раз проектную, и она стала самой крупной на Дальнем Востоке. В 1962–1965 гг. реконструирована Райчихинская ГРЭС. На станции были построены новые корпуса и пущено 3 турбогенератора суммарной мощностью 74 МВт. Однако работы на этом объекте затянулись из-за его недофинансирования, в срок не успели ввести еще два турбогенератора на 50 и 100 МВт [41. Л. 77; 42. Л. 78].

Строительство линий электропередач в период семилетки выполнялось совместно трестами Дальэнергострой и Дальэлектромонтаж. В последнем тресте за 1959–1963 гг. в 1,5 раза увеличилась численность работников, в 2 раза количество машин и техники. Впервые появилась новая специализированная техника – трубоукладчики и опоровозы. С 1960 г. при стро-

ительстве ВЛ 220 кВ стали использовать вертолеты МИ-4, с помощью которых транспортировали металлические секции и арматуру. Такую технологию монтажа впервые применили на горном участке Кавалерово–Антоновка в Приморском крае. В то же время развернувшееся по всей территории Дальнего Востока электросетевое строительство наложило на тресты непосильный объем работ. Распыленность строительных участков, труднопроходимые трассы ЛЭП, отсутствие производственных баз, дефицит техники и рабочих кадров – все это усложняло организацию и ведение строительства, особенно в удаленных северных районах [43. Л. 5, 35; 44. Л. 53].

Значительные ресурсы направили на строительство новых ВЛ в Хабаровском крае. Для соединения Хабаровской и Амурской энергосистем в 1960 г. развернулось строительство ЛЭП 220 кВ Хабаровск – Биробиджан – Райчихинская ГРЭС 479 км. Первый участок Хабаровск – Биробиджан 178 км строили 5 лет и сдали его в 1965 г. В ходе строительства был сооружен уникальный переход через р. Амур длиной 3,2 км на трех стальных опорах высотой 150 м с пролетами по 1,5 и 1,7 км. Кроме этого, за семилетку в крае построили 577 км ЛЭП 110 кВ, в том числе такие участки, как Комсомольск-на-Амуре – Солнечный, Хабаровск – Корфоровка и др. В целом за этот период ввели в строй 1 052 км ВЛ 35–220 кВ и 37 подстанций, общая протяженность электросетей в крае выросла в 3 раза [45. Л. 114, 124, 131].

В Приморском крае основное внимание было уделено строительству ВЛ 220 кВ. В 1962 г. введена в строй ВЛ Уссурийск – Спасск 120 км, в 1963 г. построен самый трудный горный участок Сучанская ГРЭС – Чугуевка – Кенцухэ 240,6 км. Всего в крае за семилетку ввели в эксплуатацию ВЛ 220 кВ 530 км, ВЛ 110 кВ – 700 км, ВЛ 35 кВ – 750 км [46. Л. 95; 47. Л. 26]. В Амурской области в 1961 г. началось строительство первой ВЛ 220 кВ Райчихинская ГРЭС – Белогорск – Свободный, а к 1965 г. сдан участок Райчихинская ГРЭС – Белогорск 157 км. Также в области за семилетку ввели 860 км ВЛ 35–110 кВ [47. Л. 4, 7].

В северных районах Дальнего Востока строительство электросетей сильно отставало от плановых заданий. В Магаданской области задерживался ввод ВЛ 110 кВ Магаданская ТЭЦ – Палатка – Усть-Омчуг 230 км и Чаунская ЦЭС – Билибино 493 км, что препятствовало образованию Магаданской энергосистемы [38. Л. 5]. В Сахалинской области строительство первой ВЛ 220 кВ Южно-Сахалинская ГРЭС – Южно-Сахалинск 230 км осуществлялось с большим трудом. К июню 1965 г. из 700 опор ЛЭП по плану было введено только 7. В результате выдаваемая мощность Южно-Сахалинской ГРЭС запырлась, проблема острого энергодефицита в Южно-Сахалинске так и не была решена [40. Л. 37]. В Камчатской области первую ВЛ 110 кВ протяженностью 10 км в г. Петропавловск-Камчатский строили 2 года и ввели в строй в июне 1965 г. Но для централизованного энергообеспечения предприятий рыбной отрасли требовалось еще строительство ЛЭП Петропавловск – Усть-Камчатск не менее 500 км [37. Л. 1].

Итак, за 1959–1965 гг. на Дальнем Востоке вошли в строй 5 новых электростанций – Южно-Сахалинская

ГРЭС, Петропавловская ТЭЦ, Магаданская ТЭЦ, Амурская ТЭЦ и Охинская ТЭЦ. Трест Дальэнергострой на новых и действующих электростанциях ввел в эксплуатацию 34 турбогенератора суммарной мощностью 727,5 МВт, из них 237 МВт в Магаданской, Камчатской и Сахалинской областях. В регионе вошли в строй 865 км ВЛ 220 кВ, более 2 000 км ВЛ 35–110 кВ. За 1961–1965 гг. трест выполнил строительно-монтажных работ на сумму 180,7 млн руб., из них в Хабаровском крае на 49,6 млн, в Сахалинской области – 38,1 млн руб., Приморском крае – 31,1 млн руб., Магаданской области – 27,7 млн руб., Амурской – 24,5 млн руб., Камчатской – 9,7 млн руб. [48. Л. 38].

В целом в результате энергостроительства в 1950–1965 гг. на Дальнем Востоке было введено 1141,9 МВт мощностей, из них в Приморском крае 500 МВт и в Хабаровском 392,5 МВт (табл. 2). Наиболее крупные электростанции были построены на промышленно развитом юге региона. Здесь к 1965 г. охват централизованного электроснабжения потребителей достигал 77%. Однако семилетний план энергостроительства здесь также не был выполнен. Строительством Приморской ГРЭС, которая должна была соединить Приморскую и Хабаровскую энергосистемы, так и не началось, эти районы имели замкнутый баланс электроэнергии [50. Л. 4].

Таблица 2

Ввод новых энергетических мощностей трестом Дальэнергострой в 1950–1965 гг., МВт
[4. С. 85; 19. Л. 120; 20. Л. 85; 21. Л. 10; 24. Л. 1; 36. Л. 34]

Район	1950–1958 гг.									1959–1965 гг.						Всего	
	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.		1965 г.
Приморский край	25			25	37,5	25	37,5		50	100				100	100		500
Хабаровский край	25		3,5	34	31	25	26,5	25	25	25		2,5	14	25	100	31	392,5
Амурская область								6					12	12		50	80
Магаданская область											25		12	6	13	18	74
Сахалинская область												6	12	2,5	10	52,5	83
Камчатская область																12	12
Дальний Восток	50		3,5	59	68,5	50	64	31	75	125	25	8,5	50	145	223	151	1 141,9

Важно отметить, что энергетическое строительство создало предпосылки для образования на Дальнем Востоке новых районных энергетических систем, вошедших в непосредственное подчинение Минэнерго СССР. Кроме Дальэнерго (Дальневосточное районное энергетическое управление создано в 1937 г. в г. Владивостоке) в 1957 г. было создано новое районное энергоуправление – Хабаровскэнерго, в 1960 г. – Амурэнерго, в 1963 г. – Сахалинэнерго, в 1964 г. – Камчатэнерго, в 1966 г. – Магаданэнерго [13. С. 247].

Производство электроэнергии на Дальнем Востоке к 1965 г. достигло 9,3 млрд кВт·ч, выросло по сравнению с 1958 г. в 2,1 раза, с 1950 г. – в 7 раз. Общая мощность электростанций с 1959 по 1965 г. увеличилась в 1,7 раза, по сравнению с 1949 г. – в 3,4 раза. В то же время качественно в электроэнергетике региона еще мало что менялось. Среди восточных районов СССР по темпам роста производства электроэнергии Дальний Восток заметно уступал Восточной Сибири, Казахстану и Средней Азии, а его удельный вес в общем электропотреблении по стране оставался на уровне 1,7%, как в 1959 г. На 1 января 1966 г. в регионе наряду с новыми электростанциями работало еще 7 300 мелких неэкономичных энергоустановок. В результате себестоимость производства 1 кВт·ч электроэнергии составляла 2,2 коп. при 0,78 коп. в среднем по стране, т.е. превышала в 3 раза. Дефицит в электроэнергии не был преодолен и в ряде районов достигал катастрофических масштабов. Так, на 1965 г. дефицит энергомощностей в Магаданской области составлял 84 МВт, Сахалинской – 62 МВт [40. Л. 37; 49. С. 6, 8; 50. Л. 2].

Энергетическое строительство на Дальнем Востоке, в силу слабого развития базы стройиндустрии,

более сложных климатических условий, удаленности от основных центров, поставляющих оборудование, повышенной заработной платы энергостроителей, обошлось дороже в южных (в 1,4 раза) и северных районах (2–3 раза), чем в европейской части СССР. Удельные капиталовложения в регионе оценивались в 3,7 коп. кВт·ч, против среднего показателя по СССР в 1,9 коп. [49. С. 10].

Особенностью энергостроительства на Дальнем Востоке в рассматриваемый период являлось и то, что оно осуществлялось лишь по линии создания тепловых электростанций, работающих на угле и нефтепродуктах. Другие источники энергии, в отличие от Сибири и Казахстана, здесь еще не использовались. В то же время на Дальний Восток в 1965 г. приходилось 36% потенциальных и 6% разведанных энергоресурсов СССР, в том числе 33,9% запасов гидроэнергетических ресурсов. Поэтому в разработанной Советом по изучению производительных сил Госплана СССР в декабре 1964 г. «Схеме развития и размещения производительных сил Дальнего Востока на 1966–1970 гг.» основной упор ставился на разработку этих ресурсов. В новое энергостроительство намечалось вложить 680 млн руб., направленных на сооружение Зейской гидроэлектростанции, Билибинской атомной электростанции, Паужетской геотермальной электростанции и др. Кроме того, планировалось ввести 2 450 км ВЛ 220 кВ к 1970 г., чтобы связать в единую энергосистему южные районы Дальнего Востока [50. Л. 8, 22, 24].

Таким образом, в период 1950-х – середины 1960-х гг. энергетическое строительство на Дальнем Востоке позволило решить две задачи: выполнить прерванную Великой Отечественной войной программу развития региональной электроэнергетики 1939 г. –

нарастить энергетический потенциал и создать энергоуправления в каждом административном районе. В тоже время преодолеть дефицит электроэнергии и обеспечить всех потребителей централизованной подачей электроэнергии от районных энергосистем еще не удалось. Только крупное энергостроительство и использование новых источников энергии

позволяло качественно изменить структуру электроэнергетики Дальнего Востока. Поэтому следующий период энергостроительства в регионе во второй половине 1960-х – 1980-е гг. характеризовался возведением мощнейших электростанций, работающих на разных источниках энергии и протяженных линий электропередач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасова И.В. Развитие электрификации СССР. 40-е – 60-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 530 с.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2: 1951–1970 гг. Новосибирск, 1976. 272 с.
3. Тимошенко А.И. Энергетическое строительство в Сибири и модернизация экономики // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014. С. 242–250.
4. Андросов П.И. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по осуществлению электрификации Приамурья (1956–1970 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 287 с.
5. Шевченко Д.К. Вопросы совершенствования организации управления энергетическим строительством на Дальнем Востоке : дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 1972. 177 с.
6. Самигулин Р.М. Рабочие-строители Дальнего Востока в годы семилетки (1959–1965 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1974. 210 с.
7. Нерадовская И.П. История развития производительных сил Дальнего Востока в период зрелого социалистического общества в СССР (1961–1970 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1985. 230 с.
8. Ярославцева Т.А. Государственная политики по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России (1917–1993 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 496 с.
9. Липицкий А.Г. Энергетические мускулы Севера. Магадан, 1986. 129 с.
10. Колосов В.М. Создание Камчатской энергосистемы (1964–1993). Петропавловск-Камчатский, 1997. 60 с.
11. Антонов А.А. Партизанская ГРЭС. Время, события, люди. Владивосток, 2014. 76 с.
12. Маклюков А.В. Решение задач электроснабжения Дальнего Востока СССР в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 79–87.
13. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 282 с.
14. Маклюков А.В. Экономические исследования проблем электрификации Дальнего Востока в конце 1940-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 97–107.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 886.
16. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7855. Оп. 2. Д. 310.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 49. Д. 2991.
18. Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. П-68. Оп. 34. Д. 429.
19. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 338.
20. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 368.
21. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 440.
22. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 464.
23. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 494.
24. РГАЭ. Ф. 348. Оп. 1. Д. 34.
25. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 6041.
26. ГАРФ. Ф. А-417. Оп. 1. Д. 1437.
27. РГАЭ. Ф. 8520. Оп. 2. Д. 281.
28. Государственный архив Амурской области (далее ГААО). Ф. Р-501. Оп. 7. Д. 127.
29. ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 38.
30. ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1326.
31. ГАРФ. Ф. А-417. Оп. 1. Д. 1540.
32. Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК). Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 39.
33. ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 203.
34. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 41. Д. 157.
35. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 188.
36. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 486.
37. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 258.
38. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 3800.
39. РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 287.
40. ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1344.
41. ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1345.
42. РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 265.
43. ГАРФ. А-417. Оп. 1. Д. 1575.
44. ГАРФ. А-417. Оп. 1. Д. 1729.
45. ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 144.
46. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 163.
47. ГААО. Р-965. Оп. 1. Д. 278.
48. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052.
49. Шелест В.А. Электроэнергетические проблемы развития производительных сил Дальнего Востока // Развитие и размещение производительных сил Дальнего Востока. Материалы научной конференции (сентябрь 1969 г.). Секция топливно-энергетической и химической промышленности. М., 1969. С. 5–21.
50. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 августа 2021 г.

Energy Sector Construction in the Far East of the USSR in the 1950s – Mid-1960s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 156–165.

DOI: 10.17223/15617793/469/21

Aleksey V. Maklyukov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Keywords: energy sector construction; power plants; electrification; electricity; USSR Far East.

The article examines the historical experience of energy sector construction in the Far East of the USSR in the 1950s – mid-1960s. The relevance of the research topic is due to the fact that the Russian government has now developed a new model of economic development of the Far East, which provides for the modernization of the regional electric power industry. The analysis of the Soviet experience in energy sector construction allows identifying the difficulties of its implementation in the Far East, determining the specifics of creating an energy infrastructure, on which the modern regional electric power industry is mainly based. The source of the research is unpublished sources found in the funds of federal and regional archives. The methodological basis of the research is traditional historical methods, as well as the method of systems analysis, which allows considering energy construction in the Far East in the 1950s – mid-1960s as an element of state policy for the accelerated rise of the productive forces of the region. The article is structured based on the problem-chronological principle. The first part reveals the problems of organization and operation of the Dalenergostroy and Dalektromontazh trusts in the 1950s, the second during the implementation of the seven-year plan for the development of the regional economy in 1959–1965. Power plants and power lines throughout the period under consideration were constructed in the region with great difficulties associated with the severe natural and climatic conditions, poor development of the construction industry, limited labor, material, and technical resources. A feature of energy sector construction in the Far East was that it proceeded only through the creation of thermal power plants operating on coal and oil products. Other energy sources were not yet used here, unlike in Siberia and Kazakhstan. The author comes to the conclusion that in the 1950s – mid-1960s energy sector construction in the Far East solved two problems: (1) to fulfill the 1939 program for the development of the regional electric power industry, interrupted by the Great Patriotic War, and (2) to increase the energy potential and create energy management in each administrative region. However, it was not yet possible to overcome the shortage of electricity and provide all consumers with a centralized supply of electricity from the regional power systems. Only large-scale power construction and the use of new energy sources in the second half of the 1960s–1980s made it possible to qualitatively change the structure of the power industry in the Far East.

REFERENCES

1. Nekrasova, I.V. (1975) *Razvitie elektrifikatsii SSSR. 40-e – 60-e gg.* [The development of the electrification of the USSR. The 1940s–1960s]. History Dr. Diss. Moscow.
2. Alekseev, V.V. (1976) *Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Electrification of Siberia. Historical research]. Part 2: 1951–1970. Novosibirsk: Nauka.
3. Timoshenko, A.I. (2014) *Energeticheskoe stroitel'stvo v Sibiri i modernizatsiya ekonomiki* [Energy sector construction in Siberia and modernization of the economy]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP. pp. 242–250.
4. Androsov, P.I. (1971) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Dal'nego Vostoka po osushchestvleniyu elektrifikatsii Priamur'ya (1956–1970 gg.)* [The activity of the party organizations of the Far East on the implementation of the electrification of the Amur region (1956–1970)]. History Cand. Diss. Moscow.
5. Shevchenko, D.K. (1972) *Voprosy sovershenstvovaniya organizatsii upravleniya energeticheskimi stroitel'stvom na Dal'nem Vostoke* [Issues of improving the organization of management of energy sector construction in the Far East]. Economics Cand. Diss. Vladivostok.
6. Samigulin, R.M. (1974) *Rabochie-stroiteli Dal'nego Vostoka v gody semiletki (1959–1965 gg.)* [Construction workers of the Far East during the seven-year plan (1959–1965)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
7. Neradovskaya, I.P. (1985) *Istoriya razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka v period zrelogo sotsialisticheskogo obshchestva v SSSR (1961–1970 gg.)* [The history of the development of the productive forces of the Far East during the period of mature socialist society in the USSR (1961–1970)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
8. Yaroslavtseva, T.A. (2014) *Gosudarstvennaya politika po razvitiyu zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1993 gg.)* [State policy for the development of housing and communal services in the Far East of Russia (1917–1993)]. History Dr. Diss. Moscow.
9. Lipitskiy, A.G. (1986) *Energeticheskie muskuly Severa* [The energy muscles of the North]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Kolosov, V.M. (1997) *Sozdanie Kamchatskoy energosistemy (1964–1993)* [Creation of the Kamchatka energy system (1964–1993)]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatskiy pechatnyy dvor.
11. Antonov, A.A. (2014) *Partizanskaya GRES. Vremya, sobytiya, lyudi* [Partisan State District Power Plant. Time, events, people]. Vladivostok: [s.n.].
12. Maklyukov, A.V. (2016) The Solution of Power Supply Problems of the National Economy in the Ussr Far East in Postwar Years (1946–1950). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 79–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/12
13. Maklyukov, A.V. (2018) *Elektrifikatsiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX vv.)* [Electrification of the Russian Far East (late 19th – mid-20th centuries)]. Vladivostok: FEPU.
14. Maklyukov, A.V. (2019) The economic studies of the problems of electrification of the Soviet Far east in the late 1940s – early 1960s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 4. pp. 97–107. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 51. File 886.
16. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 2. File 310.
17. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. List 49. File 2991.
18. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 34. File 429.
19. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 2. File 338.
20. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 2. File 368.
21. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 2. File 440.
22. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 2. File 464.
23. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 2. File 494.
24. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 348. List 1. File 34.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 86a. File 6041.

26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-417. List 1. File 1437.
27. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 8520. List 2. File 281.
28. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-501. List 7. File 127.
29. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-965. List 1. File 38.
30. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-540. List 2. File 1326.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-417. List 1. File 1540.
32. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-1218. List 1. File 39.
33. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-540. List 2. File 203.
34. Russian State Archive of Contemporary History. Fund 5. List 41. File 157.
35. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 3. File 188.
36. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 3. File 486.
37. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 3. File 258.
38. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 8. File 3800.
39. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7870. List 3. File 287.
40. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-540. List 2. File 1344.
41. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-540. List 2. File 1345.
42. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7870. List 3. File 265.
43. State Archive of the Russian Federation (GARF). A-417. List 1. File 1575.
44. State Archive of the Russian Federation (GARF). A-417. List 1. File 1729.
45. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-1218. List 1. File 144.
46. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 4. File 163.
47. State Archive of Amur Oblast (GAAO). R-965. List 1. File 278.
48. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 5. File 10052.
49. Shelest, V.A. (1969) [Electric power problems of the development of the productive forces of the Far East]. *Razvitie i razmeshchenie proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka* [Development and distribution of the productive forces of the Far East]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 5–21. (In Russian).
50. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 723.

Received: 20 August 2021

Д.И. Петин

КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР М.А. БУТРИМОВИЧ: СУДЬБА АРМЕЙСКОГО ЧИНОВНИКА В ЗЕРКАЛЕ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

На основе неопубликованных источников, выявленных автором в фондах Исторического архива Омской области, Архива УФСБ России по Брянской области, представлена биография кадрового военного чиновника, участника Гражданской войны в Сибири Михаила Александровича Бутримовича. Особое внимание в публикации уделено социальной мобильности героя статьи, а также попыткам его социальной адаптации к политическим катаклизмам военно-революционного периода 1917–1920 гг. и условиям советского общества.

Ключевые слова: военная антропология; военные чиновники; Русская императорская армия; Гражданская война; белое движение; РККА; советское общество; репрессии; лишенцы.

События Русской революции 1917 г. и Гражданской войны – одна из «традиционных» и наиболее популярных тематик в отечественных исторических исследованиях. В то же время антропологический поворот в исторической науке существенно укрепил в современной российской историографии тенденцию изучения прошлого сквозь призму личности человека. Причем сегодня специалистами уделяется внимание не только биографиям выдающихся деятелей, но и проблеме «маленького человека». Такой подход («взгляд изнутри») позволяет обозревать масштабную проблему Гражданской войны с самых разных ракурсов [1. С. 136; 2. С. 243–246, 248]. Здесь важен и иной аспект: как подчеркивает авторитетный историк В.И. Шишкин, условия государственно-политических и общественных катаклизмов на рубеже 1910–1920-х гг. резко обнажили вопрос социальной адаптации [3], что особо коснулось людей прямо или косвенно связанных с военной сферой.

Стоит учесть, что функционирование военной системы государства (как составной части социума) замыкается на деятельности слагающих ее многочисленных групп индивидов. В этом отношении судьба человека может выступать «зеркалом» эпохи, ее мерилом и свидетельством. Обращая на себя внимание разных специалистов гуманитарного профиля, многогранное «человеческое измерение» армейской и военной действительности оформилось за текущее десятилетие в военную антропологию – самостоятельное, актуальное, междисциплинарное научное направление. Уже в рамках него получает развитие такая частная научная область, как военно-историческая антропология (см., например: [4–13]).

Военно-революционный период 1914–1922 гг. стал переломным для российского офицерства (см. подробнее: [14, 15]). Биографии российских офицеров – от прапорщиков до генералов – стали предметом значительного количества научных исследований. Однако в этом отношении должного интереса специалистов не получили судьбы военных чиновников [16. С. 49]. В Русской императорской армии и антибольшевистских вооруженных формированиях периода Гражданской войны военными чиновниками (именовались зачастую как «классные чины Военного ведомства») были лица, занимавшие большинство административных должностей по обслуживанию и

обеспечению войск; деятельность их по своему характеру не отличалась от деятельности чинов гражданских ведомств, в связи с чем они не являлись офицерами, а получали общегражданское чинопроизводство по Табели о рангах [17. С. 311–321]. Однако в условиях дореволюционной военной повседневности армейские чиновники составляли вместе с офицерством один социальный слой, имея в рамках корпоративной культуры схожую ментальность и социальный портрет. После Революции 1917 г. в нарождавшемся в период Гражданской войны советском обществе офицеры, военные чиновники и юнкеры отчасти продолжали сохранять единую общность, «потенциальную к контрреволюционным действиям», и обозначавшуюся социальным маркером «бывший (белый) офицер» [16. С. 47–48; 18. С. 120; 19. С. 126].

Цель исследования – изучение в военно-антропологическом видении вопроса социальной адаптации бывших военных чиновников к условиям государственно-политических катаклизмов первой трети XX в. на примере биографии кадрового военного чиновника, коллежского асессора Михаила Александровича Бутримовича. На его жизненный и профессиональный путь выпала последовательная служба в Русской императорской, Красной (трижды) и белой армиях, советских учреждениях, политические преследования белых и красных властей. На фоне событий эпохи неоднозначная судьба «маленького человека», ставшего героем данного повествования, выглядит, на наш взгляд, во многом показательной, отражая политические и социальные коллизии времени. Значительная часть жизни и служебной деятельности М.А. Бутримовича была связана с армией. При этом события Гражданской войны и их последствия ставили перед героем статьи политический и социальный выбор. Это тесно сопряжено с эволюцией понятия «свой-чужой» и формированием образа врага в военных условиях, что является одним из основных направлений и ключевых проблем военной антропологии. Данный тезис подчеркивает авторитетный специалист в этой научной области Е.С. Сеньявская [11, 12].

Основу для подготовки работы составили неопубликованные источники личного происхождения из фондов Исторического архива Омской области. Это биографические документы (анкета 1923 г., трудовой список 1927 г.), а также материалы делопроизводства

(протоколы, справки, переписка 1920-х гг.) о пребывании героя статьи на военном и особом учете ВЧК–ОГПУ, лишении и восстановлении его в избирательных правах. Трудовой список является наиболее важным и информативным среди всех выявленных источников, в его основу положен дореволюционный послужной список М.А. Бутримовича. Благодаря этому мы можем в подробностях судить о значительной части его личностного и профессионального становления и жизненного пути. Важным дополнением стали материалы архивного уголовного дела в отношении героя статьи из фондов архива УФСБ России по Брянской области.

Михаил Александрович Бутримович родился в Вильно (ныне Вильнюс, Латвия) 7/19 ноября 1880 г. в семье военного чиновника. По национальной принадлежности относил себя к русским. Юноша, окончив в Вильно 7 классов реального училища, получил среднее образование, ориентированное на естественно-научную и техническую сферы [20. Л. 1 об.; 21. Л. 130]. Вполне вероятно, что данное обстоятельство, а также служебная деятельность отца оказали влияние на выбор молодым человеком будущей профессии армейского чиновника. Но здесь важно понимать, что в дореволюционном российском обществе армия выступала важнейшим институтом вертикальной мобильности – эту мысль подчеркивает военный историк Д.Г. Симонов [22. С. 104]. Статус военного чиновника давал ему и его семье определенные гарантии социальной стабильности и возможность обретения достойного положения в обществе.

Михаил Бутримович 7/19 ноября 1896 г. поступил на действительную военную службу. Имея для того достойный образовательный ценз, он был зачислен в пиротехническую артиллерийскую школу учеником рядового звания. Это военно-учебное заведение, располагавшееся в Санкт-Петербурге, готовило обер-фейерверкеров – унтер-офицерский состав артиллерии командного и технического профиля. Важно отметить, что выбранный род войск, требовавший высокого уровня знаний, указывал на интеллектуальные способности новобранца. Воспитанники школы, наряду с предметами общеобразовательного профиля (Закон Божий, русский язык, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, химия, черчение и рисование), изучали артиллерийское и фортификационное дело, пороходение и другие специальные дисциплины [23. С. 233]. По окончании полного трехлетнего курса военной школы 19-летний Михаил Бутримович 15/28 июня 1900 г. был выпущен обер-фейерверкером 2-го разряда с назначением в Свеаборгскую крепостную артиллерию (ныне район Хельсинки, Финляндия) в 1-й артиллерийский парк [20. Л. 2 об.; 21. Л. 130 об.].

При должном прохождении службы по своему ведомству обер-фейерверкеры могли производиться на вакансию в классные (гражданские) чины до коллежского асессора, включительно (VIII класс по Табели о рангах, соответствовало армейскому капитану), становясь главными помощниками артиллерийских офицеров в деле заведования артиллерийскими лабораториями, складами огнестрельных припасов и т.п. [23. С. 233]. Михаила Бутримовича 19 мая 1904 г. переве-

ли служить на Читинский артиллерийский склад классным обер-фейерверкером. С востоком России оказались связаны последующие 20 лет его жизни и службы. В Сибири вскоре он состоялся как кадровый военный чиновник, будучи произведен в первый гражданский чин коллежского регистратора. С 29 июня 1907 г. наш герой получил назначение в Иркутский артиллерийский магазин на должность хранителя огнестрельных припасов. С 30 декабря 1910 г. (с переименованием Иркутского артиллерийского магазина в Иркутский артиллерийский склад) и вплоть до революционных событий 1917 г. Михаил Александрович исполнял ряд должностей, являясь помощником начальника отдела огнестрельных боеприпасов (периодически замещая и вышестоящую должность), заведующим лабораторией и мастерской. В целом дореволюционную службу военного чиновника Бутримовича вполне можно назвать образцовой. К началу Первой мировой войны он состоял в чине титулярного советника (IX класс по Табелю о рангах, что соответствовало армейскому штабс-капитану). Занимаемая им (по армейским меркам «тихая») должность гарантировала стабильное служебное положение, «предохраняя» от попадания на фронт. Приказом по Военному ведомству 27 июля 1917 г. 36-летний Михаил Бутримович, уже опытный специалист, посвятивший армии 20 лет, был произведен в коллежские асессоры [20. Л. 2 об.; 21. Л. 130 об.; 24. Д. 3. Л. 76 об., Д. 4. Л. 28 об.]. Исходя из образовательного ценза и специфики тыловой службы, данный рубеж являлся для героя статьи своего рода максимальной карьерной планкой.

Политические события 1917 г. и последовавшая «демократизация армии» внесли значительные перемены в ряд аспектов армейской повседневности. Установление советской власти затронуло механизм назначения командиров: возник «революционный» принцип этой процедуры – выборность. Основой тому стали совместные декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О выборном начале и организации власти в армии» и «Об уравнивании в правах всех военнослужащих», принятые 16/29 декабря 1917 г. [25. С. 242–245]. В соответствии с этим «новшеством революции» «по инерции» оставшийся на привычной службе военный чиновник Бутримович 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) общим собранием служащих Иркутского артиллерийского склада был избран начальником отдела огнестрельных припасов, что было утверждено постановлением Иркутского военно-окружного комитета и приказом по Иркутскому военному округу [20. Л. 2 об.; 21. Л. 130 об.]. Выборное назначение с повышением в должности свидетельствует о том, что Михаил Александрович обладал авторитетом и доверием в среде сослуживцев, воспринимаясь в то же время и как командир, политически лояльный к новой власти. Он получил тогда и «дополнительные» общественные посты, став членом и председателем военного комитета Иркутского артиллерийского склада и войдя в состав делегации своего учреждения, направленной в Иркутский объединенный совет военных и рабочих депутатов [21. Л. 131].

Военно-политическая ситуация на востоке России резко обострилась с лета 1918 г. Восстание Чехосло-

вацкого легиона повлекло за собой начало активных боевых действий Гражданской войны. Стремительное продвижение белочешских отрядов по Транссибу, отсутствие какой-либо помощи из европейской России привели к экстренной эвакуации большевистских сил из ряда городов Сибири. Эти события отразились и на жизни нашего героя. Так, согласно распоряжению Иркутского артиллерийского военно-окружного управления ввиду наступления антибольшевистских войск начальник отдела огнестрельных припасов Иркутского артиллерийского склада М.А. Бутримович в составе своего учреждения 5 июля 1918 г. был эвакуирован в Читу, где советская власть продержалась еще порядка полутора месяцев. С установлением в городе власти белых нашего героя 3 сентября 1918 г. отчислили от занимаемой должности, направив в распоряжение Иркутского уездного воинского начальника. Вместе с тем за свою службу на благо большевикам Михаил Бутримович был отдан под следствие, продлившееся до 10 декабря 1918 г. [20. Л. 3 об.; 21. Л. 131]. Здесь отметим, что в 1918–1919 гг. была достаточно распространена практика преследования антибольшевистскими властями бывших представителей кадрового административно-командного состава за их службу большевикам [26. С. 141].

Белая Сибирская армия в тот период ощущала острый кадровый голод. И, вероятно, следственная комиссия не установила значительной вины служившего красным коллежского асессора Бутримовича либо же он был амнистирован «обстоятельствами времени» – по документам это установить не удалось. В итоге Михаил Александрович из глубокого тыла, как состоящий в распоряжении штаба Сибирской армии, был направлен в Тюмень, в штаб войск Уральской группы. Здесь военного чиновника Бутримовича 23 декабря 1918 г. по распоряжению инспектора артиллерии Уральской группы прикомандировали к складу передового артиллерийского запаса 6-го Уральского корпуса и направили в Златоуст. С 20 марта 1919 г. по расформировании названного склада нашего героя перевели служить в подвижную артиллерийскую мастерскую на должность завхоза [20. Л. 3 об.; 21. Л. 131].

Уральский регион в течение всей первой половины 1919 г. был плацдармом, где велись активные и кровопролитные сражения, исход которых был ознаменован тяжелым поражением и отступлением антибольшевистских сил под ударами частей РККА (см. об этом, например: [27. С. 245–253; 28. С. 150–170; 29]). С уходящей на восток армией коллежский асессор Бутримович в начале декабря 1919 г. оказался в Новониколаевске (с 1926 г. Новосибирск), где из-за заторов на Транссибе скопилось большое число войск белой армии с артиллерийским и инженерным имуществом [30; 31. С. 79]. Видимо, осознав бессмысленность для себя дальнейшей службы на стороне колчаковских сил, наш герой решил не идти дальше. Он остался в городе и 14 декабря 1919 г. в составе подвижной артиллерийской мастерской сдался в плен РККА, явившись к военному коменданту города. О своей службе в рядах старой и белой армий коллежский асессор Бутримович емко подытоживал в

1923 г. в анкете: «В боях участия не принимал, наград не имел» [21. Л. 131]. Утверждение это выглядит лукавым, но наиболее «оптимальным» для социальной интеграции «бывшего человека» в советской России. Во-первых, его стабильная непорочная дореволюционная служба подразумевала награждение какими-либо наградами или нагрудными знаками (как минимум за выслугу лет); во-вторых, его бытность у белых в 1919 г. так или иначе предполагала нахождение в прифронтовой полосе. Забегая вперед, отметим, что такая «стандартная» и «нейтральная» фраза, очевидно, была «маскировкой» нашего героя в целях обеспечения «политической безопасности» ему и его семье.

Но возникавшая острая ситуация в судьбе Михаила Бутримовича скоротечно разрешилась, как и годом ранее. Для РККА и советских учреждений обладавшие образовательным цензом и служебным опытом военные чиновники, наряду с офицерами, являлись стратегическим человеческим ресурсом. Очевидно, что кадровый дефицит административного состава в РККА обусловил повторную службу героя статьи на стороне советской власти. С 7 января 1920 г. М.А. Бутримович, 40-летний опытный специалист-практик, поступил в распоряжение отдела снабжения 151-й бригады 51-й стрелковой дивизии РККА, получив непометное назначение на должность делопроизводителя по инженерно-артиллерийской части. С 16 апреля 1920 г. Михаила Александровича прикомандировали к управлению названной дивизии, откуда 13 мая 1920 г. передали в распоряжение штаба Омского военного округа с оставлением в штабном резерве и прикомандированием к Омскому губернскому военкомату [20. Л. 4 об.; 21. Л. 130 об.–131]. Такое перемещение объяснимо особой ценностью «старых» технических специалистов для РККА. Профессиональные навыки в данном случае становились неким гарантом успешной социальной адаптации к новым условиям.

В то же время для органов ВЧК офицеры и военные чиновники, как некогда привилегированные представители дореволюционного общества (подробнее об этом: [34]), являлись «политически неблагонадежными элементами», требуя бдительного отношения. В период Гражданской войны была выработана система их особого учета – как упредительная контрольная мера со стороны чекистов [18]. С тех лет работа советских спецслужб с бывшими белогвардейцами оформилась как самостоятельное эволюционирующее направление деятельности [32. С. 126–146, 220–221; 33. С. 70–71].

Примечательно, что коллежский асессор белой армии Бутримович на рубеже 1919–1920 гг. не подвергся сразу же каким-либо проверочным мероприятиям со стороны органов ВЧК (в отличие от основной массы плененных белогвардейцев). Ожидая нового назначения, как бывший белый военный чиновник, Михаил Бутримович прошел фильтрацию лишь весной 1920 г. через политические комиссии при Омском губернском военкомате и штабе Западно-Сибирского военного округа [21. Л. 130 об.]. В те годы в Омске действовала Высшая военная школа Сибири (ВВШС),

готовившая командные кадры для РККА. В числе преподавательского состава школы было немало известных военспецов, представителей военной и гражданской интеллектуальной элиты, перешедших с поражением белой армии на сторону советской власти – генералы В.И. Кедрин (1866–[после 1931]), Н.Н. Артамонов (1872–1937), Н.Е. Вараксин (1862–1937), полковник П.П. Голышев (1869–1934) и др. [35. С. 141; 36. С. 287; 37. С. 37].

Наш герой 11 сентября 1920 г. был назначен в образцовый учебный отряд ВВШС, где последовательно занимал должности делопроизводителя строевой части, техника батареи, помощника начальника штаба. Ввиду расформирования отряда 31 декабря 1921 г. Михаил Александрович стал членом ликвидационной комиссии; по окончании ее работ с 15 января 1922 г. и до упразднения ВВШС в январе 1923 г. Бутримович служил старшим делопроизводителем, затем начальником строевой канцелярии ВВШС [20. Л. 4 об.; 21. Л. 130 об.–131; 38. Л. 21 об.]. Стоит сказать, что в 1921–1922 гг. в связи с сокращением РККА последовало массовое увольнение бывших офицеров и военных чиновников [39. С. 18]. Примечательно, что в этот момент в отношении Бутримовича его руководством было возбуждено ходатайство, позволившее Михаилу Александровичу еще порядка года служить в РККА. В апреле 1923 г. с ликвидацией ВВШС Бутримович был уволен из рядов РККА с зачислением в запас командного состава средней группы 5-й категории (командир роты и ему соответствующие) по Омскому уездному военкомату [19. Л. 1 об.].

Как и многие другие бывшие белогвардейцы, уволенные из РККА, наш герой продолжил встраивание в советский социум теперь уже как штатский специалист. Гражданскую службу Бутримович начал в достаточно престижном советском учреждении, поступив 27 апреля 1923 г. делопроизводителем в Омский губернский (с 1925 г. – окружной) финансовый отдел. С 3 ноября 1926 г. Михаил Александрович в названной структуре заведовал канцелярией 1-го финансового участка [20. Л. 5 об.]. Вместе с М.А. Бутримовичем в те годы в финотделе служили еще 9 бывших офицеров и 6 бывших военных чиновников (что составляло 9% от общего числа служащих учреждения) (подсчет авт. по: [40. Л. 331–344]). В числе выдающихся работников учреждения в те годы был упомянутый Н.Н. Артамонов – военный финансист армии Колчака, сослуживец нашего героя по ВВШС [36. С. 288–289].

Оставаясь беспартийным и, по всей видимости, аполитичным человеком, Михаил Бутримович вступил лишь в профсоюз советских торговых служащих, политической и общественной активности более не проявлял. О своих воззрениях он лаконично, осторожно и весьма тенденциозно высказывался: «[испытываю] сочувственное [отношение] к настоящему строю» [20. Л. 1 об.; 21. Л. 130–131 об.]. Видимо, здесь мог сказаться опыт преследования 1918 г., фильтрации 1920 г.: Михаил Александрович выбрал для себя «тактику молчания и невмешательства».

В числе сотен других представителей бывших военнослужащих, относившихся к командно-адми-

нистративному составу белых армий, коллежский ассессор Бутримович с 1920 г. состоял на особом учете в органах ВЧК–ОГПУ по месту своей службы, а затем проживания. Через Омский губернский военкомат 12 января 1924 г. было возбуждено ходатайство о снятии нашего героя с особого учета. Прошение было удовлетворено; с 1 января 1925 г. бывший военный чиновник был оставлен лишь на учете в Омском окружном военкомате [41. Л. 7 об.; 63; 42. Л. 125 об.; 43. Л. 2 об.; 44. Л. 2 об.; 45. Д. 1. Т. 1. Л. 208, Д. 2. Л. 42].

Обрести новую прочную служебную основу, продемонстрировав и доказав новой власти и обществу свою политическую благонадежность, для Михаила Александровича было важно, прежде всего, поскольку на 1923 г. он был главой большой семьи. С супругой Марией Петровной (42 лет, домохозяйка) они воспитывали сыновей Валентина (14 лет) и Леонида (12 лет), дочь Тамару (9 лет), учившихся в школе. С другими своими близкими родственниками – отцом (отставным военным чиновником) и братом (служащим телеграфа) наш герой, по его утверждению, утратил связь еще в 1918 г. [20. Л. 130].

Конец 1920-х гг. был ознаменован началом масштабных чисток советских учреждений [46. С. 177]. Точных сведений нам выявить не удалось, но в случае с произошедшим 13 февраля 1928 г. уходом Бутримовича из Омского окружного финансового отдела негативную роль вполне могло сыграть «белогвардейское прошлое». Официально он был «уволен по сокращению и рационализации аппарата» [20. Л. 5 об.]. Но есть данные о том, что летом 1927 г. Омский окружной отдел ОГПУ запрашивал количественные и качественные данные о сотрудниках финотдела [40. Л. 330]. Мы допускаем, что в рамках этих действий могла актуализироваться некая «политически нежелательная» информация о герое статьи.

Увольнению Бутримовича из советского учреждения предшествовал иной неприятный инцидент в его биографии. Во второй половине 1920-х гг. значительная часть проживавших в СССР бывших офицеров и военных были лишены избирательных прав. Причем недавняя служба этих людей в РККА и советских учреждениях в ряде случаев абсолютно не бралась расчет (см. подробнее: [47]). Эта процедура оставила после себя богатое документальное наследие [16. С. 53; 48]. В то же время удалось найти краткие сведения о том, что герой статьи, как бывший коллежский ассессор белой армии, попал (относительно ненадолго) в категорию лишенцев. Тем не менее в мае 1927 г. Омским городским советом он был восстановлен в избирательных правах [49. Л. 6].

По всей видимости, эти обстоятельства привели к тому, что М.А. Бутримович, как представитель категории «бывших людей», имевший в воззрениях нового социума очевидный «антисоветский след», в течение двух лет не мог найти постоянную трудовую занятость. С апреля 1928 г. по март 1930 г. он состоял на временных работах служащим в Омском государственном складе «Кавминэкспорта», Омском городском комитете хозяйства, складе Омского домового треста, Омском окружном кредитном союзе сельскохозяйственной и кредитной кооперации [19. Л. 6 об.].

Еще в 1925 г. старший сын героя статьи, поступая на советскую службу, предусмотрительно указывал в автобиографии о том, что его родители являются служащими. Об отце Валентин Бутримович лаконично и многозначительно написал «пиротехник», не сообщив ничего о военной службе отца [50. Л. 12].

О жизни героя статьи в начале 1930-х гг. удалось выявить не так много сведений. Несмотря на жизненные неурядицы, вызванные политическими коллизиями, Михаил Александрович в 1933 г. смог вернуться к военному делу, став пиротехником на военноразрядной базе № 2, дислоцированной в городе Карачеве Западной области (ныне территория Брянской области) [51. Л. 4]. Определить точно служебный статус М.А. Бутримовича в этот период не удалось, но, по всей видимости (исходя, прежде всего, из возраста), он мог являться вольнонаемным служащим РККА. Но профессиональный статус, функциональные обязанности и тип военного учреждения (стационарная база, тыловой артиллерийский орган) во многом соответствовали условиям службы нашего героя в начальный этап его военной карьеры с момента перевода в Сибирь в 1904 г.

Рубеж 1920–1930-х гг. в СССР был ознаменован резким ужесточением политической и общественной жизни, активизацией репрессивной политики, одним из «направлений» которой являлись бывшие офицеры и военные чиновники, служившие в РККА или ставшие гражданскими специалистами. В европейской России самым масштабным стало сфабрикованное ОГПУ дело «Весна» 1930–1931 гг. (см. об этом: [52–54]).

В жернова советской карательной системы попал тогда и Михаил Бутримович. Он был арестован 9 февраля 1933 г. сотрудниками ОГПУ. Вероятной причиной тому мог быть донос или чьи-либо ложные показания. В статусе подозреваемого Михаил Александрович провел порядка полугода. Следствие, как подчеркивалось в обвинительном заключении от 13 июля 1933 г., инкриминировало задержанному то, что он, «будучи классово-чуждым, недоволен существующим строем, <...> являлся одним из инициаторов создания антисоветской группировки среди работников военноразрядной базы. Устраивал, как у себя на квартире, так и [у] других участников группировки, попойки, где вели явно антисоветские, контрреволюционные, повстанческого характера суждения, высказывался за организацию восстания против сов[етской] власти. Являясь пиротехником базы, специально производил работы по выжиганию и подрыву снарядов так, что были неоднократно взрывы штабелей снарядов, что угрожало взрывом всей базе и воен[ному] складу № 28, каковые преступные деяния предусмотрены п[у]нктами 10 и 11 ст[атьи] 58 УК [РСФСР]» [51. Л. 187]. Таким образом, в «видении» правосудия тех лет М.А. Бутримович «классифицировался» как типичный антисоветский агитатор и организатор контрреволюционных преступлений [55. С. 28]. Причем предъявленное обвинение, судя по фабуле, имело связь с «антисоветским прошлым» героя статьи; оно было «характерным» для бывших белогвардейцев, массово репрессированных в те годы в СССР.

Постановлением судебной тройки полномочного представительства ОГПУ по Западной области от 8 августа 1933 г. Михаил Александрович Бутримович был признан виновным в совершении инкриминируемых ему преступлений и «заключен в конц[ентрационный] лагерь сроком на три года, считая срок с 9 февраля 1933 г.» [51. Л. 189]. К сожалению, о дальнейшей судьбе героя статьи возможно говорить, вероятно, лишь в контексте предположений, поскольку проследить его жизненный финал не представилось возможным.

В рамках реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» на основании заключения Прокуратуры Брянской области от 18 августа 1989 г. Михаил Александрович Бутримович был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления [51. Л. 190–191].

В наши дни изучение, репрезентация и преподавание российской истории (в том числе ее «проблемных», «болевых» аспектов) отчасти продолжают носить политизированный характер [56. С. 78; 57. С. 13]; из-за этого интерпретация событий, явлений может быть зависима от субъективных взглядов исследователя. В связи с этим, по нашему мнению, оценка военнореволюционного периода 1917–1920 гг. и последовавших в нашей стране событий должна иметь некое взвешенное и отстраненное от политических пристрастий видение. Примером тому может послужить именно «личностное» измерение истории, в том числе относительно человека на войне или в армейской системе, — на что и нацеливает нас военная антропология.

Судьба героя повествования во многом показательна. Во-первых, кадровый армейский служащий М.А. Бутримович в крайне нестабильный для российского государства и общества период предпринимал активные шаги, направленные на социальную адаптацию к постоянно, подчас кардинально меняющимся агрессивным условиям. Жизнь Михаила Александровича, его профессиональное складывание и карьеру до 1917 г. («традиционные» по дореволюционным меркам) можно назвать наиболее успешными с точки зрения самореализации. Революционные события в стране хронологически совпали с пиком его карьеры по линии Военного ведомства. Первое десятилетие после Гражданской войны для Михаила Бутримовича также было относительно стабильным: он, будучи человеком зрелого возраста и состоявшейся личностью, проявил высокую социальную мобильность, сменив ряд профессий от узкоспециализированного военного специалиста до гражданского финансового и канцелярского служащего, выйдя из категории лишенцев, благодаря чему вновь связал себя с армией. Однако смена политического курса, последовавшие репрессии 1930-х гг. ознаменовали для М.А. Бутримовича мрачные перспективы на будущее.

Во-вторых, вызывает интерес динамика поведения и психологии М.А. Бутримовича. В апогей своего профессионального пути, он — состоявшийся зрелый человек, глава семьи — проявил наибольшую политическую и общественную активность (что опять же

говорит о высокой социальной мобильности). Однако впоследствии, судя по поведению, стремился скорее к «пассивному большинству». Ища себя в чуждом советском социуме, вместе с тем оберегая себя и близких, Михаил Александрович, подобно тысячам других «исполняющих приказ» бывших офицеров и чиновников армии (формировавших единую категорию общества как до 1917 г., так и после), продолжал честно служить на благо власти, существовавшей там, где он находился на текущий момент. Но без таких людей строительство любого нового режима и формирование его общества было бы невозможным. Тактика адаптации офицеров и военных чиновников в советской России, как и всех «бывших людей», была во многом типична и схожа, логично тяготея к поиску прежнего рода службы на благо нового режима.

В-третьих, судьба героя статьи – не только тернистый жизненный путь. Она, прежде всего, иллюстрирует характер эпохи, наглядно демонстрируя последствия вызванных военными условиями социально-политических катаклизмов, оказавших влияние на военнотружущих и не только. Причем через индукцию антропологическое видение исторических процессов, открывающееся сквозь биографическую призму, подразумевает выход на более глобальные проблемы, нацеливая в том числе на осмысление истории ментальности, а также военной и политической повседневности первой трети XX в.

Автор благодарит УФСБ России по Брянской области и лично А.И. Азудова за помощь при сборе материалов для подготовки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень : ТюмГУ, 2003. 208 с.
2. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М. : СПб : Центр гуманит. инициатив, 2018. С. 239–262.
3. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 69–73.
4. Анфетьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук : сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М. : РГГУ, 2011. С. 319–328.
5. Бажуков В.И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Вестник военного университета. 2008. № 3. С. 37–45.
6. Бажуков В.И. Философские проблемы военной антропологии // Вестник московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 2. С. 84–94.
7. Газиева Л.Л. Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 118–124.
8. Гладышев А.Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
9. Кожевин В.Л. Войны России XX столетия в историко-антропологическом измерении // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 9–13.
10. Разиньков М.Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken : Lap Lambert, 2012. 187 с.
11. Сениянская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. С. 14–25.
12. Сениянская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
13. Чуракова О.В. Ресурсы военно-исторической антропологии и исследовательский дискурс истории эмоций // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10, № 2. С. 134–138.
14. Кожевин В.Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск : ОмГУ, 2011. 260 с.
15. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2019. 320 с.
16. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». Омск: Амфора, 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.
17. Волков С.В. Русский офицерский корпус. 2-е изд. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.
18. Абиякин Р.М. Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128.
19. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Бывшие белые офицеры в зеркале массовых документов первых лет советской власти // Гражданская война на востоке России : объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.). Омск : Амфора, 2015. С. 125–131.
20. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р–78. Оп. 2. Д. 39.
21. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 30.
22. Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса Русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 103–117.
23. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 14. СПб. : Тип. Товарищества «Просвещение», 1904. 794 с.
24. ГИАОО. Ф. Р–1376. Оп. 1.
25. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. 625 с.
26. Стельмак М.М. К вопросу о репрессивном характере внутренней политики Российского правительства А.В. Колчака // Актуальные проблемы изучения истории гражданской войны в России : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию гос. архивной службы России (Омск, 15 ноября 2019 г.). Омск : ОмЮА, 2019. С. 134–146.
27. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. 2-е изд., уточн. М. : Политиздат, 1990. 431 с.
28. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
29. Симонов Д.Г. Восточный фронт армий адмирала А.В. Колчака (июнь–ноябрь 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 45–52.
30. На красных фронтах. Восточный фронт // Советская Сибирь (Омск). 1919. 17 декабря. С. 1.
31. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.) : мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.
32. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.

33. Сушко А.В. От «революционной законности» к «революционной целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ – ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 70–81.
34. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М. : Мир истории, 2003. 247 с.
35. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4. С. 137–145.
36. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937) : биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
37. Петин Д.И. Военный инженер и педагог полковник Павел Павлович Голышев: аспекты биографии и служебной деятельности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 35–41.
38. ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 36.
39. Абиякин Р.М. Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2015. № 5. С. 18–21.
40. ГИАОО. Ф. Р-1337. Оп. 4. Д. 1.
41. ГИАОО. Ф. Р-270. Оп. 2. Д. 16.
42. ГИАОО. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 392.
43. ГИАОО. Ф. Р-950. Оп. 2. Д. 6.
44. ГИАОО. Ф. Р-1396. Оп. 3. Д. 2.
45. ГИАОО. Ф. Р-1519. Оп. 1.
46. Котов А.С. Социальный состав советской интеллигенции в 1920-е гг. (на примере Череповецкой губернии и Череповецкого округа) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 176–180.
47. Килин А.П. Автобиография как средство реабилитации (на материалах личных дел «лишенцев») // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 267–288.
48. Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.
49. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 5.
50. ГИАОО. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 33.
51. Архив Управления ФСБ России по Брянской области. Ф. 7. Д. П-13408.
52. Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М. : Моск. общественный научный фонд, 2000. 496 с.
53. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 260–272.
54. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 261–291.
55. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 423 с.
56. Сушко А.В. К вопросу о негативном влиянии современных организационно-педагогических условий на преподавание истории России (размышления к Первому Всероссийскому съезду преподавателей истории в вузах России) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 76–81.
57. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, ее можно дописать...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 августа 2021 г.

College Assessor Mikhail Butrimovich: The Fate of the Army Official in the Mirror of Military Anthropology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 166–174.

DOI: 10.17223/15617793/469/22

Dmitriy I. Petin, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

Keywords: military anthropology; military officials; Russian Imperial Army; Civil War; White Movement; Red Army; Soviet society; repression; lishentsy.

Modern Russian science pays considerable attention to the study of the Revolution and the Civil War, as well as the life of the Army in that period, from the standpoint of personal social history and military anthropology. Researchers today are increasingly turning to the problem of the “little man” – an ordinary participant in those events. The aim of this publication is to reconstruct the biography of Mikhail Aleksandrovich Butrimovich (1880– [1933]), which is indicative of the period, in a problematic vision at the intersection of military history and military anthropology. The reconstruction is based on historical sources the author of the article identified. The analysis of Butrimovich’s fate reveals the situation of “former people” in the RSFSR–USSR. Such people included representatives of the command and administrative staff of the Old and White Armies. To achieve the aim of the study, it is necessary to solve the following problems: (1) to describe the tactics and methods of social adaptation of former military officials as part of the Army to the cataclysms in the Russian state and society in the period from 1917 till the 1930s; (2) to assess Butrimovich’s behavior in this period; (3) to determine the scientific aspects that an anthropological study of the situation of former army officers and officers during the Civil War and pre-war Soviet society gives access to. The basis for the preparation of the study was a set of unpublished sources from the funds of the Historical Archive of Omsk Oblast and the Archive of the Office of the FSB of Russia in Bryansk Oblast. These are Butrimovich’s biographical documents; materials on Butrimovich’s being on military and special records in the bodies of the Cheka-OGPU, depriving him of suffrage and restoring his voting rights; materials of the archival criminal case by the OGPU bodies on Butrimovich’s political prosecution. The connection between the general historiography of the topic and the issue under study is given. The anthropological approach and the biographical method, based on the genre of the publication, formed the theoretical basis of the study. Particular attention in the publication is paid to the study of Butrimovich’s professional activities. The biography presented to the reader is an example of success in a number of aspects of social adaptation to the conditions of the military revolutionary period of 1917–1920 and its consequences in Soviet Russia. According to the results of the study, the author states that, in relation to the considered case, the anthropological vision of the past focuses on understanding the history of mentality, military and political everyday life of the first third of the twentieth century. The work is addressed to a wide range of readers, including specialists who study military history, military anthropology, the Civil War in Russia, Soviet society, and Soviet repressive politics in the pre-war period.

REFERENCES

1. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* [Man in the conditions of the Civil War in the Urals: the historiography of the problem]. Tyumen: Tyumen State University.
2. Tsvetkov, V.Zh. (2018) Osnovnye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [The main tendencies and perspectives of the study of the White Movement]. In: Pavlov, D.B. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia during the Civil War, 1917–1922: essays on history and historiography]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanit. Initsiativ. pp. 239–262.
3. Shishkin, V.I. (2010) Problemy sotsial'noy adaptatsii naseleniya Rossii: istoriograficheskie itogi i perspektivy izucheniya [Problems of social adaptation of the population of Russia: historiographic results and perspectives of study]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 69–73.
4. Anfert'ev, I.A. (2011) [New trends in modern Russian historiography. Military-historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of the new branch of historical science]. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossiavedenie. Obshchestvennye funktsii gumanitarnykh nauk: Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010* [Theory and methodology of humanitarian knowledge. Russian studies. Social functions of the humanities: Humanitarian Readings of the Russian State Humanitarian University–2010]. Conference Proceedings. Moscow. 26 March – 1 April 2010. Moscow: RSUH. pp. 319–328. (In Russian).
5. Bazhukov, V.I. (2008) Voennaya antropologiya: ob'ekt, predmet, napravleniya, metodologiya [Military anthropology: object, subject, directions, methodology]. *Vestnik voennogo universiteta*. 3. pp. 37–45.
6. Bazhukov, V.I. (2009) Filosofskie problemy voennoy antropologii [Philosophical problems of military anthropology]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2. pp. 84–94.
7. Gazieva, L.L. (2014) Nekotorye metodologicheskie problemy voenno-istoricheskoy antropologii [Some methodological problems of military-historical anthropology]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 6. pp. 118–124.
8. Gladyshev, A.N. (2017) Antropologicheskii povорот v voennoy istorii [Anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem*. 59. pp. 136–150.
9. Kozhev, V.L. (2010) Voyny Rossii XX stoletiya v istoriko-antropologicheskom izmerenii [20th century Wars of Russia in the historical and anthropological dimension]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2. pp. 9–13.
10. Razin'kov, M.E. (2012) *Belye, krasnye, interenty: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voenno-istoricheskaya antropologiya* [Whites, Reds, invaders: psychology of armed confrontation: military-historical anthropology]. Saarbrücken: Lap Lambert.
11. Senyavskaya, E.S. (2016) Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoy nauchnoy otrasli [Military anthropology: the experience of the formation and development of the new branch of science]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1–2. pp. 14–25.
12. Senyavskaya, E.S. (2018) Chelovek na voyne, ili ternisty put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [A person in war, or a thorny path from military history to military anthropology]. *Istoricheskiy vestnik*. 24. pp. 10–43.
13. Churakova, O.V. (2016) Resursy voenno-istoricheskoy antropologii i issledovatel'skiy diskurs istorii emotsiy [Resources of military-historical anthropology and research discourse of the history of emotions]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 10 (2). pp. 134–138.
14. Kozhev, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: Omsk State University.
15. Ganin, A.V. (2019) *Russkiy ofitser'skiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny. Protivostoyanie komandnykh kadrov. 1917–1922 gg.* [Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command personnel. 1917–1922]. Moscow: Tsentrpoligraf.
16. Alekseeva, O.A., Zhuravlev, E.N. & Sushko, A.V. (2018) Review of the Publication “White Officers – Red Power”: A Nominal Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (Late 1919–1920s). *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2 (3). pp. 44–55. (In Russian).
17. Volkov, S.V. (2003) *Russkiy ofitser'skiy korpus* [Russian officer corps]. 2nd ed. Moscow: Tsentrpoligraf.
18. Abinyakin, R.M. (2013) Byvshie belye ofitsery v RKKA v 1920-e gody [Former White officers in the Red Army in the 1920s]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 116–128.
19. Petin, D.I. & Kononova, H.A. (2015) Byvshie belye ofitsery v zerkale massovykh dokumentov pervykh let sovet'skoy vlasti [Former White officers in the mirror of mass documents of the first years of Soviet power]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: ob'ektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil War in the east of Russia: an objective look through the documentary heritage]. Conference Proceedings. Omsk. 12–13 November 2014. Omsk: Amfora. pp. 125–131.
20. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–78. List 2. File 39.
21. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–217. List 3. File 30.
22. Simonov, D.G. (2015) Sotsial'naya mobil'nost' ofitser'skogo korpusa Russkoy armii vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Social mobility of the officer corps of the Russian Army during the First World War]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 3. pp. 103–117.
23. Anon. (1904) *Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znaniya* [Great Encyclopedia. Dictionary of publicly available information on all branches of knowledge]. Vol. 14. Saint Petersburg: Tip. Tovarishchestva “Prosvetshchenie”.
24. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–1376. List 1.
25. Anon. (1957) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Vol. I. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
26. Stel'mak, M.M. (2019) [On the repressive nature of the domestic policy of the Russian government of A.V. Kolchak]. *Aktual'nye problemy izucheniya istorii grazhdanskoy voyny v Rossii* [Topical issues of research on the history of the Civil War in Russia]. Conference Proceedings. Omsk. 15 November 2019. Omsk: Omsk Law Academy. pp. 134–146. (In Russian).
27. Kakurin, N.E. (1990) *Kak srazhalas' revolyutsiya* [How the revolution fought]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
28. Lar'kov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general* [A Siberian White General]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Simonov, D.G. (2011) Vostochnyy front armiy admirala A.V. Kolchaka (iyun'–noyabr' 1919 g.) [The eastern front of the armies of Admiral A.V. Kolchak (June–November 1919)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 45–52.
30. *Sovetskaya Sibir'* (Omsk). (1919) Na krasnykh frontakh. Vostochnyy front [At the Red fronts. Eastern front]. 17 December. p. 1.
31. Petin, D.I. (2019) Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of the Red Cross N.N. Volkov. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 3 (4). pp. 63–84. (In Russian).
32. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2017) “Strazhi revolyutsii”: organy GPU–OGPU v Omskom Priir'tysh'e [“Guards of the revolution”: organs of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh region]. Omsk: Omsk State Technical University.
33. Sushko, A.V. (2018) From Revolutionary Legality to Revolutionary Expediency: Evolution of Relations the GPU–OGPU and Prosecutors During the New Economic Policy (on the Example of the Omsk Irtysh Region). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8 (1). pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.105
34. Smirnova, T.M. (2003) “Byvshie lyudi” Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody [“Former People” of Soviet Russia. Survival strategies and ways of integration. 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.
35. Zhukova, N.S. & Petin, D.I. (2018) Voennyi inzhener i pedagog general-mayor N.E. Varaksin (1862–1937) – sovremennik tragicheskogo veka [Military engineer and teacher Major General N.E. Varaksin (1862–1937) - a contemporary of the tragic age]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*. 4. pp. 137–145.

36. Petin, D.I. & Kaminskiy, V.V. (2017) General-mayor Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): biography through the prism of new sources]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 275–300.
37. Petin, D.I. (2020) Military Engineer and Educator Colonel Pavel Pavlovich Golyshev: Aspects of Biography and Performance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 65. pp. 35–41. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/65/5
38. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–217. List 1. File 36.
39. Abinyakin, R.M. (2015) Izmenenie chislennosti byvshikh ofitserov sredi nachal'stvuyushchego sostava RKKA v 1920-e gody [Change in the number of former officers among the commanding staff of the Red Army in the 1920s]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military-Historical Journal*. 5. pp. 18–21.
40. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-1337. List 4. File 1.
41. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-270. List 2. File 16.
42. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-361. List 1. File 392.
43. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-950. List 2. File 6.
44. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-1396. List 3. File 2.
45. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-1519. List 1.
46. Kotovm, A.S. (2013) Sotsial'nyy sostav sovetskoy intelligentsii v 1920-e gg. (na primere Cherepovetskoй gubernii i Cherepovetskogo okruga) [The social composition of the Soviet intelligentsia in the 1920s (on the example of Cherepovets Province and Cherepovets Okrug)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 6. pp. 176–180.
47. Kilin, A.P. (2018) Avtobiografiya kak sredstvo reabilitatsii (na materialakh lichnykh del “lishentsy”) [Autobiography as a means of rehabilitation (based on the personal files of the “disenfranchised”)]. *Dialog so vremenem*. 63. pp. 267–288.
48. Salamatova, M.S. (2015) “Luchshe by rasstrelyali menya srazu...”: sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom krae (1921–1929 gg.) [“It would have been better if they had shot me right away ...”: the fate of the officers of the White armies in the Siberian region (1921–1929)]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. XVII. pp. 214–228.
49. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-235. List 7. File 5.
50. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-257. List 2. File 33.
51. Archive of the Office of the FSB of Russia in Bryansk Oblast. Fund 7. File P-13408.
52. Tinchenko, Ya. (2000) *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930–1931 gody* [The Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931]. Moscow: Mosk. obshchestvennyy nauchnyy fond.
53. Ganin, A.V. (2014) Arkhivno-sledstvennoe delo voennogo uchenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg. [Archival investigation of the military scientist A.A. Svechin. 1931–1932]. *Vestnik arkhivista*. 2. pp. 260–272.
54. Ganin, A.V. (2014) Arkhivno-sledstvennoe delo voennogo uchenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg. [Archival investigation of the military scientist A.A. Svechin. 1931–1932]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 261–291.
55. RSFSR. (1938) *Ugolovnyy kodeks RSFSR 1926 goda* [1926 Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
56. Sushko, A.V. (2018) On Issue of Negative Impact of Modern Organizational and Pedagogical Conditions on Teaching of Russian History (Reflections on the First All-Russian Congress of History Teachers in Russian Universities). *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 1. pp. 76–81.
57. Kantor, Yu.Z. (2019) “The history cannot be rewritten, it can be added ...”. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 4 (1). pp. 9–15. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15

Received: 01 August 2021

Л.В. Петрич

ОСОБЕННОСТИ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ (1920–1930-е гг.)

Раскрыта деятельность советского государства по ликвидации неграмотности и малограмотности в сельских районах Оренбуржья. Указывается, что особенностями данного процесса являлись учет условий быта и сельскохозяйственного труда, многонациональный состав сельского населения; активно использовалось шефство рабочих города над деревней. Со второй половины 1920-х гг. применялись чрезвычайные методы, с начала массовой коллективизации культпоход принял форму агроколхозпохода, усилился соревновательный момент при организации обучения.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности; сельское население; ликпункты; ликвидаторы; культармейцы; культпоход; Оренбуржье.

Актуальность обращения к опыту советского государства по ликвидации малограмотности и безграмотности сельского населения в 1920–1930-е гг. обусловлена научным интересом к тому, как и с помощью каких форм и методов решалась эта проблема, позволившая в короткий срок перейти от чрезвычайных мер к выстраиванию системы общего образования взрослых, что в конечном итоге дало возможность стране с невысоким процентом неграмотного населения превратиться в государство с достойным уровнем образования, культуры, науки.

К настоящему времени история ликвидации неграмотности в Советской России на раннем этапе ее истории получила отражение во многих исследованиях, однако эта тема не перестает быть актуальной для современной науки. Если для советской историографии важным было показать, что ликвидация безграмотности являлась одним из сегментов успешной, чрезвычайно результативной культурной революции [1–6], то для современных исследователей больший интерес представляет выявление того, как осуществлялся процесс приспособления указанной кампании к сезонности сельскохозяйственных работ, учитывались ли крестьянский менталитет и т.д. [7–9]. Региональные исследования дополняли общую картину ликвидации неграмотности, показывая особенности оренбургского советского села. Так, например, диссертационное исследование Н.И. Сайгина в силу богатейшей историографической базы до сих пор не потеряло своей актуальности для современных исследователей [10]. Новейшая историография пополнилась обобщающей монографией М.В. Попова, в которой представлена деятельность государственных органов и общественных организаций по ликвидации неграмотности уральского крестьянства, перечислены административные меры, практикуемые в начале массовой коллективизации [11]. О применении чрезвычайных методов во время культпохода в селах Оренбуржья писал в своей докторской диссертации С.С. Загребин [12]. Региональные исследователи пишут, что в сельской местности элементы принуждения при ликвидации неграмотности использовались особенно интенсивно [13].

Статья основана на материалах, помещенных в Государственном архиве РФ (далее – ГАРФ). Это прежде всего Ф. А 2314 – Всероссийская чрезвычай-

ная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности (ВЧКЛБ) при наркомате просвещения РСФСР. Здесь помещены Положения о ВЧКЛБ, о губернских комиссиях по ликвидации безграмотности, о секциях национальных меньшинств ВЧКЛБ. Среди региональных архивов стоит отметить Оренбургский государственный архив социально-политической истории (далее – ОГАСПИ). Здесь большую ценность имеют фонды 371 – Оренбургский областной комитет ВКП (б), 267 – Оренбургский городской комитет РКП (б)-ВКП (б), а также фонд 1 – Оренбургский губернский комитет РКП (б)-ВКП (б), в которых имеются протоколы партийных конференций и пленумов, губернских комитетов, на которых решались важнейшие вопросы культурного строительства в области.

Обращение к материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., содержащим итоговые цифры переписи по Чкаловской области за 1926 и 1939 гг., позволило нам не только уточнить фактические данные, но и сопоставить их в ходе сравнительного анализа [14].

Приступая к выявлению особенностей ликвидации неграмотности в советском селе Оренбуржья, необходимо отметить, что работа подобного плана берет свое начало в конце XIX – начале XX вв. [15–18]. Однако ни о каком общегосударственном уровне речь не шла: культуру «поднимали» в основном земские органы и общественные организации. Все изменилось при новом политическом режиме, причем коренным образом. В 1919 г. новые органы власти издали декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», в котором впервые на общегосударственном уровне объявлялось об обязательном обучении грамоте всего населения в возрасте от 8 до 50 лет [19]. Во исполнение этого декрета вышел приказ Оренбургского губисполкома о ликвидации неграмотности среди населения губернии в связи с изданием декрета СНК от 26 декабря 1919 г., согласно которому все граждане от 14 до 50 лет должны были обязательно записаться в школы грамоты, а за «неаккуратное посещение школы без уважительных причин» учащиеся наказывались вплоть до отправки на принудительные работы [20].

Особое внимание в ликвидации неграмотности и малограмотности уделялось крестьянскому насе-

нию, так как Россия продолжала оставаться аграрной страной и большинство жителей проживало в селах.

Данные табл. 1 показывают, что в 1926 г. сельское население составляло 85,8% от всего проживающего в губернии населения, а в 1939 г. это число составило 77,3%. Кроме того, уровень грамотности сельского населения был значительно ниже, чем городского: в 1926 году уровень грамотности городского населения от 9 лет и старше составлял 74%, а сельского – 44% (подсчитано по: [14. С. 183]). Представленные цифры наглядно показывают все масштабы данной проблемы.

Таблица 1

Численность населения Чкаловской области по переписям
1926 и 1939 гг. (сост. по: [14. С. 180])

Чкаловская область	По переписи 1926 г.	По переписи 1939 г.
Все население	1 499 533	1 676 668
Городское население	212 828	379 927
Сельское население	1 286 703	1 296 741

Первая половина 1920-х гг. стала особо проблемной для ведения намеченной ликвидации неграмотности на селе в Оренбуржье. Село еще не отошло от последствий Гражданской войны, к ним присоединился голод 1921 г. Образовательная и культурная работа практически сошла на нет. Школы и библиотеки подверглись расхищению, отсутствовало освещение. Кадровый голод, отсутствие методических материалов, писчих принадлежностей, книг не давали развернуться работе [21. Л. 3].

Селения с нерусским населением наиболее трудно поддавались кампании по ликвидации неграмотности. В 1925 г. при обследовании киргизских ликпунктов Домбаровской и Орской волостей отмечалась «значительная пассивность местного населения, отсутствие зданий для школ и учебных пособий». Обучение затруднялось также из-за низкой плотности населения киргизских аулов и инерцией женского населения [22; 23. Л. 7]. Недостаток финансовых средств на проведение культурно-просветительной работы государственные органы пытались компенсировать за счет самообложения населения. В Оренбургской губернии в 1924 г. натуральное самообложение прошло по двум волостям Орского уезда и всем волостям Каширинского уезда. Средства шли на отопление и ремонт просветительных учреждений, постройку зданий, покупку учебно-методических пособий, выдачу единовременного пособия работникам просвещения [24. Л. 57–57 об.].

С начала 1920-х гг. стало широко применяться шефство рабочих городов над деревней. В 1924 г. в Оренбургской губернии была создана подшефная комиссия губернского комитета РКП (б). Шефство бралось над самыми отсталыми в культурном отношении селами, такими, например, как аул Буртинской волости Оренбургского уезда: население аула было более чем на 90 % неграмотным. Орская шефская комиссия в 1925 г. сделала 83 выезды в 10 подшефных деревень, провела 129 докладов и 39 спектаклей [25. Л. 91]. Работу в подшефных селах начинали прежде всего с учета всех неграмотных, проводилась беседа о важности ликвидации неграмотности, все неграмотное делилось на группы, к которым прикреплялись члены ячейки общества «Долой неграмотность» [26. Л. 4, 15]. Деревенские ячейки рас-

ходили свои денежные средства в следующем порядке: 75% шли на нужды ликвидации неграмотности и 25% – на агитацию за грамотность [27. Л. 18].

Увлечение революционной «чрезвычайщиной» не могло не перекинуться и на исследуемую нами кампанию: в 1924 г. в честь пятилетия декрета о ликвидации неграмотности по всем уездам губернии были проведены однодневник и трехдневник, в ходе которых все неграмотные и малограмотные вовлекались в ликпункты. Через печать проводилась агитация за грамотность, устраивались массовые торжественные выпуски учащихся из ликпунктов с вечерами агитации за грамотность [28. Л. 11 об.–12].

Новым явлением, уже не чрезвычайным, а скорее системным, стало внедрение таких форм, как передвижные школы и передвижные библиотеки. Первым удалось в 1924 г. охватить 30 сел, ведя работу по ликвидации неграмотности, вторые, представленные волостными библиотеками, обслуживали округу, привозя в села книги на полмесяца, затем следовал обмен и т.д. [29. Л. 22, 53].

Несмотря на то что к середине 1920-х гг. восстановление народного хозяйства в основном завершилось, внимание к деревне было неослабным. Удалось добиться того, что ликбезработа в целом была обеспечена помещениями для обучения с освещением, мебелью, учебными пособиями. Согласно Обзору состояния работы учреждений народного образования в Оренбуржье за 1925 г., всего в губернии было 59 школ неграмотных и малограмотных, из них в сельской местности – 28. Из 48 работающих в губернии преподавателей в сельской местности работало 19 человек, из 1 555 учащихся 730 обучалось в сельской местности [30. Л. 4]. В это время в программу обучения в обязательном порядке вводились материалы по политическому просвещению: на занятиях изучались материалы съездов и пленумов ЦК ВКП (б), речи вождей партии. Самой проблематичной в смысле грамотности демографической группой на селе оставались женщины, поэтому именно им было уделено особое внимание. В селах нередко открывались специальные женские ликпункты, как, например, в Булановской и Александровской волости Каширинского уезда, где обучалось 25 и 79 женщин соответственно. С большими трудностями протекала работа с женщинами-мусульманками, на них большое влияние оказывали мусульманские муллы. Учителей, как и прежде, не хватало, но регулярно работали курсы по повышению квалификации. Оплата учителей сельских ликпунктов была в два раза меньше, чем городских (16 руб. против 36 руб.). Губернским отделом народного образования и Грамчека был налажен инструктаж по методическим и организационным вопросам, работники Губоно принимали выезды на места для обследования работы, агитировали за грамотность.

VIII съезд комсомола с осени 1928 г. объявил культпоход, к комсомольскому походу присоединились партийные, советские, профсоюзные организации, общество «Долой неграмотность». Окружному городскому и районному советам и обществу «Долой неграмотность» предлагалось шире развернуть работу по ликвидации неграмотности и малограмотности в

первую очередь в совхозах и колхозах. Расширили работу комсомольские ячейки, они вели разъяснительную работу среди населения, организовывали курсы по подготовке ликвидаторов неграмотности, брали на учет все неграмотное население. Проводились мероприятия по повышению культурного облика сельчан. Примером налаженной работы стал поселок Ключи-Рычковский Оренбургского района. Здесь были открыты сельскохозяйственный кружок, изба-читальня и кинопередвижка, что превратило его, «блиставший ранее самогоноварением, в образцовую деревню». Более того, общее собрание граждан по собственной инициативе воспротивилось открытию винного магазина. Аналогичным образом поступили жители хутора Адаево Красно-Знаменского сельсовета, они вынесли решение о передаче молитвенного дома под ликпункт, что и было вскоре реализовано [31. Л. 61].

Во второй половине 1920-х гг. ситуация с обучением взрослого неграмотного населения на селе продолжала оставаться очень сложной. Обследование семи сельских районов Оренбургской области показало нелицеприятную картину. В Кинзелинском сельсовете Люксембургского района школа взрослых повышенного типа постепенно прекратила свою работу из-за отсева обучающихся, причем первыми бросили школу комсорг и избач Великороднов [32. Л. 10]. Райком ВЛКСМ ни разу не заслушал отчет директора этой школы. В Кваркенском районе бросили школу половина ранее записавшихся на ликпункты женщин [33. Л. 17]. В Буртинском районе вместо 500 выявленных неграмотных обучалось только 70 человек [34. Л. 54]. Образованные в Сорочинском районе школы для взрослых вскоре прекратили свое существование из-за отсутствия тетрадей. Школа при колхозе «Коммунист» Акбулакского района размещалась в помещении фермы, без самой необходимой мебели и классной доски, учащиеся сидели на подоконниках или стояли, прислонившись к стене. Не улучшилось дело с организацией ликпунктов среди нерусского сельского населения. Школа при казахском колхозе «Коммунист» располагалась в помещении конюхов, не было учебников на казахском языке [32. Л. 10]. Самыми отстающими национальными районами были Домбаровский и Буртинский [35. Л. 16 об.]. В целом во время культпохода было охвачено обучением только 34% нацменовского населения [36. Л. 24 об.].

На XV съезде ВКП (б) в 1927 г. было принято решение о коллективизации, основной ее этап – сплошная коллективизация – пришелся на 1929–1930 гг. С начала массовой коллективизации вся культурно-массовая работа была подчинена пропаганде колхозного строя. Культпоход в 1929 г. шел под девизом «культурно-бытовой» и охватил 8 районов Оренбургского округа. На следующий год – культпоход 1930 г. – принял форму агроколхозпохода. В результате намечалось обучить 15 тыс. человек, из них в деревне – 12 тыс. Эта акция должна была обеспечить действенный перелом в работе [37. Л. 1]. Особое внимание уделялось районам сплошной коллективизации, в них обучение неграмотных и малограмотных должно было составить 100%. В 1931 г. по сельсоветам Орен-

бургского района было проведено 273 собрания по вопросам культурного строительства и культурного штурма. На собраниях выносили приговор о 100-процентной ликвидации неграмотности, были завербованы 3 211 подписчика периодических изданий, по сельсоветам было организовано 39 ячеек общества «Долой неграмотность». Были учтены неграмотные в 58 сельсоветах из 64 [37. Л. 33–36]. Радиоцентр систематически организовывал пропаганду культпохода: проводилась районная переключка сельсоветов по выполнению задач сплошной ликвидации неграмотности, через радиопередачи проводилось обучение малограмотных и инструктаж культармейцев [38. Л. 46].

В первой половине 30-х гг. XX в. работа по ликвидации неграмотности и малограмотности в сельской местности продолжалась с переменным успехом. Обследование сельских ликпунктов показало существенные недостатки во всей работе. Посещение ликпунктов было крайне слабое: в Домбаровском районе отсев составил 91%, женщины здесь занимались кустарно-пуховязальным промыслом и пренебрегали обучением [39. Л. 22]. Финансирование культпохода ложилось тяжелым бременем на плечи сельских жителей, поэтому на своих заседаниях они ходатайствовали об освобождении от взносов на культпоход из-за отсутствия средств [38. Л. 18, 20].

В ознаменовании 15-летия комсомола с 1 ноября 1933 г. по 20 января 1934 г. был организован краевой колхозный культпоход под лозунгом: «К 1 мая ни одного неграмотного в районе». Помимо массовых были и индивидуальные инициативы. В 1934 г. в бригаде № 3 колхоза им. К.Е. Ворошилова учительница Множкина проявила особую добросовестность в обучении неграмотных, большая часть неграмотных колхоза была охвачена обучением. Однако данный положительный опыт не был подхвачен в других колхозах, в большинстве сельских ликпунктов в тот же самый период обучались лишь 12–15% неграмотных, в некоторых сельских ликпунктах неграмотные и малограмотные даже не были учтены [40. Л. 2]. В селе Нижняя Павловка Оренбургского района занятия вообще не проводились из-за отсутствия тетрадей и учебников. Председатель колхоза «Красный летчик» Оренбургского района предложил учителям собрать с неграмотных и малограмотных колхозников по 5 рублей для приобретения тетрадей и учебников, но колхозники отказались, заявив: «Мы соглашались учиться, да еще (нам необходимо. – П.Л.) деньги платить!» [41. Л. 23].

Главной причиной неблагополучного состояния дел в отчетах называлась то, что секретари партийных ячеек, председатели сельсоветов и колхозов считали ликвидацию неграмотности второстепенной и необязательной работой. В результате в Постановление Горкома ВКП (б) и Горсовета от 2 января 1934 г. устанавливалось объявить строгий выговор инспектору Политпросвета Кузнецову, инспектору ликбеза Борису и секретарю ОДН Шишкову. Их предупреждали, что если к 25 января 1934 г. они не обеспечат коренного перелома, то будут сняты с работы и отданы под суд как за саботаж важнейшей работы. Учебой должны быть охвачены не менее 75% малограмотных

по колхозам и сельсоветам района. В этом же постановлении призывалось закончить учет неграмотных и малограмотных на селе к 10 января 1934 г. [40. Л. 2].

Значительной проблемой в сельской местности оставалось отсутствие необходимых кадров. Даже во второй половине 1930-х гг. преподаватели работали в порядке общественной нагрузки, поэтому качество обучения было низким в отличие от городов, где работали «платные» учителя. Большую роль в подготовке кадров играли педагогические конференции и курсы. В 1936 г. районо провел методическую конференцию культармейцев, где проходил обмен опытом. Заведующая школы взрослых Федосеева Приютинского сельсовета отмечала, что все культармейцы имеют учебные планы и расписание занятий. Она эмоционально делилась своими наработками по чтению и обсуждению с колхозниками рассказа М. Горького «Рождение человека» и смогла связать с этим правительственный проект о запрещении абортов. Резюме: «Стена недоверия и равнодушия была сломлена. Сейчас 17 колхозниц усердно ликвидирует свою неграмотность» [32. Л. 48]. В деле общего повышения культурного уровня огромную роль играли сельские библиотеки, например работа Покровской районной библиотеки. Она располагалась в четырех больших и хорошо оборудованных комнатах, фонд состоял из 8 тыс. книг, обслуживалось 1 757 читателей. При библиотеке были созданы 32 передвижки для организации чтения и досуга членов тракторных и полевых бригад [42. Л. 20].

Со второй половины 1930-х гг. развернулись активные мероприятия по выполнению постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных». В 1936 г. в рамках реализации данного постановления в Оренбургской области началось обследование сельских ликпунктов, которое выявило отсутствие действенной работы в совхозах и колхозах. Обследование Саракташского района показало, что культпросветработа во время уборочной кампании велась плохо, сводилась главным образом к выпуску стенгазет, и только в некоторых бригадах и полевых станах проводились читки газет и книг, беседы, демонстрации кинокартин. Доставка газет во многих колхозах (колхоз им. Правды, колхоз им. В.К. Блюхера и др.) была организована плохо [43. Л. 8–9]. В целом данное обследование выявило отсутствие необходимых помещений, недостаток учебников и бумаги и, конечно же, самих преподавателей. Большинство сельских школ требовало ремонта.

На селе, как и прежде, остро не хватало преподавательских кадров. В отчетах о выполнении указанного Постановления при обследовании зерносовхозов им. В.М. Молотова и «Магнитострой» отмечалось полное отсутствие методического руководства культармейцами, они не имели программы, учебного плана. В большинстве сел занятия с неграмотными и малограмотными не проводились во время весеннего сева и уборки хлеба, неграмотные группы не отделялись от малограмотных. Сельская администрация не занималась вопросами обучения, не создавались комнаты для организации досуга детей во время занятости их матерей [44. Л. 7]. Предлагалось обучать кол-

хозников прямо на полевых станах и в тракторных отрядах [45. Л. 18]. Особое внимание рекомендовалось уделять нерусскому населению, в частности обучению казахов на их родном языке. Однако соответствующих преподавателей не хватало. Администрация Буртинского овцесовхоза и мясомолочного совхоза им. Я.М. Свердлова просила Областной отдел народного образования выслать на каникулярный период в сельский ликпункт культармейцев-казахов [46 Л. 30]. Администрации совхозов и колхозов грозили строгими мерами партийного взыскания за срыв работы по обучению неграмотных и малограмотных.

Большую роль в активизации названной работы во второй половине 1930-х гг. сыграли социалистические соревнования. В 1936 г. Бердский сельсовет Оренбургского района обратился ко всем сельсоветам с призывом организовать соревнование за село сплошной грамотности в честь VIII съезда Советов [47. Л. 35]. 19 октября 1936 г. вышло Постановление облисполкома и обкома ВКП (б) «О соревновании Советов за село сплошной грамотности». Было решено в газете «Оренбургская коммуна» и во всех районных газетах регулярно публиковать почетный список сел сплошной грамотности, заносая в этот список название села, фамилию председателя сельсовета, председателя секции совета из числа учителей, избачей и культармейцев. Создавался областной премиальный фонд в сумме 75 тыс. рублей для премирования лучших в ходе соревнования [42. Л. 41]. Обком ВКП (б) постановил утвердить порайонный план, который предусматривал завершение ликвидации неграмотности в 1936 г. Устанавливался план по каждому сельсовету и колхозу. Для сельских школ малограмотных вводился особый режим обучения, отличный от аналогичных городских школ. Если в городах учебный год длился 10 месяцев по 10 учебных дней и по 3 часа в день, то в сельской местности устанавливался учебный год продолжительностью 7 месяцев по 12 учебных дней в месяц и по 4 часа в день [48. Л. 32–33].

Массовые кампании неизбежно рождали приписки, что не соответствовало реальному положению дел. Президиум Соль-Илецкого райисполкома и райкома ВКП (б) в своем Постановлении от 3 октября 1936 г. отметил, что Дурнеевский сельский совет ликвидировал неграмотность и стал сельсоветом сплошной грамотности. Однако проверка на месте показала, что это не имеет под собой реальной основы [49. Л. 131–132]. Наибольшее отставание в деле ликвидации неграмотности и малограмотности наблюдалось в Буртинском, Орском, Люксембургском, Адамовском, Буранном и Матеевском районах [50. Л. 22]. Обследование в следующем 1937 г. показало, что темпы ликвидации неграмотности в сельских районах все еще не соответствуют поставленным планам, обучалось только около половины учтенных неграмотных и малограмотных. В информационном отчете Грачевского, Краснопартизанского и Каширинского районного комитетов ВКП (б) отмечалось, что в школах по ликвидации неграмотности наблюдается значительный отсев и количество обучающихся составило только 60% от общего количества неграмотных. В отчете Ново-Орского районного комитета ВКП (б) прозвуча-

ла фраза о «полном провале» в обучении неграмотных и малограмотных. Здесь из учтенных 2 114 неграмотных обучалось всего 872 человека, т.е. около 40%. Библиотеки-читальни были укомплектованы очень скудно. Например, даже в лучшей библиотеке Матвеевского района числилось только 600 экземпляров вместе с журналами. В виде исключения называлась организация культурно-просветительной работы в Соль-Илецком районе. Здесь имелся звуковой стационарный кинотеатр и две немых передвижки. Подчеркивалось, что «после того, как колхозники посмотрели звуковое кино, о немом не хотят и разговаривать». Высок у колхозников был спрос и на радио, но для его удовлетворения требовалось не менее 1 500 радиоточек [51. Л. 8, 25, 85, 127, 145, 191–192].

В целом, несмотря на отмеченные недостатки и трудности, работа по ликвидации неграмотности и малограмотности в сельской местности принесла свои положительные результаты, что отражено в данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. по Чкаловской области.

Таблица 2

Грамотность населения Чкаловской области по переписям 1926 и 1939 гг., % (сост. по: [14. С. 183])

Возраст, лет	Год переписи	Городское население	Сельское население	Все население
9 лет и старше	1926	74,1	44,4	48,8
	1939	88,0	78,1	80,5

Материалы переписей показывают, что в ходе всей проведенной в 1920–1930-е гг. работы уровень грамотности сельского населения повысился в 1,7 раз, а это являлось значительным достижением.

Таким образом, особенностями ликвидации неграмотности и малограмотности на селе являлась необходимость учета условий быта и сельскохозяйственного труда, для чего устанавливался особый график учебы. Занятия нередко организовывались прямо по месту сельскохозяйственных работ, на полевых станах. Для повышения квалификации культурмейцев регулярно отправляли на курсы по повышению квалификации. Учитывался многонациональный состав сельского населения края, трудности в

обучении женщин. Для более полного охвата сельчан создавались передвижные школы и библиотеки, а также ликпункты с раздельным размещением женщин и мужчин. Чтобы облегчить процесс обучения женщин, обустроивались комнаты для организации досуга детей. В 1920-х гг. широко использовалось самообложение населения, сбор средств для организации ликвидации неграмотности. Применялось также шефство рабочих города над деревней. Со второй половины 1920-х гг. для стимулирования обучения взрослого населения и культурно-просветительной работы стали активно применяться чрезвычайные методы: культпоходы, организация социалистических соревнований «За грамотность!». Массовые кампании неизбежно рождали ситуацию, когда желаемое выдавали за действительное, в отчетах с мест массово появлялись приписки. С начала массовой коллективизации культпоход в Оренбуржье принял форму агроколхозпохода, усилился соревновательный момент при организации обучения.

Подводя итоги ликвидации неграмотности и малограмотности среди сельского населения, можно сделать вывод, что это был сложный и противоречивый процесс. В сельской местности ликвидация неграмотности и малограмотности затруднялась острой нехваткой педагогических кадров, методических материалов, помещений. На ликпунктах часто работали в основном не профессиональные педагоги, а грамотные комсомольцы и партийные работники. Профессиональные учителя нередко приглашались в порядке общественной нагрузки, т.е. бесплатно, что существенно снижало качество всей работы. В деле ликвидации неграмотности не всегда учитывались потребности обучаемых, уроки часто превращались в политические митинги и собрания, что рождало сомнения и разочарования в среде крестьян. Несмотря на все меры, именно в сельской местности наблюдался наиболее высокий отсев обучающихся из учебных учреждений, доходящий до 60–70%. Тем не менее вся проведенная в 20–30-е гг. XX в. работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди сельского населения привела к значительным положительным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М. : Наука, 1967. 326 с.
2. Стеллиферовская Е.Н. Культурно-просветительная работа в деревне (1924–1925) // Очерки по истории советской науки и культуры : материалы по истории русской культуры / под ред. чл.-корр. АН СССР проф. А.В. Арциховского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 392 с.
3. Ушаков Н.М. Борьба за повышение грамотности в деревне Южного Урала 1928–1932 гг. // Московский ордена трудового красного Знамени Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина : Ученые записки № 421 (история СССР). М., 1971. 239 с.
4. Беткенбаева Ш.К. Борьба за осуществление Ленинского декрета о ликвидации безграмотности среди населения в казахском ауле (1917–1940 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1983. 194 с.
5. Третьяков В.В. Повышение культурного уровня уральского крестьянства в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.) : сб. науч. тр. Свердловск : УрОАН СССР, 1989. 163 с.
6. Попов М.В. Формирование культурного облика крестьянства Урала в 1926–1937 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.) : сб. науч. тр. Свердловск : УрОАН СССР, 1989. 163 с.
7. Павлов П.Ю. История развития народного образования в сельских районах Приамурья в 1922–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2001. 25 с.
8. Шипилина Г.В. Ликвидация неграмотности в сельской местности Томско-Нарымского Приобья в 1920-е гг. и ее итоги // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 168–171. DOI: 10.17223/15617793/408/25
9. Баландина Н.И., Баландин Н.И. Ликвидация неграмотности крестьянства северного края в 1920–1930-е годы // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период) : межвуз. сб. науч. тр. Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1992. С. 131–139.
10. Сайгин Н.И. Коммунистическая партия – организатор культурного строительства в первые годы Советской власти (по материалам Южного Урала) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 257 с.

11. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 181 с.
12. Загребин С.С. Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900–1940 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1999. 700 с.
13. Цибульский Н.Б. Новый этап движения за всеобщую грамотность в Челябинской области во 2-й половине 30-х годов // Проблема социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках : сб. науч. тр. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск : Челябин. гос. ун-т, 1997. 180 с.
14. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года : Уральский регион : сб. материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во гуманитар. ун-та, 2002. 372 с.
15. Петрич Л.В. Учет этнического компонента в обучении казахов на территории Оренбургского края в первой трети XX века // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 1 (75), т. 10. Россия – Казахстан: веки истории. DOI: 10.18254/S0002547-0-1
16. Любичанковский С.В. Профессионально-педагогическая выставка 1898 года и имперская политика аккультурации // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 125–135.
17. Lyubichankovskiy S. Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: an International Survey // RUDN Journal of Russian History. 2020. Vol. 19, № 3. P. 727–740.
18. Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the history of integration of Kazakh steppe in the Russian imperia XVIII – beginning of XX century // Былые годы : российский исторический журнал. 2018. № 48 (2). С. 484–495.
19. Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 26 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. VII: 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М. : Политиздат, 1975. С. 50–51.
20. Приказ Оренбургского губисполкома о ликвидации неграмотности среди населения губернии в связи с изданием декрета СНК от 26 декабря 1919 г. // Культурное строительство в Оренбуржье : документы и материалы. 1918–1941. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 20–21.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2314. Оп. 3. Д. 17.
22. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 720.
23. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 7. Оп. 7. Д. 372.
24. ГАОО. Ф. 533. Оп. 1. Д. 72.
25. ОГАСПИ. Ф. 7. Оп. 7. Д. 387.
26. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 353.
27. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1043.
28. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551.
29. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 603.
30. ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 433.
31. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159.
32. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 682.
33. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 159.
34. ОГАСПИ. Ф. 738. Оп. 1. Д. 5.
35. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1413.
36. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 163.
37. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 2. Д. 154.
38. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 1. Д. 113.
39. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20.
40. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 5. Д. 146.
41. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 4. Д. 113.
42. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 466.
43. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 458.
44. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 464.
45. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 453.
46. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 449.
47. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 633.
48. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 431.
49. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 489.
50. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 471.
51. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 2. Д. 116.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 октября 2020 г.

Features of Eradicating Illiteracy Among the Rural Population of the Orenburg Region (The 1920s–1930s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 175–182.

DOI: 10.17223/15617793/469/23

Larisa V. Petrich, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: Lorapavlova@list.ru

Keywords: eradication of illiteracy; rural population; education center; teachers; cultural campaigns; Orenburg region.

The aim of the article is to reveal the activities on eradicating illiteracy and low literacy among the rural population. The article was written on the materials of the Orenburg region of the 1920s–1930s. The historical-comparative method was applied: it was necessary to compare the data on the number and level of literacy of the urban and rural population, and also to compare the materials of the population censuses of 1926 and 1939 according to the specified parameters. The author used the principle of objectivity for an adequate and impartial analysis of the work on eradicating illiteracy and little literacy in the rural areas of the Orenburg region. The author thoroughly analyzes the historiography of the problem. Modern historians point out that the new authorities paid increased attention to the eradication of illiteracy in the countryside; administrative measures were actively applied for the purpose. The unpublished sources used as material for the research were obtained from the funds of the State Archive of the Russian Federation; among the regional archives, it is worth noting the Orenburg State Archive of Social and Political History. The author shows that the features of the eradication of illiteracy and low literacy were the need to take into account the conditions of life and agricultural labor. The multinational composition of the rural population of the region was taken into account: mobile schools and libraries were created, special premises with separate training for women and men were organized. The patronage of city workers over the village was actively used. From the second half of the 1920s, extraordinary methods were used among the rural population: cultural trips, socialist competitions for literacy. Since the beginning of mass collectivization, the cultural campaign in the Orenburg region took the form of an agricultural collective farm campaign, the competitive element in the organization of training intensified.

In rural areas, the eradication of illiteracy and low literacy was hampered by an acute shortage of teaching staff, teaching materials, rooms with heating and lighting. In rural areas, it was not professional teachers who worked in training centers, but literate Komsomol members and party workers. Professional teachers often worked on a social basis, that is for free, which significantly reduced the quality of educational work. Despite all the measures, it was in rural areas that the highest rate of student dropout from educational institutions was observed, reaching 60–70%. Summing up the results of the eradication of illiteracy and low literacy among the rural population, the author concludes that this was a complex and contradictory process. In the eradication of illiteracy, the needs of the trainees were not always taken into account, lessons often turned into political meetings and gatherings, which gave rise to doubts and disappointment among peasants. Nevertheless, all the work carried out in the 1920s–1930s to eradicate illiteracy and low literacy among the rural population led to significant positive results.

REFERENCES

1. Kumanev, V.A. (1967) *Sotsializm i vsenarodnaya gramotnost'*. Likvidatsiya massovoy negramotnosti v SSSR [Socialism and popular literacy. Eradication of mass illiteracy in the USSR]. Moscow: Nauka.
2. Stelliferovskaya, E.N. (1968) Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v derevne (1924–1925) [cultural and educational work in the countryside (1924–1925)]. In: Artsikhovskiy, A.V. (ed.) *Ocherki po istorii sovetskoy nauki i kul'tury: materialy po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Soviet science and culture: materials on the history of Russian culture]. Moscow: Moscow State University.
3. Ushakov, N.M. (1971) Bor'ba za povyshenie gramotnosti v derevne Yuzhnogo Urala 1928–1932 gg. [The Struggle to Improve Literacy in the South Ural Village, 1928–1932]. *Moskovskiy ordena trudovogo krasnogo Znameni Gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut im. V.I. Lenina: Uchenye zapiski*. 421.
4. Betkenbaeva, Sh.K. (1983) *Bor'ba za osushchestvlenie Leninskogo dekreta o likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya v kazakhskom aule (1917–1940 gg.)* [Struggle for the implementation of Lenin's decree on the eradication of illiteracy among the population in the Kazakh aul (1917–1940)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
5. Tret'yakov, V.V. (1989) Povyshenie kul'turnogo urovnya ural'skogo krest'yanstva v pervyye gody Sovetskoy vlasti (1917–1920 gg.) [Raising the cultural level of the Ural peasantry in the early years of Soviet power (1917–1920)]. In: *Razvitie kul'tury ural'skoy sovetskoy derevni (1917–1987 gg.)* [Development of the culture of the Ural Soviet village (1917–1987)]. Sverdlovsk: UrOAN SSSR.
6. Popov, M.V. (1989) Formirovaniye kul'turnogo oblika krest'yanstva Urala v 1926–1937 gg. [Formation of the cultural image of the Ural peasantry in 1926–1937]. In: *Razvitie kul'tury ural'skoy sovetskoy derevni (1917–1987 gg.)* [Development of the culture of the Ural Soviet village (1917–1987)]. Sverdlovsk: UrOAN SSSR.
7. Pavlov, P.Yu. (2001) *Istoriya razvitiya narodnogo obrazovaniya v sel'skikh rayonakh Priamur'ya v 1922–1941 gg.* [The history of the development of public education in rural areas of the Amur region in 1922–1941]. Abstract of History Cand. Diss. Khabarovsk.
8. Shipilina, G.V. (2016) Organization of efforts to eradicate illiteracy among peasantry of the Tomsk and Naryn Ob territory in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 408. pp. 168–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/408/25
9. Balandina, N.I. & Balandin, N.I. (1992) Likvidatsiya negramotnosti krest'yanstva severnogo kraya v 1920–1930-e gody [Eradication of illiteracy of the peasantry of the northern region in the 1920s–1930s]. In: *Material'noe polozhenie, byt i kul'tura severnogo krest'yanstva (sovetskiiy period)* [Material position, life and culture of the northern peasantry (Soviet period)]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute. pp. 131–139.
10. Saygin, N.I. (1967) *Kommunisticheskaya partiya – organizator kul'turnogo stroitel'stva v pervyye gody Sovetskoy vlasti (po materialam Yuzhnogo Urala)* [The Communist Party – the organizer of cultural construction in the early years of Soviet power (based on materials from the South Urals)]. History Cand. Diss. Moscow.
11. Popov, M.V. (1997) *Kul'tura i byt krest'yan Urala v 1920–1941 godakh* [Culture and life of the peasants of the Urals in 1920–1941]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
12. Zagrebin, S.S. (1999) *Kul'turnaya politika gosudarstva i ee realizatsiya na Urale v 1900–1940 gg.* [cultural policy of the state and its implementation in the Urals in 1900–1940]. History Dr. Diss. Chelyabinsk.
13. Tsibul'skiy, N.B. (1997) Novyy etap dvizheniya za vseobshchuyu gramotnost' v Chelyabinskoy oblasti vo 2-y polovine 30-kh godov [A new stage in the movement for universal literacy in Chelyabinsk Oblast in the 2nd half of the '30s]. In: Abramovskiy, A.P. (ed.) *Problema sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vekakh* [The problem of socioeconomic and political development of the Urals in the 18th–20th centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
14. Motrevich, V.P. (2002) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region: sb. materialov* [The 1939 All-Union Population Census of the USSR: Ural Region: materials]. Yekaterinburg: Izd-vo gumanit. un-ta.
15. Petrich, L.V. (2019) Paying Attention to the Ethnic Component in the Education of Kazakhs in the Orenburg Region in the First Third of the 20th Century. *Istoriya*. 1 (75):10. (In Russian). DOI: 10.18254/S0002547-0-1
16. Lyubichankovskiy, S.V. (2018) Professional'no-pedagogicheskaya vystavka 1898 goda i imperskaya politika akkul'turatsii [Professional-pedagogical exhibition of 1898 and the imperial policy of acculturation]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 125–135.
17. Lyubichankovskiy, S. (2020) Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: an International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19 (3). pp. 727–740.
18. Lyubichankovskiy, S. & Akanov, K. (2018) Orenburg in the history of integration of Kazakh steppe in the Russian imperia XVIII – beginning of XX century. *Bylye gody*. 48 (2). pp. 484–495.
19. RSFSR. (1975) Dekret o likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki, 26 dekabr'ya 1919 g. [Decree on the eradication of illiteracy among the population of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, December 26, 1919]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Vol. VII. Moscow: Politizdat. pp. 50–51.
20. Saygin, N.I. (ed.) (1985) Prikaz Orenburgskogo gubernskogo o likvidatsii negramotnosti sredi naseleniya gubernii v svyazi s izdaniem dekreta SNK ot 26 dekabr'ya 1919 g. [Order of the Orenburg Provincial Executive Committee on the eradication of illiteracy among the population of the province in connection with the issuance of the SNK decree of December 26, 1919]. In: *Kul'turnoe stroitel'stvo v Orenburzh'e: dokumenty i materialy. 1918–1941* [Cultural construction in Orenburg: documents and materials. 1918–1941]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. pp. 20–21.
21. State Archive of the Russian Federation. Fund 2314. List 3. File 17.
22. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund R-450. List 1. File 720.
23. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 7. List 7. File 372.
24. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 533. List 1. File 72.
25. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 7. List 7. File 387.
26. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 353.
27. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 1043.
28. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 551.
29. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 603.
30. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 188. List 1. File 433.
31. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 1. File 159.
32. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 682.

33. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 4. File 159.
34. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 738. List 1. File 5.
35. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 1413.
36. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 1. File 163.
37. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 2. File 154.
38. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 1. File 113.
39. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 1. File 20.
40. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 5. File 146.
41. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 4. File 113.
42. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 466.
43. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 458.
44. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 464.
45. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 453.
46. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 449.
47. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 633.
48. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 431.
49. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 489.
50. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 471.
51. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 2. File 116.

Received: 23 October 2020

Н.Е. Плаксина

М.И. ЗАЛЕССКИЙ ОБ ИКОНОПИСАНИИ СТРАННИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00238 А.

Рассмотрено сочинение каргопольского писателя–старообрядца М.И. Залесского (1894–1975), посвященное искусству иконописания среди последователей страннического согласия – наиболее закрытой и малоизученной группы старообрядцев XIX–XX вв. Анализ источника позволил рассмотреть широкий круг вопросов: о значении иконы в среде странников, о статусе иконописца, об организации, стилистике, эволюции страннического иконописания, соотношении канона и авторской индивидуальности.

Ключевые слова: старообрядчество; странническое согласие (скрытники); икона; иконописание; иконописец; письменные источники; Ярославский предел; Ивановский предел.

Материалы историка страннического согласия Максима Ивановича Залесского, хранящиеся в рукописном отделе Библиотеки Академии наук РАН, являются важнейшим источником по истории страннического согласия. Одно из наиболее крупных его сочинений – рукопись «Илья Репкин и Антипа Смирнов, их жизнь и творчество в связи с общим обозрением искусства иконописания среди странников». Рукопись входит в состав Каргопольского собрания БАН под № 83.

Впервые на ценность этого сочинения для изучения художественной традиции старообрядцев-странников обратила внимание В.Г. Подковырова, давшая его краткую характеристику. Рукопись представляет собой черновик (беловой вариант, по свидетельству самого М.И. Залесского, утрачен), написанный скорописью в конце 1930-х гг., переплетенные 85 листов и 13 листов, отдельно вложенные в конверт [1. С. 165–166]. Сведения, изложенные в этом труде, основаны как на личных воспоминаниях Максима Залесского, принадлежавшего к странничеству и лично знавшего многих из тех, о ком писал, так и на воспоминаниях других людей, причастных к странническому согласию, а также на широком круге письменных источников (писем, показаний, рукописей и пр.) и сочинениях И.К. Пятницкого, в частности «Русский сектант в своей истории» (Санкт-Петербург, 1884 г.).

Особую ценность труду М.И. Залесского придают составленные им списки иконописцев-странников, благодаря которым были уточнены сведения об иконописцах Каргопольского предела, уроженцах Зырянского края, авторах сохранившихся в частных собраниях подписных икон [2, 3]. Изложенная М.И. Залеским история становления иконописного дела у странников способствует пониманию путей формирования локальных художественных центров, каким являлась мастерская старообрядцев-странников в Каргопольском уезде Олонецкой губернии [4]. Дальнейшее изучение страннического иконописания ставит вопрос о его истоках, стилевых и иконографических особенностях, роли культурных контактов в формировании региональных художественных центров.

Сам факт обращения Максима Ивановича Залесского к теме иконописания свидетельствует о значи-

мости этого вопроса в духовной культуре странников. Странников отличало особенно ревностное отношение к иконе, которая оставалась единственным средством спасения в миру, в котором воцарился Антихрист. По сообщению М.И. Залесского, странники поклонялись лишь древним дониконовским образам, и не принимали икон, «писанных рукой иначе мудрствующих» [5. Л. 91]. Поэтому вопрос о снабжении растущего согласия странников иконами своего письма стал предметом особого собора 1848 г., проходившего в столице странников толка статейников – деревне Сопелки Ярославской губернии.

В результате было налажено обучение иконописцев из своей среды, и к концу XIX в. у странников сложилась своего рода иконописная школа, которую М.И. Залесский называл пошехонской, по всей видимости, по месту проживания наиболее ярких представителей страннического иконописания в Пошехонском уезде Ярославской губернии. Он давал нелестную характеристику этой школе, «прославившей себя дешевизной и скоростью работы над иконами, но вместе блиставшей своим невежеством и искажением подлинного искусства иконописания» [5. Л. 59 об.].

Такую эволюцию странническое иконописание претерпело при дальнейших последователях и преемниках Ильи Степановича Репкина (до 1820 – ок. 1880) и Антипы Даниловича Смирнова (1820–1909), которых М.И. Залесский называет родоначальниками страннического иконописания, посвятив свое сочинение исследованию их творчества. Сведения об Илье Репкине довольно скудны, в то время как об Антипе Смирнове историк страннического согласия рассказывает очень подробно, не ограничиваясь биографией, пытается охарактеризовать его творчество.

Оба иконописца – Илья Репкин и Антипа Смирнов – были почти ровесниками, происходили из крестьян, родители их были приверженцами старой веры. Илья Репкин родом из деревни Тереховка Бурмакинской волости Ярославского уезда. Время его обращения в странническое согласие не известно, однако, по сведениям М.И. Залесского, уходя в странство, Илья Репкин уже был сложившимся мастером. Иконы его работы, «весьма умело и чисто написанные, показывают, что и искусство иконописания у него было изучено основательно» [5. Л. 3 об.]. У кого он обучался –

не известно, но есть непроверенное предание, что у старообрядца-иконописца в Ярославле.

Антипа Смирнов, уйдя в странство в юношеском возрасте, поселился в Сопелках, где обучился грамоте и церковному уставу. В дальнейшем он, как и Илья Репкин, оказался в обучении у некоего старообрядца-иконописца в Ярославле. М.И. Залесский полагал, что обучению обоих в Ярославле мог содействовать наставник, основатель толка статейников Никита Семенович (в братстве которого состояли оба мастера), благодаря своей близости к известным ярославским покровителям странников Понизовкиным, оказавшим содействие в этом вопросе.

В 1851 г. Илья Репкин был арестован по делу комиссии Стенбока для расследования странников. Сидел в Ярославской тюрьме около 5 лет, где занимался резьбой икон на камне, перламутровых раковинах и мамонтовой кости, чем заслужил уважение графа Стенбока. После выхода из острога принял участие в выставке, получил аттестат с гарантией от наказания при каком-либо проступке, ему была назначена ежегодная пенсия. Жил в деревне Барышки, обучил искусству иконного письма несколько известных страннических наставников: старца Зосиму Ивановича, Меркурия Григорьевича, старца Иону Антоновича и Федора Степановича, которые были «мастера... в свое время довольно искусные» [5. Л. 65]. Все они проживали в Ярославском пределе, считались наиболее опытными иконописцами и свидетельствовали иконы новичков, определяя их годность или негодность для странников. Ярославский предел был проверочным пунктом для иконописцев «северных стран». Известно, что именно здесь обучался иконному письму каргопольский наставник зырянин Прохор Филиппович Ильин [6. С. 201]. Умер Илья Репкин не позднее 1880 г. от «запойства», отчего «правители странников не решились умершего помянуть на имя, ни вписать его имя в поминальные синодики». «Так исчез человек незаметным образом исподтишка без какой-либо оценки его трудов и достижений» [7. Л. 4].

Иначе сложилась жизнь Антипы Даниловича Смирнова, которая после знакового для странников собора в Сопелках 1848 г. была связана с Ивановским пределом. Познакомившись со старшим Кинешемского предела Федором Ивановым, под угрозой надвигающейся следственной комиссии под руководством графа Стенбока, он ушел вслед за ним в пределы Кинешмы. Живя в разных деревнях (Малая прихода села Дебово, Ликино прихода села Даниловского, Галуевской, Синие Гари, Волково, Косачево), он изучал искусство иконописания, исполнял церковный устав, обучал иконному мастерству учеников. В дальнейшем, как пишет М.И. Залесский, «любовь к искусству и нравственного воздержания жизнь, проводимая Антипой, выдвинули его из среды других старцев» [7. Л. 11]. Около 1867–1868 г. он был назначен на место старшего Ивановского предела и переместился в Иваново.

М.И. Залесский сообщает о том, что иконы работы Антипы Смирнова вызывали неприятие у руководителей согласия. Он приводит слова старца Никиты Семенова, который считал, что нужно «писать иконы так, как у старообрядцев пишут, а не иначе» [7. Л. 67].

Творческая индивидуальность Антипы Смирнова не укладывалась в тесные рамки канона, от чего он часто страдал. Ф.М. Виноградов сообщал о соборе, устроенном над иконами Антипы Смирнова в 1882–1883 гг., во время которого его произведения были подвергнуты суровому осмотру, признаны «поклонения не достойными» и преданы «вечному истреблению» – зарыты в землю на горе у речки близ деревни Косачево [7. Л. 5].

Вероятно, уже после этого события Антипа Смирнов через своего ученика Феодосия Карпова познакомился с известным собирателем древностей и старинных икон старообрядцем Григорием Матвеевичем Прянишниковым, в доме которого они жили, расчищали его древние иконы и снимали с них копии [7. Л. 63]. Именно здесь Смирнов сделал выбор в пользу строгановского метода иконописания с его миниатюрностью, как наиболее соответствующего страннической идее бегства и укрытия. Этим же, вероятно, была обусловлена и любовь странников к иконам в технике миниатюрной резьбы.

Выше уже отмечалось, что искусным резчиком икон на камне, перламутровых раковинах и мамонтовой кости был Илья Репкин, который обучил этому искусству Антипу Смирнова. Ученик пошел дальше своего учителя, превзойдя его в искусстве и приблизившись в мастерстве горельефной резьбы к скульптуре, не приемлемой для старообрядцев [7. Л. 60 об.; 8. Л. 10 об.]. М.И. Залесский составил списки известных ему произведений Антипы Смирнова и Ильи Репкина [7. Л. 75–76 об.]. В первом – восемь резных на кости и перламутровых раковинах икон работы А. Смирнова, с указанием лиц, в руки которых они попали после революции; во втором девять резных на шиферном камне, кости, перламутровой раковине и кипарисе икон работы Ильи Репкина, с указанием размеров двух из них: иконы «Седмица» на черном шиферном камне с обливкой в олово (20,5 × 15,5 см) и «триптиха» «Деисус» на перламутровой раковине размером 5 × 4 см. Была ли продолжена традиция изготовления миниатюрных икон в технике резьбы другими странниками, не известно.

Большое влияние на А. Смирнова оказало устроенное Г.М. Прянишниковым знакомство со знаменитым художником-фотографом Андреем Осиповичем Карелиным, у которого он проживал вместе со своим учеником Ф.Д. Карповым две недели. А. Карелин предоставил в их пользование всю коллекцию рисунков и фотографий, в результате чего Антипа Смирнов получил «в своей работе чисто художественное направление» [8. Л. 10–12 об.]. М.И. Залесский сообщает, что Смирнов не пользовался образцами, рисунками и сколками, самостоятельно строил композицию, считал необходимым знание перспективы, и, хотя сам не вполне ее усвоил, любил и применял. Уже его ученик Феодосий Карпов изучал перспективу по учебнику Жоржа Тено, а в дальнейшем уроки перспективы вменялись ученикам в обязанность. На этом основании М.И. Залесский делает вывод, что иконописцы страннического согласия продвинули вперед культуру иконописания, совершенствуя ее со всех сторон, в противоположность характерной для старообрядческого мира традиции вычерчивать общие контуры изображения по готовым образцам – колотым рисункам [7. Л. 71].

Искусство Антипы Смирнова высоко ценили выдающиеся современники Г.М. Прянишников и А.О. Карелин, которые, по всей видимости, поспособствовали его участию на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. На ней было представлено его резное на кости Распятие, живописная («писчая». — М.З.) икона «Двенадцатые праздники», вырезанное на перламутровой раковине «Воскресение Христово». Все работы были выполнены, как пишет М.И. Залесский, «в строгоновском стиле», очень мелко и чисто. Комиссия присудила мастеру за трудолюбие и искусство серебряную медаль, которую он не получил, так как, будучи странником, не посчитал возможным явиться для принятия награды [7. Л. 64].

М.И. Залесский сообщает, что число икон, написанных Антипой Смирновым по заказу разных братств, не поддается точному исчислению [7. Л. 64]. Воспитал А. Смирнов и много учеников, сведения о которых дает составленный М.И. Залесским список иконописцев Ивановского предела и Вичуги [7. Л. 78–79об.]. Список носит черновой характер, содержит вычеркивания, пометы на полях, добавления и переносы. В нем названы фамилии, имена и отчества иконописцев, по всей видимости, в странничестве, иногда только имена и отчества, годы жизни, откуда родом, у кого учился иконописанию, дается краткая характеристика творчества («писал мало», «писал плохо», «был даровит»), где жил, живет или когда «помер». Сведений о статусе иконописца в страннической иерархии список не содержит.

Однако есть основания полагать, что многие из названных в списке лиц были известными наставниками. Это подтверждает наблюдение М.И. Залесского о том, что иконописание воспринималось в среде странников как искусство, необходимое для «старейших». В число старейших определяли «заслуживших достойное уважение» не только «по ведению божественных писаний и по беспорочности жития», но и «по опытности искусства» [7. Л. 50].

Первым учеником Антипы Смирнова был **Федор Михайлов** (1840–1918), родом из Кинешемского уезда, проживавший в Вичуге. Возможно, это один из самых влиятельных страннических наставников, старший Вичугского округа, вставший в оппозицию А.В. Рябинину в знаменитом споре 1910-х гг., приведшем к расколу в церкви странников-статейников. Самым талантливым учеником Смирнова был **Карпов Феодосий Демьянович** (род. ок. 1845), родом из села Широкова Нерехтского уезда. Он внес в искусство страннического иконописания множество новшеств. При жизни Антипы Смирнова Карпов был его деятельным сотрудником, обучил много учеников. На момент написания списка ему было 84 года (это дает основание датировать сочинение М.И. Залесского не концом 1930-х гг., как полагает В.Г. Подковырова, а несколько раньше — около 1929 г.), и проживал он в пределах Вичуги. У Смирнова осваивали искусство иконного письма братья **Блиновы Василий и Федор Алексеевы**, из которых особенно даровит был Василий. Оба проживали в Иванове. Василий Алексеевич Блинов также был странническим наставником, во-

дил в окружение старейшего Вичугского предела Федора Михайловича. В числе учеников Антипы Смирнова М.И. Залесский называет и **Иосифа Афиногенова Важнова**, также знаменитого страннического руководителя, сторонника Федора Михайлова, человека широких интересов, знаний и начитанности [6. С. 285]. М.И. Залесский сообщает о нем, что он жил сначала с отцом в Саратовском пределе, затем в Ярославском, умер в 1919 г. в возрасте 50 лет. Еще один ученик Антипы Смирнова, и его крестник — **Вечерин Михаил Васильев**, родом из Тверских пределов. Учился у А. Смирнова и у Ф. Карпова. На момент написания списка (конец 1920-х гг.) жил в пределах Вичуги.

В списке учеников Федора Михайлова, первого ученика Антипы Смирнова, обращает на себя внимание имя **Бушуева Давыда Васильева**. Он нем М.И. Залесский сообщает, что родился он в 1870-х гг., родом Вичугский, «живет все время там же», в странстве с 20 лет, крестник Федора Михайлова. Давыд Васильевич Бушуев — один из известных руководителей страннической церкви, биографию которого М.И. Залесский приводит в одном из своих сочинений [6. С. 261]. В числе других его учеников — **Колотухин Маркел Игнатьев**, «саратовской», учился у Федора Михайлова и у Ф.Д. Карпова, умер около 1920 г. в Яковлевском пределе «от роду лет 30-ти»; **Пятаков Иван Михайлович** из села Кувакина, учился у Федора Михайлова под Вичугой, жил в дер. Исуповской, писал мало и плохо, умер после революции в Вичугской стране; его брат **Пятаков Феофил Михайлович**, «писал лучше брата, помер молодым около 25 лет от роду»; Пензенской **Селивестр Егоров**, учился у Федора Михайлова и у Феодосия Карпова в 1910–1911 г., потом жил в Яковлевском пределе, писал под присмотром и указанием Иосифа Анф(иногенова Важнова? — Н.П.), умер в конце 1915 г. в возрасте 30 лет.

Много учеников обучил талантливый последователь Антипы Смирнова Карпов Феодосий Демьянович. Помимо вышеназванных М.И. Колотухина, М.В. Вечерина, пензенского Селивестра Егорова, он обучил **Георгия Ивановича Пономарева**, о котором М. И. Залесский сообщает, что родом он тагильский Уральской области, во время революции женился, в конце 1930-х гг. еще проживал в Ярославле.

Сотрудником Ф.Д. Карпова М.И. Залесский называет наставника **Меркурия Григорьевича**. Кроме того, у Карпова учился **Петр Димитриевич** из села Кувакина, который также обучался у Ионы Антонова и умер в чахотке молодой лет 30. Учениками Ф.Д. Карпова были **Терпигоров Алексей Евтихееч** (в конце 1930-х гг. ему было лет 45 или 50, жил в селе Новом Яковлевского братства), а также **Таланов Леонид Иванович**, родом из Новой Вичуги, который, помимо учебы в Ярославском пределе у Карпова, учился также в Иванове у В(асилия) А(лексеевича), предположительно, Блинова. Умер «не старый еще» до революции.

Сотрудником Василия Алексеевича Блинова был **Озеров Степан Сергеевич**, родом из деревни Завидова Корчевского уезда Тверской губернии. Озеров учился писать иконы в Ярославском пределе. По сведениям Залесского, он скоро вышел из странства, же-

нился и в конце 1920-х гг. жил в деревне Игумениха близ ст. Бурмакино северной железной дороги. В свою очередь, С.С. Озеров обучил иконописанию **Круглова Григория Алексеевича**, уроженца деревни Подосениха Диевогородищевской волости, который впоследствии обучался у Вениамина Федосеева. О Круглове М.И. Залесский сообщил, что тот «живет открыто» в Ярославле.

Вениамин Федосеев и **Василий Максимов** – иконописцы, названные Залесским в качестве учителей, без каких-либо дополнительных сведений. У Василия Максимова учился **Никита Иванов**, о котором М. Залесский сообщает, что писал он плохо, жил в Пошехонском уезде в пределе Ермаковском, вышел из странства, женился в деревне Передяга Даниловского уезда, где и жил. Умер около 1920 г. «ехавши из Данилова пьяным».

В списке есть несколько имен, сведения о которых ограничиваются информацией о об их обучении в Ярославском пределе, без указания имени иконописца-учителя: **Лазарь-«саратовец»**, который был прислан в Ярославский предел обучаться иконному мастерству в первом десятилетии XX в. («писал порядочно и уехал опять куда-то»); **Едесий** (зачеркнуто, отчество плотно заштриховано, прочитывается – Степанов?) **Терентьев**, учился в Ярославском братстве, жил под Яковлевск(ом) и около 1910 г. вернулся в Саратов; «Мезенской» **Александр Иванович**, учился и жил в Ярославском пределе, писал плохо, в начале войны до революции уехал на родину в Мезень Архангельской губернии; **Прокопий Иванов** из Казанских пределов, учился около 1910 г. в Ярославском пределе и вернулся на родину. Нет сведений и о том, у кого обучался **Петухов Иоасаф Михайлов**, родом Пошехонский с Мусоры деревни Мыдья. Рядом с его именем сделана пометка, что он был старшим в Шатготском пределе, писал плохо.

В списке назван единственный ученик иконописцев Ярославского предела Ионы Антоновича и Зосимы Ивановича – «Смоленской» **Василий Максимович**, работавший в Пошехонском пределе самостоятельно с 1890 г. После революции, как сообщает М.И. Залесский, он уехал в Пензенскую губернию.

Всего в списке иконописцев Ивановского предела и Вичуги названо 28 имен. География происхождения – Архангельская, Казанская, Костромская, Пензенская, Пермская (Нижний Тагил), Саратовская, Смоленская, Тверская, Ярославская губернии. Пятеро из списка – Антипа Смирнов, Федор Михайлов, Василий Блинов, Иосиф Важнов, Давыд Бушуев – были знаменитыми руководителями страннического согласия. Как следует из списка, многие выходцы из различных губерний после обучения возвращались на родину или переезжали в другие места, где могли

продолжать писать иконы для последователей своего согласия. Они продолжали сохранять связи со своими наставниками, обмениваясь образцами, прорисьями и сколками. Об этом свидетельствуют, в частности, образцы из коллекции рабочих материалов каргопольских странников, в составе которых есть подписные образцы, как например, сколок с иконы «Воскресение – Сошествие во ад» с подписью «Рис. Стефанъ Сергеевичъ // Василию Ивановичу 7422 го» [9] – возможно, руки Стефана Сергеевича Озерова, а также прорись с иконы «Рождество Христово» с подписью «1906 года июня 8 Прохору Филипповичу Петръ Димъ» [9] – возможно, руки иконописца Петра Димитриевича.

Размышляя о творчестве Антипы Смирнова и последующих поколений иконописцев-странников, М.И. Залесский задавался вопросом, «где та предельная норма и грань, которую не должен переступить художник-странник»? Восхищаясь искусством Антипы Смирнова, он с сожалением констатировал, что в дальнейшем иконописцы-странники «встали на твердую почву, почву древности», избрав своим направлением «строгановский стиль, который с московским очень рано и давно объединился», «попустили наплотить в общине богов и образов мертвых, бледных и безжизненных, обезображенных в самом рисунке неточной рукой мастера-богомаза» [7. Л. 67].

Таким образом, сочинения М.И. Залесского, несмотря на субъективный характер оценок, являются важным источником для изучения иконописной культуры старообрядцев страннического согласия в конце XIX – начале XX в. Сведения этого источника – первый шаг к выявлению и изучению иконописного наследия странников в сохранившемся до наших дней корпусе памятников старообрядческой художественной культуры.

Странничество, провозгласившее разрыв традиционных связей, способствовало формированию новых межкультурных коммуникаций, возникновению новых художественных форм, как это, в частности, произошло с творчеством Антипы Даниловича Смирнова, или же деятельностью мастерской Каргопольского предела, в которой традиции ярославской иконописной школы продолжали выходцы из иноэтничной среды, зыряне, носители коми языка. В связи с этим большой интерес представляет вопрос о формировании локальных иконописных центров в различных регионах проживания последователей страннического вероучения, который позволит оценить степень уникальности такого явления, как Каргопольский художественный центр, возникший в начале XX в. в Каргопольском уезде Олонецкой губернии для обеспечения нужд северных странников. Все это является задачами будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подковырова В.Г. Иллюминированные страннические рукописи в составе Каргопольского собрания БАН России // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции / науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М., 2002. С. 165–166.
2. Плаксина Н.Е. Иконописное искусство каргопольских странников // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 3 (94). С. 4–20.
3. Плаксина Н.Е. Художественное наследие старообрядцев-странников «Каргопольского предела» в государственных и частных собраниях Северо-Западного Федерального округа // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. : материалы XIV Каргопольской научной конференции (15–18 августа 2016 г.) / науч. ред. и сост. Н.И. Решетников, Н.И. Тормосова. Каргополь, 2018. С. 235–239.

4. Плаксина Н.Е. Организация иконописного дела среди старообрядцев-странников (по материалам БАН) // Современные проблемы археологии. Вып. 2 : сб. ст. по материалам конф. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 октября 2014 г. СПб., 2016. С. 421–434.
5. Залесский М.И. Илья Репкин и Антипа Смирнов, их жизнь и творчество в связи с общим обозрением искусства иконописания среди странников // Библиотека Российской академии наук (БАН). Каргоп. 83.
6. Прокуратова Е.А. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб. : Пушкинский Дом, 2010.
7. БАН. Каргоп. 83.
8. Виноградов Ф.И. Антипа Смирнов как художник // БАН. Каргоп. 86.
9. БАН. Каргоп. 284.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

Maxim Zalessky on the Icon Painting of the Old Believer Wanderers (The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 183–187.

DOI: 10.17223/15617793/469/24

Natalia E. Plaksina, National Gallery of the Komi Republic (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: nplaks@mail.ru

Keywords: Old Believers; Wanderers (Skrytniks); icon; icon painting; icon painters; written sources; Yaroslavl district; Ivanovo district.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00238 A.

The aim of the article is to introduce into academic discourse the data from a unique source on the history of icon painting within the most radical and little-studied Old Believer movement Wanderers (Escapists, Skrytniks), namely, the essay “Ilya Repkin and Antipa Smirnov, Their Life and Work in Connection With the General Survey of the Art of Icon Painting Among the Wanderers” by the historian of the Wanderers Maxim Ivanovich Zalessky (1894–1975). The work is part of the Kargopol Collection of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences. In this essay, written presumably at the end of the 1920s, Zalessky examines the history and evolution of the icon painting of the Old Believer Wanderers from the mid-19th c. till the early 20th c. The very emergence of a work devoted to icon-painting has no precedent among the Old Believers of the period under consideration and testifies to the special importance of this issue for the Wanderers. The adherents of this radical creed believed that the Antichrist reigned in the world, and were especially zealous for icons, worshipping only pre-Nikon images. The active growth of the adherents of the creed in the middle of the 19th c. prompted the creation of their own icon-painting. The analysis of the source allows tracing the history of the formation of icon-painting among the Wanderers based on biographies of two icon painters – Ilya Repkin and Antipa Smirnov, who Zalessky called the founders of the Wanderers’ icon painting. It is established that these icon painters learned the craft from a certain Yaroslavl Old Believer icon painter. They used the miniature carving technique on stone, wood, bone, and nacre. Later, Smirnov used miniature painting in the Stroganov style as the most appropriate to the idea of escape and shelter. Repkin and Smirnov trained people who became icon painters of the Yaroslavl and Ivanovo districts. The names and number of icon painters of the Ivanovo district, the geography of their origin are given; in some cases their mentor status is established, which confirms the special importance of possessing the icon-painting craft for the elders of the Wanderers. At the same time, the source leaves open the question of the unity of the style of the Wanderers’ icon painting, although Zalessky believed that by the beginning of the 20th c. they had established a kind of school, which he called “Poshekhonskaya”. The author notes the contradiction between the unique artistic talent of Antipa Smirnov and the general ideas of the Wanderers’ mentors about what the “right” icon was: the focus was not the art quality, but fidelity to the conventionally understood ancient tradition of icon painting and the icon painter’s moral way of life. The introduction of this unique written source is the first step towards the identification and study of the icon painting heritage of the Wanderers in the extant complex of works of the Old Believer culture, and towards the study of local icon painting centers in the different regions where the adherents of the Wanderers live.

REFERENCES

1. Podkovyrova, V.G. (2002) Illyuminirovannyye strannicheskie rukopisi v sostave Kargopol'skogo sobraniya BAN Rossii [Illuminated Wanderers’ manuscripts as part of the Kargopol Collection of the Library of the Academy of Sciences of Russia]. In: Reshetnikov, N.I. (ed.) *Khristianstvo i Sever. Po materialam VI Kargopol'skoy nauchnoy konferentsii* [Christianity and the North. Based on the materials of the VI Kargopol Conference]. Moscow: [s.n.]. pp. 165–166.
2. Plaksina, N.E. (2012) Ikonopisnoe iskusstvo kargopol'skikh strannikov [Icon painting art of Kargopol Wanderers]. *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektsionirovaniya*. 3 (94). pp. 4–20.
3. Plaksina, N.E. (2018) [Artistic heritage of Old Believers-Wanderers of the Kargopol district in public and private collections of the North-West Federal District]. *Kargopol' i Russkiy Sever v istorii i kul'ture Rossii. X–XXI vv.* [Kargopol and the Russian North in the history and culture of Russia. 10th–21st centuries]. XIV Kargopol Conference Proceedings. 15–18 August 2016. Kargopol. pp. 235–239. (In Russian).
4. Plaksina, N.E. (2016) Organizatsiya ikonopisnogo dela sredi staroobryadtsev-strannikov (po materialam BAN) [Organization of icon painting among Old Believers-Wanderers (based on the materials of the Library of the Academy of Sciences)]. In: *Sovremennyye problemy arkheografii* [Modern problems of archeography]. Vol. 2. Saint Petersburg: National Library of Russia. pp. 421–434.
5. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 83. Zalesskiy, M.I. *Il'ya Repkin i Antipa Smirnov, ikh zhizn' i tvorchestvo v svyazi s obshchim obozreniem iskusstva ikonopisaniya sredi strannikov* [Ilya Repkin and Antipa Smirnov, Their Life and Work in Connection With the General Survey of the Art of Icon-Painting Among the Wanderers].
6. Prokuratova, E.A. (2010) *Staroobryadcheskaya kul'tura Komii kraia XVIII–XX vekov: knigopisnaya deyatel'nost' i literaturnoe tvorchestvo udorskikh staroverov* [Old Believer Culture of the Komi Territory of the 18th–20th Centuries: Book Writing and Literary Creativity of the Udor Old Believers]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.
7. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 83.
8. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 86. Vinogradov, F.I. *Antipa Smirnov kak khudozhnik* [Antipa Smirnov as an artist].
9. Library of the Academy of Sciences (BAN). Kargopol Collection. 284.

Received: 11 February 2021

КРАСНЫЕ СЕСТРЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ИДЕОЛОГИЯ И САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН*

Рассматриваются образы красных сестер, являвшихся и медицинскими работниками, и солдатами, формируемые партийной пропагандой (А. Коллонтай, И. Арманд) и адаптированные в мемуарах участниц Гражданской войны. Констатируется, что в феномене «красной сестры» не закладывалась дихотомия женское/мужское, в нем происходило расширение фемининной идентичности, когда к традиционным женским добродетелям (утешение, забота, вдохновение) добавлялась мужская доблесть и воинственность.

Ключевые слова: сестра милосердия; красная сестра; фемининность; Гражданская война; мемуары.

Красные сестры – уникальное явление, возникшее во время Гражданской войны в России и прекратившее существовать с наступлением мирной жизни. Впервые женщины массово участвовали в войне и в качестве медицинских работников, и в роли бойцов. Незнученными остаются как сущность феномена, так и восприятие образа красной сестры в культуре. В данной статье мы попытаемся выявить специфику данного феномена, формируемого партийной пропагандой, и в первом приближении проследить его рецепцию в мемуарах красных сестер.

Крупнейшее изменение гендерного порядка в начале XX в. было вызвано Первой мировой войной. Произошла дестабилизация традиционных моделей маскулинности и фемининности, нарушилась норма, при которой мужчинам отводилась господствующая, активная роль, а женщинам – пассивная, подчиненная [1. С. 386]. В связи с тотальностью войны и массовостью призыва мужчин женщины заменили их на профессиональном поприще в тылу, а также стали проникать на фронт, и не только в качестве обслуживающего и ухаживающего персонала, но и в качестве воинов. Но если в Первую мировую войну норма была разрушена, то во время последовавшей за ней Гражданской войны произошло дальнейшее ее переосмысление, и изменения затронули еще большее количество женщин.

Красные сестры: сущность феномена. Кратко остановимся на истории появления красных сестер в России, изучим наполнение термина и ответим на вопрос, как конструировалась фемининность данного феномена. Явление «красные сестры» возникает в 1917 г.: еще во время Февральской революции начинает действовать первая пролетарская санитарная помощь. А в течение 1917 г., когда на фабриках и заводах начинают создаваться отряды Красной гвардии, возникают санитарные женские отряды. Началась запись рабочих и работниц для подготовки их к оказанию первой помощи, которая проходила на краткосрочных курсах в красногвардейских отрядах. Все это было достаточно спонтанно, и уже первые «красные сестры» участвовали в обороне Петрограда и в боях в Москве.

Красные сестры набирались из работниц и крестьянок. Это были малограмотные, ничего не сведущие в медицине женщины. Обучение некоторых из них в

начале Гражданской войны бывало настолько кратковременным, что сводилось к однократному показу профессиональной сестрой, как делать перевязки. И новоявленные сестры сразу пускались в работу: «Я была «красной сестрой», и у меня не было подготовки, потому что, когда нас мобилизовали, то в скором времени прямо направили на Южный фронт» [2. Л. 2].

Организованный призыв женщин в армию начинается в 1918 г. Советской власти были нужны лояльные ей медики, стать ими были призваны работницы. Тогда был создан новый план обучения и программы школ сестер милосердия, и на некоторое время сохранялось название «сестра милосердия» [3. С. 34]. Во время Гражданской войны большее распространение получило наименование «красные сестры», что отсылало к религиозно-христианскому происхождению понятия. Об этом свидетельствует и появляющееся в некоторых источниках упоминание «красные братья и сестры». Только в 1920 г. появился циркуляр народного комиссариата здравоохранения РСФСР № 1026, исключивший слово «милосердие» из названия профессии. Позже закрепилось название «медицинская сестра», хотя предлагались и другие варианты (замврач, помврач и др.) [4. С. 93].

Важной составляющей обучения красных сестер была политическая грамота. В программе курсов объяснялись причины Гражданской войны и ее отличие от войны империалистической. Следующим пунктом было разъяснение политики советской власти, особенно в отношении женщин: работниц и крестьянок. Рассказывалось о революционном движении работниц, о роли коммунистической партии. Также говорилось непосредственно о работе красной сестры [5]. Но такая подготовка была у сестер спустя два года после начала Гражданской войны, в самом начале войны они не успевали обучиться всему перечисленному.

Прежде профессионального обучения сестринскому делу шла агитация по привлечению их в ряды Красной армии. Именно в пропагандистских высказываниях формировался новый образ «красной сестры», который получил распространение на фронтах Гражданской войны. Нужно отметить, что изменение восприятия сестер милосердия происходит не моментально. Если в начале Первой мировой войны они были символом патриотического и христианского долга, то уже к концу войны образ становится более

грубым и реалистичным, что предвосхищало репрезентацию участниц Гражданской войны [6. С. 116]. Вместе с тем расширение функций сестер – не только лечить, но и воевать – происходит именно в большевистских требованиях.

Сущность феномена формировалась в высказываниях партийных активисток. Больше всех внимания организации красных сестер уделила А.М. Коллонтай. В своей работе «Работницы, крестьянки и Красный фронт» она писала: «Красный фронт нуждается в пролетарских сестрах милосердия, в сознательных и преданных делу рабочего класса санитарках» [7. С. 21]. Риторика создания образа красных сестер основана на противопоставлении их сестрам империалистической войны. В первую очередь важна была классовая разница. Сестры предыдущей войны были выходцами из буржуазного класса. Они шли на войну, так как та была в интересах их класса: «Во главе общин сестер чаще всего стояли княгини, графини, всякие титулованные особы. И дух у сестер был определенный: за царя, за буржуазное отечество» [7. С. 21]. Сестры и солдаты принадлежали к разным классам: «У солдат с этими сестрами нет общего языка, нет дружбы, доверия, понимания» [7. С. 22]. Сестры приравнивались к офицерам, и были выше солдат по званию. По утверждению Коллонтай, сестра нового типа должна быть того же класса, что и солдат, а это в ситуации Гражданской войны означало принадлежность к той же воюющей стороне. Общность социального происхождения определяла наличие общих задач и возможность взаимопонимания.

К выполнению непосредственных обязанностей медицинского работника присоединялась еще функция интеллектуального и духовного обслуживания: «Сестра не только санитарка, она невольно является и агитатором. <...> Раненому нужно поддерживать его дух и направлять его мысли, чтобы он забывал о своих страданиях и помнил о великом деле. <...> Надо, чтобы «красная сестра» умела показать умирающему брату-солдату, что он – народный герой, погибающий за великое дело освобождения своего класса» [7. С. 22]. Тратя свою энергию на духовный подъем бойца, сестра идейно сближалась с солдатом и становилась его соратницей в борьбе за освобождение рабочего класса.

Схожим образом высказывался один из организаторов системы здравоохранения в СССР Н.А. Семашко. Он, не имея в виду исключительно женщин, пояснял, что только рабочие и крестьяне могут быть ухаживающим персоналом: «Ибо они знают, что здесь, в палате на койке, лежит не «несчастный солдатик», о котором нужно «пещись для спасения души», а такой же крестьянин и рабочий, плоть от плоти, кость от костей их, их действительный брат по духу и телу» [8. С. 28]. Духовное родство внутри класса он мыслил совершенно мистическим образом – через телесное, формулируя его языком библейского текста.

Еще одно отталкивание от типа сестер прежней войны у Коллонтай происходит в плоскости пола. По ее мнению, которое не совсем подтверждают факты, для сестер милосердия Первой мировой войны половая идентичность была важной. Многие из них отправлялись на фронт найти жениха или заводили там

близкие отношения, что способствовало распространению венерических заболеваний [7. С. 22]. Таким образом, сестры милосердия Первой мировой войны в речах Коллонтай становятся пропагандистским символом, олицетворяющим непристойное поведение на фронте. Характерно, что такое же противопоставление типично и для другой воюющей стороны: в представлении бойцов германских добровольческих корпусов медсестры большевиков были профессиональными проститутками [6. С. 122]. То есть Коллонтай в данном случае оперирует не действительными фактами, а формирует символическое поле, в котором сестры милосердия олицетворяют порочность и высокомерие, а красные сестры становятся прекрасными борцами за лучшую жизнь. Представление о сестринстве времен империалистической войны как об одной из возможностей реализации женственности в ее традиционном понимании станет характерным для советского времени: «Считалось особым родом франтовства быть сестрой милосердия. Удачная, хоть и временная карьера! Как же? Красивая форма, всеобщее внимание, возможность флиртовать в госпиталях с офицерами...» [9. С. 52–53].

Первоочередной задачей Коллонтай видела агитацию среди сестер, чем она и занималась. Создаваемая ею образность, безусловно, эффективно влияла на женщин. Они были вдохновлены ее выступлениями, в которых им внушалась очень высокая миссия, и под их влиянием шли в санитарки. Так, сестра Т.В. Малыгина вспоминала, что после выступления Коллонтай на Центральной телефонной станции в 1918 г. и призывов ее оказывать активную помощь Красному фронту 20 телефонисток тут же записались в красные сестры [9. С. 26–27].

Для новых сестер, по мнению Коллонтай, принципиальной становится внегендерность. Сближение полов, по ее утверждению, нехарактерны для фронта. Она исключает возможность половых отношений между сестрами и солдатами, объясняя это тем, что перед лицом смерти все другие человеческие чувства теряют значение, а невзгоды роднят бойцов вне зависимости от пола. Еще одним аргументом в пользу преодоления признаков пола, стирания границ между мужчинами и женщинами было нахождение их в армии на равном положении. Здесь она снова обращается к понятию класса, утверждая, что буржуазия боится уравнивания женщины и мужчины в правах (поэтому при Керенском были созданы отдельные Женские батальоны, что неизменно дразнило воображение солдат). Наступающее социальное равенство способно победить гендерное неравенство и гендерные отличия: «Работница в шинели перестает быть женщиной, прежде всего она “боевая единица”» [7. С. 26]. По мнению Коллонтай, конец зависимости женщины наступит тогда, когда она будет владеть винтовкой.

Утверждение гендерного равенства на фронте вменялось в обязанность женщине. Коллонтай считала, что «задача красной сестры – научить уважать каждую санитарку, как человека и товарища» [7. С. 23]. Своей серьезностью и строгим поведением, осознанием того, что она тоже «солдат на посту», сестра могла бы приучить красноармейцев смотреть

на женщину как на человека. Ее дело – своим примером показать разницу с сестрами царского времени. В качестве образцов женщин на войне Коллонтай приводит Флоренс Найтингейл, положившей начало Красному Кресту, и Жанну д'Арк, вдохновлявшую солдат. В Гражданскую войну Коллонтай видит задачей тысяч девушек поднимать дух товарищей, разжигать сердца солдат верой в победу.

Вообще, Коллонтай полагала, что вовлечение женщин в военное дело – это не временная задача, ограниченная периодом Гражданской войны, а «жизненная задача класса», так как участием женщин на фронте преодолеваются предрассудки, питающие неравенство [10. С. 7]. Через общий призыв в войска мужчины и женщины становятся равноправными членами государства. Эти взгляды на роль женщины в Гражданской войне разделяла и другая известная революционерка – И.Ф. Арманд. Она утверждала, что работницы должны пойти на фронт в качестве сестры милосердия, агитатора и красноармейца [11. С. 68]. То, что воевать может только мужчина, она признает предрассудком. Работница должна стать солдатом революции [11. С. 70].

Типичным становится формирование красной сестры через отрицание значимости сестер милосердия Первой мировой войны. Оно логично продолжает цепочку противопоставления: Гражданской войны – войне империалистической, интересов рабочего класса – интересам буржуазии, становясь одним из элементов негативной пропаганды советского времени. Хотя сам феномен «красные сестры» был настолько ограничен во времени, что не успел попасть в словари [12. С. 311], само понятие остается актуальным на протяжении достаточно долгого периода обращения к этому явлению. Например, упомянутое противопоставление фигурировало в книге видной партийной функционерки Софьи Смидович 1927 г. издания: «Красные сестры – это не сестры милосердия старого времени, которые набирались из разных дам и под охраной красного креста, даже попадая в плен к неприятелю, щадились по военным законам, как люди, не имеющие к военным действиям непосредственного отношения. Нет. Наши красные сестры были в то же время и боевыми товарищами <...>. Они шли на фронт не для того, чтобы благотворительствовать» [13. С. 33–34]. Таким образом, отвергалось представление о роли сестры на фронте, которая не воюет, а спасает, находясь над схваткой, при случае готовая прийти на помощь и врагу. Понятия о нейтральности больше не существовало, все подчинялось делению воюющих на своих и врагов.

Женщины-воины: существовавшие до Гражданской войны практики. Несмотря на то что формирование образа красной сестры происходило в соотношении с образом сестры милосердия, кажется целесообразным выделить черты, которые были заимствованы из образа женщины-воина, ведь красные сестры, в отличие от сестер милосердия, с винтовкой участвовали в боях. Издревле женщина становилась воином, мимикрируя под мужчину, отказываясь от фемининной идентичности. Так, женщины присваивали мужские стереотипы поведения: «Молодые

женщины отрезали свои косы, старались затемнить цвет лица (загаром или косметикой), начинали курить, чтобы голос стал более грубым, затем приобретали солдатскую форму и пробовали устроиться в войска действующей армии» [14. С. 42]. «Присваивая мужское имя, женщины-солдаты формировали важный психологический конструкт вписывания своей личности в гендерную норму окружения, тем самым присваивая самость Другого, реализуя, таким образом, одну из стратегий нивелирования гендерного напряжения в военной среде (в мужском сообществе)» [15. С. 146]. Самой известной такой женщиной-воином столетием ранее стала кавалерист-девица Надежда Дурова. В Первую мировую войну подобные случаи были не единичны: среди тех, о ком известно, – спортсменки Кудашева и Мария Исаакова, кубанская казачка Елена Чоба [16. С. 428–429] и др.

Но самый яркий пример женщины-солдата в Первую мировую войну – Мария Бочкарева, которая знаменует изменение этой принятой практики перевоплощения женщины в солдата. Она получила высочайшее разрешение от царя на службу солдатом, а потому находилась в армии легально. Бочкарева создала свой гендерный проект, постепенно добываясь равноправия с мужчинами в армии, и обрела субъектность. Она вела себя по-мужски, просила называть себя «Яшкой», но при этом сохраняла в себе характерную для женщин жертвенность: вытаскивала раненых с поля боя, перевязывала их. То есть отвергнутая ею при поступлении на фронт фемининность (она отказывается быть сестрой милосердия, предпочитая воевать с оружием в руках) все же остается неотъемлемой характеристикой ее как женщины-воина.

С именем Бочкаревой связана и подхваченная впоследствии большевиками идея восприятия женщин на фронте как способных вдохновить деморализованных бойцов на продолжение войны. Идея была реализована при создании женских воинских подразделений летом и осенью 1917 г. Этот уникальный проект по созданию специальных женских войск, инициированный Бочкаревой и одобренный Керенским, был предпринят главным образом в пропагандистских целях: женщины должны были своим примером вдохновлять мужчин, поднимать их моральный дух или стыдить их.

В Женских батальонах смерти пример Бочкаревой стандартизируется и формирует второй тип женщины-воина. Женщина законно находилась в армии под своим именем, следовательно, фемининность образа сохранялась, так как для всех крайне важным было то, что это женщина. Оставаясь в своем женском облике, женщины присваивали себе «мужскую» функцию – воевать. Здесь официальная риторика решила поиграть с типичными представлениями о слабости – силе, приписываемыми женскому и мужскому полу, и через переворачивание этих характеристик вернуться к принятому варианту. Фемининность женщины-воина традиционно означала ее слабость, которая в условиях разваливающейся армии должна была послужить силой, способной вернуть на фронт «настоящих» солдат (не женщин). Пропаганда опиралась на то, что даже хрупкие и слабые женщины готовы защищать отечество, и именно это должно было уязв-

лять мужское самолюбие, ведь ставило их ниже женщин в традиционной иерархии полов: слабая женщина, становясь воином, обретает силу, значит, мужчина, который отказывается быть воином, становится «хуже бабы». Вместе с тем сами женщины-воины вполне ощущали свою субъектность и в большинстве своем добросовестно выполняли возложенную на них задачу защиты родины, они воспринимали себя как последний оплот защиты отечества, и для них идея их «слабости» не работала. Таким образом, если в первом случае фемининность полностью замещается маскулинностью, то во втором – сохраняемая фемининность присваивала «мужские» черты, что бросало вызов существующей маскулинности.

Теперь посмотрим, что же нового в отношении женского опыта участия в войне было в понятии «красной сестры». В него изначально не закладывалась дихотомия женское/мужское, что было в существовавших до Гражданской войны двух типах женщин-воинов. В рамках марксистского феминизма борьба полов виделась менее важной, чем война классов. Хотя существование неравенства полов признавалось, классовая общность в условиях Гражданской войны была важнее существующей несправедливости по отношению к женщинам. Феномен «красная сестра» формировался на основе фемининности. Но здесь нивелировался эффект провокативности, характерный для восприятия обществом женских батальонов смерти. В рамках данного понятия к традиционным женским добродетелям (утешение, забота, вдохновение) добавляется мужская доблесть и воинственность. Фемининная идентичность расширяется, что трактуется не как вызов обществу, а как стремление к равноправии полов. В Первую мировую войну примером такого поведения был подвиг сестры милосердия Риммы Ивановой, которая после смерти командира повела полк в атаку. Этот известный случай был исключительным. В Гражданскую войну расширенная фемининность переставала быть уникальной и для многих ее участниц становилась нормой. Таким образом, чаяниями партийных функционеров, исключение в предыдущие периоды становится распространенным явлением в Гражданскую войну.

Образы красных сестер в их собственных воспоминаниях. Посмотрим, как формируемые агитацией образы красных сестер адаптировались ими и впоследствии отражались в их собственных воспоминаниях. Одной из типичных особенностей подобных мемуаров становится часто возникающее коллективное «мы», когда мемуаристка пишет не только и не столько о себе и своем опыте, сколько ассоциирует себя с группой, к которой в тот момент принадлежала. Таким образом, можно утверждать, что партийное обращение к работницам как некоей общности, коллективу единомышленниц, было ими апроприировано и, в случае красных сестер, формировало некий коллективный опыт, который через «мы» рассказчицы представал как объективный.

Собственная значимость формируется в воспоминаниях за счет нивелирования опыта предшественниц, а собственный образ создается через негативный образ Другого. Сестрам милосердия приписывается за-

цикленность на себе («больше занимались своими делами, чем красноармейцами» [17. Л. 3 об.]). Мемуаристка Родченко прямо отвергает опыт прежних сестер. Она упоминает, что в империалистическую войну не было женщин-работниц: «Правда, у них тоже были “сестры милосердия”, но разве это такие же сестры, какие были в гражданскую войну. Разве они могли работать в тех условиях, в каких работала наша женщина-работница в гражданскую войну. Конечно, нет» [2. Л. 1]. О чем же шла речь? Гражданская война отличалась от Первой мировой неизмеримо худшими условиями работы сестер. Если в годы империалистической войны сестры имели отдельные помещения, возможность содержать себя в чистоте, хорошее питание, необходимые медикаменты, то в условиях Гражданской войны они были этого лишены [4. С. 96]. Например, Е.П. Михайлова-Лисенкова вспоминала о состоянии оборудования в одном из госпиталей: «Операционные инструменты были настолько затупившиеся, что ими приходилось не резать, а пилить» [18. Л. 12]. Между тем условия работы были совсем не ограничивающим фактором для новых медработников, сестры осознавали свое классовое единство с солдатами и были воодушевлены на помощь им: «Мы, женщины-работницы, можем работать и работаем лучше, чем те сестры, которые раньше работали в госпиталях» [2. Л. 2].

Наглядное противопоставление двух типов сестер появляется в воспоминаниях Михайловой-Лисенковой, где возникает образ сестры Журавской: «Это была старая сестра, участвовавшая на Германском фронте, неоднократно за эту войну награжденная медалями и Георгиевскими крестами, увешанная которыми она и ходила» [18. Л. 7]. Но она отказалась находиться в боевых цепях, когда ее назначили на позицию. «Красногвардейцы считали, что спокойнее идти в бой, когда рядом есть сестра для перевязки. Журавская не пошла и во время всего боя сидела в эшелоне вся позеленевшая, и от ужаса ничего не могла делать, т.к. рядом с эшелоном все время рвались снаряды, и спокойных мест не было» [18. Л. 7]. Показательно здесь, что мемуаристка создает зримый образ сестры Журавской, хотя сама в то время, видимо, была в бою. Это подтверждает мысль о том, что основной способ подчеркнуть собственную значимость и пользу для общего дела в отсутствие медицинского профессионализма – это опорочить сестер времен Первой мировой войны как безыдейных белоручек, не имея на то особых оснований.

Дискредитация сестер Первой мировой войны – пропагандистский конструкт, который из речей партийных лидеров переходит в эго-документы. При этом в мемуарах проговаривается и другая реальность, идейно не осмысленная ни их авторами, ни тем более партийными функционерами. Речь идет о том, что зачастую красных сестер обучали медицинскому делу примкнувшие к революции сестры империалистической войны. Михайлова-Лисенкова вспоминает о том, что искусству делать перевязки учила их Александра Гилярова – студентка медицинского института, бывшая до революции сестрой милосердия; а санитарный отряд

был сильным, потому что в него входили, помимо санитарок, две студентки-медики и один медик [18. Л. 1].

Образ сестры – идейной вдохновительницы бойца также переходит из большевистской агитации в мемуары. В воспоминаниях возникает образ сестры-пропагандистки, которая при любой возможности агитирует за ведение Гражданской войны. Е.И. Васильева вспоминает, что агитация была возможна только при установлении достаточно спокойной обстановки на фронте, сестрам «разрешалось читать газеты и беседовать с ними <красноармейцами> по текущему моменту, даже в окопах» [19. Л. 13]. Родченко пишет: «Во время перерыва, когда не было стрельбы, мы, женщины, ходили среди красноармейцев и говорили им о том великом деле, которое возложено на них. Делали это так: брали махорки, бумаги и шли. <...> И вот так с ними разговоришься, и слушают они внимательно и расспрашивают. Потом угостишь их махоркой, они еще более разговорчивы становятся. Так мы, сестры, старались влить бодрость в солдат, изжить дезертирство среди них» [2. Л. 3]. Таким образом, функция борьбы с дезертирством, вменяемая женским

батальонам смерти, продолжала быть актуальной и для женщин, служащих в Красной армии.

Итак, сестры нового типа объединяли в себе фемининные и маскулинные качества. Они обслуживали раненых (в том числе интеллектуально и эмоционально) и сами выступали в роли бойцов. Таким образом, они несли нагрузку, никогда ранее не требовавшуюся ни от медицинских работников, ни от женщин, оказавшихся на фронте. Хотя в партийной риторике и в самовосприятии участниц феномен красных сестер формировался на отвержении образов сестер милосердия предыдущей войны, но, по сути, их опыт учитывался и дополнялся характеристиками, свойственными воинам женских батальонов. Само понятие «красной сестры» вполне объяснялось марксистским феминизмом, представителями которого были упомянутые партийные лидеры, но отрицалось наличие у женщин отдельных от своего класса потребностей. В Гражданскую войну в образах красных сестер происходило расширение традиционной модели фемининности, которая впоследствии будет положена в основу формирования типа «советской женщины».

ЛИТЕРАТУРА

1. Большакова О.В. На восточном фронте без перемен: зарубежная русистика о гендерной истории Первой мировой войны в России // Труды по русистике. 2014. № 5. С. 383–396.
2. Родченко. Воспоминания бывшей работницы ткацкой фабрики об участии в гражданской войне против Деникина, Махно и в подавлении кронштадтского мятежа в составе санитарного отряда в 1919–1921 годах // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 331.
3. Акодус Я.И. Медицинская сестра Советского Красного Креста. М. : Медгиз, 1955. 64 с.
4. Конохова А.С. Сестры милосердия в годы революции и гражданской войны // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 91–99.
5. Программа политической грамоты для курсов Красных сестер: Вступительные занятия. М. : Гос. изд-во, 1920. 1 л. // РКП(б). Центральный комитет. Отдел по работе среди женщин. Сборник инструкций отдела ЦК РКП по работе среди женщин / Российская Социалистическая Федеративная Советская республика. М. : Гос. изд-во, 1920. 51 с.
6. Колоницкий Б.И. Образ сестры милосердия в культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох : сб. статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М. : НЛЮ, 2014. С. 100–126.
7. Коллонтай А.М. Работницы, крестьянки и Красный фронт. М. : Изд-во Всерос. Центр. Исполн. Комитета Советов Р.,С.,К. и К. Депутатов, 1919. 32 с.
8. Семашко Н. Красная армия и красный медицинский персонал // Коммунистка. 1920. № 1. С. 28–29.
9. Товбин М.М. Санитарные дружинницы и красные сестры. М. : [Моск. рабочий], 1958. 56 с.
10. Коллонтай А.М. Классовая война и работницы // Коммунистка. 1920. № 5. С. 5–9.
11. Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М. : Политиздат, 1975. 287 с.
12. Русев И.Т., Скрябина Н.В., Михеев А.В. История термина «сестра» в отечественной медицине // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2015. № 3 (51). С. 309–313.
13. Смилович С. Работница и крестьянка в Октябрьской революции. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. 148 с.
14. Щербинин П.П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 3. С. 42–49.
15. Перельман И.В. Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (83). С. 142–148.
16. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов : Юлис, 2004. 508 с.
17. Аникович З.Л. Воспоминания бывшей сестры милосердия об участии в гражданской войне петроградских женщин-работниц против Юденича в 1919 году // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 285.
18. Михайлова-Лисенкова Е.П. Воспоминания бывшей работницы Петроградского завода об Октябрьской революции 1917 года в составе санитарного отряда в боях под Пулковом // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 442.
19. Васильева Е.И. Воспоминания Васильевой Екатерины Ивановны о работе сестрой милосердия на германском фронте в 1915–1917 гг., в комиссариате печати, агитации и пропаганды в Петрограде в 1918–1919 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 331.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2021 г.

Red Nurses in the Russian Civil War: Ideology and Self-Presentation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 188–193.

DOI: 10.17223/15617793/469/25

Olga A. Simonova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: osimonova@yandex.ru

Keywords: sister of mercy; Red nurse; femininity; Russian Civil War; memoirs.

The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

The article deals with Red nurses, a unique phenomenon that appeared during the Russian Civil War. Red nurses represented a new type of women who participated in the war both as medical workers and as fighters. The history of their emergence is traced; their main tasks are identified. The nurses were ideologized by the speeches of Alexandra Kollontai, Inessa Armand, and others, who reproduced the party propaganda during the Civil War. First of all, the class difference was important. If World War I nurses were from the bourgeois class, the new nurses were workers and peasants. Their priority was not medical knowledge, but the idea of fighting for the victory of the working class. The role of the sister of mercy “above the fight” was rejected, and the Red nurse was defined as an ideological ally and comrade of the soldier. For Kollontai and Armand, the involvement of women in the military was not a temporary task limited to the period of the Civil War, but a goal of the working class. Women’s participation at the front helped to overcome the prejudices that fed gender inequality. The new image of the Red nurse was formed not only on the basis of an opposition to the sister of mercy, but also in relation to the female warrior. Traditionally, a woman was becoming a warrior by taking a male name, giving up her identity of femininity. The phenomenon of the Red nurse was based not on the female/male dichotomy, but on the expansion of the identity of femininity, when the traditional female virtues (consoler, caregiver, inspirer) were supplemented by “male” valor and belligerence. In the Civil War, extended femininity ceased to be unique and became a norm for many of its female participants. In unpublished memoirs, they often identified themselves as Red nurses. This self-identification emphasized the importance for them of the role they only played during the war. Recalling the Red Sisterhood, memoirists referred to the collective “we”. This way they appropriated the party’s appeal to female workers as a group of like-minded women, and the collective experience presented through the narrator’s “we” seemed to be objective. Self-importance was formed through the denigration of the sisters of mercy. This was a propaganda construct that passed from the speeches of party leaders into ego-documents. Another perceived idea was the image of a propagandist sister who agitated for participation in the Civil War whenever possible. Thus, the construction of the images of Red nurses depends on political discourse. In the images of Red nurses, the traditional model of femininity was expanded, which would later form the basis for the formation of the “Soviet woman” type.

REFERENCES

1. Bol'shakova, O.V. (2014) Na vostochnom fronte bez peremen: zarubezhnaya rusistika o gendernoy istorii Pervoy mirovoy voyny v Rossii [All Quiet at the Eastern Front: Foreign Russian Studies on the Gender History of the First World War in Russia]. *Trudy po rossievedeniyu*. 5. pp. 383–396.
2. Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund R-4000. List 12. File 331. Rodchenko. *Vospominaniya byvshey rabotnitsy tkatskoy fabрики ob uchastii v grazhdanskoy voyne protiv Denikina, Makhno i v podavlenii kronshtadtskogo myatezha v sostave sanitarnogo otryada v 1919–1921 godakh* [Rodchenko. Memories of a former worker of a weaving factory about participation in the Civil War against Denikin, Makhno and in the suppression of the Kronstadt rebellion as part of a sanitary detachment in 1919–1921].
3. Akodus, Ya.I. (1955) *Meditsinskaya sestra Sovetskogo Krasnogo Kresta* [Medical nurse of the Soviet Red Cross]. Moscow: Medgiz.
4. Konokhova, A.S. (2012) Sisters of Mercy during the Revolution and Civil War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 91–99. (In Russian).
5. RCP (b). Central Committee. Department for Work among Women. (1920) Programma politicheskoy gramoty dlya kursov Krasnykh sester: Vstupitel'nye zanyatiya [Political Literacy Program for Red Nurses Courses: Introductory Lessons]. Moscow: Gos. izd-vo.
6. Kolonitskiy, B.I. (2014) Obraz sestry miloserdia v kul'ture epokhi Pervoy mirovoy voyny [The image of a sister of mercy in the culture of the era of the First World War]. In: Bruish, K. & Kattser, N. (eds) *Bol'shaya vojna Rossii: Sotsial'nyy poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoy i sovetskoy epokh* [The Great War of Russia: Social order, public communication and violence at the turn of the Soviet era]. Moscow: NLO. pp. 100–126.
7. Kollontai, A.M. (1919) *Rabotnitsy, krest'yanki i Krasnyy front* [Female workers, peasant women and the Red Front]. Moscow: Izd-vo Vseros. Tsentr. Ispoln. Komiteta Sovetov R., S., K. i K. Deputatov.
8. Semashko, N. (1920) Krasnaya armiya i krasnyy meditsinskiy personal [The Red Army and Red medical personnel]. *Kommunistka*. 1. pp. 28–29.
9. Tovbin, M.M. (1958) *Sanitarnye družinnitsy i krasnye sestry* [Female sanitary guards and Red nurses]. Moscow: [Mosk. rabochiy].
10. Kollontai, A.M. (1920) Klassovaya vojna i rabotnitsy [Class war and female workers]. *Kommunistka*. 5. pp. 5–9.
11. Armand, I.F. (1975) *Stat'i, rechi, pis'ma* [Articles, speeches, letters]. Moscow: Politizdat.
12. Rusev, I.T., Skryabina, N.V. & Mikhhev, A.V. (2015) Istoriya termina “sestra” v otechestvennoy meditsine [History of the term “nurse” in domestic medicine]. *Vestnik Rossiyskoy VoЕННО-meditsinskoy akademii*. 3 (51). pp. 309–313.
13. Smidovich, S. (1927) *Rabotnitsa i krest'yanka v Oktyabr'skoy revolyutsii* [Female worker and peasant woman in the October Revolution]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
14. Shcherbinin, P.P. (2004) Zhenshchiny v russkoy armii v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 godov [Women in the Russian Army during the First World War of 1914–1918]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 42–49.
15. Perel'man, I.V. (2017) Influence of the First World War on Development of the Russian Gender System. Phenomenon of Maria Bochkareva. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 9 (83). pp. 142–148. (In Russian).
16. Shcherbinin, P.P. (2004) *Voennyi faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX veka* [The military factor in the everyday life of a Russian woman in the 18th – early 20th centuries]. Tambov: Yulis.
17. Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund R-4000. List 12. File 285. Anikovich, Z.L. *Vospominaniya byvshey sestry miloserdia ob uchastii v grazhdanskoy voyne petrogradskikh zhenshchin-rabotnits protiv Yudenicha v 1919 godu* [Memories of the former sister of mercy about the participation in the Civil War of women workers in Petrograd against Yudenich in 1919].
18. Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund R-4000. List 12. File 442. Mikhaylova-Lisenkova, E.P. *Vospominaniya byvshey rabotnitsy Petrogradskogo zavoda ob Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 goda v sostave sanitarnogo otryada v boyakh pod Pulkovo* [Memories of a former worker of the Petrograd Plant as a member of a sanitary detachment in the battles near Pulkovo about the October Revolution of 1917].
19. Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund R-4000. List 18. File 331. Vasil'eva, E.I. *Vospominaniya Vasil'evoy Ekateriny Ivanovny o rabote sestroy miloserdia na germanskoy fronte v 1915–1917 gg., v komissariate pechati, agitatsii i propagandy v Petrograde v 1918–1919 gg.* [Memories of Ekaterina Ivanovna Vasilyeva about her work as a sister of mercy on the German front in 1915–1917 and in the press, agitation and propaganda commissariat in Petrograd in 1918–1919].

Received: 20 March 2021

Ф.Х. Соколова, М.М. Паникар

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920–1930 гг.

На базе документов региональных архивов выявлена динамика политических репрессий против интеллигенции Европейского Севера России в первой трети XX века. В рассматриваемый период было выделено три ключевых этапа репрессивной политики советской власти по отношению к региональной интеллигенции, каждый из которых был обусловлен целым комплексом причин конкретно-исторического характера. В научный оборот введены ранее неопубликованные архивные данные, позволяющие реконструировать масштабы репрессий против интеллигенции в Северном крае.

Ключевые слова: интеллигенция; политические репрессии; Европейский Север России; первая треть XX в.

Интеллигенции свойственна склонность к теоретическому осмыслению и оценке общественных процессов, критическое восприятие действительности. В силу специфики профессиональной деятельности она менее подвержена беспрекословному подчинению официальным идеологическим установкам. Эти существенные черты интеллектуального слоя делают его неуютным любому авторитарному режиму. За свое свободомыслие и инакомыслие Интеллигенция была объектом политического преследования как в царской России, так и в Советском Союзе. Однако масштабы зачастую ничем не обоснованных репрессий против носителей культуры и знаний, организованные властными структурами в 1920–1930-х гг., несопоставимы с периодом российского абсолютизма.

Проблема политических репрессий советской власти против интеллигенции в 1920–1930-х гг. имеет давнюю исследовательскую традицию и на протяжении длительного времени волнует ученых различных отраслей научных знаний. При этом акценты постепенно смещались от оправдания террора по отношению к интеллигенции к его осуждению. В советской историографии 1930–1950-х гг. данная проблема рассматривалась преимущественно в ракурсе вины интеллигенции, исторического суда над ней. Большая часть интеллигенции представлялась в образе сознательного и бессознательного (в силу социального происхождения и материального положения) классового врага пролетариата, препятствующего построению «светлого социалистического будущего». Хрущевская оттепель приоткрыла завесу на необоснованный террор в годы сталинского режима и положила начало постепенному оправданию интеллигенции перед судом истории. Исследования крупных советских историков 1970–1980-х гг., в частности С.А. Федюкина, В.С. Волкова, В.Л. Соскина, С.А. Красильникова, положили начало более объективному анализу проблемы. Теоретические положения о том, что моральные и социально-психологические установки российской интеллигенции совпадали с интересами народа и не противоречили лозунгам большевиков, о том, что многие представители интеллигенции по убеждению, а не по принуждению встали на сторону советской власти, позволили снять вину со многих представителей интеллектуального труда [1–3]. Вместе с тем неофициальный запрет на всесторонний и комплексный анализ данной темы не позволял откры-

то заговорить о самом феномене репрессий, его масштабах, причинах и исторических корнях, целесообразности и степени законности.

Кардинальные структурные преобразования российского общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. положили начало переосмыслению общественно-политических процессов 1920–1930-х гг., усилили интерес исследователей к обозначенной теме. Открытие доступа к трудам и воспоминаниям представителей русского зарубежья, архивным источникам и научным разработкам, хранившимся в спецхранах, позволили детально изучить многие политические процессы и специфику работы следственных органов в рассматриваемый в статье период. Были опубликованы труды, посвященные концептуальному осмыслению феномена репрессий, включая белый и красный террор, его причин и идейных истоков [4–9]. Вместе с тем многие современные исследования не лишены излишней эмоциональности, субъективного восприятия проблемы, что, безусловно, затрудняет научный поиск. В частности, популярной стала точка зрения о том, что со стороны государства проводилось сознательное уничтожение дореволюционной интеллигенции [10–13]. При этом данные постулаты не подкреплялись конкретными архивными данными о потерях среди интеллигенции.

На рубеже тысячелетий была опубликована Книга памяти жертв политических репрессий «Поморский мемориал», включившая в себя имена репрессированных в 1920–1950-х гг. жителей Архангельской губернии [14]. Данные о социальном происхождении и роде занятий, а также примененные в отношении жертв карательные меры позволяют определить долю интеллигенции среди общего количества репрессированных и динамику реализации карательной политики в изучаемый хронологический период.

Научные публикации Е.И. Овсянкина, Р.А. Ханталина и других региональных историков позволили изучить специфику деятельности карательных учреждений на Европейском Севере [15–18]. Однако проблема репрессий против представителей массовых профессиональных групп северной интеллигенции еще не являлась предметом самостоятельного исследования.

Тема чрезвычайно трудная и деликатная, так как тесно связана с конкретными человеческими судьбами. Безусловно, заслуживает осуждения и обществен-

ного порицания каждый отдельно взятый факт расправы с инакомыслием. Тем более что большинство из них не имели под собой каких-либо оснований. Многие видные представители российской интеллигенции признали советскую власть и не помышляли о враждебной деятельности против пролетариата и нового строя. Потребность в воссоздании достоверной картины исторического прошлого вызывает необходимость более объективного подхода к анализу данной проблематики. Целью настоящей статьи является выявление динамики и масштабов политических репрессий против интеллигенции Европейского Севера России в 1920–1930-х гг., а также анализ комплекса причин, их предопределивших. Интеллигенция – работники сферы интеллектуального труда – интерпретируется авторами статьи в рамках социологического подхода. Территориальные рамки настоящего исследования определены Архангельской, Вологодской, Северодвинской и Мурманской губерниями¹. В зависимости от конкретно-исторической ситуации и общественно-политической позиции интеллигенции репрессии против нее имели свою траекторию развития в отдельных регионах. В связи с этим исследования общероссийского уровня должны быть подкреплены региональными научными разработками. Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы. Ключевым опубликованным источником стала Книга памяти жертв политических репрессий «Поморский мемориал», позволившая авторам, применив статистический метод, подсчитать количество репрессированных представителей интеллигенции Архангельской губернии [14]. Неопубликованные источники представлены документами фондов трех региональных архивов: Государственного архива Архангельской области, Государственного архива Вологодской области и Государственного архива Мурманской области.

Европейский Север России традиционно считался местом каторги и ссылки неугодных властям, независимо мыслящих лиц. На рубеже XIX–XX вв., в 20–30-х гг., в этот край этапировали тысячи инакомыслящих. Однако не только представители российской интеллектуальной элиты из центра, но и местное население и его интеллигенция оказались среди жертв политических репрессий.

Понять и осмыслить феномен репрессий, обрушившихся на интеллигенцию Европейского Севера России в 20–30-х гг., сложно без экскурса в революционные процессы 1917 г., период Гражданской войны и специфику их проявления в Северном крае. Социальная позиция региональной интеллигенции, ее отношение к этим эпохальным событиям во многом предопределили размах трагедии, разыгравшейся в регионе в 1930-х гг.

Первые жертвы террора среди региональной интеллигенции появились на заре установления советской власти в регионе. Еще в мае-июне 1918 г. Советская ревизия, учрежденная постановлением СНК РСФСР, приступила к укреплению советской власти в Северном крае, которая устанавливалась здесь более медленными темпами в силу слабости социальной базы большевизма. Объектом преследования комис-

сии, возглавляемой М.С. Кедровым, стали видные деятели всех оппозиционных партий и общественно-политических организаций, продолжавших функционировать в крае легально до конца весны 1918 г. Были арестованы многие чиновники земских учреждений и городских самоуправлений, отказавшиеся сложить с себя полномочия. За неподчинение распоряжениям советской власти был взят под стражу практически весь состав Архангельского окружного суда [19. Л. 24–25; 20. Л. 3–18; 21. Л. 84–86; 22. Л. 26–38]. Однако репрессивные меры против интеллигенции региона в эти месяцы носили в основном точечный характер и были направлены против явных и открытых противников советской власти. Малочисленность интеллигенции, слабый интеллектуальный потенциал большевиков не позволяли предпринять кардинальные меры против «классового врага» [23. С. 35, 159]. Под угрозой могла оказаться деятельность многих социальных институтов и учреждений.

В годы Гражданской войны на Европейском Севере России (август 1918 – февраль 1920 гг.) объектом красного террора стала интеллигенция Вологодской и Северодвинской губерний. Поводом к этому послужили события 2 августа 1918 г. в Архангельске. Здесь в результате совместного выступления внутренних и внешних сил антибольшевизма была свергнута власть Советов. В целях упреждения «архангельского синдрома» в вышеназванных губерниях была укреплена сеть карательных учреждений, создано 5 лагерей принудительных работ (в Вологде, Тотьме, Каргополе, Великом Устюге, Усть-Сысольске). На заседании коллегии Вологодской ГубЧК было предписано «завербовать постоянных сотрудников-осведомителей на местах». Только за период с августа по октябрь 1918 г. Вологодским ГубЧК было арестовано 510 человек. За период с июля 1919 г. по апрель 1920 г. обвинение в противодействии советской власти было предъявлено 5 338 жителям Вологодской губернии. Среди осужденных были и представители интеллигенции. В октябре 1919 г. за контрреволюционную деятельность были привлечены к ответственности ряд преподавателей и студентов Вологодского института народного образования. Серьезный удар обрушился на служителей клира, которые осмеливались выражать протест против изъятия церквей под объекты военного и культурно-просветительного назначения, против реквизиции церковного имущества. За отказ от участия в конструировании отдела здравоохранения Вологодского губисполкома за решеткой оказалась группа врачей губернского центра. В местах заключения встречались и представители сельской интеллигенции, поддержавшие своих односельчан в борьбе против политики продразверстки [24. Л. 141; 25. Л. 320; 26. Л. 7–11; 27. Л. 8; 28. Л. 125, 133]. В большинстве случаев интеллигенция Вологодской и Северодвинской губерний не предпринимала незаконных действий, поэтому эти меры властей можно считать превентивными карательными акциями, направленными на устрашение.

Нужно отметить, что в годы Гражданской войны в Северном крае интеллигенция Архангельской губернии не избежала и белого террора. Под лозунгом

борьбы «с агентами большевизма» «белым» правительством преследовались многие лидеры и видные деятели умеренно-социалистического крыла антибольшевистского лагеря. Такая же участь постигла часть региональной интеллигенции, не отказавшейся от участия в деятельности местных советских органов весной-летом 1918 г. Однако белый террор по сравнению с красным имел несколько иную социальную направленность и не в той степени коснулся интеллигенции.

Тяжелейшим испытанием для интеллигенции Архангельской губернии явились первые годы после восстановления советской власти. Анализ, проведенный авторами статьи по «Книге памяти жертв политических репрессий», позволяет констатировать, что в течение короткого промежутка времени весны 1920 – первой половины 1921 гг. жертвами необоснованных политических репрессий стали около 400 из 4 тыс. представителей интеллектуальных профессий. Террор против архангельской интеллигенции в этот период принял характер классового возмездия за те потери и лишения, которые выпали на долю сторонников советской власти в период войны «красных» с «белыми» на Северном фронте. Интеллигенции Архангельской губернии не простилось сочувствие антибольшевистскому режиму на начальном этапе его установления. Постепенная эволюция взглядов архангельской интеллигенции в пользу Советов в годы двухлетнего функционирования антибольшевистского режима не явилась смягчающим обстоятельством.

Анализ социального состава осужденных мест заключения Архангельской губернии позволяет констатировать, что репрессии коснулись практически всех профессиональных групп интеллигенции. Но наибольший удар пришелся по бывшим служащим правительственных учреждений и местных органов самоуправления. Так, к середине 1921 г. в принудительном лагере № 1 г. Архангельска состояло на учете 1 396 заключенных. Из них 18% составляли бывшие чиновники, 7% приходилось на инженеров и техников, 3,4% – на специалистов сельского хозяйства, по 0,7% – на юристов и представителей творческих профессий, 0,3% – врачи и фармацевты. В лагере томилось 68 из чуть более 1 тыс. учителей [29. Л. 138–141]. Подавляющему большинству осужденных инкриминировалась контрреволюционная деятельность, которая заключалась в военной и гражданской службе «белым» правительствам.

Период 1922–1927 гг. чрезвычайно сложен и противоречив в осмыслении взаимоотношений власти и интеллигенции. С одной стороны, он был ознаменован общим послаблением режима в связи с отказом от военно-командных методов управления страной. В годы нэпа многие представители интеллигенции Европейского Севера получили свободу по амнистии в честь 5-летнего юбилея «Великого Октября». Свою роль в смягчении политики по отношению к интеллигенции сыграло сменовеховское движение, зародившееся в среде русских эмигрантов. Авторы сборника «Смена вех» Ю.В. Ключников, И.В. Устрялов, С.С. Чахотин и многие другие признали заслуги большевиков в спасении российской государственно-

сти, ее целостности и независимости. По мнению вышеназванных авторов, переход к политике нэпа в Советской России является наглядным свидетельством эволюции большевистского режима от идеи насилия и разрушения к созиданию, и нравственный долг интеллигенции – вернуться на родину, чтобы оказать отечеству посильную помощь в восстановлении экономики и культуры [30. С. 229, 244, 248–250]. Обращение лидеров сменовеховского движения нашло отклик в сердцах многих представителей российской интеллигенции, которым далеко не чужды были идеи служения отечеству и народу.

На путь диалога с интеллигенцией встали в этот период и лидеры партии и государства. Свидетельством тому явились открытые дискуссии 1923–1925 гг. о месте и роли интеллигенции в социалистическом обществе. Участие в них приняли партийно-государственные лидеры, видные представители российской интеллигенции [31]. Своего рода компромиссом интеллигенции и власти стали постановления ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» (июнь 1925 г.) и «О работе специалистов» (сентябрь 1925 г.). Этими документами допускалась свободная конкуренция между различными литературно-художественными группировками и течениями, декларировался лозунг о материальной и правовой защите специалистов [32. С. 17]. В этих условиях прессинг на интеллигенцию значительно сократился. В частности, за период с 1922 по 1927 г. в Архангельской губернии подверглись репрессиям лишь 56 представителей интеллигенции.

Однако в условиях восстановления частной собственности и товарно-денежных отношений большевики стремились не упустить ведущих позиций в сфере политики и идеологии. Уже в первые годы нэпа были предприняты меры, направленные на снижение влияния интеллигенции на общественное сознание. Феномен «философского парохода», когда из страны в 1922 г. были высланы около 200 видных представителей гуманитарной интеллигенции, является наглядным подтверждением этого. Заметим, что эта кампания частично коснулась интеллигенции Европейского Севера. В группу ученых, высланных из страны, попал социолог, этнограф и политолог Питирим Александрович Сорокин, уроженец Вологодской губернии [33. С. 391]. С той же целью ослабления влияния интеллигенции на массовое сознание в 1922 г. был принят ряд постановлений об административной ссылке и высылке [34. С. 76–79]. В соответствии с ними многие видные деятели науки и культуры, признанные политически неблагонадежными, высылались на окраинные рубежи страны из центра.

В этой ситуации органы управления Европейским Севером оказались в двойственном положении. С одной стороны, им предстояло принять десятки и сотни представителей интеллигенции, высланных из центральных регионов, и это позволяло частично решить проблему хронического дефицита квалифицированных специалистов. С другой – принять действенные меры к тому, чтобы удержать под контролем политическую ситуацию в регионе.

В качестве предохранительной меры в 1923 г. были поставлены на персональный учет все специалисты, занимающие ответственные посты. С 1924 г. во всех партийных, советских, кооперативных и хозяйственных учреждениях Европейского Севера началась чистка от «классово-чуждых» элементов, лишенных избирательных прав по Конституции СССР. Эта акция коснулась бывших чиновников и работников юстиции царского и антибольшевистских правительств, служителей клира и так называемых лиц свободных профессий, живущих на «нетрудовые» доходы. Главной целью организованного мероприятия являлось отстранение «потенциально опасной» части интеллигенции от участия в деятельности жизненно важных социальных объектов, от принятия властных решений. Одновременно с весны 1924 г. всем учреждениям и организациям предписывалось все кадровые вопросы согласовывать с губернскими отделами Главного политического управления. Проверка органами ГПУ на предмет лояльности советской власти и политической благонадежности стала неотъемлемым условием при трудоустройстве [35. Л. 2, 65; 36. Л. 81–89].

Однако в условиях острого дефицита квалифицированных специалистов эти меры предосторожности часто не достигали своей цели. На Европейском Севере, где еще не успела сложиться система подготовки советских кадров и чрезвычайно низок был удельный вес выдвиженцев, использование «буржуазных» специалистов являлось залогом успеха в восстановлении экономики и культуры региона. Свою роль сыграли и протесты руководителей хозяйственных предприятий. В частности, неоднократные обращения председателя правления треста «Северолес» К.Х. Данишевского в ЦИК СССР и ВСНХ, где указывалось, что увольнение компетентных специалистов по рекомендации ГПУ грозит полной остановкой производства, возымели свое действие. Квалифицированные специалисты были оставлены на своих рабочих местах [36. Л. 10, 53–54].

Первые признаки усиления политического нажима на интеллигенцию Европейского Севера России начинают проявляться в 1927 г., когда число судебных дел, возбужденных по статье «выступления против порядка управления», возросло в восемь раз, а осужденной за «контрреволюционные выступления» интеллигенции – в два [37. Л. 6–13].

В СССР репрессии принимают широкомасштабный характер с конца 1920-х гг. Под лозунгом «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму» руководство страны достигало цели укрепления своей власти, используя подневольный труд узников лагерей особого назначения в годы «великого перелома» и вселяя страх через безадресный террор, жертвой которого мог оказаться каждый. В ходе их реализации разворачиваются репрессии против интеллигенции Европейского Севера. В 1928–1929 гг. в регионе начинается борьба с приверженцами нэпа. Мощнейшей обструкции подвергся партийно-советский аппарат Вологодской губернии. В регионе, где сельское хозяйство являлось основой жизнедеятельности и, соответственно, было много сторонников политики нэпа, состоялись массовые увольнения среди приверженцев новой экономической политики [38. С. 241–271].

В конце 1928–1929 гг. во всех северных губерниях, как и в стране в целом, была проведена тотальная проверка кадров учреждений. Данные по всем работникам были проанализированы специальными комиссиями с целью выявить «неблагонадежных», которые делились на несколько категорий в соответствии с инструкцией Центральной комиссии по чистке советского аппарата. К первой категории относили, как считалось, наиболее опасных для режима, уволить которых требовалось в течение недели без возможности дальнейшего трудоустройства в учреждениях и организациях социалистического сектора и получения социальных выплат. В первую очередь под эту категорию попадали служители церкви и те, кто служил в дореволюционных государственных структурах. Таких на территории Архангельской, Вологодской и Северодвинской губерний, вошедших в 1929 г. в состав Северного края, оказалось около 600 человек. Две трети из них были административными работниками 64 крупных организаций Архангельской губернии. Пострадал педагогический состав учебных заведений Архангельска: увольнению подверглись 22 учителя школ второй ступени и техникумов, что составило более 13% от их общего числа. Под кадровые чистки попали предприятия лесной промышленности. Так, были уволены треть всех служащих «Севлесстроя» и более половины (пять из восьми) членов правления «Северолесэкспорта». Кадровый состав Архангельской плановой комиссии также был урезан на треть. Среди работников губернского земельного управления более 20% были признаны «классово-чуждым элементом» [39. Л. 24–32; 40. Л. 1–4].

Не обошли стороной чистки советского и хозяйственного аппарата и Мурманскую губернию. В общей сложности здесь было уволено 6,6% от общего числа специалистов и служащих [41. Л. 370–375]. Сохранившие личную свободу имели право трудоустройства только чернорабочими. Отсутствие «реальной вины», но иное социальное происхождение, наличие частной собственности, например собственного дома, заканчивалось, как правило, понижением в должности до ранга младшего служащего или младшего технического персонала. Оба варианта фактически означали запрет на профессию.

Вместе с тем следует признать, что чистка советского аппарата при всех своих негативных последствиях имела и положительную сторону. Учреждения и предприятия частично освободились от деморализованных элементов, бывших уголовников, мошенников и взяточников, лжеспециалистов и бюрократов, пришедших к должности на фоне политической нестабильности и тяжелой социально-экономической ситуации в стране. Для Северного края, который к этому времени стал местом не только массовой ссылки и высылки инакомыслящих, но и бегства уголовников и рецидивистов, это было актуально и способствовало оздоровлению аппарата управления. Хотя и это дело не обошлось без перегибов. Уголовно наказуемые, дисциплинарные и административные правонарушения зачастую стали классифицироваться как преступления политического характера. Рядовое пьянство, нарушение трудовой дисциплины, грубость по отношению к сослуживцам, бюрократизм и волокита часто расценивались как сознательная, вреди-

тельская деятельность против устоев советской власти и иногда заканчивались расстрельной статьей.

Можно отметить, что начиная с 1928 г. в связи с делом о специалистах Донбасса недоверие к интеллигенции со стороны местных органов власти заметно возросло. Предметом досконального разбирательства и предвзятого дознания стали все аварии и технические неполадки на производстве. При этом выяснялись не столько обстоятельства, вызвавшие их, сколько личностные характеристики специалистов, допустивших просчеты. В ходе дознания уточнялась генеалогия человека, собирались характеристики от начальства, сослуживцев и подчиненных. Их субъективное мнение о человеке зачастую становилось главным аргументом обвинения. Одной из крупных кампаний, организованных в Северном крае против интеллигенции в начале 1930-х гг., явился политический процесс над группой специалистов лесной промышленности. Более 70 работников правлений трестов «Севлес» и «Севлесосплав», а также других предприятий лесопромышленной отрасли обвинялись в шпионаже в пользу иностранных фирм, сознательной порче оборудования и попытках организовать антисоветские выступления [42. Л. 323–328]. Фактически данный процесс явился попыткой протянуть на Север России нити процесса над «Промышленной партией».

Под лозунгом широкого развертывания критики и самокритики, действенной работы по рассмотрению жалоб трудящихся власть инициировала доноительство, «спецеество» снизу. Народу постоянно внушалась мысль, что главной причиной всех бед, его нищенского существования, является «вредительская деятельность врагов народа» [43. Л. 2–10; 44. Л. 26–36, 111–121]. Соответственно росла ненависть к «классовым врагам пролетариата и крестьянства», народ требовал «справедливого» возмездия, поддерживал политику власти в данном направлении. Любые сбои в работе, вызванные объективными обстоятельствами, принципиальность и высокая требовательность по отношению к подчиненным грозили превратиться в акт сознательного вредительства и подрыва устоев советской власти. Эмоциональные срывы, беседы с подчиненным на повышенных тонах часто расценивались как проявления грубости, бюрократического барства и высокомерия специалистов.

При этом взрывы социального недовольства власть умело отводила от себя. Обвиняя местные власти в некомпетентности и перегибах, руководство страны использовало это как предлог для борьбы с неугодными на местах. Так, в Северном крае в 1930 г. были смещены с занимаемых должностей более 4% председателей сельсоветов и 4,7% руководителей колхозов. Кадровые чистки коснулись и правоохранительных органов. Под лозунгом восстановления «социалистической законности» в 1933 г. 42,2% руководящих работников органов внутренних дел было привлечено к ответственности [45. Л. 176; 46. Л. 114–132; 47. Л. 69–75].

Вместе с тем необходимо отметить, что зачастую подстрекателями к разбирательствам, выливающимся впоследствии в репрессивные меры, становились народные массы. Подавленное психоэмоциональное

состояние, тяжелый физический труд и фактор общественного страха влияли на поведение людей, усиливая чувство недоверия, зависти и злобы. Доноительство и клевета стали характерными признаками общественного поведения людей в это время. К сожалению, иногда сами представители интеллигенции становились инициаторами подобных действий. Анализ многочисленных архивных документов позволяет констатировать, что зачастую сами сотрудники доносили на своих начальников и коллег. Мотивами подобного поведения являлось стремление отвести от себя подозрения и возможные обвинения, а также продвижение по карьерной лестнице и получение дополнительных благ.

Однако в целом, по подсчетам авторов, в период 1928–1934 гг. в Северном крае репрессии против интеллигенции не были широкомасштабными. Среди общего числа репрессированных лишь 10% являлись работниками интеллектуального труда [14]. Это объясняется, во-первых, кадровым голодом в регионе и необходимостью привлечения интеллигенции к реализации поставленных социально-экономических задач, во-вторых, с провозглашением курса на коллективизацию и раскулачивание объектом преследования в большей мере становились крестьяне. Глобальная задача была поставлена перед региональной властью в годы первых пятилеток. В кратчайшие сроки Северный край должен был стать «валютным цехом, всесоюзной лесопилкой страны». На необжитых и малозаселенных просторах Кольского полуострова предполагалось приступить к разработке и добыче богатейших месторождений полезных ископаемых. Интенсивное развитие промышленности и соответствующей социальной инфраструктуры были немыслимы без наличия квалифицированных специалистов. Потребность в них в регионе резко возросла, а созданные вузы не успели выпустить ни одного специалиста. В этой ситуации каждый представитель интеллектуального труда был дорог. Дефицит в них местные органы власти были вынуждены восполнять за счет привлечения административно высланных. Несмотря на официальный запрет центра, их назначали на ответственные должности в отделах исполкомов, в вузах и техникумах, культурно-просветительных учреждениях. Кроме того, край в эти годы превратился во «всесоюзный принудительный лагерь». Местным органам власти нужно было принять, расселить и трудоустроить 250–300 тыс. спецпереселенцев [48. Л. 29, 49]. Для организации их труда, удовлетворения потребностей в медицинском и социально-культурном обслуживании были нужны дополнительные специалисты. В целом масштабные гонения на интеллигенцию были невыгодны местным органам власти, так как могли привести к срыву основных хозяйственно-политических кампаний и планов пятилеток.

Массовые репрессии против интеллигенции начались во второй половине 1930-х гг. Призыв ЦК ВКП (б) в начале 1937 г. к тщательным проверкам обернулся трагедией, в том числе и для интеллигенции: возвращались на дознание уголовные дела прошлых лет, любые производственные нарушения, вызванные зачастую объективными причинами, могли рассмат-

риваться как подрывная деятельность врагов советской власти [49. Л. 1–9, 92–95].

Декларируя высокие нравственные ценности и принципы, идеи гуманизма и справедливости, внимательного отношения к человеку, взаимопомощи и взаимовыручки, представители властных структур инициировали коррозию межличностных и внутрисемейных отношений. Эти формы нравственного испытания выдерживали далеко не все. Дети публично обвиняли родителей и отказывались от них, муж доносил на жену, жена на мужа.

Здоровая критика, какие-либо сомнения в правильности избранного курса, идеологических постулатов партии отменялись в корне. Тотальный идейно-политический контроль, стереотипизация и унификация мышления воспринимались как залог духовного единения нации. Власть силой заставляла поверить всех в достижимость и возможность воплощения в жизнь зримой ею идеальной модели общественного устройства. Внешней ширмой стала Конституция СССР 1936 г., провозглашавшая демократические свободы и восстановившая в политических правах все категории населения.

К середине 1930-х гг. в Северном крае сформировалось новое советское поколение интеллигенции, получившее образование в советских вузах и техникумах, что стало пусковым механизмом к началу репрессий против «старой буржуазной» интеллигенции: было строжайшим образом запрещено привлекать к интеллектуальному труду административно высланных. Кроме того, новые обвинения обрушились на ту часть региональной интеллигенции, которая в годы Гражданской войны выступала против установления советской власти, была осуждена за это и амнистирована в начале 1920-х гг. Авторами статьи было установлено, что наибольшим репрессиям подверглась интеллигенция Архангельской губернии, среди которой за период с 1935 по 1941 г. было арестовано около 3 тыс. человек, а это в семь раз больше, чем за предыдущие шесть лет [14].

Вопрос о способности российской интеллигенции противостоять становлению худшей формы авторитарного режима сложен и в чем-то щепетил. Трудность его заключается в том, что исследователям предстоит разобраться в ряде сложных проблем. В частности, ответить на вопросы: 1) правомерно ли утверждение, что все политические процессы по делу о специалистах были искусственно инспирированы, имелись ли какие-то реальные основания; 2) в условиях, когда подавляющее большинство политически активной части интеллигенции полегло на фронтах Гражданской войны, эмигрировало за границу или находилось в застенках тюрем и лагерей, ситуации всеобщей подозрительности и доноительства могла ли сохраниться или появиться группа, способная встать в оппозицию складывавшемуся тоталитаризму. Гипотетически да. Вполне допустимо, что некоторые представители интеллигенции из самых благородных побуждений, из любви к родине, к своему народу, из чувства личной ответственности за будущее России, руководствуясь искренним желанием не допустить установления в стране антинародного режима, могли

вынашивать планы борьбы с существующим режимом, в том числе путем вредительства на производстве. В условиях всеобщей технической безграмотности рабочих и управленцев, являвшихся в большинстве случаев выдвигенцами, это можно было сделать сравнительно безнаказанно. Об этом свидетельствуют выдержки из разговоров северных инженеров и техников между собой.

Политические сводки ОГПУ Северного края показывают, что интеллигенция, в силу производственной необходимости связанная с представителями иностранных фирм, предчувствовала атмосферу надвигающейся войны. В ее среде могли воскреснуть надежды на новую интервенцию «по приглашению», на скорое падение ненавистного для всех режима. Помочь приблизить его конец путем вредительства на производстве интеллигенция, вероятно, могла. Можно не доверять протоколам допросов, показаниям самих подследственных. Всем известно, какими путями следственные органы добивались признания. Но, видимо, не следует пренебрегать уставами подпольных партийных организаций, протоколами их заседаний, ведомостями об уплате членских взносов. Например, кому было нужно фальсифицировать документы по Партии освобождения труда (ПОТ), созданной в 1934 г. тремя учителями начальной школы Едемского сельского совета Устьянского района Архангельской губернии. Эта чрезвычайно малочисленная группа не могла повлиять на ход общественно-политического развития страны. Но она была и ставила перед собой вполне определенные цели: «решительную борьбу с коммунистической партией и советской властью для полного освобождения народа от эксплуататоров» [50. Л. 182–183].

И, наконец, противостояние интеллигенции могло проявляться не только в целенаправленной организованной политической борьбе. Официальные ноты протеста против тех или иных решений или действий властей, ходатайства о снятии необоснованных обвинений со своих коллег, поручительство за сослуживцев на лояльность советской власти, выступления на производственных совещаниях, собраниях, съездах профессиональных и творческих союзов, воздействие на общественное сознание в межличностном общении с рабочими, коллегами – это тоже формы противостояния и противодействия. Примером может послужить письмо техника треста «Онегалес» Некрасова в редакцию краевой газеты «Правда Севера» о том, что декларируемый И.В. Сталиным лозунг о счастливой жизни колхозников – ничто иное как «батрацкая нищета». Аналогичным примером гражданского мужества можно считать письмо председателя Северного краевого исполкома Г.К. Прядченко в ЦКК ВКП (б) в защиту заместителя председателя Северного краевого Леспотребсоюза Ф.Г. Огибина, в котором автор настаивает на его невиновности [51. Л. 182–183; 52. Л. 288].

Таких примеров можно привести множество. Допуская, что интеллигенция была способна к оппозиционной деятельности на рубеже XIX–XX вв., в годы Гражданской войны, в 60–80-е гг. XX в. (речь идет о диссидентском и правозащитном движении), видимо, не стоит создавать искусственную брешь в 1930-х гг.

В условиях тотального политического контроля, доносительства и осведомительства заметно осложнялась сама возможность противостояния власти. Однако интеллигенция в силу своих сущностных черт не могла не рефлексировать, хотя бы в форме мыслей вслух на партийно-правительственные директивы и их возможные последствия, на события, происходившие в стране.

Резюмируя, следует отметить, что на долю интеллигенции региона, как и общероссийской в целом, в 1920–1930-х гг. выпали тяжелые испытания. Пик репрессий против представителей интеллектуального труда приходится на годы Гражданской войны и вторую половину 1930-х гг. Из-за отсутствия точных данных авторы не могут привести конкретную статистику о численности интеллигенции, репрессированной органами власти Вологодской и Мурманской губерний. В Архангельской губернии за период с 1918 по 1941 г. жертвами террора стали более 3 700 представителей интеллигенции. По стечению обстоятельств они в 1918–1920 гг. оказались в одном из центров антибольшевистского движения и подверглись жесточайшему прессингу со стороны властных структур. Для сведения заметим, что к началу 1917 г. общая численность интеллигенции Архангельской губернии едва превышала 3 300 чел [53. С. 46–152]. Однако неверным будет утверждение, что в эти годы была уничтожена вся архангельская интеллигенция дореволюционного поколения. «Чистки» советского аппарата от «классово-чуждых элементов», запрет на профессию позволили некоторым из них приспособиться к новым условиям, приобрести новую специальность. Другие – самоотверженным трудом на благо общества «снискали прощение», восстановили свое доброе имя. Трагической участи не избежала и новая плеяда советской интеллигенции. Им доверялись многие ответственные посты и должности. С них в первую очередь и был спрос.

У авторов есть основания полагать, что местные органы власти настороженно относились к интеллигенции. Анализ данных о социальном составе привлеченных к ответственности по политическим преступлениям местными судами свидетельствует, что 20–25% всех подозреваемых приходилось на интеллигенцию, что не пропорционально ее удельному весу в структуре населения Европейского Севера. Удельный вес интеллигенции в регионе в 1917–1941 гг. составлял соответственно 1,6% и около 4–5% [54. С. 220–221; 55. С. 142]. В политике местных органов власти по отношению к интеллигенции методы принуждения к сотрудничеству доминировали над методами внушения и убеждения.

Одной из причин данного явления был сравнительно низкий уровень культуры и образования местных партийно-государственных деятелей, который не позволял им распространять основы официальной идеологии и вести полемику с интеллигенцией на языке научных понятий и доводов. В этих условиях для тех, кто сомневался в непогрешимости власти, правоте избранного курса, не принимал на веру постулаты большевистской доктрины, вступал в действие давно испытанный в народе аргумент – сила. Она не требовала высокой культуры и образования,

творческих способностей и воображения, интенсивной работы ума. С другой стороны, вышеназванные цифровые данные дают основание считать, что многие представители интеллигенции Европейского Севера России нашли в себе силы к противостоянию антинародному режиму. Региональной интеллигенции, сформировавшейся в условиях отсутствия крепостного права, длительных контактов с представителями западной культуры, были издавна присущи чувство собственного достоинства, незакрепощенность духа и независимость мысли.

Террор против северной интеллигенции дореволюционного поколения был обратно пропорционален численности новой советской интеллигенции. Как только во второй половине 1930-х гг. был налажен выпуск специалистов из местных вузов и средних специальных профессиональных учебных заведений, началась широкомасштабная кампания репрессий против так называемых буржуазных специалистов.

Несомненно, цель не оправдывает средства. Каким деформациям подверглось российское общество в результате этой политики, всем известно. Но следует признать, что репрессии явились одним из важнейших источников модернизации страны и позволили властным структурам реализовать обозначенные экономические приоритеты. К концу 1930-х гг. кардинально преобразился социально-экономический облик Европейского Севера. Не теми методами и средствами, но начали реализовываться планы и проекты, вынашиваемые северной интеллигенцией еще на рубеже XIX–XX вв. Несколько сотен тысяч спецпереселенцев положили начало колонизации края. Начался рост поселков и городов, развитие добывающей и лесной промышленности на Европейском Севере, который превратился во «всесоюзную лесопилку», крупнейший морской порт международной торговли. Около 50% всей валютной выручки страны от лесоэкспорта приходилось на Северный край. Состоялась техническая реконструкция старых и строительство новых лесопильных заводов. Были заложены основы лесохимической и лесоперерабатывающей промышленности. В Вологодской и Северодвинской губерниях появились предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции: льна, молока, продукции животноводства. Вологда стала одним из экспортеров масла за рубеж. В корне преобразился облик Мурманского края. Регион стал крупным промышленным центром. В кратчайшие сроки здесь были возведены крупные города Кировск, Мончегорск, Кандалакша, Полярный. Население Мурманской губернии возросло с 9,5 тыс. чел. в 1913 г. до 291,2 тыс. чел. в 1939 г. Возникли крупные предприятия горно-химической промышленности, в частности по добыче и переработке апатитовых и медно-никелевых руд. Мурманск стал крупным центром рыбной промышленности.

Преобразился и социально-культурный облик Европейского Севера. Возросла сеть учебных заведений, медицинских и культурных учреждений, появились центры по подготовке специалистов высшей и средней специальной подготовки [56. Л. 3–91; 57. Л. 29–97].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Вплоть до конца 1921 г. Мурманский край входил в состав Архангельской губернии на правах уезда. Северодвинская губерния была создана путем расчленения Вологодской губернии в июне 1918 г. В 1929 г. она вошла в состав Северного края на правах округа, в 1937 г. ее территории вошли в состав Архангельской и Вологодской областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М. : Политиздат, 1983. 238 с.
2. Красильников С.А., Соскин В.Л. Октябрь и политические позиции сибирской интеллигенции (К историографии проблемы) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.). Новосибирск : Наука, 1978. С. 19–42.
3. Волков В.С. Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научно-обоснованной политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества. Вып. 2. Л. : ЛГПИ, 1978. С. 3–11.
4. Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. Очерки. М. : Наука, 1991. 296 с.
5. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. : Русское книгоиздательское товарищество «История», 1997. 272 с.
6. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск : Боргес, 2000. 280 с.
7. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России в 1917–1928 гг. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46–62.
8. Ершова Э.Б. Художественная интеллигенция России и репрессивный аппарат в 20–30-е годы // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 1996. С. 108–114.
9. Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Тезисы докладов междунар. конф., посвящ. 80-летию «философского парохода». Пермь : Перм. регион. ин-т пед. инф. техн., 2002. 350 с.
10. Межуев В. Интеллигенция и демократия // Свободная мысль. 1992. № 16. С. 34–47.
11. Логунов А. «Интеллигенция» – понятие русское // Правда. 1989. 7 августа.
12. Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М. : Традиция, 1997. 288 с.
13. Солженицын А.И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 10. С. 28–45.
14. Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий : в 3 т. / отв. ред. Ю.М. Шперлинг. Архангельск : Поморск. гос. ун-т, 1999–2002.
15. Овсянкин Е.И. Жестокая народная трагедия // Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий / отв. ред. Ю.М. Шперлинг. Архангельск : Поморск. гос. ун-т, 1999. Т. 1. С. 3–14.
16. Ханталин Р.А. Репрессии в Архангельске: 1937–1938. Документы и материалы. Архангельск : Поморск. гос. ун-т, 1999. 272 с.
17. Смыкалин А.С. ГУЛАГ на Соловецких островах в 20-е годы // Социокультурное пространство: традиции и инновации, глобальное и региональное измерение : материалы X Соловецкого форума. Архангельск : Соловецкий форум, 2001. С. 74–80.
18. Ильин В.Н. Лагерь принудительных работ – основа ГУЛАГа на Севере России // Социокультурное пространство: традиции и инновации, глобальное и региональное измерение : материалы X Соловецкого форума. Архангельск : Соловецкий форум, 2001. С. 57–73.
19. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 272. Архангельский совет рабочих и солдатских депутатов. 1917–1918 гг. Оп. 1. Д. 6.
20. ГААО. Ф. 352. Архангельский губисполком Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 1.
21. ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 27.
22. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 53. Отдел управления Вологодского губисполкома. 1918–1923 гг. Оп. 1. Д. 84.
23. Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1981 гг. / под ред. И.А. Наумова, Е.Г. Аушева. Архангельск : Северо-Зап. кн. изд-во, 1982. 176 с.
24. ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 48.
25. ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 49.
26. ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 53.
27. ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 479.
28. ГАВО. Ф. 585. Вологодский исполком губернского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1917–1929 гг. Оп. 2. Д. 220.
29. ГААО. Ф. 286. Отдел управления Архангельского губисполкома. Оп. 1. Д. 67.
30. В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М. : Русская книга, 1992. 381 с.
31. Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Новосибирск : Наука, 1991. 222 с.
32. Халиуллин Г.Г. Исторические пути советской интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 1995. С. 11–20.
33. Поморская энциклопедия : в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск : Поморск. гос. ун-т, 2001. 483 с.
34. Красильников С.А. «Философский пароход» в контексте советской охранительной политики начала 1920-х гг. // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции : тез. докл. междунар. конф., посвящ. 80-летию «философского парохода». Пермь : Перм. регион. ин-т пед. инф. техн., 2002. С. 75–79.
35. ГААО. Ф. 71. Трест «Северолес» Оп. 9. Д. 11.
36. ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 34.
37. ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 869.
38. Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск : Поморск. гос. ун-т, 2000. 463 с.
39. ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 81.
40. ГААО. Ф. 621. Северный краевой совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 446.
41. Государственный архив Мурманской области (далее ГАМО). Ф. 162. Мурманский окружной совет рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов, его исполком и представительство в Ленинграде. Оп. 1. Д. 267.
42. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 200.
43. ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 59.
44. ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 73.
45. ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 66.
46. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 337.
47. ГААО. Ф. 621. Оп. 8. Д. 2086.
48. ГААО. Ф. 1224. Прокуратура Северного края. Оп. 8. Д. 711.
49. ГААО. Ф. 1224. Оп. 8. Д. 2243.
50. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 274.

51. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 98.
52. ГААО. Ф. 3066. Редакция газеты «Правда Севера» Архангельского обкома КПСС и облисполкома. Оп. 1. Д. 540.
53. Гуркина Н.К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX веков. СПб.: Нестор, 1998. 218 с.
54. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 гг. Архангельск: Губстатбюро, 1926. 704 с.
55. Народное хозяйство Архангельской области. Статистический сборник. Архангельск: Обл. кн. изд-во, 1957. 147 с.
56. ГААО. Ф. 1322. Плановая комиссия Севкрайисполкома. Оп. 1. Д. 659.
57. ГАМО. Ф. 213. Плановая комиссия Мурманского окружного исполнительного комитета. Оп. 2. Д. 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

Political Reprisals Against the Intelligentsia of the European North of Russia in the 1920s–1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 194–203.

DOI: 10.17223/15617793/469/26

Flera H. Sokolova, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Marina M. Panikar, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: m.panikar@narfu.ru

Keywords: intellectuals; political reprisals; European North of Russia; first third of twentieth century.

The aim of the article is to identify the dynamics and scale of political reprisals against the intelligentsia of the European North of Russia in the 1920s and 1930s, as well as to analyze the complex of reasons that predetermined them. The authors interpret intelligentsia as employees of the sphere of intellectual labor within the framework of the sociological approach. The territorial scope of the study is defined by Arkhangelsk, Vologda, Severodvinsk, and Murmansk Provinces (Severnyy [Northern] Krai). During the analyzed period, the authors identified three key stages in the dynamics and complex causes of political reprisals against the intelligentsia of the European North of Russia. The first stage, 1922–1927, compared to the period of the Civil War in Russia, can be called a stage of easing the pressure on the intelligentsia of the European North of Russia, which was due to the rejection of military command methods of governing the country and an acute shortage of highly qualified specialists in the region. However, at the same time, the authorities took preventive measures in order to maintain their leading positions in politics, ideology, and economy. All specialists holding responsible positions were put under personal observation. The purge of “class-alien” elements deprived of voting rights under the Constitution of the USSR began. An essential condition for the employment of intellectuals was the check by the GPU authorities for loyalty to the Soviet government and political reliability. The second stage started in the late 1920s. Under the slogan “Intensification of the class struggle along with the development of socialism”, the country’s leadership sought to strengthen its position and at the same time use forced labor for building socialism. In 1928–1929, in the region, especially in Vologda and North Dvina Provinces where agriculture was developed, the struggle with NEP adherents began. In order to identify the “unreliable”, a total personnel check was carried out, as a result of which many intellectuals were arrested or dismissed without the right to professional activity. Mass political reprisals against the intelligentsia in the second half of the 1930s mark the beginning of the third period. By the mid-1930s, a new Soviet generation of intelligentsia had formed in Severny Krai, which was the trigger for the beginning of repression against the “old bourgeois” intelligentsia. The authors found that the greatest reprisals were inflicted on the intelligentsia of Arkhangelsk Province – about three thousand people were arrested during the period from 1935 till 1941. The reprisals affected not only pre-revolutionary specialists, but also the intelligentsia of the Soviet generation. By the end of the 1930s, the socioeconomic and cultural image of the region had changed radically.

REFERENCES

1. Fedyukin, S.A. (1983) *Partiya i intelligentsiya* [The party and the intelligentsia]. Moscow: Politizdat.
2. Krasil'nikov, S.A. & Soskin, V.L. (1978) Oktyabr' i politicheskie pozitsii sibirskoy intelligentsii (K istoriografii problemy) [October and the political positions of the Siberian intelligentsia (On the historiography of the problem)]. In: *Partiynye organizatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka v period Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy vojny (1917–1922 gg.)* [Party organizations of Siberia and the Far East during the October Revolution and the Civil War (1917–1922)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 19–42.
3. Volkov, V.S. (1978) Leninskiy analiz sotsial'noy psikhologii intelligentsii kak sostavnaya chast' nauchno-obosnovannoy politiki partii po otnosheniyu k starym spetsialistam posle pobedy Velikogo Oktyabrya [Lenin's analysis of the social psychology of the intelligentsia as an integral part of the scientifically grounded policy of the party in relation to old specialists after the victory of the Great October Revolution]. In: *Rol' intelligentsii v postroenii i dal'neyshem razvitiі sotsialisticheskogo obshchestva* [The role of the intelligentsia in the construction and further development of socialist society]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 3–11.
4. Kumanev, V.A. (1991) *30-e gody v sud'bah otechestvennoy intelligentsii. Ocherki* [The thirties in the fate of the Russian intelligentsia. Essays]. Moscow: Nauka.
5. Pavlyuchenkov, S.A. (1997) *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [War communism in Russia: power and the masses]. Moscow: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo “Istoriya”.
6. Goldin, V.I. (2000) *Rossiya v Grazhdanskoy vojne. Ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody)* [Russia in the Civil War. Essays on the latest historiography (second half of the 1980s–1990s)]. Arkhangelsk: Borges.
7. Litvin, A.L. (1993) Krasnyy i belyy terror v Rossii v 1917–1928 gg. [Red and White Terror in Russia in 1917–1928]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 46–62.
8. Ershova, E.B. (1996) Khudozhestvennaya intelligentsiya Rossii i repressivnyy apparat v 20–30-e gody [The artistic intelligentsia of Russia and the repressive apparatus in the 1920s–1930s]. In: *Intelligentsiya Rossii: uroki istorii i sovremennost'* [The intelligentsia of Russia: lessons of history and the present]. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 108–114.
9. Anon. (2002) *Tolerantnost' i vlast': sud'by rossiyskoy intelligentsii* [Tolerance and power: the fate of the Russian intelligentsia]. Abstracts of the Conference. Perm: Perm Regional Institute of Pedagogical Information Technologies.
10. Mezhuuev, V. (1992) Intelligentsiya i demokratiya [The intelligentsia and democracy]. *Svobodnaya mysl'*. 16. pp. 34–47.
11. Logunov, A. (1989) “Intelligentsiya” – ponyatie russkoe [“The Intelligentsia”: a Russian concept]. *Pravda*. 7 August.
12. Kormer, V.F. (1997) *Dvoynoe soznanie intelligentsii i psevdokul'tura* [The double consciousness of the intelligentsia and pseudo-culture]. Moscow: Traditsiya.
13. Solzhenitsyn, A.I. (1991) Obrazovanshchina [Educationism]. *Novyy mir*. 10. pp. 28–45.
14. Shperling, Yu.M. (ed.) (1999–2002) *Pomorskiy memorial. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: v 3 t.* [Pomor Memorial. Book of memory of victims of political repression]. Arkhangelsk: Pomor State University.
15. Ovsyankin, E.I. (1999) Zhestokaya narodnaya tragediya [The cruel people's tragedy]. In: Shperling, Yu.M. (ed.) *Pomorskiy memorial. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy* [Pomor Memorial. Book of memory of victims of political repression]. Vol. 1. Arkhangelsk: Pomor State University. pp. 3–14.

16. Khantalin, R.A. (1999) *Repressii v Arkhangel'ske: 1937–1938. Dokumenty i materialy* [Repressions in Arkhangelsk: 1937–1938. Documents and materials]. Arkhangelsk: Pomor State University.
17. Smykalin, A.S. (2001) [GULAG on the Solovetsky Islands in the 1920s]. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo: traditsii i innovatsii, global'noe i regional'noe izmerenie* [Sociocultural space: traditions and innovations, global and regional dimension]. X Solovetsky Forum Proceedings. Arkhangelsk: Solovetskiy forum. pp. 74–80. (In Russian).
18. Il'in, V.N. (2001) [Forced labor camps as the basis of the GULAG in the North of Russia]. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo: traditsii i innovatsii, global'noe i regional'noe izmerenie* [Sociocultural space: traditions and innovations, global and regional dimension]. X Solovetsky Forum Proceedings. Arkhangelsk: Solovetskiy forum. pp. 57–73. (In Russian).
19. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 272. *Arkhangel'skiy sovet rabochikh i soldatskikh deputatov. 1917–1918 gg.* [Arkhangelsk Council of Workers' and Soldiers' Deputies. 1917–1918]. List 1. File 6.
20. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. *Arkhangel'skiy gubispolkom Soveta rabochikh, krest'yanskikh i soldatskikh deputatov i ego ispolnitel'nyy komitet* [Arkhangelsk Provincial Executive Committee of the Soviet of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies, and its Executive Committee]. List 1. File 1.
21. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. List 1. File 27.
22. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 53. *Otdel upravleniya Vologodskogo gubispolkoma. 1918–1923 gg.* [Management Department of the Vologda Provincial Executive Committee. 1918–1923]. List 1. File 84.
23. Naumov, I.A. & Aushev, E.G. (eds) (1982) *Arkhangel'skaya oblastnaya organizatsiya KPSS v tsifrakh. 1917–1981 gg.* [Arkhangelsk regional organization of the CPSU in figures. 1917–1981]. Arkhangelsk: Severo-Zap. kn. izd-vo.
24. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 53. List 1. File 48.
25. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 53. List 1. File 49.
26. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 53. List 1. File 53.
27. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 53. List 1. File 479.
28. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 585. *Vologodskiy ispolkom gubernskogo soveta rabochikh, krest'yanskikh i soldatskikh deputatov. 1917–1929 gg.* [Vologda Executive Committee of the Provincial Council of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies. 1917–1929]. List 2. File 220.
29. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 286. *Otdel upravleniya Arkhangel'skogo gubispolkoma* [Management Department of the Arkhangelsk Provincial Executive Committee]. List 1. File 67.
30. Isaev, I.A. (ed.) (1992) *V poiskakh puti. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [In search of a way. Russian intelligentsia and the fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga.
31. Soskin, V.L. (ed.) (1991) *Sud'by russkoy intelligentsii: materialy diskussiy. 1923–1925 gg.* [The fate of the Russian intelligentsia: discussion materials. 1923–1925]. Novosibirsk: Nauka.
32. Khaliullin, G.G. (1995) *Istoricheskie puti sovetskoy intelligentsii* [Historical paths of the Soviet intelligentsia]. In: *Problemy metodologii istorii intelligentsii: poisk novykh podkhodov* [Problems of the methodology of the history of the intelligentsia: search for new approaches]. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 11–20.
33. Laverov, N.P. (ed.) (2001) *Pomorskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Pomor Encyclopedia: in 5 volumes]. Vol. 1. Arkhangelsk: Pomor State University.
34. Krasil'nikov, S.A. (2002) “Filosofskiy parokhod” v kontekste sovetskoy okhranitel'noy politiki nachala 1920-kh gg. [“Philosophical steamer” in the context of the Soviet protective policy of the early 1920s]. *Tolerantnost' i vlast': sud'by rossiyskoy intelligentsii* [Tolerance and power: the fate of the Russian intelligentsia]. Abstracts of the International Conference. Perm: Perm Regional Institute of Pedagogical Information Technologies. pp. 75–79. (In Russian).
35. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 71. *Trest “Severoles”* [Severoles Trust]. List 9. File 11.
36. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 71. List 9. File 34.
37. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. List 1. File 869.
38. Shubin, S.I. (2000) *Severnnyy kray v istorii Rossii. Problemy regional'noy i natsional'noy politiki v 1920–1930-e gody* [Northern Krai in the history of Russia. Problems of Regional and National Policy in the 1920s–1930s]. Arkhangelsk: Pomor State University.
39. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. List 7. File 81.
40. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 621. *Severnnyy kraevoy sovet rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov i ego ispolnitel'nyy komitet* [Northern Regional Council of Workers', Peasants' and Red Army's Deputies and its Executive Committee]. List 1. File 446.
41. State Archive of Murmansk Oblast (GAMO). Fund 162. *Murmanskiy okruzhnoy sovet rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeyskikh i rybatskikh deputatov, ego ispolkom i predstavitel'stvo v Leningrade* [Murmansk District Council of Workers', Peasants', Red Army's and Fishing Industry's Deputies, its Executive Committee and representation in Leningrad]. List 1. File 267.
42. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 621. List 3. File 200.
43. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. List 7. File 59.
44. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. List 7. File 73.
45. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 352. List 7. File 66.
46. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 621. List 3. File 337.
47. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 621. List 8. File 2086.
48. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 1224. *Prokuratura Severnogo kraya* [Prosecutor's Office of Severnyy Krai]. List 8. File 711.
49. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 1224. List 8. File 2243.
50. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 621. List 3. File 274.
51. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 621. List 3. File 98.
52. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 3066. *Redaktsiya gazety “Pravda Severa” Arkhangel'skogo obkoma KPSS i oblispolkoma* [Editorial office of the newspaper “Pravda Severa” of the Arkhangelsk Regional Committee of the CPSU and the Regional Executive Committee]. List 1. File 540.
53. Gurkina, N.K. (1998) *Intelligentsiya Evropeyskogo Severa Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov* [The intelligentsia of the European North of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Saint Petersburg: Nestor.
54. Anon. (1926) *Statisticheskii sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1917–1924 gg.* [Statistical collection of Arkhangelsk Province for 1917–1924]. Arkhangelsk: Gubstatbyuro.
55. Anon. (1957) *Narodnoe khozyaystvo Arkhangel'skoy oblasti. Statisticheskii sbornik* [National economy of Arkhangelsk Oblast. Statistical collection]. Arkhangelsk: Obl. kn. izd-vo.
56. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 1322. *Planovaya komissiya Sevkrayispolkoma* [Planning Commission of Sevkrayispolkom]. List 1. File 659.
57. State Archive of Murmansk Oblast (GAMO). Fund 213. *Planovaya komissiya Murmanskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta* [Planning Commission of the Murmansk District Executive Committee]. List 2. File 4.

Received: 11 February 2021

Б.С. Токмурзаев, Р.С. Тажитаева, А.А. Сирбаева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКИХ ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ СТЕПНЫМ КРАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ЗАПИСКАХ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ И.Ф. БАБКОВА

На основе анализа воспоминаний И.Ф. Бабкова выявлены репрезентации имперских принципов управления Степным краем во второй половине XIX в. Обосновано, что привлечение мемуарных текстов участников колонизационного дела в Степном крае предоставляет шанс более полной реконструкции моделей организации имперского пространства на восточных окраинах страны и способствует выявлению сложного механизма взаимодействия акторов и субъектов колонизации: центральной и региональной бюрократии, представителей научных сообществ и общественных сил, социальных, этнических, конфессиональных групп региона.

Ключевые слова: мемуары И.Ф. Бабкова; колонизация; имперские принципы управления; источники личного происхождения; репрезентации; Степной край.

Участие Российского государства в освоении и «присвоении» территорий Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. является одним из знаковых сюжетов истории внутренней колонизации, предметно отразившей имперский опыт организации управления на восточных окраинах страны. Обсуждение имперских практик управления в Степном крае весьма объемно представлено в отечественной и зарубежной историографии, на современном этапе которой сложилось устойчивое мнение о регионе, как зоне активной коммуникации центральной и региональной бюрократии в условиях этнической, социальной, конфессиональной гетерогенности и нестабильности [1–4].

По констатации исследователей, в 1860–1870-х гг. в имперской политике России по отношению к территориям Степного края произошел отчетливый поворот от военно-политических действий к аграрному освоению, что сопровождалось формированием стратегий и разработкой проектов «оцентрирования» колонизируемых территорий. Очевидно, что изменившиеся условия колонизационного процесса повлекли за собой и определенные трансформации в области форм и методов имперской политики на восточных окраинах, благоприятным фоном реализации которой стали либеральные реформы и активное включение общества в обсуждение актуальных социально-политических тем. В исследуемый период происходило формирование общественно-политического дискурса колонизации окраин империи, в границах которого действующими агентами оказывались не только акторы власти, но и значительная часть образованного сегмента российского общества – переселенцы из европейских губерний России, казачество и коренное население. В текстах последних репрезентировалась широкая палитра представлений о причинах, ходе и перспективах государственной колонизации региона, вариантах урегулирования конфликтов между субъектами колонизации, что в значительной степени актуализировало и вопросы организации управления в новых социокультурных и политических обстоятельствах.

По определению Н.Н. Родигиной, рубеж XX–XXI вв. был отмечен всплеском исследовательского

интереса к изучению представлений о регионе интеллектуальной и политической элиты модернизировавшейся империи и связан с актуализацией вопроса о так называемой второй реальности, истории коллективных представлений и социокультурном мифотворчестве [5. С. 41]. Важную роль в организации исследований стало выполнять обращение к дискурсивным практикам эпохи, связанным с особенностями формирования «имперской ситуации» в условиях освоения восточных окраин России. Соглашаясь с мнением о том, что дискурс – это корпус содержательно согласованных в коммуникативном пространстве текстов [6. С. 166], отметим, что на фоне аграрного освоения степных территорий Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. наиболее рельефно отразилось соперничество дискурсов; их интеллектуальное поле структурировалось как противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где властный и общественный дискурсы репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов.

В данном отношении особую актуальность приобретает обращение к репрезентациям имперских принципов управления окраинами страны в источниках личного происхождения, статус которых в научных исследованиях долгие годы позиционировался как периферийный, а абсолютный приоритет оставался за нормативно-правовыми актами и материалами официального делопроизводства. По справедливой констатации М.Ф. Румянцевой, «в последнее время явно актуализировалась тенденция к иллюзорной “достоверности” и “объективности” исторического знания, достигаемых путем так называемой “критики исторических источников”» [7. С. 235]. В этом плане голоса непосредственных участников колонизационного процесса, общественных деятелей, выполнявших в той или иной мере функции имперских экспертов, отодвигались на дальний план, не вписываясь в часто навязываемую историографической традицией сюжетную канву. Между тем личные тексты, представляют исследователю, как полагал М. Фуко, возможность восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры и между строчками, и

потом раздвигает их» [8. С. 28], и тем самым принять непосредственное участие в конструировании исторического события.

Исходя из сказанного, цель статьи заключается в раскрытии содержания репрезентаций имперских принципов управления в Степном крае, представленных в воспоминаниях генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова.

Фигура И.Ф. Бабкова вызвала у исследовательского коллектива живой интерес, в том числе и потому, что свидетельства этого персонажа могут в известной степени опровергнуть тривиальные претензии историков-позитивистов по поводу предвзятости и необъективной оценки событий в источниках личного происхождения, а именно в воспоминаниях их непосредственных участников. Добавим, что в отличие от многих мемуаристов, в чьих текстах также содержатся сведения о широкой палитре вопросов колонизации Степного края, личность И.Ф. Бабкова является знаковой: он в равной степени может быть причислен как к государственным чиновникам (военный губернатор Семипалатинской области), так и ученым (географ) и общественным деятелям (председатель Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества – ЗСОИРГО). Выполняя чиновные, военные, научные и общественные функции, генерал от инфантерии И.Ф. Бабков принадлежал к разряду тех имперских экспертов, которые досконально знали и ориентировались в сложных обстоятельствах колонизационного процесса, были вхожи как в кабинеты высшего правительственного истеблишмента России, так и в сообщество либерально настроенной интеллигенции, что значительно повышает статус и научную значимость его размышлений об имперском характере управления Степным краем. Прослужив в Сибири более тридцати лет (1857–1890 гг.) и занимая различные государственные должности, И.Ф. Бабков имел все условия для всестороннего изучения Западной Сибири и Степного края, что оказалось зафиксировано в его многочисленных публикациях и отчетах ИРГО. Он являлся действительным членом Императорского русского географического общества с 1860 г., а в 1877 г. занял должность председателя только что образованного Западно-Сибирского отдела ИРГО. Выйдя в 1890 г. в отставку и поселившись в Крыму (г. Феодосия), И.Ф. Бабков приступил к написанию воспоминаний о своей службе, которые не успел закончить из-за своей смерти в 1905 г., доведя хронологию событий до 1875 г.

Важной исходной составляющей воспоминаний генерала И.Ф. Бабкова является оценка им контекстуальных условий его государственной службы и общественной деятельности, что позволяет составить общее представление об имперском характере управления окраинами в середине и второй половине XIX столетия. В авторском предисловии И.Ф. Бабков, подводя итоги своей многолетней карьере, косвенно свидетельствует о личностной модели генерал-губернаторской власти в Западной Сибири и сопредельных регионах, что, несомненно, являлось неотъемлемым признаком имперского регионального управления и придавало «дискретный характер пра-

вительственному курсу в отношении той или иной окраины... когда смена персонажей на генерал-губернаторском посту нередко определяла направление правительственных мероприятий...» [9. С. 116]. В этой связи И.Ф. Бабков в своих воспоминаниях говорит о шести генерал-губернаторах, с которыми ему довелось работать, особый акцент делая на разнообразии их характеров и взглядов на одно и то же дело [10. С. 10].

Отметим весьма эмоциональную реакцию автора воспоминаний на этнический и конфессиональный состав административного корпуса генерал-губернаторства. И.Ф. Бабков с изрядной долей скепсиса и иронии сообщал о принадлежности высшей бюрократии Сибири и Степного края к «иностранным народностям и иноверцам» [10. С. 6], приводя длинный список немцев и шведов-лютеран, поляков и литовцев, составлявших основу региональной администрации. Сетую по поводу отсутствия в органах управления людей с русскими фамилиями, генерал сопровождал свои ощущения словами популярной ксенофобской песни: «Чем я запад огорчила (петь приходится Руси). Али тем, что так любила, что и Боже упаси! Родилась я с добрым сердцем, вот в чем горе все мое; у меня ли всяким шмерцам не раздольное житье? О германцах уж ни слова: им все льготы и почет; им рожна еще какого на Руси не достает, денег им я сыплю груды, на награды не скуплюсь, и куда не глянь, повсюду или немец иль кракус» [10. С. 7].

Подобная позиция автора в полной мере соответствовала национал-патриотической риторике, основами которой были заложены в середине XIX в. консервативными изданиями М.Н. Каткова (Московские ведомости, Русский вестник), активно проповедовавшими антисепаратистские настроения и русификаторские идеи в деле колонизации окраин. Практики доминирования и принуждения в колонизационном освоении восточных окраин в указанный период становились руководством к действию для правительственных чиновников центрального и регионального уровня, весьма своеобразно преломляясь в сознании людей военных профессий, стабильно сервильных власти.

Националистские эскапады И.Ф. Бабкова имели непосредственный выход на дискурс об основных субъектах колонизации, формировавшийся в 1860–1870-е гг., в котором центральное место занимала «тема казачества» и колонизационных возможностей военного сословия. Посвятив значительную часть материалов второй главы очерку о положении дел на юго-востоке казахской степи в период 1840-х – начала 1860-х гг., обращая внимание на долгосрочность и кровопролитный характер завоевания империей территорий Большой и Дикокаменной Орды, И.Ф. Бабков посчитал необходимым подчеркнуть особое значение казачьей колонизации степных пространств. Формальным поводом для включения казачьей проблематики в канву воспоминаний стало частное высказывание начальника Зачуйской экспедиции, полковника А.Э. Циммермана, в котором тот с крайним презрением отзывался о боевых качествах сибирских казаков [10. С. 24]. Между тем в процессе колонизации Степ-

ного края имперские власти продолжительный период рассматривали казачество в качестве главного актора поддержания стабильности и безопасности в регионе. И.Ф. Бабков, как и ряд других имперских экспертов, в частности Ф. Усов [11. С. 176], указывал в своих мемуарах на тот факт, что сибирское казачество, подобно Донскому и Яицкому, не было самобытным продуктом земской колонизации окраин, а являлось производным правительственных инициатив и усилий [10. С. 26]. По мнению И.Ф. Бабкова, до конца 1850-х гг. сибирское казачество представляло собой грозную боевую силу, однако тесный контакт с коренным населением, привлечение в казачество представителей крестьянства, переход к оседлому земледелию, а также отсутствие регулярного опыта военных действий постепенно приводили к утрате сословием колонизаторских функций. Гневные реплики современников о предосудительных наклонностях казачества и ведении праздного образа жизни И.Ф. Бабков объяснял изменившимся характером службы сибирских казаков и новыми нормативными актами 1861 г., ограничивавшими отпуск казачеству казенного провианта [10. С. 31]. С точки зрения генерала, неспособность казачества к интеграции в новые условия экономической жизни Степного края объясняется широким спектром причин, в том числе отсутствием благоприятных для ведения земледелия природных и ландшафтных условий, а также постоянным сокращением военных конфликтов с автохтонным населением. В этой связи И.Ф. Бабков репрезентирует в своих мемуарах типично имперский подход к внутренней колонизации, указывая на позитивную культуртрегерскую функцию казачества, содействовавшего «...проведению в среду кочевых обитателей русских идей и воззрений» [10. С. 34].

Опыт трансляции имперских практик управления в Западной Сибири и Степном крае предметно рефлексировался И.Ф. Бабковым в разделах воспоминаний, посвященных оценке деятельности генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда (1850–1861). Автор особо подчеркивает специфический статус регионов Зауралья в составе Российской империи, акцентируя внимание не только на отдаленности территорий от основного ядра государства, но и их своеобразной «отдельности», что формировало весьма вычурную, часто спонтанную систему колонизационных мероприятий. По логике рассуждений И.Ф. Бабкова, интеграция Сибири, в частности казахских степей в состав российского государственного «тела», носила сложный и многоступенчатый характер, зависела от личных качеств и понимания ситуации региональным чиновничеством. Здесь следует оговориться, что решения, принимаемые высшей сибирской администрацией по тем или иным вопросам управления краем, исходили от людей военных (генерал-губернаторы), прошедших имперскую управленческую школу в России, что в конечном итоге соотносилось с пониманием цели и задач колонизации правительством, побуждало закрывать глаза на методы внедрения управленческих практик и откровенные провалы в их реализации. И.Ф. Бабков, характеризуя модель административного управления, сложившуюся при Г.Х. Гасфорде, обращает внимание на то, что генерал-губернатор,

зная о неопределенности и несогласованности финансовой политики ведомств, а также затруднениях, связанных с участием России в Крымской войне, часто предпочитал изыскивать денежные средства из местных источников, покрывая расходы за счет банковских процентов. С одной стороны, подобное положение вполне устраивало центральную бюрократию, освобожденную от финансовых хлопот, с другой – имперские власти, получая из надежных источников сведения о спекуляциях высшей региональной администрации, активно их использовали как средство давления, контроля и утверждения субординации. И.Ф. Бабков дает подробное описание конфликта между Гасфордом и военным министром Н.О. Сухожанетом, составившем особое предписание в связи с незначительным просчетом генерал-губернатора при разработке плана строительства Омского военного госпиталя, по всей вероятности столь резкое, что приближенные не решились об этом доложить [10. С. 44].

И все-таки самодержавная власть, обладавшая трехвековым опытом управления восточными окраинами, умело расставляла приоритеты, выдвигая на первый план решение глобальных, сугубо имперских задач. Не придавая серьезного значения последствиям фантастических планов Г.Х. Гасфорда об учреждении «срединной» религии, частичная реализация которых способствовала утверждению мусульманства в кочевнической среде именно вдоль линии русских поселений, власти всячески поддерживали военно-экспедиционные мероприятия губернатора в Средней и Центральной Азии (завоевание Заилийского края), что, по словам И.Ф. Бабкова, «доставило нам возможность установить прочную границу... с Китаем. Придвинувшись к некогда загадочной Кашгарии... мы сразу становились фронтом к Индии» [10. С. 305].

Одним из ключевых вопросов, поставленных И.Ф. Бабковым на страницах воспоминаний, стал вопрос об организации управления коренным населением Степного края. Стоит сказать, что автор, работая над соответствующим разделом своих мемуаров, вполне отдавал себе отчет в том, что с появлением русского населения в регионе началась кардинальная ломка системы социальных и экономических отношений, и это не могло не оказать влияния на организацию кочевого общества, характер взаимоотношений индигенных народов с пришлыми группами. Погружение в текст главы, посвященной административным преобразованиям в степных областях, позволяет утверждать, что автор был хорошо знаком с содержанием российского общественно-политического дискурса, в центре которого, по определению В. Тольца, располагался «собственный Восток России» [12]. Распространение в Европе, частью которой являлась и Российская империя, идей социал-дарвинизма и ориентализма придавало особый «привкус» обсуждению проблемы интеграции коренных народов окраин в российский социум. Господствовавшие в консервативном сегменте дискурса эволюционистские подходы провозглашали идеи примитивности кочевых цивилизаций, для которых скотоводческая экономика являлась естественной формой жизни, тогда как земледелие не играло серьезной роли в организации

степного хозяйства. Либеральная интеллигенция в лице представителей сибирского областничества придерживалась противоположной позиции. Г.Н. Потанин, который в 1863–1864 гг. участвовал в экспедиции на Зайсан и в Тарбагатай, познакомившись с кочевыми народами и их культурой, пришел к выводу о том, что к практикам земледелия у казахов, несмотря на его спорадический характер, нужно относиться как к законному экономическому факту [13. С. 29]. Говоря о степном хозяйстве, Г.Н. Потанин подчеркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т.е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, – писал Г.Н. Потанин, – очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия» [14. С. 331]. В данной связи И.Ф. Бабков на страницах своей работы фиксирует не только разногласия мнений региональных администраторов по вопросу включенности автохтонов в сельскохозяйственный труд, но и констатирует отсутствие единства управления всем степным регионом, населенным одной народностью [10. С. 311]. По мнению мемуариста, генерал-губернаторы, сменяя друг друга, не только не старались поддерживать и проводить реформы, начатые их предшественниками, но действовали в совершенно противоположном духе, руководствуясь своими личными соображениями и взглядами [10. С. 312].

Подходы и практики имперского управления Степным краем нашли отражение в мемуарах И.Ф. Бабкова в части досконального анализа нормативно-правовых основ регулирования социального статуса, хозяйственной деятельности и быта кочевого населения в 1865 г. (создание Степной комиссии) – 1868 г. (принятие Степного положения). Необходимо отметить резко критический подход автора к оценке результатов действий Степной комиссии, основные выводы которой легли в основу Степного положения. Из острых размышлений И.Ф. Бабкова можно четко выделить типичные для практик имперской организации колонизируемого пространства действия: категорическое нежелание центральной власти привлекать местную администрацию к обсуждению реформаторских проектов, выборочный и формальный характер

экспертизы степных территорий, активное стремление к ликвидации традиционных институтов власти у кочевников, в частности, родового начала организации обществ коренного населения [10. С. 321–25]. В порядке общих выводов И.Ф. Бабков, характеризуя новое административное устройство Степного края, проектированное Степной комиссией, констатировал, что оно подорвало значение родового начала, вызвало искусственное административное деление волостей, ввело чуждое коренным обитателям выборное начало и разрушило великий фактор народной жизни казахов – их обычный суд [10. С. 325].

Вместе с тем И.Ф. Бабков отметил и ряд важных изменений, сопровождавших реформы «сверху», что свидетельствовало о формировании такого нового качества имперских действий на окраинах, как пластичность, готовность идти на компромиссы с общественными силами. Известно, что в состав Степной комиссии, ставившей целью разработку окончательного варианта «Положения об управлении Степным краем», входили не только представители правительственной бюрократии, но и общественные деятели, такие как Ч. Валиханов, А. Левшин, М. Черманов. По свидетельству И.Ф. Бабкова, Муса Черманов (Шорманов), служивший в должности советника при Западно-Сибирском генерал-губернаторе, неоднократно выступал с критическими замечаниями по вопросам образования одноплеменцев, настаивая на необходимости частичного сохранения традиционных институтов власти у кочевников [10. С. 326, 328].

В мемуарах И.Ф. Бабкова проблемы управления автохтонным населением оказались тесно увязаны с еще одним важным вопросом, решение которого наиболее четко демонстрировало имперские принципы организации управления Степным краем во второй половине XIX в. В центре внимания автора – землевание кочевого населения в связи с усилившимся переселенческим движением в Степной край крестьянства из европейских губерний России. Примечательно, что И.Ф. Бабков в своих суждениях по означенной проблеме значительно расширил хронологические рамки воспоминаний, выдвинув их за границы своей административной службы, упоминая и 1890-е гг. – время строительства Транссибирской магистрали и массовых переселений на восток империи. По всей видимости, интерес к означенной теме у него начал формироваться в период «общественный», когда он, уйдя в отставку, активно включился в работу ЗСОИРГО, став его председателем.

Отметим, что И.Ф. Бабков, подводя предварительные итоги имперской колонизационной работы в данном направлении, особое внимание уделяет координационной деятельности центральной и региональной бюрократии в сфере урегулирования статуса трех акторов колонизации Степного края: российских переселенцев, автохтонов и казачества. Согласно его трактовке, в 1870–1880-х гг. в связи с ростом миграционного потока в регион произошли важные трансформации именно в проектной сфере освоения региона. Понимание И.Ф. Бабковым сложившейся ситуации, разумеется, испытывало на себе влияние тех установок, которые настойчиво транслировались в консерва-

тивной публицистике, во многом отражавшей имперскую точку зрения на колонизационный процесс. В этот период широкую огласку получил национал-консервативный проект «большой русской нации» М.Н. Каткова, частью которого являлось убеждение, что основной переселенческий поток должен направляться в те районы, где требуется усиление «русского элемента» [15. 17 мая 1881 г.]. Внимательное прочтение данного раздела воспоминаний И.Ф. Бабкова позволяет сделать вывод, сообразно с которым для имперской политики в текущих обстоятельствах было в целом характерно стремление к реализации практик культуртрегерства, а значение переселений в Степной край российских землепашцев считалось первоочередной задачей. Однако центральные власти, действуя в данном направлении, не могли не прислушиваться к широкому кругу мнений, исходящих от имперских экспертов – представителей региональной администрации, военных, общественных и научных деятелей. Так, например, И.Ф. Бабков, на страницах мемуаров, заочно полемизирует с А.К. Гейнсом, соглашаясь с ним в вопросе о необходимости «обрусения» степи, но ожесточенно споря о методах распространения русского влияния в регионе. А.К. Гейнс, констатируя несостоятельность казачества в земледельческом освоении Степного края, акцентировал внимание на необходимости использования хозяйственных навыков и опыта переселенцев. По мнению И.Ф. Бабкова, колонизация Степного края и интеграция в сословную ткань русского общества коренных народов могли быть осуществлены только при условии широкой программы правительственных действий, в том числе и в образовательной сфере [10. С. 344].

Таким образом, опираясь на материалы источников личного происхождения, в частности мемуары

непосредственных участников событий на восточных окраинах России во второй половине XIX столетия, таких как генерал от инфантерии И.Ф. Бабков, была реализована возможность уточнения подходов имперской власти к организации управления Степным краем в период изменения колонизационной парадигмы, когда задачи военного завоевания этих территорий постепенно вытеснялись программами мирного освоения и интеграции региона в общеимперское пространство.

В отличие от материалов официального делопроизводства и нормативно-правового характера, изложение колонизационной ситуации в воспоминаниях И.Ф. Бабкова, в равной степени представлявшего российское чиновничество и общественные силы империи, позволяет обнаружить сложную систему взаимодействия центральных и региональных властей, имперской бюрократии и местных сообществ, социальных и этнических групп Степного края в контексте имперского управления на восточных окраинах. Обращение к тексту мемуаров дает право утверждать, что имперские принципы управления степными территориями, в основе которых располагались практики доминирования и принуждения, серьезно корректировались в продолжение второй половины XIX в., что свидетельствовало о лабильности и пластичности имперской политики на окраинах. В условиях отдаленности и известной обособленности Степного края от центра страны имперские власти вынуждены были вникать в «извивы» общественно-политического дискурса по инородческому, казачьему и переселенческому вопросам, учитывать понимание задач колонизации региональной администрацией, суммировать эти подходы в процессе их дальнейшего воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества : материалы междунар. науч. конф. к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2002. С. 105–108.
2. Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 580 с.
3. Чуркин М.К. Репрезентации стратегий и практик образовательной политики России на восточных окраинах империи в национал-консервативных и либеральных периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. // История. 2019. Вып. 8 (82). Т. 10: Феномен формирования континентальной империи на евразийском пространстве: опыт урало-поволжских и центрально-азиатских территорий. DOI: 10.18254/S207987840006043-6
4. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019. 261 с.
5. Родигина Н.Н. «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
6. Денисов Ю.П. Категория «дискурс» в историческом познании // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы : сб. науч. тр. М., 2012. С. 165–182.
7. Румянцева М.Ф. Источниковедение vs источниковедение в краеведении и новой локальной истории // Новая локальная история : По следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 235–237.
8. Фуко М. Археология знаний. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
10. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. СПб. : Тип. С.Ф. Киршбаума, 1912. 521 с.
11. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 243 с.
12. Толц В. Собственный Восток России: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : НЛЮ, 2013. 336 с.
13. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири : Опыт осмысления личности. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
14. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : [в 12 т.] / под общ. ред. П.П. Семенова. СПб. ; М. : Издание товарищества М.О. Вольф, 1881–1901. Т. 11. С. 331–348.
15. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877–1884 гг. / М.Н. Катков. М. : Издание С.П. Катковой, 1897–1898. 671 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

Representation of the Imperial Principles of Governing the Steppe Territory in the Second Half of the 19th Century in the Notes of the General of the Infantry Ivan Babkov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 204–209.

DOI: 10.17223/15617793/469/27

Bakyt S. Tokmurzaev, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakhstan). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Raya S. Tazhitayeva, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakhstan). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Almagul A. Sirbayeva, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakhstan). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Keywords: memoirs of Ivan Babkov; colonization; imperial governing principles; sources of personal origin; representation; Steppe Territory.

The second half of the 19th century was the time when the formation of the common space of the Russian Empire, the final accession of the Eastern suburbs, the social, political, cultural integration of remote areas in the state space was completed. In the studied period, the main migration flows went from the European part of Russia to the weakly utilized agricultural lands of the Steppe Territory, which in practice was accompanied by fundamental changes in the colonization program of the Russian state. Having solved the tasks of the military-political consolidation of the border of the Steppe Territory, the tsarist government began a systematic integration of indigenous population into the social structure of Russian society. Reconstruction of this process is productive when drawing on a wide range of sources, in particular, evidence of the direct participants of the colonization, representatives of the Russian bureaucracy, servicemen, major leaders of social movements. General of Infantry I.F. Babkov, who left memories of his service in Western Siberia and the Steppe Territory, was an expert in these areas: for many years, he was a government official and combined this work with scientific and social practices. His memoirs present the most detailed and analyzed information about the participation of the central and regional authorities in the organization of governing in the Steppe Territory during the transition period when the migration activity of the peasantry increased, and there arose the issue of taking administrative measures for the normalization of relations between the main actors of colonization in the region: Russian resettlers, indigenous peoples, and the Cossacks. The value and representativeness of Babkov's memoirs is determined by two components. Firstly, official and legal documents are often not able to convey all the nuances of the imperial policy in the Eastern outskirts, the content of the discourse of power and society, the emotional response of the bureaucracy to the process, which actualizes the importance of referring to personal testimony. Secondly, Babkov's reflections about a wide range of resettlement issues allow distinguishing the imperial component, identifying patterns of communication and decision-making in the changing geography of power.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. (2002) ["Siberian aliens" in the imperial strategy of power in the 18th – early 20th centuries]. *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obshchestva* [Siberia at the stage of formation of an industrial society]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 105–108. (In Russian).
2. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vekov* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
3. Churkin, M.K. (2019) Representations of the Strategies and Practices of Educational Policy of Russia on the Eastern Outskirts of the Empire in the National-Conservative and Liberal Periodicals of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Istoriya*. 8 (82):10. DOI: 10.18254/S207987840006043-6
4. Churkin, M.K. & Tokmurzaev, B.S. (2019) *Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya: obshchestvenno-politicheskiy diskurs i imperskie praktiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Agrarian colonization of the Steppe Territory: sociopolitical discourse and imperial practices of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
5. Rodigina, N.N. (2006) "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka ["Another Russia": the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
6. Denisov, Yu.P. (2012) Kategoriya "diskurs" v istoricheskom poznanii [Category "discourse" in historical knowledge]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical science today: theories, methods, prospects]. Moscow: URSS. pp. 165–182.
7. Rumyantseva, M.F. (2014) Istochnikovedenie vs istochnikovedenie v kraevedenii i novoy lokal'noy istorii [Source study vs source study in local history and new local history]. In: *Novaya lokal'naya istoriya: Po sledam internet-konferentsiy. 2007–2014* [New local history: Following Internet conferences]. Stavropol: [s.n.]. pp. 235–237.
8. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniy* [The archeology of knowledge]. Translated from French. Kyiv: Nika-Tsentr.
9. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: NLO.
10. Babkov, I.F. (1912) *Vospominaniya o moyey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri. 1859–1875 g.* [Memories of my service in Western Siberia. 1859–1875]. Saint Petersburg: Tip. S.F. Kirshbauma.
11. Usov, F. (1879) *Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voyska* [Statistical description of the Siberian Cossack Army]. Saint Petersburg: [s.n.].
12. Tol'ts, V. (2013) *Sobstvennyy Vostok Rossii: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [Russia's Own East: Identity Policy and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow: NLO.
13. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, The Last Encyclopedist of Siberia: An Experience of Understanding the Personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
14. Potanin, G.N. (1881–1901) *Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri* [The conquest and colonization of Siberia]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii: [v 12 t.]* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic, and everyday meaning: [in 12 volumes]]. Vol. 11. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f. pp. 331–348.
15. Katkov, M.N. (1897–1898) *Sobranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1877–1884 gg.* [Collection of leading articles of Moskovskie Vedomosti. 1877–1884]. Moscow: Izdanie S.P. Katkovoy.

Received: 11 February 2021

И.В. Федюнин, Ю.Г. Чендев, Т.Ф. Трезуб

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КАМЕНКА 1 И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ДОНСКОГО ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РФФИ № 19-29-05012 мк, РФФИ № 17-78-20048 (по гранту РФФИ выполнен анализ археологических находок стоянки Каменка 1).

Приводятся результаты междисциплинарного изучения стоянки Каменка 1 в левобережье Донской Лесостепи. История развития поверхности памятника делится на две стадии: ранняя – активного пойменного развития рядом с руслом р. Савала и поздняя стадия замедленного пойменного развития поверхности рядом с зарастающей старицей. Проведенные исследования позволяют удревнить хронологию стоянки, относящейся к каменкской культуре, констатировать наличие хронологической лакуны между поздним мезолитом и ранним неолитом лесостепи Донского Левобережья.

Ключевые слова: археология; палеогеография; почвы; мезолит; лесостепь.

Памятники эпохи мезолита на территории лесостепного Подонья и Похоперья немногочисленны, большинство из них представлено местонахождениями либо стоянками с плохой сохранностью культурного слоя. Пункты, подходящие под определение понятия «опорный памятник», единичны. К одному из них можно отнести стоянку Каменка 1.

Памятник был выявлен В.В. Килейниковым в ходе разведки 1984 г., позже исследовался И.В. Федюниным разведочным раскопом на площади 18 м² в 2003 г. и – на 36 м² в 2004 г. Материалы разведочных раскопов 2003 и 2004 гг., поставленных на берегу р. Савала, в месте наибольшего негативного воздействия реки на культурный слой, дали небольшие коллекции орудий труда и заготовок эпохи мезолита. В 2016 г. были продолжены раскопки Каменки 1. Двумя раскопами было вскрыто 146 м², выделены условно основная и периферийная зоны стоянки. Исследования 2017 г. (30 м²) бы-

ли направлены на установление северной границы распространения материалов, в результате получена небольшая коллекция артефактов, изучен клад рубящих орудий и заготовок. Работы 2018 г. были связаны с изучением наиболее насыщенного находками участка памятника, было вскрыто 40 м². Контрольный прокоп уровня условного материка на глубину до 2,0 м не дал археологических находок. В то же время был зафиксирован археологически стерильный слой опесчаненного суглинка. В таком слое находились все предметы раннемезолитического комплекса стоянки Плаутино 2 (расположена в 0,3 км к СЗ от стоянки Каменка), относящегося к зимовниковской культуре. Общая вскрытая за все годы исследований на памятнике площадь составила 270 м² [1]. Материалы памятника стали объектом изучения археологов, палеогеографов и почвоведов. Схема местоположения изучаемой территории представлена на рис. 1.

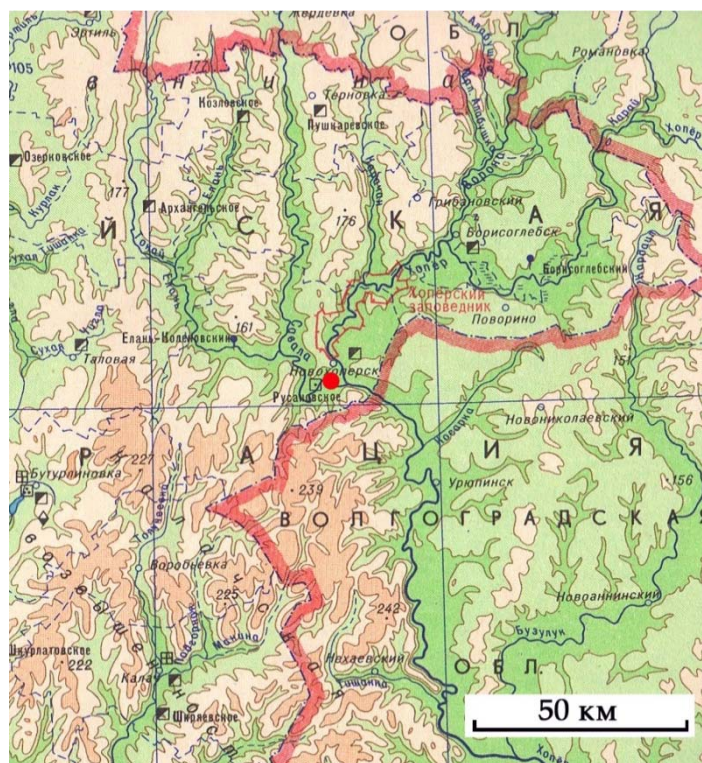

Рис. 1. Схема местоположения участка Каменка 1

Результаты междисциплинарных исследований

Территория Центрального Черноземья и юга Среднерусской возвышенности как ее составной части на протяжении вот уже многих десятилетий выступает ареной реализации междисциплинарных исследований памятников археологии силами историков, почвоведов-географов, геологов и биологов [2–9]. При этом наиболее распространенными объектами палеогеографических реконструкций были почвы, погребенные под земляными насыпями курганов и оборонительных валов городищ [2–4, 7]. Реконструированные по разновозрастным почвам указанных памятников условия среды охватывают последние 4 600 лет истории развития ландшафтов. Гораздо реже палеогеографические и палеоклиматические реконструкции природной среды выполнялись на основе исследования «остатков былых биосфер» в почвах, сопряженных с культурными слоями археологических культур неолита и более раннего времени [5, 6]. Результаты этих исследований проливают свет на своеобразие развития природной среды региона в позднеледниковье и в первой половине голоцена.

Участок исследований находится на востоке Воронежской области в бассейне среднего течения р. Хопер. В морфоструктурном плане изучаемая территория соответствует пластово-денудационной равнине [10]. Участок расположен на северо-востоке Калачской возвышенности, которая, на основании существующих представлений, относится к южной части Среднерусской возвышенности [11].

Неотектонические поднятия в неоген-четвертичное время (главным образом, в четвертичном периоде) сформировали современный облик рельефа [12], представляющего собой сочетание приподнятых междуречий и разделяющих их понижений долинно-балочной сети. Относительные перепады высот между пойменными участками рек и вершинами водоразделов составляют 90–100 м. Водная (за счет деятельности рек) эрозия на склонах речных долин вскрыла толщину пород кайнозойской эры и значительную часть чехлы пород мезозойской эры. Так, согласно описанию геологических пород, на склоне останца, приподнятого над пойменной частью долины р. Савала в 1,5 км к северу от места исследований стоянки, породы обнажения (пески и песчаники) относятся к аптальбскому ярусу меловой системы [13].

Своеобразным геоморфологическим репером древнего базиса эрозии на склонах долины р. Савала выступают слои, содержащие морену и водноледниковые отложения периода донского оледенения. Согласно стратиграфии залегания данных слоев, за период, прошедший после донского оледенения, базисы эрозии в пределах изучаемого региона понизились на 40–50 м, если современным базисом эрозии считать меженный уровень воды в р. Савала, который, согласно анализу крупномасштабных топографических карт, соответствует абсолютной отметке 78,5 м.

Стоянка Каменка 1 приурочена к левобережной части долины р. Савала и находится на небольшом серповидном поднятии над ровной поверхностью поймы реки высотой 0,5–1 м. Данное повышение

сложено аллювиальными слоистыми песками и супесями. Скорее всего, рассматриваемое повышение ранее представляло собой прирусловой вал, на поверхности которого в периоды паводков откладывалось больше аллювиальных отложений, чем на окружающей территории. Это привело к формированию здесь локального микроповышения. О вероятной принадлежности рассматриваемого участка к прирусловому валу говорит его близость к линейно вытянутому старичному микропонижению, которое четко прослеживается в рельефе в 40–50 м к западу и к югу от центральной, наиболее приподнятой части памятника. Старица огибают рассматриваемое микроповышение, делая изгиб на 80–90°, что также важно учитывать для реконструкции образования прируслового вала – с позиций изменения (снижения) скорости потока воды при изгибе функционировавшего ранее речного русла, в результате чего на берегу могла происходить усиленная аккумуляция аллювия.

В климатическом отношении изучаемая территория носит переходный характер от лесостепных к степным климатическим условиям. Поблизости проходит ось Воейкова [14], разделяющая пространство юга Восточно-Европейской равнины на два климатических макро-региона: к северо-западу доминирует циклонический режим циркуляции атмосферы, а к юго-востоку – антициклонический режим циркуляции.

Приграничное положение территории между лесостепью и степью определило закономерное сочетание в структуре почвенного покрова ареалов черноземов выщелоченных, типичных и обыкновенных. Пойменные участки заняты аллювиальными и луговыми почвами, а нижние надпойменные террасы рек – местами песчаными гумусированными почвами с пятнами развееваемых песков.

По данным исследований 2004–2018 гг., культурный слой памятника имел разную концентрацию на вскрытых участках, образуя скопления и микро-скопления, а также «клады» заготовок и орудий.

Основным поделочным сырьем для населения стоянки служил местный кварцит (83,5%) и галечный кремль (13,7%), в меньшей степени – алевролит (1,2%), песчаник (1,2%), опока (0,2%), сланец (0,1%). В единичных случаях встречен импортный меловой кремль из Поосколья или Подонцовья, а также гранит, возможно, местного происхождения (из пород древнеледникового генезиса). С площади раскопов были получены находки из органических материалов: раковины *Unio* (3 экз.), речной улитки (1 экз.), кости млекопитающих (21 экз.), кости рыбы (5 экз.), мелкие фрагменты угля (7 экз.).

Подавляющее большинство изделий из камня на стоянке, как и на других памятниках Похоперья, было изготовлено из качественного мелкозернистого кварцита, в основном зеленого, серого либо оранжевого цвета. Корреляция типов орудий и исходного сырья для их изготовления демонстрирует абсолютное преобладание кремня только для изготовления резцов. Находки покрыты слабой патиной (34,2%), регулярной, бело-голубой, занимавшей всю поверхность изделия (35,3%), либо еще более глубокой, белой патиной (30,5%).

В ходе работ была получена выразительная коллекция находок (4 189 ед.), включавшая в себя

193 орудия (4,6%). Точные данные о составе коллекции каменного инвентаря сведены в табл. 1.

Таблица 1

Стоянка Каменка 1. Каменный инвентарь

Находки	Раскоп 1	Раскоп 2	Раскоп 2/1	Раскоп 2/2	Всего	Процент от коллекции	Процент от категории
Пренуклеусы		1		4	5	0,1	0,1
Нуклеусы	5	18	11	29	63	1,5	1,6
Продольные сколы		1	3	4	8	0,2	0,2
Сколы переоформления площадки		4	2	4	10	0,2	0,3
Сырье	1	32	3	35	71	1,7	1,8
Осколки	38	106	37	237	418	10,0	10,5
Обломки	17	106	51	184	358	8,5	9,0
Отщепы	100	841	215	1273	2429	58,0	60,8
Чешуйки	49	37	15	86	187	4,5	4,7
Резцовые сколы	4	12	5	15	36	0,9	0,9
Пластины	7	53	22	74	156	3,7	3,9
Проксим. Фрагм. Пластин	22	32	6	45	105	2,5	2,6
Медиальные фрагм. Пластин	11	48	14	37	110	2,6	2,8
Дистальные фрагм. Пластин	1	5	3	7	16	0,4	0,4
Отбойники		2	1	2	5	0,1	0,1
Ребристые сколы		2	2	15	19	0,5	0,5
<i>Всего</i>	<i>255</i>	<i>1 300</i>	<i>390</i>	<i>2 051</i>	<i>3 996</i>	<i>95</i>	<i>100</i>
Отщепы с ретушью		11	7	26	44	1,1	22,8
Скребки концевые	1	5	3	5	14	0,3	7,3
Скребки стрелчатые			1		1	0,0	0,5
Скребки концевые-боковые		1	1	1	3	0,1	1,6
Скребки, ретушированные на 3/4			1		1	0,0	0,5
Абразивы			1		1	0,0	0,5
Отщепы с плоской подтеской		1			1	0,0	0,5
Резцы на сломе заготовки	6	12	3	14	35	0,8	18,1
Резцы двугранные	1	6	2	4	13	0,3	6,7
Асимметричные		4	2	3	9	0,2	4,7
Резцы двугранные симметричные				1	1	0,0	0,5
Резцы выемчаторетушные		1	2	8	11	0,3	5,7
Пластины с ретушью		3		1	4	0,1	2,1
Ножи				1	1	0,0	0,5
Пластины с псевдомикрорезцовым сколом		1	1		2	0,0	1,0
Тронкированные пластины		1		1	2	0,0	1,0
Долотовидное орудие			1		1	0,0	0,5
Асимметричные острия	1			2	3	0,1	1,6
Обломок острия		2		1	3	0,1	1,6
Симметричные острия				1	1	0,0	0,5
Треугольник	1			1	2	0,0	1,0
Трапеция		2			2	0,0	1,0
Шлифованные тесла				1	1	0,0	0,5
«Утюжок»		10	3	4	17	0,4	8,8
Обломки шлиф. Орудий		5	2	2	9	0,2	4,7
Тесла		1		8	9	0,2	4,7
Обломки рубящих		1			1	0,0	1,0
Перфораторы							
<i>Всего</i>	<i>10</i>	<i>67</i>	<i>30</i>	<i>86</i>	<i>193</i>	<i>5</i>	<i>100</i>
<i>Итого</i>	<i>265</i>	<i>1 367</i>	<i>420</i>	<i>2 137</i>	<i>4 189</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Техника расщепления камня базировалась на утилизации пирамидальных (вплоть до карандашевидных) и торцовых нуклеусов (рис. 2). Первые изготавливались из подходящих обломков либо проходили стадию пренуклеуса с формированием ударной площадки и плоскости скалывания (рис. 2, 18). Заготовками для вторых служили естественные, образованные в результате выветривания кварцитовые плитки и отщепы.

Техника раскалывания была направлена, в основном, на получение отщепов, из которых изготавливалось подавляющее большинство орудий и пластин (12% всех заготовок для орудий). Анализ ударных площадок сколов, нуклеусов в различной стадии утилизации свидетельствует о применении жесткого и

мягкого отбойников в «ударной» технике, а также приема отжима или скалывания через посредник для получения тонких симметричных пластин с двух- или трехскатной спинкой. При этом количество находок микропластин и соответствующих им нуклеусов неоспоримо, скорее всего, по причине востребованности таких заготовок, которые уносились за пределы вскрытой раскопом площади.

Техника вторичной обработки включала в себя, в основном, крутую ретушь, в меньшей степени – резцовый скол, шлифовку так называемых мягких пород камня, плоскую подтеску. В ансамбле орудий преобладают резцы, в основном, без подработки ударной площадки – на углу сломанной заготовки (рис. 3, 9–11, 15, 18–21, 23, 27–29) или двугранные

(рис. 3, 12, 13, 16, 17, 24–26), отщепы с различной локализацией ретуши (рис. 3, 34); концевые, в том числе двойные, концевые-боковые скребки (рис. 3, 30–33, 35, 36, 38, 48–50), раклет (рис. 3, 37). Комбинированные орудия представлены сочетанием резца и скребка (рис. 3, 39, 40). Выразительную серию находок образуют тесла из кварцита, кремня и сланца (рис. 4, 1, 2, 4–6, 8, 11, 12). Находки имеют подовальную, прямоугольную, либо трапециевидную

форму, изготовлены путем сплошной двусторонней обработки широкими сколами, либо шлифовкой всей поверхности. Последние вместе с другими неопределимыми обломками шлифованных орудий составляют 14% среди всех орудий труда. В технике шлифовки также изготовлен сломанный «утюжок» из зеленовато-серого алевролита, плоско-выпуклой формы в профиле, с ортогональной относительно оси орудия выемкой (рис. 4, 7).

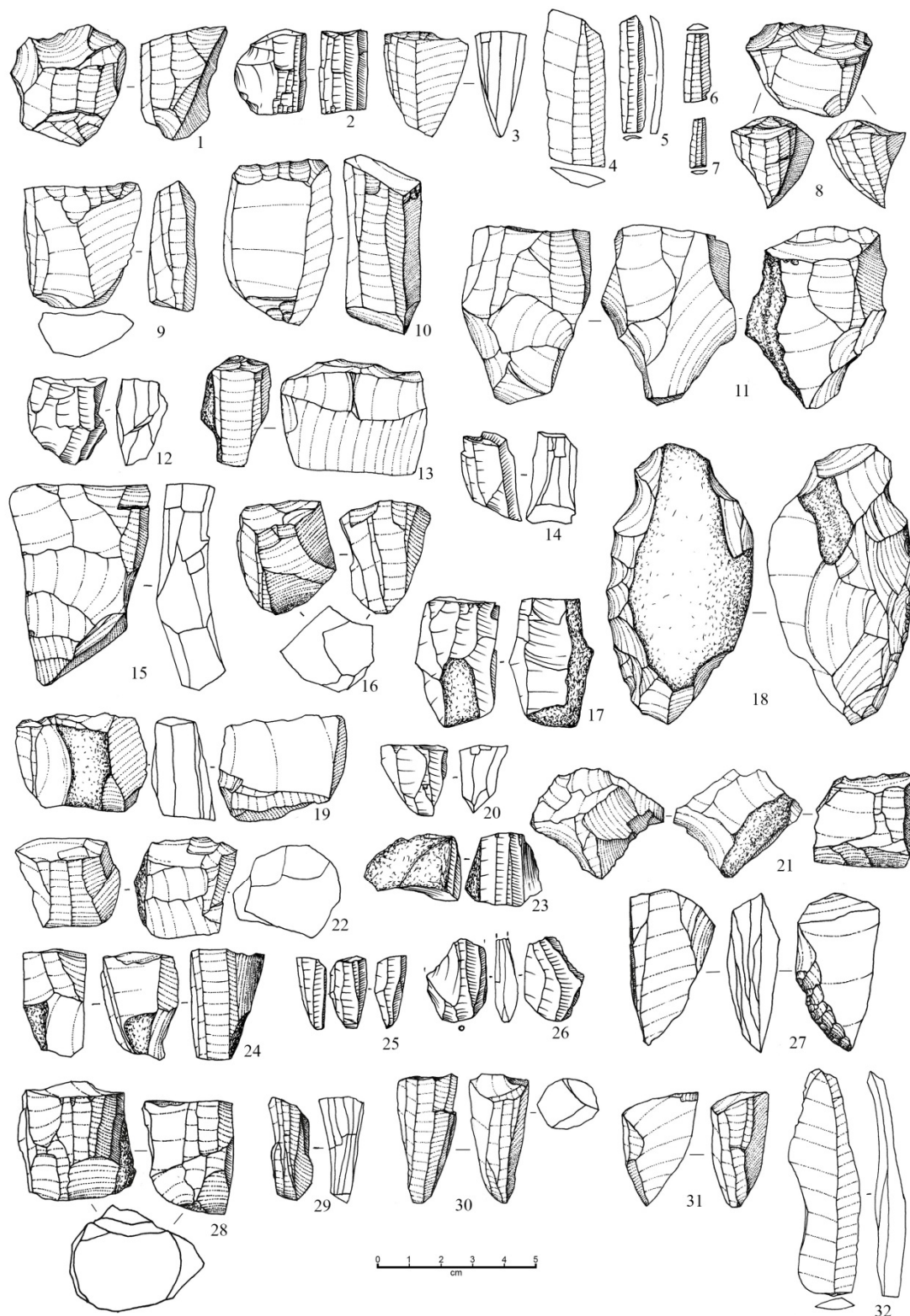

Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Каменка 1. Заготовки, сколы

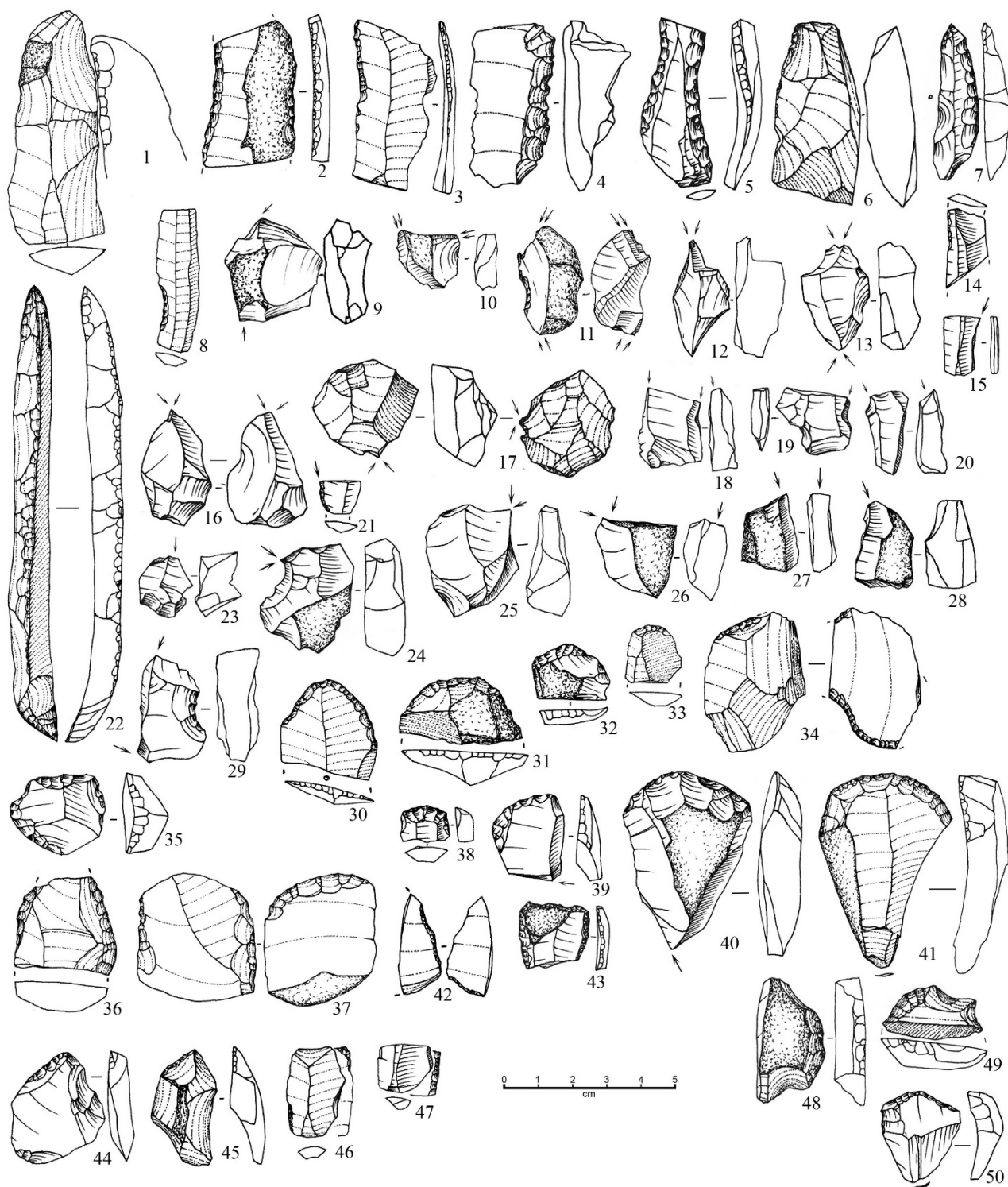

Рис. 3. Каменная индустрия стоянки Каменка 1. Образцы орудий

В единичных случаях встречены симметричные острия из пластин, обработанные крутой ретушью по краю (рис. 3, 7, 20, 21, 24), изделие из длинного ребристого скола с симметричным и асимметричным оформлением кончиков острий на двух противоположных концах (рис. 3, 22), обломок пластины с крутой ретушью края и конца, возможно, от обушкового ножа (рис. 4, 18), пластины с плоской (рис. 3, 1) и краевой крутой ретушью (рис. 3, 2–6), долотовидные орудия (рис. 4, 3), крупные орудия ударного назначения, зафиксированные в составе «кладов» (рис. 4, 10).

Перфораторы включают в себя развертки и сверла (рис. 3, 19, 44, 45). Интересна находка пластины с выемкой на сломанном конце и ретушью, формирующей край заготовки со спинки и брюшка (рис. 4, 17).

Геометрические микролиты представлены кремневыми средневысокими трапециями со сломанным узким основанием (рис. 4, 14), находкой, по форме приближающейся к высокому сегменту (рис. 4, 15), а также кварцитовым треугольником, изготовленным путем усеечения отщепы или осколка крутой формообразующей ретушью (рис. 4, 16).

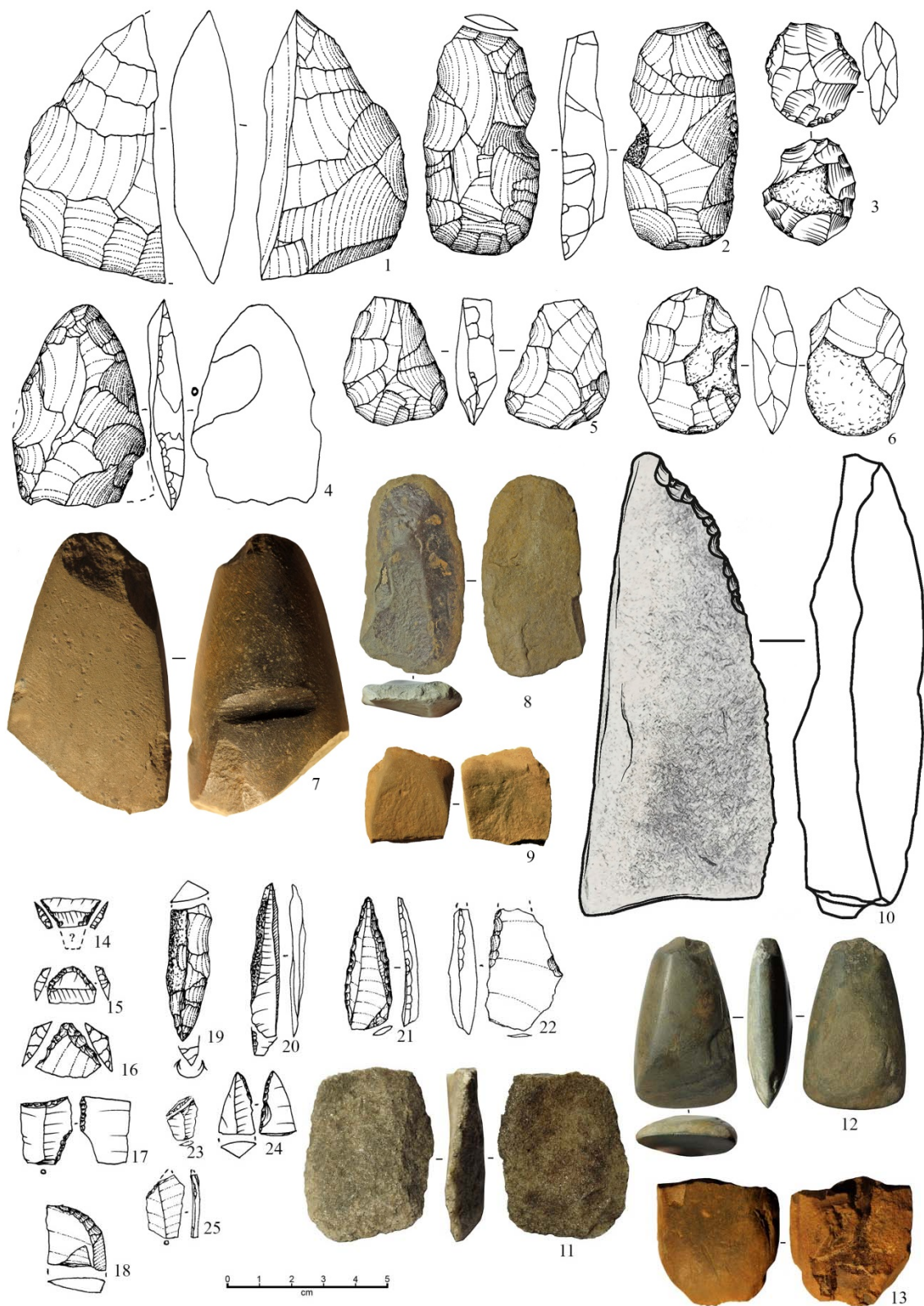

Рис. 4. Каменная индустрия стоянки Каменка 1. Образцы орудий

В целом в стандартной для многих памятников мезолита лесостепного Подонья индустрии обращает на себя внимание высокий процент деревообрабатывающих орудий.

Спорово-пыльцевой комплекс стоянки Каменка 1 в районе раскопа 1 был изучен Т.Ф. Трегуб в 2004 г. [15. С. 17] Более поздние исследования памятника,

проведенные в 2016–2018 гг., показали, что образцы были отобраны из участка, представляющего собой шлейф простираения находок в прибрежную территорию. Общий состав спорово-пыльцевого спектра, выделенного из анализируемых отложений, характеризуется преобладанием пыли древесной растительности (табл. 2).

Каменка 1. 2004 г. Данные спорово-пыльцевых спектров из культурного слоя

Состав растительности	Количество
<i>Всего пыльцы древесной растительности</i>	52,6
<i>Всего пыльцы травянистой растительности</i>	29,6
<i>Всего спор</i>	17,8
<i>Всего сосчитано зерен</i>	304 шт.
<i>Pinus sylvestris</i> L.	36,2
<i>Juniperus communis</i> L.	14,4
<i>Ephedra distachya</i> L.	3,8
<i>Всего пыльцы голосеменных растений</i>	54,4
<i>Betula sect. Albae</i>	11,4
<i>Alnus aff. glutinosa</i> (L.) Gaertn.	8,2
<i>Salix</i> sp.	5,6
<i>Fraxinus</i> sp.	4,4
<i>Nilia cordata</i> Mill.	2,5
<i>Quercus robur</i> L.	5,6
<i>Ulmus</i> sp.	7,3
<i>Acer</i> sp.	0,6
<i>Всего пыльцы древесных покрытосеменных растений</i>	45,6
Chenopodiaceae	9,2
Compositae	7,6
<i>Artemisia</i> sp.	1,4
<i>Taraxacum</i> sp.	2
Poaceae	15,3
Fabaceae	17,4
Papaveraceae	2
Lamiaceae	3,4
Typhaceae	1,4
Cyperaceae	0,7
Ranunculaceae	1,4
Apiaceae	0,7
<i>Всего пыльцы травянистой растительности</i>	62,5
Polypodiaceae	9,7
Lycopodiaceae	1,4
<i>L. inundata</i> (L.) Holub	4,2
Sphagnaceae	5,6
<i>Pteridium tauricum</i> (C. Presl) V. Kresz. ex Grossh.	8,3
Bryales	8,3
<i>Всего спор</i>	37,5

По данным Т.Ф. Трегуб, доминирующее положение занимает пыльца сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и можжевельника обыкновенного (*Juniperus communis*). Подчиненное значение имеет пыльца древесных покрытосеменных растений, где мелколиственные и широколиственные породы представлены примерно в равном соотношении. Пыльца травянистой растительности в основном складывается представителями семейств Fabaceae, Poaceae, Chenopodiaceae (бобовыми, злаковыми, маревыми) и видами, определяющими состав разнотравья. Споры играют значительную роль в общем составе растительности (17,8%). Значительное содержание спор семейства Polypodiaceae указывает на широкое развитие смешанных лесов, а родов *Sphagnum*, *Pteridium* и порядка *Bryales* – на наличие поблизости от места исследования сфагновых болот, сосновых боров, лесных лугов и моховой подушки в сосновых лесах.

Таким образом, на прилегающей территории были широко развиты смешанные леса со значительным участием широколиственных пород (*Quercus*, *Tilia*, *Acer*, *Ulmus*) дуба, вяза, липы, клена. Свободные от лесной растительности площади были заняты степными сообществами разнотравно-злакового состава, а в составе растительности лесных лугов значительное место было отведено бобовым. Кроме этого свободные субстраты

занимались маревыми и полынью. Значительное развитие получили сфагновые болота и болотистые луга, на что указывают споры лycopодиееллы заливаемой (*Lycopodium inundatum* L.). Все это определяет климат достаточно теплый и влажный, что характерно для второй половины бореального периода голоцена.

По данным палинологического анализа разрезов у г. Павловска на Среднем Дону, наиболее благоприятное сочетание тепла и влаги отмечается в интервале 9000-8300 л. н., когда возрастала роль неморального флористического комплекса в составе лесов. На большей части Среднерусской возвышенности и в бассейне Дона устанавливались лесостепные ландшафты, и только на юге, судя по данным изучения стоянки Раздорская, лес тяготел к долинам рек [5. С. 139].

Согласно Е.А. Спиридоновой [5] и ряду других исследователей, в конце бореального периода, начиная с 8300 л. н., начинается похолодание, которое в пределах долины Дона проявилось в уменьшении роли широколиственных пород в составе леса и большой ксерофитизации травянистых и кустарничковых сообществ. Следовательно, в более южных областях этот интервал характеризовался не только похолоданием, но и аридизацией климата.

Основная, наиболее насыщенная находками часть территории памятника изучалась Ю.Г. Чендевым. Глав-

ными объектами проведенного полевого исследования выступали почвы, которые изучались в глубоких разрезах. Всего было изучено шесть почвенных профилей в разрезах, заложенных вдоль почвенной катены, ориентированной с севера на юг, – от вершины микроповышения рядом с центральной частью археологического раскопа 2018 г. до старичного микропонижения в 35–40 м от вершины. Главные выводы по результатам проведенного исследования делались на основании анализа морфологических признаков изученных почв в их связи с почвообразующими породами и положением в рельефе. Большое значение имели интерпретации радиоуглеродного возраста органического вещества почв из образцов, отобранных на разных глубинах и отражающих разные стадии почвообразования.

Главным методом лабораторного анализа был метод радиоуглеродного датирования органического вещества почв. Датирование проб проводилось в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАНУ (г. Киев, Украина) жидкостным сцинтиллятным методом (Skripkin, Kovalyukh, 1998). Содержание изотопа ^{14}C измерялось на низкофоновом спектрометре Quantulus 1220 T. Калибровка радиоуглеродных дат проводилась А.В. Долгих (Институт географии РАН) в программе OxCal v4.3.2 [16] на основе калибровочной кривой IntCal 13 [17].

Изученная почвенная катена ориентирована с севера на юг. Общая длина катены – от микроповышения в месте проведения раскопок до старичного микропонижения – составляет 70 м. Перепад высот между крайними точками катены (разрезами 1 и 6) – 2 м.

В относительно автономных позициях на вершине катены (профили почв в разрезах 1 и 2) формируются черноземно-луговые легкосуглинистые почвы с признаками поверхностного оглеения и с относительно небольшой мощностью гумусированной части профилей (26–27 см). В склоновых позициях катены (разрезы 3 и 4) были идентифицированы лугово-черноземные среднесуглинистые почвы с признаками развития солонцового процесса и грунтового оглеения. Мощность их гумусовых профилей (суммарная мощность горизонтов A1 и A1B) заметно выше, чем в почвах в привершинной части катены – 38–40 см. В нижней части склона и в старичном понижении распространены лугово-черноземные тяжелосуглинистые почвы с четко выраженными признаками слитизации, нарастающей в профилях почв по мере продвижения в сторону старичного понижения. В этом же направлении увеличивается мощность гумусированной части почвенных профилей (в почве разреза 5 суммарная мощность горизонтов A1 и A1B составляет 53–55 см, а в почве разреза 6 – 100–110 см).

Все указанные почвенные переходы являются генетически обусловленными. Современный гумусоаккумулятивный процесс усиливается в гетерономных (подчиненных) позициях рельефа, где складываются более благоприятные условия для накопления темно окрашенного органического вещества почв. В этих же позициях рельефа усиливаются признаки переувлажнения почв из-за неглубокого здесь залегания грунтовых вод. Признаки переувлажнения проявляются в форме оглеения, визуальным индикатором которого

выступает сизоватая или пестрая (от сизой до буровато-рыжей) окраска нижней половины почвенных профилей. Дополнительным индикатором сезонного переувлажнения почв является насыщенность почвенных горизонтов мелкими железисто-марганцевыми примазками и конкрециями.

Отдельного рассмотрения требует вопрос обнаруженных в средней и нижней частях катены признаков осолонцевания и слитизации почв. Авторы указывают на пространственно-временные связи между ареалами почв с признаками солонцеватости и почв с признаками слитизации. В частности, А.В. Борисов и И.В. Ковда [18] провели сравнительный анализ древних подкурганных (возраста 4 500–4 000 лет) и современных (фоновых) почв на разных элементах рельефа (от водоразделов до пойм рек) на территории Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность). По результатам проведенного анализа сделан вывод о том, что распространение слитых почв на автоморфные позиции рельефа поступательно развивалось на протяжении последних 4 тыс. лет вследствие возрастания влажности климата и рассолонцевания почв [18].

Таким образом, подтверждается предположение о том, что создаваемый при развитии солонцового процесса плотный солонцовый горизонт, при повышении норм выпадающих атмосферных осадков становится водоупором, на котором происходит сезонный застой влаги; над указанным водоупором развиваются процессы оглеения и выветривания минералов, а смены периодов увлажнения – иссушения способствуют формированию процессов усадки – набухания, что в совокупности приводит к формированию слитизации почв.

Одним из главных факторов процессов засоления – осолонцевания почв на территории Центрального Черноземья выступает исходная засоленность пород, оказывающих влияние на современный почвообразовательный процесс. Это породы палеогена и неогена морского генезиса [19, 20]. В случае нашего исследования главным источником засоления и осолонцевания пойменных почв являются грунтовые воды, которые на склонах долины р. Савала дренируют засоленные породы палеогена и неогена, а затем (под действием гравитационных сил) перемещаются на пойменные участки реки.

В изученной почвенной катене были идентифицированы погребенные почвы, поверхность которых является репером дневной поверхности изучаемого участка в разные интервалы времени. В качестве примера на рис. 5 представлена фотография передней стенки почвенного разреза 1 с серией погребенных почв, заложенной в самой верхней части изученной катены.

На рис. 6 представлен гипсометрический профиль изученной катены с отображением местоположения гумусовых горизонтов погребенных почв и с пространственными переходами гранулометрического состава почв и пород. Согласно представленному профилю, все идентифицированные погребенные почвы повторяют конфигурацию склона поверхности поймы, который, в соответствии с нашими представлениями, в правой части схемы заканчивался берегом водоема. Первоначально это могла быть река, а впоследствии – старица.

Рис. 5. Передняя стенка почвенного разреза 1

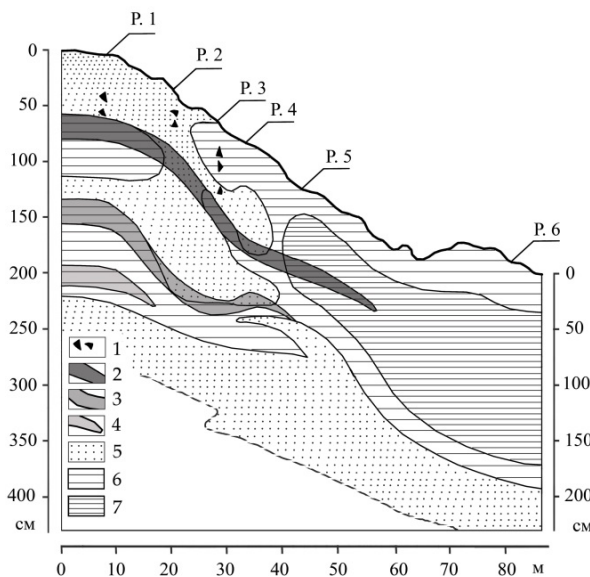

Рис. 6. Гипсометрический профиль почвенной катены, изученной на участке Каменка, и отображение ее некоторых характеристик: 1 – места обнаружения обработанного камня эпохи мезолита; 2 – участок залегания гумусового горизонта (A1) верхней погребенной почвы; 3 – участок залегания гумусового горизонта средней погребенной почвы; 4 – участок залегания гумусового горизонта нижней погребенной почвы; 5 – пески, супеси и легкие суглинки; 6 – средние и тяжелые суглинки; 7 – глины (составлено на основе идентификации признаков почв в шести разрезах, дополненных данными бурения)

Анализируя пространственные изменения гранулометрического состава почв исследованной катены,

очевидной представляется эволюционная трансформация данного показателя, обусловленная, в числе других факторов, местоположением почв в рельефе. Перекрывающий верхнюю погребенную почву аллювиальный нанос мощностью 50–80 см не мог иметь такое контрастное изменение гранулометрического состава сразу после его образования, которое наблюдается в наши дни (рис. 6). Исходный песчано-супесчаный состав этого наноса сохранился в привершинной части катены, а в нижерасположенных позициях рельефа (разрезы 3–5) гранулометрический состав претерпел изменения в сторону его утяжеления. Причинами этого, как мы полагаем, стали процесс осолонцевания почв, на который впоследствии наложился процесс слитизации. На стадии формирования солонцовых признаков происходило разрушение почвенной структуры, ее распыление и оглинивание за счет миграции сверху тонкодисперсных почвенных фракций в солонцеватые горизонты почв. На стадии слитизации происходило дальнейшее усиление глинообразования путем переходов неразбухающих глинистых минералов в разбухающие и в результате истирания гранулометрических фракций почв вдоль плоскостей скольжения (глинисто-гумусовых зеркал (сликенсайдов), рис. 7). В слитых почвах истирание частиц также происходило в постоянно образующихся трещинах, открывавшихся (с последующей засыпкой в них материала верхних почвенных горизонтов) и закрывавшихся при сменах периодов иссушения почв периодами увлажнения.

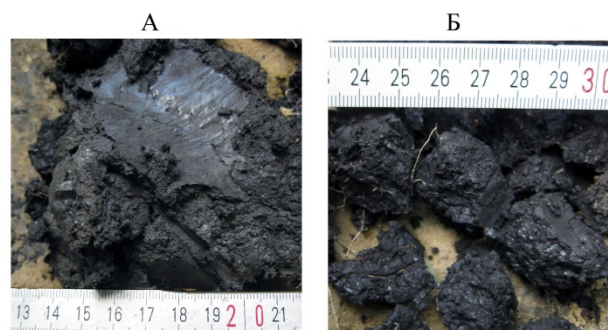

Рис. 7. Глинисто-гумусовые зеркала (сликенсайды) и глянцевые пленки на гранях агрегатов в горизонте A1Bg лугово-черноземной слитой почвы, изученной в разрезе 6

Гранулометрический состав гумусовых горизонтов погребенных почв ранее также характеризовался большей однородностью, чем в наши дни (почвы имели среднесуглинистый состав). Произшедшие изменения, в числе других причин, были вызваны зоогенным (посредством дождевых червей) перемешиванием почвенной массы – с заносом в погребенные гумусовые горизонты материала из перекрывавшего сверху песчано-супесчаного аллювиального наноса (рис. 8).

Для реконструкции стадий формирования почв и природной среды, а также для установления периода функционирования стоянки мезолитического человека важной представляется идентификация возраста изученных погребенных почв.

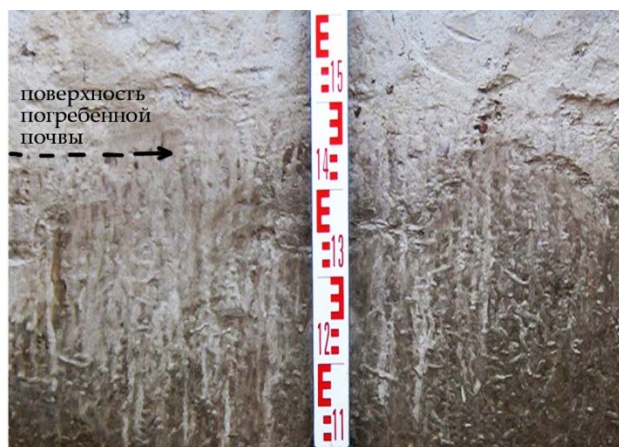

Рис. 8. Гумусовый горизонт верхней погребенной почвы в разрезе 2, испещренный ходами червей. Ходы червей заполнены светло-желтым песком, засыпавшимся из вышележащего песчано-супесчаного аллювиального наноса

Для этой цели были отобраны образцы на радиоуглеродное датирование органического вещества (гумуса) почв: в разрезе 1 – с приповерхностных слоев трех погребенных почв на глубинах 57–62, 138–142, 190–195 см; в разрезе 3 – с приповерхностных слоев двух выявленных в разрезе погребенных почв на глубинах 80–85 и 162–166 см; в разрезе 6 – в самой нижней части профиля лугово-черноземной слитой почвы (Сг, 165–170 см), являющейся сапропелевым слоем тяжелосуглинистого состава, залегающим над слоистыми аллювиальными песками (начинаются с глубины 200 см).

Образцами, дублирующими погребенные почвы, были пробы из приповерхностных слоев верхней погребенной почвы (в разрезе 1 – 57–62 см, в разрезе 3 – 80–85 см), а также второй сверху погребенной почвы (в разрезе 1 – 138–142 см, в разрезе 3 – 162–166 см).

Результаты радиоуглеродного датирования органического вещества почв представлены в табл. 3 (радиоуглеродные даты даны в годах назад от 1950 г. (BP – before present)).

Пробы, дублирующие погребенные почвы в разных разрезах, показали хорошую сходимость их возраста с тенденцией его увеличения в разрезе 3, что вполне закономерно, учитывая лучшую сохранность здесь углерода органического вещества почв при их перекрытии аллювиальными наносами большей мощности: возраст углерода гумуса верхней почвы оказался равным в разрезе 1 – 1890 ± 80 лет, в разрезе 3 – 2230 ± 120 лет, а второй сверху погребенной почвы в разрезе 1 – 3070 ± 180 лет и в разрезе 3 – 3700 ± 320 лет (даты приводятся в некалиброванном летоисчислении).

Обращает на себя внимание близость радиоуглеродного (PY) возраста гумуса нижней (третьей) и средней палеопочв разреза 1, причем даже имеет место инверсия возраста (табл. 4, Р. 1, 138–142, 190–195 см), что может трактоваться с позиций высокой подвижности гумуса и миграции вниз новообразованных гумусовых веществ в период развития этой сложной почвы, состоявшей из двух наложенных друг на друга профилей.

Таблица 3

Радиоуглеродные даты органического вещества почв (гумуса) ключевого участка Каменка

Образец, см	Лабораторный номер	Радиоуглеродный (^{14}C) возраст			
		Некалиброванный возраст, л. н. (BP)	Калиброванный возраст (1 σ , 68,2%)**	Калиброванный возраст (2 σ , 95,2 %)	Калиброванный возраст cal BP (среднее $\pm$ отклонение) Mean(μ) $\pm$ Sigma(σ)
P. 1, 57–62	Ki-19517	1890 ± 80	1921–1723	2001–1617	1824 ± 97
P. 1, 138–142	Ki-19518	3070 ± 180	3455–3005	3689–2797	3255 ± 220
P. 1, 190–195	Ki-19519	2710 ± 250	3161–2490	3453–2180	2839 ± 314
P. 3, 80–85	Ki-19543	2230 ± 120	2354–2060	2697–1927	2242 ± 166
P. 3, 162–166	Ki-19544	3700 ± 320	4515–3639	4964–3254	4107 ± 426
P. 6, 165–170	Ki-19522	6430 ± 120	7464–7249	7573–7028	7337 ± 117

Как в разрезе 1, так и в разрезе 3, PY возраст органического вещества почв оказался сильно омоложенным, если учитывать то обстоятельство, что самый верхний аллювиальный нанос (залегающий над всеми погребенными почвами) в разрезах 1–3 содержал каменные орудия эпохи мезолита (рис. 6) – важный стратиграфический репер для проведенной нами реконструкции (слой с находками периода мезолита на глубинах 45–56 см в разрезе 1 и 30–58 см – в разрезе 3 (средняя глубина слоя находок в разрезах 1 и 3 – 37–57 см)). Широкая датировка рассматриваемого археологического материала – 10300–7000 л. н. О древности изучаемого слоя также косвенно свидетельствует находка в нем кости животного (размером $5 \times 2 \times 1,5$ см, массой 20 г), PY датирование которой в Киевской радиоуглеродной лаборатории оказалось невозможно выполнить из-за недостатка датирующей фракции углерода по причине большой древности кости.

Обязательным элементом проведенной реконструкции было также использование сведений об из-

вестных палеопочвах, формирование которых происходило на рубеже плейстоцена и голоцена на территории Восточно-Европейской равнины. Такие почвы с достаточно хорошо сформированными гумусовыми горизонтами существовали в аллереде (согласно схеме рубежей голоцена – 11800–10800 некалиброванных л.н. [21]). Подобные почвы были изучены в лесной зоне Восточно-Европейской равнины А.Л. Александровским [2] и на территории юга лесостепи Среднерусской возвышенности (Дивногорье) С.А. Сычевой и соавт. [22].

На основании комплекса сведений есть основания полагать, что нижние палеопочвы 2–3 в разрезе 1 и палеопочва 2 в разрезе 3 были сформированы в аллереде, а верхняя палеопочва – позднее, уже в раннем голоцене. Можно было бы предположить формирование всех исследованных палеопочв в беллинге и аллереде. Однако два этих теплых хроноинтервала позднеледниковья разделены слишком небольшим отрезком времени (200–500 лет), чтобы допустить возмож-

ность образования в течение данных эпох изученных палеопочв, которые, согласно данным табл. 3, разделены интервалом времени не менее 1 200 лет.

Палеопочва эпохи аллереда (вторая сверху из исследованных погребенных почв), завершила формирование очень быстро, на что указывает резкая граница ее поверхности с вышележащим аллювиальным наносом. Поэтому можно предположить, что смена аллереда поздним дриасом наступила достаточно быстро, и конечную стадию формирования погребенной почвы правильно соотносить с концом аллереда – началом позднего дриаса, т.е. со временем 10800 л.н.

Руководствуясь всем вышесказанным, в дальнейшем была произведена реконструкция временных рубежей формирования погребенных почв, изученных в разрезах 1 и 3 (рис. 9).

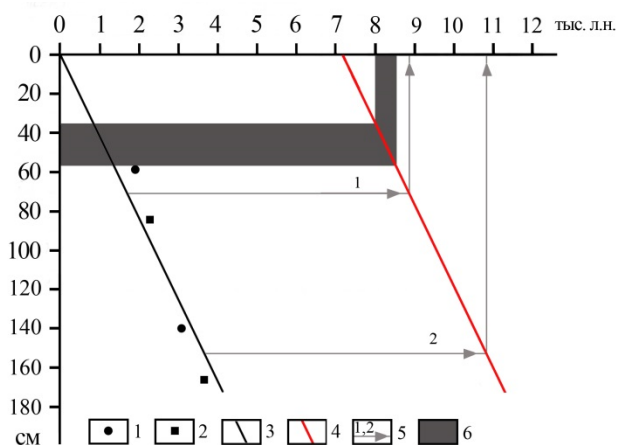

Рис. 9. Реконструкция возраста палеопочв и периода функционирования мезолитической стоянки на участке Каменка: 1 – РУ датировки гумуса верхних слоев палеопочв в разрезе 1; 2 – то же в разрезе 3; 3 – линия тренда изменения с глубиной РУ возраста гумуса почв по усредненным характеристикам показателя в разрезах 1 и 3; 4 – реконструированная («истинная») линия тренда изменения с глубиной РУ возраста гумуса палеопочв (с привязкой времени завершения формирования нижней палеопочвы к дате 10800 л.н.); 5 – средняя глубина залегания верхних уровней погребенных почв в разрезах 1 и 3 и реконструируемое время завершения их экспонирования на дневной поверхности перед погребением (1 – верхняя палеопочва, 2 – нижняя палеопочва); 6 – глубина залегания слоя распространения каменных орудий мезолита в профилях почв разрезов 1 и 3 (средняя характеристика) и вероятное время функционирования мезолитической стоянки (на горизонтальной оси)

Согласно выполненной реконструкции, наиболее древняя палеопочва, залегающая на глубине 1,5 м от дневной поверхности, завершила свое формирование 10800 л.н. Учитывая близость РУ возраста гумуса приповерхностных слоев рассматриваемой палеопочвы возрасту органического вещества «эмбриональной» палеопочвы, идентифицированной глубже (слой 190–195 см, разрез 1 (табл. 3)), мы предполагаем, что в эпоху аллереда органическое вещество палеопочвы характеризовалось высокой подвижностью, мигрировало в нижележащие слои и омолаживало углерод гумуса нижней палеопочвы. Весьма вероятно, что в это время почвообразование развивалось под лесом, и если в древостоях была примесь хвойных пород, то это усиливало подкисление почв и рост подвижности гумусовых веществ в почвенных профилях.

Палеопочва аллереда перекрыта аллювиальными песками и супесями. Как уже отмечалось, образование наноса произошло достаточно быстро, судя по четкой границе палеопочвы с вышележащей толщей осадков. Породы наноса над контактом с погребенной почвой не проработаны почвообразовательным процессом, что можно трактовать или с позиций существования в это время (поздний дриас) холодного и влажного климата, или процессом быстрого накопления аллювия, скорость которого опережала темпы почвообразовательного процесса. Скорее всего, имели место и то и другое.

Раннеголоценовая (верхняя из погребенных в разрезах 1 и 3) почва имеет лучшую дифференциацию на генетические горизонты по сравнению с почвой аллереда. Она была сформирована в толще наносов, общая мощность которых оценивается в 70–85 см. При этом почвообразовательным процессом достаточно активно были проработаны верхние 45–60 см аллювиальные отложения. Мощность гумусированной части профиля почвы составляет 30–38 см. Среднесуглинистый состав свидетельствует о процессах внутрипочвенного выветривания, затронувших верхнюю часть профиля данной почвы. Палеопочва идентифицирована как луговая среднесуглинистая опесчаненная на аллювиальных песках и супесях. Период развития почвы, в соответствии со схемой-реконструкцией на рис. 9, оценивается в 10300–8800 л.н., т.е. в 1 500 лет.

Следующая стадия формирования сложного почвенного профиля, изученного в разрезах 1–3, приходится на период позднее 8800 л.н. Почва, развитие которой происходило на протяжении пребореального и первой половины бореального периодов голоцена, оказалась перекрытой достаточно мощным слоем светло-желтых песчано-супесчаных аллювиальных отложений, чему, скорее всего, способствовали мощные паводковые разливы реки. Судя по однородной и светлой окраске данного слоя, почвообразование, происходившее после 8800 л.н., либо не успевало перерабатывать накапливавшийся сверху аллювий, либо этому способствовал человек, производя механическое перемещение грунта при освоении данного участка.

Можно предположить, что изучаемая территория в это время представляла собой песчаный пляж на берегу реки, зарастание травами которого препятствовал человек мезолита: его каменные орудия повсеместно встречаются в указанных отложениях и на большой площади. Судя по схеме-реконструкции на рис. 9, период пребывания на данном участке человека мезолита можно соотнести со временем 8500–8000 л.н. Более широкий временной интервал возникновения культурного слоя можно определить в 8800–8000 л.н. Весьма вероятно, что данный период был короче, так как известно, что 8300–8000 л.н. наблюдалось так называемое холодное событие раннего голоцена, которое оставило свои следы во многих регионах северного полушария. Это был неблагоприятный в экологическом отношении эпизод, в течение которого на территории Черноземья степная зона продвинулась далеко на север [5]. Культурные слои мезолитических поселений в долине р. Оскол (Белгородская область)

оказались перекрытыми эоловыми песками, что доказывает активизацию дюн и слабую защищенность поверхности бортовых террас растительным покровом [23]. В долинах рек происходила деградация лесов, а общие запасы биомассы в ландшафтах всех типов сокращались. Синхронное с рассматриваемым ухудшение климатических условий (похолодание и аридизация) было характерно для многих регионов Земли [24]. Именно в указанный холодный этап развития природной среды, по нашему мнению, произошло образование глубоких магистральных трещин, которые пересекали культурный слой мезолита и уходили в профиль раннеголоценовой палеопочвы под аллювиальным наносом. Глубина проникновения трещин достигала 150 см от поверхности почв. Происхождение трещин было связано с растрескиванием почвы в холодные зимние периоды. Трещины затем заполнялись светлоокрашенным песчано-супесчаным материалом, засыпавшимся в них из верхнего аллювиального наноса.

Дальнейшая история формирования природной среды участка исследований определялась как изменениями климата, так и трансформацией прилегающего к участку водоема. Изучение стратиграфии отложений и их датирование в старичном понижении (разрез 6) проливают свет на происходившие в дальнейшем изменения.

В нижней части почвенного профиля, изученного в разрезе 6, мелкозернистые аллювиальные пески речного генезиса на глубине 200 см перекрыты слоем оглеенных тяжелосуглинистых сапропелевых отложений, которые отражают озерную стадию формирования водоема. Очевидно, что смена речных отложений озерными характеризует начало старичного режима функционирования водоема. Реконструкция вероятного времени произошедшей смены речного режима функционирования водоема на озерно-старичный приводится на рис. 10. В соответствии с указанной реконструкцией, речное русло могло превратиться в старицу не позднее 7700 л.н., т.е. в начале атлантического периода голоцена.

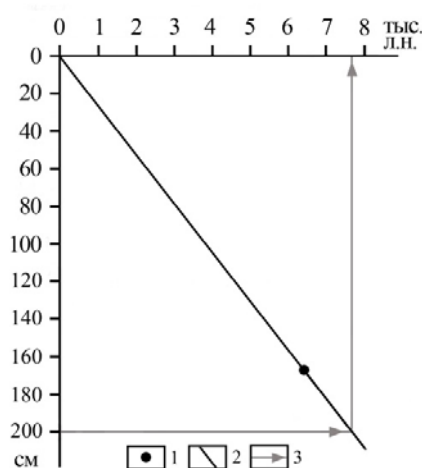

Рис. 10. Реконструкция времени смены речного режима функционирования водоема на озерно-старичный (по разрезу 6): 1 – РУ возраст органического вещества сапропелевых суглинков в слое 165–170 см; 2 – линия тренда изменения с глубиной РУ возраста органического вещества почвы в разрезе 6; 3 – глубина контакта речных песков и сапропелевых суглинков и реконструируемое время произошедшей смены наносов

Как отмечалось ранее, на протяжении «холодного события» раннего голоцена (8300–8000 л.н.) на территории лесостепи Центрального Черноземья формировались ландшафты степной зоны, а в долинах рек произошла деградация лесов [5, 23]. После данного эпизода, судя по палеогеографическим реконструкциям, наступила стадия с теплым и влажным климатом – начало атлантического периода голоцена. В долинах рек произошло затухание эоловых процессов, травянистый покров луговых степей стал более мезофитным, в долинах рек начала восстанавливаться лесная растительность [23, 25, 26]. Логично предположить, что увлажнение климата способствовало повышению водности рек в это время. Однако водорегулирующая функция лесной растительности в самом начале атлантического периода голоцена отсутствовала, так как возобновлявшимся лесам требовалось время для своего формирования. В связи с этим повышение водности рек при пока еще слабой облесенности речных долин в начале атлантического периода голоцена могло способствовать изменению контуров речной сети, спрямлению русел и прорыву речных вод на участках сильного меандрирования рек, один из которых, по нашему мнению, находился в непосредственной близости от места раскопок стоянки Каменка 1.

Возможно, развитие русловых процессов по аналогичному сценарию на изучаемой территории происходило в голоцене неоднократно. По крайней мере, была еще одна фаза резкого похолодания и иссушения климата, на которую указывает С.А. Спиридонова [5], сопровождавшаяся деградацией лесов – 4170 ± 100 л.н. – 3970 ± 160 л.н. По-видимому, также не случайным в современном долинно-речном ландшафте является наличие большого количества стариц – остатков древних русел р. Савала. Часть стариц могла возникнуть в период интенсивного хозяйственного освоения территории в результате сведения лесов (в XIX–XX вв.), а другая часть, вероятно, возникла как следствие неоднократных флуктуаций биоклиматических обстановок в голоцене.

Таким образом, выполнен анализ почти всей стратиграфической летописи, запечатленной в строении почв изученной почвенной катены. Осталась нераскрытой история формирования самого верхнего слоя почв, который в границах ареала археологического памятника имеет мощность 30–40 см и расположен выше слоя находок периода мезолита. Этот слой был сформирован на протяжении последних 8 тыс. лет. Данный слой также имеет аллювиальный генезис, но темпы его образования (0,4–0,5 см/100 лет) были значительно ниже установленных для формирования аллювиальных наносов в раннем и древнем (до конца аллереда) голоцена (4,7–5,2 см/100 лет).

Почвы нижних частей катены, расположенные в старичном понижении, пережили сначала субаквальную (подводную), а затем гидроморфную стадию развития, которая не завершилась и в настоящее время. Переход из субаквальной в гидроморфную стадию почвообразования сопровождался заполнением старицы тонкодисперсными (пылевато-илистыми) аллювиальными фракциями, периодически поступающими в старичное углубление как в «ловушку» при разли-

вах р. Савала. Реконструкция стадий формирования рельефа и почв в месте исследования катены до и после появления на участке человека мезолита приводится на рис. 11.

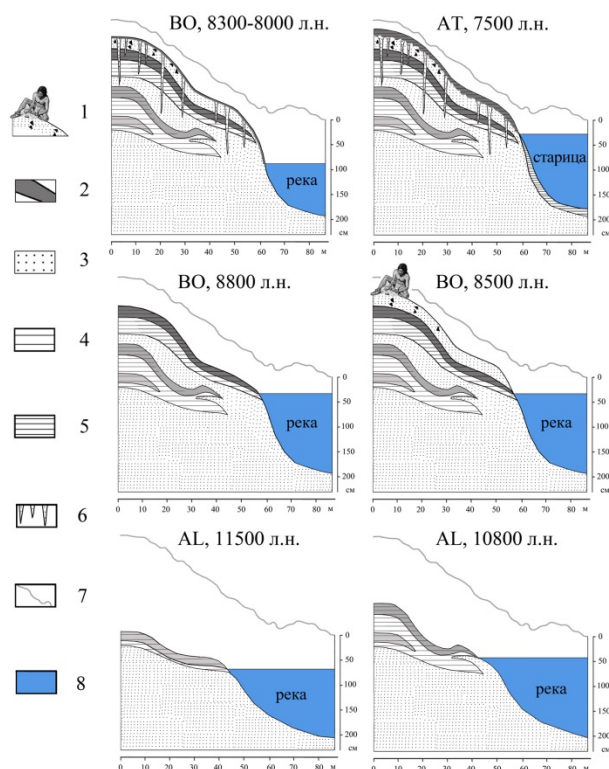

Рис. 11. Реконструкция развития поверхности участка в месте исследования почвенной катены до и после появления культурного слоя мезолита: 1 – человек и каменные орудия мезолита; 2 – гумусовые горизонты дневных и погребенных почв; 3 – пески, супеси, легкие суглинки; 4 – средние суглинки; 5 – тяжелые иловатые суглинки; 6 – морозобойные трещины, заполненные песком; 7 – современный уровень земной поверхности; 8 – водоем

На основании проведенного анализа геолого-геоморфологического, гидрологического и почвенного формирования изучаемого участка, историю развития поверхности можно разделить на две основные стадии: раннюю стадию активного пойменного развития поверхности рядом с берегом р. Савала и позднюю стадию замедленного развития аллювиальных процессов рядом с зарастающей старицей.

Первая стадия характеризовалась несколькими сменами во времени аллювиального осадконакопления и почвообразования. Фазы почвообразования проявились в древнем голоцене (аллереде) и в раннем голоцене (пребореальном периоде и в первой половине бореального периода голоцена). Фазы накопления речного аллювия наблюдались в древнем голоцене (поздний дриас) и в раннем голоцене (в бореальном периоде в интервале времени 8800–8300 л.н.). Человек мезолита мог появиться на исследуемом участке в фазу последнего накопления речных отложений – 8800–8300 л.н. Первая и вторая стадии развития изучаемой территории разделены эпизодом «холодного события» раннего голоцена, произошедшего 8300–8000 л.н. В указанное время в почвах формировались глубокие морозобойные трещины. Начало второй стадии развития поверхности было ознаменовано

изменением положения русла р. Савала и переходом отрезанной от русла излучины реки в старичный режим функционирования.

При изучении стоянки Каменка 1 в Прихоперье одним из авторов была выделена каменская культура позднего мезолита на территории лесостепной зоны междуречья Дона и Волги. Источниковую основу данной культуры составляют стоянки Плаутино 2 (слой позднего мезолита), Четвериково, Затон 1, ряд небольших местонахождений, опубликованных ранее [1].

Все памятники каменской культуры объединяет доминирование кварцита в качестве основного сырья для изготовления орудий. Техника расщепления камня базируется на утилизации пирамидального, карандашевидного и торцового нуклеуса, направлена на получение пластин в технике отжима либо скола через посредник, а также удара мягким и жестким отбойниками. В каменной индустрии, несмотря на ее выразительный микролитический облик, преобладает отщеп в качестве основной заготовки. Ансамбль орудий представлен резцами, в основном без подработки ударной площадки, концевыми и концевыми-боковыми скребками, деревообрабатывающими орудиями, прежде всего теслами, изготовленными из кварцита или сланца, а также шлифованными орудиями из алевролита. Встречаются долотовидные орудия, часто случайных форм, симметричные и асимметричные острия из пластин, средневысокие трапеции.

Колющие наконечники стрел чаще всего представлены обломками, но среди них нет предметов с плоской подтеской. Целые изделия подромбической формы с расширяющимся кверху пером, с ретушью бруска. Находки шлифованных орудий из сланца и других так называемых мягких пород камня также придают определенные черты своеобразия данному кругу памятников. Перечисленные типы орудий труда по отдельности не являются чем-то новым на карте мезолита Восточной Европы. Однако, учитывая территориальное «окружение» культуры, можно констатировать ее самобытность.

Аналогии описанным выше материалам обнаруживаются в лесостепной части Прихоперья, Примокшанья и Верхнего Посурья – в смешанных коллекциях стоянок Шапкино, Заречное 1, Пензенские, Большой Колояр [27, 28]. Черты сходства индустрии каменской культуры можно найти в материалах памятников Клюквенный-4, Озеро Белое, пензенских стоянок, отчасти – в Пургасово-3 [29].

Анализ геолого-геоморфологического, гидрологического и почвенного формирования участка почвенной катены, примыкающей к месту раскопок стоянки Каменка 1, позволил разделить историю развития поверхности на две основные стадии: раннюю стадию активного пойменного развития поверхности рядом с руслом р. Савала и позднюю стадию замедленного пойменного развития поверхности рядом с зарастающей старицей. Первая из них характеризовалась сменами во времени аллювиального осадконакопления и почвообразования. Человек мезолита, согласно нашему предположению, осуществлял свою деятельность на исследуемом участке в интервале времени 8800–8300 л.н. Территория, в пределах которой возник культурный слой мезолита, пред-

Проведенные комплексные исследования позволяют пересмотреть хронологическую позицию стоянки, относящейся к каменской культуре, в пользу удревнения ее верхней границы. Ранее одним из авторов отмечалась возможность развития данной культуры вплоть до начала неолита [1; 30. С. 25]. Теперь, судя по имеющимся данным, нужно констатировать наличие хронологической лакуны между поздним мезолитом и ранним неолитом лесостепи Донского Левобережья.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-05012mk & the Russian Science Foundation, Project No. 17-78-20048.

The article presents the main results of an interdisciplinary research of the Kamenka 1 site. The analysis of the geological, geomorphological, hydrological and soil formation of the site of the soil catena adjacent to the excavation site of Kamenka 1 made it possible to divide the history of surface development into two main stages: the early stage of active floodplain development of the surface near the channel of the Savala River and the late stage of slow floodplain development of the surface next to the overgrown old channel. The first stage is characterized by changes in the time of alluvial sedimentation and soil formation. The Mesolithic man carried out activity at the studied site in the time interval of 8800–8300 BP. The territory within which the Mesolithic cultural layer formed was the alluvial sand surface of the river bed and the coastal slope of the river floodplain. The water in the river was clear and the bottom was sandy. The first and second stages of surface development were separated by an episode of the “cold event” of the early Holocene 8300–8000 BP. At this time, deep frost cracks formed in the soils. The second stage of surface development began after 8000 BP, when there was a natural change in the position of the Savala river bed and the transition of the river bend cut off from the channel to the old mode of functioning. In the first stage of surface development, the rates of alluvial sedimentation exceeded by an order of magnitude those established for the subsequent stage of development. All sites of the Kamenka culture are united by the dominance of quartzite as the main raw material for the manufacture of tools. The stone splitting technique is based on the disposal of the pyramidal, pencil-shaped and end-face nucleus, aimed at obtaining plates using the spinning technique, or chipping through an intermediary, as well as hitting with soft and hard chippers. In the stone industry, despite its expressive microlithic appearance, flake prevails as the main blank. The ensemble of tools is represented by incisors, mainly without working out of the impact platform, end and end-side scrapers, woodworking tools, primarily tesla made of quartzite or slate, as well as polished tools from siltstone. Chisel-shaped tools, often of random shapes, symmetrical and asymmetric tips from plates, and medium-high trapezoids are found. Comprehensive studies have made it possible to reconsider the chronological position of the site relating to the Kamenka culture, in favor of the aging of its upper boundary. The possibility of developing this culture up to the beginning of the Neolithic was previously noted. Now, judging by the available data, it is necessary to state the presence of a chronological gap between the Late Mesolithic and the Early Neolithic of the forest-steppe of the Don Left Bank.

REFERENCES

1. Fedyunin, I.V. (2016) *Pamyatniki epokhi mezolita v mezhdurech'e Dona i Volgi* [Monuments of the Mesolithic era in the interfluvium of the Don and the Volga]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
2. Aleksandrovskiy, A.L. (1983) *Evolutsiya pochv Vostochno-Evropeyskoy ravniny v golotsene* [Evolution of soils of the East European Plain in the Holocene]. Moscow: Nauka.
3. Akhrytsev, B.P. & Akhrytsev, A.B. (1994) Paleochernozemy Srednerusskoy lesostepi v pozdnem golotsene [Paleochernozems of the Central Russian forest-steppe in the Late Holocene]. *Pochvovedenie*. 5. pp. 14–24.
4. Prikhod'ko, V.E. (2018) [Reconstruction of natural conditions and soils of the forest-steppe in the Holocene in the Central Black Earth Region and Western Siberia]. *Pochvy v biosfere* [Soils in the Biosphere]. Conference Proceedings. 10–14 September 2018. Vol. 1. Novosibirsk; Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–94. (In Russian).
5. Spiridonova, E.A. (1991) *Evolutsiya rastitel'nogo pokrova basseyna Dona v verkhnem pleystotsene – golotsene* [Evolution of the vegetation cover of the Don basin in the Upper Pleistocene – the Holocene]. Moscow: Nauka.
6. Tregub, T.F. (2008) Etapy razvitiya rastitel'nosti v golotsene na territorii Voronezhskoy oblasti [Stages of vegetation development in the Holocene on the territory of Voronezh Oblast]. *Vestnik VGU. Seriya: geologiya*. 1. pp. 29–33.
7. Chende, Yu.G. (2008) *Evolutsiya lesostepnykh pochv Srednerusskoy vozyshennosti v golotsene* [Evolution of forest-steppe soils of the Central Russian Upland in the Holocene]. Moscow: GEOS.
8. Fedyunin, I.V. (2012) *Stoyanka Plautino 2 i ee mesto v mezolite basseyna Dona* [Site Plautino 2 and its place in the Mesolithic of the Don basin]. Voronezh: Voronezh State University.
9. Chende, Yu.G. et al. (2016) Pochvennye i botanicheskie zapisi izmeneniya prirodnoy sredy Yamskoy stepi v golotsene [Soil and botanical records of changes in the natural environment of the Yamskaya steppe in the Holocene]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2. pp. 75–89.
10. Chende, Y. et al. (2018) 14C Dating to study the development of soils in the Forest-Steppe of the Central Russian Upland as a result of bioclimatic changes and long-term cultivation. *Radiocarbon*. 60 (4). pp. 1185–1198.
11. Mil'kov, F.N. (ed.) (1985) *Srednerusskoe Belogor'e* [Central Russian Belogorie]. Voronezh: Voronezh State University.
12. Raskatov, I.A. (1969) *Geomorfologiya i neotektonika territorii Voronezhskoy anteklizi* [Geomorphology and neotectonics of the territory of the Voronezh anteclise]. Voronezh: Voronezh State University.
13. Karpov, A.M., Sel'tser, V.R. & Grebenyuk, L.V. (2012) Geologicheskoe opisaniye razreza u s. Plautino [Geological description of the section near the village. Plautino]. In: Fedyunin, I.V. *Stoyanka Plautino 2 i ee mesto v mezolite basseyna Dona* [Site Plautino 2 and its place in the Mesolithic of the Don basin]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 134–135.
14. Akimov, E.L. (2018) *Geoekologicheskaya otsenka klimaticheskoy komfortnosti territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Geoecological assessment of the climatic comfort of the Central Black Earth region]. Abstract of Geography Cand. Diss. Voronezh.
15. Fedyunin, I.V. (2006) *Mezoliticheskie pamyatniki Srednego Dona* [Mesolithic monuments of the Middle Don]. Voronezh: Voronezh State University.
16. Bronk Ramsey, C. & Lee, S. (2013) Recent and Planned Developments of the Program OxCal. *Radiocarbon*. 55 (2-3). pp. 720–730.
17. Reimer, P.J. et al. (2013) IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*. 55 (4).
18. Borisov, A.V. & Kovda, I.V. (2015) Evolyutsiya slitozemov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine golotsena [Evolution of slit soils of the Central Caucasasia in the second half of the Holocene]. In: Ivanov, I.V. & Kudryarov, V.N. (eds) *Evolutsiya pochv i pochvennogo pokrova. Teoriya, raznoobrazie prirodnoy evolyutsii i antropogennykh transformatsiy pochv* [Evolution of soils and soil cover. Theory, diversity of natural evolution and anthropogenic soil transformations]. Moscow: GEOS. pp. 502–519.
19. Akhrytsev, B.P. & Akhrytsev, A.B. (1993) *Pochvennyy pokrov Srednerusskogo Chernozem'ya* [Soil cover of the Central Russian Black Earth Region]. Voronezh: Voronezh State University.
20. Akhrytsev, A.B. (1999) *Gidromorfnye pochvy i pereuvlazhennyye zemli Russkoy ravniny* [Hydromorphic soils and waterlogged lands of the Russian Plain]. Biology Dr. Diss. Voronezh.
21. Aleksandrovskiy, A.L. & Aleksandrovskaya, Dolgikh, A.V. (2010) Evolyutsiya pochv i paleosredy antichnykh gorodov yuga Evropeyskoy Rossii [Evolution of soils and paleoenvironments of ancient cities in the south of European Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya Geografiya*. 5. pp. 73–86.

22. Sycheva, S.A. et al. (2016) Divnogorie pedolithocomplex of the Russian Plain: Latest Pleistocene deposits and environments based on study of the Divnogorie 9 geoarchaeological site (middle reaches of the Don River). *Quaternary International*. 418. pp. 49–60.
23. Lavrushin, Yu.A. et al. (1992) Kompleksnoe izuchenie pamyatnikov kamennogo veka v Srednem Pooskol'e [Comprehensive study of the monuments of the Stone Age in the Middle Pooskolye]. *Teoriya i metodika issledovaniy arkheologicheskikh pamyatnikov lesostepnoy zony* [Theory and methods of research of archaeological monuments of the forest-steppe zone]. Abstracts of the Conference. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical Institute. pp. 65–67. (In Russian).
24. Gasse, F. (2000) Hydrological changes in the African tropics since the Last Glacial Maximum. *Quaternary Science Reviews*. 19 (1-5). pp. 189–211.
25. Dinesman, L.G. (1992) Rekonstruktsiya istorii retsentnykh biogeotsenozov po dolgovremennym ubezishcham mlekopitayushchikh i ptits [Reconstruction of the history of recent biogeocenoses from long-term shelters of mammals and birds]. In: *Vekovaya dinamika biogeotsenozov: Chteniya pamyati akademika V.N. Sukacheva* [Century dynamics of biogeocenoses: Readings in memory of academician V.N. Sukachev]. Kharkiv; Moscow: Nauka. pp. 4–17.
26. Chichagova, O.A. (1985) *Radiouglerodnoe datirovanie gumusa pochvy* [Radiocarbon dating of soil humus]. Moscow: Nauka.
27. Stavitskiy, V.V. (1999) *Kamennyy vek Primokshan'ya i Verkhnego Posur'ya* [The Stone Age of Primokshan and Upper Posurye]. Penza: [s.n.].
28. Fedyunin, I.V. (2005) *Mezoliticheskie pamyatniki Dono-Volzhskogo mezhdurech'ya* [Mesolithic sites of the Don-Volga interfluvium]. History Cand. Diss. Voronezh.
29. Sorokin, A.N. (2006) *Mezolit Oki. Problema kul'turnykh razlichiy* [The Mesolithic of the Oka. The problem of cultural differences]. Moscow: IA RAS.
30. Tregub, T.F., Surkov, A.V. & Fedyunin, I.V. (2005) Evolyutsiya prirodnoy sredy i material'noy kul'tury Srednego Pokhoper'ya v final'nom paleolite – neolite [Evolution of the natural environment and material culture of the Middle Pokhoper'e in the final Paleolithic – Neolithic]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geologiya*. 2. pp. 24–30.

Received: 26 May 2021

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.1

Н.В. Гафурова, С.И. Осипова, И.В. Дубова, Р.В. Есин

ИНТЕГРАТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРЕДМЕТНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ

Представлен мировой опыт решения задач по интеграции образования, показаны варианты оценки интегративного образовательного результата в процессе освоения дисциплин естественно-научного модуля. Теоретически обоснована возможность интеллектуального развития обучающегося на основе интегративных знаний и способов деятельности, предложена авторская методика оценки интегративного результата обучения на основе решения командного проектного задания.

Ключевые слова: интеграция в образовании; интегративный результат образования; дисциплинарная расчлененность; CDIO; естественно-научный модуль; STEAM-обучение; инженерная задача; проектная деятельность

Введение. Анализ тенденций в образовании позволяет отметить нарастание интеграционных процессов, проявляющихся через интеграцию разных уровней:

- интеграцию российской системы высшего образования в европейское образовательное пространство;
- интеграцию науки, производства, образования (технопарк – как форма интеграции);
- синтез научных знаний в условиях интеграционных процессов, предполагающий комплексно-системное рассмотрение проблем с использованием разных наук и профессионалов из разных научных областей.

Значимость интеграции, позволяющей синтезировать знания, способы мышления и деятельности для решения проблем, которые выходят за границы отдельных дисциплинарных средств, подчеркивают ученые Амстердамского института междисциплинарных исследований [1, 2]. Определены проблемы междисциплинарных исследований, к которым в первую очередь относятся проблемы фундаментального характера.

Международной тенденцией в рамках интегративных процессов является слияние университетов [3], причинами которого являются:

- ориентация на эффект масштабности [4];
- усиление государственного контроля в системе высшего образования [5];
- новая система финансовой поддержки университетов [6];
- оптимизация числа вузов в стране [7];
- интеграция с включением научно-исследовательских институтов [8].

Особый интерес в контексте повышения качества высшего образования имеет создание вузов мирового класса на базе американских университетов Гарвард и Массачусетский технологический институт с включением трех столичных вузов Финляндии в качестве школ [9]. Повышение статуса учебных заведений, переход их в статус университета, вероятно, является причиной слияний колледжей [10].

Представленные выше интегративные процессы, касающиеся слияния университетов, относятся к интеграции высшего уровня. Следующий уровень интеграции представляется интеграцией образования и промышленности (производства). В качестве примеров рассмотрены интеграция горного инженерного

образования в Университете Фучжоу с производством через участие предприятий на разных этапах организации, реализации и оценивания образовательного процесса [11], развитие предпринимательских и внутрипроизводственных качеств выпускников бакалавриата по направлению металлургии и металлостроения в университетах Зимбабве и Южной Африки [12]. Реализуемые в приведенных примерах схемы в России проявляются через сетевую форму взаимодействия.

Рассматривая роль образования в контексте обеспечения промышленного развития, S.Y. Tan отмечает разрыв между требованиями отрасли и качеством профессиональных компетенций выпускников и ставит проблему преодоления консервативности образования, определяя потребность в поиске новых образовательных моделей для современного этапа развития цивилизации [13]. Эта же мысль развивается в исследованиях D.J. Negt, определяющего необходимость глубокой интеграции знаний, методов и опыта из разных областей для формирования новых и расширения традиционных рамок возможностей для решения научных и общественных задач [14].

Анализируя проблемы наступающей 6-й технологической волны, P. Smertenko выделяет интегративные процессы при пересечении нано-, био-, информационных технологий и когнитивных наук (NBIC). Междисциплинарное образование с прогнозом на будущее с учетом конвергенции NBIC-технологий ориентировано на новые принципы производства энергии, основанные на «зеленых», «дешевых» и «энергосберегающих» технологиях, и позволит решать задачи устойчивого развития цивилизации [15].

Новый проект выращивания ведущих инженерных кадров (New Engineering Education Transformation, NEET) предлагает MIT (Массачусетский технологический институт) в рамках трансформации инженерного образования на основе применения кросс-интегрирования различных дисциплин учебного плана и высокого уровня студентоцентрированности [16].

Отдельный интерес представляет технология CLIL, развиваемая в исследованиях по интегративно-контекстному обучению иностранному языку для бакалавров инженерных направлений подготовки [17, 18]. В данном случае, с нашей точки зрения, осу-

ществляется интеграция в развитии предметных знаний, универсальной коммуникативной компетентности в условиях профессионального контекста.

Интеграция естественно-научных знаний с технологией, инженерией, творчеством и математикой проявляется в интегративном подходе STEAM, который формирует новые метаподходы и повышает успешность в обучении [19, 20]. Jг.J.H. Rolling приводит пример проектирования STEAM-программ, сравнивая сложность организации учебного плана с «управлением поездами на многоузловой железнодорожной станции» [21].

Проблема интеграции в образовании – развитие личностных и межличностных компетенций одновременно с формированием дисциплинарных компетенций в естественно-научной области – рассматривается в идеологии CDIO [1]. Сущность подхода CDIO состоит в проектировании образовательного процесса через проектирование и реализацию проектов разного уровня сложности, которые и позволяют формировать компетенции в деятельности. Примеры интегрированных инженерных проектов встречаются в многочисленных публикациях. Это интеграция математики, физики и химии в проектах школы инженерии в университете Тейлора в Малайзии [22], интеграция физики, теории управления и математики при разработке робота, играющего в гольф [23], интеграции математики, физики, механики и компьютерных наук в проектной деятельности программы инженерной физики в Королевском технологическом институте Швеции [24].

Работа над проектом моделирует решение инженерной задачи в командной деятельности студентов, у обучающихся в процессе решения проблем осуществляются интегративные когнитивные процессы [25]. Работа в проектах, по мнению J. Lundblad, L. Kari, S. Östlund, способствует выработке междисциплинарного стиля мышления [24]. Проектирование как метод обучения позволяет формировать интегральные естественно-научные знания и способы деятельности, что доказывает опыт Физико-технического института, реализующего образовательную программу в сетевой форме с корпорацией Intel. Выполнение реального проекта в течение всего периода обучения повышает мотивацию студентов и их ответственность за качество конечного продукта [26].

Проект может быть использован и как способ оценки интегративного результата обучения. Предметные компетенции могут формироваться в процессе решения студентами небольших заданий (проектов), но более значимые компетенции оцениваются как составляющие большого междисциплинарного проекта. Некоторые дисциплины могут представлять собой отдельный пролонгированный проект, который студенты выполняют начиная с третьего курса. Интересен опыт Университета прикладных наук Метрополия (Хельсинки), где оценка образовательных результатов по базовым дисциплинам математике и физике формируется по уровню их использования в профессионально ориентированных дисциплинах, таких как электротехника и автоматизация технологий [27].

В отечественной и зарубежной высшей школе методология проектного обучения студентов инженерных направлений отрабатывалась в течение многих десятилетий и на практике доказала свою эффективность как незаменимый элемент системы формирования профессиональных компетенций будущего инженера [28–30]. Регулярное выполнение проектно-технологических и исследовательских проектов нарастающей сложности, ориентированных на реальные и перспективные проблемы производства, является стержнем обучения, повышает мотивацию к обучению и личностную значимость [30].

Представленный выше опыт зарубежных вузов показывает значимость и актуальность проблемы формирования интегративного знания и способ его использования в решении инженерных задач в процессе обучения будущих инженеров. В то же время остается проблемой определение объекта интеграции в образовании в условиях предметной дифференциации его содержания в соответствии с учебным планом каждого направления подготовки; выявление целесообразных технологий формирования интегративного способа мышления; разработка диагностического аппарата измерения интегрированных образовательных результатов.

Данное исследование направлено на поиск ответов на поставленные вопросы. Предложена авторская методика оценки интегративного результата образования при освоении естественно-научного модуля, как части интегрированного учебного плана подготовки бакалавров металлургии в идеологии CDIO.

Материалы и методы. Методологической основой интеграции в образовании являются системный, гносеологический, синергетический и информационный подходы. В частности, интеграция использует системный подход и представляется как система систем более низкого уровня. В нашем случае модуль естественно-научных дисциплин – система более высокого порядка, чем каждая из дисциплин, представляющих системы научных знаний.

Гносеологический подход позволяет формировать многомерную картину мира через интеграцию – способ и процесс ее построения. Использование синергетического подхода в образовании способствует осознанию общности принципов самоорганизации разных макросистем (физических, биологических, химических, технологических, экономических, социальных) и изучению закономерностей их функционирования.

Объектами интеграции с точки зрения информационного и синергетического подходов выступают содержание образования, ориентированное на проблемы междисциплинарного характера; системы научных понятий, в том числе и смысловые универсалии (система, состояние, процесс, взаимодействие, развитие, результат и др.) в их диалектическом единстве; законы, теории, модели, идеи и другие продукты мыследеятельности, составляющие информационный базис науки и образования.

Эмпирическими методами были выбраны обобщение опыта, наблюдение, экспертный опрос, анкетирование, тестирование.

Результаты и обсуждение. Смягчение предметной дифференциации содержания профессионального образования возможно через модульное построение учебного плана, при котором содержание обучения нескольких предметных областей представляется в самостоятельных законченных комплексах. Модульное обучение рассматривает в качестве главной цели развитие самостоятельности обучающихся. В качестве принципов организации модульного обучения выделены: гибкость; динамичность; деятельность реализации обратной связи, осознанность перспективы [3, 31].

В образовательной программе «Металлургия CDIO», реализуемой в идеологии Всемирной инициативы CDIO (Всемирная инициатива CDIO. Стандарты: информационно-методическое издание / пер. с англ. и ред. А.И. Чучалина, Т.Р. Петровской, Е.Р. Кулюкиной. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 17 с.), в ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» учебный план подготовки будущих инженеров спроектирован в модульной форме. Естественно-научный модуль включает математику, физику, химию. Командой модуля создаются условия интеграции через выделение общих идей, методов исследования, общности структур различных видов деятельности, общенаучных методов познания. Естественно-научный модуль пронизан интегративными связями: предусмотрены занятия и задания интегративного содержания с профессиональным контекстом. Так, в математике, задания в разделах линейной алгебры, дифференциального и интегрального исчисления интегрируются с разделами физики. При выполнении проектных заданий по физике и химии студенты подбирают функциональные зависимости физических и химических величин и на практике проверяют их адекватность.

Интеграция как одновременное развитие профессионала и личности реализуется в соответствии с компетентностным подходом и стандартами CDIO в технологии проектного обучения. На первом курсе естественно-научный модуль интегрирован в дисциплину «Проектная деятельность» через технологию STEAM. Практико-ориентированные инженерные задачи решаются в модуле «Инженерный кластер», конструирование и испытание изделий (транспортного устройства, метательного аппарата и т.д.) – в модуле «Инженерный старт». Работа выполняется и защищается в проектных командах.

Интегративный результат образования по естественно-научному модулю в ОП «Металлургия» CDIO определен в виде компетенции ОПК-1: способность решать задачи, относящиеся к профессиональной деятельности, применяя методы моделирования, математического анализа, естественно-научные и общинженерные знания. Компонентами данной компетенции являются:

- знания физических и химических законов, описывающих процессы, относящиеся к профессиональной деятельности; базовых понятий и методов математического анализа, используемых при решении задач, относящихся к профессиональной деятельности; методов моделирования соответствующих процессов;

- умения осуществлять обоснованный выбор математического, физического и химического аппарата для исследования и анализа объектов, описанных в задачах, относящихся к профессиональной деятельности; формализовать задачи и процессы, составлять модели веществ, состояний и процессов; строить модели процессов, описанных в задачах, относящихся к профессиональной деятельности; обозначать область применения разработанных моделей;

- способность использовать аппарат естественно-научных дисциплин для решения инженерных задач; анализировать расчеты и представлять результаты моделирования процессов, относящихся к профессиональной деятельности.

В идеологии CDIO результат обучения в виде компетенции ОПК-1 согласован с набором Syllabus CDIO: 1.1 – освоение базовых знаний; 2.1 – развитие способности обосновывать и решать проблемы, осуществлять информационный поиск; 2.2 – формулировать и проверять гипотезы, проводить экспериментальные исследования; 2.3 – развитие системного мышления; 3.1 – способности к коммуникации; 3.2 – работа в команде.

Интегрированный экзамен по естественно-научному модулю позволяет провести промежуточный контроль формирования и развития компетенции через оценку уровня освоения дисциплинарных знаний, личностных и межличностных компетенций, в соответствии с требованиями 7, 8, 11 стандартов CDIO.

Новое содержание интегрированного экзамена определяет новую методику его проведения. Для организации и проведения интегрированного экзамена выбраны комплекты практико-ориентированных STEAM-задач из модуля «Инженерный кластер» (транспортный дирижабль, крылатая ракета, подводная буровая платформа, атмосферный зонд), которые построены в интегративном аспекте. Решение предполагает использование теорий физики, химии и математики. Пример одной из задач представлен ниже.

Задача о транспортном дирижабле

Дирижабль с рабочей высотой порядка 20 километров может использоваться в качестве более дешевой замены спутников связи или как транспортное средство. Транспортному дирижаблю нужны двигатели и запас топлива для горизонтальных перемещений. В стратосфере дуют постоянные сильные ветры, поэтому задача поддержания заданного курса также весьма важна, для чего используется средство навигации и двигатели корректировки курса. В качестве газа-наполнителя транспортного дирижабля используется гелий. Необходимо сконструировать модель транспортного дирижабля при условии существующих ограничений на массу полезной нагрузки, полетную высоту дирижабля, время автономной работы без дозаправки и скорость движения относительно земли.

При решении данных задач студентам необходимо комплексно посмотреть на проблему и применить теории всех дисциплин естественно-научного модуля. Процесс формирования итоговой оценки за модуль

графически представлен на рис. 1. Оценка включает сумму баллов за текущую аттестацию по дисциплинам (60 баллов) и баллы за экзамен (40 баллов).

Экзамен проводится с открытым заданием и сопровождается консультациями преподавателей моду-

ля. Решение задач осуществляется в малых группах (3 человека). Защита проводится в формате презентации полученного решения и представления письменного отчета. Критерии оценивания защиты интегрированного экзамена представлены в табл. 1, 2.

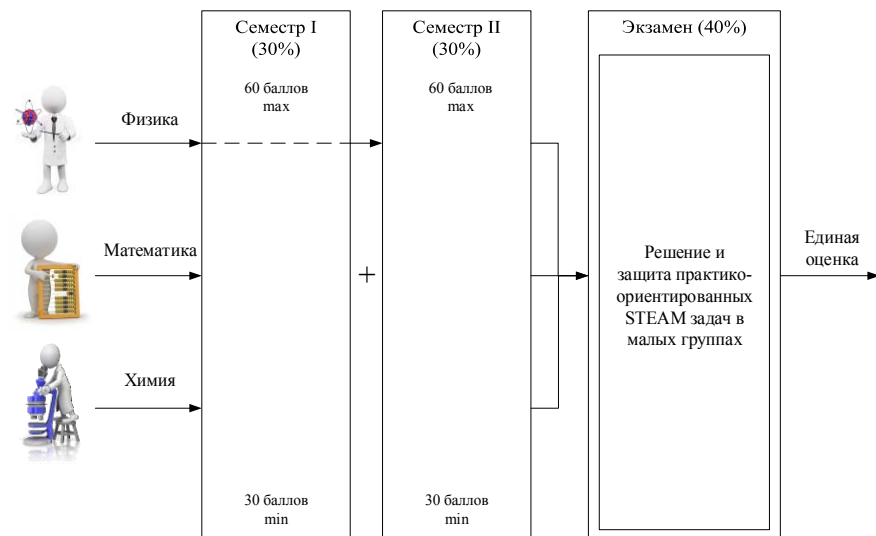

Рис. 1. Оценка по естественно-научному модулю

Таблица 1

Шкала оценивания презентации и ответов на вопросы при защите STEAM-задач

Критерии	Баллы (max 15)
Постановка цели и обоснование проблемы	0–2
Соответствие и целесообразность выбора способов действия для достижения цели	0–1
Способность использовать междисциплинарные естественно-научные знания	0–3
Качество презентации (дизайн и наглядность презентационных материалов)	0–2
Качество доклада (структурированность представления материала, глубина проработанности проблемы, аргументированность и убедительность выступления)	0–2
Ответы на вопросы	0–5

Таблица 2

Шкала оценивания решения STEAM-задач

Критерии	Баллы (max 25)
<i>Анализ междисциплинарных связей:</i>	
Обозначена последовательность этапов решения практико-ориентированных задач, исходя из междисциплинарных связей	1–3
Выделены основные зависимые и независимые параметры в ходе формализации условия STEAM-задач	1–3
Обоснована целесообразность использования междисциплинарных знаний при решении STEAM-задач	1–3
Произведена оценка возможностей альтернативного решения STEAM-задач	1–3
Проанализированы и интерпретированы результаты расчетов	1–4
<i>Анализ решения в предметной области (по 1 баллу за каждую дисциплину естественно-научного модуля):</i>	
Обоснованы этапы решения практико-ориентированной задачи	1–3
Построены модели процессов, описанных в условиях практико-ориентированной задачи	1–3
Представлено решение STEAM-задач с использованием аппарата дисциплин естественно-научного модуля	1–3

Экспериментальная апробация интегрированного экзамена была реализована на примере промежуточного контроля по дисциплине «химия» в конце первого семестра для двух групп первого курса (45 человек). Экзамен проводился в проектной технологии, и интегративный результат проверялся через защиту проекта. Организация экзамена и формат оценки показали высокий уровень студентоцентрированности, что прослеживается в анализе мнений студентов о формате экзамена (рис. 2).

Из рис. 2 видно, что подавляющее большинство студентов отмечают такой формат интегрированного экзамена, как более интересный (более 90%), мотивирую-

щий и повышающий эффективность обучения (более 80%), позволяющий объективнее и справедливее оценить достигнутые результаты обучения (40–60%).

Присутствие в качестве внешних экспертов преподавателей металлургических и гуманитарных дисциплин также повысило значимость и объективность оценки. Экспертами такой экзамен был отмечен как удачный эксперимент и предложено внести его в банк успешных образовательных практик.

Работа на интегративный результат с использованием проектных технологий в течение семестра и проведение интегрированного экзамена, на наш взгляд, повлияли на мотивацию студентов к освое-

нию дисциплин естественно-научного модуля, интерес к инженерному образованию в целом, что было нами проверено с применением «Шкалы академической мотивации» [32]. Было дважды проведено анкетирование 45 студентов первого курса направления подготовки «Металлургия CDIO» ФГАОУ СФУ: в начале первого учебного семестра и после его окончания. Данная шкала позволяет проверить семь ти-

пов мотивации: по три на внутреннюю и внешнюю мотивации, а также уровень амотивации (АМ). К внутренней мотивации относят мотивы познания (ПМ), достижения (МД) и саморазвития (МСа), к внешней – интроецированную мотивацию (ИМ), экстерналистскую (ЭМ) и мотивацию самоуважения (МСу). Усредненные профили для каждой шкалы академической мотивации показаны на рис. 3.

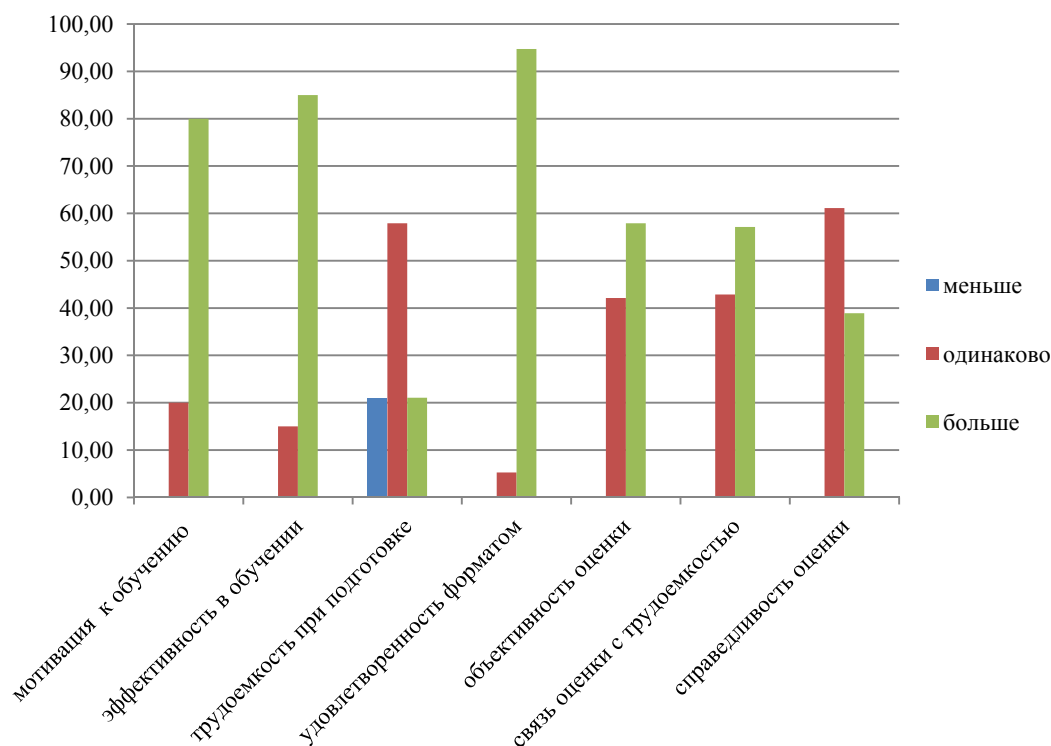

Рис. 2. Результаты анализа отношения студентов к интегрированному экзамену

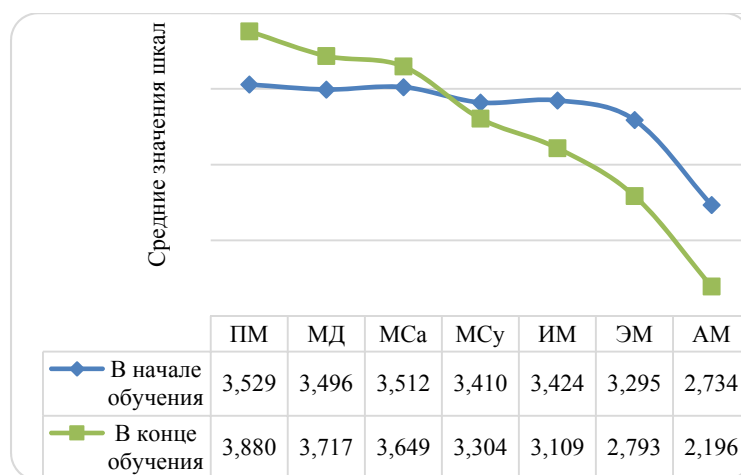

Рис. 3. Профиль академической мотивации студентов первого курса ОП «Металлургия» CDIO

Анализ данных показал положительное изменение в мотивации познания (ПМ), достижения (МД) и саморазвития (МСа), а также снижение амотивации (АМ) по сравнению с началом обучения. Такое изменение, на наш взгляд, может быть результатом интегрированного подхода к обучению.

Заключение. В результате исследования определен объект интеграции в условиях предметной дифференциации как содержание образования, использующее проблемы междисциплинарного характера и системы научных понятий. Предложены примеры инженерных задач-проектов для оценивания интегра-

тивного образовательного результата. Обоснована целесообразность использования проектного подхода для формирования интегративного результата в инженерном образовании. Предложена авторская мето-

дика оценки интегративного результата образования по естественно-научному модулю. Отмечено влияние интеграции в образовательном процессе на результативность и мотивацию студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kans M., Gustafsson Å. Analyzing the meaning of interdisciplinary in the CDIO context // *Proceedings of the 12th International CDIO Conference*. Turku : Turku University of Applied Sciences, 2016. P. 962–973. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:933139/FULLTEXT01.pdf>
2. Renate G. Klaassen Interdisciplinary education: a case study // *European Journal of Engineering Education*. 2018. P. 19. DOI: 10.1080/03043797.2018.1442417
3. Двумичанская Н.Н., Фадеев Г.Н. Бакалавриат в техническом университете: проблемы и пути их решения // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 3. С. 96–103. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1317/1096>
4. Middlehurst R., Teixeira P.N. Governance within the EHEA: dynamic trends, common challenges, and national particularities // *European higher education at the crossroads*, Springer, Dordrecht. 2012. P. 527–551. DOI: 10.1007/978-94-007-3937-6_29
5. Harman K., Meek V.L. Introduction to special issue: Merger revisited: international perspectives on mergers in higher education // *Higher Education*. 2002. Vol. 44, № 1. P. 1–4. DOI: 10.1023/A:1014929121367
6. Wang X.A. A policy analysis of the financing of higher education in China: Two decades reviewed // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2002. Vol. 23, № 2. P. 205–217. DOI: 10.1080/13600800120088698
7. Harman G. Institutional amalgamations and abolition of the binary system in Australia under John Dawkins // *Higher Education Quarterly*. 1991. Vol. 45, № 2. P. 176–198. DOI: 10.1111/j.1468-2273.1991.tb01566.x
8. Pinheiro R., Stensaker B. Designing the entrepreneurial university: The interpretation of a global idea // *Public Organization Review*. 2014. Vol. 14, № 4. P. 497–516. DOI: 10.1007/s11115-013-0241-z
9. Ursin J., Aittola H., Henderson C., Välimaa J. Is education getting lost in university mergers? // *Tertiary Education and Management*. 2010. Vol. 16, № 4. P. 327–340. DOI: 10.1080/13583883.2010.533379
10. Kyvik S., Stensaker B. Factors Affecting the Decision to Merge: The case of strategic mergers in Norwegian higher education // *Tertiary Education and Management*. 2013. Vol. 19, № 4. P. 323–337. DOI: 10.1080/13583883.2013.805424
11. Yin W. et al. Zijin Mode: Industry and Education Deep Integration in Mining Engineering // *International Journal of Georesources and Environment-IJGE*. 2018. Vol. 4, № 3. P. 64–68. DOI: 10.15273/ijge.2018.03.011
12. Matinde E. Enhancing the Entrepreneurial and Intrapreneurial Attributes of Engineering Graduates: A Review Proposal for Metallurgy and Materials Engineering Undergraduate Curricula at Two African Universities // *Education Sciences*. 2019. Vol. 9, № 1. P. 4. DOI: 10.3390/educsci9010004
13. Tan S.Y. et al. Rethinking Our Education to Face the New Industry Era // *Proceedings of EDULEARN18 Conference*, Palma, Mallorca, Spain. 2018. P. 6562–6571. URL: https://www.researchgate.net/profile/Sin_Ying_Tan2/publication/326713638_RETHINKING_OUR_EDUCATION_TO_FACE_THE_NEW_INDUSTRY_ERA/links/5b912a7392851c6b7ecb40fa/RETHINKING-OUR-EDUCATION-TO-FACE-THE-NEW-INDUSTRY-ERA.pdf
14. Herr D.J.C. et al. Convergence education an international perspective // *Journal of Nanoparticle Research*. 2019. Vol. 21, № 11. P. 229. DOI: 10.1007/s11051-019-4638-7
15. Smertenko P., Dimitriev O., Pochekailova L. Technological transformations and their implications for higher education // *Sustainable Futures for Higher Education*. 2018. P. 67–75. DOI: 10.1007/978-3-319-96035-7_8
16. Liu X., Liu C. Research on the Teaching Reform of the NEET-oriented Engineering Training // *2019 International Conference on Advanced Education and Social Science Research (ICAESSR 2019)*. Atlantis Press, 2019. URL: <https://download.atlantispress.com/article/125917386.pdf>
17. De la Barra E., Veloso S., Maluenda L. Integrating assessment in a CLIL-based approach for second-year university students // *Profile: Issues in Teachers' Professional Development*. 2018. Vol. 20 (2). P. 111–126. DOI: 10.15446/profile.v20n2.66515
18. Morgado M., Gaspar M., Régio M. Interdisciplinarity and collaboration in higher education engineering courses // *Journal of Education Culture and Society*. 2018. Vol. 9, № 2. P. 179–186. DOI: 10.15503/jecs20182.179.186
19. Thibaut L., Ceuppens S., De Loof H. et al. Integrated STEM education: A systematic review of instructional practices in secondary education // *European Journal of STEM Education*. 2018. Vol. 3, № 1. P. 2. DOI: 10.20897/ejsteme/85525
20. Arnavtsov A., Gafurova N., Fedoseev A., Fadeev Y. Fostering Engineering Thinking with Curriculum Integrated STEM Game // *Proceedings of the 13th International CDIO Conference*. 2013. DOI: 10.11575/PRISM/10230
21. Rolling Jr.J.H. STEAM locomotion // *Art Education*. 2016. Vol. 69, № 6. P. 4. DOI: 10.1080/00043125.2016.1224811
22. Al-Atabi M. Incubating CDIO skills at pre-degree level // *Proceedings of the 8th International CDIO Conference*. 2012. P. 4. URL: http://www.webmail.orbiter.cdio.org/files/document/file/incubating_cdio_skills_at_the_pre-degree_level_.pdf
23. Enqvist M. et al. The CDIO Initiative from an automatic control project course perspective // *IFAC Proceedings Volumes*. 2005. Vol. 38, № 1. P. 67–72. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:316722/FULLTEXT01.pdf>
24. Lundblad J., Kari L., Östlund S. Integrating CDIO experiences into a new program environment // *3rd International CDIO Conference*. MIT, USA, 2007. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:468467/FULLTEXT01.pdf>
25. Dale S.G. et al. Towards a more methodical approach to teaching senior chemistry // *Teaching Science*. 2018. Vol. 64, № 3. P. 21. URL: <https://search.informit.com.au/documentSummary;dn=841513638503888;res=IELHSS>
26. Rechistov G., Plotkin A. Computer engineering educational projects of mipt-intel laboratory in the context of cdio // *Proceedings of the 10th International CDIO Conference*. 2014. URL: http://rocketship.cdio.org/files/document/cdio2014/44/44_Paper.pdf
27. Valmu H. et al. Optimizing the project based student paths in Helsinki Metropolia UAS // *Proceedings of the 10th International CDIO Conference*. Barcelona, Spain, 2014. URL: http://jrez.cdio.org/files/document/cdio2014/22/22_Paper.pdf
28. Genc B., Mitra R. Mine Planning and Design for Mining Engineering learners at Wits University // *The Journal of the Southern African Institute of Mining and Metallurgy*. 2018. P. 865–868.
29. Yu-Chiung Hsu, Ya-Ming Shiu. Exploring the Influence of Using Collaborative Tools on the Community of Inquiry in an Interdisciplinary Project-Based Learning Context // *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2018. Vol. 14. P. 933–945. DOI: 10.12973/ejmste/81149
30. Дубова И.В., Саначева Г.С., Осипова С.И. Роль взаимодействия вуз–производство в организации проектного обучения при подготовке инженеров // *Черные металлы*. 2019. № 8. С. 72–78.
31. Купавцев А.В. Тематические кластеры в образовании // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 11. С. 85–89. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-11-85-89
32. Гордеева О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35, № 4. С. 96–107. URL: https://www.researchgate.net/profile/Evgeny_Osin/publication/287265976_Academic_motivation_scales_questionnaire/links/567883fe08ae502c99d57360/Academic-motivation-scales-questionnaire.pdf

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 августа 2021 г.

The Integrative Result of Education in the Context of Discipline-Based Differentiation of Its Content

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 226–233.

DOI: 10.17223/15617793/469/29

Nataliya V. Gafurova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: gafurnv@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7381>

Svetlana I. Osipova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: osisi@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4728-2282>

Irina V. Dubova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: idubova@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3910-7513>

Roman V. Esin, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: surgeon14@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-4690>

Keywords: integration in education; integrative result of education; discipline-based differentiation; CDIO; science module; STEAM education; engineering task; design activity.

The article actualizes the problem, which is important within the framework of the competency-based approach, of the integrative result of education in the context of the traditional disciplinary division of the content of vocational training. Theoretical and experimental studies in which the problem of integration is considered in the development of personal and interpersonal competencies simultaneously with the formation of disciplinary knowledge in the fields of physics, chemistry, and mathematics are analyzed. The aim of the study is to identify and use integration objects in the educational process. Learning outcomes are essential to any curriculum in education; they need to be clear, observable and measurable. The use of integration objects will allow forming and evaluating the integrative result of education in the process of mastering the disciplines of the science module. The study is carried out using systemic, epistemological, synergistic, and informational approaches. Materials of the research were scientific articles on the research problem, documents on the ideology of the CDIO Worldwide Initiative. A hypothesis has been put forward and theoretically grounded on the possibility of the student's intellectual development to solve problems and create products based on integrative knowledge and methods of activity. Student learning outcomes have long been established as an important component in developing discipline-based content, communicating expectations to students, and designing effective assessments. The following integration objects are highlighted: the content of the educational process; semantic universals (system, state, process, interaction, result, development, etc.), systems of scientific concepts, laws, theories, ideas in their dialectical unity. A method and means of evaluating the integrative learning outcomes based on the students' solution of a project task is proposed. The assumption about the impact of integrated learning on the motivational component of learning is tested. The study shows the relevance of the problem of integrative education (multidisciplinary, interdisciplinary, and transdisciplinary) and opens up a significant area of educational practice that allows removing the contradiction between the disciplinary dissection and the integrative nature of a person. The obtained results also revealed increased motivation among students to embrace new grading approaches.

REFERENCES

1. Kans, M. & Gustafsson, Å. (2016) Analyzing the meaning of interdisciplinary in the CDIO context. *Proceedings of the 12th International CDIO Conference*. Turku: Turku University of Applied Sciences. pp. 962–973. [Online] Available from: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:933139/FULLTEXT01.pdf>
2. Renate, G. (2018) Klaassen Interdisciplinary education: a case study. *European Journal of Engineering Education*. DOI: 10.1080/03043797.2018.1442417
3. Dvulichanskaya, N.N. & Fadeev, G.N. (2018) Bakalavriat v tekhnicheskoy universitete: problemy i puti ikh resheniya [Bachelor's degree programs at a technical university: problems and ways to solve them]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 27 (3). pp. 96–103. [Online] Available from: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1317/1096>
4. Middlehurst, R. & Teixeira, P.N. (2012) Governance within the EHEA: dynamic trends, common challenges, and national particularities. In: *European higher education at the crossroads*. Springer. pp. 527–551. DOI: 10.1007/978-94-007-3937-6_29
5. Harman, K. & Meek, V.L. (2002) Introduction to special issue: Merger revisited: international perspectives on mergers in higher education. *Higher Education*. 44 (1). pp. 1–4. DOI: 10.1023/A:1014929121367
6. Wang, X.A. (2002) A policy analysis of the financing of higher education in China: Two decades reviewed. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 23 (2). pp. 205–217. DOI: 10.1080/13600800120088698
7. Harman, G. (1991) Institutional amalgamations and abolition of the binary system in Australia under John Dawkins. *Higher Education Quarterly*. 45 (2). pp. 176–198. DOI: 10.1111/j.1468-2273.1991.tb01566.x
8. Pinheiro, R. & Stensaker, B. (2014) Designing the entrepreneurial university: The interpretation of a global idea. *Public Organization Review*. 14 (4). pp. 497–516. DOI: 10.1007/s11115-013-0241-z
9. Ursin, J. et al. (2010) Is education getting lost in university mergers? *Tertiary Education and Management*. 16 (4). pp. 327–340. DOI: 10.1080/13583883.2010.533379
10. Kyvik, S. & Stensaker, B. (2013) Factors Affecting the Decision to Merge: The case of strategic mergers in Norwegian higher education. *Tertiary Education and Management*. 19 (4). pp. 323–337. DOI: 10.1080/13583883.2013.805424
11. Yin, W. et al. (2018) Zijin Mode: Industry and Education Deep Integration in Mining Engineering. *International Journal of Georesources and Environment-IJGE*. 4 (3). pp. 64–68. DOI: 10.15273/ijge.2018.03.011
12. Matinde, E. (2019) Enhancing the Entrepreneurial and Intrapreneurial Attributes of Engineering Graduates: A Review Proposal for Metallurgy and Materials Engineering Undergraduate Curricula at Two African Universities. *Education Sciences*. 9 (1). DOI: 10.3390/educsci9010004
13. Tan, S.Y. et al. (2018) Rethinking Our Education to Face the New Industry Era. *Proceedings of EDULEARN18 Conference*. Palma, Mallorca, Spain. pp. 6562–6571. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/profile/Sin_Ying_Tan2/publication/326713638_RETHINKING OUR EDUCATION TO FACE THE NEW INDUSTRY ERA/links/5b912a7392851c6b7ecb40fa/RETHINKING-OUR-EDUCATION-TO-FACE-THE-NEW-INDUSTRY-ERA.pdf
14. Herr, D.J.C. et al. (2019) Convergence education an international perspective. *Journal of Nanoparticle Research*. 21 (11). DOI: 10.1007/s11051-019-4638-7
15. Smertenko, P., Dimitriev, O. & Pochekailova, L. (2018) Technological transformations and their implications for higher education. *Sustainable Futures for Higher Education*. pp. 67–75. DOI: 10.1007/978-3-319-96035-7_8
16. Liu, X. & Liu, C. (2019) Research on the Teaching Reform of the NEET-oriented Engineering Training. *2019 International Conference on Advanced Education and Social Science Research (ICAESSR 2019)*. Atlantis Press. [Online] Available from: <https://download.atlantispress.com/article/125917386.pdf>

17. De la Barra, E., Veloso, S. & Maluenda, L. (2018) Integrating assessment in a CLIL-based approach for second-year university students. *Profile: Issues in Teachers' Professional Development*. 20 (2). pp. 111–126. DOI: 10.15446/profile.v20n2.66515
18. Morgado, M., Gaspar, M. & Régio, M. (2018) Interdisciplinarity and collaboration in higher education engineering courses. *Journal of Education Culture and Society*. 9 (2). pp. 179–186. DOI: 10.15503/jecs20182.179.186
19. Thibaut, L. et al. (2018) Integrated STEM education: A systematic review of instructional practices in secondary education. *European Journal of STEM Education*. 3 (1). DOI: 10.20897/ejsteme/85525
20. Arnautov, A. et al. (2013) Fostering Engineering Thinking with Curriculum Integrated STEM Game. *Proceedings of the 13th International CDIO Conference*. DOI: 10.11575/PRISM/10230
21. Rolling, Jr.J.H. (2016) STEAM locomotion. *Art Education*. 69 (6). DOI: 10.1080/00043125.2016.1224811
22. Al-Atabi, M. (2012) Inculcating CDIO skills at pre-degree level. *Proceedings of the 8th International CDIO Conference*. [Online] Available from: http://www.webmail.orbiter.cdio.org/files/document/file/inculcating_cdio_skills_at_the_pre-degree_level_.pdf
23. Enqvist, M. et al. (2005) The CDIO Initiative from an automatic control project course perspective. *IFAC Proceedings Volumes*. 38 (1). pp. 67–72. [Online] Available from: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:316722/FULLTEXT01.pdf>
24. Lundblad, J., Kari, L. & Östlund, S. (2007) Integrating CDIO experiences into a new program environment. *3rd International CDIO Conference*. MIT, USA. [Online] Available from: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:468467/FULLTEXT01.pdf>
25. Dale, S.G. et al. (2018) Towards a more methodical approach to teaching senior chemistry. *Teaching Science*. 64 (3). [Online] Available from: <https://search.informit.com.au/documentSummary;dn=841513638503888;res=IELHSS>
26. Rechistov, G. & Plotkin, A. (2014) Computer engineering educational projects of mipt-intel laboratory in the context of CDIO. *Proceedings of the 10th International CDIO Conference*. [Online] Available from: http://rocketship.cdio.org/files/document/cdio2014/44/44_Paper.pdf
27. Valmu, H. et al. (2014) Optimizing the project based student paths in Helsinki Metropolia UAS. *Proceedings of the 10th International CDIO Conference*. Barcelona, Spain. [Online] Available from: http://jrez.cdio.org/files/document/cdio2014/22/22_Paper.pdf
28. Genc, B. & Mitra, R. (2018) Mine Planning and Design for Mining Engineering learners at Wits University. *The Journal of the Southern African Institute of Mining and Metallurgy*. 118 (8). pp. 865–868. DOI:10.17159/2411-9717/2018/v118n8a9
29. Yu-Chiung Hsu & Ya-Ming Shiue. (2018) Exploring the Influence of Using Collaborative Tools on the Community of Inquiry in an Interdisciplinary Project-Based Learning Context. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 14. pp. 933–945. DOI: 10.12973/ejmste/81149
30. Dubova, I.V., Sanacheva, G.S. & Osipova, S.I. (2019) Rol' vzaimodeystviya vuz–proizvodstvo v organizatsii proektnogo obucheniya pri podgotovke inzhenerov [The role of university-production interaction in the organization of project training in the training of engineers]. *Chernye metall*. 8. pp. 72–78.
31. Kupavtsev, A.V. (2018) Thematic Clusters in Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 27 (11). pp. 85–89. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-11-85-89
32. Gordeeva, O., Sychev, O.A. & Osin, E.N. (2014) Academic motivation scales questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal*. 35 (4). pp. 96–107. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/profile/Evgeny_Osin/publication/287265976_Academic_motivation_scales_questionnaire/links/567883fe08ae502c99d57360/Academic-motivation-scales-questionnaire.pdf

Received: 10 August 2021

Т.А. Панченкова, О.Н. Кудря

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА С РАЗНЫМ ТИПОМ ВЕГЕТАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Рассматривается целесообразность применения дифференцированного подхода при организации оздоровительных занятий с женщинами второго периода зрелого возраста. Учет индивидуально-типологических особенностей занимающихся позволит выполнять физическую нагрузку в оптимальном для них режиме, контролировать затраты сил и совершенствовать двигательные качества, что повысит эффективность тренировочных занятий и укрепит здоровье женщин зрелого возраста.

Ключевые слова: оздоровительные занятия; женщины зрелого возраста; вегетативная регуляция; дифференцированный подход; типологические особенности; физические упражнения

Введение. Проблема сохранения здоровья женщин зрелого возраста относится к числу глобальных. Особого внимания заслуживает снижение уровня здоровья, двигательной активности женщин в возрасте 30–50 лет. Возрастные изменения в работе функциональных систем организма ведут к росту хронических заболеваний, снижению уровня развития физических качеств и физической работоспособности [1]. Систематические занятия физической культурой позволяют повысить физическую подготовленность, функциональное и психоэмоциональное состояние женщин [2].

По мнению специалистов, регулярное выполнение физических нагрузок женщинами зрелого возраста способствует снижению содержания жира в организме, концентрации инсулина и глюкозы, увеличению прочности костной ткани, снижению уровня тревожности и восприятия стресса [3, 4]. Однако многие исследователи отмечают разную эффективность занятий с лицами зрелого возраста: эффект от воздействия физических упражнений может варьировать от низкого до умеренного и высокого [5–7]. В качестве факторов, влияющих на эффективность тренировочных занятий, исследователи выделяют возраст занимающихся, направленность нагрузки, интенсивность выполнения нагрузки, индивидуальные особенности [6–8].

Перспективным направлением в области оздоровительной физической культуры должно выступать изучение параметров и компонентов физической нагрузки, а также комплексный подход не только к реализации оздоровительных тренировок, но и оценке уровня здоровья занимающихся, с учетом их возрастных и типологических особенностей [9, 10].

Вегетативная нервная система (ВНС) с ее многоуровневой организацией может выступать индикатором состояния сердечно-сосудистой системы и других систем организма, а также уровня здоровья в целом [11]. Известно, что среди людей выделяют различные типы (классы) в зависимости от преобладающей активности отделов вегетативной нервной системы.

Современная практика проведения занятий оздоровительной направленности не учитывает индивидуальные возрастные, типологические и морфофункциональные особенности женщин, что не позволяет рационально выбрать средства оздоровительной направленности и компоненты физической нагрузки. Одним из способов совершенствования оздоровительных занятий и оптимизации двигательного режи-

ма женщин зрелого возраста является применение дифференцированного подхода.

Цель исследования – экспериментальное обоснование дифференцированного подхода при проектировании и реализации оздоровительной технологии для женщин зрелого возраста с учетом типа вегетативной регуляции.

Гипотеза. Предполагается, что использование дифференцированного подхода при разработке технологии оздоровительных занятий с женщинами второго зрелого возраста с учетом типа вегетативной регуляции улучшит физическую подготовленность и повысит уровень здоровья занимающихся.

Методика и организация исследования. На первом этапе проводились предварительное педагогическое тестирование и обследование женщин второго периода зрелого возраста ($n = 48$). Полученные данные послужили ориентирами для разработки дифференцированной технологии оздоровительных занятий.

На втором этапе исследования была разработана технология оздоровительных занятий и комплексы физических упражнений с учетом индивидуально-типологических особенностей женщин 30–50 лет.

На третьем этапе был проведен педагогический эксперимент, в котором участвовало 70 женщин зрелого возраста. Женщины были разделены на контрольную (КГ, $n = 35$) и экспериментальную группы (ЭГ, $n = 35$). Представители контрольной и экспериментальной групп имели одинаковый уровень физического развития и уровень здоровья, о чем свидетельствует отсутствие достоверно значимых отличий между группами по результатам тестирования. В экспериментальной группе технология оздоровительных занятий строилась на основе учета типа вегетативной регуляции женщин и дифференцированного подхода к выбору средств физической культуры, определению объема и интенсивности физических нагрузок. В контрольной группе оздоровительные занятия были направлены на использование общеразвивающих упражнений без учета исходного вегетативного тонуса женщин зрелого возраста. Длительность педагогического эксперимента – 2 месяца.

В контрольной и экспериментальной группах занятия проходили 3 раза в неделю по 60 минут под музыкальное сопровождение.

При проведении педагогического эксперимента определяли тип вегетативной регуляции занимающихся

по методике Р.М. Баевского (1984): САНС – симпатическая активность нервной системы, ПАНС – парасимпатическая активность нервной системы, ВР – вегетативное равновесие. Для оценки физического развития использовали общепринятые методы антропометрических исследований; оценку вестибулярной устойчивости проводили с использованием стабильно-тренажера «Мера ST-150» (г. Москва); оценку силовой выносливости мышц – по методике М. Вейса, А. Зембатова (1986). Регистрация изучаемых показателей проводилась в начале и по окончании педагогического эксперимента.

В соответствии с Хельсинской декларацией все участники дали письменное согласие на участие в исследовании.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием пакета программ *Statistica 6.0*. Достоверность различий изучаемых показателей между типологическими группами определяли с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни. Для сравнения результатов педагогического воздействия внутри типологических групп («до-после» педагогического эксперимента) использовали непараметрический критерий Вилкоксона. Уровень значимости (p) при проверке статистических гипотез составлял менее 0,05.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты предварительного исследования показали, что у всех обследуемых женщин зрелого возраста снижены показатели силовой выносливости мышц, отмечен низкий уровень физического развития и вестибулярной устойчивости, снижена подвижность позвоночника, повышен уровень тревожности, снижено функциональное состояние сердечно-сосудистой системы. Наибольшая выраженность отклонений от возрастных

физиологических норм отмечалась у женщин с симпатическим (САНС) и парасимпатическим (ПАНС) типом вегетативной регуляции, женщины с вегетативным равновесием заняли промежуточное положение по исследуемым показателям.

Согласно рекомендациям Г.К. Селевко, при разработке технологии оздоровительных занятий для женщин с разным типом вегетативной регуляции использовали следующие компоненты: целевой, функциональный, технологический и результативный [12]. Краткая характеристика компонентов технологии оздоровительных занятий, которые были использованы при проведении занятий с женщинами экспериментальной группы, представлена в табл. 1.

Структура оздоровительных занятий имела стандартную последовательность: подготовительная часть (разминка) – 10–15 минут; основная часть – 30–35 минут; заключительная часть – 10–15 минут. В ходе занятий контролировали частоту сердечных сокращений (ЧСС), темп и амплитуду выполняемых упражнений.

Для группы САНС было рекомендовано поддержание ЧСС при выполнении упражнений в пределах 80–110 уд/мин; темп – медленный; амплитуда движений – полная (неполная); период отдыха между упражнениями – 5 минут.

Для женщин с парасимпатическим типом ВНС пороговая ЧСС на занятиях – 70–120 уд/мин; темп – средний, быстрый; амплитуда движений – полная; период отдыха – 3 минуты.

В группе женщин с вегетативным равновесием отделов ВНС пороговая ЧСС составила 80–130 уд/мин; темп – медленный, средний, быстрый; амплитуда движений – полная; период отдыха – 2 минуты.

Таблица 1

Компоненты технологии оздоровительных занятий для женщин второго зрелого возраста

Компоненты	Краткая характеристика
1. Целевой компонент	Обоснование цели и задач оздоровительных занятий для женщин второго зрелого возраста
2. Функциональный компонент	Дидактические принципы проектирования содержания оздоровительных занятий, методические правила
3. Технологический компонент	1. Содержательный блок согласно типу вегетативной регуляции (симпатический, парасимпатический и вегетативное равновесие): выбор средств, критерии нагрузки, материально-техническое оснащение, научно-методическое обеспечение
	2. Процессуальный блок: формы, принципы и методы занятий
4. Результативный (оценочный) компонент	Прирост или стабильность показателей. Тестирование, анкетирование

В экспериментальной группе технология оздоровительных занятий строилась на основе учета типа вегетативной регуляции женщин и дифференцированного подхода к выбору средств физической культуры, определению объема и интенсивности физических нагрузок. В контрольной группе на занятиях были использованы общеразвивающие упражнения, число повторений, темп и амплитуда упражнений были для всех одинаковы.

При проектировании содержания оздоровительных занятий все упражнения были условно разделены на 5 блоков: дыхательные, координационные, для развития гибкости и для развития силовой выносливости мышц, общеразвивающие упражнения. Процентное соотношение упражнений каждого блока в структуре занятия для каждой типологической группы представлено в табл. 2.

Таблица 2

Соотношения средств разной направленности в структуре одного занятия для женщин с разным типом вегетативного гомеостаза (%)

Виды упражнений	САНС	ВР	ПАНС
На развитие силовой выносливости мышц	25	30	35
На развитие гибкости	30	30	25
На развитие координации	25	30	30
Дыхательные	10	5	5
Общеразвивающие	10	5	5

Для поддержания интереса к занятиям и повышения тренировочного эффекта один раз в две недели вносились изменения в комплекс упражнений: включали новые упражнения, изменяли их пространственные характеристики, в комплексе упражнений использовали предметы определенной цветовой гаммы.

Выбор цвета спортивного инвентаря является важным аспектом при проведении занятий с женщинами второго зрелого возраста, поскольку цветовое воздействие приводит к определенным изменениям тонуса ВНС, психофизиологического статуса женщин. В частности, для женщин с симпатическим типом регуляции применялся фитбол синего или голубого цвета. Особенностью синего цвета является тормозящее воздействие на нервные процессы, снижение уровня тревожности, а также замедление сердечной активности, что способствует восстановлению баланса ВНС.

Для женщин с парасимпатическим типом регуляции применялся фитбол красного или оранжевого цвета, поскольку красный цвет оказывает возбуждающее воздействие на нервную систему, активизирует

все функции организма, способствует увеличению мышечного напряжения, повышению артериального давления.

У женщин с вегетативным равновесием в процессе занятий использовался фитбол зеленого цвета. Зеленый цвет является нейтральным, способствует поддержанию оптимального уровня артериального давления, частоты сердечных сокращений, способствует поддержанию работоспособности [13].

Анализ показателей массы тела выявил разнонаправленную динамику у женщин экспериментальной группы: у групп САНС и ВР отмечено достоверное снижение массы тела, в группе ПАНС, напротив, отмечено ее достоверное увеличение за счет мышечного компонента. Таким образом, положительное влияние оздоровительных занятий отмечено у всех представительниц экспериментальной группы, о чем свидетельствует интегральный показатель индекса массы тела (ИМТ) (табл. 3). В контрольной группе положительное воздействие занятий было достигнуто только у женщин группы ВР (табл. 3).

Таблица 3

Показатели физического развития женщин зрелого возраста с разным типом вегетативной регуляции до и после педагогического эксперимента, ($\bar{X} \pm \sigma$) *

Показатели		Экспериментальная группа (n = 35)			Контрольная группа (n = 35)		
		САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)	САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)
Масса тела, кг	До	91,20 ± 4,97	52,02 ± 3,66	69,30 ± 7,11	92,11 ± 8,53	52,51 ± 4,52	69,07 ± 4,80
	После	85,10 ± 8,26*	57,11 ± 2,67*	62,60 ± 5,72*	90,61 ± 8,56	56,50 ± 4,37	64,61 ± 3,50*
Длина тела, см		161,30 ± 4,01	167,60 ± 4,07	165,12 ± 3,18	162,60 ± 4,52	167,50 ± 4,29	163,07 ± 4,32
ИМТ, кг/м ²	До	35,30 ± 1,14	18,41 ± 1,09	25,42 ± 2,06	34,91 ± 3,76	18,42 ± 1,24	25,73 ± 1,45
	После	32,30 ± 2,31*	20,52 ± 1,01*	22,71 ± 1,12*	33,20 ± 2,87	19,41 ± 1,27	24,21 ± 0,88*

* Различия статистически значимы между показателями до и после педагогического эксперимента при $p < 0,05$.

Показатели силовой выносливости различных мышечных групп имели положительную динамику у всех женщин, посещающих занятия оздоровительной направленности. Однако статистически значимые изменения выявлены только у женщин экспериментальной группы. Наибольший прирост у женщин с разным типом

вегетативной регуляции в ЭГ отмечен по показателям, характеризующим силовую выносливость мышц брюшного пресса, мышц спины и ягодичных мышц (табл. 4). В КГ изменения силовой выносливости мышц брюшного пресса отмечены в группе ВР, мышц спины и ягодичных мышц – в группах САНС и ПАНС (табл. 4).

Таблица 4

Показатели силовой выносливости мышц женщин зрелого возраста с разным типом вегетативной регуляции до и после педагогического эксперимента, ($\bar{X} \pm \sigma$) *

Показатели силовой выносливости мышц		Экспериментальная группа (n = 35)			Контрольная группа (n = 35)		
		САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)	САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)
Брюшного пресса, с	До	37,3 ± 10,2	36,2 ± 10,4	48,3 ± 10,5	40,9 ± 9,7	33,6 ± 10,5	36,4 ± 7,8
	После	54,6 ± 7,5*	53,1 ± 9,6*	59,6 ± 4,9*	52,1 ± 4,6	40,3 ± 10,6	46,2 ± 6,9*
Правой половины туловища, с	До	15,9 ± 4,9	13,9 ± 4,1	18,9 ± 3,1	14,3 ± 3,5	10,9 ± 3,1	15,2 ± 3,0
	После	22,1 ± 4,8*	20,1 ± 3,6*	23,3 ± 2,5*	15,9 ± 3,8	11,4 ± 2,3	15,1 ± 3,3
Левой половины туловища, с	До	13,8 ± 3,6	10,6 ± 3,9	15,9 ± 2,9	11,3 ± 3,0	9,0 ± 2,8	14,3 ± 2,8
	После	17,2 ± 3,2*	14,4 ± 3,9*	21,6 ± 3,5*	13,1 ± 2,6	10,7 ± 1,5	13,3 ± 2,4
Спины, с	До	41,4 ± 7,7	42,4 ± 9,5	46,2 ± 11,8	44,7 ± 7,9	36,0 ± 13,7	38,9 ± 10,9
	После	56,6 ± 3,3*	53,1 ± 9,5*	58 ± 4,3*	53,0 ± 3,2*	47,2 ± 6,9*	47,7 ± 6,0
Ягодичных мышц, с	До	47,4 ± 7,7	41,7 ± 12,0	51,3 ± 6,6	45,1 ± 6,2	41,7 ± 6,7	47,8 ± 5,6
	После	54,8 ± 5,7*	54,2 ± 11,1*	60,3 ± 2,3*	54,4 ± 3,5*	48,5 ± 7,0*	52,7 ± 5,01

* Различия статистически значимы между показателями до и после педагогического эксперимента при $p < 0,05$.

Подвижность позвоночника в сагиттальной и фронтальной плоскостях у женщин экспериментальной группы увеличилась, показатели имели статистически значимые изменения во всех типологических группах (табл. 5). В контрольной группе удалось улучшить подвижность позвоночника в ходе оздоровительных занятий только у женщин группы ПАНС (табл. 5).

Результаты исследования вестибулярной устойчивости в ЭГ показали достоверные изменения длины статоксезиограммы (L, мм). После оздоровительных занятий данный показатель был близок к физиологической норме во всех типологических группах, но наибольшие изменения были выявлены у женщин групп ПАНС и ВР. По окончании педагогического эксперимента было отмечено уменьшение площадистато-

кинезиограммы (S , мм²) у представительниц всех типологических групп: наиболее близкие значения к нор-

мальным (норма: ОГ – 182,2 мм²; ЗГ – 258,4 мм²) выявлены у женщин группы ВР.

Таблица 5

Показатели подвижности позвоночника женщин зрелого возраста с разным типом вегетативной регуляции до и после педагогического эксперимента, ($X \pm \sigma$) *

Показатели		Экспериментальная группа (n = 35)			Контрольная группа (n = 35)		
		САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)	САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)
Наклон вперед, см	До	4,01 ± 2,01	2,66 ± 2,10	2,07 ± 1,55	2,4 ± 2,06	2,83 ± 1,19	1,15 ± 1,14
	После	1,9 ± 1,72*	0,66 ± 0,68*	0,76 ± 0,728	1,5 ± 1,50	1,66 ± 1,15*	0,77 ± 1,09
Наклон вправо, см	До	56,6 ± 2,67	55,9 ± 1,97	54,6 ± 2,06	54,2 ± 4,34	58,5 ± 3,03	56,9 ± 1,88
	После	53,9 ± 2,37*	53,3 ± 1,97*	51,4 ± 2,29*	53,6 ± 3,59	55,9 ± 2,19*	55,4 ± 0,96
Наклон влево, см	До	57,2 ± 1,98	56,5 ± 2,57	56,1 ± 2,19	55,1 ± 3,47	59,2 ± 1,76	57,8 ± 1,81
	После	54,9 ± 1,96*	54,4 ± 2,57*	52,6 ± 1,84*	54,3 ± 2,98	58,4 ± 1,78	54,3 ± 2,98

* Различия статистически значимы между показателями до и после педагогического эксперимента при $p < 0,05$.

После оздоровительных занятий скорость перемещения центра давления (V , мм/с) в пробе с открытыми глазами стала соответствовать нормативным показателям у всех женщин ЭГ. В пробе с закрытыми глазами наибольший прирост результата был отмечен у женщин группы ВР.

В КГ статистически значимые изменения длины статокнезиограммы (L , мм) были выявлены у женщин с уравновешенным влиянием отделов вегетатив-

ной нервной системы (ВР), в группах ПАНС и САНС показатели значительно превышали физиологическую норму, изменения не достигли уровня статистической значимости после занятий по обычной программе. Показатель площади статокнезиограммы (S , мм²) у всех женщин КГ значимо изменился, хотя был далек от возрастной нормы. Анализ скорости перемещения центра давления (V , мм/с) достоверных различий не показал (табл. 6).

Таблица 6

Стабилометрические показатели женщин зрелого возраста с разным типом вегетативной регуляции до и после педагогического эксперимента, ($X \pm \sigma$) *

Показатели			Экспериментальная группа (n = 35)			Контрольная группа (n = 35)		
			САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)	САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)
L , мм	До	О	814,1 ± 23,0	818,4 ± 38,5	561,6 ± 12,6	887,1 ± 24,7	765,3 ± 17,0	612,1 ± 15,5
		З	983,5 ± 24,3	759,1 ± 14,0	774,5 ± 17,3	978,7 ± 23,5	786,4 ± 13,4	785,6 ± 11,4
	После	О	550,9 ± 20,5*	543,2 ± 38,5*	439,0 ± 14,8	790,5 ± 12,8	547,7 ± 10,2*	521,1 ± 10,9*
		З	668,7 ± 16,9*	614,6 ± 12,3*	615,3 ± 20,9	782,5 ± 11,3	650,7 ± 11,3*	664,8 ± 12,0*
S , мм ²	До	О	879,7 ± 92,2	736,7 ± 27,6	464,4 ± 14,3	927,9 ± 31,7	823,4 ± 24,6	583,9 ± 10,9
		З	1139,4 ± 23,1	770,5 ± 25,3	651,6 ± 23,4	1081,0 ± 14,3	838,7 ± 11,4	724,6 ± 91,0
	После	О	496,5 ± 96,6*	451,1 ± 27,6*	299,3 ± 82,5*	777,5 ± 22,6*	605,1 ± 17,3*	436,8 ± 77,5*
		З	597,2 ± 17,2*	537,3 ± 25,4*	416,0 ± 17,9*	869,0 ± 75,5*	728,5 ± 12,2*	605,5 ± 10,8*
V , мм/с	До	О	15,5 ± 6,1	15,2 ± 2,0	10,7 ± 1,1	12,6 ± 3,3	12,8 ± 2,8	12,1 ± 2,6
		З	20,9 ± 4,0	15,7 ± 2,0	12,8 ± 2,2	20,2 ± 2,0	16,8 ± 2,7	13,7 ± 2,8
	После	О	9,8 ± 2,2*	11,8 ± 1,5*	9,7 ± 2,8	12,9 ± 3,4	11,9 ± 2,2	10,8 ± 1,9
		З	14,3 ± 3,7*	13,5 ± 2,1*	11,6 ± 2,0	17,7 ± 3,2	14,3 ± 3,6	12,3 ± 2,5

* Различия статистически значимы между показателями до и после педагогического эксперимента при $p < 0,05$; О – открытые глаза, З – закрытые глаза.

Состояние сердечно-сосудистой системы определяет состояние всего организма и является показателем здоровья. В практике массовой физической культуры для оценки работы аппарата кровообращения используют простые функциональные пробы, одной из которых является проба Мартине–Кушелевского (20 приседаний за 30 с). Благоприятным типом реак-

ции при выполнении пробы является нормотонический тип, который характеризуется ростом ЧСС, подъемом АДс и снижением АДд. Гипертонический и гипотонический типы реакции рассматриваются как патологические, свидетельствующие о снижении функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы (табл. 7).

Таблица 7

Типы реакции сердечно-сосудистой системы на физическую нагрузку, %

Тип реакции		Экспериментальная группа (n = 35)			Контрольная группа (n = 35)		
		САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)	САНС (n = 10)	ПАНС (n = 12)	ВР (n = 13)
Нормотонический тип реакции	До		24	72		19	74
	После	6	35	90		16	77
Гипотонический тип реакции	До		76	28		81	26
	После		65	10		84	23
Гипертонический тип реакции	До	100			100		
	После	94			100		

Примечания. САНС – симпатическая активность нервной системы; ВР – вегетативное равновесие; ПАНС – парасимпатическая активность нервной системы.

После проведения педагогического эксперимента в экспериментальной группе увеличилось число женщин с нормотоническим типом реакции на нагрузку: наилучший результат был отмечен в группе ВР. В контрольной группе значимых изменений в состоянии сердечно-сосудистой системы после занятий выявлено не было (табл. 7).

Восстановление показателей ЧСС и АД у представителей КГ после выполнения функциональной пробы замедленно, у некоторых представителей длительность восстановления более 5 мин, в то время как у женщин ЭГ восстановление ЧСС и АД до фоновых значений было менее 3 мин.

Заключение. Таким образом, в контрольной группе после двух месяцев занятий положительные изменения были выявлены только по отдельным показателям (табл. 3–6). Низкая эффективность воздействия физической нагрузки связана, на наш взгляд, с отсутствием индивидуального подхода к занимающимся при проведении и планировании занятий. Многие женщины испытывали трудности при выполнении упражнений в предложенном темпе, в связи с чем снижалось качество выполнения упражнений либо задания выполнялись в замедленном темпе и не в полном объеме. Для других женщин предложенный темп и объем заданий был легко выполним, что не позволяло получить тренировочный эффект от занятий.

Одной из причин низкой эффективности оздоровительных занятий для женщин контрольной группы является различная реакция сердечно-сосудистой си-

стемы на одинаковую физическую нагрузку. Женщины с повышенной активностью симпатического отдела ВНС (САНС) реагировали на выполнение физической нагрузки значительным подъемом ЧСС и АДс (гипертонический тип), в то время как у женщин с преобладающей активностью парасимпатического отдела ВНС (ПАНС) реакция на нагрузку была недостаточной (повышение ЧСС при незначительном повышении АДс), что вело к снижению тренировочного эффекта.

В ЭГ во всех типологических группах после двух месяцев занятий получено значительное улучшение всех изучаемых показателей, характеризующих силовую выносливость различных мышечных групп, подвижность позвоночника, вестибулярную устойчивость, физическое развитие, состояние сердечно-сосудистой системы. Эффект от воздействия физических нагрузок по показателям был от умеренного до высокого (табл. 3–7).

В экспериментальной группе при планировании и проведении занятий был использован дифференцированный подход на основе учета типологических особенностей занимающихся с разным типом вегетативной регуляции. Определение средств, методов, формы проведения занятий, подбор спортивного инвентаря, выбор темпа и амплитуды выполнения упражнений, дозирование нагрузки, контроль ЧСС при проведении занятий осуществлялся исходя из типологических особенностей женщин с разным типом вегетативного гомеостаза, полученных при комплексной оценке уровня здоровья занимающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костюченко В.Ф., Руденко Г.В., Козлов С.С. Сравнительный анализ применения индивидуализированных двигательных нагрузок в оздоровительных занятиях с женщинами зрелого возраста // Теория и практика физической культуры. 2014. № 7. С. 103–104.
2. Романенко Н.И., Кудяшева А.Н., Борисова Л.И. Влияние функциональной тренировки на физическую подготовленность женщин 40–50 лет // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 9 (175). С. 253–256.
3. Yeh M.L., Liao R.W., Hsu C.C., Chung Y.C., Lin J.G. Exercises improve body composition, cardiovascular risk factors and bone mineral density for menopausal women: A systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials // Applied Nursing Research. 2018. Vol. 40. P. 90–98. DOI: 10.1016/j.apnr.2017.12.011
4. Nigdelis M.P., Martínez-Domínguez S.J., Goulis D.G., Pérez-López F.R. Effect of programmed exercise on perceived stress in middle-aged and old women: A meta-analysis of randomized trials // Maturitas. 2018. Vol. 114. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.maturitas.2018.05.004
5. Bueno-Notivol J., Calvo-Latorre J., Alonso-Ventura V., Pasupuleti V., Hernandez A.V., Pérez-López F.R. Health Outcomes and Systematic Analyses (HOUSAY) Project. Effect of programmed exercise on insulin sensitivity in postmenopausal women: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials // Menopause. 2017. Vol. 24 (12). P. 1404–1413. DOI: 10.1097/GME.0000000000000936
6. Greenway K.G., Walkley J.W., Rich P.A. Relationships between self-reported lifetime physical activity, estimates of current physical fitness, and aBMD in adult premenopausal women // Arch Osteoporos. 2015. № 10. P. 34. DOI: 10.1007/s11657-015-0239-y
7. Pérez-López F.R., Martínez-Domínguez S.J., Lajusticia H., Chedraui P. Health Outcomes Systematic Analyses Project. Effects of programmed exercise on depressive symptoms in midlife and older women: A meta-analysis of randomized controlled trials // Maturitas. 2017. Vol. 106. P. 38–47. DOI: 10.1016/j.maturitas.2017.09.001
8. Kanstrup I.L., Helge E.W. Exercise reduces bone mineral density loss in women // Ugeskr Laeger. 2015. Vol. 177 (35). Art. V02150108
9. Лисицкая Т.С. Принципы оздоровительной тренировки // Теория и практика физической культуры. 2002. № 8. С. 6–14.
10. Жигалова Я.В., Тарасова Л.В. Построение комплексных оздоровительных фитнес-программ для женщин 30–50-летнего возраста // Теория и практика физической культуры. 2003. № 6. С. 56–57.
11. Казначеев В.П., Баевский Р.М., Берсенева Д.П. Донозологическая диагностика в практике массовых обследований населения. Л. : Медицина, 1980. 208 с.
12. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М. : Народное образование, 1998. 256 с.
13. Базыма Б.А. Порядковые отношения цветов и цветовые предпочтения // Вестник Харьковского университета. Серия: Психология. 2002. № 550. С. 13–15.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 июля 2021 г.

A Differentiated Approach to the Construction of Wellness Activities for Adult Women With Different Types of Vegetative Regulation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 234–239.

DOI: 10.17223/15617793/469/30

Tatiana A. Panchenkova, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: tany.pa@mail.ru

The article shows the feasibility of using a differentiated approach in developing the technology of health-improving activities for women of the second mature age based on the type of autonomic regulation. The aim of the study is to experimentally substantiate a differentiated approach in the design and implementation of health-improving technologies for women of mature age, taking into account the type of autonomic regulation. The research was carried out in three stages. At the first stage, preliminary pedagogical testing and examination of women of the second mature age were carried out: typological features of physical development, physical fitness, vestibular stability, and the state of the cardiovascular system in women with different types of autonomic regulation were revealed. At the second stage of the study, the technology of health-improving activities and complexes of physical exercises for women of 30 to 50 years old, taking into account individual-typological characteristics, was developed. At the third stage, a pedagogical experiment was carried out, in which 70 women of mature age participated. Women were divided into control (CG, n = 35) and experimental (EG, n = 35) groups. To determine the initial vegetative tone, the method of cardiointervalography was used according to the method of R.M. Baevsky (1984). To assess physical development, the generally accepted methods of anthropometric research were used; vestibular stability was assessed using the Mera ST-150 stabilizer (Moscow); muscle strength endurance was assessed by the method of M. Weiss and A. Zembatov (1986). The studied indicators were registered at the beginning and at the end of the pedagogical experiment. The study showed that, in the control group, positive changes were revealed only in certain indicators. One of the reasons for the low efficiency of health-improving activities for women in the control group is the different reaction of the cardiovascular system to the same physical activity. Women with increased activity of the sympathetic division of the ANS responded to physical activity with significant increases in heart rate and blood pressure (hypertensive type), while in women with a predominant activity of the parasympathetic division of the ANS, the response to the load was insufficient (increase in heart rate with insignificant increase in blood pressure), which led to a decrease in the training effect. In the experimental group, when planning and conducting classes, a differentiated approach was used based on taking into account the typological characteristics of trainees with different types of autonomic regulation. The selection of means, methods, forms of training, sports equipment, the choice of the pace and amplitude of the exercises, the dosing of the load made it possible to obtain a significant improvement in all the studied indicators characterizing the strength endurance of various muscle groups, the mobility of the spine, vestibular stability, physical development, the state of the cardiovascular system in the women of the experimental group.

REFERENCES

1. Kostyuchenko, V.F., Rudenko, G.V. & Kozlov, S.S. (2014) Sravnitel'nyy analiz primeneniya individualizirovannykh dvigatel'nykh nagruzok v ozdorovitel'nykh zanyatiyakh s zhenshchinami zrelogo vozrasta [Comparative analysis of the use of individualized motor loads in health related exercises with women of mature age]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 7. pp. 103–104.
2. Romanenko, N.I., Kudyasheva, A.N. & Borisova, L.I. (2019) Vliyaniye funktsional'noy trenirovki na fizicheskuyu podgotovlennost' zhenshchin 40–50 let [Effect of functional training on the physical fitness of women aged 40–50]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 9 (175). pp. 253–256.
3. Yeh, M.L. et al. (2018) Exercises improve body composition, cardiovascular risk factors and bone mineral density for menopausal women: A systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Applied Nursing Research*. 40. pp. 90–98. DOI: 10.1016/j.apnr.2017.12.011
4. Nigdelis, M.P. et al. (2018) Effect of programmed exercise on perceived stress in middle-aged and old women: A meta-analysis of randomized trials. *Maturitas*. 114. pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.maturitas.2018.05.004
5. Bueno-Notivol, J. et al. (2017) Health Outcomes and Systematic Analyses (HOUSAY) Project. Effect of programmed exercise on insulin sensitivity in postmenopausal women: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Menopause*. 24 (12). pp. 1404–1413. DOI: 10.1097/GME.0000000000000936
6. Greenway, K.G., Walkley, J.W. & Rich, P.A. (2015) Relationships between self-reported lifetime physical activity, estimates of current physical fitness, and aBMD in adult premenopausal women. *Arch Osteoporos*. 10. DOI: 10.1007/s11657-015-0239-y
7. Pérez-López, F.R. et al. (2017) Health Outcomes Systematic Analyses Project. Effects of programmed exercise on depressive symptoms in midlife and older women: A meta-analysis of randomized controlled trials. *Maturitas*. 106. pp. 38–47. DOI: 10.1016/j.maturitas.2017.09.001
8. Kanstrup, I.L. & Helge, E.W. (2015) Exercise reduces bone mineral density loss in women. *Ugeskr Laeger*. 177 (35). Art. V02150108
9. Lisitskaya, T.S. (2002) Printsipy ozdorovitel'noy trenirovki [Principles of health-improving training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 8. pp. 6–14.
10. Zhigalova, Ya.V. & Tarasova, L.V. (2003) Postroenie kompleksnykh ozdorovitel'nykh fitness-programm dlya zhenshchin 30–50-letnego vozrasta [Construction of complex health improving fitness programs for women aged 30–50]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 56–57.
11. Kaznacheev, V.P., Baevskiy, P.M. & Berseneva, D.P. (1980) *Donozologicheskaya diagnostika v praktike massovykh obsledovaniy naseleniya* [Pre-nosological diagnostics in the practice of mass screening of the population]. Leningrad: Meditsina.
12. Selevko, G.K. (1998) *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii* [Modern educational technologies]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
13. Bazyma, B.A. (2002) Poryadkovye otnosheniya tsvetov i tsvetovye predpochteniya [Ordinal relations of colors and color preferences]. *Vestnik Khar'kovskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 550. pp. 13–15.

Received: 10 July 2021

А.Ю. Стафеева, Т.А. Кравчук, А.В. Шилер

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются особенности применения информационных технологий в волонтерской деятельности на этапах отбора кандидатов в волонтеры и работы с ними на мероприятиях. Представлен процесс разработки и применения методики экспертной оценки уровня развития спортивного волонтерского движения в регионе на основе мониторинга показателей организационно-управленческой модели с использованием информационных систем поддержки принятия решения.

Ключевые слова: спортивное волонтерское движение; информационные технологии; система поддержки принятия решений.

Введение. В теории и практике волонтерского сектора оценка деятельности добровольцев, их вклада и воздействия признается сложной задачей. На сегодняшний день существует несколько подходов оценки эффективности волонтерских организаций: целевой (J. Price), репутационный (D.P. Forbes), процессный, ресурсный, подход с позиций стейкхолдеров [1. С. 173], трехуровневая оценка результатов деятельности некоммерческой организации (НКО) [2], концепция множественности заинтересованных сторон (T. Connolly, E. Conlon, S. Deutsh) и др. [3. Р. 213]. В основе методик, как правило, лежат ключевые количественные показатели (число волонтеров, благополучателей, мероприятий, финансирование и др.) [4. С. 23]. При этом запрос на оценку деятельности, вовлекающей значительное число граждан в социально ориентированные проекты, ощущим как среди организаций некоммерческого сектора, так и со стороны государственных органов. В связи с этим **целью исследования** явилась разработка методики оценки уровня развития спортивного волонтерского движения в регионе на основе мониторинга показателей организационно-управленческой модели с использованием информационных систем поддержки принятия решения. В качестве **методов исследования** использовались группы методов сбора и обработки первичной информации, в числе которых экспертный опрос, ранжирование, методы математической статистики, контент-анализ, экспертные системы высокого уровня. Исследование проводилось на базе студенческого штаба Универсиады-2019 СибГУФК (Омская область), Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области.

В настоящее время спортивное волонтерство и информационные технологии взаимно поддерживают и развивают друг друга. Чтобы стать частью какого-либо крупного спортивного события, кандидатам необходимо подать заявку на сайт мероприятия (<https://krsk2019.ru/>, <https://ru.uefa.com> и др.), для этого разрабатывают специальные утилиты, такие как программа Dreamweaver, которая продолжает улучшаться благодаря одной из знаменитых компаний Adobe. Для последующего отбора кандидатов и обмена общей информацией необходима электронная почта (Gmail, yandex, mail.ru), для хранения файлов используют Диск Google. Общение посредством Skype включает конференц-звонки и видеозвонки, по

которым проходит дистанционное обучение или собеседование волонтеров, передача файлов и сообщений. Для создания групп, где волонтеры могут задать любой их интересующий вопрос и получить на него ответ, размещать свои фотографии и видеоматериалы во время обучения и работы, используют социальные сети (ВКонтакте, Telegram, WhatsApp, Instagram) [5. С. 421].

В деятельности оргкомитетов спортивных мероприятий для создания таблицы баз данных волонтеров, их смен, питания, отработанных часов используются средства программного обеспечения Microsoft Office (Word, Excel, Access, PowerPoint). Системы контроля Check-in и Check-out позволяют считать смены и отработанные часы, связываться со своим руководством (тим лидером/супервайзером) [5. С. 422].

Для оценки удовлетворенности и выявления потребностей волонтеров проводятся социологические опросы с использованием Google-форм. Так, например, в 2019 г. с целью изучения интересов субъектов волонтерской деятельности, участвующих в проектах спортивной направленности, нами был проведен интернет-опрос, в котором приняли участие 863 волонтера. Было выявлено, что 52% респондентов оказывают волонтерское сопровождение мероприятий эпизодически, наиболее популярными направлениями являются обслуживание массовых мероприятий (55%), мероприятий развлечения, досуга (54%) и физкультурно-спортивной направленности (49%). Движущей силой участия в волонтерских проектах являются профессиональные мотивы: получение опыта (66%), реализация знаний, умений и способностей (45%), профессиональное и личностное саморазвитие (42%), карьерный рост (21%). Для респондентов важно поощрение в вещественной форме: грамоты и благодарственные письма (63%), предоставление одежды с символикой мероприятия (49%), выдача сертификатов и рекомендаций для работодателей (45%). Чаще всего волонтеры организуют и регистрируют свои общественные организации как НКО / детское общественное объединение (30%), принадлежат к структурным единицам в составе учебных заведений в форме отряда, штаба, сектора, корпуса, клуба (26%), считая, что организованная волонтерская деятельность в образовательном учреждении наиболее успешная (64%).

Официальные сайты вузов и социальные группы позволяют информировать общественность о наиболее значимых проектах в волонтерской среде, выставлять фотографии, делиться мнениями. В 2019 г. нами были проанализированы официальные сайты 14 российских вузов физической культуры. Анализ данных показал наличие в структуре 10 вузов волонтерского движения и разнообразие форм организации: отряд, центр, сектор, штаб. Исключением являются: СибГУФК – студенческий штаб Универсиады-2019 закончил свою деятельность в мае 2019 г. в соответствии с соглашением, в настоящее время волонтерская деятельность осуществляется эпизодически по личной инициативе обучающихся; ДГАФК – в структуре вуза волонтерское движение не представлено, однако есть ответственный за данный раздел в вузе, в новостных форумах отмечается деятельность волонтеров; у МГАФК и НГУ им. П.Ф. Лесгафта информация представлена исключительно в новостных форумах. Также было выявлено, что 5 физкультурных вузов имеют членство в Ассоциации волонтерских центров (КГУФКСТ, ГЦОЛИФК, УралГУФК, ЧГИФК, ЧГИФКИС), 3 вуза являются участниками программы «СВОИ» (ГЦОЛИФК, УралГУФК, ЧГИФКИС). Три университета имеют логотипы своих волонтерских центров (УралГУФК, СГАФКСТ, ЧГИФК). К задачам, решаемым волонтерским движением в физкультурных вузах, относят: подготовку и обеспечение эффективной работы волонтеров и менеджеров для качественной организации и проведения спортивных мероприятий городского, окружного, всероссийского и международного уровней, в том числе подготовку спортивных волонтеров Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»; формирование кадрового резерва высококвалифицированных волонтеров и менеджеров в области спорта и др.

Однако для оценки развития волонтерского движения в регионе, в том числе и спортивного, необходимы методики, основанные на информационных технологиях. Среди них особой популярностью пользуются единые информационные системы и системы с вероятностным логическим выводом, которые эффективны и повсеместно применяются при замене экспертов в предметных областях.

Результаты исследования и их обсуждение. В процессе исследования были изучены сервисы ЕИС «Добровольцы России»; статистические данные по развитию волонтерского движения в субъектах Российской Федерации, представленные в сервисе «Аналитика».

Единая информационная система «Добровольцы России» (в настоящее время DOBRO.RU) была создана в 2016 г. Ассоциацией волонтерских центров с целью объединения на одном ресурсе всех волонтеров и их проектов. Ядром проекта является сервис поиска волонтеров, организаций, мероприятий и волонтерских вакансий. Искусственный интеллект учитывает предпочтения пользователей, а умная система поисковых фильтров помогает волонтерам найти именно то, что им подходит. Пользователи системы могут самостоятельно создавать проекты и мероприятия и

приглашать на них других волонтеров из обширной базы DOBRO.RU. Важный сервис проекта, который аккумулирует данные об активности волонтера и делится ими с другими системами, такими как портал Государственных услуг Российской Федерации и базы данных вакансий, – личные электронные книжки волонтеров, данные которых будут перенесены в цифровой паспорт гражданина. Среди сервисов глобальной экосистемы DOBRO.RU можно выделить платформу с образовательными видеокурсами с погружением в реальную волонтерскую деятельность (Добро.Университет, edu.dobro.ru) – «Добро.Журнал» и сервис «Аналитика», включающий в себя сведения о волонтерской деятельности в стране [6], которая выражается в следующих показателях:

- количество зарегистрированных от региона волонтеров, их возраст и пол;
- организаторов, зарегистрированных на сайте;
- мероприятий, проводимых в регионе, и их характеристика;
- заявок, поданных на конкурс «Доброволец России»;
- конкурсных проектов 2020 г.;
- вакансий от региона, из них активных в настоящее время;
- часов, отработанных волонтерами на мероприятиях.

Согласно данной статистике на апрель 2020 г. в Российской Федерации в волонтерскую деятельность вовлечено 1 622 228 человек. По гендерному признаку 75% – женщины, 25% – мужчины, что говорит о значительной гендерной диспропорции в волонтерском движении. По возрастному признаку данные распределились следующим образом: до 18 лет – 25%, от 10 до 24 лет – 40%, от 25 до 34 лет – 16%, от 35 до 44 лет – 11%, от 45 до 54 лет – 5%, старше 55 – 3%. Средний возраст составляет 25 лет [7]. Приводимые данные свидетельствуют об активном участии в добровольчестве не только молодежи, но и лиц старших возрастов (серебряные волонтеры), что требует внимания к данной возрастной группе как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации. Среди функциональных направлений спортивных мероприятий, проводимых в Российской Федерации в последние 10 лет, для серебряного волонтерства востребованы такие, как «Организация спортивных мероприятий» (сотрудники и специалисты физкультурно-спортивных организаций, преподаватели спортивных вузов; инструкторы спортивных клубов, лиг и др.), «Лингвистические услуги» (гиды-переводчики, преподаватели иностранных языков), «Работа со зрителями». При этом популяризация добровольческого участия молодежи в разных сферах жизни общества детерминирует развитие добровольчества в России, что позволяет его рассматривать как ресурс реализации любых социальных, государственных, общественных проектов и инициатив.

Показатели, представленные на портале DOBRO.RU, легли в основу разработанных модельных характеристик экспресс-оценки волонтерского движения в 85 субъектах Российской Федерации, которые были разделены на 5 типов в зависимости от

численности населения (1-й тип – до 500 тыс. чел., 2-й тип – до 1 млн, 3-й тип – от 1 до 2 млн, 4-й тип – от 2 до 3 млн, 5-й тип – более 3 млн) с целью определения наиболее перспективных субъектов Российской Федерации по развитию волонтерского движения.

Анализ статистического материала проводили на базе программ Microsoft Excel 2013. В автоматическом режиме, используя пакет «Анализ данных», определяли следующие статистические характеристики: среднюю величину, стандартную ошибку, медиану, моду, стандартное отклонение, дисперсию выборки, эксцесс, асимметричность, интервал, минимум и максимум. Для построения модельных характеристик экспресс-оценки волонтерского движения в субъекте РФ были взяты за основу средние значения и стандартные ошибки. По полученным данным строились и таблицы.

Нами была использована пятибалльная шкала оценок по методу, предложенному Ю.И. Смирновым, где значение ($\bar{X} \pm 0,5\sigma$) принимается за среднюю норму, что соответствует градации уровней (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий) в зависимости от коэффициента при σ . Значение результата свыше ($x + 1\sigma$) считается высоким уровнем развития волонтерского движения в регионе, а ниже ($x - 1\sigma$) – низким.

В табл. 1 представлены модельные характеристики экспресс-оценки волонтерского движения в субъектах Российской Федерации, имеющих численность от 1 до 2 млн жителей. Для составления базы данных по регионам и расчета их успешности в развитии волон-

терского движения, в том числе и спортивного, использовались средства программного обеспечения Microsoft Office (Word, Excel). Каждая из четырех категорий (количество организаторов, волонтеров, проектов и мероприятий) оценивалась по 5-балльной шкале, в связи с этим максимально возможный балл составляет 20, а минимальный – 0. Каждый шаг шкалы соответствует своему уровню.

Для анализа регионов используем данные по количеству организаторов, волонтеров, мероприятий и проектов интересующего региона с портала DOBRO.RU (раздел «Аналитика»), проверяем, в какой диапазон попадают имеющиеся данные в своей категории по численности региона, на основании чего показателю присваивается балл от 1 до 5. Например, рассмотрим Омскую и Тюменскую области. На портале DOBRO.RU представлены следующие данные по Омской области: количество организаторов – 219 (1 балл), волонтеров – 10 592 (1 балл), мероприятий – 198 (1 балл), проектов – 539 (5 баллов); по Тюменской области: количество организаторов – 523 (5 баллов), волонтеров – 28 156 (5 баллов), мероприятий – 3 426 (5 баллов), проектов – 681 (5 баллов). Сумма четырех показателей варьирует от 0 до 20 и определяет соответствующий уровень развития волонтерского движения. Таким образом, Омская область набирает суммарно 8 баллов, что соответствует уровню развития волонтерского движения в регионе ниже среднего, Тюменская область набрала 20 баллов, что соответствует высокому уровню.

Т а б л и ц а 1

Экспресс-оценка волонтерского движения в субъекте Российской Федерации

№ п/п	Показатели	Баллы				
		1	2	3	4	5
Численность субъекта Российской Федерации от 1 млн до 2 млн жителей						
1	Организаторы	< 239	239–266	267–294	295–322	> 322
2	Волонтеры	< 11192	11 192–14 439	14 440–17 688	17 689–20 936	> 20 936
3	Мероприятия	< 840	840–1 082	1 083–1 325	1 326–1 568	> 1 568
4	Проекты	< 383	383–423	424–464	465–505	> 505

Примечание. 1 = < -1 σ ; 2 = от -0,5 до -1 σ ; 3 = $\pm 0,5 \sigma$; 4 = от +0,5 до +1 σ ; 5 = > +1 σ . Уровень рейтинга успешности волонтерского движения в регионе: 0–4 – низкий; 5–8 – ниже среднего; 9–12 – средний; 13–16 – выше среднего; 17–20 – высокий.

Модельные характеристики для экспресс-оценки разработаны для пяти типов регионов в зависимости от численности населения и указаны выше. Результаты показали, что из 85 субъектов Российской Федерации были выявлены 12 регионов с высоким уровнем развития волонтерского движения, 20 регионов – с уровнем выше среднего, 11 – со средним уровнем, 23 региона с уровнем ниже среднего и 19 регионов с низким уровнем.

По такому же принципу был проведен анализ по направлениям мероприятий, связанных со сферой физической культуры и спорта. Все регионы Российской Федерации также были разделены на 5 типов в зависимости от численности населения. Для примера в табл. 2 представлены модельные характеристики экспресс-оценки развития спортивного волонтерского движения в субъекте Российской Федерации численностью населения от 1 до 2 млн жителей.

Т а б л и ц а 2

Экспресс-оценка развития спортивного волонтерского движения в субъекте Российской Федерации по направлениям мероприятий

№ п/п	Показатели	Баллы				
		1	2	3	4	5
Численность субъекта Российской Федерации от 1 до 2 млн жителей						
1	Спорт и события	< 151	151–201	202–252	253–303	> 303
2	Дети и молодежь	< 52	52–73	74–95	96–117	> 117
3	Люди с ОВЗ	< 26	26–27	28–38	39–49	> 49

Примечание. 1 = < -1 σ ; 2 = от -0,5 до -1 σ ; 3 = $\pm 0,5 \sigma$; 4 = от +0,5 до +1 σ ; 5 = > +1 σ . Уровень рейтинга успешности волонтерского движения в регионе по мероприятиям, связанным со сферой физической культуры и спорта: 0–3 – низкий, 4–6 – ниже среднего, 7–9 – средний, 10–12 – выше среднего, 13–15 – высокий.

В табл. 3 представлено распределение регионов Российской Федерации в зависимости от предложенной типологии численности населения и уровня рейтинга успешности развития спортивного волонтерского движения.

Низкий уровень в развитии спортивного волонтерского движения преобладает у 39% регионов. В первую очередь это связано с региональной спецификой субъекта Российской Федерации, обусловленной социально-экономическими аспектами (уровень жиз-

ни населения, экономические особенности развития региона, инфраструктурная поддержка добровольчества), культурными аспектами (ментальные отличия населения, приоритетность тех или иных видов волонтерства), управленческими аспектами (традиции регионального управления, включение спортивного волонтерства в стратегию и тактику государственного управления, частота и периодичность проведения международных мероприятий, в том числе и спортивных, на территории региона) и т.д. [8. С. 55].

Таблица 3

Успешность развития волонтерского движения в регионах по результатам оценки мероприятий, связанных со сферой физической культуры и спорта

№ п/п	Уровень рейтинга успешности региона	Шкала оценивания	1-й тип	2-й тип	3-й тип	4-й тип	5-й тип	Всего субъектов Российской Федерации	
								Кол-во	%
1	Высокий уровень	13–15	2	4	5	2	0	11	14
2	Уровень выше среднего	10–12	1	2	2	1	3	8	10
3	Средний уровень	7–9	3	3	2	2	2	12	15
4	Уровень ниже среднего	4–6	3	3	5	2	4	17	22
5	Низкий уровень	1–3	2	8	17	3	1	31	39

Для учета региональной специфики субъекта Российской Федерации авторами (А.Ю. Стафеева, Т.А. Кравчук) была предложена организационно-управленческая модель поддержки волонтерского движения в структуре управления сферой физической культуры и спорта, а также система показателей и критериев ее оценки (табл. 4) [9. С. 69].

Организационно-управленческая модель поддержки волонтерского движения в структуре управления сферой физической культуры и спорта состоит из трех взаимосвязанных подсистем (функциональная,

организационная, подсистема инструментов регулирования, координации и контроля). Модель проявляется в общих функциях управления, которые она выполняет как целостная система (планирование, организация, координация, мотивация, контроль). Предложенная авторами система показателей и критериев дает возможность комплексно подойти к оценке функционирования организационно-управленческой модели поддержки волонтерского движения в субъекте Российской Федерации и выявить имеющиеся проблемы и векторы дальнейшего развития.

Таблица 4

Компоненты организационно-управленческой модели поддержки спортивного волонтерского движения в регионе

№	Наименование подсистемы	Субъекты подсистемы	Показатели оценки
1	Функциональная подсистема (функция менеджмента – планирование)	Органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации и региональные органы управления	Показатели управления спортивным волонтерским движением
2	Организационная подсистема (функции менеджмента – организация, планирование, мотивация)	Совет по вопросам волонтерского движения в регионах и Межведомственная комиссия по вопросам развития добровольчества	Показатели ресурсного обеспечения спортивного волонтерского движения
3	Подсистема инструментов регулирования, координации и контроля (функции менеджмента – мотивация, контроль)	Физкультурные вузы, ресурсные центры поддержки добровольчества, профильные организации	Показатели потребности и результативности развития спортивного волонтерского движения

Для оценки критериев и показателей модели нами была использована система поддержки принятия решений (СППР), основными функциями которой являются выбор наилучшего решения и их упорядочение. Любая СППР состоит из двух основных частей: база знаний, которая определяет ее интеллектуальные возможности, вторая часть – это механизмы работы с пользователем: получения знаний, объяснения, логического вывода. Данные механизмы реализованы в программе «малая экспертная система 2.0» (МЭС) в виде приложения, самостоятельно запускающегося в операционной среде Windows. Пользователю программы необходимо создать файл базы знаний [10. С. 31]. Этот процесс состоит из трех этапов: выбор предметной области; формализация и концептуализация базы знаний.

В качестве предметной области авторами взят блок управления спортивным волонтерским движением организационно-управленческой модели, в котором представлены следующие показатели: обеспеченность документами, затрагивающими вопросы развития спортивного волонтерского движения и их взаимосвязь; реализация управленческого подхода; предоставление пространства (коворкинга) – площадок для деятельности волонтеров и их объединений; организация взаимодействия между субъектами спортивного волонтерского движения. Каждой группе показателей соответствовали критерии, которые были сформулированы как вопросы для базы знаний. Каждый из критериев имел свой вес, представленный в табл. 5. Это этап формализации базы данных. Вес определялся по результатам экспертного опроса (n = 9, 2019), в котором приняли участие руководители НКО различных

типов, руководители и сотрудники государственных учреждений, обладающие экспертным знанием в сфере управления деятельностью волонтеров, практическим опытом взаимодействия с ними из городов Омск, Москва, Красноярск, Чита, Южно-Сахалинск, Екатеринбург, Алматы (Казахстан).

Третий этап концептуализации заключался в переносе критериев и их характеристик в оболочку. Таким образом, получены 2 сценария в зависимости от уровня развития спортивного волонтерского движения в регионе, представленные на рис. 1, 2.

При конкретизации результатов базы данных количество сценариев может быть увеличено по уровням: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий. Данная технология представлена на блоке управления. Поэтому для комплексной оценки развития спортивного волонтерского движения в регионе необходим мониторинг всех блоков разработанной авторами организационно-управленческой модели, включая блоки ресурсного обеспечения, потребности и результативности развития спортивного волонтерского движения в регионе.

Таблица 5

База знаний управленческого блока организационно-управленческой модели развития спортивного волонтерского движения в регионе

Вопросы	Уровни	
	низкий	высокий
Имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы федерального значения, затрагивающие вопрос развития спортивного волонтерского движения?	0,3	0,7
Имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы регионального значения, затрагивающие вопрос развития спортивного волонтерского движения?	0,1	0,6
Имеются ли на официальном сайте субъекта РФ сопутствующая документация по развитию спортивного волонтерского движения?	0,2	0,6
Имеется ли модель управления спортивным волонтерским движением в документах, представленных на сайте субъекта РФ?	0,3	0,7
Созданы ли в субъекте РФ межведомственная комиссия и/или совет по добровольчеству?	0,1	0,6
Имеются ли в субъекте РФ ресурсные центры?	0,2	0,8
Сколько площадок для деятельности волонтеров и их объединений функционирует в субъекте РФ (до 5)?	0,2	0,8
Сколько площадок для деятельности волонтеров и их объединений функционирует в субъекте РФ (от 6 до 15)?	0,2	0,8
Сколько площадок для деятельности волонтеров и их объединений функционирует в субъекте РФ (более 16)?	0,2	0,8
Проводятся ли в регионе круглые столы, форумы, совещания по обсуждению актуальных вопросов и проблем развития волонтерского движения?	0,1	0,9
Участвует ли регион в форумных кампаниях (федеральный уровень)?	0,1	0,9

Протокол консультации с Малой Экспертной Системой
(18.10.2020 17:28:46)

База знаний:
Файл "Пример БЗ вер 1.mkb" (свидетельств: 13, исходов: 2)

Пример простой базы знаний с четкой логикой, решающей задачу классификации.
"Оценка развития волонтерского движения в регионе - управленческий аспект"
Автор: Алена Стафеева.

консультация завершена

Обработанные свидетельства:
1) Р (1.00000) Проводятся ли в регионе круглые столы, форумы, совещания по обсуждению актуальных вопросов и проблем развития волонтерского движения
2) Р (1.00000) участвует ли регион в форумных кампаниях (федеральный уровень)
3) Р (1.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы регионального значения, затрагивающие вопрос развития волонтерского движения
4) Р (1.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы, в которых отражены цели и задачи развития волонтерского движения
5) Р (1.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ специализированные документы, в которых отражены цели и задачи развития волонтерского движения
6) Р (1.00000) созданы ли в субъекте РФ межведомственная комиссия и/или совет по добровольчеству

Результат консультации:
+ (1.00000) Высокий
- (0.00000) низкий

Рис. 1. Сценарий развития спортивного волонтерского движения в регионе (высокий уровень)

Протокол консультации с Малой Экспертной Системой
(18.10.2020 17:28:14)

База знаний:
Файл "Пример БЗ вер 1.mkb" (свидетельств: 13, исходов: 2)

Пример простой базы знаний с четкой логикой, решающей задачу классификации.
"Оценка развития волонтерского движения в регионе - управленческий аспект"
Автор: Алена Стафеева.

консультация завершена

Обработанные свидетельства:
1) Р (0.00000) Проводятся ли в регионе круглые столы, форумы, совещания по обсуждению актуальных вопросов и проблем развития волонтерского движения
2) Р (0.00000) участвует ли регион в форумных кампаниях (федеральный уровень)
3) Р (0.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы регионального значения, затрагивающие вопрос развития волонтерского движения
4) Р (0.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы, в которых отражены цели и задачи развития волонтерского движения
5) Р (0.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ специализированные документы, в которых отражены цели и задачи развития волонтерского движения
6) Р (1.00000) Созданы ли в субъекте РФ межведомственная комиссия и/или совет по добровольчеству
7) Р (0.00000) Сколько площадок для деятельности волонтеров и их объединений функционирует в субъекте РФ - более 16
8) Р (1.00000) Сколько площадок для деятельности волонтеров и их объединений функционирует в субъекте РФ - до 5
9) Р (0.00000) Сколько площадок для деятельности волонтеров и их объединений функционирует в субъекте РФ - от 6 до 15
10) Р (0.00000) имеются ли ресурсные центры в субъекте РФ
11) Р (0.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ сопутствующая документация по развитию волонтерского движения
12) Р (0.00000) имеется ли модель управления волонтерским движением в документах, представленных на сайте субъекта РФ
13) Р (0.00000) имеются ли на официальном сайте субъекта РФ документы федерального значения, затрагивающие вопрос развития волонтерского движения

Результат консультации:
(0.00004) Высокий
(0.99996) низкий

Рис. 2. Сценарий развития спортивного волонтерского движения в регионе (низкий уровень)

Выводы. В настоящее время информационные технологии представляют собой основной фундамент жизнеобеспечения различных процессов общества, так как с их помощью происходит систематизация и автоматизация обработки информации, поступающей из разнообразных источников. Проведенный теоретический анализ показал, что, обладая такими характеристиками, как эластичность, ликвидность и приспособляемость к воздействиям внешней среды, информационные технологии позволяют эффективно сопровождать волонтерскую деятельность и обеспечивать мониторинг развития волонтерского движения.

Разработана экспресс-оценка спортивного волонтерского движения в регионе по четырем показателям (количество организаторов, волонтеров, мероприятий и проектов) с оценкой по пятибалльной шкале каждый. Экспресс-оценка включает 5 типов регионов в зависимости от численности населения: до 500 тыс. человек; до 1 млн; от 1 до 2 млн; от 2 до 3 млн; более 3 млн. Определено 5 уровней развития волонтерского движения: высокий (17–20 баллов); выше среднего (13–16 баллов); средний (9–12 баллов); ниже среднего

(5–8 баллов); низкий (0–4 балла). Предложенная система мониторинга волонтерского движения в регионе с применением информационных технологий позволяет оперативно оценить масштабы добровольчества, состав его участников, направления деятельности, может быть применена для сравнительной оценки развития волонтерского движения в субъектах Российской Федерации.

Методику оценки уровня развития спортивного волонтерского движения в регионе на основе мониторинга показателей организационно-управленческой модели с использованием информационных систем поддержки принятия решения целесообразно использовать для проведения систематического мониторинга волонтерской деятельности в регионе с целью внесения корректировок в планы развития этого направления и формирования региональных нормативных актов. Комплексная методика оценки спортивного волонтерского движения существенно повышает эффективность принятия управленческих решений в организационной структуре управления регионом, городом, районом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуб А.Т. Стратегический менеджмент: теория и практика: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 415 с.
2. Терентьева И.В. Эффективность работы некоммерческих организаций: опыт и критерии оценки. URL: http://oprt.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_82261.doc
3. Connolly T., Conlon E., Deutsch S. Organizational effectiveness: a multiple-constituency approach // *Academy of Management Review*. 1980. Vol. 5. P. 211–217.
4. Ветитнев А.М., Круглова М.С. Эффективность управления волонтерским движением в Российской Федерации: методология проведения оценки // *Управленец*. 2016. № 5 (63). С. 22–28.
5. Спирка А.А. Информационные технологии в волонтерской деятельности // *Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов, посвящ. десятилетию победы Казани в заявочной кампании на право проведения XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года и 5-летию проведения Универсиады-2013*: в 3 т. 2018. Т. 1. С. 421–423.
6. Творить добро – просто: как обновили единую платформу для волонтеров страны DOBRO.RU. URL: <https://www.kp.ru/daily/27110/4187398/>
7. Экосистема для развития волонтерства и гражданской активности. URL: <https://dobro.ru/>
8. Певная М.В., Теплаева Д.Ф. Развитие спортивного волонтерства в университетах Уральского макрорегиона // *Высшее образование в России*. 2017. № 12. С. 54–62.
9. Стафеева А.Ю., Кравчук Т.А. Организационно-управленческая модель поддержки спортивного волонтерского движения в регионе // *Физическая культура: воспитание, образование, тренировка*. 2020. № 5. С. 68–71.
10. Стрельцова М.Н. Разработка малой экспертной системы определения наиболее подходящего вида спорта // *Постулат*. 2020. № 1 (51). С. 31.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 апреля 2021 г.

Assessment of the Development of Sports Volunteer Movement Using Information Technologies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 240–246.

DOI: 10.17223/15617793/469/31

Alena Yu. Staffeeva, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alenastaf@yandex.ru

Tatyana A. Kravchuk, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: kravchukt@mail.ru

Aleksandr V. Shiler, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ShilerAV@omgups.ru / shiler_alex@inbox.ru

Keywords: sports volunteer movement; information technology; decision support system.

The aim of the research was to develop a methodology for assessing the level of development of sports volunteer movement in the region on the basis of monitoring the indicators of the organizational and managerial model using information systems to support decision-making. As research methods, we used a group of methods for collecting and processing primary information, including an expert survey, ranking, methods of mathematical statistics, content analysis, high-level expert systems. The article discusses information technologies used in volunteering at the stages of selecting candidates for volunteers and working with them at events. We present an express assessment of the volunteer movement in the region according to four indicators (the number of organizers, volunteers, events, and projects) with a five-point scale each. Express assessment is developed for five types of regions, depending on the population size: (1) up to 500 thousand people; (2) up to 1 million; (3) from 1 to 2 million; (4) from 2 to 3 million; (5) more than 3 million. There are five levels of development of the volunteer movement: high (17–20 points), above average (13–16 points), average (9–12 points), below average (5–8 points), low (0–4 points). The article describes the creation of a decision support

information system for the formation of effective interaction between all subjects in the management of the sports volunteer movement in the region. The indicators and criteria of the control unit of the organizational and management model we had developed were taken as a basis. To determine the weight of each criterion, an expert survey was conducted, in which heads of non-profit organizations of various types, heads and employees of state institutions with expert knowledge in the field of volunteer activities management, practical experience of interaction with them from Omsk, Moscow, Krasnoyarsk, Chita, Yuzhno-Sakhalinsk, Yekaterinburg, and Almaty (Kazakhstan). The article presents two scenarios depending on the level of development of the sports volunteer movement in the region (high and low). However, when specifying the results of the database, the number of scenarios can be increased by levels: low, below average, average, above average, high. The developed methodology makes it possible to approach in a structured way the assessment of the functioning of the volunteer movement in the constituent entity of the Russian Federation and identify its problems. It is also advisable to use the methodology for a comparative assessment of the development of the volunteer movement in the constituent entities of the Russian Federation, including the sports one, which will determine the further vector of the development of volunteering in the region.

REFERENCES

1. Zub, A.T. (2002) *Strategicheskiy menedzhment: teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya vuzov* [Strategic management: theory and practice: textbook for universities]. Moscow: Aspekt Press.
2. Terent'eva, I.V. (n.d.) *Effektivnost' raboty nekommercheskikh organizatsiy: opyt i kriterii otsenki* [Performance of Non-Profit Organizations: Experience and Evaluation Criteria]. [Online] Available from: http://opr.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_82261.doc
3. Connolly, T., Conlon, E. & Deutsh, S. (1980) Organizational effectiveness: a multiple-constituency approach. *Academy of Management Review*. 5. pp. 211–217.
4. Vetitnev, A.M. & Kruglova, M.S. (2016) Effektivnost' upravleniya volonterskim dvizheniem v Rossiyskoy Federatsii: metodologiya provedeniya otsenki [The effectiveness of managing the volunteer movement in the Russian Federation: methodology for conducting an assessment]. *Upravlenets*. 5 (63), pp. 22–28.
5. Spirka, A.A. (2018) [Information technologies in volunteer activity]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma* [Topical issues of theory and practice of physical culture, sports and tourism]. Conference Proceedings. Vol. 1. Kazan. pp. 421–423. (In Russian).
6. KP. (2020) *Tvorit' dobro – prosto: kak obnovili edinuyu platformu dlya volonterov strany DOBRO.RU* [Doing good is simple: how the unified platform for the country's volunteers DOBRO.RU was updated]. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/27110/4187398/>
7. DOBRO.RU. (n.d.) *Ekosistema dlya razvitiya volonterstva i grazhdanskoy aktivnosti* [Ecosystem for the development of volunteering and civic engagement]. [Online] Available from: <https://dobro.ru/>
8. Pevnaya, M.V. & Telepaeva, D.F. (2017) The development of sports volunteering in the universities of the Ural macroregion. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 54–62. (In Russian).
9. Stafeeva, A.Yu. & Kravchuk, T.A. (2020) Organizatsionno-upravlencheskaya model' podderzhki sportivnogo volonterskogo dvizheniya v regione [Organizational and managerial model of support for sports volunteer movement in the region]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 5. pp. 68–71.
10. Strel'tsova, M.N. (2020) Razrabotka maloy ekspertnoy sistemy opredeleniya naibolee podkhodyashchego vida sporta [Development of a small expert system for determining the most suitable kind of sport]. *Postulat*. 1 (51).

Received: 09 April 2021

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛАНОВСКИЙ Валентин Валентинович – канд. филос. наук, магистр права, ведущий научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград). E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

ВАЛЕЕВА Марина Владимировна – канд. социол. наук, младший научный сотрудник лаборатории наукометрии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: cherbakova_marina@mail.ru

ВИНОГРАДОВА Надежда Сергеевна – канд. полит. наук, доцент кафедры общественных процессов, средств массовой информации и рекламных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: nadivinogradova@gmail.com

ГАФУРОВА Наталия Владимировна – д-р пед. наук, руководитель департамента реализации проектов развития Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: gafurnv@yandex.ru

ГРУШИН Федор Владимирович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: fedor062@yandex.ru

ДЖУНДЖУЗОВ Степан Викторович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: Djund@Yandex.ru

ДУБОВА Ирина Владимировна – канд. техн. наук, доцент кафедры фундаментального естественнонаучного образования Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: idubova@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой подготовки юристов правоохранительных органов, уголовного судопроизводства, правозащитной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: crim@izak.ru

ЕСИН Роман Витальевич – старший преподаватель кафедры прикладной математики и компьютерной безопасности Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: surgeon14@mail.ru

ЗАРУБИН Алексей Николаевич – аспирант, старший преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: zarkaman@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ekivancova@yandex.ru

КАЗАКОВ Михаил Анатольевич – д-р полит. наук, зав. кафедрой прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: kazakov_mihail@list.ru

КВАШНИН Владимир Александрович – д-р ист. наук, профессор кафедры юриспруденции Вологодского государственного университета. E-mail: kvashninv195@mail.ru

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: tupab67@mail.ru

КОРЕНЕВА Мария Вадимовна – канд. пед. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (г. Краснодар). E-mail: maria_koreneva@list.ru

КОРШУНОВА Александра Ивановна – аспирант школы по филологическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: alexandra.korshunova.96@gmail.com

КРАВЧУК Татьяна Анатольевна – канд. пед. наук, зав. кафедрой теории и методики туризма и рекреации Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: kravchukt@mail.ru

КУДРЯ Ольга Николаевна – д-р биол. наук, зав. кафедрой анатомии, физиологии, спортивной медицины и гигиены Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: olga27ku@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВА Надежда Сергеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры истории физической культуры, спорта и олимпийского образования Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК) (г. Москва). E-mail: nadejda_14071977@mail.ru

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович – канд. юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: leve2000@yandex.ru

МАЗУРОВ Александр Евгеньевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: gumatamonteg@gmail.com

МАКАРОВА Ксения Евгеньевна – преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: nilsy@mail.ru

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович – канд. ист. наук, зав. отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук (г. Владивосток). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

МАЛИКОВ Сергей Владимирович – д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: crim@izak.ru

МАЛЫШЕВА Ольга Анатольевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: moa_0510@mail.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

НАГОРНАЯ Александра Викторовна – д-р филол. наук, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: anagornaya@hse.ru / alnag@mail.ru

НУДЕЛЬ Станислав Львович – д-р юрид. наук, зав. центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: nudel@inbox.ru

ОСИПОВА Светлана Ивановна – д-р пед. наук, профессор кафедры фундаментального естественнонаучного образования Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: osisi@yandex.ru

ПАНИКАР Марина Михайловна – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: m.panikar@narfu.ru

ПАНЧЕНКОВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры анатомии, физиологии, спортивной медицины и гигиены Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: tany.pa@mail.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета. E-mail: dimario86@rambler.ru

ПЕТРИЧ Лариса Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: Lorapavlova@list.ru

ПЛАКСИНА Наталия Евгеньевна – зам. директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми (г. Сыктывкар). E-mail: nplaks@mail.ru

РЯБОВА Юлия Алексеевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: yuliya_gyabova_93@mail.ru

СЕЛИВЕРСТОВ Вячеслав Иванович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: vis_home@list.ru

СИРБАЕВА Алмагуль Абдиевна – старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной истории университета «Сырдария» (г. Жетысай, Республика Казахстан). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

СИМОНОВА Ольга Алексеевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: osimonova@yandex.ru

СЛЕПЦОВ Спиридон Спиридонович – канд. биол. наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории клинко-популяционных и медико-социальных исследований Якутского научного центра комплексных медицинских проблем. E-mail: sachaja@yandex.ru

СЛЕПЦОВА Снежана Спиридоновна – д-р мед. наук, зав. кафедрой инфекционных болезней, фтизиатрии и дерматовенерологии Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск). E-mail: sssleptsova@yandex.ru

СОКОЛОВА Флера Харисовна – д-р ист. наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: f.sokolova@narfu.ru

СТАФЕЕВА Алена Юрьевна – старший преподаватель кафедры теории и методики туризма и рекреации Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: Alenastaf@yandex.ru

ТАЖИТАЕВА Райя Сеиловна – канд. полит. наук, начальник учебно-методического управления университета «Сырдария» (г. Жетысай, Республика Казахстан). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

ТРЕГУБ Тамара Федоровна – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник кафедры исторической географии и палеонтологии Воронежского государственного университета. E-mail: ttregub108@yandex.ru

ТОКМУРЗАЕВ Бакыт Салманович – канд. ист. наук, начальник отдела послевузовского образования университета «Сырдария» (г. Жетысай, Республика Казахстан). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

УЛЬССОН Густав – докторант кафедры русского языка Университета Турку (г. Турку, Финляндия). E-mail: gustaf.olsson@utu.fi

ФЕДЮНИН Иван Владимирович – канд. ист. наук, генеральный директор ООО «Центр охранных археологических исследований»; доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: feduniv@mail.ru

ЧЕНДЕВ Юрий Георгиевич – д-р геогр. наук, профессор кафедры природопользования и земельного кадастра Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: chendev@bsu.edu.ru

ШИЛЕР Александр Валерьевич – канд. техн. наук, зав. кафедрой «Информационная безопасность» Омского государственного университета путей сообщения. E-mail: ShilerAV@omgups.ru / shiler_alex@inbox.ru

ШПЫРНЯ Олег Валентинович – канд. пед. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (г. Краснодар). E-mail: oleg_shpyrnya@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 469. Август

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.08.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4837. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.12.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru